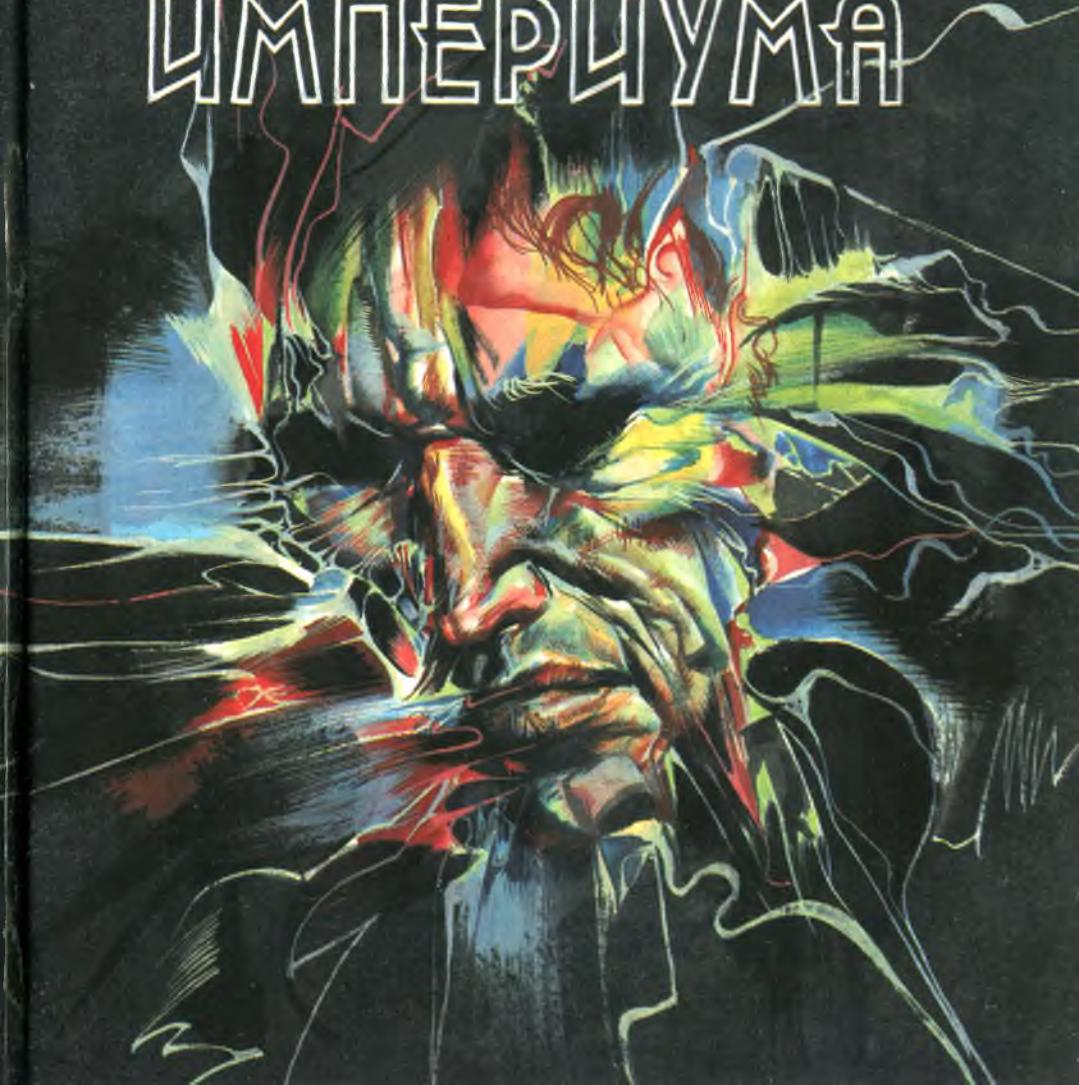

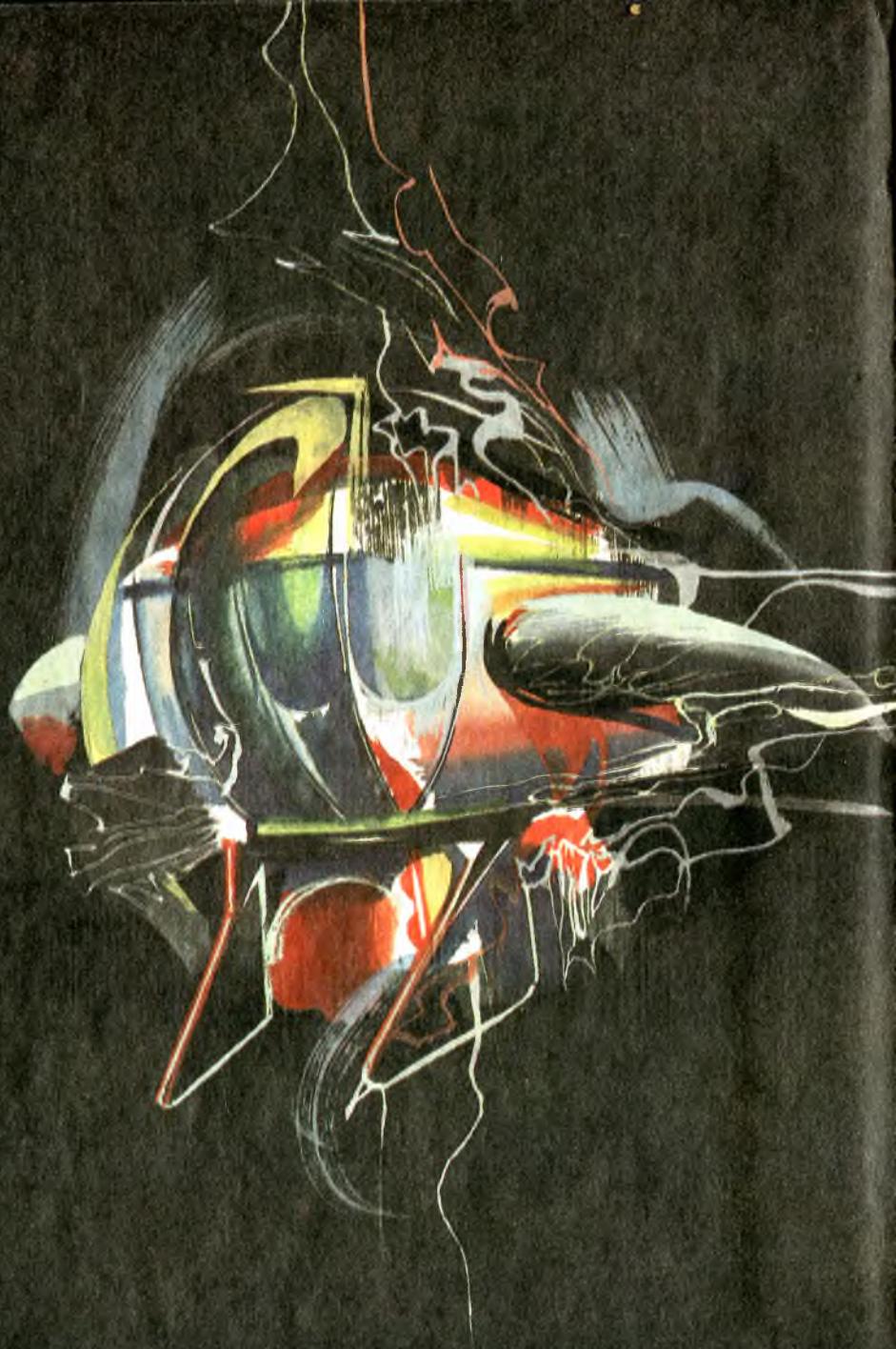
КЕЙТ
ЛАУМЕР

фантастические романы

МИРЫ ИМПЕРИУМА

КЕЙТ ЛАУМЕР

МИРЫ
ИМПЕРИУМА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

МОСКВА
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
1991

Серия «ОСИРИС» издается с 1991 года
Выпуск 7. Кейт Лаумер. «Миры империума».
Фантастические романы.

Художник *A. B. Вальдман*

Лаумер К.

Л 28 Миры империума. Обратная сторона времени. Космический
жулик. Берег динозавров.— Романы.— Пер. с англ.— М.:
Центрполиграф, 1992.— 478 с.
ISBN 5—7105—0024—0

Нет, напрасно американский дипломат Брайан Байард понадеялся на свою силу и ловкость, схватившись в стокгольмской подворотне со смуглолицым преследователем. Он был побежден, захвачен и вывезен — далеко, очень далеко! — в параллельный мир, мир Империума. И там ему было предложено уничтожить могущественного диктатора с тем, чтобы занять его место. Впрочем, «предложено» — не то слово: у Байарда не было никакого выбора.

Роман «Миры Империума» стал блестящим дебютом одного из самых плодовитых, самых выдающихся американских фантастов нашего времени Кейта Лаумера. Для произведений этого писателя характерна «крутяя» приключенческая интрига, а также возрастающее от романа к роману тяготение к юмору, гротеску, пародии.

ISBN 5—7105—0024—0

ББК 84.4(США)

© Состав, художественное оформление,
торгово-издательское объединение
«Центрполиграф», 1992.

МИРЫ ИМПЕРИУМА

РОМАН

Глава I

Я остановился перед лавкой с небольшой деревянной вывеской, болтавшейся на вделанном в каменную стену кованом кронштейне. Вывеска была почерневшей, с надписью: “Антиквариат”, выведенной готической вязью. Она со скрипом раскачивалась из стороны в сторону на ночном ветру. Чуть ниже стальная решетка венчала пыльную витрину с пожелтевшими гравюрами, офортами и литографиями.

Некоторые из домов на этих картинках казались знакомыми, хотя были изображены либо в открытом поле, либо на высоких холмах, нависших над заполненной парусниками бухтой. Дамы на картинках были одеты в колоколообразные юбки и шляпы с лентами. В руках держали изящные зонтики; тут же красовались экипажи, запряженные стройными скакунами.

Но не картины, не стоявшее сбоку потускневшее зеркало в массивной золоченой раме заинтересовали меня; мое внимание привлек мужчина, отражавшийся в пожелтевшем стекле, — смуглый, в туго подпоясанном непомерно длинном реглане. Он стоял, засунув руки в карманы, устремив взгляд в затемненное окно метрах в пятнадцати от меня.

Он преследовал меня весь день.

Вначале увидел его в автобусе, когда ехал из Броммы, затем в вестибюле гостиницы, где я остановился: он внимательно рассматривал афиши, и, наконец, часом позже, за три столика от меня, где я обедал, а он потягивал кофе.

Сперва мне это показалось случайностью, но вскоре я отказался от этой мысли.

Прошло пять часов, а он преследовал меня по пятам, когда я шел по Старому городу Стокгольма, на одном из островов в самом центре шведской столицы.

Я шел мимо обшарпанных витрин с медными подсвечниками, вычурной серебряной посудой, пистолетами для дуэлей и

ржавыми кавалерийскими саблями; все это очень привлекало своей необычностью сейчас, в свете полуденного солнца, а после полуночи напоминало о страшных днях насилия.

Эхо моих шагов на узких затихших улицах сливалось с эхом шагов человека, шедшего следом за мною. Теперь человек остановился и глядел в темное окно, словно чего-то ждал. Следующий ход был за мной.

Я заблудился. Двадцать лет — достаточный срок, чтобы забыть извилистые улицы Старого города. Я вынул из кармана путеводитель и попытался развернуть карту на его обложке. Руки не слушались.

Надпись на гранитной табличке, установленной на углу дома, была едва различима — САМУЭЛГАТЕН.

Отыскав эту улицу на карте, я обнаружил, что она тянется еще на три коротких квартала, заканчиваясь тупиком на Гемма Стртгатен. В тусклом свете трудно было разобрать подробности на карте. Поверив книгу, чтобы разглядеть детали, мне удалось найти на карте еще одну улицу, отмеченную пунктиром. Она называлась ГУЛЬДСМЕНСТРАППЕН.

Я напряг память: траппен — по-шведски лестница. Лестница ювелиров, ведущая от САМУЭЛГАТЕН на ХУНДГАТЕН, такую же узкую улочку. Похоже, она вела к освещенной площади перед дворцом: это был единственный выход для меня. Я сунул книжку в карман и с небрежным видом направился к лестнице.

Моя тень мгновение выждала, а затем последовала за мной. Шел я быстро и постепенно стал отрываться от своего преследователя.

Он же, казалось, вообще не спешил. Я миновал несколько лавочек с обитыми железом дверьми и стертыми каменными порогами и увидел открытую арку с вышербленными гранитными ступенями, круто поднимающимися вверх.

Постояв немного, я нырнул под арку и помчался вверх по ступеням.

Семь, восемь прыжков, и вот я на самом верху. Стремглав бросаюсь в высокий проем. Не исключено, что я выскочил с верхней площадки еще до того, как мой смуглолицый преследователь достиг лестницы. Я стоял, затаив дыхание, и прислушивался к скрипу ботинок и учащенному дыханию в нескольких метрах от меня.

Шаги стихли. Мой преследователь должен был понимать, что далеко убежать я не мог, и скоро вернется сюда.

Я осторожно выглянул. Он шел быстро, спиной ко мне, резко поворачивая голову из стороны в сторону.

Я снял туфли и, не раздумывая, выскочил из проема. В три прыжка я оказался на лестнице и скрылся от незнакомца пре-

жде, чем он успел оглянуться. Я ринулся вниз, перемахивая через три ступеньки, и был уже на полпути к спасению, когда поскользнулся, потерял равновесие и упал.

Я ударился о булыжники мостовой плечом, затем головой, перекувырнулся и вскочил на ноги. В голове звенело. Я обезумел от боли и схватился за стену.

Послышались шаги, я весь напрягся, чтобы прыгнуть на незнакомца, как только тот появится. Перед самой аркой шаги замедлились, затем из-за стены показалась смуглая, круглая голова с длинными волосами. Я развернулся, чтобы ударить преследователя, но промахнулся.

Он метнулся на улицу и повернулся ко мне лицом, пытаясь что-то вытащить из кармана пальто. Наверняка пистолет. Я ударил незнакомца в грудь и с удовольствием услышал, как он потом ловит воздух.

Уж теперь-то ему не лучше, чем мне. И все же он сумел вытащить из кармана какой-то предмет и поднес его ко рту.

— Где ты там, черт побери? — крикнул он хрипло.

Говорил он с акцентом. Оказывается, он извлек из кармана микрофон.

— …выходи, надоело...

Я прислонился к стене; боль стала слабее. Вокруг не было ни души. Незнакомец мягко ступал в своих ботинках по булыжникам, мои же ботинки валялись посреди улицы, где я выбросил их во время падения.

Вдруг до меня донесся какой-то странный звук. Обернувшись, я увидел, что поперек узкой улочки стоит огромный фургон. Я облегченно вздохнул: сейчас прибудет помощь.

Из машины выпрыгнули двое в белом, подскочили ко мне, молча взяли за руки и повели к задней дверце фургона.

— Со мной все в порядке, — заявил я, — заберите-ка лучше его.

Только сейчас я понял, что он идет рядом, возбужденно разговаривая с человеком в белом, и что меня задержали. Я попытался вырваться. И тут мне пришло на ум, что у стокгольмских полицейских форма вовсе не белого цвета.

Но теперь это уже не имело значения. Один из похитителей направил в лицо мне какой-то баллончик. Что-то брызнуло мне в глаза, и я почувствовал, как почва уходит из-под ног.

Глава II

Больше всего раздражал меня скрип. Я безуспешно пытался уснуть, прежде чем мое сознание отступило перед реальностью.

Я лежал на спине с закрытыми глазами, не зная, где нахо-

жусь. Будто страшный сон, вспоминал преследование, потом стал ощущать боль в плече и голове. Наконец я открыл глаза и увидел, что лежу на койке в небольшом кабинете.

Скрип исходил от письменного стола, за которым что-то писал человек в белой одежде. Откуда-то доносился слабый гул.

Я привстал. Тотчас же человек за столом поднял глаза, подтащил к койке стул и уселся.

— Пожалуйста, не тревожьтесь, — сказал он с характерным акцентом. — Я шеф-капитан Винтер. Вы сообщите мне кое-какие сведения, и вас переведут в комфортабельное помещение.

Говорил он вяло и равнодушно, будто прежде уже много раз это повторял. Затем взглянул мне прямо в лицо и сказал:

— Я должен извиниться перед вами за грубое обращение. Это не входило в мои намерения, поверьте. — И уже совсем другим тоном добавил:

— Однако вы должны понять: оперативник не был предупрежден.

Шеф-капитан Винтер открыл записную книжку и с карандашом в руке откинулся на спинку стула.

— Где вы родились, мистер Байард?

Они, должно быть, рылись в моих карманах, раз им известно мое имя.

— Кто вы такой, черт вас побери? — зло выпалил я.

Шеф-капитан поднял бровь. На его безукоризненной форме сверкали украшенные бриллиантами ордена.

— Я понимаю, вы еще не вполне оправились от потрясения, мистер Байард. Но вам все объяснят в свое время. Я — имперское должностное лицо, уполномочен допрашивать интернированных лиц. — Он ободряюще улыбнулся: — Пожалуйста, назовите место вашего рождения.

Я промолчал. У меня не было ни малейшего желания отвечать на вопросы, поскольку у меня самого скопилось их слишком много. Что за акцент у этого типа? Не иначе как англичанин, только вот из какой части Британии, определить трудно.

Среди орденов я различил яркую ленту Креста Виктории, с тремя пальмами, украшенными самоцветами. Остальные были мне незнакомы. Во всем облике шеф-капитана так и сквозила фальшь.

— Не упрямьтесь, старина, — резко сказал он. — Советую согласиться сотрудничать с нами. Это избавит вас от лишних неприятностей.

Я мрачно взглянул на него.

— Меня преследуют, хватают, лишают сознания, держат неизвестно где, да еще вдобавок копаются в личной жизни — все это уже само по себе чертовски неприятно. Так что не утруж-

дайте себя, Винтер, не уговаривайте. Я не отвечу ни на один ваш вопрос.

Сунув руку в карман, я не обнаружил там паспорта.

— Вы забрали у меня паспорт, так что наверняка знаете, что я — американский дипломат и пользуюсь дипломатической неприкосновенностью. Никто не вправе меня арестовать, задержать, допрашивать, а вы нарушили это мое право. Я немедленно покину вас, как только вы вернете мне все мои вещи, в том числе и ботинки.

Выражение лица Винтера стало жестким. Мое заявление не вызывало действия. По его знаку появились двое, которых я раньше не видел, рослые, дюжие молодцы.

— Мистер Байард, вы обязаны отвечать на вопросы, иначе вас просто заставят. Итак, начнем. Где вы родились?

— Это указано в моем паспорте, — ответил я, покосившись на помощников капитана.

Игнорировать их можно было бы, не замечать их было просто невозможно, как, например, бульдозеры, въехавшие к вам в спальню.

И я понял, что придется сменить тактику: играть в эту игру в надежде, что они чуть-чуть расслабятся. Вот тогда-то я и попытаюсь вырваться.

Один из них, по знаку Винтера, передал капитану мой паспорт, лежавший на столе. Тот внимательно его просмотрел, сделал несколько пометок в записной книжке и отдал мне.

— Благодарю вас, мистер Байард, — сказал он, как мог, любезно. — А теперь займемся частностями. Где вы учились в школе?

Я постарался сделать вид, что мне приятна его любезность и я раскаиваюсь в прежней резкости. Подобная перемена в моем настроении должна была вызвать у капитана сомнение в моей готовности с ними сотрудничать. Хотя, в общем-то, Винтер, пожалуй, привык и к своей работе, и к людям, пребывающим в подавленном состоянии.

Через несколько минут он махнул верзилам рукой, и они молча вышли из комнаты.

Винтер перешел к теме международных отношений и геополитике и, казалось, был в восторге от моих банальных ответов.

Я попытался было выяснить, почему необходимо столь тщательно расспрашивать меня о вещах широко известных, но каждый раз он возвращал меня к ответам на предложенные вопросы.

Шеф-капитан основательно проэкзаменовал меня по географии и новой истории, особенно интересуясь периодом с 1879 по 1910 год, а затем перешел к историческим лицам.

Я должен был рассказать все, что знаю о каждом из них. О большинстве я никогда ничего не слышал, некоторые вообще не играли сколько-нибудь значительной роли в истории. Капитан попросил рассказать о двух итальянцах: Копини и Максони — и был поражен, что я ничего не знаю о них.

— Нивен — актер? — спросил он недоверчиво. — А вы ничего не слыхали о Крэйне Тальботе?

Когда же я описал ему роль Черчилля в недавних событиях, он хохотал до упаду.

Минут через сорок раздался звонок и еще один человек в форме вошел в комнату, поставил большую коробку на стол и вышел. Винтер не обратил на это никакого внимания.

Прошло еще двадцать минут.

— Кто в настоящее время монарх Англо-Германии? — спросил Винтер. — Состав королевской семьи, возраст детей? Статус вице-королевства Индии? Объясните государственное устройство доминионов Австралии, Северной Америки, Земли Кэбота?

Вопросы повергли меня в ужас. Что за безумец придумал их?

Было почти невозможно увязать искаженные упоминания о несуществующих политических единицах и институтах с реальностями нашего мира. Я старался отвечать как можно точнее. Но Винтера, казалось, нисколько не тревожило, что я по-иному излагаю мои искаженные версии событий международной жизни.

Наконец Винтер встал, подошел к столу и жестом предложил мне сесть рядом с собой. Пододвигая стул, я взглянул на содержимое коробки на столе.

Там лежали журналы, рулон ткани, монеты, из-под номера журнала “Всемирный альманах” торчала рукоятка пистолета.

Винтер повернулся, и, пока он открывал небольшой сейф позади стола, я успел выхватить из коробки пистолет и сунуть его в карман и быстро сел на свое место.

Винтер вынул из сейфа голубую бутылку и обратился ко мне:

— А теперь пропустим по маленькой, и я попытаюсь рассеять некоторые ваши вполне оправданные сомнения, мистер Байард, — сказал он добродушно. — Что вы хотели бы узнать?

Я не обратил ни малейшего внимания на бутылку.

— Где я?

— В Стокгольме, в Швеции.

— Мы, кажется, движемся. Это что — автофургон, с кабинетом внутри?

— Это аппарат для перемещений, а вовсе не автофургон.

— Почему меня схватили?

— Извините, но я могу сказать вам лишь то, что вы были

препровождены сюда по особому приказу высокопоставленного лица имперской службы безопасности.

Капитан задумчиво взглянул на меня и добавил:

— Такого приказа я, признаться, не ожидал.

— Похищение лица, не причинившего никому вреда, само по себе является необычным делом, — усмехнулся я.

Винтер нахмурился.

— Вы являетесь предметом официальной операции имперской разведки. Никаких гонений на вас не последует!

— А что за штука эта имперская разведка?

— Мистер Байард, — сказал Винтер, наклонившись вперед, — вам придется сейчас многое уразуметь. Во-первых, правительства, которые вы привыкли считать высшей суверенной властью, фактически являются подчиненными Империуму, верховному правительству, на чьей службе я и состою!

— Вы — мошенник, Винтер, — без эмоций констатировал я.

Винтер ощетинился.

— Я не мошенник, а шеф-капитан имперской разведки!

— Как называется аппарат, в котором мы сейчас находимся?

— Это... вооруженный разведчик, мы называем его шаттлом.

База его находится в Стокгольме 0-0.

— Мне это ни о чем не говорит, Винтер. Что это — корабль, автомобиль, самолет?..

— Ничего общего, мистер Байард.

— Хорошо. Подойду с другой стороны. В какой среде мы перемещаемся — в воде, в воздухе?..

Винтер смущился.

— Честно говоря, не знаю.

Я понял, что необходимо еще раз изменить угол атаки.

— Куда мы направляемся?

— В настоящее время мы действуем вдоль координат 0-0-0, 0-0-6 и 0-0-2.

— ??? Какова цель? Какова конечная цель нашего путешествия?

— Стокгольм 0-0. После чего вас, очевидно, переведут в Лондон 0-0 для дальнейшей обработки.

— Что за нули? Вы имеете в виду Лондон в Англии?

— Лондон, который имеете в виду вы, — это Лондон В-1-три.

— В чем разница?

— Лондон 0-0 — столица Империума, охватывающего основную часть цивилизованного мира — Северную Европу, Западное полушарие и Австралию.

Я изменил тему.

— Зачем меня похитили?

— Насколько я знаю, это обычный арест с целью допроса.

- Вы намерены после допроса освободить меня?
- Да.
- Я попаду домой?
- Нет.
- А куда?

— Пока сказать не могу. Полагаю, это будет один из нескольких пунктов сосредоточения.

— Еще один вопрос, — сказал я, вытащив пистолет и целясь в третий орден на груди капитана. — Вы знаете, что это такое? Ну-ка, руки вверх! Пожалуй, лучше, если вы станете вот здесь.

Винтер встал и направился к указанному месту. Никогда прежде мне не приходилось целиться в безоружного, но сейчас я не колебался.

— Расскажите-ка мне поподробнее, — приказал я.

— Но ведь я ответил на все ваши вопросы. — Винтер нервно покусывал губы.

— И ничего не сказали!

Винтер недоуменно посмотрел на меня.

Я щелкнул предохранителем.

— Даю вам пять секунд. Одна... две...

— Хорошо, — поспешил откликнуться шеф-капитан. — Не трудитесь. Я попытаюсь рассказать вам обо всем более доходчиво.

Он заколебался.

— Вы были выбраны нашим правительством. А чтобы добить вас, пришлось изрядно попотеть. Я, кажется, вам не сказал,

— Винтер, видимо, любил разглагольствовать на эту тему, — что отбор образцов в этом регионе чрезвычайно ограничен. Как вы можете видеть, ваш континиум занимает небольшое пространство, одну из очень небольших изолированных линий в обширном пораженном регионе. Вся конфигурация этого района ненормальна, а это создает большую опасность при маневрировании. Мы уже потеряли немало хороших людей, прежде чем научилисьправляться с возникающими проблемами.

— Полагаю, все, сказанное вами, — правда. Но для меня — это сущая бессмыслица. Что, например, значит “отбор образцов”?

— Не возражаете, если я закурю? — спросил Винтер.

Я вынул из коробки сигару, зажег и протянул офицеру.

— Отбором образцов называется сбор отдельных лиц или предметов, характерных для линии В-1, — ответил он, выпуская изо рта клубы дыма. — Сейчас наша разведка занята составлением карты вашего района. Это захватывающая работа, старина. Добывать находки с теоретической проработкой, разрабатывать точные калибровочные устройства, инструменты и

тому подобное. Мы только начали открывать потенциальные возможности разработки Сети. Чтобы собрать максимум информации за короткое время, мы пришли к выводу, что целесообразно отбирать отдельных лиц для допроса. Таким способом мы получаем относительно быстро общую картину конфигурации Сети в различных направлениях. В вашем случае, мистер Байард, мне надлежало войти в Зону Блайта (кстати, мы называем эту зону еще Зоной Трущоб или Зоной Поражения), проследовать в замкнутый пункт Три и взять под стражу человека по имени Брайан Байард. Дипломата американской республики.

Винтер говорил убежденно и горячо и показался мне довольно молодым.

— Я горжусь, старина, что именно мне выпала честь провести подобную операцию в Зоне Блайта. Поверьте, это было захватывающее зрелище. Конечно, действовать в Сети для меня не в диковинку. Я и раньше действовал на таком отдалении от Империума, где почти не существовало ни малейших аналогий. Но В-1-три! Это ведь практически Империум, но с достаточным количеством отклонений, которые просто поражают воображение. И хотя Империум и В-1-три очень близки, пустыня Зоны Поражения вокруг вашего мира показывает, как близко к самому краю пропасти мы находились в недалеком прошлом.

— Хорошо. С меня достаточно, — прервал я своего охранника. — Возможно, вы просто безвредный чудак. А сейчас я должен вас покинуть.

— Это совершенно невозможно, — спокойно заметил Винтер.

— Мы находимся сейчас в самом центре Зоны Блайта.

— Что это за зона? Вы, кажется, называете ее еще Зоной Поражения? — спросил я, продолжая разговор только для того, чтобы осмотреться и выбрать для побега нужную дверь.

Их было три. Я выбрал ту, через которую еще никто не входил, и стал двигаться к ней.

— Поражение — это регион полнейшего разрушения, зона радиации и хаоса, — начал объяснять Винтер. — Здесь полный набор А-линий, в котором планета Земля не существует, где автоматические камеры ничего не фиксируют, кроме обширного кольца из обломков на орбите. Набор А-линий, где Земля представляет собой мир, состоящий из шлака, с разбросанными вкраплениями чахлых джунглей, населенных пораженными радиацией мутантными формами. Поверьте мне, старина, это ужасно. Вы можете до утра размахивать пистолетом, но ничего не добьетесь. Через несколько часов мы прибудем в Ноль-Ноль. А до тех пор я порекомендовал бы вам хорошенько отдохнуть.

Я толкнул дверь, но она оказалась запертой.

- Где ключ?
- Ключа нет. Дверь открывается автоматически только на базе.

Я подошел к двери, из которой появился человек с коробкой, открыл и выглянул наружу. Гудение стало громче, и в конце короткого узкого коридора я увидел что-то вроде кабинки водителя, как мне показалось.

Отчетливо просматривалась его спина.

- Винтер, — приказал я капитану, — идите вперед!
- Да не будьте же вы ослом, дружище! — раздраженно крикнул Винтер и демонстративно отвернулся к столу. Я поднял пистолет. Прогремел выстрел, и Винтер отскочил от стола с простреленной рукой. В страхе он бросился ко мне.

— Вы безумец, сэр! — зарычал он. — Я же сказал вам, что мы в Зоне Поражения.

Я следил за ним и в то же время наблюдал за человеком, который, сидя за пультом управления, ежесекундно смотрел на меня через плечо, не переставая в то же время лихорадочно работать одной рукой.

— Остановите машину, или я убью вас, — приказал я ему. Винтер был бледен. Он судорожно сглатывал слюну.

— Клянусь вам, мистер Байард, что это совершенно невозможно. Вы не отдаете себе отчета в том, что предлагаете. Можете убить меня, но я ни за что не позволю остановить шаттл.

Теперь я понял, что нахожусь в руках опасного лунатика. Я поверил Винтеру, когда он сказал, что скорее умрет, чем остановит этот автобус — или черт знает что еще. И все же, несмотря на угрозу, я не смог бы хладнокровно его пристрелить. Я обернулся, сделал три шага по коридору и навел пистолет на сидевшего у пульта:

— Отключите машину!

Человек оторвал взгляд от пульта и посмотрел на меня. Это был один из тех молодцов, которых я видел в кабинете Винтера. Он ничего не сказал, отвернулся и продолжал крутить рукоятку на панели перед собой. Я поднял пистолет и спокойно выстрелил в панель. Человек подпрыгнул в кресле от неожиданности, а затем прикрыл пульт управления собственным телом.

— Прекратите сейчас же, болван! — закричал он. — Мы можем погибнуть. Я вам сейчас все объясню.

— Уже объяснили, — засмеялся я, — но ничего не вышло. Убираяся-ка лучше с дороги, приятель, я все равно отсюда уйду.

Я старался держать своих похитителей в поле зрения. При звуке выстрела в дверях появился бледный Винтер.

— Дойль, у вас все в порядке? — спросил он, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Дойль отодвинулся от пульта, повернулся ко мне спиной и стал проверять приборы. Он щелкнул каким-то тумблером, выругался и обернулся к Винтеру.

— Коммуникатор вышел из строя, — сказал он. — Но процесс продолжается.

Теперь заколебался я. Эти двое по-настоящему испугались.

Я был для них все равно что ребенок с водяным пистолетом. Куда больше, чем пули, они страшились остановки машины.

Стало ясно, что это не автофургон. В кабине водителя приборов было больше, чем на пульте авиаэлайнера. Окна отсутствовали. Что это? Космический корабль??? Машина времени???

Куда это меня занесло???

— Ну что ж, Винтер, — наконец вымолвил я, — давайте заключим перемирие. Даю вам пять минут на объяснения. Докажите, что вы не сбежали из дома умалишенных, и скажите, как собираетесь меня высадить там, где схватили? А откажетесь, я изрешечу пулями эту панель и любого, кто мне помешает.

— Хорошо, — кивнул головой Винтер. — Клянусь сделать все, что в моих силах, только об одном прошу — покиньте кабину управления!

— И не подумаю. Я не пущу в ход пистолет, если только вы не дадите мне для этого повода, ну, хотя бы своими нелепыми рассказнями.

Винтер вытер пот со лба.

— Вы, мистер Байард, находитесь сейчас в кабине шаттла, машины-разведчика, которая действует в Сети. Под Сетью мы имеем в виду комплекс альтернативных линий, составляющих матрицу одновременной реальности. Иными словами, это матрица параллельных миров. Наш привод — генератор Максони — Копини, он создает силу, действующую на то, что можно было бы назвать перпендикуляром к нормальной энтропии. Вообще-то, я плохо разбираюсь в физических принципах этого механизма — я ведь не техник...

Я посмотрел на часы. Винтер понял мою мысль.

— Империум — это правительство линии А-ноль-ноль, где было сделано это открытие. Генератор чрезвычайно сложен в конструкции, и всегда есть тысяча способов причинить вред тем, кто работает с ним, если допустить ошибку. Исходя из того, что каждая А-линия из тысяч параметров системы Ноль-Ноль является сценой самой ужасной бойни, мы предположили, что наша линия — единственная, которой удалось овладеть контролем над силой, вырабатываемой генератором Максони — Копини. Мы проводим наши операции по всему сектору А-пространства, находящегося вне Зоны Блайта, этого сектора

разрушения. Саму Зону Блайта, или Зону Поражения, мы до сих пор избегали.

Винтер завязал раненую руку носовым платком и продолжал:

— Ваша линия, или мир, мистер Байард, известна под названием В-1-три — одно из двух известных нам исключений, находящихся в Зоне Поражения. Эти линии, ваша и еще одна, лежат на некотором удалении от линии Ноль-Ноль. Ваша чуть ближе, чем В-1-два. Ваш мир был открыт всего около месяца назад, и совсем недавно получено подтверждение его безопасности. Вся исследовательская работа в Зоне Поражения была выполнена управляемыми автоматическими разведчиками. Почему именно мне было предложено похитить вас, не знаю. Но поверьте, если вам удастся серьезно повредить этот шаттл, вы низвергнете нас в тождество с А-линией, которая может быть не более чем кольцом радиоактивной пыли вокруг Солнца, или же мы сольемся с гигантской мутировавшей массой лишайника. Мы не можем останавливаться, пока не достигнем безопасной области.

Я снова взглянул на часы.

— У вас осталась одна минута, — сказал я. — А я пока слышу одну болтовню, и никаких доказательств.

Винтер облизнул пересохшие губы.

— Дойль, достаньте разведснимки этого района, — сказал он водителю и обратился ко мне:

— Мы сделали их в пути.

Дойль открыл ящик под панелью, вынул большой красный конверт, передал мне, а я — Винтеру.

— Откройте конверт, — потребовал я. — Посмотрим, что там у вас.

Винтер высыпал на стол кучу глянцевых карточек, взял одну и передал мне.

— Все эти снимки были сделаны из абсолютно одинаковых пространственно-временных координат. Отличались лишь координаты Сети.

На снимке изображены были многочисленные скальные обломки на фоне туманной мглы, с несколькими яркими точками, пробивающимися через эту мглу. Я взглянул и ничего не понял.

Винтер передал мне еще одну фотографию. На ней было то же самое. Также и на третьей, только здесь один из осколков скалы имел гладкую поверхность с узкими линиями.

Винтер постарался мне объяснить:

— Масштаб здесь не такой, как кажется. Этот страшный ломоть не что иное, как часть земной коры на расстоянии в

тридцать километров от камеры. Линии, их там кажется две, — это дороги.

Я смотрел, не веря своим глазам, пораженный тем, что Винтер, возможно, рассказывал сущую правду.

Капитан протянул мне еще один снимок. На нем было темное пространство, все в буграх, видимое лишь благодаря сумрачному мерцанию света, отраженного неровностями поверхности в направлении луны — бриллиантового диска на черном небе.

На следующем снимке была какая-то темная масса, попавшая в объектив с близкого расстояния и потому нерезкая. Сзади огромное распостертное тело, бесформенное, необъятное, лежало наполовину погребенное в зарослях стелющихся растений. Я с ужасом смотрел на крохотную головку, похожую на коровью, беспомощно свисавшую с этого горообразного создания.

— Да, — сказал Винтер, — это корова. Вернее, корова-мутант, у нее нет ограничений в росте. Сейчас это обширная культура клеток, абсорбирующая питание прямо из зарослей. У всех этих мутаций растет гора плоти. Рудиментарная головка и вырастающие иногда конечности для этой туши совершенно бесполезны.

Я вернул снимки. Мне стало не по себе.

— Хватит, — процедил я сквозь зубы. — Ваша взяла. Давайте выпутываться из этого положения.

Засовывая пистолет в карман, я подумал о пулевом отверстии в панели управления и вздрогнул.

* * *

Вернувшись в кабинет, я присел у стола. Винтер снова заговорил:

— Да, приятель... не очень-то приятно узнать все сразу...

Капитан продолжал говорить, а я попытался обобщить его фрагментарные сведения в одно целое. Необъятная паутина линий, каждая из которых представляет собой Вселенную, чуть-чуть отличается от других. Где-то, вдоль одной из линий, в каком-то из миров было изобретено устройство, позволяющее пересекать эти линии. Что ж, возможно, это и правда. При таком количестве параллельных миров может случиться все, что угодно.

— А как насчет других А-линий? — спросил я, поразмыслив.

— Если миров так много, где-то еще, с небольшим отличием, должно было быть сделано такое же открытие. Я имею в виду отличие от вашего мира. Почему вся Вселенная не кишит такими устройствами, постоянно сталкивающимися друг с другом?

— Наши ученые серьезно занимаются этим вопросом, дру-

жище, и пока не могут дать определенного ответа. Тем не менее, кое-что установлено. Во-первых, конструкция генератора Максони — Копини необычайно сложна в исполнении, как я уже объяснял. Малейший промах в первоначальных экспериментах — и мы закончили бы свой путь так же, как те миры, которые вы видели на снимках. Вероятность изобретения этого привода, видимо, очень мала — и тем не менее мы сделали его и научились им управлять.

Что же касается линий близких, то теоретически доказано, что не существует между ними физического разделения; те из линий, что микроскопически близки друг к другу, по существу, сливаются между собой. Это трудно объяснить человеку непосвященному. Один мир фактически переходит в другой совершенно случайно. По существу, природа бесконечности такова, что, кажется, существует бесконечное число близких линий, по которым мы непрестанно перемещаемся. Обычно здесь нет видимых отличий. Мы не замечаем их так же, как не замечаем того, что движемся из одной временной точки в другую в процессе нормального возрастания энтропии.

Увидев, что я напряженно думаю, Винтер добавил:

— Линии движутся двумя способами в бесконечном количестве направлений. Если бы можно было переместиться назад вдоль какой-либо А-линии, появилась бы возможность путешествовать в прошлое. Но это не получается, так как два тела не могут занимать одно и то же пространство. Принцип Максони позволяет перемещаться таким путем, который, по мнению наших ученых, расположен под прямым углом к нормальному течению событий. С его помощью можно было бы действовать на всех 360 градусах, но всегда на одном уровне энтропии, с которого мы начали. Таким образом, мы прибудем в Стокгольм 0-0 в тот самый момент, когда отправлялись из мира В-1-три.

— Винтер рассмеялся: — Это и стало причиной непонимания и взаимных обвинений при производстве первых испытаний.

— Значит, мы непрерывно слоняемся по различным вселенным, даже не осознавая этого, — сказал я скептически.

— Не обязательно любой из нас, и не все время, — усмехнулся Винтер. — Но эмоциональные потрясения, возможно, сопровождаются эффектом перемещения. Конечно, нам очень трудно заметить разницу между двумя смежными линиями, если она заключается во взаимном расположении двух песчинок или даже двух атомов внутри песчинок. Но иногда люди наблюдают некоторые несоответствия. Вы, вероятно, и сами их наблюдали в определенный промежуток времени: исчезновение каких-то предметов, внезапные изменения характеров людей, хорошо вам знакомых, воспоминания о событиях, которых никогда не

было. Вселенная не заключена в какие-то раз и навсегда установленные рамки, как мы думали раньше.

— Все это вполне правдоподобно, капитан, — произнес я. — Считайте, что вы меня убедили. А сейчас расскажите об этом фургоне — или как вы его там называете.

— Вы находитесь в небольшой передвижной машине, шаттле, смонтированной на самодвижущемся шасси. Шаттл может перемещаться по ровным участкам земли или мостовой, а также по спокойной водной поверхности. Это дает нам возможность маневрировать в пространстве на собственной земле, так сказать избегая наземных операций в незнакомом районе, что очень опасно.

— А где остальные ваши люди? Их должно быть не меньше трех.

— Они на своих местах, — кивнул Винтер. — Здесь есть еще одна небольшая комната, где находится механизм привода. Она перед кабиной управления.

— А это для чего? — я указал на коробку, из которой взял пистолет.

Винтер быстро взглянул на нее и заметил с досадой:

— Так вот откуда у вас оружие. А я терялся в догадках, потому что сам вас обыскивал, когда изымал документы. Проклятая небрежность Дойля — чертов охотник за сувенирами. Я велел все показывать мне, прежде чем привозить в наш мир. Полагаю, тут и моя вина.

Он осторожно потрогал раненую руку.

— Не надо так сокрушаться. Я ведь не дурак, только я — не очень храбрый. Признаться, я до смерти боюсь, потому что не знаю, что ждет меня.

— С вами будут хорошо обращаться, — заверил меня Винтер.

Я не стал возражать. Может быть, когда мы прибудем на место, я смогу сделать еще одну попытку к бегству, используя пистолет. Впрочем, я мало в это верил. Что я буду делать потом? В этом Империуме Винтера?

Больше всего мне нужен обратный билет домой! Я подумал о родной земле, как о мире В-1-три, и понял, что начинаю мыслить, как Винтер.

Я подошел к столу, взял голубую бутылку, отпил из нее.

— Почему мы не взрываемся, когда пересекаем какую-нибудь из этих опустевших линий, или не сгораем, пересекая горячие миры? — спросил я внезапно. — Допустим, мы выглянем наружу, где вы фотографировали обломки скал.

— Мы не засиживаемся ни в одном из этих миров слишком долго, приятель, — пояснил Винтер. — На каждой из линий мы находимся бесконечно малый промежуток времени. Следо-

вательно, у нас нет возможности на физический контакт с окружающей средой.

— А как же вы фотографируете и используете свои коммуникаторы?

— Камеры остаются внутри поля. Снимок, по существу, является смещением экспозиций на всех линиях, которые мы пересекаем в момент съемки. Эти линии едва отличаются друг от друга, и потому снимки совершенно отчетливы. А коммуникаторы используют что-то вроде генератора волн, распространяющего передачу.

— Винтер, — сказал я, — все это чрезвычайно интересно, но у меня складывается впечатление, что человек для вас — ничто. Не исключено, что вы используете меня в каком-то эксперименте, а затем выбросите вон, в одну из этих груд космического лома, которые запечатлены на снимках. И эта бурда в голубой бутылке не может вышибить эти мысли из моей головы, утешить меня.

— Боже упаси, приятель, — Винтер резко выпрямился. — Ничего подобного! Мы вовсе не варвары, поверьте мне. Вы являетесь объектом государственных интересов Империума, и с вами будут обращаться гуманно и с должным почтением.

— Мне не понравились ваши слова о пункте сосредоточения. Это что-то вроде заключения в тюрьму.

— Совсем нет, — замотал головой Винтер. — Существует множество весьма приятных А-линий вне пределов Поражения, которые либо полностью необитаемы, либо заселены народами с недостаточным уровнем технического развития. Любой может избрать наиболее близкий для себя технологический или культурный уровень, где бы ему понравилось жить. Задержанных для допроса снабжают всем необходимым и обеспечивают им полный комфорт до конца жизни.

— Высаживают на необитаемом острове или оставляют в деревне дикарей? А не кажется ли вам, что это не очень-то веселая перспектива? А, капитан? Знаете, что я думаю? Нет? Так вот, я хотел бы вернуться домой!

Винтер лукаво улыбнулся:

— Что бы вы сказали, если б вас снабдили состоянием в твердой валюте, ну хотя бы в золоте, и поместили в общество, сильно напоминающее, например, английское семнадцатого века, с тем лишь преимуществом, что у вас было бы электричество, современные книги, необходимые вещи, в общем, все по вашему усмотрению, чтобы полностью насладиться жизнью! Помните, в вашем распоряжении все ресурсы Вселенной!

— Мне больше хотелось бы иметь право выбора, — заявил я. — Допустим, мы продолжим путь, раз вышли из Зоны По-

ражения. Могли бы вы привести эту машину в тот мир, откуда выдернули меня? Помните, я могу силой заставить вас сделать это!

— Послушайте, Байард, — нетерпеливо сказал Винтер. — У вас есть пистолет. Очень хорошо. Застрелите меня. Застрелите всех нас. Чего вы добьетесь? Управлять этой машиной вы все равно не сумеете, для этого необходимы огромные навыки и технические знания. Механизмы управления сейчас настроены на автоматическое возвращение в исходный пункт. Запомните, что ПОЛИТИКА ИМПЕРИУМА запрещает возвращать кого бы то ни было в тот мир, откуда был взят. Единственное, что вам остается, это сотрудничать с нами, даю вам слово офицера Им-периума, что с вами будут обращаться подобающим образом.

Я посмотрел на пистолет.

— В кинофильмах, — сказал я, — парень с дубиной всегда добивается своего. Но вы, кажется, не очень обеспокоены тем, пристрелю я вас или нет?

Капитан улыбнулся:

— Если исключить то, что вы отпили конька из моей бутылки и не продырявили обшивку шаттла своим идиотским выстрелом из пистолета, который вы все еще держите в руке, заверяю вас...

— Ну что ж, поверю, — сказал я и швырнул пистолет на стол. Потом сел и откинулся на спинку стула. — Разбудите меня, когда будем у цели, старина. Я хотел бы привести себя в порядок.

Винтер захохотал.

— Наконец-то выобразились. Мне было бы чертовски неприятно сообщить персоналу базы о том, что вы размахиваете в машине заряженным пистолетом.

Глава III

Я проснулся от толчка. Все тело ныло, особенно шея, стоило только пошевельнуться. Со стоном снял со стола ноги и выпрямился, ощущая дискомфорт. Винтера в комнате не было, гудение исчезло. Я вскочил с места и закричал:

— Винтер! — Представив, как высаживают меня на одном из этих похожих на ад миров, понял, что не столько боюсь оказаться в этом загадочном Ноль-Ноль, сколько опасаюсь туда не попасть.

Винтер заглянул в комнату.

— Сию минуту иду к вам, мистер Байард, — успокоил он меня. — Мы прибыли по расписанию.

Я заволновался, бросился было за пистолетом, но нигде его

не нашел. Пистолет исчез. "Ничего, — сказал я себе, — гораздо хуже идти на прием к послу".

Вошли двое веэзил, за ними Винтер. Один из них открыл дверь и стал наготове рядом. За дверью я увидел солнечные блики на ровной мощеной поверхности и группку людей в белой форме.

Переступив порог, я огляделся.

Мы оказались в просторном помещении, напоминавшем крытый вокзал. Люди в белом стояли неподалеку и чего-то ждали.

Наконец один из них вышел вперед.

— Слава Иову, Винтер, — громко сказал он. — Вы выполнили поручение. Поздравляем вас, старина.

Подошли и остальные, окружив Винтера, забросали его вопросами; то и дело поглядывая в мою сторону. Но ни один из них не сказал мне ни слова.

"Ну и черт с ними", — подумал я и стал прогуливаться, стараясь определить, где тут выход. Здесь была всего одна дверь, и то под охраной часового. Я взглянул на него и прошел мимо.

На обратном пути я остановился возле часового и проговорил:

— Запомни меня хорошенъко, парень. Мы будем видеться довольно часто. Я твой новый командир... — Внимательно осмотрел часового и добавил: — Следи, чтобы форма была в порядке.

Повернувшись, я собирался уже покинуть изумленного часового, но в этот момент к нам подошел Винтер, исключив самую мысль о бегстве.

— Сюда, старина, — сказал капитан, обращаясь ко мне. — Нечего тут бродить. Велено отвезти вас прямо в королевскую разведку. Там вы гораздо больше узнаете о причинах вашего... э-э... — Винтер прочистил горло, — визита.

— Я думал, — возразил я, — это и есть имперская разведка, и удивился. Для операции столь высокого уровня прием весьма скромен: ни оркестра, ни фараонов с наручниками.

— Сейчас мы отправимся в королевскую разведку, — ответил Винтер. — Швеция подчинена Империуму. Там вы и встретите парней из имперской разведки. А торжественных приемов мы не устраиваем, да будет вам это известно!

Винтер жестом пригласил меня в громоздкий штабной автомобиль, ожидавший нас у ворот. Автомобиль рванулся с места, ворота распахнулись, и мы оказались на широком проспекте, ведущем, видимо, к месту назначения.

— Я думал, ваш шаттл движется только поперек, — заметил я. — Это место ничем не напоминает то, где я был задержан.

- Что привело вас к такому выводу?
- Эта местность совсем не похожа на холмистый Старый город.
- У вас поразительное мышление и зоркий глаз, фиксирующий даже незначительные детали, — заявил Винтер. — Мы приводим шаттл в положение перед стартом, прежде чем включить привод. Сейчас мы в северной части города.

Наш гигантский автомобиль с ревом пронесся по мосту и стал петлять по длинному спуску, ведущему к кованой решетке перед массивным серым зданием из гранита. Люди, которых я увидел, выглядели буднично, не считая некоторой причудливости в одежде и пересчур большого числа ярких мундиров.

Часовой у железных ворот был одет в вишневый мундир и белые штаны. На голове красовался черный стальной шлем, увенчанный позолоченной пикой и пурпурным плюмажем. Часовой отсалютовал своим безобразным никелированным автоматом, ворота открылись, мы въехали внутрь и остановились перед широкой дубовой дверью, обитой железом. Медная табличка перед входом гласила:

“ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ”.

Мы шли по великолепному беломраморному залу, ехали в просторном лифте. Затем миновали еще один зал, с полом из розового гранита, и наконец остановились перед массивной дверью. Вокруг никого не было.

— Не волнуйтесь, мистер Байард, отвечайте искренне на все вопросы, — напутствовал меня напоследок Винтер.

— А что мне волноваться, — сказал я, отметив про себя, что Винтер сильно взъярен.

Капитан легонько постучал, и мы вошли в огромный, богато обставленный зал, точнее, кабинет. Всю середину занимал серый ковер. Вокруг широкого стола сидели трое, среди них генерал, четвертый — несколько поодаль.

Винтер закрыл дверь, пересек кабинет (я плелся за ним), стал по стойке “смирно” в трех шагах от стола и отдал честь.

— Сэр, шеф-капитан Винтер приказание выполнил, — отрапортовал он.

— Прекрасно, Винтер.

Винтер повернулся к сидевшему поодаль.

Тот наклонил голову и прикрыл глаза.

Очень довольный, Винтер низко склонился перед генералом, затем приветствовал главного инспектора и наконец обратился к весьма тучному мужчине с забавным лицом, назвав его просто “сэр”.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Байард, — услышал я приятный голос генерала. Винтер продолжал вытянувшись стоять.

— Вольно, шеф-капитан, — сказал генерал и снова повернулся ко мне.

— Надеюсь, несмотря ни на что, вы не настроены к нам враждебно? — У генерала было длинное лицо с тяжелым подбородком.

— Меня зовут Бернадотт, — сказал он. — Это Фрейхорр фон Рихтгофен, это главный инспектор Бейл, а это мистер Беринг.

Я кивнул им.

Бейл был худым, широкоплечим, с маленькой лысой головкой и злым лицом.

Бернадотт продолжал:

— Прежде всего хочу вас заверить, что решение привести вас сюда не легко нам далось. У вас наверняка много вопросов. На все будет дан исчерпывающий ответ. Скажу откровенно, нам нужна ваша помощь.

Признаться, это было для меня полной неожиданностью, чтобы таким высокопоставленным лицам вдруг понадобилась моя помощь. Я буквально лишился дара речи.

— Прекрасно, — заметил тучный гражданин, которого звали мистер Беринг, очень напоминавший гитлеровского главнокомандующего военно-воздушными силами.

Я больше не сомневался в том, что Винтер сказал сущую правду. В этом мире были двойники людей того мира, где я жил, или же их аналоги.

— Многофазная реальность может кого угодно привести в замешательство, — заметил генерал. — Особенно человека, всю жизнь прожившего в своем собственном мире. Для тех же из нас, кто привык к такой точке зрения, она кажется единственной естественной и соответствующей принципам множественности и пространственного континуума. Мысль об однолинейной причинно-следственной последовательности заключена в концепции искусственного ограничения сверхупрощения действительности. И причиной тому — человеческий эгоцентризм.

Все слушали, затаив дыхание. Как и я. Старик говорил очень тихо, но слышно было отлично — в кабинет почти не проникал шум уличного движения.

— Насколько мы преуспели в изучении мира В-1-три, откуда вы родом, позволило нам выяснить, что линии развития наших миров имеют общую историю где-то до 1790 года. Еще столетие они оставались тождественными в большинстве деталей. И только после этого началось резкое разграничение.

Здесь, в нашем мире, два итальянских ученых, Джулио Максони и Карло Копини, в 1893 году сделали основополагающее открытие, которое после нескольких лет исследований реализовали в устройстве, давшем возможность перемещаться

по собственному желанию в широком диапазоне того, что мы называем Альтернативными линиями, или А-линиями. Копини погиб в самом начале испытаний, и Максони решил предложить их изобретение правительству Италии. Но получил категорический отказ.

После нескольких лет травли со стороны итальянской прессы Максони уехал в Англию и предложил свое изобретение британскому правительству. В результате длительных переговоров сделка все-таки состоялась. Максони получил титул, поместья и миллион фунтов золотом. С тех пор британское правительство стало единственным обладателем важнейшего в истории человечества изобретения после открытия колеса. Благодаря колесу человек установил господство над поверхностью своего мира, принцип Максони передал в его распоряжение Вселенную!

В глубокой тишине слышно было только, как поскрипывает мое кресло — слушать это спокойно я просто не мог и все время ерзal.

Наконец генерал откинулся на спинку кресла и улыбнулся:

— Надеюсь, не ошеломил вас, мистер Байард, избытком исторических подробностей.

— Нет, нет, — поспешил ответил я. — Это очень интересно.

Генерал кивнул и продолжал:

— Как раз в это время британское правительство вело переговоры с германским имперским правительством о заключении взаимовыгодных торговых соглашений, чтобы избежать братоубийственной войны, которая казалась неизбежной без разделя соответствующих сфер влияния.

Приобретение бумаг Максони сделало весьма заманчивой сложившуюся ситуацию. Осознав, и вполне справедливо, что теперь у них более благоприятная исходная позиция, британцы предложили объединить обе империи в нынешний Англо-Германский Империум с Ганноверско-Виндзорской династией на троне. Вскоре после объединения договор о согласии вступить в Империум подписала Швеция, и, как только был решен ряд технических деталей, 1 января 1900 года возник нынешний Империум.

Мне казалось, что генерал Бернадотт упрощает события. Сколько людей стали жертвой в процессе разрешения проблем не столь важных. Однако я не стал делиться с ним этими мыслями.

— С начала своего существования, — продолжал генерал, — Империум провел целую программу исследований, велась также работа по составлению карт, изучению А-континиума. Довольно долго исследования приносили непонятные результаты: на обширном пространстве во всех направлениях от исходной точки

царит полный хаос, а снаружи этого региона существует бесконечное число линий. Лежащие вне Поражения, они все, как одна, представляют собой миры, в которых расхождение в общей дате истории началось лет четыреста назад. Иными словами, эти миры имеют одинаковую с нашим миром историю до 1550 года. При дальнейшем перемещении дата расхождения уходит в более далекие времена. Сейчас в своих исследованиях мы подошли примерно к одномиллионному году до новой эры.

Последней фразы генерала я не понял, но решил промолчать. Это, по-видимому, вполне устраивало Бернадотта.

— Но вот в 1947 году изучение фотографий, произведенных автоматическим шаттлом, выявило аномалию: внешне нормальный, обитаемый мир лежит в Зоне Блайта, иными словами, в Зоне Поражения!!! Чтобы отыскать эту линию, нам потребовалось несколько недель. В первый раз мы посетили мир, почти не отличающийся от нашего. Мир, в котором многие установления нашего мира продублированы. Нас ждало горькое разочарование:

Надежда на плодотворное сотрудничество между нашими мирами не сбылась.

Генерал повернулся к инспектору Бейлу:

— Соблаговолите продолжить!

Бейл выпрямился в кресле, сложил руки и заговорил:

— В сентябре 1948 года в этот мир были направлены два старших агента службы безопасности. Их временно возвели в ранг министров по особым поручениям и наделили полными полномочиями по ведению дипломатических переговоров с руководителями Национал-Демократического Союза. Эта политическая единица, по сути, включала в себя большую часть обитаемого мира В-1-два. Жестокие войны с применением радиоактивных взрывчатых веществ уничтожили наиболее цивилизованные районы этой линии.

Европа вся лежит в руинах. Мы установили, что штаб-квартира НДС размещается в Северной Африке, а в качестве центра выступает прежняя французская колониальная администрация. Заправляет всем бывший солдат, утвердивший себя пожизненно диктатором уцелевшей части мира. Армия его состоит из подразделений всех прежних воюющих сторон и держится лишь на мародерстве и обещаниях высоких постов в новом обществе, основанном на грубой силе.

Наши агенты вошли в контакт с одним из высших военных, который назвал себя генерал-полковником Янгом. Этот Янг командовал шайкой оборванных головорезов в пестрых гимнастерках. Наши агенты попросили его препроводить их в резиденцию диктатора. Тогда Янг приказал своим молодчикам

схватить их и бросить в тюрьму, где они были жестоко избиты, несмотря на дипломатические паспорта и верительные грамоты.

После этой ужасной экзекуции Янг отправил их на допрос к диктатору. Во время допроса диктатор вытащил пистолет и выстрелил одному из моих парней в голову, убив на месте. Когда же и второй агент отказался сотрудничать с диктатором, без признания его аккредитованным посланником имперского правительства, и потребовал наказания и подобающего обращения в духе международных соглашений, его передали в руки палачей.

Под пыткой агент обезумел, и его освободили, но лишь для того, чтобы дать ему умереть от голода и нанесенных ран.

Нам удалось его отыскать и вырвать из этого мира, но он умер, успев только рассказать о случившемся.

Я пока что воздерживался от комментариев. Слушать это было гадко, но методы, применявшиеся Империумом по отношению ко мне, тоже не вызывали восторга.

Генерал наконец подвел итог:

— Мы решили не предпринимать карательных акций и оставили этот несчастный мир в изоляции.

Однако около года назад произошло событие, которое показало, что такая политика не годится.

Манфред, прошу вас, продолжите вы!

— Подразделения нашей службы надзора Сети, — начал Рихтгофен, — внезапно обнаружили активность в одном из пунктов линии на некотором удалении от 0-0. Все это происходило в секторе 92. Предвидя такое обстоятельство, мы были начеку с самого начала, как только стали разрабатывать Сеть. Тяжеловооруженный объект неизвестного происхождения материализовался в одном из наиболее ценных нами промышленных миров, входящих в группу миров, с которыми мы ведем торговлю с оборотом во много миллиардов фунтов. Материализация произошла в густонаселенном районе. Из объекта выпустили сильнодействующий газ, и сотни людей были убиты. После этого появились захватчики в масках, один-два взвода, и начался грабеж, разгром магазинов, с убитых срывали одежду и драгоценности — настоящий шабаш. Наш разведчик СНС появился через несколько часов после ухода агрессора. Шаттл подвергся массированному нападению со стороны восставших жителей, и ему с трудом удалось доказать, что это аппарат Империума.

Рихтгофен нахмурился.

— Спасательную операцию проводил я лично. Неизвестными было убито более четырехсот невинных людей. В резуль-

тате пожара сгорели и были разрушены дорогостоящие производственные мощности, выведены из строя исследовательские центры, население было полностью деморализовано.

— Как видите, мистер Байард, — промолвил Бернадотт, — мы почти беспомощны в деле защиты друзей от набегов. И хотя разработали чрезвычайно чувствительные приборы обнаружения МК (Максони-Копини) поля, практически невозможно своевременно достичь атакованного места. Само перемещение не требует времени, но точно определить необходимую линию среди множества других — задача весьма трудная. Наши устройства позволяют это сделать, но лишь после максимального приближения в режиме ручного управления.

— После этого, с очень небольшими перерывами, — продолжал Рихтгофен, — наши дружественные миры подвергались еще семи рейдам. Затем обстановка изменилась. Рейдеры неизвестных стали появляться в большом количестве, причем это были аппараты с большой грузоподъемностью. Кроме того, начались облавы на девушек. Стало очевидным, что возникла серьезная угроза миру среди А-линий.

В конце концов нам посчастливилось обнаружить поле рейдера в непосредственной близости от одного из наших вооруженных шаттлов. Он быстро настроился на сходящийся курс и материализовался через двадцать минут после начала нападения. Командир шаттла огнем из крупнокалиберного орудия разнес на куски аппарат пиратов. Несмотря на то что команда была деморализована потерей своего корабля, сопротивлялась она почти до последнего человека. Нам удалось захватить в плен для допроса всего лишь двоих.

“Интересно, — подумал я, — чем отличаются методы допроса Империума от соответствующих методов диктатора мира В-1-2?” — но спросить об этом не решился. Да и зачем, скоро это обнаружится.

— От пленников мы узнали гораздо больше, чем ожидали. Эффективность пиратских набегов зависела от неожиданности нападения и быстроты бегства. Было установлено, что в набегах участвует не более четырех аппаратов. На каждом может находиться около полусотни пиратов. Пленники хвастливо заявляли, что у них есть смертельное оружие и его пустят в ход для возмездия. Из слов пленников можно было заключить, что МК-привод появился у них совсем недавно и что им совершенно неизвестна конфигурация Сети, ни бесконечное разветвление одновременной реальности.

Пленники, видимо, думали, что их союзники отыщут нашу базу и легко уничтожат. К тому же они весьма смутно представляли себе размеры и характер поражения. Они упомянули

об исчезновении нескольких своих аппаратов в этом районе. Оказалось также, к счастью для нас, что у них есть лишь самые элементарные средства обнаружения и что управление их аппаратами в высшей степени ненадежно. Но наиболее важной была информация о происхождении захватчиков. — Рихтгофен сделал паузу для драматического эффекта. — Это был все тот же несчастный наш близнец, мир В-1-два.

И снова заговорил Бернадотт:

— Каким-то образом, несмотря на хаотическое состояние общества и последствия разрушительных войн, они преуспели в создании устройств, еще более примитивных, чем те, с которых мы начали почти шестьдесят лет назад. Следующий ход неприятеля оказался ошеломляюще неожиданным. Благодаря то ли удивительно быстрому развитию науки, то ли чудовищному упорству и слепой удаче одному из разведчиков удалось обнаружить линию 0-0 самого Империума. Аппарат материализовался в нашем континууме в окрестностях Берлина, одной из королевских столиц.

Команда, видимо, была подготовлена к этому посещению. Она установила особое устройство на самом верху ажурной мачты посреди пустыря и сейчас же откалила. Примерно в пределах трех минут, насколько мы были в состоянии определить, устройство взорвалось с невообразимой силой. Площадь опустошения составила более квадратной мили; число погибших исчислялось тысячами. До сих пор эта местность поражена какой-то формой радиации, исходящей от сожженного грунта. Жизнь в этом районе невозможна.

Я кивнул:

— Догадываюсь, что это такое.

— Да, — сказал генерал, — нечто подобное есть и в вашем мире, не так ли?

Я сделал вид, что вопрос этот чисто риторический, и промолчал.

Бернадотт продолжал:

— Какими бы грубыми ни были их методы и аппаратура, им удалось все же щеголнуть своей силой перед Империумом. Сейчас это вопрос времени — мы знаем, что им удастся разработать адекватные шаттлам средства управления и надежные устройства обнаружения. Вот тогда-то и возникнет проблема столкновения с полчищами оборванных, но хорошо обученных солдат, вооруженных грозными радиевыми бомбами, с помощью которых они уничтожили свою собственную культуру. Вот тогда-то они и набросятся на нас!

С этой проблемой нельзя не считаться, поэтому мы и занялись тщательной подготовкой. По всей вероятности, существует

два возможных варианта, но оба в равной степени нежелательны. Либо мы ждем последующих атак и тем временем укрепляем нашу оборону, кстати говоря, малоэффективную по сравнению со сверхмощным оружием врага, либо сами отправляем огромную армию в мир В-1-два. Проблемы снабжения, перевозки, организации тыла и в том, и в другом случае будут неимоверно сложными.

Итак, я узнал кое-что об Империуме. Во-первых, у них нет атомной бомбы. И нет научной концепции энергии атома. Их рассуждения о характере войны против хорошо организованной, вооруженной ядерным оружием армии тому свидетельство. Во-вторых, у них нет опыта наших тотальных войн. Они примитивны, даже беспомощны в некоторых вопросах военной теории. Их образ мышления характерен скорее для европейцев XIX века, чем для представителей современного цивилизованного мира.

— Около месяца назад, мистер Байард, — Бейл снова принял эстафету, — появилось еще одно доказательство неизбежности встречи с противником. В самом сердце Зоны Поражения, на расстоянии от мира В-1-два и даже более близком к нам, чем этот мир, мы тоже обнаружили уцелевший мир. Это ваш мир, мистер Байард, который мы назвали В-1-три.

В течение семидесяти двух часов сотни тщательно обученных агентов были размещены в специально подобранных пунктах мира В-1-три. Мы решили избежать грубых ошибок, как это случилось с миром В-1-два. Слишком велика была ставка. По мере поступления информации выяснилось, что все агенты сумели благополучно внедриться в различные области политической и общественной жизни многих государств вновь открытого мира. Сведения от агентов немедленно поступали в Генеральный штаб и Чрезвычайный имперский комитет. Главной задачей последнего было как можно точнее установить календарные соответствия между мирами В-1-два и В-1-три, а также Империумом. Трудность этой задачи усугублялась не только огромным количеством параллельных аналогичных событий и лиц, но и некоторыми поразительными расхождениями.

Неделю назад было объявлено, что с вероятностью до 98% можно считать, что ваш мир, мистер Байард, В-1-три, и мир В-1-два до 1911 года имеют одинаковую историю. Как раз в это время мой коллега из германской разведки, мистер Беринг, сделал блестящее предложение, и оно было немедленно принято. Все агенты прекратили свои исследования и сосредоточили усилия на отыскании следов... — Бейл взглянул на меня, — на отыскании следов мистера Байарда!

Они прекрасно понимали, что меня распирает от любопытства, и потому внимательно следили за моей реакцией. Я оставался спокоен, лишь выжидательно посмотрел на Бейла. Тот поджал губы. Видно, я чертовски ему не нравился.

— Мы напали на след в записях выпускников университета...
— Бейл хмуро взглянул на меня, — его название чем-то напоминает алюминиевый сплав.

Должно быть, этот генеральный инспектор кончал в свое время Оксфорд, подумал я и сказал:

— Вы, наверное, имеете в виду Иллинойс?

— Во всяком случае, — продолжал Бейл, — проследить ваш дальнейший жизненный путь было сравнительно просто — военная служба, дипломатический корпус. Наш человек упустил только ваше участие в миссии во Вьетнаме.

— Не в миссии, а в Генеральном консульстве, — поправил я его.

Бейла, кажется, несколько раздосадовало мое замечание. И я был этому рад. Он мне тоже не нравился!

— Позавчера вы приехали по делам в Стокгольм. Там вас уже ждал наш человек. Он не упускал вас из виду, пока не прибыл аппарат. Остальное вы знаете.

Наступила тишина. Я заерзal в кресле, переводя взгляд с одного лица на другое. Выражение их было совершенно беспристрастным.

— Хорошо, — сказал я. — Теперь вы, конечно, ждете вопросов от меня. Не стану обманывать ваших ожиданий. Почему вы искали именно меня?

Поколебавшись, генерал Бернадотт открыл ящик стола и вынул оттуда плоский предмет, завернутый в коричневую бумагу. затем снова заговорил, разворачивая бумагу:

— У меня здесь портрет диктатора мира В-1-два в парадной форме. Один из двух предметов, которые нам удалось получить из этого несчастного мира. Копии этого портрета развезены повсюду.

Он протянул портрет мне. Это была литография весьма низкого качества, цветная, на которой был изображен человек в мундире, увешанный орденами. Под портретом красовалась надпись:

“Его превосходительство, герцог Алжира, Верховный главнокомандующий, генерал-маршал Брайан Первый Байард, диктатор”.

Лицо на портрете было МОЕ!

Глава IV

Я долго смотрел на этот парадный портрет. Вряд ли это была подделка, я чувствовал себя сбитым с толку. Просто непостижимо.

— Теперь понимаете, мистер Байард, почему вы здесь? — спросил генерал, когда я вернул портрет. — Вы наш желанный козырной туз. Но лишь в том случае, если согласитесь помочь нам.

И он снова обратился к Рихтгофену:

— Манфред, будьте добры, изложите мистеру Байарду наш план.

— Весьма возможно, — начал Рихтгофен, — что мы могли бы избавиться от диктатора Байарда, разбомбив его резиденцию. Но это создало бы нам только временную передышку. Появился бы новый лидер и... Кстати, передышка была бы очень короткой, поверьте мне, враг силен. Вполне возможно и то, что атаки продолжались бы беспрерывно, без передышки. Кроме того, мы еще не готовы наносить массированные удары. Для нас было бы куда лучше, если бы Байард оставался руководителем Национал-Демократического Союза, но под нашим контролем.

Он выразительно посмотрел на меня.

— Специально оборудованный шаттл с опытными техниками мог бы высадить вас прямо на верхний этаж дворца диктатора в Алжире. И, вооруженный нашим наилучшим стрелковым оружием, вы проникли бы в спальню, убили бы негодяя и каким-то образом, пока не знаю каким, избавились от его тела.

После интенсивной десятидневной подготовки с небольшим сетевым коммуникатором вы смогли бы заменить мертвеца и править двадцатью миллионами бойцов Байарда.

— Неужели нельзя найти двойника? В вашем мире, в Империуме?

Бернадотт покачал головой:

— Ваш двойник умер в младенческом возрасте. Из вашей семьи у нас остался лишь троюродный брат, ближе никого нет.

Все уставились на меня, видимо ожидая, что в ответ на предложенную честь торжественно поклянусь стать грудью на защиту отечества и даже готов умереть за него. Они не учли, что моя Родина не здесь, что меня похитили и силой препроводили сюда. К тому же я просто не мог представить себя в роли убийцы, да еще убийцы самого себя. Мне становилось не по себе от одной мысли, что я останусь в банде висельников.

Я уже готов был открыто высказать все эти соображения,

когда взгляд мой упал на Бейла. На губах его играла надменная ухмылка, и я понял, что именно этого он и ждет от меня. Его презрение ко мне было очевидным. Я чувствовал, что он считает меня трусом и болтуном. Я уже было открыл рот, чтобы заговорить, но, взглянув на инспектора, передумал и спросил другое.

— А что будет после того, как я стану во главе мира В-1-два?

— Через коммуникатор вы будете находиться в постоянном контакте с имперской разведкой, — живо отозвался Рихтгофен, — будете получать подробнейшие инструкции на каждый ваш шаг. Нам хотелось бы разоружить В-1-два за полгода. После чего вы вернетесь сюда.

— А почему не домой?

— Мистер Байард, — очень серьезно произнес Бернадотт, — вы никогда не сможете вернуться в ваш мир. Империум предлагает вам любое вознаграждение, которое только вы пожелаете, но не это. Раскрытие существования империума в вашем мире настолько серьезно, что исключает даже самую мысль о вашем возвращении, однако...

Взгляды присутствующих обратились к генералу. Судя по его взгляду, он собирался сказать что-то очень важное.

— Чрезвычайный комитет уполномочил меня, — заявил он торжественно, — предложить вам чин генерал-майора, мистер Байард. Если примете мое предложение, вашим поручителем будет дело, о котором мы сейчас ведем речь.

Бернадотт протянул мне большой лист пергамента.

— Вам следует знать, мистер Байард, что Империум не присваивает званий, да еще таких высоких, без особых на то оснований.

— Такого звания еще нет в войсках Империума, — с улыбкой заметил Беринг, так же как и званий генерал-лейтенант и генерал-полковник; вы будете единственным в своем роде.

— Мы взяли это звание из вооруженных сил вашего мира в знак нашего глубокого уважения к вам, мистер Байард, — промолвил Бернадотт. Но от того, что оно необычно, оно не становится менее аутентичным.

Я слушал и смотрел на причудливый лист бумаги. Империум готов хорошо заплатить за выполнение столь необходимой для него задачи. ВСЕ, ЧТО Я ЗАХОЧУ! Видимо, чувства, отразившиеся на моем лице в этот момент, они приняли за самодовольство. Еще бы, сразу две генеральские звезды! Что же, пусть тешат себя этой мыслью. Я больше не дам им козырей в руки против себя.

И я ответил:

— Я обдумаю ваше предложение.

Теперь Бейл выглядел озабоченным. Он, видимо, ожидал, что я наотрез откажусь, а теперь считает, что я растерялся. Пусть думает, что хочет. Он надоел мне.

Тут заговорил Бернадотт:

— Я собирался совершить беспрецедентный поступок, мистер Байард. По собственной инициативе, как глава государства, присвоить вам звание полковника королевской армии Швеции — без всяких условий. И делаю это потому, что уверен в вас. К тому же это важно еще и чисто теоретически.

Он встал, улыбнулся и протянул мне руку:

— Поздравляю вас, полковник!

Я тоже поднялся. Все остальные уже стояли.

— В вашем распоряжении двадцать четыре часа, полковник, — сказал Бернадотт. — А сейчас препоручаю вас заботам графа фон Рихтгофена и мистера Беринга.

Рихтгофен обернулся к Винтеру:

— Не присоединитесь ли к нам, шеф-капитан?

— С удовольствием, — ответил Винтер, щелкнув каблуками и наклонив голову.

* * *

Как только мы вышли в зал для приемов, Винтер дружески похлопал меня по плечу.

— Поздравляю вас, старина. Вы выдержали испытание.

Казалось, уверенность снова вернулась к нему.

Я внимательно осмотрел своего похитителя.

— Вы имеете в виду короля Густава? — спросил я.

Винтер даже замер от удивления.

— Но откуда вы знаете? Откуда вы, черт возьми, это знаете?

— О, должно быть, — с воодушевлением сказал Беринг, — в его мире Бернадотт тоже известен, не так ли, мистер Байард?

— Совершенно верно, мистер Беринг. Теперь наконец я все понял.

— О, мистер Байард. Буду вам чрезвычайно признателен, называйте меня просто Герман.

Он дружески пожал мне руку:

— Вы должны как можно больше рассказать нам о вашем замечательном мире.

В разговор вступил Рихтгофен:

— Предлагаю, господа, поехать на мою летнюю виллу в Дроттингхольме, отужинать, выпить и послушать рассказ о вашем мире, мистер Байард. А мы расскажем вам о своем.

Глава V

Я стоял перед продолговатым зеркалом и не без удовольствия рассматривал себя. Добрых полчаса двое портных бегали вокруг меня и жужжали как пчелы, делая последние штрихи в творении своих рук. Следует отдать им должное: поработали они на славу.

На мне были бриджи узкого покроя из отличного серого сукна, невысокие черные сапоги из тщательно выделанной кожи, белая полотняная рубаха без воротника и манжет и сюртук голубого цвета, застегнутый на все пуговицы. Вокруг рукавов, от запястья до локтя, были нашиты петли из золотого шнура. Вдоль бриджей донизу шла отороченная золотом синяя полоса. На черном кожаном поясе с большой квадратной пряжкой и шведским королевским крестом, в украшенных драгоценными камнями ножнах висела рапира с отделанной орнаментом рукояткой.

На груди, слева, как и положено, к моему удивлению, висели все мои награды во вторую мировую войну. На погонах блестели яркие серебряные орлы полковника вооруженных сил США. Словом, я был облачен в мундир, соответствующий моему новому положению в обществе Империума.

Я был очень рад, что не позволил себе выродиться в мягкотелого слабака, столь характерного для департамента иностранных дел США. Размякшего и бледного от долгого пребывания в кабинетах и поздних выпивок на бесконечных официальных и неофициальных дипломатических встречах. У меня нормальная ширина плеч, вполне приемлемая осанка, выпирающий немного живот отнюдь не портит линии моего нового наряда. В хорошей форме всегда выглядишь настоящим мужчиной. Какого же беса мы напяливаем бесформенные двубортные костюмы невзрачной расцветки и плохого покроя?

Беринг, утопая в парчовом кресле, восседал в роскошных покоях, отведенных мне Рихтгофеном на своей вилле.

— Вы просто созданы для военного мундира, — заметил он.

— К вашему новому занятию у вас просто призвание.

— Вы ошибаетесь, Герман, — возразил я. Его замечание напомнило мне об обратной стороне медали. Ничего хорошего планы Империума мне не сулили. Что ж, может, все как-нибудь и уладится. Но в тот вечер мне хотелось наслаждаться жизнью.

Ужин был подан на террасе, залитой светом предзакатного солнца. По мере того как мы расправлялись с фазаном, Рихтгофен объяснил мне, что в шведском обществе просто невозможно жить без титула или звания. В основном потому, что надо же как-то обращаться друг к другу: герр доктор, герр профессор, герр инженер, герр редактор... Мой воинский статус облегчит мне вступление в мир Империума.

Вошел Винтер, неся в руках что-то напоминающее хрустальный шар.

— Ваш головной убор, сэр, — сказал он, сияя. То, что было у него в руках, оказалось стальным хромированным шлемом с гребнем вдоль верхушки и позолоченным плюмажем.

— Боже праведный, — изумился я, — не слишком ли это роскошно?

Я взял шлем; он был легкий как перышко. Подошел портной, водрузил шлем мне на голову и вручил кожаные перчатки.

— Это обязательно, старина, — сказал Винтер, заметив мое удивление. — Вы же драгун!

— Вот теперь вы само совершенство, — удовлетворенно сказал Беринг. На нем был темно-синий мундир с черной оторочкой и белыми знаками различия, на котором красовались ордена и медали.

Мы покинули мои апартаменты и спустились в рабочий кабинет на первом этаже. Винтер, я обратил внимание, сменил белую форму на бледно-желтый парадный мундир, изукрашенный серебряными позументами.

Через несколько минут к нам спустился и Рихтгофен, в костюме, похожем на фрак, с длинными фалдами, примерно конца девятнадцатого века. На голове красовался белый берет.

Я чувствовал себя превосходно и еще раз с удовольствием взглянул на свое отражение в зеркале.

Лакей в ливрее распахнул перед нами стеклянную дверь, и мы спустились по лестнице к поданному нам автомобилю. На сей раз это был просторный желтый фаэтон с опущенным верхом. На мягких кожаных сиденьях желтого цвета совсем не чувствовалось тряски.

Вечер был превосходный. В небе, словно бриллиант, светила луна, изредка заслоняемая высокими облаками. В отдалении мерцали городские огни. Автомобиль двигался мягко, бесшумно, так что отчетливо слышался шелест ветра в ветвях деревьев по обеим сторонам дороги.

Беринг догадался взять с собой небольшую флягу, и, прежде чем подкатить к массивным стальным воротам летнего дворца, мы несколько раз приложились к ней. Цветные прожектора омывали сад и толпы людей, заполнивших террасы в южном и западном крыльях здания. Мы вышли из автомобиля и через огромный вестибюль прошли в зал для приемов.

Свет массивных хрустальных бра падал на вечерние платья, парадные мундиры, до блеска начищенные ботинки, шелка, парчу, бархат. Осанистый мужчина в малиновом костюме склонился перед прелестной блондинкой в белом. Стройный, затянутый в черное, юноша с бело-золотым поясом сопровождал

леди в зеленом с золотым отливом платье в танцевальный зал. Смех и голоса тонули в звуках вальса, доносиившихся неизвестно откуда.

— Все отлично, — рассмеялся я, — но где чаша с пуншем?

Я нечасто позволяю себе надраться, но уж если решусь, так на полную катушку. Я чувствовал себя великим и хотел, чтобы это чувство как можно дольше не покидало меня. Я забыл и про то, что меня так бесцеремонно схватили. Завтрашний день меня нисколько не волновал. Чего мне не хотелось, так это увидеть кислую физиономию Бейла.

Ко мне без конца обращались с вопросами, знакомились. Я обнаружил среди гостей Дугласа Фербенкса-старшего, плотного пожилого мужчину в морском мундире, графов, герцогов, военных высокого ранга, о которых прежде не слышал, нескольких принцев и, наконец, невысокого широкоплечего мужчину с сильно загорелым лицом и усталой улыбкой. Я долго приглядывался и в конце концов узнал в нем сына императора.

Я важно прошел мимо него несколько раз с видом миллио-нера, выпитое вино придало мне смелости, и я наконец решился заговорить с ним.

— Принц Вильям, — начал я, — мне сказали, что в этом мире правит династия Ганновер-Виндзор. В тех местах, откуда я родом, все мужчины, как Ганноверского дома, так и Виндзорского, — высокие, худые и хмурые.

Принц улыбнулся.

— А здесь, полковник, все по-другому. Согласно Консти-туции, наследник должен жениться на простолюдинке. Это де-лает жизнь наследника не только приятной — среди просто-людинок есть просто красавицы, — но и поддерживает жиз-неспособность династии. Но время от времени при этом слу-чайно появляются счастливые коротышки, как я.

Толпа все дальше увлекала меня за собой, я говорил, ел бутерброды, пил все подряд, начиная от водки и кончая пивом. И конечно же танцевал со всеми обворожительными девушками. Впервые в жизни десять лет посольской суетной жизни дали положительный результат. Печальный опыт, приобретенный во время ночных бдений, когда я стоял с рюмкой в руке от захода солнца до полуночи, накачивая представителей других дипло-матических миссий, которые в свою очередь старались накачать меня, позволил мне пить, не пьянея.

И все же я решил выйти на свежий воздух, на темную га-лерею, глядящую в сад. Я облокотился на массивный каменный парапет, взглянул на звезды и стал ждать, пока не утихнет звон у меня в голове.

Я снял белые перчатки, которые по совету Рихтгофена должен был иметь всегда при себе, и, отдавая швейцару шлем, расстегнул верхнюю пуговицу своего тугого мундира.

Ночной бриз легким потоком струился над темными газонами, принося аромат цветов. Оркестр играл что-то очень напоминавшее вальсы Штрауса.

“Старею, — подумал я, — а возможно, просто устал.”

— Неужели у вас есть причины для усталости, полковник? — раздался за спиной у меня спокойный женский голос. Кто-то угадал мои мысли.

Я обернулся.

— А, это вы, — сказал я. — Очень рад. Уж лучше думать вслух, чем слышать воображаемые голоса.

У нее были рыжие волосы и бледно-розовое платье.

— Да, да, я очень рад, — добавил я. — Мне нравятся золотоволосые красавицы, вдруг появляющиеся ниоткуда.

— Почему “ниоткуда”, полковник? — засмеялась девушка. — Я пришла оттуда, где жарко и людно.

Она говорила по-английски, негромко, и ярко выраженный шведский акцент превращал банальные фразы в очаровательную болтовню.

— Что верно, то верно, — согласился я. — Меня заставили выпить лишнего, и я вышел сюда освежиться.

Мне нравилось, что я так легко и свободно беседую с прелестной молодой дамой.

— Отец сказал мне, что вы родились не в Империуме, полковник, — сказала она, — и что вы из мира, который является точным подобием нашего и в то же время совсем другой. Было бы интересно побольше узнать об этом вашем мире.

— Боюсь, вам там не понравилось бы. Мы очень строго относимся к самим себе и, делая друг другу всевозможные пакости, придумываем хитроумные извинения.

Я мотнул головой. Мне не нравился такой поворот беседы.

— Смотрите, — сказал я, — ведь я без перчаток. Вот и веду подобные разговоры.

Я снова натянул перчатки.

— А теперь, — произнес я чопорно, — разрешите пригласить вас на танец! Доставьте мне удовольствие.

Прошло добрых полчаса, прежде чем мы прекратили это увлекательное занятие, чтобы заглянуть в зал со спиртным.

Оркестр снова заиграл вальс, когда от сокрушительного взрыва задрожал пол и высокие стеклянные двери в восточной части танцевального зала сорвались с петель. Вместе с пылью в помещение ворвались молодчики в разношерстной солдатской форме. Вожак, чернобородый гигант в полинялой гимнастерке,

какую носили в армии США, и мешковатых бриджах вермахта, поднял рычаг сбоку от короткого автомата с диском и дал длинную очередь в самую гущу толпы. Под этим убийственным огнем падали и мужчины и женщины, те же мужчины, что уцелели, без колебаний бросались на атакующих. Стоя среди камней, вывороченных взрывом, здоровенный детина, заросший рыжей щетиной, в короткой куртке британского солдата, восемью выстрелами свалил восемь приближавшихся к нему офицеров Империума. Когда же он чуть отступил, чтобы сменить обойму в своем М-1, девятый проткнул ему горло усыпанной бриллиантами шпагой.

Я стоял неподвижно, держа девушку за руки. Хотел было крикнуть, чтобы она уходила, но спокойствие в ее глазах остановило меня. Она скорее приняла бы смерть, чем побежала по обломкам.

Рывком я вытащил шпагу из ножен и стал пробираться к пролому в стене. Вдруг из клубов дыма и пыли вынырнул человек с горящими глазами, сжимая в руках дробовик. Я с силой воткнул ему шпагу в шею и выдернул ее, прежде чем она вылетела из моих рук. Человек споткнулся, стал хватать ртом воздух. Я бросился к нему, намереваясь вырвать из его слабеющих рук ружье, но в этот момент появился еще один нападающий с пистолетом 45-го калибра в руке. Наши взгляды встретились. Он навел на меня пистолет, но я успел полоснуть его шпагой по руке. Пуля попала в пол, и пистолет выскоцил из повисшей плетью руки. Вторым ударом шпаги я поразил его насмерть.

Еще один молодчик пересек комнату с крупнокалиберной винтовкой наперевес. Двигался он медленно, неуклюже, и я заметил, что из его левой руки течет кровь. Я выстрелил ему прямо в лицо.

С момента взрыва прошло минуты две, не больше, но из пролома никто больше не появлялся.

Недалеко от меня упал на пол парень, жилистый, с длинными, ниспадавшими на спину соломенными волосами, собираясь сменить магазин в своем автоматическом браунинге. В два прыжка я очутился возле него и обеими руками с силой вонзил шпагу ему в живот. Это было не очень изящно, но я ведь новичок.

Затем я увидел, как Беринг обхватил руками высокого парня, который ругался на чем свет стоит, пытаясь поднять свой исковерканный ручной пулемет. Вдруг в ушах у меня раздался грохот, и я почувствовал, как что-то обожгло затылок. Хорошо, что я вовремя отскочил, иначе негодяй прострелил бы мне шею. Я бросился к нему и воткнул шпагу прямо в ребра. Шпага сло-

малась, но враг весь как-то обмяк, и Беринг почувствовал облегчение.

Я не бог весть какой спортсмен, но винтовка против хлыста кого угодно сделает ловким.

Герман отступил, презрительно сплюнул и бросился на ближайшего бандита. Шпага была сломана, и я наклонился, чтобы поднять автомат. Один из бандитов как раз защелкивал обойму в свой пистолет, когда я выпустил очередь ему прямо в живот.

Оглянувшись, я обнаружил, что уже несколько подданных Империума стреляют из захваченного оружия, а уцелевшие бандиты прижаты к стене. Пули проносили каждого, кто пытался встать на ноги, но бандиты и не помышляли о бегстве.

Я бросился вперед, чувствуя, что здесь что-то неладно. Выстрелом из винтовки я сразил наповал бандита с окровавленным лицом, который стрелял одновременно из двух автоматических мелкокалиберных винтовок. Последним выстрелом я уложил здоровенного карабинера. Больше патронов не было. Я поднял с пола другую винтовку, но к этому времени в живых остался лишь один бандит, пытавшийся освободить заклиненный затвор своего оружия.

— Возьмите его живым! — закричал кто-то. Стрельба прекратилась, и дюжина человек схватила отчаянно сопротивлявшегося головореза.

Толпа хлынула в зал, женщины склонились над ранеными, мужчины перевели дух и стали переговариваться между собой. Я подбежал к бившимся на ветру портьерам.

— Сюда, — закричал я, — снаружи... — На разговоры не было времени, и я даже не успел взглянуть, кто бросился за мной. Перемахнув через груду камней, вскочил на взорванную террасу, перескочил через перила и грохнулся на землю, однако, не почувствовав боли, тут же вскочил. Освещенный прожекторами, поперек цветника стоял огромный фургон серого цвета. Трое оборванцев тащили что-то громоздкое к небольшой треноге, стоявшей на газоне. Представив себе, что останется от этого дворца и его гостей, если бросить атомную бомбу, я с криком бросился вперед, стреляя из винтовки и нисколько не заботясь о том, достигнут ли мои пули цели.

Трое зашатались и упали на землю. Но тут со стороны фургона послышалась длинная пулеметная очередь, и я вынужден был залечь. Этим воспользовались те, кто тащил атомную бомбу. Вместе со своей "игрушкой" они начали отползать в сторону открытой двери фургона. Но тут один из них издал короткий вскрик и замер без движения, и я понял, что кто-то сзади меня тоже стреляет. Еще один из бандитов пронзительно вскрикнул, приподнялся и снова рухнул на траву. Третий вскочил в от-

крытую дверь, и через мгновение фургон исчез, обдав меня пылью.

Громоздкий предмет зловеще лежал на траве. Я был уверен, что в нем нет взрывателя, и обратился ко всем:

— Не трогайте эту штукку, господа. Уверен, это что-то вроде атомной бомбы.

— Хорошая работа, старина, — услышал я знакомый голос. Это был Винтер, его светло-желтый сюртук был в крови. — Жаль, мы не догадались, что эти парни устроили всю эту пальбу, чтобы отвлечь нас. У вас все в порядке, полковник?

— Кажется, — сказал я, едва дыша. — Давайте вернемся. Необходимо оказать помощь раненым.

Мы шли по битому стеклу, обломкам штукатурки и сломанным рамам, по упавшим портьерам. И вошли наконец в ярко освещенный и наполненный пылью танцевальный зал.

Мертвые и раненые лежали полукругом возле сломанной стены. В одной из женщин я узнал ту самую прелестную брюнетку, с которой танцевал. Все вокруг было забрызгано кровью. Я стал разыскивать свою рыжеволосую красавицу. Она стояла на коленях возле раненого, поддерживая его голову.

Раздался крик. Винтер и я всполошились. Один из раненых бандитов шевельнулся, что-то бросил и навсегда затих под выстрелами. Что-то шлепнулось рядом со мной, я, словно завороженный, смотрел, как граната, кружась и тарахтя об пол, остановилась метрах в трех от меня, сделав еще пол-оборота. Я так и застыл на месте. “Это конец, — подумал я. — Так и не узнал ее имени.”

Позади я услышал глубокий вздох. Мимо меня пронесся Винтер и упал, прикрыв своим телом гранату. Раздался взрыв, и Винтер подскочил на полметра вверх.

Я был потрясен, голова закружилась. Я пошатнулся. Бедный, несчастный Винтер! У меня подкосились ноги, и пол опрокинулся на меня.

Надо мной склонилась она, лицо ее было бледным, но спокойным.

Я коснулся ее плеча:

— Как вас зовут?

— Барбру Люнден. Я думала, вы знаете.

Казалось, она глубоко изумлена. Я привстал.

— Лучше окажите помощь тому, кто в ней больше нуждается,

— сказал я. — Я просто хлипкий и слабый.

— Нет, — возразила она, — у вас сильное кровотечение.

Появился Рихтгофен, он был опечален. Рихтгофен помог мне встать на ноги. Шея и голова у меня гудели от боли.

— Слава богу, что вы не пострадали, — произнес он.

— Скажите спасибо Винтеру, — ответил я. — Не думаю, что есть шанс...

— Да. Убит наповал, — наклонил голову Рихтгофен. — Он был верен до конца своему долгу.

— Несчастный. На его месте должен был быть я.

— Нам посчастливилось, что вы уцелели, — сказал Рихтгофен. — И все же в этой свалке вы потеряли много крови. Поэтому вам сейчас необходим...

— Я хочу остаться здесь. Возможно, я смогу чем-нибудь помочь.

Откуда ни возьмись появился Беринг и, положив руку мне на плечо, увел с собой.

— Спокойно, друг, — сказал он, — не нужно эмоций. Винтер умер при исполнении служебных обязанностей. Не забудьте, он был офицером!

Герман знал, что беспокоит меня. Я мог бы накрыть своим телом эту гранату так же, как Винтер, но подобная мысль даже не пришла мне в голову. Не будь я в тот момент парализован страхом, первое, что я сделал бы, — это бежал.

Я не сопротивлялся. Я чувствовал себя опустошенным от преждевременного похмелья. Манфред сел к нам в машину, и мы молча поехали домой.

Единственное, о чем я спросил, так это о бомбе, и Беринг сказал, что ее забрали люди Бейла.

— Скажите им, чтобы утопили бомбу в море, — посоветовал я.

Когда мы подъехали к вилле, кто-то ждал нас на лестнице. Я узнал тучного Бейла с его крохотной головкой. Я не обратил на него ни малейшего внимания, зашел в гостиную, прошел к буфету, вытащил бутылку виски и налил полный бокал.

Остальные, разговаривая, подошли ко мне. Меня удивило, где это весь вечер был Бейл.

Бейл сел, выжидательно глядя на меня. Он хотел услышать все о бандитском налете. Новости он выслушал спокойно, но без особого энтузиазма.

— Мистер Беринг сказал, — обратился он ко мне, — что во время схватки вы вели себя очень достойно, мистер Байард. Вероятно, мое суждение о вас было несколько поспешным.

— Меня нисколько не заботит, что вы обо мне думаете, Бейл, — ответил я. — Кстати, где вы сами были во время нападения? Спрятались под ковром?

Бейл побледнел и выскочил из комнаты. Беринг кашлянул, а Манфред бросил на меня уничтожающий взгляд и поспешил

за Бейлом, чтобы проводить его, как и подобает гостеприимному хозяину.

— С инспектором нелегко работать, — заметил Беринг. — Я понимаю вас, полковник, но вам следует знать, что Бейл — один из искуснейших фехтовальщиков нашего мира. Поэтому советую вам не горячиться...

Он обошел вокруг стола.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы и так уже ранены. И мы не можем допустить, чтобы вас убили в столь ответственный момент. Кстати, вы и в самом деле искусно владеете пистолетом?

— О какой ране идет речь? — изумился я, не отвечая на последний вопрос. — Вы имеете в виду мой затылок?

Я прикоснулся к нему рукой и поморщился от боли. Рана была глубокой. Вокруг запеклась кровь. Спина моя стала влажной от пота.

— Надеюсь, вы окажете честь Манфреду и мне быть вашими секундантами, — продолжал Беринг, — и, возможно, советчиками...

— О чем это вы, Герман? — спросил я. — Какими еще секундантами?

— Гм-м, — толстяк казался смущенным. — Мы хотим присутствовать при вашем поединке с Бейлом.

— Поединке?! — Только сейчас я стал понимать весь ужас своего положения.

Беринг взглянул на меня.

— Инспектор Бейл — человек весьма щепетильный в вопросах чести, — сказал он. — Вы позволили себе его оскорбить, да еще при свидетелях. Возможно, он это заслужил. Но ялагаю, Бейл потребует удовлетворения. И вам, мистер Байард, придется принять вызов.

Глава VI

Меня знобило. Я никак не мог окончательно проснуться и безуспешно пытался выпрямить голову — нестерпимо болел затылок.

Рихтгофен, Беринг и я стояли под развесистыми липами в нижней части королевского парка. До рассвета оставалось несколько минут, и мне хотелось знать, что это за ощущение — получить пулю в коленную чашечку.

Послы wholeлся шум, и на дороге показались неясные очертания автомобиля, фары едва пробивали предрассветную мглу.

Глухо хлопнула дверца, и на пологом склоне появились три

силуэта, вначале едва различимые, они по мере приближения становились все отчетливее.

Одна из фигур отделилась и стала в стороне. Это, вероятно, был Бейл.

Вскоре прибыл второй автомобиль, и в тусклом свете подфарников показалась еще одна фигура, видимо женщина. "Врач," — подумал я.

Послышались приглушенные голоса, сдержаненный смех. Такие долгие приготовления. Все на самом высоком уровне.

Я размышлял над тем, что сказал мне Беринг по пути сюда.

Бейл вызвал меня на дуэль в соответствии с конвенцией Тосса, не предусматривающей убийство одного дуэлянта другим. Только ранение, чтобы как можно больнее унизить противника.

Все это было весьма сомнительно. Кто мог поручиться, что в пылу схватки рана не окажется смертельной?

Рихтгофен дал мне черные брюки и белую рубаху, реквизит действа, и легкий плащ, в котором я дрожал от холода. Единственное, что не мерзло, это забинтованная шея.

Но вот небольшая группа напротив меня раскололась. Ободряюще улыбаясь, ко мне приблизились мои секунданты и тихо пригласили идти за ними. Беринг взял у меня плащ, и я еще больше озяб.

Бейл и его люди направлялись к прогалине, где было светлее.

— Думаю, света достаточно, не так ли, господа? — произнес барон Халлендорф, один из секундантов инспектора Бейла. Я имел счастье с ним познакомиться на том злополучном банкете, в летнем дворце.

Рассвет вступал в свои права. На востоке вспыхнули первые багровые полосы. На их фоне силуэты деревьев казались еще темнее.

Ко мне подошел Халлендорф с коробкой с пистолетами. Я взял один, не глядя. Бейл взял второй, тщательно проверил его, щелкнув курком и осмотрев ствол. Рихтгофен вручил каждому из нас по обойме и заявил:

— Три раунда!

У меня не было возражений.

Бейл проследовал к месту, указанному Халлендорфом, и повернулся спиной. Сейчас, когда рассвело, автомобили просматривались гораздо лучше. Большой напоминал "паккард" тридцатых годов. По знаку Беринга я занял свое место спиной к Бейлу.

— По сигналу, господа, — сказал Халлендорф, — делаете десять шагов. По команде оборачиваетесь и стреляете. Во имя чести и нашего императора, начинайте, господа!

Белый платок выпорхнул из его рук и опустился на землю. Я зашагал. Один, два, три...

Возле небольшого автомобиля кто-то стоял. Интересно, кто бы мог быть?.. Восемь, девять, десять. Я остановился. Голос Халлендорфа был невозмутим.

— Поворачивайтесь и стреляйте!

Я обернулся, держа пистолет сбоку. Бейл загнал патрон в патронник, расставил ноги, заложил левую руку за спину и поднял пистолет. Нас разделяло чуть больше двадцати метров мокрой от росы травы.

Я стал приближаться к нему. Это не было запрещено. Бейл слегка опустил пистолет, и я увидел его бледное лицо и пристальный взгляд. Пистолет снова поднялся и почти в тот же миг подпрыгнул с резким сухим треском. Стреляная гильза перелетела через голову Бейла и, сверкнув в лучах зари, упала на траву. Промах!

Я продолжал идти. У меня не было намерения стрелять наугад, в едва различимую в предрассветной мгле цель. Я вовсе не собирался убивать противника, чего, вероятно, нельзя было сказать о Бейле. Нет, в его игру я не желал играть!

Бейл держал пистолет в вытянутой руке, не сводя с меня глаз. Он с легкостью мог бы меня убить, но это было бы нарушением кодекса. Пистолет в его руке дрожал: он никак не мог решиться, куда целиться. Ему было явно не по себе.

Пистолет замер и вновь подскочил. Раздался негромкий выстрел. Я понял, что Бейл целится в ногу, потому что был достаточно близко, чтобы видеть наклоненное дуло.

Он отступил на шаг и поднял пистолет повыше. Значит, собирался нарушить правила. Неверный выстрел, промах — мало ли чем можно объяснить свою ошибку. При этой мысли я напрягся.

Следующего выстрела я не услышал. Ощущение было такое, будто меня ударили бейсбольной битой по боку. Я споткнулся, стал задыхаться, но устоял на ногах, ощущая жгучую боль повыше бедра.

Оставалось всего метров шесть... Я перевел дух.

Бейл плотно сжал губы, на лице было замешательство. Он прицелился мне в ноги и сделал два выстрела подряд. Одна пуля зацепила носок правого ботинка, другая попала в землю. Я подошел почти вплотную к противнику. Хотел что-то сказать, но не мог. Все, на что я был способен, так это сдерживать себя. Неожиданно Бейл отступил на шаг, поднял пистолет и прицелился мне в грудь, нажав на курок. Раздался слабый щелчок. Бейл удивленно посмотрел на свой пистолет.

Я швырнул пистолет ему под ноги, сжал кулак и со всего размаха ударили его в челюсть. Он покачнулся, а я зашагал на встречу Герману, Рихтгофену и спешащему ко мне врачу.

— Боже праведный, — Герман, задыхаясь, схватил мою руку и стал жать. — Трудно в это поверить.

— Больше унизить инспектора Бейла, чем это сделали вы, невозможно, — сказал Рихтгофен, сверкая глазами. — Полагаю, вы научили его вас уважать!

Ко мне протиснулся врач.

— Господа, позвольте осмотреть рану.

Мне подставили табурет, и я с благодарностью на него опустился.

По просьбе врача я вытянул ногу.

Надрезая одежду и кожу, врач вскрикивал и ворчал, видимо наслаждаясь своим искусством. Возможно, он был романтиком.

Я открыл глаза. Ко мне приближалась Барбру. Солнечные лучи играли в ее золотых волосах.

— Герман, — обратился я к Берингу, — мне надо немного поспать, но прежде всего я должен сказать, что согласен выполнить ваше поручение. В благодарность за то, что немного позабавился в вашем мире.

— Спокойно, Брайан, — сказал подошедший Рихтгофен, который улаживал какие-то дела с секундантами Бейла. — Сейчас нет нужды думать об этом.

— И все же я хочу, чтобы вы знали — я согласен!

Барбру склонилась надо мной:

— Брайан, вы не очень тяжело ранены?

Она была явно встревожена.

Я улыбнулся и взял ее руку.

— Наверняка вы уверены, что ранен я случайно. Бывают дни, когда я то и дело расшибаюсь. Видимо, они наступили...

Она сжала мою руку и опустилась на колени.

— Вам, должно быть, очень больно, раз вы шутите, — произнесла она с горечью. — Этот Бейл явно свихнулся. — Она обратилась к врачу: — Помогите ему, доктор Блюм.

— Вы счастливчик, полковник, — пробурчал врач, тыча мне пальцем в рану. — Ребро не повреждено. Через несколько дней останется небольшой шрам и синяк на память.

— Помогите мне, дорогая, — попросил я Барбру.

Беринг подставил плечо, чтобы я смог опереться, и сказал:

— Вам сейчас нужно хорошенъко выпспаться.

Глава VII

Я попробовал расслабиться в своем кресле в тесной кабине шаттла. Оператор склонился перед узким освещенным пультом, внимательно всматриваясь в шкалы приборов и щелкая тумб-

лерами на панели, напоминавшей миниатюрную счетную машину. Беззвучная вибрация наполняла воздух, проникая до мозга костей.

Я заерзal, пытаясь найти более удобное положение. Шея и бок снова заныли. Разрозненные фрагменты бесконечного инструктажа последних десяти дней пронеслись в моей памяти. Имперской разведке не удалось раздобыть материалы о маршале Байарде в нужном количестве. Однако их было больше, чем мог воспринять мой мозг. Я надеялся, что сеансы гипноза каждую ночь в течение недели во время сна введут в мой мозг необходимые знания и, когда потребуется, они сами выскочат.

Байард был тайной даже для своих приближенных. Его редко видели, в основном только на экранах, которые имперские разведчики считали чем-то вроде рисовальных аппаратов. Я пытался объяснить, что телевидение широко распространено в моем мире, но они так и не поняли этого.

Последние три ночи мне дали хорошо выспаться. Каждый день я по часу занимался тщательно отобранными для меня физическими упражнениями. Раны у меня почти зажили. Я был и физически, и морально готов к рискованному делу и хотел поскорее за него взяться. От разговоров я просто устал.

Я проверил свою экипировку. На мне был военный сюртук, точь-в-точь такой, как на парадном портрете Байарда. Портрет был поясной, и брюк мы не видели. Тогда я предложил сшить брюки такого же цвета, как и сюртук.

Ордена и ленты не нацепили, как показано на снимке. Не думаю, что он их носит в обычной домашней обстановке. По этой же причине воротник был расстегнут и галстук ослаблен.

Меня кормили одними тощими бифштексами, чтобы я не много похудел. Парикмахер каждое утро и вечер делал мне интенсивный массаж головы и не велел ее мыть, чтобы стимулировать рост волос и сделать прическу такую, как на снимке.

К поясу пристегнут был сетчатый подсумок, в который поместили передатчик. Пусть будет на виду, решили мы, все равно его никуда не запрячешь. Микрофон был вставлен в широкие позументы на моих отворотах. В довершение ко всему меня снабдили толстой пачкой ассигнаций НД государства.

Я осторожно шевельнул правой рукой, чувствуя присутствие сжатой пружины, которая может выбросить в мою руку пистолет размером со спичечную головку, правда при определенном изгибе запястья.

Это маленькое оружие было настоящим смертоносным чудом. Формой оно напоминало морской камешек, такое же серое и гладкое. На земле его невозможно было бы обнаружить, что было для меня очень важно в экстремальной ситуации.

В глубь рукоятки оружия уходил спиральный канал толщиной не более волоса. Сжатый газ, заполняющий узкую камеру, служил и источником энергии, и аналогом пули. При нажатии крохотный шарик сжиженного газа выстреливался с огромной начальной скоростью. Будучи освобожденным от сдерживающих стенок дула, изготовленного из очень прочного сплава, бусинка мгновенно расширялась до размеров кубического фута. Результатом был почти бесшумный взрыв, способный за счет ударной волны пробить броню в сантиметр толщиной или убить человека на расстоянии трех метров.

Именно такое оружие и было мне нужно — незаметное, бесшумное и эффективное. Расположение пружин в рукаве делало его почти частью руки, правда лишь в том случае, если рука была достаточно умелой.

Я практиковался в течение многих часов, одновременно слушая лекции, обедая и даже лежа в постели. Я считал эту часть тренинга очень важной для выполнения своей задачи. Я старался не думать еще об одном средстве подстраховки, установленном в полости моста на месте коренного зуба.

Каждый вечер после занятий я отдыхал со своими новыми друзьями, наведываясь в Императорский балет, театры, оперу и веселые варьете. Вместе с Барбру мы обедали в роскошных ресторанах, после чего бродили по освещенным луной паркам, пили кофе на закате...

В день отправления я испытал необычайное желание быстрее вернуться.

Оператор повернулся ко мне:

— Полковник, поздравьте себя. Здесь что-то такое, чего я никак не могу понять.

Я весь напрягся, но ничего не сказал. Пусть разузнает все хорошенько и после расскажет. Я пошевелил рукой на всякий случай, уж не выронил ли я ненароком свой пистолет. Это уже вошло в привычку.

— Я обнаружил движущееся тело в Сети, — доложил оператор, — кажется, оно движется по тому же курсу, что и мы. Пространственный индикатор показывает, что оно очень близко.

Империум на десятки лет отстал от нашего мира в области ядерной физики, телевидения, аэродинамики и мало ли в чем еще. Зато приборы в аппаратах Максони не знали себе равных. Самые лучшие ученые посвятили их разработке больше полу века.

Оператор склонился над пультом, как органист над органом.

— Масса этого тела где-то около полутора тонн, — сказал он.

— Это соответствует весу легкого шаттла, но это не может быть ни один из наших...

В течение нескольких минут стояла напряженная тишина.

— Он следует за нами по пятам, полковник. Либо их приборы современнее наших, либо этому парню сопутствует удача.

Мы оба решили, что незнакомец не может быть ничем иным, как аппаратом из мира В-1-два.

Внезапно оператор напрягся, руки его замерли.

— Он приближается к нам, сэр. Похоже, они решились на таран. Тогда нас разнесет на куски.

Мои мысли перескакивали с пистолета на зуб. В то же время очень хотелось узнать, что же случится при столкновении. Я как-то не думал о том, что конец может наступить раньше.

Напряженность длилась еще несколько секунд, пока оператор не сказал с облегчением:

— Пронесло. Вероятно, его способ маневрирования в пространстве уступает скорости движения в Сети. Но он вернется. Он жаждал крови.

Тут мне пришла в голову одна мысль, и я спросил:

— Наш максимальный уровень контролируется энергией обычной энтропии, не так ли?

Оператор кивнул.

— Что, если замедлить ход? Может, он проскочит?

Оператор отрицательно покачал головой:

— В Зоне Поражения это рискованно. Но, думаю, у нас нет выбора — придется на это пойти. И да поможет нам бог.

Я понимал, как тяжело оператору решиться на это. Во время напряженных шестилетних тренировок дня не проходило, чтобы этого молодого парня не предупреждали о недопустимости любых изменений управления в Зоне Блайта.

Звук генератора изменился, частота стала слышимой, падая все ниже.

— Он все еще близко, сэр!

Звук стал еще более низким. Я не знал, где критическая точка, в которой мы потеряем искусственную ориентацию и попадем в область обычной энтропии. Звук генераторов дошел почти до уровня низких частот. Оператор непрерывно щелкал переключателями, не отрывая взгляда от шкал приборов.

Шум привода гремел по шаттлу, дальше уже нельзя было снижаться. Но и противник не мог этого сделать.

— Он все еще с нами, полковник, только... — Вдруг оператор закричал: — Полковник, он исчез из виду!.. Видимо, его управление не столь совершенно, как наше. Ну, что ж, счастья ему там, где он материализовался.

Я откинулся в кресле, как только генераторы возобновили работу в обычном режиме. Ладони мои были влажными. Интересно, в каком из адов Поражения он возник? Но уже через

несколько минут я забыл о нашем противнике. Возникла новая проблема, и было уже не до нервов.

— Хорошая работа, техник, — сказал я наконец. — Сколько еще нам осталось?

— Минут десять, сэр. Это маленько дельце отняло у нас больше времени, чем я предполагал.

Я начал последнюю проверку. Во рту пересохло. Все как будто на своих местах. Нажал кнопку коммуникатора.

— Алло, Талисман, — сказал в микрофон. — Это Гончая. Как вы меня слышите? Прием.

— Гончая, это Талисман. У нас все в порядке. Прием.

Тихий голос говорил мне в самое ухо из крохотного динамика, смонтированного в пуговице на моем погоне.

Я обрадовался незамедлительному ответу. Почувствовал себя не столь одиноким. Осмотрел механизм выходной двери. Следовало дождаться команды оператора “на выход” и лишь потом ударить по рукоятке. После этого оставалось всего две секунды на то, чтобы убрать руку и загнать в ладонь пистолет, прежде чем сиденье автоматически опрокинет меня в стоячее положение уже за входной дверью. Шаттл исчезнет, прежде чем мои ноги коснутся пола.

Последние десять дней я настолько был поглощен текущими делами, что совершенно не думал о своем прибытии в мир В-1-два. Моим тренингом руководили настоящие профессионалы, и тогда все казалось вполне осуществимым. Теперь же, будучи брошен в логово противника, я с особой остротой ощутил всю опасность возложенной на меня миссии. Однако размышлять было некогда, и я даже радовался этому. Империум стал частицей моей жизни, а я — его козырной картой. И теперь настал срок ходить с этой карты. Ценность моя для Империума могла быть реализована только так. И чем быстрее это произойдет, тем лучше! Я не был уверен, что в настоящее время диктатор находится во дворце. Возможно, придется спрятаться и дожидаться его возвращения в резиденцию. Один Бог знает, как долго придется ждать, возможно, понадобится и добытая у пленника информация, и удача. В противном случае при выходе из шаттла я могу оказаться в воздухе, на высоте сорока метров.

Послышался треск переключателя, и оператор повернулся ко мне.

— На выход, Гончая! — закричал он. — И удачной охоты!

Протягиваю руку и ударяю по рычагу. Выгнув руку, сжимаю в ладони пистолет. С лязгом и скрежетом отскакивает дверь, и гигантская рука вышвыривает меня в неизвестность. На какой-то момент я теряю ориентацию, шагаю во тьму. Вот уже мои ноги касаются покрытого ковром пола.

В лицо ударяет струя воздуха, и эхо убывающего шаттла гулко разносится по коридору.

Я вспоминаю инструкцию: стоя неподвижно, осторожно осмотреться. Вокруг ни души. Зал совершенно пуст. С потолка льется слабый свет.

Я ПРИБЫЛ !!!

Я снова спрятал пистолет под защелку в рукаве. Стоять больше нет смысла, и я начинаю осторожно двигаться по коридору.

Все двери одинаковы, без всяких пометок. Толкаю одну. Заперта. И другая тоже. Третья открыта. Я осторожно заглядываю в комнату. Похоже, это зал заседаний. Иду дальше. Мне нужна только спальня. Если диктатор в ней, я знаю, что делать, а нет — подожду. Рано или поздно он вернется туда. Главное — не встретить кого-нибудь.

Хлопнул лифт, совсем близко, за углом. Я, пятясь, вернулся к ближайшей двери. К счастью, она не была заперта. Вошел внутрь, но дверь до конца не закрыл. Сердце бешено колотилось. Куда девалась моя храбрость. Я чувствовал себя трусливым во-ришкой.

Совсем рядом послышались легкие шаги.

Я закрыл дверь, стараясь не щелкнуть замком, и на всякий случай решил спрятаться. Огляделся, вышел на середину комнаты. В темноте у стены стояло что-то высокое. “Гардероб”, — подумал я. Пересек комнату, открыл дверцу и спрятался среди одежды. Положение — глупее не придумаешь. Дверь в комнату отворилась и затворилась. Шагов слышно не было, но через щель в дверце я увидел человека, стоявшего у выключателя спиной ко мне. Через мгновение я услышал тихий звук пододвигаемого стула и легкий звон ключей. Что-то звякнуло, тихонько, раз, другой. Вошедший, видимо, пытался открыть ящик стола.

Я стоял, затаив дыхание. Нестерпимо зудела щека, но я старался не думать об этом.

Я заметил висевший слева от меня сюртук, точнее его плечо. Осмотрел, он был таким же, как и мой, с богато украшенными лацканами. Слава Богу! Наконец-то я нашел нужную комнату. Но здесь была моя жертва! Ни разу в жизни мне не приходилось убивать человека в подобных обстоятельствах.

Снова послышались тихие звуки, и я различал частое тяжелое дыхание. Интересно, как он выглядит, мой двойник? Действительно ли похож на меня? Или просто так, небольшое сходство? Достаточно ли я похож на него, чтобы занять его место?

Интересно, почему он никак не может найти нужный ключ?

А может быть, это не его стол? Я чуть-чуть шевельнулся и сквозь одежду увидел его. Он был мал ростом, с редкими волосами и нисколько не походил на меня. Это обстоятельство заставило меня задуматься и как можно быстрее принять решение.

Диктатора, видимо, не было во дворце, иначе этот человек не осмелился бы так долго возиться в его кабинете. Бряд ли приближенный диктатора станет проявлять излишнее любопытство. Этот человек может быть мне полезен.

Не прошло и пяти минут, как нужный ключ был найден. Все тело ныло от неудобной позы. С трудом сдерживался, чтобы не чихнуть. В нос лез ворс от одежды. Я слышал шелест бумаг и невнятное бормотание. Видимо, человек рассматривал содержимое ящика. Щелкнул замок. Человек поставил на место стул и теперь приближался ко мне. Я застыл, рука напряглась, готовая взять пистолет и выстрелить в тот момент, когда незнакомец откроет шкаф. Я еще не был готов к новой роли двойника.

Я с облегчением вздохнул, когда человек прошел мимо и исчез. Снова раздались звуки открываемых ящиков, не то бюро, не то секретера.

Внезапно дверь отворилась, и послышались еще чьи-то шаги. Тот, кто вошел первым, замер, но тотчас же послышался голос:

— А, это ты, Морис, не так ли? — Видимо, это был голос первого. Он оценил обстановку.

Наступила пауза.

— Мне показалось, что в кабинете шефа горит свет, и это мне показалось странным, — ответил тот, кого звали Морис.

Первый прошел к середине и сказал:

— Я решил заглянуть сюда, проверить, все ли в порядке.

Морис хихикнул.

— Не пытайся что-нибудь стащить. Ведь ты пришел сюда за тем же, за чем и я.

— О чём это ты? — прошептал первый.

— Сядь, Флик. Нет, нет, не волнуйся. Неужели ты не знаешь, что все тебя так называют? — Морис, судя по интонации, был очень доволен.

Битых полчаса Морис то подтрунивал над собеседником, то льстил ему, стараясь озадачить. Итак, первого звали Джорджес Пине; он возглавлял силы безопасности диктатора. Второй был военно-гражданский советник бюро пропаганды и образования. Пине был не слишком умен, как это ему казалось, замышляя свержение Байарда. Морис об этом все знал и только ждал случая, чтобы воспользоваться своей осведомленностью.

Это не понравилось Пине, но он смирился после того, как Морис упомянул о вещах, знать которые не полагалось никому,

— например, о спрятанном аэроплане и тайнике с золотом, устроенным под землей в нескольких километрах от города.

Я внимательно слушал, стараясь не шевелиться. Пине согласился дать список лиц, впавших в немилость у диктатора, и так заручиться их поддержкой. О том, что он сам предложил маршалу внести этих людей в список, Пине не обмолвился ни словом.

Похоже, я был слишком самонадеян. Внезапно разговор оборвался, и наступила тишина. Я не знал, что произошло, но почувствовал, что сейчас будет. Шаги были тихими, и наступила короткая пауза, прежде чем дверцы шкафа распахнулись. Моя маскировка не помогла.

Я вышел, бросив холодный взгляд на Пине.

— Ну, Джорджес, — сказал я, — теперь я знаю, что у тебя за душой. — Я говорил на том французском диалекте, что и они, и подготовился к действию.

— Дьявол! — завопил Морис, глядя на меня широко раскрытыми глазами. В какой-то момент мне показалось, что можно легко покинуть эту комнату. Я сделал шаг в сторону, пистолет оказался у меня в ладони.

— Посторонись! — крикнул я.

Но Пине бросился на меня. Я пустил в ход свое оружие и напрягся, чтобы не быть отброшенным отдачей. Пине отшвырнуло назад, он опрокинулся на спину и больше не двигался. В этот момент на меня налетел Морис. Я отскочил к противоположной стене и упал, он оказался на мне. Все еще сжимая пистолет, я попытался было выстрелить. Но в голове гудело, а Морис был стремителен и силен как бык. Он повернул меня и скрутил за спиной мне руки. Затем, тяжело дыша, сел на меня верхом.

— Кто ты? — прошипел он.

— Я думал, ты узнал меня, Морис, — ответил я, засовывая пистолет за манжету рубашки. Трудно передать, каких это стоило мне усилий.

— Ты так думал, да? — засмеялся Морис, оглядывая меня. Лицо его было багровым и влажным. Он вытащил из кармана дубинку и слез с меня.

— Вставай! — приказал он и перешел на шепот. — Боже мой! Фантастика, да и только. Кто тебя послал?

Я не ответил. Было ясно, что мне не удалось одурачить его. Так хотелось узнать, что именно меня выдало. Охваченный любопытством, Морис подошел ближе и резко ударил меня по шее. Сломай он мне шею, было бы не так больно. Я почувствовал, как кровь брызнула из моей еще не зажившей раны. Это, кажется, ошеломило его, и, скаля зубы, он сказал:

— Прости меня. В следующий раз буду бить в другое место. И отвечай, когда тебя спрашивают.

Что-то злобное было в его голосе. Выражение лица напомнило тех, кто нападал на летний дворец в Империуме. Эти люди уже видели ад на земле и перестали быть людьми.

Морис смотрел на меня оценивающе, похлопывая дубинкой по ладони.

— Пожалуй, — сказал он, — нам нужно поговорить, только не здесь. И держи руки на виду!

Глаза его бегали по сторонам, видимо отыскивая мой пистолет. Не обнаружив его, Морис нисколько не обеспокоился, он был очень самоуверен.

— Пошли! — приказал он. — Только без фокусов! Иди рядом, бэби, вот так. И не волнуйся.

Я слегка приподнял руки и последовал за ним к телефону. Я мог без труда его убрать. Но что-то сдерживало меня: надо постараться побольше узнать у него.

Морис поднял трубку и что-то тихо сказал, не отрывая от меня взгляда.

— Через сколько времени они будут здесь? — спросил я.

Морис прищурился, не отвечая. Трубку он уже положил на рычаг.

Я тоже решил промолчать.

Наконец он не выдержал и со смехом произнес:

— А зачем тебе знать, мальчик, когда мои друзья сюда придут?

— Может быть, пока их нет, мы успеем договориться?

— Да, — кивнул головой Морис, — мы можем отлично договориться. Ты будешь петь громко инятно, и тогда, возможно, я велю своим ребятам побыстрее покончить с тобой.

— Морис! Неужели ты до того глуп? Ведь сейчас у тебя в руках козырной туз. Не трать же его напрасно!

Морис похлопал дубинкой по ладони.

— Что ты задумал, бэби?

— Я думаю о тебе, — ответил я. И тут меня осенило: — Держу пари, ты не знаешь, что у Брайана есть брат-близнец. Он, правда, полностью порвал со мной, хотя я думаю, что сейчас...

Глаза Мориса засияли.

— Дьявол, — прошептал он. — Но ты, видно, давно не видел своего любимого братца, верно?

Он ухмыльнулся. Мне очень захотелось узнать, что именно его насытило.

— Давай уйдем отсюда, — предложил я. — Нам надо переговорить с глазу на глаз. А сюда скоро придут.

Морис взглянул на мертвого Пине.

— Забудь о нем, — сказал я. — Он уже ничего не значит.

— Тебе хотелось бы, чтобы и я был мертв, не так ли, бэби?

Внезапно он прорычал:

— Ей богу! Ты хотел убить меня, мелюзга соломенная...

Он наклонился ко мне, сжав кулаки. Я понял, что он безумен и в припадке ярости может убить меня.

— Сейчас увидишь, кто из нас убийца! — кричал Морис. Глаза его сверкали, когда он замахнулся своей дубинкой.

Больше ждать я не мог. Пистолет снова оказался в моей ладони. Я прицелился и вдруг, как и Морис, ощутил жажду крови. Я ненавидел его! И все, что от него исходило.

— Ты глупец, Морис, — прошел я сквозь зубы. — И через минуту умрешь. Но сперва ты мне скажешь, как ты узнал, что я не Байард.

Морис подскочил ко мне, но был отброшен пулей и упал навзничь. Я почувствовал в руке боль от отдачи. Обращение с этим крошащим пистолетом требовало особой сноровки. Но нельзя то и дело пускать его в ход, иначе я и дня не продержусь. Пистолет рассчитан на пятьдесят выстрелов.

А сейчас надо поскорее убираться отсюда. Я схватил настольную лампу и запустил в люстру, чтобы хоть на несколько секунд задержать преследователей. Затем выскользнул в коридор и двинулся вперед. Проходя мимо шахты, я услышал шум поднимающейся кабины лифта и постарался как можно быстрее скрыться за поворотом. Они были уже здесь! Тут я увидел лестничную клетку, осторожно открыл стеклянную дверь и стал тихо спускаться по ступенькам, отказав себе в удовольствии посмотреть на физиономии врагов, когда они обнаружат мертвых Мориса и Пине.

Я вспомнил о своем коммуникаторе, но решил им не пользоваться. Пока сообщать было нечего.

Пробежав три марша лестницы, я очутился в каком-то зале и огляделся. В это время из комнаты в противоположном конце зала вышел человек. Мое сходство теперь не столько помогало, сколько служило помехой. Человек что-то сказал и исчез за дверью.

В углублении я заметил небольшую дверь и толкнул ее. Дверь была заперта, но я приналег и теперь уже с силой толкнул. Хрустнула филенка, и я оказался на лестнице, ведущей вниз.

Мне ничего не оставалось, как покинуть дворец. Было очевидно, что мое перевоплощение кончилось провалом. Единственное, что я мог сейчас сделать, это укрыться в безопасном месте и запросить дальнейших инструкций.

Я уже спустился на два пролета по лестнице, когда услышал сигнал тревоги. Первое, что было необходимо, это освободиться

от своего мундира. Я сбросил сюртук и начал срывать погоны и галуны с рукавов. Лацканы я не трогал, так как в них был вмонтирован микрофон.

Этой лестницей, видимо, пользовались нечасто, но ведь куда-то она вела? Я продолжал спускаться, проверяя по дороге каждую дверь. Все они были заперты. И это меня успокоило. Лестница привела в тупик, заваленный бочонками и заплесневелыми картонными коробками. Я поднялся на один пролет выше и прислушался. Из-за двери доносились громкие голоса и топот. Я вспомнил, что по плану дворца этот выход на лестницу находится с главным входом в старый дворец. Кажется, я попал в ловушку.

Я снова спустился вниз, отодвинул один из бочонков и стал рассматривать стенку — и вдруг увидел дверь. Отодвинул другой бочонок и обнаружил ручку. Повернуть ее было невозможно.

Я подумал, что лучше не производить шума, чтобы не быть обнаруженным. Заглянул в одну из коробок и увидел целую кучу покрытых плесенью бухгалтерских книг.

В следующей коробке хранилась старая кухонная посуда, сосуды, миски. Тут же я нашел большой нож для разделки мяса и просунул его в дверную щель. Но дверь была необычайно прочной, как в банке. Я еще раз попробовал, но на мое счастье... Пришлось отступить. Единственное, что остается, это, презрев осторожность, попробовать взломать филенку. Я налег плечом и тут же отпрянул к стене, держа пистолет наготове.

Медленно, очень осторожно, дверная ручка повернулась...

Глава VIII

Итак, я был загнан в угол и впал в отчаяние! У меня была тьма инструкций, как действовать после того, как я убью диктатора, что делать в случае неудачи — этого я не знал.

Скрипнула дверь, и от сквозняка поднялась пыль. Я отступил на несколько шагов и стал ждать. Возникшее было желание выстрелить подавил. Сейчас важнее всего было — ждать и смотреть.

Дверь слегка приоткрылась, и мне стало не по себе — я чувствовал, что меня разглядывают, а сам ничего не видел. Хорошо, что оружия моего не было видно. Впрочем, неизвестно, было ли это преимуществом?

Неопределенность тяготила меня.

— Вот что, — сказал я. — Закройте дверь и идите сюда, а то сквозит.

Я говорил, как и они, с гортанным парижским акцентом.

Дверь распахнулась, и появился парень с вымазанным сажей лицом, сощурившись, он глядел наверх, на лестницу. Тряхнув головой, парень сказал:

— Сюда, пожалуйста, — голос у него был хриплый. В созавшейся ситуации вряд ли был смысл отказываться. Я прошел мимо бочонков и, пригнувшись, нырнул в низкий дверной проем.

Парень привел меня в сырой мощеный туннель, освещенный стоявшим на полу электрическим фонарем.

Я старался держаться в тени, чтобы не было видно лица.

— Кто вы? — поинтересовался я.

Парень прошел вперед и, едва взглянув на меня, подхватил фонарь.

— Я не люблю болтать, — сказал он. — Не люблю задавать вопросы и на них отвечать. Идемте же!

Я не стал спорить и последовал за ним. Мы прошли по высеченному вручную проходу, спустились вниз и очутились в помещении без окон.

За сломанным столом, на котором потрескивала свеча, сидели двое мужчин и темноволосая девушка.

— Все в порядке, Миче, — сказал парень. — Вот этот голубок.

Миче развалился на стуле и сделал мне знак подойти. Он взял со стола что-то похожее на нож для открывания писем и, косясь на меня, стал ковырять в зубах.

Я решил не подходить слишком близко.

— Судя по форме, он один из этой псарни, — сказал Миче.

— В чем дело, ты укусил кормившую тебя руку? — Человек весело рассмеялся.

Я промолчал, пусть говорит, что хочет.

— Судя по шнуркам — унтер-офицер, — продолжал он. — Что ж, там, наверху, все будут удивляться, куда это делся?

— И уже совсем другим тоном приказал:

— Выкладывай, зачем явился?

— Пусть этот мундир не смущает вас — я одолжил его. Там, наверху, мой вид не очень-то понравился, — сказал я.

В этот момент в разговор вступил еще один из сидевших за столом:

— А ну парень, подойди ближе к свету.

Тянуть с этим было бесмысленно. Я подошел к столу, взял свечу и поднес к лицу.

Миче так и застыл с ножом в руке. Девушка стремительно вскочила и перекрестилась. Второй мужчина как завороженный уставился на меня. Все получилось весьма правдоподобно. Я поставил свечу на место и небрежно опустился на стул.

— Вы можете спросить, — я говорил негромко, но уверенно, — почему не удалось их обмануть?

— В таком виде вы и предстали перед ними? — спросил второй мужчина.

Я кивнул.

Они переглянулись.

— Друг мой, — сказал Миче, — неужели вы не поняли, что здесь вы представляете собой довольно большую ценность? Но вам нужна помощь. Чика, принеси нашему новому другу вина.

Девушка бросилась к закопченному буфету, пытаясь нашарить бутылку и то и дело поглядывая на меня через плечо.

— Что же случилось наверху? — спросил Миче. — Сколько времени вы были во дворце? Сколько человек вас видело?

Я вкратце рассказал о случившемся, опустив только способ моего проникновения во дворец. Казалось, это вполне их удовлетворило.

— Похоже, только двое видели его лицо, Грос, — заключил Миче. — Их уже нет в живых.

Он повернулся ко мне.

— Хорошее дело — пристукнуть Соувета. Да и Пине вряд ли кто-нибудь пожалеет. Кстати, где ваш пистолет? Может быть, отдадите его мне?

Он протянул руку.

— Пришлось оставить его там, — ответил я. — В темноте обо что-то споткнулся, выронил его, а искать не было времени.

Миче недовольно хмыкнул.

— Боссу будет очень интересно с вами переговорить, — сказал Грос. — И чем скорее, тем лучше.

Кто-то, тяжело дыша, вбежал по лестнице в комнату и выпалил:

— Знаешь, шеф, мы навели шороху в башне...

Он весь напрягся. На лице появилось удивление. Рука шарила по бедру в поисках пистолета.

— Что... что...

Грос и Миче хрипло расхохотались...

— Успокойся, Паук, — сказал Миче, — Байард перешел к нам!

Тут даже Чика хихикнула.

Паук пробормотал, озираясь:

— Ничего не пойму.

Миче вытер лицо платком и плонул на пол.

— О'кей, Паук. Не волнуйся. Это двойник. А теперь веди сюда ребят.

Паук стремительно выскочил из комнаты. Я пришел в за-

мешательство. Почему некоторые из них сразу раскусили меня, а этот парень был в полном недоумении?

Я должен был знать причину!

— Может, в моем костюме что-то не так? Объясните, пожалуйста!

Миче и Грос переглянулись.

— Что ж, друг мой, — сказал Грос, — мы обо всем позабочились. Смотрите на вещи проще, и мы доставим вас куда надо. Вы проникли во дворец, чтобы шлепнуть старика, не так ли? Организация вам поможет.

— Какая организация? — изумился я.

Миче покачал головой и сказал:

— Не забывайте, что вопросы задаем мы! Итак, ваше имя? Чем занимаетесь?

Я перевел взгляд с Миче на Гроса. Очень хотелось знать, кто из них старший.

— Мое имя Байард, — сказал я.

Миче встал и начал прохаживаться вдоль стола. Это был крупный парень с большой головой и маленькими глазками.

— Я спросил ваше имя, мистер! — повторил он. — Обычно я дважды не спрашиваю, зарубите это себе на носу.

— Пусть будет так, Миче, — вмешался Грос. — Он должен играть свою роль до конца. Уверен, он вполне способен на это. Мы тоже будем звать его Байардом.

Миче взглянул на меня.

— Что ж, возможно, в этом есть смысл.

Я почувствовал, что с этим человеком будет трудно поладить.

— Кто вас поддерживает, э... Байард? — спросил Грос.

— Я — одиночка. Во всяком случае, был им до этого. Но, кажется, я кое-что упустил. Примите меня в вашу Организацию, и мы договоримся.

— Порядок, мистер. Мы принимаем вас, — кивнул головой Миче.

Эти бандиты не внушали мне симпатии, но не мог же я рассчитывать встретить здесь аристократов. Насколько я понял, Организация была подпольной антибайардовской партией. Я огляделся. Комната, казалось, была выдолблена в стенах дворца. По-видимому, они развернули шпионскую деятельность по всему зданию, используя потайные ходы.

Комната стала наполняться людьми, одни приходили по лестнице, другие — через дверь в дальнем углу. По всей вероятности, они получили приказ явиться. И теперь смотрели на все с любопытством, переговаривались друг с другом, но не удивлялись.

— Вот и ребята, — сказал Грос. — Стенные крысы.

Я пробежал взглядом по дюжине головорезов с пиратской наружностью. Грос дал им точное определение. Я снова взглянул на него.

— Итак, — сказал я, — с чего начнем?

Не на таких друзей я рассчитывал в этом мире, но, по крайней мере, они помогут мне приобрести самое точное сходство с Байардом, и я был благодарен судьбе за такую удачу.

— Не спеши, милый, — засмеялся Миче. — Подготовка потребует довольно много времени. Надо потренироваться на макете дворца, где-то за городом. Не забудь, впереди масса работы, прежде чем ты снова попытаешься проникнуть сюда.

— Но ведь я уже здесь, — обратился я к Гросу. — Почему бы не попробовать сегодня? Зачем уходить?

— Над вашей внешностью необходимо слегка поработать, — ответил Грос. — Кроме того, операцию надо тщательно спланировать. Застраховаться от измены.

— И никакого плутовства, милый, — добавил Миче.

Тучный, заросший волосами человек выступил из толпы и сказал:

— Не по душе мне этот пень, Миче. Лучше отдай его мне, я укокошу его и похороню под полом.

К поясу у него был пристегнут большой нож, и, без сомнения, он жаждал пустить его в ход.

Миче взглянул на него и покачал головой:

— Не сейчас, Гастон.

Грос потер подбородок.

— Не беспокойтесь, ребята, — сказал он. — Мы не будем спускать с мистера Байарда глаз.

Он посмотрел на Гастона:

— Ты, конечно, мастер своего дела, парень, но мой тебе совет — не торопись. Если с ним что-нибудь случится, тебе не поздоровится.

Меня успокаивала мысль о пистолете. Видимо, Гастон не единственный в этой толпе, кто терпеть не может чужаков.

— Для вас важно время, — сказал я. — Давайте что-то делать.

Миче подошел вплотную ко мне, указательным пальцем постучал по моему плечу и произнес:

— У вас, мистер, рот как хлопушка. Здесь отдают приказы Грос и я.

— Да, — усмехнулся Грос. — Нашему другу еще многому предстоит научиться. Но время — деньги. И тут он прав. Байард должен вернуться сюда завтра же. А это значит, что сегодня мы уходим, если не хотим, чтобы эти герцоги верховодили среди кадровых военных. Миче, пусть ребята шевелятся. Все должно

быть собрано и уложено быстро и тихо. Не забудьте выделить надежных людей в резерв.

Пока Миче отдавал распоряжения своим людям, Грос повернулся ко мне и сказал:

— Неплохо было бы всем перекусить. Путь предстоит долгий.

Я был озадачен. Полагал, что сейчас ночь. Посмотрел на часы и отметил, что прошел всего час десять минут с того момента, как я очутился во дворце. Да, чертовски медленно движется время.

Чика вынула из буфета буханку хлеба и головку сыра и поставила на стол. Нож лежал рядом. Я насторожился.

— Можно воспользоваться ножом? — спросил я.

— Конечно, — ответил Грос. — Ешьте.

Он вытащил из-под стола короткоствольный пистолет и положил перед собой.

Подошел Миче. Я как раз с наслаждением жевал хлеб. Он был отличным. Попробовал вино. Неплохое. Отличным был также и сыр.

— У вас хорошая еда, — отметил я. — Это прекрасно.

Чика с благодарностью на меня посмотрела.

— Мы все делаем хорошо, — согласился Грос.

— Пусть лучше этот нахал снимет свой шутовской наряд, — сказал Миче, кивнув в мою сторону. — Кто-нибудь может его пристрелить. Наших ребят раздражают мундиры подобного рода.

— Правильно, — сказал Грос. — Миче даст вам какую-нибудь одежду, мистер. Такие мундиры у нас просто не терпят.

Нельзя сказать, чтобы я был в восторге от подобного предложения. В лацкане сюртука был вмонтирован коммуникатор. Поэтому я наотрез отказался, несмотря на уговоры и даже угрозы.

В конце концов мы сошлись с Гросом на том, что поверх мундира я надену плащ.

Миче это не понравилось. Я заметил, что он собирается пнуть ногой мой стул, и успел вскочить, прежде чем стул опрокинулся.

— Раздевайтесь, мистер, — сквозь зубы процедил Миче, поглядев на меня в упор, — слышали, что я сказал?

Наступила тишина. Я посмотрел на Гроса, надеясь, что он вступится за меня. Но Грос с любопытством за нами наблюдал.

— С какой стати я должен исполнять ваши приказы? — усмехнулся я.

Выхватив нож, Миче рванулся вперед.

— Я изрежу твой мундир, молокосос, — прохрипел он.

— Убери нож, Миче, — спокойно промолвил Грос. — Ты же

знаешь, это наше секретное оружие. А мундир пусть останется целым.

— Что же, — проворчал Миче, — может, ты и прав.

Он швырнул нож на стол и двинулся на меня. Шел он легко, наклонившись вперед, и я понял, что имею дело с профессионалом.

Я решил его опередить. Развернулся и со всего размаху ударили по скуле. Застигнутый врасплох, Миче отлетел назад. Я последовал за ним и снова нанес удар. Миче был мастером драться. Весь подбравшись, он мотнул головой и изо всех сил ударил прямо в висок. Я пошатнулся, едва не потеряв сознание. Он еще раз ударил, теперь в переносицу. Хлынула кровь.

Я понял, что долго не продержусь. Все отошли в дальний конец комнаты и с восторгом наблюдали за дракой. Слышались ободряющие возгласы, призывавшие Миче показать класс. Грос продолжал сидеть. Чика смотрела на меня, прижавшись к стене. Но как вытащить пистолет, чтобы никто не заметил? Миче не отпускал меня. Мой удар, да еще при всех, лишил его рассудка. И это мне было на руку. Забыв правила ведения боя, он размахивал руками, стараясь нанести мне как можно больше ударов и свалить на пол. Я же пытался попасть туда, где потемнее, за буфет, пока наблюдавшая за нами толпа не преградила мне путь.

Я слышал свист кулаков Миче совсем рядом. Еще шаг — и я почти у цели. Теперь нужно было встать между нападавшим и остальными. Я отскочил назад, спасаясь от яростного удара, и сам ударил Миче в правое ухо. Затем развернулся, поймал на лету пистолет и выстрелил Миче в живот, дико вскрикнув и бросившись на него. Он ударился о стену и растянулся во весь рост у моих ног. Я быстро спрятал пистолет и повернулся.

— Ничего не видно, — закричал кто-то. — Посветите там свечой.

Толпа ринулась вперед и замерла.

— Миче на полу, — крикнул кто-то. — Новичок справился с ним.

Грос протиснулся вперед, подошел к распростертому Миче, присел на корточки и попросил свечу.

Перевернув Миче на спину, он внимательно осмотрел его, поизучал пульс. Затем резко поднялся.

— Он мертв! Миче мертв!

Он как-то странно посмотрел на меня и сказал:

— Ну и удар у вас, мистер!

— Я не часто прибегаю к нему. Лишь в случае крайней необходимости, — ответил я. — Не советую вынуждать меня к этому.

— Обыщите его, ребята, — приказал Грос. Они щупали меня всего, не коснувшись только запястья.

— У него ничего нет, Грос, — сказал кто-то.

Грос осмотрел Миче, надеясь отыскать след ран. Люди окружили его.

— Нет никаких следов, — наконец сказал Грос. — Только ребра сломаны и внутренности выворочены.

Он взглянул на меня и добавил:

— Он это сделал голыми руками!

Я надеялся, что они поверят, и подобное больше не повторится. Надо держать их в страхе, и вопросы этики здесь ни при чем.

— Довольно, — Грос повернулся к толпе. — Возвращайтесь к своим делам. Миче сам напросился. Обозвал новичка нахалом. А я назову его Молот!

— Лучше скажите им, что я займу место Миче, — заявил я.

— Думаю, нам надо работать рука об руку!

Грос покосился на меня и, поразмыслив, ответил:

— Согласен.

Мне показалось, что он что-то задумал.

— Кстати, — добавил я, — мундир останется на мне. Ведь мы договорились с вами об этом.

Грос пожал плечами, внимательно посмотрев на меня, и усмехнулся.

— Он останется в мундире, — обратился Грос к своим людям.

— Через тридцать минут нам надо отсюда уйти. Торопитесь!

* * *

В конце туннеля показалась неровная полоска света. Грос дал команду остановиться. Люди струдились, заполнив тесный проход.

— Большинство из вас прежде не ходило этим путем, — начал Грос. — Отсюда можно выйти на Оливковую аллею, маленькую боковую улочку у дворца. Выход прикрывает небольшая лавочонка, в которой торгует древняя старуха. Не обращайте на нее внимания. Выходить будем по одному, из лавки пойдете направо. Помните, документы в порядке. Если у ворот спросят — покажите. Держитесь спокойно. Что бы ни случилось, не останавливайтесь, продолжайте идти. Место встречи — воровской рынок.

Откинув рваный брезент, все по очереди прошли через лавку. Я подошел к Гросу и тихо спросил:

— Зачем было приводить сюда столько людей? Это все осложняет.

Грос покачал головой:

— Надо присматривать за этими слюнтями. Неизвестно, что может взбрести им в голову. И тогда все пропало. Без моей подсказки они ничего не способны сделать.

Мне это показалось сомнительным, но я виду не подал. Все спокойно прошли мимо нас и исчезли за брезентовым пологом.

— Порядок! — удовлетворенно сказал Грос, когда все прошли через лавку. — Идите за мной, мистер!

Он проскользнул под брезент, я за ним — мимо колченого стола, заваленного горшками. Старая карга сидела на табуретке и не взглянула на нас. Грос выглянул на узкую пыльную улицу и нырнул в толпу прохожих. Я следовал за ним по пятам. Мы шли мимо громко разговаривающих, жестикулирующих покупателей и мелких торговцев, прислонившихся к облепленным мухами лоткам со снедью, мимо обшарпанных магазинчиков, ковыляющих нищих, чумазых мальчишек. Улица была завалена мусором и пищевыми отходами, то и дело попадались голодные собаки. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания — мы выбрались без всякого затруднения.

Я вспотел под тяжелым плащом, который дал мне Грос. Мухи жужжали у моего распухшего лица. Какой-то нищий, скрипя, протянул ко мне изможденную руку. Грос проскользнул между двумя оживленно спорившими толстяками. Я хотел последовать за ним, но в это время толстяки отправились дальше, пришлось их обойти.

Вдруг я увидел парня в желтоватом хаки с суровым лицом, притискивавшего сквозь толпу. Передо мной прошмыгнула собака, и я невольно отпрянул назад. Раздался крик, люди побежали в разные стороны, толкая меня. Тут я увидел Гроса. Он смотрел на солдата. Солдат в два прыжка очутился возле Гроса, схватил за плечо и повернул к себе. Заскулил щенок, попав мне под ноги. Солдат наносил Гросу удары тяжелой дубинкой по голове.

Прогремели два выстрела, и я увидел убегающего Гроса. Голова его была окровавлена. Солдат лежал в пыли навзничь и бился в конвульсиях.

Я пошел вдоль стены, стараясь перехватить Гроса или хотя бы не потерять его из виду. Толпа расступилась, давая ему дорогу.

Внезапно передо мной вырос еще один солдат с дубинкой. Я бросился в сторону и поднял вверх руку. Солдат отскочил и отдал честь, сказав: “Извините, сэр”. Должно быть, он мельком видел мою форму сквозь развевающийся плащ.

Грос в этот момент упал на колени в пыль, голова его безжизненно повисла. Из переулка выбежал солдат и выстрелил

Гросу в голову. Грос свалился на спину и затих. Пыль смешалась с кровью на его лице. Толпа сомкнулась. С того момента, как его опознали, Грос был обречен.

Я остановился, пытаясь вспомнить, что говорил Грос своим людям. Я совершил непростительную ошибку, всецело на него полагаясь. Он говорил о каких-то воротах, о документах... Но я не знал никаких ворот и у меня не было документов. Теперь понятно, почему эти бандиты торопились покинуть свое подземелье до захода солнца. Очевидно, с наступлением ночи ворота закрывались, и не так-то легко было покинуть город.

Я продолжал идти, стараясь не привлекать внимания и придерживая плащ, чтобы не был виден мундир.

Грос назначил своим людям место сбора на воровском рынке. Я пытался вспомнить Алжир, где провел несколько дней года два назад, но все, что осталось в памяти, это Казбах и ярко освещенные улицы в европейской части города.

Я быстро прошел мимо места, где, окруженный толпой, лежал убитый солдат, затем мимо Гроса, тоже окруженного толпой. Повсюду были солдаты, размахивающие дубинками.

Они протискивались сквозь толпу. Пригнувшись, я наконец выбрался из толпы на открытое место. Улица поворачивала влево и стремительно уходила вверх. Здесь уже была какая-то мостовая, магазинчиков и лотков поменьше. На балконах висело белье.

Впереди виднелись ворота. Перед ними толпились люди, солдат проверял документы. Еще трое в форме, наблюдая, стояли рядом.

Я шел по направлению к воротам. Обратного пути не было. К древней кирпичной стене примыкала новая деревянная стояржевая вышка. Под ней была канава со стоячей водой. На вышке стоял прожектор с дуговой лампой и часовой с ружьем на плече. Мне показалось, что в толпе перед воротами я увидел парня из Организации.

Я бросился было вперед, но тут же остановился. Один из солдат обратил на меня внимание и толкнул в бок другого. Тот посмотрел на меня. Единственное, что оставалось, — это смело идти им навстречу. Я кивнул одному из солдат, отвернув полу плаща, чтобы на мгновение мелькнула форма. Все еще колеблясь, солдат пошел ко мне. Я надеялся, что мое опухшее лицо не покажется ему знакомым.

— Не спеши, солдат, — сказал я, стараясь подражать интонациям выпускников Эколь Милитари. Он козырнул, а я, не дав ему опомниться, продолжал:

— Лучшая часть добычи уйдет через ворота прежде, чем вы, дурачье, затянете сетку. Я щелкнул пальцами: — Пропустите

побыстрее и не привлекайте ко мне внимания. Не ради забавы затеял я этот блошиный цирк.

Я прикрыл плащом форму.

Он вернулся к воротам и что-то сказал другому солдату, указав на меня. Этот второй, с нашивками сержанта, глянул в мою сторону.

Я выразительно на него посмотрел и прошептал:

— Делай вид, что не замечаешь меня, солдат. Не то тебе придется стрелять, и ты все испортишь.

Я быстро миновал ворота, которые открыл первый солдат, и вышел из города! Пот лил градом под моим сюртуком, ноги казались ватными, сердце учащенно билось. Впереди я заметил дерево и под ним спасительную тень. Не знаю, хватит ли у меня сил дойти до этого дерева.

Я дошел и только теперь перевел дух.

У меня еще оставались проблемы, много проблем. Прежде всего надо было отыскать воровской рынок. Я весьма смутно представлял себе, где этот рынок, но знал точно, что он существует. Я прошел мимо облупленного кирпичного здания с харчевней внизу и перекошенными окнами, с обвалившейся от удара бомбы стеной. Ворота остались далеко позади.

Впереди были разбомбленные многоквартирные дома, развалины, а дальше... открытое поле. Справа виднелась река. Здесь было немноголюдно. Шум там, за городской стеной, сюда не доносился.

Я не мог рисковать, спрашивая дорогу. Ведь любой из этих людей мог оказаться полицейским осведомителем или же сыщиком. Взять хотя бы Гроса. Вряд ли его можно было считать хорошим конспиратором, как он сам о себе думал. Полиция могла бы прикрыть его группу, но не захотела. Гроса терпели до поры до времени. Засада была организована четко. Вряд ли кому-нибудь из парней Гроса удалось пройти через ворота.

Приказа следить за человеком, переодетым в офицерскую форму, судя по всему, не было. Не знаю, что успел сказать Морис по телефону своим людям, но о моей внешности, видимо, ничего.

Я остановился. Может быть, зайти в харчевню и послушать, о чем говорят люди. Никаких признаков опасности вокруг не было.

Я вернулся и вошел в бистро, едва различая в полумраке столики и стулья. Окна были плотно занавешены. Я отыскал бар и подошел к стойке.

— Красного вина! — попросил я.

Бармен поставил стакан, который только что протирал, на стойку и налил из жестяного кувшина вина. Я отпил немного. Ну и дрянь! Обстановка здесь позволяла плюнуть прямо на пол.

Я отодвинул стакан и сказал:

— Я просил вина, а не выжимки из ковра, парень. — Положил на стойку тысячефранковую ассигнацию и стал ждать.

Бармен вышел куда-то и вскоре вернулся с запечатанной бутылкой и бокалом. Он наполнил наполовину бокал и протянул мне, а тысячефранковую бумажку положил в карман и не сбирался давать сдачу.

На сей раз вино оказалось сносным. Я стоял, потягивая его, стараясь привыкнуть к царившему здесь полуумраку. Бармен отошел и, чертыхаясь, стал возиться с поставленными один на другой ящиками.

Я совершенно не представлял себе, что предпринять. Даже если удастся отыскать уцелевших после облавы членов Организации... Главное — это узнать, что следует изменить в моем костюме. А потом уже с помощью Организации снова проникнуть во дворец.

Можно было бы обратиться за помощью через коммуникатор, но мне не хотелось. Пока остается хоть капля надежды, отступать нельзя!

В дверях появился человек, заслонив собой свет, и подошел к стойке. Бармен не обратил на него внимания.

Вошли еще двое и остановились у соседней стойки. Бармен продолжал возиться с ящиками. Мне это показалось странным.

Тот, что вошел первым, пододвинулся поближе ко мне.

— Эй, вы, — он кивнул в сторону городских ворот, — слышали вы там стрельбу?

Я пробормотал в ответ что-то невразумительное.

— За кем погоня? Случайно, не знаете?

Я пытался рассмотреть говорившего, но лицо его было в тени.

Худой и костлявый, он стоял, облокотившись о стойку.

— Откуда мне знать, за кем погоня, — пожал я плечами.

— Не жарко тебе, а, парень? — спросил незнакомец и потянулся к моему плащу. Я отпрянул, но тут же две пары рук схватили меня сзади.

Тот, что стоял передо мной, отдернул полу плаща и внимательно осмотрел мой мундир.

— Вшивый герцогский прихвостень! — крикнул он и наотмашь ударил меня по лицу. Я сразу почувствовал солоноватый вкус крови.

— Обыщите его, ребята, — обойдя меня сзади, сказал бандит, которого я еще не видел. Неизвестно, сколько их собралось здесь.

Бандит сорвал с меня плащ и заорал:

— Смотрите! Мы захватили паршивого генерала!

Он с силой дернул за лацкан моего сюртука, но оторвать не

смог. Я стал вырываться — как бы они не оборвали мой коммуникатор. Освободиться от них я не надеялся, но хотел несколькими пинками отвлечь их внимание от лацкана. Я ударил костлявого в колено, он взвыл от боли и отскочил, затем подскочил, намереваясь ударить меня в лицо. Я увернулся от удара и рванулся назад, стараясь вывести из равновесия держащих меня бандитов.

— Держите его! — закричал костлявый, приблизился ко мне и ударил в живот. Меня прижали к стене, и один из бандитов подступил ко мне с ножом в руке. Я задыхался под тяжестью их тел. Бандит схватил меня, и мне показалось, что сейчас он перережет мне горло. Но вместо этого он стал отрезать лацкан и выругался, когда лезвие наткнулось на провод.

— Пуговицы отрежь, красавчик Джо, — сказал кто-то сиплым голосом.

Боль поутихла, и я стал оседать, будто совсем ослаб, хотя почувствовал облегчение. Коммуникатор исчез, во всяком случае передатчик. Все, что я теперь пытался спасти, — это жизнь.

Вмиг я остался без единой пуговицы. Парень отошел от меня, засовывая нож в чехол, и я смог разглядеть его лицо. Ему вполне подходило прозвище Красавчик!

— Порядок! Пусть катится, — сказал парень.

Я опустился на пол. Руки у меня оказались свободными. Теперь, пожалуй, у меня появился шанс: пистолет все еще был при мне. Я привстал на колени, не спуская с Красавчика взгляда. Он намеревался ударить меня ногой по ребрам.

— Вставай, генерал, — сказал он. — Я научу тебя не лягать своих благодетелей.

Все засмеялись, заговорили, выкрикивая советы и образовав круг. Пахло пылью и кислым вином. Кто-то сказал:

— Этот генерал — настоящий боец. Он даже сидя будет бороться.

Раздался взрыв хохота.

Я вцепился в нацеленную на меня ногу и попытался швырнуть нападающего на пол. Он выругался и бросился ко мне.

Я успел подняться на ноги и стал пятиться назад. Круг разомкнулся, кто-то толкнул меня. Я сделал вид, будто потерял равновесие, и стал еще ближе к темному углу. Глаза мои уже привыкли к темноте, и я отчетливо видел кинжалы и пистолеты в руках бандитов. При малейшем подозрении, что я вооружен, они пустили бы их в ход не раздумывая. Поэтому я должен был торопиться.

Красавчик Джо вновь напал на меня, нанеся удар слева. Я увернулся, пропустил пару тычков и отступил еще на два шага, наблюдая за зрителями. Все они были от меня на почтительном

расстоянии. Наступило время моей игры. Прикрываясь Красавчиком, я направил в ладонь свой пистолет, но в этот момент Джо яростно ударил меня. Я попытался увернуться, однако мой крохотный пистолетик отлетел, кружась в угол. Теперь я решил все время быть начеку.

Я нанес левой рукой удар в лицо Джо, а правой своротил ему челюсть. Боксером он был неважным.

Остальным это не понравилось. Они опять схватили меня, нанеся несколько ударов в челюсть и в спину. Затем опрокинули у самой стены. В ушах звенело. Я упал на пол, после чего меня оставили в покое. Это было весьма кстати. Я нуждался хотя бы в небольшой передышке.

“К черту все”, — подумал я, стал на колени и пополз в угол. Все смеялись и кричали.

— Ползи, генерал! Ползи, ползи, паршивый шпик!

— Раз, два, три, солдатик!

Шутка понравилась. Все хохотали, хлопая друг друга по спине. Красавчик Джо пришел в себя и снова взялся за меня.

Куда подевался пистолет???

Красавчик Джо схватил меня за грудки и приподнял. Голова закружилась, видимо, у меня было сотрясение мозга. Джо снова меня толкнул, но я повис на нем и не дал ему размахнуться. Его неуклюжесть вызывала приступы смеха, драка доставляла массу удовольствия зрителям.

— Следи за ним хорошенько, Красавчик, — крикнул кто-то.

— Будешь так его и дальше бить, то, чего доброго, разбудишь. А уж тогда, держись, парень.

Красавчик Джо отошел назад и развернулся, целясь мне в подбородок, но я снова сел на пол и пополз в угол. Именно там, вероятно, находится сейчас мой пистолет. Джо снова стал целиться мне в ногу, я увернулся, и рука нащупала оружие.

Красавчик рванул меня за плечо, повернув к себе, и отступил. Я привстал и следил за каждым его движением. Он наслаждался моим безвыходным положением и даже осклабился, показав зубы, хотя лицо его было в крови. Загнав меня в угол, Красавчик намеревался забить меня насмерть; но только он подошел ко мне, как я выстрелил ему в лицо.

Красавчик перевернулся и рухнул на пол с изуродованным лицом.

Я держал пистолет у бедра, ожидая следующего. Парень, тащивший меня к стенке, в один прыжок очутился рядом и хотел размозжить мне череп. Но я выстрелил ему в живот, и он тоже упал.

Еще трое бросились на меня. В комнате было полутемно, и

они не могли понять, что происходит, полагая, видимо, что я кулаками уложил тех двоих.

— А ну-ка, кролики, замрите! — внезапно раздался у дверей голос. Там стоял здоровенный детина с пистолетом в руке.

— Не двигаться, вы, крысы! Я отлично вас вижу, даже в темноте.

Он пропустил кого-то перед собой. Один из троих, сбивавшихся меня прикончить, засмеялся и повернулся ко мне, но тут же был сражен выстрелом.

— Выходи, Молот, — сказал детина. — Надо побыстрее убираться отсюда.

Он плюнул.

Я узнал голос Гастона, того самого, который хотел схоронить меня под полом. Оказывается, Грос приказал ему меня охранять. Но он опоздал... Я был зверски избит.

Кое-как спрятав пистолет, я едва не уткнулся в пол носом.

— Держись, Молот, — крикнул Гастон, бросаясь вперед, чтобы поддержать меня. — Не ожидал, что кролики так тебя отделят. Думал, ты с ними легко справишься.

Он взглянул на мертвого Красавчика и восхищенно присвистнул.

— Вон как ты его! Эй, Уше, прикрой Молота и пошли.

Он еще раз оглядел комнату и ухмыльнулся:

— До скорого свидания, кролики!

Глава IX

Не знаю, как мы добрались до одного из убежищ Организации, где-то далеко за городом. Помню лишь, что шли мы бесконечно долго, а потом Гастон нес меня на себе.

И еще помню жару и нестерпимую боль во всем теле, а потом — прохладную комнату и мягкую постель. Я долго не приходил в себя, грезил наяву, мучили кошмары.

Я лежал на спине, на огромных пуховых подушках. Позднее послеполуденное солнце пробивалось сквозь широкое окно, на половину задернутое плотной занавеской. Я мучительно пытался вспомнить, где нахожусь, и постепенно ко мне вернулось сознание.

Гастон добросовестно выполнял приказ, хотя и Миче, и самого Гроса в живых уже не было. Видимо, Гастон забыл, что собирался меня укоюшить.

Попробовал шевельнуться и задохнулся от боли. Откинул стеганое одеяло и увидел из-под краев бинта багровые кровоподтеки, особенно на правом боку.

Наклонив голову, я ощутил резкую боль в затылке и чуть снова не потерял сознание. Больше я не делал никаких движений.

“Полностью обанкротился, — подумал я о себе. — Как тайный агент больше не гожусь”.

Моя маскировка не смогла одурачить никого, кроме, пожалуй, Паука. За всю свою жизнь не терпел я таких побоев и не слышал столько угроз. И в конечном итоге ничего не добился. Я лишился коммуникатора, а теперь и пистолета. Но в моем положении он все равно не мог мне помочь. Я не в силах был шевелнуть даже пальцем.

Но ведь чего-то я все же достиг! Убедился, что проникнуть во дворец Байарда мне не удастся, несмотря на внешнее с диктатором сходство. Узнал также, что диктаторский режим под угрозой свержения, так как породил множество недовольных. Возможно, в дальнейшем мы сможем это использовать.

Если бы только я мог вернуться в Империум с такой информацией! Но как это сделать? Надо подумать. Связь потеряна. И эта важная задача полностью ложится на меня.

Когда у меня был коммуникатор, я по крайней мере мог связаться с Империумом и ждать спасения. Рихтгофен установил круглосуточное дежурство на волне моего коммуникатора. Теперь же о помощи не могло быть и речи. Чтобы вернуться в Империум, придется украсть один из неуклюжих шаттлов этого мира или, что еще лучше, пользуясь правом диктатора, реквизировать. Либо я исправлю допущенную в костюме оплошность и проникну во дворец, либо закончу дни свои в этом кошмарном мире.

Дверь открылась, и послышались приглушенные голоса. Я притворился спящим, почувствовал, что несколько человек стали у моей кровати.

— Сколько времени он спит? — спросил кто-то, чей голос показался мне знакомым.

— Док сделал ему несколько уколов, — ответил другой голос.

— Мы привели его сюда вчера вечером.

Наступила пауза, и снова знакомый мне голос произнес:

— Лучше бы он совсем не проснулся. Впрочем, он может нам оказаться полезным.

— Грос не собирался его убивать, — произнес Гастон сердито. Я сразу узнал его голос. — Он возлагал на Молота большие надежды.

Тот, кто разговаривал с Гастоном, проворчал:

— Пока не заживут раны на его лице, проку от него никакого. Пусть остается здесь до дальнейших инструкций.

Признаться, разговор этот мне не понравился, но в данных

обстоятельствах выбирать не приходилось. Я должен был отлежаться и набраться сил. Во всяком случае, должен был испытать благодарность к людям, уложившим меня в эту удобную постель...

Когда я проснулся, рядом со мной сидел Гастон и курил. Он сразу же выпрямился, потушил сигарету и наклонился ко мне.

— Как дела, Молот?

— Отдохнул немного, — ответил я шепотом. На большее не хватило сил.

— Да, задали они тебе трепку, Молот! Не знаю, почему сразу ты не прибег к своему смертоносному удару? Впрочем, об этом позже... Я тут принес тебе немного еды...

Гастон снял поднос с прикроватной тумбочки, поставил себе на колени и предложил мне ложку бульона.

Я был чертовски голоден и с готовностью открыл рот. Вот уж не думал, что сиделкой у меня окажется эта горилла, Гастон.

Как ни странно, Гастон хорошо справился со своими обязанностями. Три дня он кормил и поил меня, меняя простины, — словом, был настоящей нянькой. Силы быстро возвращались ко мне, но я старался это скрывать. Ведь неизвестно, что может еще случиться, надо кое-что иметь в резерве.

Гастон рассказал мне довольно много об Организации. Я узнал, что группа, руководимая Гросом и Миче, была одной из многочисленных ячеек этой разветвленной оппозиции. В Организации было несколько сотен членов, проживавших по всей территории Алжира. Конечной целью оппозиции было свержение правления Байарда, что дало бы ей возможность получить свою долю в награбленном.

Каждая группа имела двух руководителей, которые, в свою очередь, подчинялись Большому Боссу, чужеземцу, о котором Гастон знал крайне мало. Он появился неожиданно, и никто не знал ни его имени, ни места жительства. Я инстинктивно почувствовал, что этот таинственный незнакомец не пользуется любовью у Гастона.

На третий день я попросил Гастона помочь мне приподняться и немного размять ноги, изображая при этом крайнюю степень слабости. Хотя, к великому удовольствию, обнаружил, что чувствую себя гораздо лучше. После того как Гастон помог мне снова лечь в постель и вышел из комнаты, я продолжил упражнения в ходьбе. Голова кружилась, слегка подташнивало, я делал передышку и продолжал ходить. Походив с четверть часа, я лег и крепко уснул. Теперь, стоило мне проснуться, днем или ночью, я вставал и ходил, пока за дверью не раздавались шаги.

Когда же Гастон заставлял меня ходить, я симулировал слабость. Вызвали врача, он осмотрел меня и сказал, что на вы-

здравление потребуется не меньше недели, учитывая большую потерю крови. Это меня вполне устраивало. Необходимо было время, чтобы более досконально изучить обстановку.

Я пробовал выспросить у Гастона, что он думает о моей внешности, стараясь не вызвать его подозрений. Но был чересчур осторожен. Гастон избегал этой темы.

Попробовал найти свой мундир, но шкаф был заперт, а взломать дверь я не решился.

Через неделю я совершил прогулку по дому и прелестному саду за ним. Дом был просторный, без часовых. Казалось, уйти из него ничего не стоит, но...

На десятый день я вдруг ощущил смутное беспокойство. Дальше притворяться было невозможно. Это могло вызвать подозрения. Бездействие вызывало у меня раздражение. Я проводил ночи без сна, то и дело вскакивая. И ходил по комнате, обдумывая свое положение.

Я должен был что-то предпринять!

Однажды после завтрака, когда Гастон унес поднос, я решил еще раз обойти дом. Из верхних окон хорошо просматривались окрестности. Фасад выходил на шоссе, видимо, главную дорогу в Алжире, позади простипалось на четверть мили вспаханное поле, а дальше виднелись деревья. Возможно, там протекала река. Никаких других домов поблизости не было.

Я подумал о бегстве. Пожалуй, лучше всего перелезть через стену, когда стемнеет, и двинуться в направлении деревьев. Мне казалось, что деревья и дорога сливаются где-то на западе, и я смогу выйти на дорогу в некотором отдалении от дома. А уж потом доберусь до города.

Я вернулся к себе и стал ждать.

Время перевалило за полдень, когда за дверью раздались шаги. Вошли Гастон и доктор. Врач был бледнее обычного и избегал смотреть на меня, по лицу его струился пот. Придвинув к кровати стул, он начал осмотр, не отвечая на мои вопросы, будто не слыша. Я замолчал и не проронил больше ни слова. Закончив осмотр, врач резко встал, собрал свои инструменты и вышел.

— Что это с ним, Гастон? — поинтересовался я.

— Что-то затевает, — хмуро ответил мой телохранитель.

Даже Гастон сегодня присмирел. Что-то должно было произойти, и я не мог оставаться спокойным.

Гастон упорно молчал, лишь пожимая плечами.

— Что же это все-таки значит? — не отступал я, и когда совсем потерял надежду на ответ, Гастон сказал:

— Они собираются совершить то, что замышлял ты. Готовы поставить тебя на место Байарда.

— Вот и прекрасно! — воскликнул я. — Как раз этого я и добивался. Но почему такая таинственность? — Видимо, есть еще новости. — Но почему от меня все скрывают? Почему Большой Босс избегает меня? Я бы хотел переговорить с ним.

Гастон не знал, что ответить. Может быть, он хочет сказать что-то важное, но не решается.

— Нужно уладить еще кое-какие мелочи, — наконец вымолвил он, стараясь не смотреть на меня.

Я больше не настаивал.

Гастон покинул комнату. Выждав немного, вышел и я. В открытое окно доносились голоса. Я подошел ближе и прислушался.

По саду прогуливались трое. Один из них был врач. Двух других я не мог рассмотреть.

— Я учился не для того, — говорил врач, возбужденно жестикулируя, — чтобы осуществить ваши планы. Поймите, я не мясник.

Ответа я не мог разобрать.

Я сошел вниз. Все было тихо. Прошел по коридору и услышал тиканье часов.

Вошел в гостиную. Стол был накрыт на троих, но еду еще не принесли. Вернулся, приоткрыл дверь в приемную — пусто.

Прошел мимо двери, обычно запертой, и вдруг заметил пробивающийся из-под неплотно прикрытой двери свет. Я остановился и осторожно приоткрыл ее, думая, что это кладовка.

Но то, что я увидел, заставило меня насторожиться. Посреди комнаты стоял обитый белой тканью стол. В углу на штативах стояли два светильника. На маленьком столике сверкали аккуратно разложенные инструменты. Рядом на стеллаже лежали скальпели, большие изогнутые иглы и еще какие-то хирургические инструменты. Там же была отличного качества пила, скорее даже ножовка, и большие ножницы. На полу под столом стояла лохань из нержавеющей стали.

Я недоумевал, как вдруг услышал шаги. В один прыжок я очутился у двери, распахнул ее и остановился в тени. В комнату вошли двое.

Ярко вспыхнули и снова погасли лампы, послышался скрежет металла.

— Положи на место, — раздался гнусавый голос. — Здесь полный набор. Я сам все проверил.

— Какие-то чокнутые, — продолжал гнусавый. — Почему бы им не подождать до утра? Ведь лучше все делать при солнечном свете, чем при фонарях.

— Никак не возьму в толк, — ответил другой, тонкий голос, — что у этого парня с ногами, раз они хотят их оттяпать? Как это можно, если он...

— Ничего ты не знаешь, Мак, — сказал гнусавый. — Это важное дело. Этим простаком собираются подменить Старика.

— Э... так вот, оказывается, в чем дело! Но зачем же отрезать ноги?

— Эх ты, молокосос, — засмеялся гнусавый. — Послушай, что я тебе скажу. Ты умрешь от удивления.

Наступила пауза.

— У Байарда нет ног, от самых колен, — едва слышно произнес гнусавый. — Ты не знал об этом, не так ли, малыш? Вот почему по телеку его не показывают во весь рост, а только сидящим за столом. Это известно немногим. Так что особенно не расстранишься.

— Вот так штука, — удивился парень. — Нет ног? Обеих?

— Точно! Я был с ним за год до высадки. Потом наши пути разошлись. Со временем от друзей из его отряда я узнал, как это случилось. Пулеметная очередь прошла через оба колена. А теперь забудь, что я сказал!

— Да... и где они раздобыли такого болвана, который согласился на это?

— Откуда я знаю, — ответил гнусавый с досадой, видимо сожалея, что выболтал тайну. — Все революционеры не в своем уме.

Мне стало дурно, подогнулись колени. Теперь я понял, почему никто не признавал во мне диктатора и почему Паук попался мне на удочку, когда увидел меня сидящим за столом в компании Гроса и Миче.

Надо уходить. Не завтра, не ночью, а сейчас же, сию минуту. У меня не было ни оружия, ни документов, ни карты, ни даже плана действий, но я не мог больше ждать.

Почти стемнело, когда я вышел в заднюю часть дома. Через окно я видел людей, которые продолжали свой разговор. Я нащупал дверь и рассмотрел ее в полутьме. Дверь состояла из двух секций. Верхняя была заперта, нижняя тихо открылась — ниже линии, которую могли заметить те трое, в саду. Я пригнулся и вылез наружу.

Короткая дорожка вела к дому, но я прополз вдоль стены через цветник прямо к полю. Вдруг появилась чья-то тень. Я вскочил и отпрыгнул к деревьям. Я был слаб и безоружен. Силуэт принял угрожающие размеры.

— Уходим, Молот. — Это был Гастон.

— Да, я ухожу, — запинаясь, произнес я. — Только не вздумай мне помешать.

Я тихо двинулся с места, совершенно не зная, куда идти. Главное, не останавливаться, не выдавать своего страха.

— Я пойду с тобой, — прошептал Гастон. — Хотелось бы

знать, куда именно ты направляешься? Последние несколько дней ты не давал себе отдыха.

— У меня не было никаких шансов.

— Ты еще больше боишься, чем я, Молот, — заявил Гастон.

— На твоем месте я ушел бы еще неделю назад. Должно быть, ты очень хотел взглянуть на Большого Босса, иначе зачем бы торчал здесь?

— По-моему, я достаточно насмотрелся за сегодняшний день, — хмуро ответил я. — Не желаю больше никого видеть.

— А его видел? — в голосе Гастона звучало любопытство.

— Нет, — сказал я, — лица не видел. Но я перестал быть любопытным.

Гастон тихо рассмеялся.

— О'кей, шеф, — сказал он и протянул мне какую-то карточку. — Может, пригодится. Это адрес Большого Босса за пределами города. Я украл карточку у него. Это все, что я смог сделать. А теперь давай побыстрее убираться отсюда.

Я сунул карточку в карман. Мне было не по себе.

— Погоди, Гастон. Ты хочешь помочь мне бежать?

— Грос велел не спускать с тебя глаз, чтобы с тобой не случилось несчастья. А я всегда выполнял и буду выполнять приказы моего брата. Пусть даже его нет в живых.

— Твоего брата? — я в изумлении остановился.

— Грос был моим братом, — повторил Гастон. — И хотя мне далеко до него, он всегда обо мне заботился. А я всегда его слушался.

— А как же они? — спросил я, кивнув в сторону дома. — Им может здорово не понравиться, когда они обнаружат, что мы сбежали!

— К черту этих обезьян! — Гастон плюнул в сердцах. — Меня трясет от ярости при виде их!

У меня вдруг стало радостно на душе.

— Послушай, Гастон, не можешь ли ты вернуться и принести мне мундир?

Гастон показал на висевший у него на плече узел.

— Я подумал, что тебе может пригодиться этот мундир, Молот, — сказал он, протягивая мне узел.

— Гастон! — воскликнул я. — Ты молодец! А не принес ли ты вместе с мундиром такую маленькую штуковину, которую я прятал за запястьем?

— По-моему, я кинул ее в мешок, — кивнул Гастон. — Кто-то украл перчатки, которые ты держал за поясом. Поверь, мне их очень жаль.

Я склонился над сюртуком и нашупал в кармане что-то плотное. С пистолетом в руке я был готов покорить весь мир.

— Можешь не вздыхать об этих перчатках, — сказал я, пристегивая пистолет к предплечью.

Я снял пижаму и натянул мундир, обернулся — в доме как будто спокойно. Уже настолько стемнело, что мы могли безопасно пересечь поле.

Вскоре дом уже не был виден. Стена и высокие кусты не пропускали свет из окон на первом этаже, а верхняя часть тонула во мраке. Я выбрал в качестве ориентира яркую звезду, и, спотыкаясь, мы побрали по полю. Я и не предполагал, как трудно идти в темноте по пахоте.

Через четверть часа впереди показались деревья — я все еще предполагал, что там должна быть река.

Миновав деревья, мы пошли медленнее. Дорога опускалась вниз, и через мгновение я соскользнул с грязного берега в мелководье.

— О! — обрадованно зашептал я Гастону. — Река что надо!

Я выбрался на берег и стал вглядываться в западном направлении. Ничего не было видно. Иди мы между деревьями, вряд ли одолели бы до зари больше двух-трех километров, в этих не освещенных луной зарослях.

— Куда течет эта река, Гастон? — спросил я.

— Туда, — он показал рукой. — К Алжиру, к городу.

— Плавать умеешь?

— Конечно, — кивнул Гастон, он отчетливо вырисовывался на светлом фоне реки. — И даже неплохо.

— Отлично. Раздевайся и свяжи в узел одежду. Что не хочешь намочить, положи в серединку. Узел ремнем привяжи к спине.

Закончив приготовления, я вошел в воду. Погода стояла теплая, и вода приятно холодила тело. Пистолет находился на прежнем месте.

Вокруг была кромешная тьма — только звезды сверкали бриллиантами в небе.

— Все в порядке? — спросил я у Гастона, услышав тихий всплеск воды за спиной.

— Конечно, шеф!

— Сейчас поплыем побыстрее, а потом не будем торопиться, — прошептал я. — Пусть река на нас поработает.

Глава X

Течение реки было спокойным. На другом берегу виднелся вдали крохотный огонек. Мы медленно проплыли мимо него.

Все было тихо. От нервного напряжения я начал зевать, но понимал, что теперь не скоро доберусь до постели.

Впереди я видел отражение огней в воде. Оглянулся, а это засветились окна на втором этаже дома.

Я показал Гастону на огни.

— Эге, — сказал он. — Я это еще раньше заметил. Кончилась у нас, видно, спокойная жизнь.

Они могли легко проследить наши следы до самой воды. Для этого нужен был простой карманный фонарик. И как бы в ответ на мои мысли между деревьями замелькал луч света. Он двигался по направлению к реке. Все ближе, ближе. Вот он затанцевал на поверхности воды в том месте, откуда мы поплыли. Следом за первым лучом появился второй, потом третий.

Видимо, все, кто был в доме, присоединились к погоне. Они, должно быть, предполагали, что я прячусь где-то на берегу, в полном изнеможении после прогулки по пахоте, и готов лечь на операционный стол.

Огоньки развернулись веером, двигаясь вдоль берега. Мы были довольно далеко от них.

— Гастон, — спросил я, — у них нет лодки?

— Нет, — ответил он.

Огоньки становились все меньше и меньше и вскоре исчезли из виду.

Мы проплыли, пожалуй, час, а может, и больше. Вокруг было тихо, лишь под руками плескала вода.

Вдруг впереди по воде заскользили огни.

— Тьфу, черт, — прошептал Гастон. — Я совсем забыл о мосте Салан. Ведь они могут быть там.

Я различил очертания моста. Он был в сотне метров от нас.

— Плыви к противоположному берегу, Гастон, — сказал я.

— Только быстро и тихо.

Плыть кролем я не стал, чтобы не поднимать шума, и плыл по-собачьи, не поднимая рук из воды.

Они легко перехватили бы нас, если не зажгли огни на мосту. Но ведь в темноте ничего не видно. Они, наверное, прикинули, какова скорость течения, и вычислили, где примерно мы можем оказаться через час. Они ненамного ошиблись. В сущности, вообще не ошиблись.

Я старался плыть как можно быстрее и вдруг почувствовал ил под ногами и оцарапал лицо о камни. Я перевернулся и сел, тяжело дыша. Гастон барактался в нескольких метрах от меня.

— Сюда, — шепнул я. — Только не шуми.

Огни на мосту внезапно погасли. Интересно, что они дальше предпримут? Если пойдут вдоль берега, нам придется снова забраться в воду. И если один из них останется на мосту и посветит фонарем...

— Надо уходить, — сказал я и, пригибаясь, тихо пошел к

берегу. И вдруг увидел свет фонариков. Повернулся к Гастону:

— Смотри, на противоположном берегу тоже огни. — Гастон стоял, затаив дыхание.

Огоньки стали удаляться. Слышно было шлепанье ног, голоса. Мои мокрые ботинки, связанные шнурками, болтались на груди.

Короткими перебежками мы добрались до берега и остановились. Земля здесь была потвержене.

Оглянувшись, я подумал, что они легко обнаружат наши следы, если только вернутся. Надо спешить. Узел с одеждой очень мешал, но одеваться не было времени.

— Идем, — прошептал я и побежал.

Шагов за пятьдесят до обрыва мы легли на землю и стали ползти, чтобы наши силуэты не выделялись на фоне неба.

Пыхтя и ругаясь, мы ползли и ползли. Лишь на самом верху остановились и осмотрелись. Дорога, ведущая на мост, делала поворот.

— Там не город, а армейский склад, — сказал Гастон.

Я приподнялся и взглянул на реку. Два огонька рядом покачивались на воде, а затем стали медленно удаляться. Раздался негромкий крик.

— Они напали на наш след, — сказал я и побежал вниз, вдоль дороги, стараясь глубоко дышать. Четыре шага — вдох, четыре — выдох. Если так дышать, можно бежать очень долго. Камни впивались мне в ноги.

Я решил выйти на шоссе — по асфальту бежать легче. Но Гастон схватил меня за руку.

— Нельзя! У них есть здесь машина.

Я не понял, о чем это он, но тут услышал шум заводимого мотора. Тьму пронзил свет зажженных фар, заигравший на верхушках деревьев, пока автомобиль поднимался на мост с другой стороны реки.

Еще несколько секунд, и автомобиль будет на нашей стороне.

Впереди показалась изгородь. Мы остановились. Все конечно. Изгородь огибалась дорогу, соединявшуюся с нашей в семи метрах от нас. Может быть, на развилке будет дренажная труба...

Проржавевшая стальная труба диаметром около полуметра шла вдоль основной дороги, как раз на развилке. Я лег на землю и, цепляясь за траву, забрался в это укрытие и пополз вперед, производя невообразимый шум. Гастон старался не отставать от меня. Я перевел дух и обернулся. Гастон лежал на спине, продвинувшись всего на метр. В свете блеснувших фар в руке у него сверкнул крупнокалиберный пистолет.

— Дружище, — шепнул я, — не стреляй без крайней нужды.

Фары автомобиля рыскали по верхушкам деревьев. Вдруг я

увидел кролика, сидящего всего в метре-полутора от дальнего среза трубы. Услышав шум приближающегося автомобиля, он ускакал.

Автомобиль медленно пересек мост и поехал дальше. Я с облегчением вздохнул. И только было собрался повернуться к Гастону и немного успокоить его, как вдруг в канаву рядом со мной скатился камешек. Я замер. Тихое шарканье ног по гравию — и покатился второй камешек. Луч карманного фонарика, скользящий по траве вдоль кювета, переместился и замер возле противоположного среза трубы. Я затаил дыхание. Шаги стали ближе, луч фонаря упал мне на плечо. Наступила напряженная тишина. Я не заметил, как пистолет оказался у меня в руке. В полусотне метров от меня автомобиль остановился и заглушил мотор. Через мгновение я услышал совсем рядом чье-то дыхание. Я направил пистолет чуть правее фонарика, и отдача едва не выломала мне руку. Фонарик перелетел через груду бульжников и погас. Человек рухнул и больше не двигался. Я схватил его за ноги и стал тащить к трубе.

— Гастон, — прошептал я, — дай руку!

Я помог ему вылезти из трубы, и мы вдвоем затолкали мертвое тело в трубу.

— К автомобилю, — сказал я. Эта мысль казалась мне очень заманчивой. Я устал от погони. Я жаждал из жертвы превратиться в охотника.

Пригнув голову, я бежал по кювету, Гастон — за мной.

Автомобиль уже находился метрах в тридцати. На краю поля я насчитал три фонарика.

— Еще немного, — прошептал я. — Я пересеку дорогу и зайду с противоположной стороны, а ты подойди вплотную к автомобилю. Следи за мной и не вешай носа.

Я рванулся через дорогу — голый, с узлом на спине. Фары автомобиля были включены, но мы уже оставались в темноте. Я залег в канаве, морщась от боли — колючка впилась мне в ступню. Я видел, как фонарик, тот, что ближе ко мне, описывал большие круги, высвечивая обочину шоссе и поле на расстоянии двадцати метров. Без умолку трещали кузнечики, им ни до чего не было дела.

Автомобиль чуть отъехал назад, развернулся и двинулся вперед.

Они, видимо, решили вернуться к реке, обыскивая метр за метром. Видимо, еще не хватились того, кто навсегда остался в трубе.

Автомобиль медленно ехал по мосту, заливая светом дорогу. Я прижался ко дну кювета, но вот автомобиль остановился, как раз надо мной. Мне был хорошо виден водитель, выгляды-

вавший из-за ветрового стекла. Видимо, он искал того, кто имел несчастье осматривать кюветы. Водитель вышел из автомобиля, длинного, с тяжелым верхом. В ярком свете фар клубилась пыль и роилась мошака.

Я поднял тяжелый камень, присел на корточки и выполз из канавы. Водитель продолжал стоять, держась за дверцу и глядя поверх нее. Я подкрался к нему сзади и изо всей силы стукнул камнем по голове. Человек вскрикнул и упал на сиденье. Я затолкал его в кабину и закрыл дверцу. В темноте было очень трудно снять с убитого пиджак, но мне удалось это сделать. Я натянул его на себя. Все по-прежнему было тихо. Кто-то с фонариком продолжал рыскать по окрестностям.

Мотор был включен.

Я осмотрел механизмы управления: рулевое колесо, три педали. Я легонько нажал на центральную — машина тронулась с места. Я подрулил к правой обочине шоссе и медленно двинулся вперед. “Гастон должен быть где-то здесь”, — подумал я, напряженно всматриваясь в темноту, но ничего не мог различить.

Пришлось остановиться. Неподалеку покачивался фонарик, двигаясь к мосту. Я погасил подфарник и теперь видел несколько лучше. Фонарики, направленные на меня, замерли. Я помахал руками, решив, что вряд ли они смогут разглядеть мое лицо в кромешной тьме. Однако поиски продолжались. Фонарик не иссяк. Вдруг я увидел с криком бегущего ко мне Гастона. Все лучи скрестились на нем, когда он пересекал дорогу.

— Быстрей, Гастон, — закричал я, забыв об осторожности.

Гастон выстрелил в ближайший луч фонарика. Он мигом погас. Я рывком распахнул дверцу, Гастон вскочил на сиденье. Раздался крик одного из преследователей и следом выстрел. Пуля с силой ударила о массивный кузов и с визгом отскочила в сторону. Я нажал на педали. Автомобиль рванулся вперед и вдруг остановился. Еще одна пуля попала в боковое стекло, и в меня полетели осколки. Я снова нажал на педали. Машина рванулась вперед. Я включил фары, переключил скорость. Вдруг я заметил впереди человека. Он перемахнул через канаву и, спотыкаясь, побежал к нам. Всего на мгновение я увидел в свете фар холеное белое лицо, прежде чем оно навсегда исчезло. От удара нас сильно тряхнуло.

Впереди над водой вырисовывался мост. Мы с ходу вылетели на самую высокую часть его и зависли на своих сиденьях, когда машина, не сбавляя скорости, устремилась вниз. Сразу же за мостом дорога поворачивала влево, обрамленная с обеих сторон рядами деревьев.

На повороте взвизгнули шины.

— Ну, Молот, это великолепно! — закричал от восторга Гастон. — Никогда прежде не ездил на таких машинах!
— Я тоже! — крикнул я в ответ.

Глава XI

Ночь выдалась темная. Главной нашей задачей было попасть в город. Гастон сказал, что шоссе ведет прямо в центр. Собственно, это был не город, а часть его, которую диктатор обнес стеной и превратил в свою крепость. Снаружи к стене лепились лавки и дома, как обычно в средневековом городе, своего рода общине, которая обеспечивает всем необходимым жителей замка. Территорию за стеной было очень легко патрулировать и в случае необходимости перекрывать все ходы и выходы. Это, конечно, не защищало от нападения враждебного войска, но от убийц и бунтовщиков спасало.

— А мы и есть убийцы и бунтовщики, — ответил я, услышав слова Гастона.

— Это точно, шеф, — засмеялся Гастон.

Впереди то тут, то там виднелись огоньки.

Окрестности казались безлюдными.

Мы проехали еще минут двадцать и очутились на разрушенной бомбардировками окраине города. Среди развалин ютились бараки, построенные на скорую руку. Справа высился замок. К первоначально выстроенному массивному зданию Байард пристроил множество флигелей, напоминавших крылья и приземистую башню.

Я выключил фары.

— Как жы мы доберемся туда, Гастон? — первым нарушил я молчание. — Перемахнем через стену?

— Знаешь что, Молот, — ответил он, — я пойду на разведку, а ты жди меня здесь. Я хорошо знаком с этой частью города и помню расположение домов. Попробую отыскать местечко, из которого можно туда пробраться. Будь осторожен, тут много уличных банд.

Я поднял стекла и запер на защелку дверцы. Меня окружали разбитые стены без малейших признаков жизни. Лишь где-то мяукал кот.

Наконец я проверил свою одежду. Исчезли лацканы. Крохотная рация, все еще прикрепленная к поясу, сохранилась, но без микрофона и репродуктора была бесполезной. Я нашупал зуб, где был спрятан цианистый калий, он мне мог пригодиться.

Я задремал, но вскоре проснулся от легкого стука в лобовое стекло. Это был Гастон. Я открыл дверь, и он плюхнулся на сиденье.

— Порядок, Молот, — произнес он. — Кажется, я нашел подходящее место. Дойдем вдоль водосточной канавы туда, где она уходит под стену, протиснемся как-нибудь и, если повезет, очутимся по ту сторону стены.

Мы вышли из машины и пошли по выщербленным булыжникам к канаве. По ней протекал ручей, от которого исходило зловоние.

Мы прошли метров сто, пока над нами не нависла стена, утонувшая в темноте. На верхней площадке башни стоял часовой. Рядом с ним — два больших прожектора.

Гастон шепнул мне на ухо:

— Хоть и вонь здесь, Молот, но стена довольно шершавая, так что, я думаю, мы сможем пройти.

Он скользнул в канаву и исчез. Я скользнул за ним, стараясь зацепиться ногой за какой-нибудь уступ. Стенная кладка была грубая, с большим числом трещин и торчащих камней, но очень скользкая. Я двигался на ощупь, очень осторожно, чтобы не поскользнуться. Мы прошли мимо освещенного места, стараясь держаться в тени. Затем снова оказались под стеной, где громко журчала вода. Посмотрев вперед, я увидел Гастона, осторожно спускавшегося вниз, точнее, не Гастона, а его силуэт, по колено стоящий в зловонной жиже. Я подошел ближе и заметил железную решетку, перекрывавшую проход. Полез на решетку, цепляясь за железные прутья. В решетке не было ни единого просвета, на что мы так надеялись. Гастон спустился вниз и нырнул в канаву, пытаясь найти нижний конец решетки. Может быть, мы сможем нырнуть под нее?

Вдруг я почувствовал, что опускаюсь вниз. Гастон беззвучно ругался. И вдруг я понял, что это не я, а решетка скользит. Она со скрежетом опустилась по крайней мере на четверть метра. Ржавый металл не выдержал нашего веса. На левой стороне прутья сломались, но освободившееся пространство было чересчур узким, правда его можно было сделать пошире.

Гастон уперся руками в стену и приналег. Я стал рядом с ним. Решетка слегка повернулась, но потом заклинила.

— Гастон, — сказал я, — может, подлезть под нее и налечь с другой стороны? Попробую.

Я погрузился по грудь в вонючую жижу и стал толкать решетку. Металл царапал лицо, рвал одежду, но я все же подлез под решетку.

Потом выполз наверх, весь в грязи, и перевел дух. Вдруг я услышал пулеметные очереди, увидел, как Гастон схватился за решетку и... повис на одной руке. Стрельба продолжалась, и на каменный гребень стены выскоцило несколько человек. Гастон выхватил пистолет.

— Гастон, — позвал я, — скорее под прутья...

Но он был слишком велик, чтобы пролезть. Один из стражников стал осторожно спускаться к проему. Он высветил нас фонариком, и Гастон, продолжая висеть на одной руке, выстрелил. Стражник упал прямо в воду, подняв тучу брызг.

Гастон, задыхаясь, крикнул:

— Это... все...

Пистолет выскочил у него из руки и исчез в мутной воде.

Я скользил, судорожно цепляясь за прутья, и только чудом удержался. Мне даже удалось обернуться, как только я очутился на открытом месте. Двое солдат старались вытащить застрявшее в проеме тело. Даже мертвый, Гастон прикрывал мой отход.

Я прильнул к стене, держа пистолет наготове. Улица была пустынной. Часовые, видимо, решили, что мы в западне, и по эту сторону стены никого не было. Только тот часовой, которого мы первым заметили, он, должно быть, и поднял тревогу.

Выглянув, я узнал Оливковую аллею и ту улицу, по которой уже имел счастье пройтись десятью днями ранее. Она спускалась вниз и поворачивала направо. Именно туда я должен пройти под огнем пулемета. Очень не хотелось выходить на открытое место, но оставаться было нельзя.

Я и побежал, только так можно было спастись. На меня упал луч прожектора и отбросил тень на пыльные стены и шаткие булыжники. Я невольно рванулся в сторону, и тотчас же затрещал пулемет, засвистели пули, ударяясь о камни слева от меня. Я был в тени и мчался под защиту стены, маячившей впереди. Прожектор все еще искал меня, когда я нырнул за поворот. Я бежал в полной тишине. Обитатели этих убогих домов научились тихо сидеть за закрытыми ставнями, пока шла стрельба.

Я миновал место, где погиб Грос, и помчался дальше. На значительном расстоянии от меня снова и снова свистел часовой. Случайный выстрел поднял пыль впереди.

Вдруг я услышал топот ног. Скользнул взглядом по темным лавочонкам, пустым и жалким, пытаясь отыскать ту, где сидела безучастная ко всему старуха со своими пожитками. Эта лавочонка, насколько я помнил, была совсем крохотной, с общарпанным серым навесом и черепками разбитых горшков у дверей.

Я уже пробежал мимо, но вовремя спохватился и нырнул под навес. Едва справился с жестким брезентом, с трудом отыскал проем, и тотчас меня поглотила тьма.

Я никак не мог отдохнуться. Снаружи доносились крики и топот ног. Я получил короткую передышку. Этот ход им не был известен.

Я взглянул на часы. В этом мире все происходило молни-

носно — еще не было половины девятого. А ушел я из дома в половине седьмого. За два часа я убил двоих и одного убили из-за меня. Я подумал, как быстро может человек превратиться в первобытного охотника, жестокого, кровожадного, если тому благоприятствуют обстоятельства.

В этой кромешной тьме на меня вдруг навалилась смертельная усталость. Я зевнул и сел на пол. Так хотелось вытянуться и уснуть, но вместо этого я встал и на ощупь двинулся по проходу. Я еще не завершил дела, хотя многое достиг — я во дворце, цел-невредим и с оружием.

У меня появилась надежда сразиться. Это был мой единственный шанс. Из нетерпеливого, неопытного новичка я превратился в закаленного бойца, способного на убийство, если понадобится.

* * *

Через полчаса я уже был в том самом коридоре, куда меня высадили так опрометчиво две недели назад из шаттла Империума. В коридоре ничего не изменилось. Я вышел, осторожно закрыл дверь и двинулся вперед, прислушиваясь, чтобы не попасть в ловушку. Я запомнил, в какой стороне лифт, и пошел в противоположную.

Дойдя до первой двери, я осторожно нажал на ручку и, к своему удивлению, обнаружил, что она не заперта. Заглянул внутрь и понял, что спальня. Вошел и при слабом свете светильников увидел широкую кровать, большой письменный стол у дальней стены, встроенный шкаф, небольшое кресло и через слегка приоткрытую дверь — просторную ванную комнату. Закрыв дверь, я пересек комнату и заметил, что на окнах стальные ставни. И ставни, и шторы, и стены выкрашены были в зеленый цвет. Я закрыл ставни, подошел к столу и включил настольную лампу. Мне чертовски надоело двигаться на ощупь, в потьмах.

Комната была просторная и великолепно отделана. На полу — серо-зеленый пушистый ковер, две скромные акварели на стенах. Вдруг я почувствовал, как дурно от меня пахнет. Одежда задубела от пота и была вся в грязи. Я не задумываясь сбросил сюртук и все остальное и отправился в ванную.

Мытье заняло у меня полчаса, но надеть мундир в том виде, в каком он был, я не мог. Я выстирал все и развесил на батарее. Затем облачился в висевший здесь отличный купальный халат и вернулся в спальню.

Я плохо соображал, но все же подумал, что поступаю опрометчиво. Попробовал встрияхнуться, не смог. Я почему-то чувствовал себя в полной безопасности, нет, так не годится. Но ведь,

даже если я встану, то могу и стоя уснуть. Как бы в подтверждение этому я снова зевнул, после чего сел на стул напротив двери и приготовился ждать. Последнее, что я помню, это как я встал и выключил свет.

Глава XII

Мне приснилось, будто я на берегу моря и солнечные блики весело играют на воде. Солнце слепит глаза, и я стараюсь не смотреть на него. Наконец мне это надоело. Я заерзal на стуле и открыл глаза. В голове нестерпимо гудело.

Я взглянул на бледно-зеленые стены комнаты, на серо-зеленый ковер. В комнате было тихо, и я не решался пошевельнуться, чтобы не разбудить дремавшую где-то в теле боль.

Дверь была открыта!!!

Я помнил, что выключил свет, — ничего больше. Кто-то включил свет, открыл дверь! Я пробрался сюда как убийца, и кто-то нашел меня спящим, совершенно измученным после стольких испытаний.

Я осторожно выпрямился в кресле и тут же понял, что в комнате кто-то есть. Обернулся и вижу: в кресле красного дерева, обитого черной кожей, сидит человек, вытянув ноги и слегка сжав подлокотники. Человек улыбнулся, немного наклонился вперед, и мне показалось, что я смотрю в зеркало.

Я не двигаясь смотрел на него. Лицо его было худее моего и более морщинистое, покрытое загаром. Волосы выщели под лучами африканского солнца. И все же я смотрел на себя. Не на близнеца, не на двойника, не на прекрасного актера — на себя самого, сидевшего в кресле.

— Вы крепко спали, — сказал он. И мне показалось, что я слышу магнитофонную запись собственного голоса. Только этот голос безупречно говорил по-французски.

Я слегка шевельнул рукой. Пистолет при мне, человек, которого я собирался убить, сидит всего метрах в трех от меня — одинокий и беззащитный. Но я пока не готов стрелять. Возможно, никогда не буду готов...

— Вы хорошо отдохнули? — спросил мой двойник. — Или еще немного поспите, прежде чем поговорить со мной?

— Я хорошо отдохнул, — твердо ответил я.

— Не знаю, как вы сюда попали, — сказал двойник, — но достаточно того, что вы здесь. Трудно сказать, к счастью это или к несчастью, но что может быть лучше, чем найти брата.

Не могу сказать, что я представлял себе диктатора Байарда негодяем, ловким интриганом или маньяком. Но я не ожидал

встретить во плоти своего двойника, с добродушной улыбкой и поэтической манерой речи, человека, назвавшего меня своим братом.

Он посмотрел на меня с нескрываемым любопытством.

— Вы отлично говорите по-французски, но английский акцент все же слышен, — усмехнулся он. — Или американский? А? Простите мою назойливость. Лингвистика мое хобби, ну а вы мне вдвойне интересны.

— Я — американец!

— Забавно. Я мог бы и сам родиться в Америке — но это длинная скучная история, расскажу как-нибудь в другой раз.

“А стоит ли!” — подумал я и вспомнил, что, когда был мальчиком, отец мой часто рассказывал эту историю.

— Мне говорили, — продолжал мой двойник, — когда я вернулся в Алжир, десять дней назад, что здесь видели человека, очень похожего на меня. В моем кабинете найдены были два трупа. Начался переполох, и как это часто бывает — поползли всякие слухи. Но больше всего меня заинтересовал человек, как две капли воды похожий на меня. Я хотел встретиться с ним, побеседовать, я здесь так одинок! И вдруг — двойник! Конечно, я не знал, что привело этого человека сюда. — Байард развел руками. — Но когда я увидел вас в этой комнате спящим, сразу же понял, что вы пришли сюда с добрыми намерениями, вверив себя в мои руки, и был глубоко тронут.

Я ничего не мог сказать в ответ, да, по правде говоря, и не пытался.

— Когда при свете лампы я увидел ваше лицо, сразу же понял, что здесь не только внешнее сходство. Я увидел собственное лицо, правда не ожесточенное войной, не изборожденное, как мое, морщинами. С особой остротой я ощутил кровное родство и понял, что вы — мой брат!

Я облизнул пересохшие губы, слегка сглотнул слюну. Байард наклонился, крепко сжал мою руку, посмотрел мне в глаза и со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Простите меня, брат. В последнее время я часто бываю вспыльчивым и слишком красноречивым, скорее даже напыщенным. От этого очень трудно избавиться. У нас впереди много времени, чтобы обсудить планы на будущее. Расскажите лучше о себе. Уверен, в вас течет кровь Байардов.

— Да. Я ношу фамилию Байард.

— Вы, должно быть, очень сюда хотели прийти, раз рискнули явиться в одиночку, без оружия и соответствующих документов. Никто прежде на такое не отваживался.

Я не мог рассказать этому человеку об истинной цели своего прихода. На память пришли рассказы Бейла на встрече у Бер-

надотта, в частности рассказ о том, как принял Байард имперских послов.

Нет, Байард не был тираном. Напротив, своим дружелюбием он вызвал симпатию.

Но надо было что-то сказать. Я призвал весь свой дипломатический опыт — и стал без запинки врать.

— Вы правы, я и в самом деле могу помочь вам, Брайан, — сказал я, удивляясь тому, что так легко назвал его по имени. Но сейчас мне это казалось вполне естественным.

— С другой стороны, вы заблуждаетесь в том, что ваше государство — единственный уцелевший очаг цивилизации в этом мире. Есть еще одна, сильная, держава, которая хотела бы установить с вами дружественные отношения. Я эмиссар правительства этой державы.

— Почему же вы пришли тайком? Это очень смело с вашей стороны, но и очень рискованно. Должно быть, вы узнали, что меня окружают предатели, опасались, что они вас ко мне не допустят?

Он задавал мне вопросы и сам на них отвечал, не дожидаясь ответа. Настал момент напомнить Байарду о дипломатической миссии Бейла. Ее двух представителей пытали, били и потом уничтожили. Быть может, ответ диктатора что-нибудь прояснит.

— Помню, к вам были посланы двое наших людей, год назад, и им был оказан не очень теплый прием, — заметил я. — И я не знал, как со мной обойдется. Поэтому я и решил повидаться с вами лично, без свидетелей, с глазу на глаз.

Лицо Байарда вытянулось.

— Впервые слышу о каких-то ваших послах, — промолвил он.

— Их встретил генерал-полковник Янг, — ответил я, — а потом, насколько мне известно, с ними имел беседу лично диктатор.

Байард покраснел.

— Тут есть один пес из разжалованных офицеров, он главарь шайки головорезов, дестабилизирующих ту жалкую торговлю, которую я в состоянии поощрять. Его-то и зовут Янг. Если я установлю, что это он сорвал вашу дипломатическую миссию, сделаю все, чтобы его изловить и подарить вам его голову.

— Я слыхал, что вы сами застрелили одного из наших дипломатов.

Байард буквально вцепился в подлокотники, глядя мне прямо в лицо.

— Клянусь тебе, брат, честью семьи Байардов, что впервые

слышу о ваших посланниках и сам лично не причинял им никакого вреда.

Я верил ему. Он так искренне приветствовал союз с цивилизованной державой. И все же я собственными глазами видел кровавую бойню, учиненную во дворце его молодчиками, и атомную бомбу, которую они пытались взорвать.

— Очень хорошо, — сказал я. — От имени моего правительства принимаю к сведению ваше заявление, но где гарантии, что налеты и бомбардировки больше не повторятся?

— Налеты? Бомбардировки? — он был в полном недоумении.

Наступило молчание.

— Слава богу, что вы пришли ко мне ночью, — произнес наконец Байард. — Теперь ясно, что я выпустил из рук контроль за происходящим в стране.

— Было семь налетов, — сказал я, — четыре сопровождались атомной бомбардировкой, и это все за один год. Самый последний налет случился меньше месяца назад.

— По моему приказу все, что имело отношение к атомной бомбе, до последнего грамма было захоронено в море в день основания этого государства. Я знал, что у меня на службе немало предателей, но что есть безумцы, даже представить себе не мог.

Он обернулся и устремил взгляд на висевшую на противоположной стене картину с изображением солнца, играющего в листве деревьев.

— Я дрался с ними, когда они сжигали библиотеки, плавили алмазы работы Челлини, топтали Мону Лизу в руинах Лувра. Спасал все, что мог, утешаясь тем, что еще не поздно. Но шли годы, и перемены не наступали.

Пришли в упадок промышленность, сельское хозяйство, рушились семьи. Людей заботили только три вещи: золото, вино и женщины — вот все, что интересовало людей.

Признаюсь, я почти потерял надежду, пытаясь возродить дух созидания, чтобы не дождаться дня, когда будут разграблены все склады. И тогда я понял, что только жестокое военное правление может спасти мир от хаоса. Вокруг полное разложение... даже в моем доме. Ближайшие советники только и говорят о вооружении, карательных экспедициях, войнах. Бессмысленные войны, сверхгосподство ныне мертвых наций. Они надеялись потратить остатки наших скучных ресурсов на полное уничтожение следов цивилизации лишь для того, чтобы все склонились перед нашей верховной властью.

Он устремил на меня взгляд, который иначе чем лучезарным не назовешь.

— С твоим появлением я воспрянул духом. Вдвоем мы победим.

Я задумался. Империум дал мне все полномочия. И я мог воспользоваться ими по своему усмотрению.

— Верьте мне, — сказал я. — Самое страшное — позади. У моего правительства неистощимые людские ресурсы, снаряжение, оборудование. Вам все дадут, что нужно. Мы же у вас просим дружелюбия и справедливости.

Он откинулся назад, закрыл глаза и прошептал:

— Долгая ночь кончилась.

Еще много пунктов следовало обсудить, но в одном я был уверен: в превратности нашего представления о Байарде. Каким же образом имперская разведка была введена в заблуждение и с какой целью? Ведь у Бейла, по его словам, была группа лучших агентов. Непонятно, зачем ставился вопрос о моей переброске в мир Ноль-Ноль, мир Империума. Байард ни словом не обмолвился об аппаратах Максони — Копини. Будто они вовсе не существовали. Возможно, несмотря на внешнюю искренность, он что-то утаивал от меня?

Байард открыл глаза:

— Пожалуй, хватит о делах, — смеясь, сказал он. — Неплохо бы отметить нашу встречу. Вы не против?

— Мне нравится есть ночью, — полуслутильво произнес я. — Особенно если днем не успел пообедать.

— Вы истинный Байард, — в тон отозвался Брайан и нажал кнопку на столике рядом со мной. Затем откинулся на спинку кресла и соединил кончики пальцев перед грудью.

— Прежде всего надо обсудить меню, — задумчиво проговорил Брайан, сжав губы. — Не возражаете, если в качестве хозяина я сам выберу блюда. Посмотрим, похожи ли наши вкусы так же, как мы сами.

— Отлично! — кивнул я.

Кто-то осторожно постучал в дверь. Вошел человек лет пятидесяти, невысокий, с печальным лицом. Увидев меня, пришел в замешательство, но тотчас лицо его приняло бесстрастное выражение. Он подошел к диктатору, вытянулся и произнес:

— Я к вашим услугам, майор.

— Чудесно, чудесно, Люк. Вольно! Мы с братом очень голодны. Распорядись на кухне! И пусть наши повара не ударят в грязь лицом перед дорогим гостем!

Люк покосился в мою сторону.

— Мне кажется, господин чем-то похож на майора, — сказал он. — Точнее, поразительное сходство! Что ж, — он поднял голову, — полагаю, можно начать с сухой мадеры 1875 года,

чтобы разыгрался аппетит. Потом устрицы под белым соусом “Шабли Вудезар” 1929 года. Их еще осталось немного.

Все это звучало весьма заманчиво. Устрицы я и раньше пробовал. А о столь изысканном виде только слышал.

— … Двойной бульон из печени. К первому блюду подадим красное бургундское, “Конти”, 1904 года.

Брайан внимательно выслушал и одобрил меню. Если только Люк все это запомнит, то он, несомненно, офицант самого высокого класса.

— Люк давно при мне состоит, — заметил Брайан, перехватив мой взгляд, направленный вслед удаляющемуся Люку. — Очень верный, преданный слуга. Обратили внимание, что он называет меня майором? Это было мое последнее официальное звание во французской армии перед крушением. Позже меня назначили командиром полка, после Гибралтарской битвы, когда мы поняли, что брошены на произвол судьбы. Спустя некоторое время я осознал, что необходимо возрождение, и принял эту задачу на себя. Хотя получал от своих врагов все более и более высокие титулы. Признаюсь, некоторые из них присваивал себе сам, поверьте, это было необходимой психологической мерой. Но для Люка я так и остался майором. Сам же он был старшим поваром в полку.

— Мне мало что известно о событиях в Европе в последние годы, — сказал я. — Не могли бы вы мне рассказать?

Он задумался и стал говорить:

— Это были годы упадка. Все началось с самого первого дня того памятного Мюнхенского мира в 1919 году. Одна Америка противостояла Срединным державам и потому пала после масированного нападения в 1932 году. Казалось, мечта Германии о господстве над миром близка к осуществлению. Но вскоре в покоренных странах вспыхнули восстания. Я получил звание старшего лейтенанта французской армии, которая начала партизанскую войну. Мы стали передовым отрядом организованного сопротивления в Европе, и нашему примеру последовали во многих странах. Люди больше не желали оставаться рабами. В те дни мы были полны радужных надежд.

Но шли годы, и безысходность положения становилась невыносимой. Наконец, во время одного из дворцовых переворотов, кайзер был свергнут, и мы решили использовать представившуюся возможность для совершения последнего штурма. Я вел свой батальон на Гибралтар и у самого берега попал под пулеметную очередь.

Никогда не забуду часы агонии, когда лежал в полном сознании в палатке хирурга. Морфий давно кончился, и врачи старались поскорее вернуть бойцов на поле боя, занимаясь лишь

легкими ранеными. Я же не мог больше принимать участие в бою, и мною занялись после всех. Это было логично, но тогда я не хотел понимать.

Я с восхищением слушал его.

— Когда вас ранило?

— Этот день я запомнил навсегда, — ответил он, — 15 апреля 1945 года.

Я был ошеломлен. Ведь я тоже был ранен из немецкого пулемета под Йеной и долго дожидался медицинской помощи, как раз 15 апреля 1945 года. Пожалуй, это было важнее, чем внешнее сходство. Что за странное родство, соединившее наши жизни через всю невообразимую пропасть Сети?

Мы покончили с бренди 1855 года, но продолжали беседовать. Излагали друг другу честолюбивые планы возрождения цивилизации. Наслаждались обществом друг друга. Напряженности как не бывало. Я прикрыл глаза и не заметил, как задремал. Что-то разбудило меня.

Заря уже занялась, небо посветлело. Брайан сидел, сердито нахмурившись. Весь в напряжении.

— Слышите?

Я прислушался. Мне почудился крик и отдаленный взрыв.

— Не так уж все ладно, — ответил Брайан на мой немой вопрос.

Я принял ходить по комнате. После вчерашнего кружилась голова. Вновь раздался крик, уже громче. В коридоре что-то хлопнуло. Звук показался знакомым.

Через мгновение дверь с треском высадили.

Еще более худой, в туго затянутом черном мундире, на пороге стоял главный инспектор Бейл, бледный от возбуждения, с длинноствольным маузером в руке. Он взглянул на меня, отступил на шаг, прицелился и выстрелил. Брайан успел заслонить меня своим телом и рухнул, сраженный пулей. Я невольно взглянул на его протезы, про себя отметив, до чего они несовершенны. Я наклонился, поднял его. Под воротником было большое красное пятно, которое все увеличивалось. Жизнь покидала его. Он смотрел мне прямо в лицо до тех пор, пока взор навсегда не угас.

Глава XIII

— Убирайся, — прорыгчал Бейл. — Что, черт побери, за неувезение! Мне нужна была эта свинья живой, для виселицы.

Я медленно встал. Инспектор смотрел на меня, кусая губу.

— Я целился в тебя, а этот дурак поменялся с тобой жизнью.

Казалось, он разговаривал сам с собой, слишком поздно я

узнал этот голос! Большим Боссом оказался Бейл! И ввело меня в заблуждение то, что он говорил по-французски.

— Хорошо, — заявил Бейл. — Думаю, вы можете поменяться и смертями. Ты будешь повешен вместо него. Толпа жаждет зрелиц! Помнится, ты хотел занять его место, теперь у тебя будет такая возможность.

Бейл прошел в комнату, жестом позывав остальных. В дверь ввалились отъявленные бандиты. Они рыскали глазами по комнате, ожидая приказов шефа.

— Отведите его в камеру, — приказал Бейл, указав на меня рукой. — И смотри, Кассу, пальцем его не тронь! Мне он нужен для хирурга! Понял?

Кассу что-то хрюкнул в ответ, схватил меня за руку так, что затрещал сустав, и потащил мимо мертвого Байарда.

Меня провели по коридору, впихнули в лифт, снова провели через толпу беснующихся бандитов, поволокли по каменным ступеням, через сырой туннель в стене и швырнули в темную камеру.

Мой мозг лихорадочно работал, стараясь постичь случившееся. Бейл? И не двойник! Ему было известно, кто я. Вот почему с такой точностью было определено местонахождение дворца и время нападения на него. Вот почему у Бейла не нашлось времени меня разыскать. Он надеялся, что я буду убит. Это облегчило бы ему задачу. Теперь я понял, почему глава разведки так хотел убить меня на дуэли, несмотря на то что я был необходим для осуществления замысла в отношении диктатора. И вся эта ложь о тиране Байарде из мира В-1-два была сфабрикована Бейлом, чтобы не допустить установления дружеских отношений Империума с этим несчастным миром.

“Но зачем? — спрашивал я себя. — Неужели Бейл сам замышлял стать правителем этого ада, сделав его своей личной вотчиной? Что ж, возможно, что и так...”

Бейл, разумеется, не намеревался удовлетвориться одним этим миром. Это была только база для расширения его замыслов. Здесь он получал все: солдат, оружие, включая и атомное. Именно Бейл был организатором нападения на Империум. Ему удалось, видно, выкрасть аппараты или их комплектующие части и переправить сюда, в мир В-1-два, и сначала заняться пиратством, а потом уже приступить к штурму самого Империума — широкомасштабному нападению, несущему атомную смерть. Солдатам Империума пришлось бы идти в бой против атомных пушек в ярких мундирах, с кортиками и саблями в руках...

Как же я раньше не понял этого? Фантастически малая вероятность разработки МК-аппаратов без внешней помощи в

этом превращенном в руины мире В-1-два казалась сейчас очевидной. В то время как мы планировали ответные действия против налетчиков, их вдохновитель сидел вместе с нами! Невероятно, что вражеский шаттл подстерегал меня, когда я начинал свою миссию.

Потом он обнаружил меня в доме, куда я пришел с Гастоном, и сразу сообразил, как можно меня использовать. А когда я сбежал, сделал все, чтобы меня изловить.

Сейчас можно было только догадываться, что все государство в его руках, но зачем же тогда убеждать жителей в возможности смены правительства и устраивать показательную казнь диктатора?

Теперь мне болтаться вместо Байарда на веревке. Я запомнил слова Бейла: "Он нужен мне для хирурга!" Значит, лоханка все-таки пригодится. Здесь многие знали, что у диктатора нет ног. Кто же поверит, что на виселице диктатор, если повесят меня?

Они накачают меня наркотиками, сделают операцию, пристегнут протезы, наденут на меня мундир и повесят. Мертвого диктатора повесить нельзя. Должны быть признаки жизни на лице, когда на шею набросят петлю. Я услышал шаги и сквозь зарешеченное окошко в двери увидел мерцающий свет. Может быть, уже готовят пилы и ножницы?

В камеру вошли двое. Один что-то бросил на пол и сказал:

— Надень это, прежде чем пойти на виселицу.

Это был мой старый мундир. Теперь, по крайней мере, он чистый, ведь я его выстирал. Странно, что я сейчас думаю о таких пустяках.

Меня пнули ногой.

— Надевай же, тебе говорят!

Я снял халат и облачился в легкий шерстяной китель и брюки, пристегнул пояс. Башмаков не было. Видимо, Бейл считал, что они мне уже не понадобятся.

— О'кей, — сказал один из них другому. — Пошли.

Я слышал, как щелкнул замок. И снова воцарилась кошмарная тьма.

Я расправил оборванные лацканы. Коммуникатор теперь не поможет мне. Нашупал оборванные провода — крохотные волоски, торчавшие из оборванных краев материи. Как ругался Красавчик Джо, когда отрезал лацканы!

Взгляд мой скользнул ниже. На лбу выступил пот. Я боялся пошевелиться. Боль надежды была страшнее предстоящей смерти.

Мои руки тряслись. Я вертел провода, прикладывая их друг к другу. Искра. Еще одна.

Я пытался сосредоточиться. Коммуникатор все еще был прикреплен к поясу, динамик и микрофон исчезли, но источник питания был на месте. Можно ли, соединяя друг с другом проводки, дать сигнал? Я мог только попробовать.

Я не знал ни азбуки Морзе, ни другого кода, но знал сигнал СОС. Три точки, три тире, три точки. Надежда становилась все мучительнее.

Не знаю, как долго пытался я соединить проводки. Я едва не свалился с койки, видимо задремав. Но пробовал снова и снова, пока было время.

Я услышал шаги, звон металла. Во рту пересохло, ноги дрожали. Я провел языком по полому зубу. Интересно, каков на вкус яд? И будет ли больно? Неужели Бейл об этом забыл? Или не знал?

Послышались громкие голоса, шаги, лязг, скрежет. Уж не собираются ли они поставить операционный зал прямо здесь, в камере? Я подошел к двери, посмотрел в узкое окошко, но ничего не смог разглядеть. Кромешная тьма.

Вдруг вспыхнул яркий свет, я подскочил, ослепленный.

Поднялся шум, кто-то завопил. Им, видно, слишком долго пришлось тащить по узкому проходу всякие причиндалы. Резкая боль пронзила все тело. Напала икота. Только бы выдержать. Надо вытащить яд. Представляю, как будет разочарован Бейл, когда обнаружит в камере труп. От этой мысли стало немного легче. Но я не хотел умирать.

И вдруг кто-то громко крикнул за дверью:

— Гончая!

Мое кодовое имя! Хотел закричать, но не хватило сил.

— Здесь, — прохрипел я, метнувшись к двери.

— Гончая, куда тебя черти...

— Сюда! — завопил я. — Сюда!!!

— Внимание, полковник! Пройдите в угол и прижмитесь к стенке!

Я прилип к стене, прикрыл голову руками. Раздался резкий свистящий звук, и от мощного взрыва задрожал пол. Меня обсыпало штукатуркой и пылью, песок заскрипел на зубах. Дверь с грохотом рухнула.

Чьи-то руки сгребли меня и поволокли сквозь клубы пыли наружу, на свет. Я то и дело спотыкался, натыкаясь на обломки стены, валявшиеся под ногами.

Какая-то масса перегородила проход, везде сновали люди. Образуя со стеной угол, возвышался огромный ящик с широко распахнутой дверью, из которой вырывался яркий свет. Чьи-то руки подхватили меня и затолкали в дверь. И тут я увидел провода, катушки, соединительные коробки, прикрепленные

скобами к некрашеному светлому дереву, обитому по углам стальными пластиинами.

— Все по счету, — закричал кто-то. — Жмите кнопку, да побыстрей!

Раздался выстрел, и пуля отколола от дерева несколько щепок. Дверь со звоном закрылась, ящик задрожал. Оглушительный грохот перешел в вой.

Кто-то схватил меня за руку.

— Бог мой, Брайан, какие, должно быть, кошмары перенесли вы в этом ужасном мире?

Это был Рихтгофен в своем сером мундире, со шрамом на лице.

— Теперь я вами доволен, — засмеялся я. — Вы прибыли удивительно точно, сэр.

— Мы круглосуточно прослушивали вашу волну, надеясь поймать хоть какой-нибудь сигнал от вас, — кивнул головой Манфред. — Мы не теряли надежды. Четыре часа назад наш оператор услышал на вашей волне какой-то писк. И вскоре мы обнаружили, что исходит он из винных подвалов. Патрульный шаттл здесь не уместился бы, он довольно громоздкий. Поэтому мы сколотили этот ящик и прибыли сюда.

Я подумал, как опасно путешествие через Зону Поражения в этом наспех сколоченном из сосновых досок ящике, и почувствовал гордость за людей Империума.

— Дайте место полковнику Байарду, — сказал кто-то. Мне освободили место на полу, подстелив чай-то китель. Я улегся на этот импровизированный матрац и в тот же миг отключился, уже сквозь сон услышав голос Рихтгофена.

Спал я тревожно, то и дело просыпался, порываясь что-то сказать, и снова засыпал.

Глава XIV

Я лежал в чистой постели, в залитой солнцем комнате, откинувшись на подушки. Эта комната чем-то напоминала другую, где я не так давно находился, с той только разницей, что сейчас у моей кровати сидела Барбру и вязала спортивную шапочку из красной шерсти. Ее высоко взбитые волосы пронизывали лучи медно-красного солнца.

Мне нравился ее нежный взгляд, безукоризненные черты лица, и я с удовольствием смотрел на нее. Она каждый день приходила ко мне, читала вслух, беседовала, кормила меня бульоном, взбивала подушки. Выздоровление шло быстро.

— Будь умницей, Брайан, — как-то сказала она, — выпей

бульон, и завтра у тебя хватит сил принять приглашение короля.

— Ну, что ж, — засмеялся я. — Договорились.

— Императорский бал, — пояснила Барбро, — самое выдающееся событие года. На праздник прибудут все три короля и Император со своими женами.

Я не ответил. Существовало нечто, чего я никак не мог осознать. Все проблемы по миру В-1-два я оставил людям из Разведки Империума, но о Бейле я знал несравненно больше, чем они! Подумав об имперском празднике, я не мог не подумать о возможном нападении. Полагаю, на этот раз у каждого будет крохотный пистолет, такой, как у меня, под запястьем. Но тогда схватка в зале была отвлекающим маневром, чтобы спрятать в саду атомную бомбу.

Ту бомбу передали Бейлу!!! Поскольку сейчас Империум организовал наблюдение за неопознанными аппаратами Максони, возможность неожиданного нападения полностью исключалась. Но теперь бомбу не нужно было привозить сюда. Она была здесь!

— Что с тобой, Брайан? — спросила Барбро.

— Что сделал Бейл с тем устройством? — в свою очередь спросил я. — Тем, что пытались установить в летнем дворце? Где оно сейчас?

— Не знаю. Его передали инспектору Бейлу...

— Когда прибывают королевские семьи на императорский бал? — перебил я ее.

— Они уже в городе. Во дворце Дроттинхольм.

Сердце у меня учащенно забилось. Бейл не упустит возможности. Раз три короля здесь, в городе, и где-то неподалеку атомное устройство, он будет действовать. Одним ударом он уничтожит все руководство Империума и пойдет на штурм. И тогда сопротивление будет бессмысленным.

— Позвоните Манфреда, Барбро, — попросил я. — Скажите ему, что необходимо найти устройство. Короли пусть покинут Стокгольм, а бал должен быть отменен. Иначе...

Барбро бросилась к телефону на маленьком столике.

— Его нет на месте, Брайан, — сказала Барбро. — Может быть, позвонить Берингу?

— Звоните!

Я начал было ее торопить, но она уже разговаривала с кем-то из конторы Беринга. Барбро все понимала с полуслова.

— Беринга нет, — разочарованно сказала она. — Кому же еще позвонить?

Я был вне себя. И Манфред, и Беринг поверили бы мне. Но их нет. А что скажут другие — не знаю. Отменить празднества, побеспокоить королевские семьи, взбудоражить весь город —

ведь это не шутка. Вряд ли кто-то решится на это без веских аргументов.

Я обязан был как можно скорее разыскать своих друзей или же найти Бейла.

Я знал, что императорская разведка уже начала поиски предателя, но пока безуспешно. Ни на квартире, ни на маленькой даче в живописном пригороде Стокгольма его не было. Дежурные наблюдатели не засекли ни одного не принадлежащего Империуму шаттла, двигавшегося по Сети.

Предположений было несколько. Во-первых, Бейл мог вернуться одновременно со мной, прежде чем все выяснилось, еще когда на станции наблюдения работали его люди. Во-вторых, он мог спланировать свое прибытие так, чтобы задержать атакующих, пока он не взорвет бомбу. Впрочем, за него это мог сделать сообщник.

Почему-то мне по душе было первое предположение. Это больше всего походило на Бейла — хитро, но не очень опасно. Окажись я прав, Бейл должен был бы находиться сейчас где-то в Стокгольме, чтобы именно в тот момент, когда прибудет император, взорвать город.

— Барбро, — крикнул я, — когда прибывает император?

— Точно не знаю, Брайан, — ответила она, — возможно, вечером, но, скорее всего, днем.

Значит, времени у нас совсем мало. Я вскочил с кровати, меня шатало.

— Я пойду, несмотря ни на что, — заявил я твердо, зная, что Барбро будет протестовать. — Я не могу спокойно лежать, дожидаясь, когда город взлетит на воздух! Ты на машине?

— Да, машина внизу. Только позволь, я помогу тебе одеться. Она пошла к шкафу, принесла коричневый костюм и сказала:

— Это все, что здесь есть. Мундир диктатора, в котором тебя доставили в госпиталь.

— Отлично. Годится!

Барбро помогла мне одеться, и мы покинули комнату. По дороге нам попалась сестра милосердия, взглянула на нас и пошла дальше. У меня все плыло перед глазами, и я непрестанно вытирал пот со лба.

В лифте мне стало лучше. Я сел, тряхнул головой. И вдруг нащупал в нагрудном кармане что-то жесткое. Так ведь это карточка, которую мне дал Гастон, когда мы в темноте убегали из этого страшного дома в окрестностях Алжира! На ней был адрес загородной резиденции Большого Босса. Я схватил этот кусочек картона и в тусклом свете лампочки прочел: ОСТЕРМАЛЬМСГАТЕН, 71.

Адрес был нацарапан плохо отточенным карандашом. Тогда это было несущественно, но сейчас...

— Что это, Брайан? — прервала мои размышления Барбру.

— Не знаю, — задумчиво ответил я. — Может, тупик, а может, и нет!

Я передал ей карточку и спросил:

— Знаешь, где это?

Она прочла адрес и ответила:

— Где-то недалеко от порта, в районе складов.

— Поехали, — нетерпеливо сказал я, моля Бога, чтобы не было поздно.

Автомобиль завернул за угол и немного замедлил ход. С обеих сторон дороги на нас угрюмо смотрели слепые окна складов, построенных из красного кирпича, с метровыми буквами — названиями владевших ими судовых компаний.

— Вот эта улица, — сказала Барбру. — Нам нужен дом номер 71?

— Точно, — ответил я. — А это — 73.

Мы вышли. Вокруг было тихо. Пахло морем, смолой и пенькой.

Прямо передо мной стоял склад, читать название компании не хотелось, уж слишком оно было длинным. Перед погрузочной платформой я заметил небольшую дверь, подошел и нажал ручку. Заперто.

— Барбру, — попросил я, — принеси-ка мне ручку от дом-кранта или монтировку.

Мне не хотелось впутывать Барбру в эти дела, но ничего другого не оставалось. Одному не справиться.

Она вернулась с металлической лопаткой длиной в полметра. Я просунул ее в щель между дверью и рамой и нажал. Что-то щелкнуло, и дверь рывком распахнулась.

В полумраке видна была лестница, ведущая наверх. Я взял Барбру за руку, и мы двинулись вперед. От напряжения я забыл о том, что в любую секунду над Стокгольмом может появиться второе солнце.

Пройдя пять пролетов, мы очутились на площадке и увидели выкрашенную красной краской дверь, очень прочную и с новым замком. Петли были похоже.

Добрых четверть часа мы провозились с дверью.

— Подожди здесь, — сказал я девушке и бросился в коридор.

— Я пойду с тобой, Брайан, — заявила Барбру.

У меня не было сил с ней спорить.

Мы очутились в просторной комнате, роскошно обставленной, с персидским ковром на полу, сквозь ставни пробивалось солнце, и его блики играли на полированной мебели тикового дерева. На темных полках над японскими миниатюрами стояли тщательно отполированные статуэтки из слоновой кости. Комнату перегораживала богато украшенная ширма. Заглянув за нее, я увидел на легкой подставке из алюминиевых стержней бомбу.

Две тяжелые литые детали, соединенные болтами с центральным фланцем, несколько проводов, идущих к небольшому металлическому ящику сбоку. В центре одной из выпуклостей виднелось четыре небольших отверстия, образующих квадрат. Вот и все. Но если пустить это в ход, на месте города остался бы гигантский кратер.

Я не мог определить, есть ли внутри заряд, и, наклонившись к бомбе, стал слушать. Тиканья слышно не было. Я решил перерезать провода, которые могли оказаться своего рода предохранительными устройствами, но это было рискованно: а вдруг начнет действовать спусковое устройство?

— Бомба найдена. Но как узнать, когда она взорвется?

И я вдруг почувствовал себя частицей раскаленного газа.

— Барбру, — попробуй отыскать какое-нибудь помещение, — сказал я. — Может быть, что-нибудь наведет тебя на мысль о том, как поступить, а я позвоню специалистам, пусть скажут, не рискованно ли трогать эту штуковину.

* * *

Я позвонил в имперскую разведку. Манфреда все еще не было, и парень у телефона не знал, что ответить.

— Пошлите группу спецов, — вопил я, — кто хоть что-нибудь понимает в этом устройстве.

Дежурный посоветовался с каким-то генералом.

— Когда прибывает Император? — поинтересовался я.

Он извинился и сказал, что не имеет права отвечать на это неизвестному лицу. Я в отчаянии швырнул трубку.

— Брайан, — позвала Барбру. — Подойди-ка сюда.

Я подошел к двери в соседнюю комнату. Все пространство там заполнял двухместный МК-аппарат.

Я заглянул. Внутри все утопало в роскоши.

Бейл не мог отказать себе в этом, даже при таких коротких перемещениях в Сети. Именно в этом шаттле он, по-видимому, перемещался в мир В-1-два. То, что этот аппарат был сейчас здесь, давало основание предполагать, что Бейл в городе и на этом аппарате собирается бежать.

А может быть, сейчас идут наши последние секунды, а сам Бейл далеко, в безопасном месте? Если это так, то я ничего не смогу предпринять. Но если он рассчитывает вернуться сюда, активировать бомбу, включить отсчет времени и покинуть город с помощью шаттла — тогда, возможно, я смогу ему помешать.

— Барборо, — позвал я девушку. — Ты должна найти Манфреда или Германа. А я буду здесь дожидаться Бейла. Если удастся их разыскать, скажи, чтобы послали сюда как можно больше людей, способных обезвредить эту пакость. Я не отваживаюсь даже прикоснуться к ней, а перенести ее смогут не менее двух человек. Хорошо бы запихнуть ее в аппарат и отправить в какой-нибудь из миров Зоны Поражения. Я буду снова и снова звонить Манфреду или Берингу, может быть, повезет. А куда тебе ехать, надеюсь, ты знаешь лучше меня.

— Я бы охотно осталась здесь, Брайан, — ответила девушка, взглянув на меня, — но понимаю, что не вправе так поступить.

“Впервые вижу такую замечательную девушку”, — мелькнула мысль.

Глава XV

И вот я остался один, не считая зловещего шара за ширмой. Хоть бы кто-нибудь пришел. Поднял высаженную дверь, надел на петли, закрыл на замок. Вернулся, заглянул за портьеры, порылся в бумагах на столе, надеясь наткнуться на что-нибудь, что могло бы хоть в какой-то мере раскрыть Бейла. Ничего подобного я не обнаружил, зато нашел длинноствольный пистолет 22-го калибра. Он был заряжен. Это меня успокоило. А то как поступить, если появится Бейл? Драться с ним не было сил. Но теперь я в безопасности.

Случайно я обнаружил кладовку и решил спрятаться там, как только услышу его шаги. Подойдя к бару, я налил полрюмки ликера и опустился в мягкое кресло.

В моем нынешнем состоянии я, пожалуй, потратил слишком много энергии. Мне виден был краешек бомбы. Интересно, заявит она как-нибудь о том, что собирается бабахнуть? Я знал, что бомба безмолвна, но все же невольно прислушивался.

Вдруг скрипнули половицы за дверью. На мгновение я замер. Затем бросился в кладовку и затаился, сжимая в кармане пистолет.

Шаги все приближались, шумно отдаваясь в мертвый ти-

шине. Вот повернулся ключ в замке, и на пороге появилась высокая, худая фигура предателя — главного инспектора Бейла. Он вошел, втянув в плечи свою маленькую лысую головку, опасливо озираясь. Затем снял пиджак. Я весь напрягся. А вдруг Бейл захочет повесить его возле моего убежища. Но этого не произошло — он швырнул пиджак на спинку стула и сел, переведя дух. Но через мгновение вскочил и заглянул за ширму. Мне ничего не стоило его пристрелить, но какой смысл? Надо узнать у него все, что можно, о бомбе... Он единственный в Империуме знал, как обращаться с этим адским устройством...

Бейл склонился над бомбой, вынул из кармана небольшую коробку, посмотрел на часы и подошел к телефону. Он говорил так тихо, что разобрать слов было невозможно. Затем прошел в соседнюю комнату и, как только я приготовился помешать ему воспользоваться шаттлом, вернулся. Снова посмотрел на часы, сел в кресло и открыл коробку с инструментами, лежавшую на столе. Покрутил отверткой в металлическом ящике на полу, видимо зарядном устройстве. Я стоял, затаив дыхание, стараясь не думать о боли в ногах.

Зазвонил телефон. Бейл удивленно посмотрел на него и положил в ящик отвертку. Он долго стоял у телефона, кусая губы, но трубку не снял. Когда телефон умолк, Бейл вернулся к столу и снова стал орудовать отверткой.

Интересно, кто бы это мог быть?

Теперь Бейл, нахмурившись, стал снимать с ящика крышку. Снял, подошел к бомбе, склонился над ней. Видимо, собирался перевести ее в боевое положение. Я больше не мог ждать.

— Стой, Бейл, не шевелись! — спокойно произнес я, выходя из своего убежища. — Не то пристрелю как бешеную собаку.

Глаза Бейла полезли на лоб, голова откинулась назад, он ловил ртом воздух, силясь что-то сказать.

— Что, не ожидал меня здесь увидеть, а, Бейл? — усмехнулся я. — Сядь! Вон туда!

— Байард? — только и смог прохрипеть Бейл.

Я ничего не ответил. Я был уверен, что бомба сейчас неопасна. Единственное, что мне оставалось, это дождаться подкрепления и передать Бейла по назначению. После этого можно будет отправить бомбу в Зону Поражения.

Вдруг голова у меня закружилась, ноги стали ватными, сильная боль в желудке заставила скряться. Я опустился в кресло, стараясь, чтобы Бейл ничего не заметил.

Откинувшись на спинку кресла, я дышал глубоко, через нос.

“Если начну терять сознание, немедленно пристрелю Бейла, — мелькнула мысль. — Его нельзя оставлять на свободе, иначе он снова будет угрожать Империуму”.

Мне стало немного легче. Бейл продолжал стоять неподвижно, глядя на меня с изумлением.

— Послушай, Байард, — выдавил он наконец из себя. — Давай заключим соглашение. Поделим все поровну. Управляй этим В-1-два, а я оставлю за собой этот мир. Клянусь не нарушать слова.

Он облизнул губы и стал медленно приближаться ко мне.

Я повернул пистолет и нечаянно нажал на спуск. Пуля задела рукав Бейла и ударила в стену. Бейл упал в кресло.

“Слишком близко к цели. Так можно было его убить, подлеца. Но пока рано. Я еще могу продержаться. Впрочем, хорошо, что я припугнул его”, — подумал я, а вслух сказал:

— Как видишь, я умею обращаться с этой хлопушкой. Всего на один сантиметр от руки, стреляя с бедра! Неплохо, согласен? Попробуй-ка шевельнуться.

— Выслушай меня, Байард, — взмолился Бейл. — Что нам за дело до этих попугаев? Мы можем править как абсолютные монархи!

Бейл что-то еще говорил, но я не слушал. Главное — не потерять сознания и дождаться помощи.

— ... воспользуемся случаем и заключим соглашение. Как ты на это смотришь?

Бейл смотрел на меня, не в силах скрыть своей алчности. Я не желал отвечать, он же решил, что я колеблюсь, и снова направился ко мне.

В комнате стало темнее. Я протер глаза. Мне сейчас было особенно плохо, силы покинули меня. Сердце бешено колотилось, живот нестерпимо болел. Я чувствовал, что теряю сознание.

Видимо, это заметил Бейл, пригнулся и, рыча, бросился на меня. Не оставалось ничего другого, как его убить. Дважды прозвучал выстрел, Бейл отпрянул, но все еще стоял на ногах.

— Не надо, Байард, ради всего святого! — завизжал он.

Я снова выстрелил. Закачалась на стене картина. Бейл отскочил в сторону. Попал я в него хоть раз или нет? Я был в полном изнеможении.

Но допустить, чтобы он ушел, не мог.

Выстрелил еще раз, затем еще.

И вдруг понял, что это темнеет не в комнате, а у меня в глазах.

Раздался вопль Бейла. Он не решался пересечь комнату в

направлении двери, за которой его ждал шаттл. Съежившись за креслом, продолжал увещевать меня. Я приподнялся и, стараясь унять дрожь, прицелился.

Бейл закричал и метнулся к входной двери. Я несколько раз нажал курок, и выстрелы эхом прокатились в моем отключном сознании.

* * *

Через несколько минут сознание вернулось ко мне, и я обнаружил, что ширма упала прямо на бомбу. Может, Бейл успел ее активировать? Но где же он сам? Я помнил лишь, что он рванулся к входной двери. Попробовал встать и снова бухнулся в кресло. Опять поднялся и с трудом двинулся к двери.

Вдруг до меня донесся какой-то странный звук. Я заглянул в большую комнату, надеясь увидеть там убитого Бейла. Но в комнате никого не было.

В открытое окно струился свет, и колыхалась на ветру портьера.

“Должно быть, Бейл выпрыгнул вниз, обезумев от страха”, — подумал я и подошел к окну. Раздался пронзительный вопль.

Бейл повис на руках, вцепившись в карниз здания напротив, в четырех с половиной метрах отсюда, и вопил. На левой штанге расплывалось большое красное пятно: на мостовую с высоты пятого этажа лилась кровь.

— Боже праведный, Бейл! Бейл, — закричал я. — Зачем ты это сделал?

Я был потрясен. Несколько минут назад я хотел его застрелить, но сейчас это было совсем другое!

— Байард! — вопил Бейл. — Я больше не могу держаться! Ради бога...

Я не знал, что делать. Для героических поступков вряд ли хватило бы сил.

Я быстро осмотрел комнату. Сдернул с постели простыню — она оказалась чересчур коротка. Даже две или три простыни не помогли бы делу. Я просто не смог бы их удержать. Я снова набрал единственный известный мне номер — офиса Манфреда — и закричал.

— Дежурный! Здесь человек вот-вот с крыши сорвется. Пришлите пожарных с лестницей, да побыстрее. Адрес? Остермальмсгатен, 71, пятый этаж.

Я положил трубку и вернулся к окну...

— Держись, Бейл, — крикнул я. — Помощь в пути.

Он, видимо, пытался перепрыгнуть на ближайшую крышу,

чтобы спастись от моего преследования. Но с раной в ноге это ему не удалось.

Я стал размышлять. Это Бейл послал меня на верную смерть, зная, что обман не пройдет, потому что у меня есть ноги. Это он устроил засаду в Зоне Поражения, потом хотел лишить меня ног для достижения своих гнусных целей. И разве не Бейл застрелил моего новообретенного брата, а меня бросил в холодный подвал. И все же я не желал Бейлу такой смерти.

Он снова начал кричать, отчаянно дрыгать ногами. Даже умудрился дотянуться одной ногой до карниза, но она соскользнула.

Интересно, как долго я был без сознания? Вот уж не предполагал, что этот слабак Бейл так долго продержится в подобном положении!

— Держись, Бейл! — подбодрил я его. — Уже недолго. Только не дрыгай ногами!

Он умолк. Кровь продолжала капать на мостовую. Но вот загудела сирена.

Я бросился к двери, открыл и прислушался. Внизу зазвучали тяжелые шаги.

— Сюда, сюда! — кричал я. — На самый верх.

Я снова побежал к окну. Теперь Бейл уже держался на одной руке, вторая соскользнула.

— Вот они, Бейл. Еще одна-две секунды...

Он молчал и не шевелился. Потом медленно стал сползать вниз...

Я закрыл глаза, но слышал, как он дважды стукнулся о мостовую.

Я отшатнулся от окна. По комнате сновали пожарные, выглядывали из окна, что-то кричали. Я опустился в кресло. Какие-то люди входили и выходили из комнаты, что-то делали, переговаривались друг с другом. Но я с трудом соображал, что происходит.

Прошло довольно много времени, прежде чем я увидел Германа и Барбру. Я попытался встать, но силы покинули меня.

Барбру склонилась надо мной, и я схватил ее руку.

— Отвези меня домой, Барбру! Герман, прошу тебя...

Тут я заметил Манфреда.

— Бомба, — прошептал я. — Она неопасна. Затолкайте ее в шаттл и вышвырните вон.

— Мои люди как раз этим занимаются, Брайан, — кивнул Рихтгофен.

— Только что ты сказал о доме, — подал голос Герман. — Думаю, Манфред меня поддержит, и мы самым решительным образом будем требовать, чтобы за особые заслуги перед Импе-

риумом тебя доставили в твой родной мир! Как только тебе позволит здоровье и если, конечно, твое желание не изменится. Хотел бы надеяться, что ты останешься с нами. Но это решать тебе.

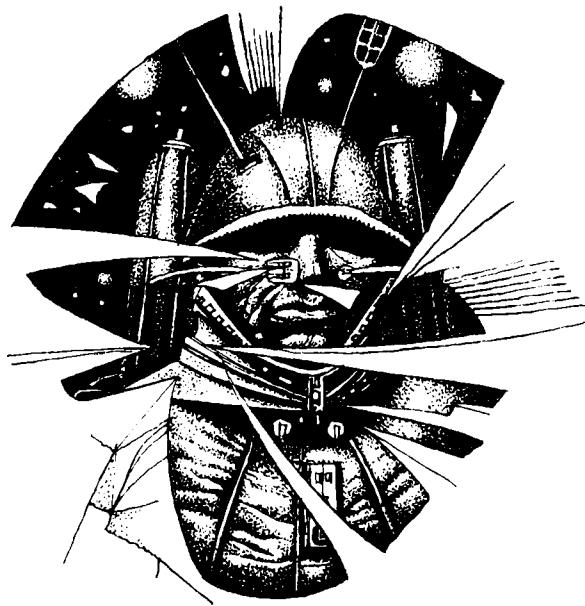
— Я уже решил, — твердо ответил я. — Я сделал свой выбор. Мне нравится у вас. По многим причинам. Во-первых, все избитые фразы и шутки моего мира здесь окажутся новыми. А во-вторых, что касается дома...

Я взглянул на Барбро:

— Дом там, где сердце!

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВРЕМЕНИ

РОМАН

Глава I

Это был один из тихих июньских вечеров в Стокгольме, когда закат горел в небе дольше обычного. Я стоял у окна, любуясь бледно-розовыми, коричневато-золотистыми и синими красками, всем существом своим предчувствуя неминуемо надвигавшуюся беду.

В комнате резко зазвонил телефон. Я с реактивной скоростью подбежал к нему, схватил трубку.

— Алло?

— Полковник Байард? — услышал я на другом конце провода. — Вас беспокоит Фрейхерр фон Рихтгофен; одну минутку, пожалуйста.

Через открытую дверь столовой я мог видеть блеск рыжих волос Барбро, когда она кивнула Люку, показывавшему ей бутылку вина. Свечи в люстре тонкой работы над ее головой отбрасывали мягкий свет на белоснежную скатерть, искрящийся хрусталь, старинный фарфор, сверкающее серебро. Завтрак, обед и ужин превращались для Люка в настоящее событие. Но сейчас есть мне не хотелось. Даже не знаю почему. Рихтгофен был моим старым другом и к тому же главой имперской разведки...

— Брайан, — голос Рихтгофена с легким акцентом лился из телефонной трубки. — Рад, что застал тебя.

— Что случилось, Манфред?

— М... м... м, — он казался слегка смущенным. — Брайан, ты весь вечер был дома?

— Мы пришли час назад. А ты звонил мне?

— О, нет. Понимаешь, возникла небольшая проблема.

Пауза.

— Брайан. Не найдешь ли время заглянуть в Управление имперской разведки?

— Конечно! Когда?

— Сегодня вечером... Сейчас...

Снова пауза. Рихтгофена, видимо, что-то сильно тревожило

— а это уже само по себе было странно. — Мне очень жаль, Брайан, — продолжал он, — что я беспокою тебя, но...

— Через полчаса буду, — прервал я его. — Люк, конечно, расстроится, но ничего, как-нибудь переживет. Может быть, ты все же мне скажешь, в чем дело?

— Нет, нет, Брайан. Это не телефонный разговор. Пожалуйста, извинись за меня перед Барбру... и перед Люком тоже.

— Кто это звонил, Брайан? — Ее, наверное, взволновало выражение моего лица. — Что-нибудь случилось?

— Не знаю. Постараюсь вернуться как можно быстрее. Должно быть, что-то важное, иначе Манфред не стал бы звонить.

Я прошел через холл в свою спальню, переоделся и вышел в прихожую. Люк стоял наготове, держа в руках мой крошечный пистолет.

— Это мне вряд ли понадобится, — сказал я. — Обычный визит в Управление. Вот и все.

— На всякий случай возьмите, сэр. — На угрюмом лице слуги было, как всегда, недовольство, за которым скрывалась исключительная преданность.

Я улыбнулся, взял пистолет. Широкий рукав верхней одежды позволил проверить его действие. При резком движении кистью пистолет (по форме и цвету напоминавший обточенный водой камень) соскользнул на ладонь. Я вернул его на прежнее место.

— Только для тебя, Люк. Вернусь через час, а может быть, и раньше.

Спустившись по широким ступеням к ожидавшей меня машине, я сел за руль. Мотор уже был включен. Проехав по посыпанной гравием тополиной аллее, я через железные ворота выехал на улицу. В это же время тронулась с места машина с потушеными фарами, стоявшая за углом. В зеркале обзора я увидел, как вторая машина пристраивается за мной. Свет фар отражался на замысловатой эмблеме имперской разведки, прикрепленной к радиатору машины. Видимо, Манфред прислал за мной эскорт.

Это была десятиминутная поездка по широким, залитым мягким светом улицам старой столицы, чем-то напоминавшей Стокгольм. Но здесь, в Ноль-Ноль мире Империума, центре широкой Сети параллельных миров, краски были несколько ярче, вечерний бриз — нежнее, а сама жизнь — ближе.

Я пересек мост, резко повернул вправо и помчался по ши-

ройкой аллее, проехал через несколько массивных ворот, мимо часовых, бравших "на караул" при моем появлении. Наконец я подъехал к широким дверям, обитым железом, с медной табличкой, на которой было написано: "ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ".

Машина позади меня резко затормозила, просигналила — и дверь распахнулась. Четверо как бы невзначай окружили меня. Среди них один из моих охранников — оперативник Сети, который как-то возил меня в пункт, называвшийся "Трущобы". Это было несколько лет назад... Он заметил, что я его узнал, и вежливо кивнул. — Вас ждут, полковник, в апартаментах генерала барона фон Рихтгофена, — сказал он и отвернулся.

Я поднялся вверх по ступеням с таким чувством, что не эскорта сопровождает меня, а группа переодетых полицейских.

Манфред поднялся мне навстречу и как-то странно на меня посмотрел, видимо колебался: сказать или не сказать.

— Брайан, будь снисходителен, — сказал он. — Пожалуйста, садись. Создалось несколько затруднительное положение...

Он озабоченно посмотрел на меня. Это был не тот, обходительный, всегда спокойный, барон фон Рихтгофен, каким я привык его видеть, выполняя обязанности начальника одного из отделов имперской разведки.

В кабинете, в определенном порядке, стояли четыре вооруженных агента и те четверо, которые привели меня сюда.

— Продолжайте, сэр, — сказал я сухо и официально. — Я понимаю, дело есть дело. Надеюсь, вы скажете мне, что произошло.

— Я должен задать тебе несколько вопросов, Брайан, — расстроенным голосом произнес Рихтгофен. Он показался мне сразу постаревшим. Рихтгофен провел рукой по седым волосам, решительно выпрямился и откинулся на спинку стула.

— Не назовешь ли девичью фамилию твоей жены? — выпалил он.

— Ландейн, — спокойно ответил я.

Я не знал, что это за игра, но решил в ней поучаствовать. Манфред знал Барбру раньше, чем я. Отец ее служил с Рихтгофеном агентом Империума на протяжении тридцати лет.

— Когда ты встретил ее?

— Лет пять тому назад — на королевском балу. В тот вечер, когда я приехал сюда...

— Кто еще был там?

— Вы, Герман Беринг, капитан Винтер... — я назвал с десяток гостей, принимавших участие в этом веселом мероприятии, закончившемся нападением бандитов из кошмарного ми-

ра В-1-два. Винтер погиб от ручной гранаты, предназначавшейся для меня.

— Какова была твоя профессия... раньше?

— Я был дипломатом, дипломатом США, до тех пор, пока ваши парни меня не похитили и не доставили сюда. — Я решил напомнить моему старому другу, что нахожусь в Империуме по его инициативе, хотя он учинил мне допрос. Рихтгофен это понял, пришел в замешательство и не сразу задал следующий вопрос:

— А чем занимаешься здесь, в Стокгольме Ноль-Ноль?

— Вы предоставили мне прекрасную работу в разведке в качестве офицера надзора Сети.

— Что такое Сеть?

— Это континуумы параллельных миров, матрица одновременной действительности...

— Что такое Империум?

Это был один из тех молниеносных допросов, которые призваны сбить человека с толку. Не самый лучший способ беседы двух друзей.

— Правительство всех вероятных миров линии А, находящееся в мире Ноль-Ноль, в котором был создан генератор МК.

— Что значат буквы МК?

— Максони — Копини — ребята, которые изобрели эту штуку в 1893 году.

— Каким образом используется эффект МК?

— Создан привод, с помощью которого приводятся в движение шаттлы Сети.

— Где осуществляются операции Сети?

— Во всех мирах линии А, кроме Блайта, или, как мы говорим, кроме "Трущоб".

— Что такое Блайт?

— Каждая линия А в пределах тысяч параметров линии Ноль-Ноль представляет собой адский мир радиации или...

— Что вызвало появление Блайта?

— Неправильное обращение с Эффектом МК. Ваши парни, сэр, здесь, на линии Ноль-Ноль, единственные, кто научился правильно управлять...

— Что такое линия Ноль-Ноль?

Я нарисовал в воздухе круг. — Это мир, в котором мы находимся. Мир, где поле МК...

— Есть ли у вас шрам на правой ступне?

Я улыбнулся. Этот вопрос рассмешил меня своей неожиданностью.

— Ага. В том месте, куда попал главный инспектор Бейл, между большим пальцем и...

- Почему тебя доставили в мир Империума?
- Я нужен был вам, сэр, чтобы выдать меня за диктатора района, известного под названием “Островные Трущобы-2”.
- Имеются ли другие жизнеспособные линии А в пределах Блайта?

Я кивнул.

- Две. Одна — это опустошенное войной место с датой общей истории около 1910 года, другая — мой родной мир, известный под шифром В-13.

— У тебя шрам от пули на правом боку?

— Нет, на левом. Еще есть...

— Что такое дата общей истории?

- Это дата, когда истории двух различных линий А разошлись, образуя параллельные миры.

- В чем заключалось твое первое задание в качестве полковника разведки?

Я ответил на этот вопрос и на множество других. В течение следующих полутура часов он осветил все аспекты моей личной и общественной жизни, забираясь в те отдаленные уголки, которые были известны только мне и ему. И все это время восемь вооруженных молодчиков молча стояли рядом со мной.

Терпение мое кончилось, когда генерал вздохнул, положил на стол руки (у меня вдруг возникла мысль, что он только что опустил в ящик стола пистолет) и посмотрел на меня с улыбкой.

— Пойми, Брайан, профессия у нас интересная, но чем только не приходится заниматься! Вызвать тебя сюда таким образом, — он кивнул на вооруженных людей, которые незаметно один за другим покидали комнату, — и допрашивать словно преступника — что может быть неприятней? Но это было необходимо, и верь мне, я рад, что все разрешилось благополучно.

Он поднялся и протянул мне руку. Я ответил на рукопожатие, с трудом подавив вспыхнувший гнев. Рихтгофен это, видно, заметил.

— Позже, Брайан, возможно завтра, я смогу объяснить тебе этот фарс, — сказал он. — Сейчас прошу принять мои извинения. Уверяю тебя, я это сделал исключительно в интересах Империума.

Я холодно произнес несколько вежливых слов, попрощался и вышел. У Рихтгофена, несомненно, была веская причина так поступить. Но от этого не становилось легче, к тому же мучило любопытство. Но будь я проклят, если стану сейчас задавать вопросы.

Никто не встретился мне, пока я шел к эскалатору. Но когда очутился на первом этаже в холле с белым мраморным полом,

услышал быстро удаляющиеся шаги, затем хлопнула дверь, и все стихло. Я стоял и принюхивался, как зверь, попавший в незнакомое место. В этот час здание Управления казалось окутанным дымкой таинственности.

Внезапно я уловил запах гари и дыма. Пошел в ту сторону, откуда он доносился, и у широкой парадной лестницы, которая вела в приемный зал, замер на месте: на белом мраморном полу темнел след. В двух ярдах от него еще один. В шести футах дальше по коридору, которым я шел, — третий. Казалось, кто-то случайно ступил в горячую смолу, прежде чем идти по этому белому полу. Следы поворачивали налево, в слабо освещенный коридор. Там было тихо, как в морге.

Я прошел через небольшой холл, остановился у другого коридора и огляделся. Запах стал резче и напоминал теперь запах горящей краски. Идя по следам, я повернулся за угол. В двадцати футах от меня на полу виднелось чем-то выжженное углубление, а вокруг него — множество отпечатков ног, следы крови, на стенах — отпечатки кровавой пятерни, куда больше моей.

Такой же отпечаток виднелся над табличкой с надписью: "Служебная лестница", только с контуром вздувшейся потемневшей краски. Рука моя конвульсивно дернулась — я вспомнил о пистолете, который взял по настоюнию Люка.

До двери было не больше двух шагов. Я взялся за блестящую латунную ручку и отпрянул назад — ручка была нестерпимо горячей. Тогда я обернулся руку носовым платком и открыл дверь.

Узкие ступеньки вели куда-то вниз, в темноту, и запах гари все усиливался. Я попробовал нащупать выключатель, но потом передумал. Тихо прикрыв дверь, я стал спускаться по лестнице. В неясном свете, исходящем от стен, дошел до подвала, на мгновение остановился и выглянул из-за угла. Увиденное меня поразило.

На стене в красноватом свете плясали какие-то тени. Я подошел к повороту направо и снова выглянул. В пятидесяти футах от меня двигалась светящаяся фигура, похожая на раскаленную докрасна железную статую. Фигура метнулась в сторону, прокочила узкий проход и исчезла в открытой двери.

Я держал пистолет наготове, и это придало мне чувство уверенности. Взгляд мой скользнул ниже, и я увидел на деревянном полу обуглившиеся отпечатки ног. Надо бы вернуться, подняться тревогу... но... я уже шел к двери. Нельзя сказать, чтобы мне это нравилось, но медлить было нельзя...

Теперь уже пахло не горелым деревом, а гладильней, кузницей и костром. Я подкрался к двери, вплотную прижался к стене и рискнул заглянуть за дверь. Видно, здесь еще не успели убрать.

Посреди комнаты человек, от которого исходило красное

свечение, в неуклюжих перчатках и бесформенном комбинезоне, склонился над кем-то, распростертый на полу, и тряс свою жертву. Наконец он выпрямился. У меня не было времени смотреть на этот страшный спектакль. Может быть, жертва его еще не мертва, и если вовремя нанести удар... Я проскочил в дверь, совершенно забыв о пистолете, и бросился к огненному чудовищу, от которого исходил жар, как от доменной печи. Чудовище повернулось, вскинуло светящуюся пятерню, отступило на шаг...

С его руки на меня посыпались искры. Я увидел ослепительное электрическое свечение, услышал хлопок разряда, но ничего не мог сделать, крошечные молнии стали замыкаться на мне...

Беззвучный взрыв превратил мир в слепящий белый свет, ввергнувший меня в небытие.

Я долго лежал. Не хотелось просыпаться, угнетали воспоминания о заброшенной кладовой, огненном чудовище, его жертве. Я застонал и хотел вновь погрузиться в сон, но тут ощутил прикосновение холодного бетона к лицу, почувствовал тошноту и привкус меди во рту. Собравшись с силами, я приподнялся и огляделся.

В комнате было темно, тихо и пусто, как в ограбленной гробнице. Провел языком по пересохшим губам и невероятным усилием воли заставил себя сесть. Голова гудела.

Еще одно усилие — и я поднялся. Запах гари исчез. Исчезли и чудовище, и его жертва.

В комнате было полутемно. Я извлек из кармана зажигалку и при ее свете попытался разглядеть следы на полу.

СЛЕДОВ НЕ БЫЛО!!!

Только толстый слой пыли. Ничто не напоминало о трагедии, разыгравшейся в этой комнате.

Уж не сплю ли я? Я даже ущипнул себя, хотя считал это сущей глупостью, — и едва не вскрикнул от боли. Но это ничего не объясняло!

Я вышел в коридор. Свет был включен. Лишь от стен и пола исходило тусклое, фосфоресцирующее свечение. Но следов и здесь не было!

* * *

Я поднялся в холл первого этажа, уже не ощущая такого сильного шума в голове.

В затхлом воздухе коридора повисла, казалось, черная дымка, придававшая оттенок траура знакомым очертаниям дверей и мраморному полу.

Щелкнул замок, и закрылась дверь подвала. Я принюхался: запаха гари не было.

В одном из кабинетов, куда я прошел через зал, стоял на столе глиняный горшочек с затвердевшей, словно закаленной огнем землей. Возле горшка валялся засохший листочек. Настольные часы показывали 12 часов 05 минут. В какой-то момент они, видимо, остановились. Я снял телефонную трубку. Тишина на том конце провода была глухой, как бетонная стена.

Я вышел на крыльцо — машина стояла там, где я ее оставил. В будке часового у ворот было темно. Фонари на улице не горели. Но ведь отключение электроэнергии не могло повлиять на карбидные лампы постов внутреннего караула? Почему же они не горели? Даже звезд не было видно...

Я сел в машину, хотел включить зажигание, но тщетно. Сигнал тоже не работал, как и выключатель освещения.

Выйдя из машины, я постоял в нерешительности и направился к гаражам в конце двора, все время замедляя шаг — в гаражах тоже было темно. На воротах висели замки.

Я тяжело вздохнул, силясь унять возбуждение, только сейчас ощутил, что пахнет мертвениной.

Пройдя мимо пустой будки часового, я вышел на улицу. Там было безлюдно, темно и тихо. Несколько машин стояло у поворота. Я направился к мосту и на самой его середине заметил что-то темное — это была машина. Вид ее почему-то неприятно поразил меня. Даже засосало под ложечкой. В машине я никого не увидел, но она была заведена. Это я понял, заметив ключ зажигания в замке.

На улице Густава Адальфганпорта было еще много пустых машин, все они стояли на проезжей части. Сломанные машины, поврежденная электростанция — все это, разумеется, не радовало.

Я обошел несколько улиц и площадей — ни души! Город вымер! Ни ветерка, ни шума моторов, ни звука шагов, ни эха голосов. Меня охватило отчаяние. Я весь покрылся холодным потом.

Я пересек парк и лишь на выходе заметил, что он голый: ни травинки, ни цветка, ни листочка, ни деревца — ни ч е г о! В панике я побежал. Хоть бы скорее добраться до дома!

* * *

Запыхавшись, я вбежал в ворота. Взглянул на темные окна — и ощущил одиночество...

Еще несколько часов назад аллея утопала в зелени. А теперь на месте тополей зияли глубокие ямы. Лишь сухие листья напоминали о том, что здесь когда-то росли деревья. Поднялся по

ступенькам и огляделся — лишь мои следы на превратившейся в пыль почве свидетельствовали о том, что здесь когда-то кипела жизнь. Открыв дверь, я остановился на пороге, чувствуя, как сильно колотится сердце.

— Барбро! — крикнул я. Мой голос в этой неестественной тишине прозвучал, как крик попугая.

Из неосвещенной прихожей я влетел в гостиную, потом в спальню. Везде царило безмолвие, нарушающее звуком моих шагов.

С трудом передвигая ноги, я снова вышел в прихожую и позвал Люка. Ответа я не ожидал, просто хотел нарушить эту страшливую меня тишину.

Никто не ответил мне!!!

В комнате был полный порядок, мебель стояла на своих местах, лишь часы на каминной полке остановились. А в горшочках с цветами осталась мертвая сухая земля. Я стоял, пытаясь осознать страшную истину: Барбро исчезла, так же как и все живое в столице Империума.

Глава II

Сначала я не слышал этого звука. Я сидел в пустой комнате, глядя в окно на пустую улицу, и прислушивался к биению своего опустошенного сердца. Затем до меня донесся слабый шум, показавшийся очень сильным в этом вымершем городе. Я вскочил и вышел за дверь, когда подумал о том, что надо соблюдать осторожность. Шум становился все явственней, все отчетливей, и я различил в нем стук шагов марширующего отряда.

Через мгновение я их увидел. Я бросился в комнату и наблюдал из темноты, как они идут мимо, по четверо в ряд, здоровенные парни в бесформенных балахонах. Их было человек двести. Некоторые несли тяжелые свертки, другие — оружие, похожее на винтовки. Кого-то поддерживали товарищи. Видно, отряд этот возвращался с поля боя. Когда отряд прошел мимо, я тихо побежал по аллее (под прикрытием зданий) и устремился за ним, стараясь держаться на почтительном расстоянии.

Теперь, когда первое потрясение миновало, у меня появилось чувство человека, уцелевшего после страшного катализма.

Отряд двигался вдоль улицы Мигавитем. Мрачные, здоровые солдаты на голову выше меня (а мой рост — 6 футов), они не пели, не разговаривали, просто шли, квартал за кварталом, мимо пустых машин, пустых зданий, пустых парков. Затем повернули налево, на улицу Ансадевегем, и я понял наконец, что они направляются на станцию. Я наблюдал за ними, пока отряд

не вошел в украшенные орнаментом ворота и не исчез за массивным порталом, сорванным с петель. Один боец вышел из строя и встал на пост у ворот.

Я осторожно пересек улицу и направился к задней части здания. Спотыкаясь о комья земли на заброшенных клумбах, я пошел вдоль стены, видневшейся в призрачном свете, исходящем не с неба, а скорее из земли, ухватился за ее край, подтянулся, перемахнул через нее и спрыгнул прямо на мощеный двор станции.

Здесь было припарковано около полудюжины шаттлов. Это были машины специального типа, которые использовались только для работы на ближайших А-линиях, то есть в мирах, дата общей истории которых отличалась всего несколькими столетиями, там, где существовали другие Стокгольмы, с улицами, на которых замаскированный шаттл не привлекал бы внимание.

Одна из машин стояла совсем близко к стене. Я забрался на колесо, подтянулся и попытался поднять тяжелое двойное стекло в металлической раме. Попытка моя не увенчалась успехом.

Я спустился вниз, порылся в багажнике шаттла, нашел молоток и постарался осторожно выбить стекло из рамы. Сделать это тихо не удалось. Я замер, прислушиваясь. Но ничего не услышал, кроме собственного дыхания и скрипа амортизаторов шаттла, осевших под тяжестью моего тела.

Комната, в которую я проник через окно, оказалась ремонтной мастерской. Вдоль стен стояли длинные верстаки, на них валялись различные детали шаттлов. На стенах были развесованы инструменты. Через дверь в дальнем конце мастерской я вышел в коридор, ведущий к гаражам. Изнутри доносились какие-то приглушенные звуки. Я приоткрыл дверь и скользнул под высокий сводчатый потолок ангара. Двойной ряд шаттлов Сети виднелся в полумраке. Тяжелые машины, рассчитанные на десять человек, машины-разведчики, поменьше, на трех человек. В дальнем конце стояли две одноместные машины новой модели. Они выглядели букашками на фоне огромных машин замысловатой конструкции, уродливых и массивных, как баки для мусора или кучи металломолома среди элегантных установок имперской службы безопасности. Между этими странными машинами двигались темные фигуры, выполняя то и дело раздававшиеся команды.

Я спрятался между двумя шаттлами Империума, откуда удобно было наблюдать за происходящим. Дверцы первых пяти устройств были открыты, в них друг за другом забирались солдаты. Чьи это были солдаты, не знаю, но они явно перебази-

ровались. Неуклюжие, тяжеловесные существа в темно-серых балахонах и шлемах с забралом из темного зеркального стекла. Одна из имперских машин загородила путь небольшому отряду, двое подошли к ней и перевернули на бок. Я невольно сжался в комок. Ведь шаттл весил без малого две тонны.

Первый транспорт был, очевидно, уже загружен, так как солдаты перешли к следующей установке.

Минут через десять приготовления будут закончены, и пришельцы вернутся в тот мир, откуда явились. А явились они из Сети. Я это понял. Люди, неизвестные Империуму, владевшие своим собственным приводом МК. Они стали единственным связующим звеном между мною и “исчезнувшими” обитателями Стокгольма 0-0.

Ждать дальше нечего. Необходимо следовать за ними и выяснить, что приключилось с обитателями Стокгольма 0-0, где Барбро???

Я вдохнул полной грудью и вышел из своего укрытия, чувствуя себя незащищенным, как крыса, вытащенная из норы. Я пошел вдоль стены, увеличивая расстояние между собой и пришельцами, пробираясь к одному из шатлов-разведчиков, быстрой маневренной машине с соответствующим вооружением и новейшим оборудованием. Но только я открыл дверь, раздался такой щелчок, что желудок мой прилип к ребрам: сработала задвижка. И снова наступила тишина.

Внутри было достаточно света, чтобы осмотреться. Пробравшись в отсек управления, я сел на место оператора и попробовал включить главный привод. Никакого результата. Нажал другие кнопки — то же самое. Привод МК был мертв, как и машины, брошенные на улицах города. Я тихонько покинул шаттл.

Пришельцы работали в нескольких футах от меня, заслоненные рядом шатлов. И у меня созрела мысль, не сказал бы, что блестящая. Но что поделаешь. Ничего другого я придумать не мог. Первым делом следовало пробраться на противоположную сторону ангаря. Я обернулся...

Он стоял в пяти футах от меня, возле заднего крыла шаттла. И с близкого расстояния казался еще выше. Широкоплечий, руки в перчатках, каждая величиной с небольшой чемодан. Он шагнул ко мне, я попятился. Он опять шагнул, еще немного — и я окажусь на виду у всех. Я остановился. Пришелец продолжал двигаться, протянув ко мне свою огромную пятерню, чтобы схватить.

В мгновение ока пистолет оказался у меня в руке. Я прицелился чуть пониже груди и нажал курок. Великан рухнул на пол, как падает лошадь на полном скаку. Я перешагнул через него

и укрылся за следующим шаттлом. Казалось невероятным, что никто ничего не слышал. Зато отчетливо доносился шум из дальнего конца ангара, ни на секунду не прекращавшийся. Я затаил дыхание и чувствовал, что сердце готово выпрыгнуть из груди.

Все еще сжимая в руке пистолет, я подошел к мертвому пришельцу. Он лежал ничком и напоминал огромную медвежью шкуру. Я перевернул его на спину и через разбитое забрало увидел грубое лицо, с пористой кожей и широким безгубым ртом, обнажившим желтые зубы. Маленькие глазки бледно-голубого цвета безжизненно смотрели из-под кустистых светлых бровей, образовавших единую линию. У виска пробивалась жирная прядь волнистых белокурых волос.

Я отошел от него и снова укрылся в тени шаттла. Следующим на очереди был пришелец, стоявший последним. Чтобы добраться до него, надо было пересечь открытое пространство, примерно футов 50, тускло освещенное. Я осторожно пошел вперед, стараясь не производить шума и замирая всякий раз, когда кто-либо из пришельцев поворачивался в мою сторону. Я уже почти достиг цели, когда вдруг один из пришельцев, командовавший отрядом, направился в ту сторону, где лежал убитый солдат.

В запасе у меня было полминуты, прежде чем он поднимет тревогу. В тени шаттла-заправщика я быстро добежал до последней машины и, оглядевшись, забрался внутрь.

Здесь стоял тошнотворный, удущливый запах. Все предметы были непропорционально велики для человеческого глаза. Я осмотрел пульт управления, экраны и кресло оператора. Все было, в общем-то, знакомым, хотя очень отличалось от привычных шаттлов Империума в части размеров и форм. Я взгромоздился на высокое жесткое сиденье и стал внимательно рассматривать квадраты и круги из пластика, светящиеся различными оттенками коричневого и фиолетового. Странные символы были на некоторых изогнутых рычагах, торчащих из пульта управления, выкрашенного в темно-желтый цвет. Пара педалей под пультом была до блеска отполирована ногами операторов. От напряжения я весь покрылся холодным потом. Сейчас поднимется тревога, и, если я допущу ошибку, гибели не миновать. Внимание мое привлек рубильник в центре пульта управления. Вокруг него были потертости и царапины. Это свидетельствовало о частом применении рубильника. Ничего не оставалось, как нажать на него.

Снаружи донеслись громкие крики. Офицер поднял тревогу и сейчас... Я резко дернулся и ударился коленом об острый угол пульта. Боль придала мне решимости. Я стиснул зубы, схва-

тился за рубильник и нажал. В то же мгновение огни стали меркнуть. Дверца машины захлопнулась, и плохо закрепленные предметы внутри установки стали сильно вибрировать. На пульте замигали какие-то лампочки, на светившихся экранах плясали какие-то линии. Я почувствовал легкий удар по корпусу шаттла. Видимо, один из пришельцев хотел попасть внутрь машины, но не успел.

Спустя мгновение после того, как я нажал на рубильник, изображение на экранах наружного обзора стало четким. Я увидел картину полного опустошения под небом без единой звезды — это были Трущобы. Поле МК начало действовать! Похищенный шаттл понес меня через Сеть параллельных миров с огромной скоростью, судя по быстрой смене пейзажа снаружи.

Итак, побег удался. Теперь необходимо было выяснить, как управлять этой незнакомой мне машиной.

Вполне хватило получаса, чтобы получить общее представление о назначении клавиш. Теперь можно попытаться управлять шаттлом.

Я потянул рычаг управления, но он не сдвинулся с места. Я снова дернул. На этот раз удалось немного сдвинуть его. Я встал и всем телом налег на рычаг. Рычаг сломался. Я сел в кресло и в отчаянии уставился на мерцающие огоньки пульта. Управление машиной, очевидно, было заблокировано. Владельцы шаттла приняли меры предосторожности против потенциальных угонщиков, пытающихся направить машину в какую-нибудь произвольно выбранную ими А-линию мира. Курс моей машины был предопределен. Я был бессилен что-либо изменить.

Глава III

Прошло два часа, а шаттл все двигался в неисследованные, не отмеченные на карте участки Сети. Я сидел, наблюдая смену пейзажей на экранах, которую капитан Винтер обычно называл А-энтропией. Империум не знал скорости, с которой я сейчас двигался. На экранах обзора невозможно было даже различить живые существа. Человек исчезал из поля зрения за доли секунды, улицы и здания сменяли друг друга с молниеносной быстротой. Мелькали дверные проемы, гранит превращался в пыль. Буквы на вывесках и рекламах расплывались, теряя форму и смысл. Хижины и лачуги сливались с огромными зданиями и сравнивались с землей. Балконы и террасы, возникая, тотчас же исчезали. Рушились колонны...

По мере того как мой шаттл мчался сквозь линии вероят-

ностей, целые цивилизации расцветали передо мной и через мгновение превращались в прах.

Я сидел в полном оцепенении, наблюдая, как меняется у меня на глазах Вселенная. Вскоре меня стало клонить ко сну, и я вспомнил, что давно не ел и не спал. Сколько же прошло часов???

Я обшарил отсек и нашел одеяло, от него отвратительно пахло стойлом. Но я так устал, чтобы перебирать. Расстелил одеяло между креслом оператора и силовым отсеком и с наслаждением растянулся на нем...

Вдруг я проснулся... Равномерный гул шаттла перешел в прерывистое жужжание. Судя по моим часам, я находился здесь уже около трех часов. Хотя, по меркам Империума, это путешествие было недолгим, машина пришельцев проникла за это время в такие районы Сети, о которых имперские разведчики понятия не имели.

Я с трудом поднялся, открыл пошире глаза и устремил взгляд на экраны. И то, что я там увидел, напоминало кошмарный сон. Странные кривые башни среди темных пустых каньонов, узкие дорожки, бегущие среди куч мусора, арки ворот, разрушенные здания. Повозки на высоких колесах, груженных кучами металла, дерева и кожи.

С высеченных из камня пилястров на меня смотрели огромные лица существ, напоминающих дьяволов ацтекских племен. Шум шаттла становился все тише и в конце концов вовсе исчез. Постоянно меняющаяся картина на экранах внешнего обзора превратилась в неподвижную реальность. Я куда-то прибыл. На улицах, если можно так назвать заваленную мусором дорогу, никого не было. Тот странный свет, что я видел на улицах Стокгольма 0-0, слабо исходил от каждой поверхности, лежавшей под чистым и чужим небом над моей головой.

Вдруг на меня волной накатилась тьма. Казалось, шаттл ходит подо мной ходуном. Неведомая сила скрутила меня, как медную проволоку, протащила через игольное ушко и бросила в беспамятстве.

Придя в себя, я обнаружил, что лежу на спине в полном изнеможении. Владевшая мною сила отпустила меня. Я дышал полной грудью, свободно шевелил руками и ногами, отчетливо видел мигание огоньков на пульте управления. Колено нестерпимо болело, и сквозь брюки проступала кровь.

Я посмотрел на экраны внешнего обзора. Улица, еще недавно безлюдная, была наводнена толпами приземистых, неуклюжих длинноруких созданий, которые толкались и шумели.

Позади раздался грохот металла. Я обернулся и увидел, что защелка отошла в сторону, дверца шаттла распахнулась и в нее ввалилось чудовище. Клыкастое, обросшее волосами, с бугристо-

той, лысой головой, широким безгубым ртом и огромными ушами. Чудовище было затянуто ремнями и увешано звенящими браслетами, так не вязавшимися с волосатым телом этой гориллы.

Я уже готов был схватиться за пистолет, но в ту же секунду опустил руку. Ну убью я одно чудовище, потом еще одно, но ведь их всех мне не одолеть. На карту поставлено значительно больше, чем моя жизнь. Минуту назад это тихое пустынное место на моих глазах превратилось в заполненную толпой улицу, залитую солнцем. Если мне удастся узнать у этих обезьян секрет подобного превращения, я смогу вернуть к жизни мой Стокгольм 0-0, если только удастся...

— Хорошо, хорошо, парень. Я буду вести себя спокойно... — произнес я примирительно.

Рукой, похожей на механическую лопату, чудовище впилось мне в плечо и швырнуло в открытую дверь. Я ударился о косяк и вылетел наружу, сразу ощущив запах гнилья.

Толпа косматых чудовищ при моем появлении зарычала. Передние отскочили назад, возбужденно переговариваясь. Я поднялся на ноги, стряхивая вонючий мусор, прилипший к одежде, когда сзади подошел тот, кого я первым увидел. Не говоря ни слова, он сбил меня с ног, а когда я попытался подняться, что-то ударило меня в спину, и я плюхнулся ничком прямо в вонючую грязь. Перед глазами вспыхнули огни, похожие на салют, который видел давным-давно в своем родном мире...

Очнувшись, я обнаружил, что две гориллы куда-то волокут меня, зажав словно в стальных тисках. Их глаза, похожие на голубые камешки, смотрели на меня как на чумного.

Пока меня тащили, я старался привыкнуть к мысли, что попал в плен к великанам-людоедам, о которых прежде читал только в сказках. Но сейчас это была реальная жизнь, только вонючая и грязная. Обезьяны без конца чесались своими пальцами, каждый величиной со стволом молоденького деревца. Из зловонной пасти с желтыми клыками текла слюна.

Вскоре улица сменилась более широкой и чистой, с многочисленными лавками, очень странными, многоярусными. Торговцы, присев на корточки на верхнем ярусе, предлагали свои товары и спускали их покупателям вниз, а плату поднимали наверх — толстые квадратные монеты из какого-то странного металла. Здесь были горы фруктов, странной формы глиняные горшки всевозможных размеров, мотки серой пряжи, листы металла, кожа, упряжь и еще много, много всего. Здесь было много всякого люду. Разного роста, разного цвета кожи, с большими пучками густых волос, с ярко-красными лицами. Некоторые, покрытые темной блестящей шерстью, поражали своей

худобой, короткими ногами и плоскими ступнями... другие — с круглыми плечами и непомерно длинными носами.

Одни носили большие медные кольца на длинных медных цепочках. У других к кожаным полоскам, заменявшим одежду, пристегнуты были всякие безделушки, а треты вообще не носили никаких украшений, руки у них были покрыты мозолями. И над всей этой пестрой толпой летали, громко жужжа, сине-зеленые мухи, образуя живой навес.

Мы дошли до конца улицы и, оттеснив толпу любопытных, очутились перед широкой, засыпанной мусором, лестницей. Меня протащили по ступенькам, втолкнули в дверной проем и передали двум неуклюжим низкорослым существам, лишь отдаленно напоминавшим людей. Затем откуда-то из темноты появились еще существа. Они принялись меня рассматривать, трогать одежду своими длинными, негнувшимися, уродливыми пальцами. Я невольно отпрянул, прижавшись к стене. Но тут меня подхватили под руки и поволокли по проходу, напоминавшему туннель, пробитый в скале. Я попытался было запомнить все эти повороты — в надежде на то, что мне удастся бежать, но вскоре прекратил это бессмысленное занятие. Здесь было почти темно, свет исходил от маленьких желтоватых лампочек накаливания, расположенных через каждые 50 футов. В их неверном свете можно было рассмотреть грязный пол и грubbyе стены.

Приблизительно через две сотни ярдов туннель расширился, и мы оказались в мрачном, небольшом зале. Один из сопровождающих, порывшись в груде мусора, извлек широкую полосу толстой темной кожи, прикрепленной узким кольцом к стене, обмотал ее вокруг моего правого запястья и, хлопнув по плечу, отошел к дальней стене. Его напарник что-то прорычал, кивнул головой и пошел дальше по коридору, вскоре исчезнув в темноте.

Я разгреб влажный мусор, сел и стал ждать. Рано или поздно, кто-то из правителей этого мира непременно захочет меня допросить...

Только я кое-как устроился на этом каменном полу, оказавшись против ожидания не таким уж жестким, как кто-то пнул меня в бок ногой. Я вскрикнул, открыл глаза и попытался было встать, но меня уже подняли на ноги, дернув за кожаное кольцо на моей руке. И снова меня повели по мрачному туннелю. Я едва волочил ноги, живот нестерпимо болел. Я сбился со счета, стараясь определить, как долго я нахожусь без еды и питья. Мозг мой работал медленно, как часы, погруженные в масло.

Мы долго шли вверх и наконец достигли цели. Зал с куполообразным потолком имел форму неправильного круга. В грубых

стенах темнели ниши. Стоял тошнотворный запах навоза. Мне захотелось оглянуться и, может быть, в последний раз посмотреть на туннель, из которого я только что вышел.

В некоторых нишах у входа в туннель лежали кучи ветоши. Вдруг одна из них зашевелилась, и я понял, что это живое существо, совсем дряхлое, один из представителей той расы, которая пленила меня. Охранники подтолкнули меня к этому живому трупу. Сейчас они вели себя гораздо вежливее, как и подобает в присутствии важных персон.

В скучном свете, пробивавшемся из отверстий в потолке, я увидел, как рука, похожая на клаешню, в серой перчатке начала лихорадочно ворошить скучную растительность на груди. Теперь я разглядел его: тускло-голубые глаза из-под полуопущенных век в упор рассматривали меня. Из широких ноздрей торчали пучки седых волос. Тонкие губы плотно скаты. Он весь зарос грязными, сальными волосами. Только уши торчали, розовые и голые. Я вдохнул и едва не потерял сознания от запаха гнили.

Старец что-то прокаркал, и охранники тотчас отреагировали, основательно тряхнув меня.

— Простите, ребята, что происходит? — умоляюще произнес я.

Старец подскочил как ужаленный и, тыча в меня пальцем, заверещал. Затем начал прыгать с немыслимой для его лет энергией. Вдруг умолк, сделал охраннику знак, и тот подтолкнул меня к старцу. Я смотрел в его голубые глаза, совершенно человеческие, как и мои, глубоко посаженные на этом карикатурном лице. Видел его нос с крупными порами, каждая величиной со спичечную головку. Видел струйку слюны стекавшую из приоткрытого рта на подбородок...

Внезапно старец повернулся и что-то сказал. После этого откуда-то слева донесся тонкий голосок. Я обернулся и увидел, как еще одна куча тряпья зашевелилась в одной из ниш. Стражники подтолкнули меня к этому старцу, еще более уродливому, чем первый, и держали до тех пор, пока тому не надоело меня рассматривать. Я же в это время успел заметить расположенную несколько выше остальных нишу. Из нее торчали ноги скелета, разглядел я и пустые глазницы, массивные челюсти и тонкую полоску кожи на шейных позвонках. Видимо, высшие посты в этом храме были вечными.

Резким рывком за руку меня вернули к действительности. Старец рядом со мной снова заверещал, задергался, завизжал. Это разбудило еще двух старейшин — послышались вопли и карканье. Меня подвели к еще одному старику — толстяку с огромным волосатым животом и единственным сохранившимся

желтым клыком длиной в дюйм. Он что-то прошамкал, откнулся назад, затем подался вперед и ударил меня длинной, как портальный кран, рукой. Я непременно упал бы, не поддержи меня стражники. Несмотря на преклонный возраст, старик вполне мог бы свернуть мне шею.

В этот момент донеслись какие-то звуки из ниши, расположенной высоко в темном углу, и мы направились к ней. Из ниши сначала показалась рука без двух пальцев, затем половина лица и уставившийся на меня глаз. Из правой щеки, покрытой шрамами, торчали кости. На месте правого глаза была пустая глазница. Рот плотно не закрывался, что создавало впечатление улыбки, страшной на этом лице.

Я стоял посреди зала, а совет старцев, очевидно, решал, что со мной делать. Один из них так разозлился, что в сердцах плонул в лицо толстяка, который в свою очередь швырнул в обидчика пригоршню грязи. Вероятно, это послужило сигналом к окончанию обсуждения. Меня снова поволокли в туннель, и началось долгое путешествие по его извилистым проходам.

Спустя некоторое время я оказался в длинном коридоре. Там стояла каменная скамья, висели на стенах грубые полки, и на них я с содроганием заметил предметы, похожие на гробы.

Меня привязали за лодыжку и разрешили сесть на пол, поставив передо мной плошку с какой-то бурдой. Но я отставил ее, такой отвратительный от нее шел запах.

Прошел приблизительно час. Я чего-то ждал. Моя охрана сидела в противоположном углу, пожирая скучные припасы. Вдруг я с удивлением обнаружил, что начинаю привыкать к этому тошнотворному запаху.

Вскоре из темноты коридора появилось еще одно существо и властно закаркало. Охранники снова куда-то меня повели, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, поворачивая то вправо, то влево. Мы миновали какие-то залы и вдруг оказались на улице, возле лестницы. Но спускаться не стали, вошли в какую-то дверь и снова стали петлять по темным коридорам, после чего в конце концов уперлись в тупик. Страж слева схватил меня за руку и подтолкнул к круглому отверстию, которое я только сейчас заметил. Отверстие находилось дюймах в восемнадцати от пола и имело около двух футов в диаметре. Протиснуться туда можно было лишь с огромным трудом.

На мгновение я заколебался. Это было похоже на ловушку. Можно ли из нее выбраться? Теперь о побеге и мечтать было нечего.

Удар по голове отбросил меня к стене. Я упал навзничь. Но второго удара решил не допустить и, не думая о последствиях, нанес противнику резкий удар ногой в пах. Тот скрючился и

завизжал. Второй удар пришелся ему прямо в челюсть. Противник упал и начал кататься по полу, воя от боли. Но тут другое чудище схватило меня и швырнуло в узкое отверстие в стене. Я быстро вполз внутрь и сразу ощутил сырость, холод и острый запах, напоминающий запах хорошо выдержанного сыра. Я встал на колени, держа в руке пистолет, решив пустить пулю в лоб первому, кто сюда сунется. Но меня, очевидно, решили оставить в покое, потому что через секунду я увидел их тени, исчезающие в конце коридора. Старейшины, видимо, запрещали наносить пленникам слишком большой вред.

Глава IV

Обычно первое, что приходит на ум человеку, оказавшемуся в замкнутом пространстве, — это определить размеры пространства. Конечно, я мог выбраться в коридор, но вспомнил, какими ударами сюда меня загоняли... Да если бы я выбрался даже, как найти дорогу назад, к солнечному свету? Поэтому пока (заметьте: пока) я решил остаться.

Сделал от входа шаг фута в три и сразу наткнулся на стену. Вернулся, сделал шаг в противоположную сторону и вдруг услышал из темноты какие-то звуки. Я так и замер с поднятой ногой, затаив дыхание, прислушался.

— Мен за па. Стам зи? — услышал я довольно мелодичный тенор, произносивший какие-то бессмысленные фразы.

Я отступил на шаг, держа пистолет. Но у незнакомца было передо мной преимущество: он меня видел, а я его — нет — на меня падал слабый свет лампы из входного отверстия.

При этой мысли я бросился на пол.

— Бон жур, ами, — снова произнес тенор. — Э ву...

Скорее всего, таинственный незнакомец тоже был пленником. Говорил не на языке горилл, но идти на сближение с ним особого желания у меня не было.

Снова раздался голос, и на этот раз я почти понял сказанное.

Это был шведский язык, хотя с ужасным акцентом.

— Может быть, ты англичанин? — донеслось из темноты.

— Может быть, — скорее каркнул я, чем ответил. — А вы кто?

— О! Хорошо! — произношение незнакомца напоминало венгерское. — Почему они тебя поймать? Откуда ты приходил?

Я отполз на несколько футов, чтобы не быть на свету. И пока полз, пол подо мной приподнимался. Хотел посветить себе зажигалкой, но передумал, чтобы не стать мишенью. Кто знает, что на уме у этого малого. Я в этом мире пока не встретил ни одного хорошего человека.

— Не надо меня бояться, — произнес голос. — Я друг.
— Я спрашиваю, кто вы? — Нервы мои были на пределе. Я был измотан побоями, голодом. И это в мои-то годы! А тут еще таинственный незнакомец.

— Сэр, имею честь представиться! — произнес незнакомец.
— Полевой агент Дзок!

— Кто? Полевой агент?

— Для взаимного доверия предлагаю познакомиться, — сказал неизвестный Дзок. — Пожалуйста, говорите еще. Может быть, я смогу вас понять.

— Я говорю по-английски, — сообщил я.

— По-английски? Ага. Теперь я буду говорить лучше. Хотя не очень хорошо знаю английский. Надеюсь, мне помогут мои лингвистические познания. В этом смысле никто из агентов класса А не может сравниться со мной. Теперь вы меня понимаете?

Сейчас незнакомец говорил правильней и уверенней.

— У вас прекрасно получается, — заверил я незнакомца, снова переместившись на пол, но не рассчитал и стукнулся головой о стену, потеряв от боли сознание. Очнулся я от прикосновения чьей-то руки.

— Простите, старина, — голос звучал совсем рядом, — мне надо было предупредить вас. В первые дни моего пребывания в этом склепе я то и дело проверял крепость этих стен своей головой.

Я сел и спрятал пистолет в кобуру. Вряд ли незнакомец мог оказаться врагом, если несколько дней провел в этом каменном мешке.

Я потрогал ссадину на локте и едва не крикнул от резкой боли.

— Я вижу, вы повредили руку? — сказал мой новый товарищ.
— Позвольте, я смажу мазью.

Что-то зашуршало. Я зажег зажигалку и рот раскрыл от удивления.

Агент Дзок, скрючившись в ярде от меня, держал на коленях сумку. Из-под не очень свежих белых манжет виднелись короткие и толстые, покрытые густой рыжеватой шерстью руки. Маленькая круглая головка, темная кожа, длинный нос. Дзок моргал своими желтоватыми, близко посаженными глазами и улыбался, обнажив ровные зубы.

— Свет чересчур яркий, — сказал он своим мелодичным голосом. — А я так давно в темноте...

Я погасил зажигалку и промямлил:

— Извините меня. Кто вы все же, скажите!

— Вы, кажется, немного испуганы, — с недоумением про-

изнес Дзок. — Вы, видимо, никогда не встречались с представителями моей расы — расы гуманоидов?

— Знаете, я полагал, что мы, гомо сапиенс, являемся единственной разумной ветвью нашего семейства, — сказал я. — Потом я встретил этих ребят и был потрясен. А теперь вы!

— Понятно... Думаю, обе ветви гуманоидов разошлись в своем развитии на уровне начала плейстоцена. Хегруны несколько позже отделились, пожалуй... в конце этого периода, скажем, полмиллиона лет назад. — Дзок засмеялся. — Так что, как видите, они вам более близкие родственники, чем мы. Впрочем, такая новость вас, видно, не очень обрадовала.

Дзок смазал мою рану какой-то ароматной мазью, и боль сразу прошла.

— Как им удалось вас поймать? — поинтересовался Дзок. — Уверен, вы из группы, которую они захватили во время рейда.

— Насколько я знаю, в этом мире я единственный человек.

Дзок показался мне вполне миролюбивым созданием, но очень он был волосат. И я подумал, что он отстоит от “гомо сапиенс” еще дальше, чем хегруны. Я невольно связал их в одно целое. Хотя, если разобраться, Дзок больше походил на мартышку, чем на гориллу.

— Любопытно, — проговорил Дзок. — Обычно они берут в плен не меньше пятидесяти человек, чтобы провести необходимый анализ культуры, языка, науки и социального строя.

— Необходимый для чего?

— Для того, чтобы полнее использовать пленников. Хегруны — охотники на рабов. И это естественно.

— Почему — естественно?

— Я думал, вы догадаетесь об этом, тем более что сами оказались в плену. — Дзок сделал паузу. — Но может быть, вы относитесь к другой категории? Вы говорите, что были единственным, кого они взяли в плен?

— А вы? — Я сделал вид, что не расслышал его вопроса. — Как вы попали сюда?

Полевой агент вздохнул.

— По неосторожности. Я думал, что смогу оставаться незамеченным в этом скоплении народов. Но я ошибся — меня мгновенно обнаружили, избили и бросили сюда. Представ перед трибуналом старцев, учинивших мне допрос, я сделал вид, что не понимаю, о чем меня спрашивают.

— А вы разве знаете язык этих созданий? — перебил я его.

— Естественно, мой дорогой друг, а как же иначе? Чего стоит агент класса 4 без знания туземного языка?

Я пропустил эти слова мимо ушей.

— Какие вопросы вам задавали?

— А, всякую ерунду. Некосмополитическим расам очень трудно общаться на уровне общих значений. Основные культурные позиции наших цивилизаций резко отличаются друг от друга.

— Но, по-моему, мы с вами нашли общий язык, — заметил я.

— Да, но не забывайте, что я агент 4-го класса Власти! И прошел специальную подготовку коммуникабельности.

— А что было до этого? — не вытерпел я. — О каких Властих вы говорите? Как попали сюда? Откуда? Где научились английскому?

Дзок уже кончил возиться с моей раной и добродушно рассмеялся. Казалось, его ничуть не волнует нынешнее, далеко не веселое положение.

— Можно, я буду отвечать на ваши вопросы по порядку? — спросил он. — Придвигайтесь ко мне. Я нашел сухое местечко и натащил сюда тряпья. И к тому же, я думаю, вы не прочь перекусить после той бурды, которую вам предлагали.

— Перекусить? — изумился я. — А у вас что-нибудь есть?

— Да, своего рода НЗ. Я использую его очень экономно. Пиши немножко, зато она калорийна.

Мы взобрались на кучу тряпья. Я растянулся на спине и принял из рук Дзока капсулу величиной с наперсток.

— Проглотите, — сказал Дзок. — Это сбалансированный рацион на два часа. Концентрат переваривается не менее десяти часов. А это вода, — он протянул мне толстенную глиняную чашку.

Я с трудом проглотил капсулу.

— Ваше горло, видимо, пошире моего, — сказал я. — Ну а теперь прошу вас ответить на мои вопросы!

— Ах, да! Власть! В общем, пользуясь вашими понятиями, Власть — это великое правительство Сети, которое главенствует над всеми параллельными мирами этого района... — Дзок замялся.

Я представлял себе, как воспримут эти новости власти Империума, если я вернусь, вернее, если будет куда вернуться.

Оказывается, не одна раса существует по Сети. Сейчас, по крайней мере, мне стали известны еще две. Обе чуждые друг другу, как и мне. И все эти расы, включая нашу, стремятся к дальнейшему расширению своих территорий.

Дзок продолжал рассказывать:

— Работа в секторе англичан была ограничена по совершенно понятным причинам.

— Каким же?

— Наши ребята вряд ли могли бы долго быть незамеченными

среди вас, — сухо ответил Дзок. — Потому этому сектору мы уделяем очень мало внимания.

— Но вы были у нас?

— Да. Но это обычный надзор, и только в нулевое время, естественно.

— Вы слишком часто повторяете слово “естественно”, — заметил я. — Но продолжайте, продолжайте, я вас слушаю.

— Наши карты этого района весьма схематичны. Мы знаем, там расположена обширная пустынная область — зона, как мы ее обычно называем, — но без всяких миров. Зона окружена широким спектром соотнесенных линий вероятности. Все они имеют единый источник культуры, так называемое Северо-Европейское Техническое Ядро. Технология, надо сказать, примитивная, но кое-какие проблески все же есть.

Он продолжал рассуждать о широких просторах А-линий, составлявших сферу деятельности Власти. Я не стал ему возражать и доказывать, что жизнь в Зоне есть, что существует еще и третья раса, которая может путешествовать по Сети. Все это я решил держать при себе.

— Сфера деятельности Властей последние пятнадцать столетий постоянно расширяется, — говорил агент, — и довольно значительно. Конечно, уникальные возможности перемещений по Сети налагаются на нас определенную ответственность. Мы преодолели тенденцию вмешиваться в дела всех миров. В компетенции Властей в настоящее время лишь политика поддержания мира, надзор за преступностью, а также сырье и готовая продукция.

— Понятно, — кивнул я. Когда-то я слышал нечто подобное из Винтера, Рихтгофена и других, едва прибыл в Стокгольм 0-0.

— Моя миссия, — продолжал Дзок, — заключалась в том, чтобы выяснить, кто стоит за этими рейдами хегрунов. Знали бы вы, сколько хлопот доставляет властям эта охота за рабами. Ведь они часто заходят на нашу территорию. В мои обязанности входило дать рекомендации по ликвидации этих рейдов. Но, видимо, я недооценил хегрунов. Через четверть часа после прибытия меня арестовали.

— А английский вы изучили во время визита в наш сектор?

— Поинтересовался я.

— Я лично никогда не был в Зоне, но библиотеки нашего Центра располагают всеми вашими диалектами.

— Вашим друзьям известно, где вы находитесь?

Дзок вздохнул.

— Боюсь, что нет. Я наказан за то, что хотел выслужиться. Но теперь поздно в этом раскаиваться. Я надеялся вернуться в

штаб и представить готовое решение. А вместо этого... Ну что ж, через некоторое время они хватятся меня и начнут поиски. А тем временем...

— Что — тем временем? — встрепенулся я.

— Хотелось бы надеяться, что мои друзья окажутся здесь раньше, чем придет моя очередь.

— Ваша очередь?

— А вы разве не знаете, старина? Да, конечно, не знаете. Ведь вы никогда не слыхали о хегрунах. И не знаете их языка. Дело в том, что они ощущают недостаток продовольствия. Ненужные им пленники уничтожаются и идут в пищу.

— Сколько же времени нам отпущено? — спросил я.

— Я нахожусь здесь, по вашим подсчетам, около... трех недель... Здесь уже находились двое бедняг, когда я пришел. Рабы с низким уровнем интеллекта. Их продержали две недели и увеличили. Как раз в это время давали обед в честь высокого начальства. Так что, мой друг, недели две мне отпущено...

Я начинал понимать Дзока. За его беспечностью скрывалась тревога, как бы не попасть в глотку хегрунов.

— В таком случае надо что-то придумать, — заметил я.

— Кое-какие идеи у меня есть, — кивнул Дзок, — но одному с этим не справиться.

— Что же вы предлагаете?

— Нас охраняют двое хегрунов. Они в коридоре. Одного надо сюда заманить и уничтожить. Думаю, это будет не трудно.

— А как же второй?

— Это сложнее, но вполне осуществимо. Я здесь припрятал кое-что из моего снаряжения. По памяти нарисовал план этого храма. Главное — преодолеть около двух сотен ярдов и попасть в боковой проход, при условии, что мы не встретим ни одного хегруна. Иначе он сразу поймет, что это маскарад.

— Маскарад? — Мне казалось, что я вижу кошмарный сон.

— Кем же я наряжусь? Дракулой или волком?

Голова у меня кружилась, глаза слипались. Я свернулся калачиком на куче тряпья. Голос Дзока доносился откуда-то издалека.

— Хорошенько отдохните, а я пока все приготовлю для осуществления нашего плана.

Я проснулся от звука голосов и сел, протирая глаза. Дзок говорил вполне миролюбиво, а ему отвечал кто-то визгливым голосом, больше похожим на писк крысы. Я почувствовал тошнотворный запах. Он исходил от хегруна. Я рассмотрел его — он стоял у входа, причем с внутренней стороны. Как сумел он сюда пролезть?

— Лежите тихо, англик, — сказал Дзок тем же спокойным и

тихим голосом, которым обращался к хегруну. — Это за мной, мое время, кажется, истекло.

Дзок перешел на визг. Хегрун заворчал и плюнул. Я видел, как протянулась его рука к Дзоку. Как Дзок изловчился и нанес удар в грудь охранника. Тот едва устоял на ногах, но Дзока держал. Я вскочил на ноги, пистолет оказался у меня на ладони, и тотчас раздался выстрел. Хегрун стал медленно оседать на пол. С полминуты он корчился, выл, но вскоре затих. Я вытер лицо и почувствовал запах крови. Дзок, распластавшись, лежал на полу, держась за руку.

— Ты обманул меня, англик, — прошептал он. — Но это было здорово! Оказывается, у тебя есть оружие.

— Не болтайте лишнего, — потребовал я. — Давайте лучше попробуем осуществить наш план.

— Этот зверь сломал мне руку, — сказал Дзок. — Чертовски не повезло. Придется вам одному попытать счастья.

— Не говорите глупостей. Я помогу вам. Что нужно делать? Дзок издал звук, похожий на смешок.

— А вы сильнее, чем мне показалось. Хорошо, что у нас есть оружие, англик. Вот что мы сделаем...

* * *

Не прошло и получаса, как я уже корпел над замысловатой маской, которую и в кошмарном сне не увидишь. Дзок напялил на меня полоски кожи и тряпки, взятые с наших постелей, и к ним привязали пучки волос, которые должны были прикрывать мое тело. Как объяснил Дзок, он отдавал часть своего рациона пленникам, а те срезали волосы со своего тела и отдавали ему. С помощью клея он соорудил мне костюм, напялил на меня.

— И вы надеетесь, что этот маскарад введет в заблуждение хегрунов? — засмеялся я. — Да ведь так не обманешь даже идиота, на расстоянии ста ярдов, при плохом освещении.

Но агент Дзок не слушал меня. Он засовывал остатки своего НЗ под то, что осталось от его униформы.

— Ты выглядишь достаточно мощным и волосатым, — проговорил он. — Это самое лучшее, что мы можем сейчас предпринять. Надеюсь, никто не будет тебя пристально рассматривать. А теперь пошли.

* * *

Дзок стал двигаться к выходу, прижимая к груди поврежденную руку.

Высунув голову, он обернулся и прошептал: — Никого нет. Видимо, второй часовой совершают прогулку.

Я вылез и вдохнул полной грудью. Воздух был прохладным

и не таким отвратительным, как в нашей норе. Лишь слабое свечение стен и потолка позволяло нам хоть как-то ориентироваться в кромешной тьме этих лабиринтов туннеля. Где-то через сто футов дорога свернула налево, а затем пошла вверх. Часовой, вероятно, был впереди.

Вдруг Дзок остановился и стал прислушиваться.

— Черт побери, оказывается, их двое, — прошептал он.

Я напряг слух, но напрасно. Мне оставалось лишь ждать, обливаясь потом в этом наряде из дурно пахнувших волос и грубой кожи.

— О, — прошептал через некоторое мгновение Дзок, — один, кажется уходит. Должно быть, смена караула.

Я кивнул. Дзок подмигнул мне. Затем громким хриплым голосом, подражая хегрунам, что-то прокричал и быстро пошел вперед по туннелю, приказав мне считать до десяти. Я стоял и считал. Исчезая за поворотом, Дзок обернулся, снова прокричал что-то на языке хегрунов и скрылся. Я продолжал считать. Вдруг услышал голос часового, затем голос Дзока.

“Пять, шесть, семь...”

Хегрун снова что-то спросил, даже сердито.

“... девять, десять...”

Я набрал полные легкие воздуха и шагнул за угол. Футах в десяти от меня под лампочкой стоял Дзок, здоровой рукой указывая на меня часовому. Затем подскочил к нему и вовремя увернулся от удара. Я подходил все ближе и ближе. Дзок прокользнул мимо часового, а я в это время подготовил пистолет. Тут часовой, видно, заметил меня и хотел броситься, но не успел. Я выстрелил, и пуля пронзила широкую грудь хегруна, вырвав клок шерсти. Он покачнулся и рухнул на пол с таким шумом, будто это был слон.

— Ну, что ж, пока все идет хорошо, — усмехнулся Дзок. — У тебя неплохое оружие. В изготовлении его вы, люди, весьма искусны. Из-за вашей физической слабости...

— Полагаю, этот вопрос мы обсудим позднее, — перебил я его. — Лучше скажите, что делать дальше!

— Теперь путь к мусорному люку открыт. Это недалеко.

Мы пошли по одному из лабиринтов туннеля, поднялись по крутым пандусам и свернули в более широкий проход, где пахло помойкой.

— Здесь рядом кухня, — прошептал Дзок. — Осталось совсем немного.

Я услышал громкие голоса. Видимо, хегруны не умели разговаривать тихо. Прижавшись к шероховатым стенам, мы ждали. Двое с покатыми плечами вышли из кухни и направились туда, откуда мы только что пришли.

Дзок потянул меня за собой. Еще через два прохода мы на конец подошли к мусорной камере. Я усмехнулся, подумав, что мог бы сейчас без труда получить степень бакалавра по определению различных остропахнущих веществ.

Потолок снизился.

— Над нами, кажется, крыша, — буркнул я. — Должно быть, эти хегруны натащили сюда сначала камни, а потом уже возвели стены.

— Именно так оно и было, — заметил Дзок. — Может быть это и не совсем правильно, но не забывай, там, где избыток рабочей силы, изящество архитектуры не играет никакой роли.

Я ничего не ответил и спросил:

— Куда идти? Вверх или вниз?

Дзок оценивающе оглядел меня и выпалил:

— Вверх, ты сможешь одолеть стену?

— Не знаю, — отрезал я в тон ему. — Мне придется просто это сделать. Ясно? А вот ты как со своей рукой? — спросил я.

— Я? Ничего! Как-нибудь справлюсь. Ну что, пошли?

Он протиснулся в отверстие в стене, фута в два, и исчез из поля зрения.

Я сразу почувствовал себя одиноким. Вдруг послышался шум шагов и голоса — кто-то шел в нашу сторону. Я быстро залез в отверстие, в котором исчез Дзок. Подтянулся и выглянул наружу.

Моя голова окунулась в ночную прохладу, в небе блестели звезды, то тут, то там темнели очертания зданий немногочисленными точками света.

— Почему вы задержались? — спросил Дзок.

— Решил бросить прощальный взгляд на нашу тюрьму. А теперь помогите мне избавиться от этого костюма.

Вдвоем мы быстро сняли с меня тряпье, успевшее впитать в себя немало грязи. Дзок же не мог сбросить свою униформу и выглядел еще хуже, чем я. Волосы на теле слиплись и пахли кислятиной.

— Когда я попаду домой, в город Зай, — сказал он, — залезу в ванну и буду сидеть, сколько возможно.

— Охотно присоединюсь к вам, — буркнул я. — Если только нам удастся отсюда выбраться!

— Выберемся! Главное — энергично действовать, — заметил Дзок и направился к мостку, переброшенному на соседнюю крышу.

Спустя три четверти часа, получив несколько синяков и царапин, свалившись с высоты пятнадцати футов и пережив еще несколько неприятностей, мы оказались наконец на сумеречной аллее.

— Это место — сущий рай для археологов, — пробормотал я. — Здесь можно найти все — начиная от циновок, сплетенных, очевидно, еще первыми обитателями этого города, и кончая кожурой вчера очищенных фруктов.

Дзок в это время извлек из-под одежды пакет и принял его открывать. Я помог ему прикрепить полоски кожи и побрякушки, принадлежавшие хегруну, убитому в камере. Видимо, снова нужен был маскарад.

— Мы распределим роли так, — сказал наконец Дзок. — Я буду странником, если нас кто-нибудь остановит, я смогу объясняться. Вы же возьмете на себя роль пленника и проводника одновременно. Вы еще не забыли, где находится... где остался шаттл? (Он использовал какое-то другое слово, но я все понял.) Вы говорили, что он не более чем в полукилометре отсюда?

— Да. Примерно так. Если он все еще там.

Мы пошли по аллее, параллельной главной улице, ведущей к храму. Дорога петляла то вправо, то влево. Через полчаса я предложил отдохнуть.

— Эта аллея так петляет, — заметил я, — что мы можем потерять ориентацию. Надо рискнуть и выйти на главную улицу. Там я смогу сориентироваться.

Узенький переулок вывел нас на главную улицу, и тут я понял, что мы близки к цели. Услышав это, Дзок предложил пройти к станции окольным путем.

В конце концов нам удалось добраться до шаттла. Но до этого пришлось пережить немало злоключений. Погоню хегрунов, стычку с ними, в которой одного из них пришлось прихлопнуть на месте. В машине нас тоже ждала неприятность: рычаг управления был сломан, и Дзоку пришлось его спешно ремонтировать.

Но вот шаттл ожил, загудел, и мы, вконец измученные, стартовали в неведомое.

Глава V

Дзок лежал на том месте, куда я его оттащил, — в высокой густой траве под невысоким деревом. Он дышал часто и неглубоко.

Шаттл находился футах в пятидесяти от нас, у обломка скалы, из-за которой выглядывала, почесываясь, серая обезьяна размером с шимпанзе. Нашу одежду я расстелил на траве, предварительно прополоскав в ручье. Затем осмотрел себя. К счастью, серьезных ран не было — ссадины, царапины и синяки.

Дзок зашевелился, повернулся на бок и застонал, нава-

лившись на забинтованную руку. Глаза его открылись.

— Поздравляю с вызволением, — сказал я.

Он снова застонал, облизнув тонкие почерневшие губы.

— Как только вернусь домой, тут же подам в отставку, — прохрипел он и, устроившись поудобнее, стал раскачивать, словно баюкать, свою раненую руку.

— Такое впечатление, что рука не моя, — попытался усмехнуться Дзок.

— Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

Он покачал головой.

— Где мы находимся, англик?

— Между прочим, меня зовут Байард, — сказал я. — Где мы, это вы должны знать лучше меня. Я обшарил окрестности, пока вы были без сознания, и ничего не обнаружил. В течение пяти часов я вел шаттл, но потом что-то сломалось, и мы вынырнули здесь. Помочь вы ничем не могли, ибо состояние ваше оставляло желать лучшего.

Дзок произнес:

— Да. Все правильно. И физически, и духовно я был истощен. Во-первых, меня трижды почти до потери сознания избивали, во-вторых, питательные таблетки были у меня на исходе, и последнюю неделю я сидел на ограниченном рационе.

— Но послушайте, как же вам удавалось бежать, драться, ползти, и все со сломанной рукой?

— В этом нет моей заслуги, старина. Все дело в неиспользованных резервах моего организма плюс самовнушение.

Он огляделся вокруг:

— Симпатичное местечко. Кстати, вы не обнаружили здесь во время разведки наших бывших хозяев?

— Пока нет. Мы здесь уже четыре часа. Вряд ли стоит опасаться их вторжения. Тем более что они весьма слабо владеют техникой перемещения по Сети.

Дзок посмотрел на изломанную скалами линию горизонта и спросил:

— Как же вам удалось сориентировать шаттл на станцию? Или же... постойте... Похоже, мы оказались где-то в дебрях.

Я покачал головой.

— Эти скалы, — я показал на возвышавшиеся вдали вершины из кроваво-коричневого камня, — производят вблизи довольно неприятное впечатление. Они чем-то напоминают разрушенное жилье. Хотя ничего определенного сказать нельзя. Может быть, это игра природы.

— Да, — кивнул Дзок. — Каким бы путем ни двигаться по перемещающимся мирам, изменения прогрессивны. Лужа всегда превращается в пруд, пруд — в озеро, озеро — в болото, где

обитают двадцатифутовые змеи. Деревья растут и вверх, и вширь. Расцветают и плодоносят. Старятся и погибают. В энтропической цепи нет разрыва, исключая, конечно, вызванные человеком аномалии, как Зона.

— Вы догадываетесь, куда нас занесло?

Серая обезьяна на верхушке скалы подозрительно поглядывала на меня.

— Позвольте мне собраться с мыслями.

Дзок закрыл глаза и несколько раз вздохнул:

— Я должен ввести свое сознание в мнемоническое состояние, иначе невозможно определиться во времени и пространстве.

Я ждал. Дыхание его стало ровным. Он открыл глаза.

— Порядок, — наконец произнес он. — Все не так уж плохо. По-моему, мы сейчас находимся в шести часах езды от административцентра Зас.

Он сел, потом с трудом поднялся.

— Надо двигаться. Предстоит большая работа по приведению в порядок приборов. Не очень-то приятно двигаться со сломанными приборами.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Я хотел бы задать вам один вопрос, англик. Скажите, как вам удалось управлять шаттлом?

Я не знал, то ли сердиться, то ли смеяться.

— Открою вам небольшой секрет, Дзок. Дело в том, что я тоже кое-что понимаю в управлении шаттлом.

Он выжидающе смотрел на меня. В его взгляде была настороженность.

— Дело в том, — продолжал я, — что ваша власть не единственная, обладающая контролем над Сетью. Я представляю верховную власть Империума.

Дзок кивнул:

— Хорошо, что вы мне сами об этом сказали, Байард. Во всяком случае, это укрепит наше взаимное доверие.

— А вы разве догадывались?

— Да. Я понял это, еще когда мы находились с вами в пленау. Легкий гипноз — и все стало ясно. Кроме того, я предопределял ваши поступки. Нет, нет, ничего особенного. Некоторое смягчение вашего симптома тревоги плюс команда полностью следовать моим указаниям.

Мы пристально посмотрели друг на друга и я саркастически улыбнулся:

— Я рад слышать подобные речи от вас, Дзок, особенно после того, как поработал над вами, пока вы были без сознания.

Он растерялся, но тут же взял себя в руки.

— Мне не хочется огорчать вас, старина, но я не подвержен подобного рода вещам, — выпалил он с таким видом, словно эта мысль только сейчас пришла ему в голову.

Я кивнул:

— Я тоже!

Неожиданно он рассмеялся, обнажив чуть ли не все свои тридцать шесть зубов. Он хлопнул себя рукой по колену и, схватившись за живот, стал хохотать, приближаясь ко мне.

Я подался назад.

— У вас очень заразительный смех, Дзок. Но не настолько, чтобы я, забыв осторожность, позволил вам подойти ко мне хотя бы на расстояние вытянутой грабли!

Он выпрямился и невесело усмехнулся.

— Уверен, что мы можем договориться, — продолжал я. — Только не надо на мне экспериментировать. Все эти фокусы для начинающих я давно изучил.

Он сжал губы.

— Я все думаю, почему вы остановились именно здесь? Почему не двинулись дальше и не оказались на своей собственной базе, пока я был без сознания?

— Я уже вам говорил, Дзок, об этом. Дело в том, что я не мог сориентироваться. Эта территория мне незнакома, а на борту шаттла карт Сети нет.

— Ага. А теперь вы надеетесь, что я вас доставлю домой, а сам окажусь в положении, когда...

— Помогите привести шаттл в порядок, и все, — перебил я его. — А уж домой я сам постараюсь добраться.

Он покачал головой.

— Я и сейчас сильнее вас, англик. Несмотря на раненую руку и физическое истощение. Поэтому не представляю себе, как вам удастся заставить меня сделать это.

— Не забывайте, что у меня есть оружие, — улыбнулся я, — и я им неплохо владею.

— Да. Но это вам вряд ли поможет. Моя смерть повлечет за собой и вашу смерть. — Он широко улыбнулся. Видимо, разговор этот ему очень нравился.

— Давайте лучше я доставлю вас к нам, а уж там позаботятся, чтобы вы получили необходимую помощь, — предложил он.

— Я уже имел счастье испытать на себе гостеприимство “волосатых”, — покачал я головой, — и повторения этого не хочу.

Дзок обиженно скривил губы.

— Надеюсь, вы не хотите приравнять нас, австралопитеков, к каким-то хегрунам — лишь потому, что тела и у них, и у нас покрыты волосами.

— А можете вы гарантировать мне функционирующий шаттл и координаты моего мира?

— Ну... — он развел руками. — я не уполномочен... — он вскрикнул от боли в сломанной руке.

— Подумайте, в каком положении оказались бы вы, оставил я вас здесь!

— Я постарался бы не допустить этого!

— И потерпели бы поражение!

— Возможно. Но я слишком ценный пленник для вашего Империума, чтобы умереть без борьбы.

Он напрягся, словно готов был прямо сейчас вступить со мной в борьбу. Но это не входило в мои планы.

— Я могу сделать вам еще одно предложение, — начал я быстро. — Вы дадите слово офицера Администрации, что мне будет предоставлена возможность связаться с соответствующими высокопоставленными чиновниками в Зай, а я даю согласие сопровождать вас.

Он торопливо кивнул:

— В этом могу вас заверить и дать любые гарантии, что вас ждет самый теплый прием и самое лучшее обращение.

— Значит, договорились. — Я шагнул к Дзоку навстречу и протянул руку с самым миролюбивым видом.

Дзок не понял моего жеста, но ответил на рукопожатие. Ладонь его была горячей, сухой и жесткой, словно собачья лапа.

— Рука без оружия — замечательный символ! — пробормотал он и снова широко улыбнулся: — Я рад, что мы договорились.

— Судя по всему, вы достойный парень, Байард, хотя... — он перестал улыбаться, — у меня такое чувство, будто вы каким-то образом обвели меня вокруг пальца. Не знаю, каким именно, но чувствую это.

— Я ломал голову, как уговорить вас отправить меня в Зай, — сказал я, тоже улыбаясь. — Спасибо, что помогли решить эту задачу.

— Хм-м. Должно быть, у вас дома что-то случилось, а?

— Что-то случилось? Мягко сказано.

Дзок нахмурился.

— Ладно, мне нужно работать. А вы пока расскажите мне все поподробнее.

Через час, оцарапав пальцы и получив удар током, Дзок наладил шаттл. Он сел за пульт управления и, повернувшись ко мне, спросил:

— Скажите, Байард, странный свет, о котором вы говорили,

появляется даже в тех местах, куда не могли проникнуть лучи обычных источников света?

— Именно так, призрачное голубоватое свечение.

— В вашем рассказе есть много необъяснимого, — заметил наконец Дзок. — Но что касается эффекта света, то мне совершенно ясно, что вы были мгновенно перемещены на нулевой уровень времени. Хегруны очень любят действовать именно так. Свет возникает при определенных эманациях, вызванных вследствие осцилляции элементарных частиц при сильно пониженном энергетическом уровне, и частично действует на глазной нерв. Не замечали ли вы, что этот свет исходит только от металлических поверхностей?

— Я бы не сказал...

Дзок, нахмурившись, покачал головой.

— Чтобы перенести тело через энтропийный порог, необходима сверхчувственная энергия. Гораздо большая, чем для перемещения через А-линии, например. Вы говорите, что оказались там без всякой механической помощи?

Я кивнул.

— А что это за нулевое время?

— О, это очень сложное понятие. — Дзок внимательно следил за работой приборов, снимая показания и занося данные в записную книжку. Тут он был на голову выше меня.

— При нормальных условиях мы движемся в направлении, которое можно для удобства назвать движением вперед. Перемещаясь по Сети, мы движемся перпендикулярно этому вектору, иными словами, вбок. А нулевое время... Ну представьте себе, что оно расположено под прямыми углами к обоим перемещениям. Это безжизненный континуум, в котором энергия течет странным образом.

— Значит, это не город преобразился, а я сам? То есть вышел из своего нормального континуума и попал в состояние нулевого времени?

— Именно так, — сочувственно произнес Дзок. — Представляю себе, в каком состоянии вы находились, думая иначе.

— Теперь я начинаю осознавать случившееся, — сказал я. — Хегруны, готовясь к вторжению, изучают Империум из нулевого времени. И их техника гораздо сильнее нашей. Поэтому нам понадобится помочь. Как вы думаете, Дзок, окажет нам ее ваша Администрация?

— Не знаю, Байард, — пожал плечами Дзок. — Но, будьте уверены, сделаю все, зависящее от меня.

Я спал беспокойным сном прямо на полу за сиденьем пульта управления, когда Дзок разбудил меня. Я встал за его спиной

и уставился на экран. Мы находились теперь среди витых башен и минаретов — розовых, желтых, светло-зеленых, устремленных в ясное утреннее небо.

— Боже, как хорошо! — только и мог вымолвить я. Но тут же рассудок взял верх, и я спросил:

— А ваш дом, Дзок, уже близко?

— О, башни Зая! — почти пропел Дзок. — Ничто не может с ними сравниться!

— Надеюсь, и прием будет соответствующим, — буркнул я.

— Послушайте, Байард, — нерешительно начал Дзок, — я должен вам кое-что сказать. Э-э... откровенно говоря, у наших чиновников существует предубеждение против представителей "гомо сапиенс". И с этим придется считаться.

— Предубеждение? — я не мог скрыть своей тревоги. — На чем же оно основано?

— У вас репутация жестоких, властолюбивых существ.

— Понимаю. Вот хегруны нежные, мягкие. Где уж нам с ними тягаться! Но позвольте спросить вас, Дзок, — кто ввязался в драку с хегрунами и овладел этим шаттлом?

— Да, да, и мы тоже не лишены агрессивности. Но вы, наверное, заметили, что даже хегруны стремятся скорее захватить в плен, чем убить. Их жестокость вызвана скорее равнодушием, чем ненавистью. Я видел, как вы пнули одного из них, когда вас бросили в камеру. Но он даже не попытался вам дать сдачи?

— Любой станет мстить, если с ним обращаться жестоко.

— Но только вы, сапиенсы, постоянно истребляли все другие формы гуманоидной жизни в своих естественных континуумах.

— Дзок уже стал волноваться. — Вы, лишенные волосяного покрова, в каждой линии существовали в одиночестве! Давным-давно, еще при первом столкновении "лысого" человечества с нормальными волосатыми антропоидами, движимые чувством стыда от своей наготы, вы стали уничтожать "волосатых" братьев. И поньине вы не избавились от чувства вины и стыда и продолжаете истреблять ни в чем не повинных существ.

— Вы считаете нас, нынешнее поколение, ответственным за то, что случилось или могло случиться тысячи лет назад?

— В моей части мира, — пожал плечами Дзок, — мирно сосуществуют три человеческие расы. Австралопитеки, как вы нас называете, родезианцы — отличные работники, сильные и трудолюбивые, хотя и не слишком умные, и пекинезы — производные, вы, наверное, знаете — синелицкие парни. Мы живем вместе в полном согласии, каждый народ живет в своем социальном секторе и вносит свой вклад в общую культуру. Вы же, сапиенсы, живете в одиночестве, так как остальных уничтожили.

— А как же я, Дзок? Я тоже в ваших глазах маньяк-насильник? Разве я выказал к вам свое презрение? Или отвращение?

— Ко мне? — Дзок удивленно уставился на меня и расхохотался. — Вы? — Он так и покатывался со смеху.

— Что вас так рассмешило, Дзок?

— Вы, с вашим лысым лицом, хилыми конечностями и патологическим телосложением, могли питать ко мне отвращение? — Он чуть не свалился с кресла от смеха.

— Ну, если я и питал к вам отвращение, то у меня хватило порядочности скрыть это, — обиженно проговорил я. — Не забывайте, с моей точки зрения, вы выглядите довольно... небычно.

Дзок перестал смеяться и виновато взглянул на меня:

— Да, это верно. Но ты перевязал мне руку и выстирал форму!

— И умыл твою старую рожу, не так ли?

Дзок улыбался теперь уже пристыженно.

— Прости меня, старина, просто занесло.

Я махнул рукой.

— Все мои разговоры — сплошная чушь. Забудь о них, Байард. О человеке надо судить по его поступкам, не так ли? Но сколько еще у нас чиновников, которые не могут избавиться от своих расовых предрассудков.

Он нерешительно протянул мне руку.

— Пустая рука, без оружия, а? — он улыбнулся и пожал мне руку. — Ты хороший парень, Байард. Если бы не ты, гнить бы мне в этой страшной камере. Я всегда буду помнить об этом и постараюсь сделать для тебя все, что в моих силах.

Он нажал на рычаг управления, переключил реле переноса в нерабочее состояние, и шум генераторов поля стих. Дзок обернулся:

— Вот мы и прибыли. Этот день может оказаться памятным для наших обеих рас.

Мы вышли на широкую площадь, окруженную деревьями, с яркими клумбами и фонтанами, искрящимися в лучах солнца.

Площадь была запружена австралопитеками, одни прогуливались парами, другие с важным видом куда-то спешили, наверняка это были чиновники — они везде одинаковые. И у нас дома тоже. Не странно ли?

Одежда была пестрая и разнообразная: балахоны, похожие на арабские джеллабы, разноцветные панталоны и жакеты. В толпе сновали в белой форме агенты. Наше появление в самой гуще толпы вызвало замешательство, которое перешло в глухой ропот. Одни, глядя на меня, презрительно морщились, другие

смотрели с открытой неприязнью. Кто-то громко обратился к Дзоку. Дзок ответил и крепко взял меня за руку.

— Извините, Байард, — пробормотал он и помахал рукой маленькому самолетику, кружившему над нами. Я подумал было, что это вертолет, но потом заметил, что у него нет несущих винтов. Аппарат начал снижаться и выбросил большой прозрачный парашют. Пилот, очень похожий на Дзока, блеснув ослепительно белыми зубами, посмотрел на меня, и у него буквально отвисла челюсть.

Они обменялись с Дзоком несколькими словами, и Дзок увлек меня за собой.

— Не обращайте внимания, Байард. Какой спрос с этого простака?

— О, не беспокойтесь, старина. Я ведь не понимаю, что он говорит. — Я натянуто рассмеялся, мучимый недобрьими предчувствиями.

Пилот догнал нас и стал что-то горячо доказывать Дзоку. Тот молча выслушал, кивнул головой и повел меня к самолетику.

Я взобрался на кожаное сиденье. Дзок сел рядом и, похлопав летчика по спине, что-то сказал, очевидно адрес.

— Кажется, наше приключение не так уж плохо закончилось, — очень довольный, заметил он, откидываясь на спинку кресла.

— Возвратиться целым и невредимым, с захваченной машиной и удивительным... гостем. Разве это не удача?

— Я рад, что вы не сказали “пленником”, — с горечью произнес я, глядя на великолепную панораму парков и площадей, проплывавших под нами.

— Куда мы направляемся, Дзок?

— В штаб Администрации. Я должен незамедлительно отчитаться. Да и вы тоже спешите, не так ли?

Говорить было больше не о чем. Я разглядывал город, наблюдая, как приближается высокая белая башня. Мы направлялись, очевидно, к ней. Сделав круг, пилот сказал что-то в микрофон, и вот мы мягко сели на небольшую площадку, расположенную на крыше в саду с высокими пальмами, желтыми и голубыми цветами на клумбах. Посреди сада был неправильной формы водоем с ярко-голубой водой. Птицы в клетках и разные зверьки придавали саду сходство с джунглями.

— Вот что, Байард, — сказал Дзок, — позвольте мне вести разговор, — и заторопил меня поскорее выйти из самолетика.

— Поверьте, — продолжал он, — я представлю ваше дело в самом лучшем виде. Все образуется. Через несколько часов вы будете на пути домой.

— Надеюсь, вы настроены не так, как те люди в толпе, — заговорил было я, но тут же умолк, уставившись на клетку с

двуногим существом без хвоста и шерсти, ростом около двух футов, с низким лбом и редкой бородкой. И столько тоски было в глазах этого существа!

— Боже мой! — воскликнул я. — Но ведь это же карлик! Это человек!!!

Дзок резко обернулся.

— Что? — Он махнул рукой и усмехнулся: — О, Байард, это обыкновенное животное, очень забавное, но дикое, не имеющее ничего общего с человеком.

Существо забеспокоилось и издало жалобный звук. Теперь я шел, совершенно потеряв надежду на благополучное возвращение.

Мы очутились в большой комнате под открытым небом, с бассейном, клумбами, столами и креслами. Дзок подошел к настенному экрану, что-то сказал в микрофон и повернулся ко мне:

— Все в порядке. Совет сейчас рассмотрит наше дело.

— Как быстро! Признаться, я думал, что мне придется по крайней мере неделю болтаться здесь, заполняя всякие формы и анкеты.

— У нас так не бывает! — высокомерно заявил Дзок. — Дело чести местных властей решать все дела в срок.

— Местных властей? Я полагал, нас встретит высшее начальство.

— Это и есть высшее начальство. Не бойтесь, Байард. Они способны должным образом оценить ситуацию, вынести разумное решение и издать соответствующие приказы.

Он посмотрел на циферблат. Я сразу понял, что это местные часы.

— У нас есть еще немного времени, так что мы успеем освежиться и переодеться, чтобы ликвидировать запах тюрьмы хегрунов.

В комнате были еще посетители. Они прохаживались вдоль бассейна или сидели в шезлонгах, с любопытством посматривая на нас. Дзок на ходу заговорил с одним, потом с другим. Затем подошел к окошкам в стене, нажал на кнопки, обмерил меня сантиметром, прикрепленным тут же на стене, и повернул рычаг. Из окошка вылетел плоский пакет.

— Чистая одежда, Байард, — сказал он. — Правда не совсем то, к чему вы привыкли, но, я думаю, вам будет в ней удобно. И потом, в этой одежде вы, пожалуй, не будете вызывать... э-э... неприязнь членов Совета.

— Жаль, что мы выбросили мой обезьяний наряд, — сказал я. — Тогда я смог сойти за хегруна.

Дзок внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал.

Затем повернулся к стене и еще раз проманипулировал кнопками и рычагом. Выбрав и для себя одежду, он повел меня в душевую. Теплая вода с ароматизированными добавками была из отверстий в потолке.

Вымывшись, мы высохли под струями горячего сухого воздуха. В новом костюме из синего, с серебристым отливом атласа, туфлях из мягкого кожзаменителя и белой шелковистой рубашке я выглядел довольно прилично. Дзок хмыкнул, увидев, что я причесываюсь, видимо считая это занятие бессмысленным. Он взглянул в зеркало, поправил новую белую фуражку с золотым кантом и сказал не без гордости:

— Не часто агент выполняет задание в ситуации 4П класса 2.

— Что это за 4П? Хегруны или я?

Дзок натянуто засмеялся.

— Ну, ну, не волнуйтесь, Байард, уверен, советники учтут необычность вашей ситуации...

Я вышел вслед за ним в коридор, размышая над его словами.

— Допустим, ситуацию сочтут обычной. Что тогда?

— Тогда Администрация поступит согласно своей политике.

— А какова в этом случае политика? — продолжал я спрашивать.

— Давайте подождем и будем действовать по обстоятельствам, Байард. Договорились?

Дзок поспешил вперед, и по мере его приближения к двери в конце коридора его уверенность в благополучном завершении моего дела, казалось мне, постепенно испарялась.

Часовые в белой форме с серебристым кантом отдали нам честь. Дзок обменялся с ними несколькими словами, и один из них нажал на кнопку. Дверь открылась. Дзок набрал в легкие воздуха и знаком велел мне следовать за ним.

Я увидел перед собой длинный стол, за которым сидели в основном австралопитеки, но были среди них и представители других разумных рас, по меньшей мере трех, причем все либо совсем седые, либо начинавшие седеть.

— Встаньте слева от меня, — отступив на шаг, прошептал Дзок. — И делайте все, что я скажу.

Он шагнул навстречу старейшинам. Я изобразил на лице смиренение и последовал за ним.

Двенадцать пар желтых глаз следили за мной из-за черного полированного стола без тени улыбки.

Узкоглазый седобородый старец что-то сказал скрипучим голосом соседу слева.

Дзок поклонился и, указывая на меня, что-то сказал, после чего уже по-английски произнес:

— Представляю вам некоего Байарда, аборигена английского сектора. Как видите, достопочтимые, это сапиенс.

— Где вы его поймали? — завопил узколицый советник.

— Я не поймал его, господа, — начал Дзок.

— Вы хотите сказать, что это существо само прибыло сюда? — спросил еще кто-то.

— Можете не отвечать на этот вопрос, агент, — раздался голос круглолицего советника. — Советник Сфонджил просто упражняется в риторике. Но ваше утверждение, что это не пленник, все же нуждается в пояснении. Ознакомлены ли вы, агент, с политикой Администрации в отношении безволосых антропоидов? — вмешался в разговор третий.

— Обстоятельства, при которых я встретил англика, не совсем обычны, — заявил Дзок. — Лишь благодаря его помощи мне удалось избежать длительного тюремного заключения. Мой доклад...

— Заключения? Агента Администрации?

— Я думаю, нам лучше всего заслушать сейчас полный отчет агента, — сказал советник, прервавший Сфонджила, и что-то добавил на своем языке.

Дзок долго говорил, жестикулируя своими длинными руками. Я молча стоял позади, не вызывая ни малейшего интереса.

Члены Совета буквально засыпали Дзока вопросами. Он, бедняга, даже вспотел. Выражение лица Сфонджила оставалось бесстрастным. Наконец круглолицый советник махнул рукой и обратил свой взгляд на меня.

— Наш агент Дзок рассказал нам об обстоятельствах, при которых вы, англик, отдали себя в его распоряжение...

— Сомневаюсь, чтобы Дзок сказал вам нечто подобное, — оборвал я его. — Он наверняка сообщил, что мне необходимо отправиться в свою временную линию!

— Совет это мало интересует! — выпалил Сфонджил. — Мы знаем, как обращаться с подобными вам!

— Вы ничего не знаете о мне подобных. Наши народы никогда не вступали в контакт.

— Существует только одно правительство, сапиенс, — прервал меня Сфонджил, в усмешке открывая поразительно розовые десны и множество зубов. — Мы хорошо осведомлены о ваших действиях в отношении других разумных рас.

— Подождите, Сфонджил, — вмешался еще один советник.

— Пусть он сначала расскажет о своих заключениях. Действия хегрунов, пожалуй, заслуживают внимания.

— А я говорю, пусть хегруны делают что хотят, пока это нас не касается! — снова вмешался Сфонджил.

Все ясно — он не хочет, чтобы я говорил. И я решил немедленно вмешаться.

— Нравится вам это или нет, Сфонджил, но Империум — первоклассная держава, способная передвигаться по Сети. Поэтому рано или поздно обе наши культуры должны были встретиться. Так пусть наши отношения начнутся мирно.

— Передвигаться по Сети? — оживился толстый советник.

— Вы об этом не упомянули, агент. — Он в упор посмотрел на Дзока.

— Я как раз собирался, ваше превосходительство, — спокойно ответил Дзок. — Байард заявил, что был перенесен в линию хегрунов на их шаттле, хотя Империум располагает собственным средством перемещения по Сети. И действительно, позже я убедился, что Байард немного знаком с техникой управления машиной.

— Это несколько меняет дело, — произнес один из членов Совета, — и я, господа, предлагаю не принимать поспешных решений, чтобы дурно не повлиять на контакты с этой расой сапиенсов.

— Почему вы думаете, что мы непременно вступим в контакт в ними? — заверещал Сфонджил, вскочив с места. — Наша политика...

— Оставьте в покое политику, Сфонджил, — закричал толстяк, подбежав к узколицему советнику. — Сядьте! Я прекрасно знаю, что делать в подобной ситуации. И хотел бы, чтобы вы пока об этом не распространялись...

— Какой бы ни была ваша политика в прошлом, — вмешался я, — вам придется пересмотреть ее в свете нынешней ситуации. Империум — держава Сети, но это вовсе не предполагает конфликтных ситуаций.

— Он лжет! — заверещал Сфонджил, уставившись на меня.

— Мы провели обширные исследования всего квадрата IV-4, включая и так называемый английский сектор, и не обнаружили никаких признаков перемещения по Сети, исключая, конечно, нас.

— Линия 0-0 Империума лежит в районе, который вы называете Зоной Опустошения, — проговорил я.

Сфонджил зашелся в приступе смеха.

— Вы имеете наглость упоминать об этом зловещем памятнике вашего варварства, стремления вашей расы к разрушению! Одного этого достаточно, чтобы исключить вас из общества достойных гуманоидов.

— Возможно ли это? — удивился неизвестный советник. — Ведь нам точно известно, что в пределах Зоны никто не живет!

— Вот еще одна ложь сапиенса! Какой спрос с его расы! —

выпрямившись, уже спокойно произнес Сфонджил. — Я требую немедленного исключения этого дегенерата из жизни и занесения замечаний второго класса в карточку этого агента!

— Тем не менее, — перешел я на крик, — в зоне существует целый ряд обычных мировых линий. И в одной из них находится правительство Сети. Как официальный представитель Империума, я прошу помочь мне возвратиться домой.

— Просьба более чем скромная, — удивился толстый советник. — Сядьте, Байард, и расскажите вашу историю.

Сфонджил оскалил зубы, но ничего не сказал, лишь щелкнул пальцами.

Часовой, молодой австралопитек в белой форме, выслушал произнесенные шепотом инструкции старца и удалился. Сфонджил фыркнул:

— Я протестую, но подчиняюсь.

Через полчаса я окончил свое повествование. Меня буквально засыпали вопросами, и вполне разумными, как, например, вопрос советника по имени Никадо, и ехидные, типа: вы все еще избиваете своих жен?

Я старался отвечать как можно яснее.

Наконец один из советников заключил:

— Судя по вашим словам, вы оказались в нулевом времени собственного континуума, прибыв туда неизвестным способом. Потом заметили, скорее всего, хегрунов, готовившихся к отправке. Одного из них вы убили, украли их примитивный аппарат для перемещения по Сети и оказались в ловушке. Вас взяли в плен. Вы снова убили разумное существо и бежали. Теперь просите предоставить вам средство передвижения и отпустить, чтобы вы и дальше могли убивать.

— Это не совсем так, ваше превосходительство, — начал было Дзок, но его прервали.

— Он сам признался, что с легкостью лишил жизни двух разумных существ! — закричал Сфонджил. — Полагаю...

— Пусть сапиенс скажет, — перебил его Никадо.

— Хегруны что-то замышляют. Нападение на Империум, похоже, совершено из нулевого времени. Если не хотите оказать мне помощь, так хоть одолжите мне шаттл, чтобы я смог попасть на родину и предупредить о грозящей опасности.

Вошел австралопитек в белой форме, подошел к Сфонджилу и передал лист бумаги. Тот внимательно посмотрел на бумагу, потом на меня, и в его желтых глазах вспыхнул зловещий огонь.

— Так я и знал! — закричал он. — Сапиенс солгал. Ты говоришь, Империум — держава Сети? — Сфонджил пододвинул бумагу соседу слева.

Тот внимательно ее прочел и передал следующему. Наконец, послание прочел Никадо, нахмурился, взглянул на меня и перечитал написанное.

— Ничего не понимаю, Байард. — Он сверлил меня взглядом.

— Зачем вы обманываете Совет? — Лицо его побагровело.

— Это недоразумение, — я пожал плечами. — Откуда взялись такие обвинения.

Мне передали лист бумаги с многочисленными кривыми линиями. Я покачал головой:

— К сожалению, я не могу этого прочесть. Не владею вашим языком.

— Это лишний раз доказывает, что вы лжете, — проговорил Сфонджил. — Нельзя перемещаться по Сети, не владея многими языками.

— Советник Сфонджил проверил ваше заявление, сапиенс, — холодно произнес Никадо. — Вы утверждаете, что линия 0-0 расположена примерно на координатах 857-259 в районе Зоны. Наши сканирующие устройства действительно нашли три нормальных мира в пределах этой пустыни, и тут вы сказали правду. Но что касается координат, сообщенных вами...

— Ну и?.. — Я с трудом сдерживал волнение.

— Такой линии не существует. Весь этот район Сети покрывает сплошная пелена уничтоженных миров.

— Надо еще раз посмотреть!

— Убедитесь сами, — Сфонджил протянул мне черную блестящую фотографию, более точную, чем те, которыми пользовались в Империуме. Я сразу узнал знакомую овальную форму Зоны — и в ней — светящиеся точки, представляющие собой миры, известные под номерами 11 и 111. Кроме того, я обнаружил здесь еще неизвестную мне линию А. Но в том месте, где должна была находиться линия 0-0 Империума, было пусто.

— Полагаю, Совет и так потратил достаточно времени на этого шарлатана, — раздался чей-то голос. — Уведите его..

Дзок пристально посмотрел на меня:

— Почему вы солгали, Байард?

— Цель ясна, — торжествующе изрек Сфонджил. — Он хотел выдать себя за представителя высокоразвитой технической цивилизации, внушить нам уважение к великой державе Сети. Таким образом, отвлечь Совет от внимательного рассмотрения его дела! Жалкая уловка! Но чего можно ждать от такого ничтожества?

— Ваши приборы, возможно, ошиблись, господа, — сказал я взволнованно.

— Молчите! Вы — преступник! — вновь вскочил на ноги Сфонджил, продолжая тактику неожиданного удара.

— Сфонджил что-то замышляет втайне от других! — закричал я. — Он подделал фотографию...

— Он не мог этого сделать, — покачал головой Никадо. — Нелепые обвинения вас не спасут, сапиенс.

— Все, о чем я просил вас, это дать мне возможность вернуться домой! — Я бросил фотографию на стол. — Помогите мне и тогда убедитесь, лгу ли я.

— Этот самоубийца хочет, чтобы мы пожертвовали техникой и экипажем для выполнения его прихоти, — заметил кто-то.

— Вы много говорите о кровожадных инстинктах моих соплеменников, — возразил я. — А где содержатся представители сапиенсов в вашем прекрасном мире? В концентрационных лагерях, слушая лекции о братской любви?

— Разумных безволосых форм, родственных нам, в этом мире нет! — отрезал Никадо.

— Как это нет? — удивился я. — Может быть, вы скажете, что они вымерли?

— Видите ли, сапиенс, они с виду... э-э... хилые, — промолвил Никадо. — Не приспособленные к трудностям слежения. Никто из них не дожил до настоящего времени.

— Значит, вы их истребили! В моем мире все происходит наоборот — а может быть, в обоих случаях здесь были замешаны силы природы. Предлагаю еще раз попытаться проверить справедливость моего рассказа.

— Я требую прекратить этот фарс! — застучал по столу Сфонджил. — Давайте проголосуем. Немедленно!

Никадо подождал, пока стихнет шум, и сказал:

— Советник Сфонджил воспользовался своим правом. Сейчас проведем голосование по этому вопросу, в том порядке, в котором предложил советник.

Сфонджил встал.

— Итак, предлагаю, — сказал он, — исполнить просьбу сапиенса, — он оглядел сидящих за столом.

— Он рискует своим положением, — прошептал мне на ухо Дзок. — Он либо все потеряет, либо займет самый высокий пост. В зависимости от голосования.

— ... или наоборот, — Сфонджил обратил свой взгляд на меня, — переместить его в дотехническую линию мира, где он и проживет в изоляции отпущенный ему срок.

Дзок тихо охнулся. Вздохнули и члены Совета. Никадо громко сказал:

— Если бы вы, сапиенс, были с нами честны...

— Голосование! — вскричал Сфонджил. — выведите преступника из зала, агент!

Дзок вывел меня в коридор. Тяжелые двери захлопнулись.

— Ничего не понимаю, — проговорил Дзок, пристально глядя на меня. — Рассказывать им всю эту чушь о державе Сети. Этим вы настроили против себя весь Совет. А зачем?

— Попытаюсь объяснить вам, Дзок, — ответил я. — Не думаю, что Совет ваш нуждался в моем рассказе. Они и без того имели представление о “томо сапиенс”.

— Не скажите, Байард, — покачал головой Дзок. — Никако очень хотел вам помочь. И он очень влиятельный член Совета. Но эта ваша бессмысленная ложь...

— Послушайте, Дзок, — я схватил его за руку. — Я не лгал! Попытайтесь втемяшить это в свою бестолковую голову! Меня не интересует, что показали ваши приборы. Империум существует, поймите же!

— Но наши приборы не могут ошибаться, сапиенс! — холодно произнес агент. — Извинитесь и попросите снисхождения.

— Что? Снисхождения? — я рассмеялся. — От добрейшего советника Сфонджила? Вы без конца твердите о близости рас, но в политике вы так же безжалостны, как и все обезьяноподобные.

— Об убийстве речи не было, — поморщился Дзок. — Вы можете прожить жизнь в достаточном комфорте.

— Не о своей жизни я толкую, Дзок! Три миллиарда человек живут в том мире, который, как вы утверждаете, не существует! Неожиданная атака хегрунов будет не чем иным, как резней.

— Ваш рассказ лишен смысла. Линия Империум, о которой вы с таким жаром говорите, не существует!

— Ваши приборы нуждаются в проверке, да, да! Еще сорок часов назад этот мир существовал!

Внезапно двери зала открылись. Вышел молодой австралипитец и подозвал Дзока. Агент встревоженно взглянул на меня и пошел вперед. Двое вооруженных часовых встали по обе стороны от меня.

— Что они решили? — спросил я, кивнув в сторону зала. Никто не ответил. Прошла минута, вторая, третья...

Потом двери снова открылись, и вышел Дзок. За ним стояли двое членов Совета.

— Решение принято, Байард, — подавленно произнес Дзок.

— Сейчас вас проводят в помещение, где вы и проведете эту ночь. А завтра...

Сфонджил выступил вперед.

— Вы собираетесь нарушить свой долг, агент? — завопил он,

— Скажите этому существу, что все его интриги напрасны! Совет проголосовал за переселение!

Этого я и ожидал. В руке у меня очутился пистолет — но тут

Дзок нанес, словно топором, удар по предплечью. Пистолет упал на пол. А когда я попытался выхватить оружие у часового, мне надели наручники. Перед моим носом рука, обросшая шерстью, раздавила какую-то ампулу. Я ощутил острый запах, закашлялся, задержал дыхание. Ноги стали ватными, и я рухнул на пол. Надо мной склонился Дзок.

— ... сожалею... не моя вина, старина...

Сделав над собой усилие, я произнес:

— Все правда!

Кто-то оттолкнул Дзока в сторону. На меня смотрели близко посаженные желтые глаза.

Послышались голоса:

- ... глубокая мнемоника...
- ... заканчивайте работу...
- ... слово чести офицера...
- ... англик есть англик...

Я куда-то летел, легкий, как воздушный шарик, передо мной все плыло, кружилось, мелькало. Потом все исчезло.

Глава VI

Я долго наблюдал за игрой света на воздушных занавесках открытого окна, прежде чем подумал о том, где нахожусь. Воспоминания с трудом приходили на ум, как давным-давно забытый урок. Видимо, во время одной деликатной миссии в Луизиану у меня произошел нервный срыв — подробности этой миссии я никак не мог вспомнить, — и теперь я отдыхал в пансионе добрейшей миссис Роджерс, в Харроу.

Я сел, чувствуя легкое головокружение, и вспомнил о том, как недавно провел почти неделю в засаде, выполняя одно довольно-таки трудное задание в... в...? На мгновение в памяти возникло смутное воспоминание о каком-то городе, каких-то людях, будто бы мне знакомых, и...

И вдруг все исчезло. Я снова лег. Вот отдохну здесь и потом где-нибудь поселись и займусь садоводством. Это моя давнишняя мечта. В моем воображении возникла чековая книжка с 10 000 золотых наполеондов на счету Лондонского кредитного банка — моя пенсия.

Но чего-то все недоставало, однако думать об этом сейчас было трудно. Я принялся осматривать комнату. Маленькая, залитая солнцем, с яркой мебелью, коврами на полу и покрытой на кровати, изображавшим сцену охоты. Дверь была узкая, из темного дерева, с блестящей латунной ручкой. Ручка повернулась, и в комнату вошла женщина, вся седая, щечки как

румяные яблочки, смешной чешир из кружев и пестрой, до самого пола юбка.

Увидев меня, она просияла будто от самой высокой похвалы.

— Мистер Байард! Вы проснулись??!! — Голос у нее был тонкий, и говорила она с акцентом, которого я не смог сразу определить.

— Вы, наверное, проголодались и не пропустили тарелочку супа, да, сэр? А потом немножко пудинга, а?

— Я предпочел бы хороший бифштекс под грибным соусом,

— ответил я. — И еще... я хотел было спросить, кто она такая, но потом вспомнил, что это добрейшая миссис Роджер, конечно же!

— ... я хотел бы выпить стакан вина, если можно, — закончил я и снова лег.

— Конечно, конечно, сэр. — засуетилась старушка, — но сначала примите ванну. Это так замечательно, мистер Байард. Я сейчас позову Хильду...

Опять в голове туман. Я слышу женские голоса. Меня касаются чьи-то руки. Я открываю глаза. Надо мной склонилась симпатичная девушка с пижамной курткой в руке. Позади пожилая женщина следила за мужчинами, переносившими какие-то тяжести. Девушка въярмилась, и я успел заметить тонкую талию, приятно окруженную грудь, свежее лицо, обрамленное волосами медового цвета. Мужчины окончили работу и ушли, вместе с ними и старуха ушла и женщины. Девушка задержалась еще на мгновение, а затем последовала за ними, оставив открытой дверь. Я приподнялся на локте и увидел небольшую ванну, наполовину наполненную водой. Она стояла на овальном коврике, а на табуретке рядом лежало махровое полотенце и кусок мыла. Все это выглядело довольно заманчиво. Я спустил ноги с постели, несколько раз глубоко вздохнул, чтобы избавиться от головокружения, натянул пижаму.

— О, вам еще нельзя вставать, сэр! — услышал я глубокое контральто. Медовые волосы были теперь откинуты со лба, и я разглядел прекрасные черты лица. Я схватил брюки, чуть не упал и плюхнулся на кровать. Девушка подошла ко мне и взяла за руку.

— Ганвор и я очень волнуемся за вас, сэр. Доктор сказал, что вы очень больны, но когда вчера вы проспали целый день...

Я не слушал, что она говорила. Одно дело — проснуться в незнакомой комнате и как-то сориентироваться, и совсем другое — осознать, что ты — среди совершенно незнакомых тебе людей и совершенно не помнишь, как сюда попал...

Я подошел к ванне, остановился и вопросительно посмотрел на девушку.

— Залезайте, и все, — сказала она с улыбкой.

Я последовал ее совету и погрузился в горячую воду. Девушка уселилась рядом на табурет и коснулась моей руки.

— Я Хильда, — проговорила она. — Мой дом у дороги. Было так интересно, когда Ганвор сказал, что вы приехали. Здесь не часто увидишь луизианца, да еще дипломата. Вы, должно быть, ведете беспокойную жизнь! Наверняка побывали во всех странах мира. О, как бы я хотела побывать хотя бы в Египте, Австрии или Испании.

Она болтала и мыла меня так же спокойно, как бабушка маленького внука. Желание протестовать быстро испарилось. Я был слаб, как ребенок, и наслаждался прикосновениями этого очаровательного создания, теплом солнечных лучей, проникающими в комнату через открытое окно, и дуновением теплого ветерка, колышащего занавески.

— ... ваш несчастный случай, сэр? — услышал я последние слова Хильды, видимо она задала мне вопрос. Мне стало не-ловко. Было неприятно думать, что я потерял память. Кое-что я все же помнил, но подробности случившегося улетучились.

— Хильда, — обратился я к девушке, — человек, который доставил меня сюда, что-нибудь говорил? Упоминал о несчастном случае?

— Письмо!!! — Хильда вскочила, подошла к столу и вернулась с конвертом.

— Доктор оставил это для вас, сэр. От волнения я чуть не забыла о нем.

Я вскрыл конверт и извлек из него листок белой бумаги с отпечатанным на машинке текстом:

“Мистер Байард.

С чувством глубокого сожаления и выражением глубочайшего личного участия подтверждаю сим вашу отставку из дипломатического Корпуса Его величества Императора НаполеонаV по состоянию здоровья...”

Там было еще что-то — о верной службе, о преданности долгу, о невозможности устроить мне пышные проводы из-за того, что я окончательно еще не вылечился, а также пожелания скорейшего выздоровления. Упоминалось также имя моего поверенного в Париже, который может ответить на все мои вопросы. Подпись в конце письма мне была незнакома, но потом я, конечно, вспомнил — кто же не знает графа де Манина, заместителя министра иностранных дел по вопросам безопасности. Старина Риджи...

Я прочел письмо дважды и снова вложил в конверт. Руки у меня дрожали.

— Кто вам его дал? — от волнения я даже охрип.

— Доктор, сэр. Вас привезли две ночи назад в карете, и господин доктор был очень внимателен к вам, сэр. К сожалению, ваши друзья, сэр, очень спешили, им надо было успеть на пароход, идущий в Кале.

— Как он выглядел?

— Доктор? — Хильда снова принялась меня массировать. — Довольно высокий джентльмен, сэр, хорошо одетый, с приятным голосом. Брюнет. Я видела его всего две-три минуты и в темноте не могла как следует рассмотреть. — Она засмеялась.

— Но я успела заметить, что глаза у него очень близко посажены.

— Он был один?

— Нет, с кучером. А в карете сидел еще один джентльмен, но...

— Миссис Роджерс видела их?

— Всего несколько мгновений, сэр. Они очень спешили.

Хильда вытерла меня полотенцем, помогла надеть пижаму и лечь в постель. Мне хотелось о многом ее расспросить, но сон тут же овладел мною.

В следующее свое пробуждение я чувствовал себя уже лучше. Встал с постели, добрался до шкафа и обнаружил там странный наряд: узкие брюки, рубашку с рюшами вокруг шеи и на манжетах и туфли с маленькими блестящими пряжками.

“Впрочем, ничего странного, — сказал я себе. — Просто новая и очень модная одежда — из нагрудного кармана торчит ярлык”.

Я закрыл шкаф и подошел к окну. Последнее солнце освещало горшки с геранью, стоявшие на подоконнике. Внизу я увидел ухоженный садик, кирпичную дорожку, белый забор и вдалеке — купол церкви. В воздухе стоял запах свежескошенного сена. Из-за угла с корзиной в руке вышла Хильда. На ней была плотная юбка до щиколоток и деревянные красно-синие сабо. Хильда широко улыбнулась.

— Хелло, сэр! Вы уже выспались?

Она подошла ближе и подняла корзину, чтобы показать мне лежащие в ней помидоры.

— Правда, хороши? Несколько штук принесу вам к обеду.

— Это будет замечательно! — с деланным восторгом откликнулся я. — Да, кстати, как долго я спал?

— В последний раз?

— Нет. Вообще.

— Ну, вы прибыли около полуночи, проспали весь следующий день и всю ночь и проснулись сегодня около полудня. После ванны вы снова уснули и спали до сих пор.

— А сколько сейчас времени?

— Около пяти вечера, — она засмеялась. — Вы спали, будто после снотворного, сэр...

Тяжесть свалилась с моих плеч, как подтаявший снег с крутоей крыши. Снотворное? Вот оно что!

— Я хотел бы поговорить с миссис Ганвор. Где она?

— В кухне, сэр. Готовит вам к обеду гуся. Сказать ей...

— Нет. Не надо. Я сейчас оденусь и сам ее отыщу.

— Сэр, вы уверены, что в состоянии...

— Я чувствую себя прекрасно, милая Хильда, — заверил я ее.

Все еще борясь с дремотой, я подошел к шкафу, оделся и пошел по коридору на звон посуды. Вскоре я оказался в помещении с низким потолком. Девочка мыла посуду, а у стола стояла, разделявая гуся, матушка Ганвор.

— О, мистер Байард! — воскликнула Ганвор.

Я прислонился к столу, чтобы не упасть, и постарался унять шум в голове.

— Ганвор, доктор не оставлял вам для меня каких-нибудь лекарств?

— Да. Конечно же, сэр, капли. Он велел добавлять их в суп и еще порошки для других блюд.

— Принесите-ка мне их, Ганвор, — приказал я. — И больше не давайте. Понятно?

Внезапно в голове у меня помутилось. Но усилием воли я справился с собой.

— Мистер Байард, вы еще недостаточно окрепли. Вам трудно ходить, — мягко заметила матушка Ганвор.

— Мне нельзя лежать! Нельзя! Надо... ходить. Выведите меня наружу, пожалуйста.

Ганвор подхватила меня под руку, что-то говоря взволнованным голосом. Я шел словно в тумане, потом ощутил прохладу. Вздохнул глубоко один раз, потом другой, чтобы разогнать туман в голове.

— Мне стало гораздо лучше, — прошептал я. — Походите со мной, пожалуйста, матушка.

— Лучше бы вам лечь в постель, сэр, — настаивала Ганвор.

Но я не слушал и старался, как мог, передвигать ноги.

Сад был отличный, с дорожками между овощных грядок, розовых кустов и фруктовых деревьев. Скамья под раскидистым дубом так и манила к себе.

— Давайте еще раз пройдемся, — предложил я. — Я постараюсь не опираться на вашу руку, матушка Ганвор.

Я чувствовал себя все лучше и лучше, даже проголодался слегка.

Солнце быстро садилось, отбрасывая на траву длинные тени. После третьего круга я остановился у дверей кухни и подож-

дал, пока Ганвор принесет мне стакан холодного сидра.

— А теперь сядьте, пожалуйста, и ждите обеда, сэр, — взволнованно проговорила старая женщина.

— Все в порядке, — я похлопал ее по плечу.

Она с тревогой наблюдала за мной, когда я встал и пошел. Я глубоко дышал, пытаясь собраться с мыслями. Кто-то доставил меня сюда, накачал наркотиками и устроил так, что мне их дают по сей день. Сколько это могло продолжаться, не знаю, по запасам лекарств у Ганвор трудно определить. Кто-то пошутил с моей памятью. Но кто и зачем??? Этот вопрос требовал неизменного ответа.

Я напряг свою память, пытаясь прорваться сквозь пелену тумана. Судя по молодой листве и бутонам роз, сейчас, видимо, июнь. Где я был в мае или, скажем, зимой???

Холодные улицы, высокие здания, тепло и радость, смеющиеся лица друзей и улыбка красивой рыжеволосой женщины по имени... по имени...

Я не мог вспомнить! Ниточка воспоминаний ускользнула от меня, как колечко дыма, унесенное ветром. Кто-то хорошо потрудился (используя, несомненно, гипноз), надеясь похоронить мои воспоминания под слоем сфабрикованного! Но это не удалось. Потребовалось всего несколько часов, чтобы отбросить эти вымышленные воспоминания несуществующего прошлого.

А может быть...

Я повернулся к дому. Ганвор “колдовала” над тарелкой со свежеиспеченными пирожками и, едва завидев меня, спрятала что-то под фартук.

— Ох! Как вы меня испугали, сэр!

Я взял у нее из рук склянку с белым порошком и выбросил в мусорное ведро.

— Никаких лекарств, матушка Ганвор, — произнес я, — несмотря на указания доктора. Они больше не нужны! Но скажите, есть ли здесь...

Я задумался, подбирая нужное слово. Мне не хотелось пугать ее вопросом о психиатре, да и вряд ли она знала это слово.

— Да, есть ли у вас здесь гипнотизер? — Я посмотрел на нее: поняла или нет. — Человек, который успокаивает людей...

— Ах, вы имеете в виду месмериста? — Матушка заулыбалась и закивала головой. — Увы, сударь, здесь в деревне таких нет... Разве что матушка Гудвил, — добавила она с сомнением.

— Матушка Гудвил?

— Я ничего не имею против нее, сэр, но поговаривают, будто она занимается колдовством. Я как раз прочла в “Пари матч”, что неквалифицированные люди могут вызвать серьезный невроз.

— Пожалуй, вы правы, Ганвор, — согласился я. — Но на психику я не жалуюсь. Только нередко память подводит.

— Вас тоже это беспокоит? — Женщина просияла. — Я и сама забывчивая. Случается, не помню, что хотела сделать...

— А что, матушка Гудвил далеко отсюда живет? — перебил я ее.

— На другом конце деревни, сэр. Но я не советовала бы вам с ней связываться. Это не для такого культурного джентльмена, как вы. Жилище у нее убогое, да и саму ее в деревне не жалуют. А об одежде и говорить не приходится.

— Я не слишком придирчив, Ганвор. Отведите меня, пожалуйста, к ней.

— Лучше я позову ее сюда, сэр. Раз уж вы так настаиваете... но тут, в часе езды, в Илимге, есть настоящий специалист.

— Матушка Гудвил меня вполне устраивает. Как скоро можете вы ее пригласить?

— Если не возражаете, сэр, после обеда, я только сейчас поставлю жарить гуся, да и пироги уже подрумяниваются.

— Хорошо. А я пока погуляю в саду. Надо нагулять аппетит, достойный вашего кулинарного искусства, Ганвор.

После второго куска пирога с черникой, чашечки кофе и глотка выдержанного бренди, я закурил новоорлеанскую сигару, наблюдая, как Хильда и Ганвор зажигают масляные лампы в гостиной.

Внезапно раздался негромкий стук в дверь, и Ингалиль, кухонная прислуга, заглянула в дверь.

— Старая ведьма пришла по вашему приглашению, — пропищала она. — Курит трубку!

— Тише ты, ведь она услышит, — прошептала Хильда. — Вели ей подождать, пока позовут.

Не успела Хильда это сказать, как Ингалиль взвизнула и отскочила в сторону, а в комнату вошла скрюченная старуха с клюкой в руке. Блестящие черные глаза пробежали по комнате и остановились на мне. Я внимательно осмотрел гостью: крючком нос, беззубые десны, тяжелый подбородок и прядь седых волос, падающих на лицо.

Трубки я не увидел, заметил лишь кольцо дыма, вырвавшееся из ноздрей.

— Кто здесь нуждается в целительном прикосновении матушки Гудвил? — прошамкала старуха. — Ну конечно же это вы, сэр. Вы, проделавший странный и долгий путь со странником, которому предстоит путь еще более долгий...

— Я не сказала тебе, что это и есть новый джентльмен, —

подала голос забившаяся в угол Ингалиль. Осмелев, она подошла к старухе и потянулась рукой к ее корзинке.

— А что у тебя там?

Но тут же последовал удар палкой по пальцам, и служанка, взвизгнув, шмыгнула в свой угол.

— Не лезь, куда не надо, — почти ласково прошамкала матушка Гудвил, села на стул и поставила корзинку у ног.

— Так вот, матушка Гудвил, — начала Ганвор, — нашему гостю, этому джентльмену, надо помочь...

— Он хочет отодвинуть завесу прошлого, чтобы яснее прочесть будущее, — старая карга попыталась улыбнуться. — О, он хорошо сделал, что позвал старую матушку Гудвил. А теперь... Ты мне нальешь рюмочку, чтобы я могла подкрепить свои силы, а потом пусть все удалятся, кроме самого джентльмена.

Старуха бросила на меня хищный взгляд.

— Меня не интересует будущее, — начал было я.

— Неужели, сэр? Тогда вы самый странный из всех смертных, которых мне доводилось видеть.

— Но некоторые вещи мне нужно вспомнить, — продолжал я, пропустив слова старухи мимо ушей. — Может быть, под гипнозом я мог бы...

— Так... значит, вы хотите заглянуть в прошлое. Впрочем, я так и думала, — невозмутимо заявила Гудвил.

Ганвор подала старухе стакан, а потом с Ингалиль и Хильдой принялась убирать со стола.

Матушка Гудвил, причмокивая, выпила бренди и махнула своей неестественно большой, в коричневых пятнах, рукой.

— А теперь прочь отсюда, мои цыпляточки, — прошамкала она. — Ко мне нисходит дух. Я вижу что-то удивительное... О, что это? Что это? Духи шепчут мне...

— Оставь эти сказки о духах! — воскликнула Хильда и рассмеялась. — Все, что хочет от тебя мистер Байард...

— Прочь отсюда! — повысила голос старуха. — Или я сделаю так, что ты никогда не разомкнешь колен. Прочь отсюда!

Когда все ушли, старуха повернулась ко мне.

— А теперь к делу, сэр. Что вы дадите старухе за горсть утраченных воспоминаний? Что вы забыли — свою любимую, порывы юности, ключ к счастью, казалось уже достигнутому?

Я усмехнулся:

— Вам хорошо заплатят, матушка Гудвил. Только давайте отбросим все ненужное в сторону. Никакой мистики! У меня есть основания полагать, что у меня отняли память, что я утратил ее, возможно, под влиянием гипноза. Не могли бы вы тоже гипнозом вернуть мне память?

Старуха подалась вперед и стала пристально меня рассматривать.

— В вас есть нечто такое, сэр, чего я не в силах постичь до конца. Ваши глаза устремлены к горизонту, недоступному взору других.

— Допустим, — возразил я. — Но ведь загипнотизировать меня можно?

— Вы говорите, у вас отняли память, да? Кто же мог это сделать? Да и зачем?

— Это я и надеюсь узнать с вашей помощью!

Она кивнула:

— Я слышала о таких вещах, сэр. Бездны мрака, осененные светом кроваво-красной луны...

— Матушка Гудвил, — не выдержав, перебил я старуху, — мы же с вами договорились. Будете вести речь о бездне, магии, темных силах и прочем, снижу вам плату. Делайте все по науке. О, кей?

— Что, сэр? Вы собираетесь учить Хозяйку Тьмы ее ремеслу?

Это начинало мне надоедать.

— Наверное, нам лучше забыть об этом разговоре. — Я полез в карман за монеткой. — Я ошибся...

— Вы хотите сказать, что матушка Гудвил — шарлатанка, да? — голос старухи стал подозрительно ласковым, а глаза еще ярче засверкали.

— Думаете, старуха пришла подурачиться, сэр? Обмануть вас? — голос ее стал затухать... Слова доносились словно издалека. Я как будто услышал шум морского прибоя.

* * *

— ... десять!

Я открыл глаза. На меня смотрела женщина с бледным, довольно симпатичным лицом и сигаретой во рту. Ее темные волосы были стянуты на затылке в тугой узел. Расстегнутый воротник белой блузки открывал крепкую изящную шею.

Я внимательно осмотрел комнату. Снаружи было уже темно, где-то громко тикали часы.

Женщина улыбнулась, взмахнула рукой с наманикюренными ногтями и указала на ворох какого-то тряпья, лежавшего рядом со мной на стуле и на прислоненную к нему палку.

— В этом жарко работать, — произнесла она низким грудным голосом. — Как чувствуете себя?

— Прекрасно! — ответил я после минутного колебания.

Тут я заметил торчавший из-под вороха тряпья клок седых

волос, и когда стал его поднимать, увидел резиновую маску и пару перчаток с ногтями.

- Зачем весь этот маскарад?
- Это помогает мне в моем... бизнесе!
- Здорово вы надули меня и, как я понимаю, Ганвор и остальных тоже?

Она покачала головой.

— Меня никто никогда не видел в моем настоящем облике, мистер Байард. Никто никогда не заходил ко мне, разве что только по делу. Люди живут здесь простые. В их представлении мудрость неотделима от морщин — поэтому я должна соответствовать их понятию о деревенском месмеристе. Иначе ко мне никто никогда не обратится. Вы — единственный, кто знает мой секрет.

— Но почему?

Она изучающе на меня посмотрела.

— Вы человек необычный, мистер Байард. Можно сказать, загадочный. Вы рассказали мне много странных вещей о других мирах, о людях, похожих на животных, покрытых шерстью...

— Дзок! — воскликнул я. Мои руки потянулись к голове, словно пытаясь выжать из нее воспоминания, как зубную пасту из тюбика... Хегруны и...

— Спокойно, спокойно, мистер Байард, — произнесла женщина. — Ваши воспоминания, если только это не игра больного воображения, целы, и их можно вызвать к жизни. А сейчас отдохните. Это далось нелегко — и вам и мне. Поверьте, очень трудно было снять пелену с вашего мозга. Тот, кто пытался вырвать из вашей памяти образы чудесного рая и страшного ада, несомненно, искусный месмерист. Но теперь он изобличен. Я тоже не дилетант. Но сегодня мне пришлось призвать на помощь все мое мастерство.

Она поднялась, грациозным движением поправила прядь волос перед зеркалом в раме.

Я смотрел на нее невидящими глазами. Мысли о Барбро, светящейся в темноте фигуре, бегстве с Дзоком от хегрунов роились в моей голове, требуя расставить все по своим местам.

Матушка Гудвил набросила на плечи свое тряпье, сгорбилась, надела маску, перчатки и парик и снова приняла облик старухи. Только по-прежнему молодо блестели живые черные глаза.

— Отдохните, сэр! Отдохните, спите, мечтайте, и пусть ваши беспокойные мысли найдут каждая свое место. Я завтра снова приду — есть много такого, что должна узнать матушка Гудвил. Узнать о вселенных, которые существуют за пределами этого мира. Спите и просыпайтесь освеженным, сильным, с

обостренными чувствами. Понадобится все ваше мужество, чтобы выдержать то, что ожидает вас в будущем.

С этими словами женщина вышла. Я вернулся к себе, бросил на стол одежду, лег на мягкую пуховую перину и погрузился в тревожный сон.

Глава VII

Прошло три дня, прежде чем я достаточно окреп, чтобы на нести визит матушке Гудвил.

Она жила в крытой соломой лачуге, спрятанной от посторонних глаз зарослями алых роз.

Я проскользнул в ржавую калитку, прошел по дорожке, окаймленной неухоженными рододендронами, и постучал в темную дубовую дверь.

Сквозь маленькое окошко был виден угол стола, вазочка с незабудками и толстая книга в кожаном переплете. Неумолчно журжали пчелы, пахло цветами и свежесваренным кофе. “Как же это не вяжется с колдуньей”, — подумал я.

Дверь открылась. Матушка Гудвил в белоснежной блузке и черной юбке жестом предложила мне войти.

— Сегодня вы без маскарадного костюма, — заметил я.

— Вы, очевидно, чувствуете себя несколько лучше, — произнесла она довольно сухо. — Не хотите ли чашечку кофе? Или это не принято в ваших краях?

Я пристально взглянул на нее.

— Вы скептически настроены по отношению ко мне. Почему? Она пожала плечами:

— Я просто привыкла доверять своим ощущениям. Хотя иногда они бывают противоречивыми.

Я сел к столу и оглядел комнату. Здесь было тщательно убрано.

Матушка Гудвил принесла кофе, разлила в чашки, поставила на стол и села напротив меня.

— Ну, мистер Байард, ваша голова сегодня ясна. Поэтому я хотела бы задать вам очень важный вопрос. Ваша память восстановилась?

Я отпил кофе и кивнул. Кофе был очень хорош, как, впрочем, я и ожидал.

— Нет ли у вас другого имени? — спросила хозяйку. — Как-то не вяжется с вами “матушка Гудвил”.

— Зовите меня Оливией.

У нее были изящные белые руки, на одном пальце мерцал

красивый зеленый камень. Она потягивала кофе и смотрела на меня, видимо решая, говорить или не говорить.

— Вы собирались задать мне какой-то вопрос? И, если я на него отвечу, кое-что объяснить?

— Вы поведали мне о стольких чудесах в своем полусне, — проговорила она, и руки ее задрожали, заметив мой взгляд. Она быстро поставила чашку на стол и убрала руки.

— Я часто думала, что существует еще что-то, кроме всего этого, — она нарисовала в воздухе круг. — В своих снах я часто видела прекрасные холмы, леса, города, всем сердцем стремилась к ним и просыпалась с чувством утраты чего-то прекрасного. В ваших бредовых речах была надежда, давно забытая вместе с другими надеждами юности. Скажи мне, чужеземец, эти рассказы о других мирах, похожих друг на друга, как две свежеотчеканенные монеты, но все же имеющие какое-то отличие, эти твои рассказы об экипажах, которые могут перелетать из одного мира в другой, — все это игра твоего воображения, да?

— Нет, Оливия, это правда. Но ее трудно сразу осознать. Мы убеждены, что знаем все на свете, и не склонны верить в то, что не соответствует нашим предположениям.

— Вы говорили о какой-то беде, Байард, — она произнесла мое имя с легкостью, как будто оно было ей хорошо знакомо. Видимо, проникновение в сокровенные мысли сближает людей. Я не имел ничего против этого. Оливия была очаровательной женщиной, несмотря на излишне вычурную прическу и тюремную бледность. Ей бы немного солнца и косметики...

Она внимательно выслушала мой рассказ, начиная от странного допроса Рихтгофена до последнего приговора ксанджилианцев.

— Так что я влип, — закончил я свой рассказ. — Без шаттла я здесь в ловушке до конца своих дней.

Она покачала головой.

— Все это так странно, Брайан. В это невозможно поверить. Все настолько невероятно, неправдоподобно... но тем не менее я не могу вам не верить.

— Судя по тому, что я узнал об этой линии мира, она весьма отсталая в техническом отношении.

— Ну почему же? Мы очень современные люди, — запротестовала Оливия. — У нас есть паровая энергия, пароходы пересекают Атлантику за девять дней, воздушные шары, телеграф и телефон, современные автомобили на угле, которые начинают вытеснять повозки, запряженные лошадьми.

— Конечно, конечно, Оливия. Поверьте, я не хотел вас обидеть. Давайте считать, что в некоторых отраслях мы вас не-

много опередили. Не забывайте, что Империум владеет МК-приводом. В моих краях также есть атомная энергия, реактивные самолеты, радар и простейшие программы исследования космоса. Вы же движетесь немного в другом направлении. Дело в том, что здесь я связан по рукам и ногам. Меня выслали в континиум, из которого я не смогу сбежать.

— Но разве это так плохо? — спросила она. — Здесь перед вами целый мир, и теперь, когда искусственные барьеры сняты с вашего мозга, вы легко вспомните все, все чудеса, которые оставили в своем мире.

Она говорила убежденно и горячо.

— Вы упомянули о самолете! Так постройте его! Как прекрасно лететь по небу, словно птица! Ваше пребывание здесь может ознаменовать начало нового Века Славы для нашей империи!

— Нет, — я покачал головой. — Все, что вы хотели бы здесь иметь, это великолепно. Ну а что будет с м о и м миром? Возможно, хегруны уже начали боевые действия, и моя жена вместо жемчуга носит цепи. — Я подошел к окну и выглянул наружу.

— А я в это время гнию в этом убогом мире!

— Брайан, — тихо произнесла женщина за моей спиной. — Вы не столько обеспокоены угрозой вашим любимым друзьям, сколько невозможностью быть сейчас с ними.

Я повернулся.

— Что вы хотите этим сказать? Поймите же, Оливия, что мои друзья, моя жена, все, что мне дорого, может попасть в руки обезьяноподобных.

— Те, кто работал над вашим мозгом, Брайан, стремились стереть все это из вашей памяти, — усмехнулась Оливия. — Но мое искусство помогло все восстановить. Ничего удивительного нет в том, что прошлое кажется вам таким далеким, будто прошла тысяча лет. Да, я сама дала вам команду, чтобы боль утихла...

— Будь проклята эта боль потери! — вскричал я. — Не будь я таким дураком и не поверь Дзоку...

— Бедный, Брайан. Вы еще не знаете, что именно он работал над вами, когда вы спали, и внушил вам желание отправиться с ним в Ксонджил. И все же он сделал для вас все, что возможно, по крайней мере, так говорят ваши воспоминания.

— Я мог бы отбить у них шаттл, — сказал я. — Был бы сейчас там и помог отбить атаку этих негодяев!

— Но ведь старейшины из Ксонджила сказали вам, что ваш мир 0-0 больше не существует!

— Они сошли с ума! — я начал нервно шагать по комнате.

— Слишком много я не понимаю, Оливия. Как человек,

блуждающий во тьме и натыкающийся на неизвестные еще предметы. И теперь...

Я поднял руки и бессильно опустил их.

— У вас еще впереди целая жизнь, Брайан. Вы и здесь найдете себе место. Принимайте все таким, как есть. Ведь ничего нельзя изменить.

Я пожал плечами и снова сел.

— Оливия, я не стал задавать Ганвор и остальным никаких вопросов, чтобы не возбуждать их любопытство. Сведения, которыми меня снабдил Дзок и его парни, не слишком обширны. Наверное, они полагали, что я отправлюсь в библиотеку, чтобы просветиться. Но сейчас я просил бы вас рассказать хоть немного об этом мире. Прежде всего о его истории.

Она засмеялась — неожиданно весело.

— Как это замечательно, Брайан, рассказывать об этом старом и прозаичном мире, как будто он — вымысел мечтателя, а не надоевшая реальность.

Я кисло улыбнулся:

— Действительность всегда скучновата для тех, кто в ней живет.

— С чего же начать? С Древнего Рима? Со средневековья?

— Первое, что я хотел бы знать, это дату общей истории, то есть момент, когда истории наших континуумов стали различаться. Вы упомянули слово “империя”. Что за империя? Когда основана?

— Что за империя? Ну конечно, французская, — Оливия растерянно заморгала, покачав головой.

— Впрочем, никаких “конечно”, — сказала она. — Французская империя была основана императором Наполеоном в 1799 году.

— Понятно, — протянул я. — У нас тоже был свой Наполеон. Но его империя просуществовала недолго. Его сместили и выслали на Эльбу в 1814 году...

— Да! — воскликнула Оливия. — Но он сбежал оттуда, вернулся во Францию и привел свои армии к славной победе.

Я покачал головой:

— Он был на свободе около ста дней, пока британцы не разбили его при Ватерлоо. Потом его снова выслали, на этот раз на остров Св. Елены, и несколько лет спустя он умер.

Оливия уставилась на меня.

— Как странно... как неправильно и как странно! Император Наполеон правил в Париже еще двадцать три года после своей великой победы при Брюсселе и умер в 1837 году в Ницце. На престоле его сменил сын, Луи...

— Герцог Рейхштадтский?

— Нет. Герцог умер в юности. А Луи был шестнадцатилетним юношей, сыном императора и принцессы Дании.

— И его империя все еще существует? — удивился я.

— После свержения английского тирана Георга было разрешено включить Британские острова в состав империи. С объединением Европы свет науки был принесен в Африку и Азию. Сейчас эти континенты являются полуавтономными провинциями, управляемыми из Парижа, но со своими собственными палатами депутатов, уполномоченными решать все их внутренние дела. Что касается Новой Франции, иными словами, Луизианы, то разговоры о восстании скоро утихнут. Туда послана королевская комиссия, чтобы разобраться в жалобах местных жителей на вице-короля.

— Ну что ж, полагаю, что дату общей истории мы определили достаточно точно, — сказал я. — Это 1814 год. И похоже, с той поры в нашем мире не было почти никакого научно-технического прогресса.

Тут на меня обрушилась масса вопросов. Оливия была женщины умной и образованной, и ее привела в восторг картина мира без Бонапарта, которую я ей нарисовал.

Когда я закончил, уже наступил день. Оливия предложила мне ленч, и я согласился. Пока она хлопотала у плиты, я сидел у окна и разглядывал этот любопытный аناхронический пейзаж из полей, дорог и фермерских домиков.

Здесь царила атмосфера умиротворенности и изобилия, превратившая мои воспоминания об угрозе Империуму в полузабытую, по словам Оливии, давно прочитанную историю — подобно книге в красном кожаном переплете, лежавшей на столе.

Я взглянул на заглавие:
“КОЛДУНЬЯ ИЗ ОЗА!!!”

Автор:

Лилиана Ф. Баум!!!

“Забавно”, — подумал я.

Оливия смущенно улыбнулась.

— Странное чтиво для колдуньи, не так ли? — спросила она. — Но мои сны и мечты бывают похожи на эту сказку. Я ведь тебе говорила, наш мир мне кажется таким маленьким, таким тестяным...

— Я о другом, Оливия! Мы довольно четко установили дату общей истории — начало девятнадцатого века, верно? Баум тогда еще не было на свете. Она (“а может быть, он”, — отметил я про себя) родилась только... в 1855 году. Так было, по крайней мере, в моем мире. Как видишь, здесь тоже есть человек с таким именем...

Я раскрыл книгу и посмотрел выходные данные: "Уилли и Катон. Нью-Йорк и Париж, 1896 год".

— В твоем мире эта книга известна, Брайан? — спросила Оливия.

— В моем мире Фрэнк Баум написал книгу "Волшебник страны Оз", — ответил я. — Однако я слышал, что он собирался написать продолжение как раз под таким названием.

Я с удовольствием разглядывал обложку с изображением Белоснежки и гномов. Так, по крайней мере, мне показалось.

— В детстве это была моя любимая книга, — сказала Оливия.

— И как чудесно было бы прочесть "Волшебника из страны Оз".

— Да. Это единственное, что Фрэнк Баум написал, — сказал я.

— Он умер в 1896 году.

1896-й! Туман у меня в голове стал быстро рассеиваться. Дзок и его друзья переместили меня в линию мира, близкую моей собственной? Они были очень гуманны, но не так умны, как им представлялось. И к тому же не до конца добросовестны.

Я вспомнил фотодиаграмму, виденную мною на Совете, и светящуюся точку мира, неизвестную картографам Сети Империума, точку, означавшую четвертый неоткрытый мир в пределах Зоны Опустошения. Тогда я решил, что это ошибка, как и то, что на этой фотодиаграмме отсутствовала линия 0-0. Но, значит, ошибки не было. Линия В-1-4 существовала — мир с датой общей истории в начале девятнадцатого века! И если существует человек, известный в обоих наших мирах, то почему бы не существовать и другому? Или, скажем, двум другим Максони и Копини, изобретателям привода МК!!!

— О чём ты задумался? — голос Оливии вернул меня к действительности.

— Так, ничего особенного. — Я положил книгу на стол. — Мне пришло в голову, что, хотя и минуло после общей даты немногим более полувека, больших изменений не произошло и некоторые люди могли и здесь родиться.

— Брайан, — начала Оливия, — я не прошу тебя довериться мне, но позволь хотя бы помочь.

— Помочь? Но в чём? — Я попытался придать своему лицу выражение невозмутимости, но тут же почувствовал, что это мне не удалось.

— Мне кажется, ты что-то задумал. Но в одиночку можешь не справиться. Здесь для тебя все чужое, на каждом шагу подстерегают ловушки. Поэтому я и хочу тебе помочь.

— А с какой стати?

Она помолчала, задумчиво глядя на меня.

— Всю жизнь я ищу ключ к какому-то другому миру... миру

грез. И чувствую, что у тебя, Брайан, существует связь с таким миром. Если самой мне туда попасть не удастся, я с радостью буду осознавать, что кому-то помогла в этом.

— Все эти миры одинаковые, Оливия. Одни лучше, другие хуже. Там есть и люди, и дома, и земля, и законы, и обычная природа. Нельзя просто собрать вещи и переселиться в мир грез, его надо строить там, где ЖИВЕШЬ! Невежество, коррупция, падение нравов, ложь и обман тех, кому верят миллионы... — все это будет существовать до тех пор, пока мы живем по законам этого общества. Но дай срок, Оливия, проводим эксперименты с культурой всего несколько тысяч лет. Еще несколько тысяч-челетий — и все будет по-другому. Поверь мне.

Она рассмеялась.

— Ты говоришь так, словно вечность — это мгновение!

— Да, это так, если принять во внимание время, которое потребовалось на превращение амеб в обезьян. Но не стоит отказываться от своей мечты — это та сила, которая влечет нас вперед, какова бы ни была конечная цель.

— Тогда позволь мне превратить мечту в реальность. Позволь помочь тебе, Брайан. Мне сказали, что ты заболел от переутомления, когда работал чиновником Колониального управления, и потому нуждаешься в отдыхе — но ведь ясно, что это ложь. И еще, Брайан, — она понизила голос, — за тобой следят.

— Следят? Кто же? Бородатый карлик в черных очках?

— Это не шутка, Брайан. Вчера вечером я видела человека, прятавшегося у ворот дома Ганвор, а через полчаса, когда мы пили свое пиво, поблизости прошел какой-то человек с шарфом на шее.

— Это ничего не значит, Оливия.

Она нетерпеливо покачала головой.

— Ведь собираешься отсюда бежать, из этой тюрьмы? Верно?

— Тюрьмы? Я свободен, как птица!

— Ты напрасно теряешь время, — Оливия рассмеялась. — За что тебя заточили в наш мир — не знаю, но всегда буду на твоей стороне. Знай это. А теперь говори, Брайан! Куда ты собираешься отправиться и каким образом?

— Подожди, Оливия. Ты слишком торопишься!

— И тебе надо спешить, Брайан. Чтобы избежать погони. Опасность готова обвиться вокруг твоей шеи, словно змея. Я это чувствую.

— Я говорил тебе, Оливия, что был выслан сюда ксанджлианским советом. Они не поверили моему рассказу или сделали вид, что не поверили. И вот забросили меня сюда, чтобы избавиться, — убивать не стали, потому что считают себя гуманными. Хотя сделать это им было легко.

— Они под гипнозом уничтожили твою память, а теперь наблюдают, каковы результаты. И когда узнают, что ты водишь знакомство с колдуньей, то не оставят тебя в живых. Не настолько они глупы, Брайан!

— Но ты не колдунья!

— Но меня считают колдуньей. Напрасно ты пришел сюда днем.

— Не все ли равно — днем или ночью, если за мной, как ты говоришь, следят. К тому же они прекрасно знают, что я не поверю их лжи о моем прошлом.

— Как бы то ни было, они снова тебя заберут и попытаются лишить памяти.

— Да, ты права, — согласился я. — Не для того же они переместили меня в этот мир, чтобы я распространял технические знания среди слаборазвитых сапиенсов.

— Куда же отправишься, Брайан?

Я заколебался. Но черт возьми! Оливия была права. Придется к ней обратиться за помощью. И если она задумала меня предать, то улик для этого предостаточно.

— Куда отправлюсь? Конечно же в РИМ!

Глава VIII

Она кивнула:

— Очень хорошо. А в каком состоянии твой бумажник?

— У меня счет в банке...

— Оставь это. Тебе не придется им воспользоваться. Как только ты потребуешь свои деньги, тебя тут же накроют. К счастью, у меня есть некоторый запас золотых наполеондов, они зарыты в саду.

— Я не возьму твоих денег.

— Ерунда. — Оливия махнула рукой. — Они нам обоим понадобятся. Ведь я еду с тобой. Ты забыл?

— Ты не можешь...

— Могу и поеду! — отрезала она. — Приготовься, Брайан, мы едем сегодня ночью!

— Это безумие, — прошептал я. — Тебе незачем вмешиваться...

— Т-сс, — сказала Оливия, стоявшая рядом в плаще с капюшоном. — Он зашевелился. Видишь, вон там? Сейчас постараешься подойти к нам поближе.

Я пристально вгляделся в густую тень и различил мужской силуэт. Мужчина перешел дорогу в сотне ярдов от коттеджа и исчез среди деревьев. Я переминался с ноги на ногу, лицо не-

стерпимо чесалось под гримом, который наложила Оливия, сделав меня морщинистым седьмым стариком. Теперь меня можно было принять за старшего брата матушки. Сама же Оливия приняла облик вульгарной девицы с тройным слоем краски на лице, в рыжем парике и плотно облегавшем ее стройную фигуру фиолетовом платье.

— Он подходит к коттеджу, — прошептала Оливия.

Мы медленно двинулись с места. Когда до конца ограды оставалось около полуметра, я показал Оливии на освещенное окно в доме. На занавесках четко вырисовывалась тень человеческой головы.

Зашуршал гравий, луч фонарика скользнул по мне и остановился на Оливии:

— Эй, женщина, — произнес низкий голос. — Что ты здесь делаешь ночью?

Оливия подбоченилась, тряхнула головой и вызывающе улыбнулась:

— О, капитан, — громко произнесла она, — вы разве не видите, что я провожаю друга на поезд?

— Друга?

Луч задержался на мне и метнулся к пышной груди Оливии.

— Что-то я тебя раньше не видел в деревне, — произнес неизвестный.

Набравшись духу, я выпалил:

— А я путешественник, точнее, турист.

— Значит, путешествуете среди ночи, приятель, ха-ха! Странное развлечение, не находите? Покажите-ка мне ваши документы. И вы тоже, мадам.

— О, — запричитала Оливия, — я так спешила, мсье, что, наверное, я их забыла.

— Куда же вы спешили, позвольте узнать? Может быть, унести подальше награбленное?

— Ничего подобного, капитан. Я честная проститутка, занимаюсь своим делом, да еще приходится помогать этому старому другу, я его единственная опора в жизни.

— Ну, ну, крошка. Не волнуйся, я не стану забирать тебя в участок. Дай только потрогать твои прелести, и я забуду, что видел тебя.

Он потянулся рукой к груди Оливии. Она вскрикнула и отскочила назад. Полицейский наступал. Тогда я, не долго думая, ударил его ребром ладони по шее. Полицейский охнул, выронил фонарик и упал на колени. Попытался подняться на ноги, но я снова нанес ему удар по затылку. Он упал навзничь и потерял сознание.

— Ну как он? — спросила Оливия, когда я, подняв фонарик,

направил луч света на полицейского. Из уголка его рта медленно стекала струйка крови.

— Пару недель придется ему пожить без взяточек, к которым так привык, — усмехнулся я.

Вскоре мы добрались до окраины городка и подошли к станции как раз в тот момент, когда паровоз, пыхтя, подошел к платформе. Проводник указал нам наше купе, и поезд тронулся. В вагоне мы были единственными пассажирами.

— Вот и все, — с облегчением вздохнула Оливия.

— Пока что мы едем в Рим, а не в страну чудес, — засмеялся я. — Кто знает, куда ведет дорога в будущее.

Глава IX

В римской гостинице мы поселились в смежных номерах, где окна выходили на городскую площадь, а днем и ночью звучали возбужденные голоса итальянцев.

Мы сидели у меня в комнате и завтракали пиццей, запивая ее красным вином, доступным местному нищему, таким оно было дешевым.

— Те двое, что меня заинтересовали, родились где-то в Северной Италии около 1850 года, — сказал я Оливии. — В молодости они приехали в Рим, изучили инженерное дело и в 1893 году изобрели средство перемещения по Сети.

— И если Баум (неважно, мужчина это или женщина) родился здесь и в девяностых годах написал в этом мире нечто подобное тому, что было написано в моем, то, может быть, Максони и Копини тоже существовали здесь.

Оливия слушала молча.

— Они, конечно, не смогли усовершенствовать привод МК так, чтобы можно было с его помощью осуществлять полеты по Сети, а если и усовершенствовали, то их тайна умерла вместе с ними. Но, возможно, подошли вплотную к решению этого вопроса. Может быть, даже оставили что-нибудь, что я смог бы использовать для своего возвращения...

— Брайан, — разве ты не говорил мне, что все миры, расположенные вокруг твоей линии 0-0, опустошены и превращены в руины этими же силами? Не опасно ли опять экспериментировать?

— Я неплохой техник и научился разбираться в наших аппаратах, созданных для путешествия по мирам. Мне известны все их недочеты. Максони и Копини не представляли себе, что играют с огнем, и натолкнулись на это силовое поле совершенно случайно.

— Насколько я тебя поняла, почти все вероятностные миры (99%) погибли именно из-за того, что не умели управлять вызванными силами. Верно?

— Верно.

— Но если ты хорошо разбираешься в этих своих аппаратах, зачем тебе Максони и Копини?

— Дело в том, Оливия, что я не могу построить аппарат перемещения по Сети, так как не знаю конструкции основного генератора поля. Это особым образом намотанная катушка, являющаяся сердцем генератора поля. Я никогда не пробовал разобраться в ее устройстве. А если бы здесь оказались Максони и Копини, сделали бы те же случайные открытия, да еще вели записи, и если бы записи еще существовали, и если бы я смог их найти...

Оливия рассмеялась.

— Дай Бог, чтобы все твои “если” сбылись. Тогда нет проблем. Можно рискнуть. Видение изумрудного города все еще влечет меня.

— Давай сначала попытаемся хотя бы найти этих людей. Потом у нас наверняка будет достаточно времени, чтобы разобраться в их биографии.

Час спустя в городском архиве усталый молодой служащий принес мне толстый том, где старомодным почерком были записаны тысячи имен с указанием дат рождения, адресов и дат смерти, не приведи Бог.

— Предупреждаю вас, сеньор, — произнес клерк, — муниципалитет предоставляет вам эти записи, но читать их и разбирать придется вам самому.

— Объясните мне только, как здесь ориентироваться, — тихо попросил я. — Меня интересуют данные о Джузеппе Максони и Карло Копини.

— Да, да, помню. Так вот, перед вами регистрационная книга с именами прибывших в город на жительство за период с 1870 по 1880 год. А теперь извините, я должен вернуться к своим прямым обязанностям.

Я вздохнул и с помощью Оливии принялся за работу.

Минут за двадцать мы просмотрели записи за 1870 год и взялись за 1871-й. Оливия читала быстрее меня, и вскоре раздался ее взволнованный голос:

— Брайан, смотри! Джузеппе Максони, родился в 1847 году, в Палермо.

Я страшно развелся, вчитываясь в эти строки, хотя внутренний голос подсказывал мне, что это, может быть, вовсе

не тот Максони. Если записано около сотни Максони, почему не может быть хоть с десяток Джулио Максони?

Я похвалил Оливию и записал адрес Максони в записную книжку. Поиски Карло Копини пока не увенчались успехом.

Максони жил на улице Карлотти, в доме номер 12, на четвертом этаже. С помощью карты города мы нашли эту улицу, узкую и необычайно грязную. Да, в более чем скромных условиях начинал свою карьеру Максони, если только это был он. Даже сто лет назад это был район нищих.

Войдя в дом номер 12, мы сразу ощутили резкий запах лука, сыра и постного масла.

Одна из дверей открылась, и показалось заплывшее жиром женское лицо оливкового цвета.

— Простите, мадам, — начал я почтительно, — мы иностранцы, впервые приехали в вечный город и хотим найти квартиру, в которой некогда жил один наш покойный родственник, осчастливленный возможностью дышать воздухом солнечной Италии.

У мадам буквально отвисла челюсть, но тотчас широкое лицо расплылось в любезной улыбке.

— Добрый день, сеньор и сеньора, — выпалила она и поинтересовалась, чем может быть полезна столь дорогим гостям.

Я назвал номер комнаты, где около ста лет назад жил Максони, и она, пыхтя и переваливаясь с боку на бок, пошла нас проводить. На лестнице было столько мусора и пыли, что среди них вполне могли сохраниться записи Максони. Когда мы остановились у двери, хозяйка сказала:

— Жилец сейчас на работе.

— Мы можем его подождать, — сказал я, но хозяйка, махнув рукой, перебила меня и пустилась в рассуждения о неблагодарности жильцов. Я прервал ее излияния, вытащив из кармана банкноту в сто лир.

Она впустила нас в комнату:

— Вот!

Это была убогая грязная каморка с кроватью, застеленной грязным одеялом, с разбитым зеркалом, сломанным стулом, столом и целой батареей пустых винных бутылок на окне и на полу.

— Мы хотели бы побывать здесь некоторое время, чтобы пообщаться с духом нашего умершего предка, — сказал я.

Брови мадам поползли вверх:

— Но ведь комната занята!

— Мы ничего не тронем, только посмотрим. Поймите наши чувства, — Оливия всхлипнула.

— Ну ладно, ладно, — мадам выжидающе на меня посмотрела. Я вытащил еще сто лир, и мадам просияла:

— Я понимаю, сеньор, вы и ваша сестра хотите побыть наедине с духом вашего родственника. Еще сто лир — и можете общаться с любым духом, с каким пожелаете.

Я молча протянул деньги, она взяла их и тоже молча пошла прочь.

Дойдя до лестницы, хозяйка обернулась:

— Мне бы не хотелось вас торопить, но постараитесь окончить ваши общения, скажем, часа через два. Жилец часто обедает дома, и вряд ли ему понравится, если он увидит здесь посторонних.

Полчаса спустя, после безуспешных поисков, Оливия, устало опустившись на колченогий табурет, произнесла:

— С самого начала было ясно, что это напрасный труд. Давай уйдем отсюда.

— Мы обыскали все, что на виду, — возразил я, стряхивая пыль с рук, — но ведь могут быть и тайники.

— Пустая трата времени, Брайан. Этот человек был бедным студентом, а не конспиратором. Зачем ему могли понадобиться тайники?

— Не знаю... Ведь бывают мелочи, которые можно просто уронить, потерять... Например лист бумаги вполне мог застрять в ящике стола.

— Где? Мы перерыли все ящики и... — она вдруг остановилась на полуслове.

Мы одновременно посмотрели на радиатор под окном. Отодвинув батарею бутылку и груду окурков и открепив болтающееся на двух ржавых болтах ограждение радиатора, мы увидели использованные билеты, бечевки, шпильки для волос, окурки и листки бумаги.

Оливия, став на колени, выгребла смятые меню какого-то ресторанчика, обрывок пожелтевшего листка с цифрами, конверт с маркой, адресованный некоему Марио Пинотти, две открытки с видами города и совершенно чистый листок.

— Это была хорошая идея, — пожал я плечами, — жаль только, что она не дала нужных результатов. Ты права, Оливия, здесь больше нечего делать.

— Брайан! Посмотри, — Оливия стояла у окна, разглядывая чистый листок бумаги на свету. — Чернила выцвели, но кое-что можно разобрать.

Я взял у нее листок.

Знаки были едва различимы. Я с великим трудом прочел следующее:

“Университет Галилея. Среда. 7 июня...”

- Г-м. Интересно, — заметил я. — Какой же это год?
- Я знаю, как определить дату, — произнесла Оливия. — Минутку...

Она задумалась.

- Да! Это было седьмое июня тысяча восемьсот первого года, среда. Но это может быть и 1899 год, и 1911-й...

- О, это уже что-то! — воскликнул я. — Давай проверим. Университет Галилея? Будем надеяться, что он еще существует.

В университете нас встретил пожилой мужчина с рыжеватыми усами.

- 1871 год. С тех пор прошло столько времени. Многие выдающиеся ученые вышли из стен этого университета.

— Послушайте, сеньор, — прервал я, — мы ведь не просим вас принять нас в университет. Все, что нам нужно, это взглянуть на данные о Джулио Максони. Конечно, если в вашем архиве их нельзя отыскать, вы таки скажите, и я напишу об этом факте в своей статье, которую сейчас готовлю.

— Сеньор журналист? — поинтересовался он, поправил галстук и что-то быстро спрятал в ящик стола, после чего вышел и вскоре опять появился с объемистым томом, похожим на регистрационную книгу муниципалитета. Он водрузил ее на стол и сказал:

— Вы говорите — Максони?.. Какой год? Ага. 1872-й... Так какой Максони вам нужен? Джулио Максони? Тот самый Джулио Максони? — он подозрительно посмотрел на меня.

Я на всякий случай кивнул.

— Так вам нужен Джулио Максони, выдающийся изобретатель? Изобретатель телеграфного ключа, маслобойки и гальванического элемента?

Я улыбнулся с видом ревизора, которому не удалось найти ошибку в отчетах.

— Очень хорошо, — кивнул я. — Вижу, что у вас в университете полный порядок. Позвольте взглянуть.

— Вот, пожалуйста. Его первоначально зачислили в электротехнический колледж. Тогда он был простым писарем из бедной семьи. Здесь он начинал...

Я не слушал его болтовни и перелистывал записи. Здесь тоже был его адрес на улице Карлотти. Во время поступления в университет ему было двадцать четыре года, сообщалось также, что он католик и холост. Увы! Этих сведений было мало...

— Известно ли сеньору, где жил Максони, когда сделал свое знаменитое открытие? — обратился я к служителю.

— Вы шутите, сеньор? Местонахождение Музея известно

даже туристам! — Архивариус как-то странно посмотрел на нас.

— Музей? Какой музей?

— Тот самый, который находится в бывшем доме и лаборатории Джулио Максони. Там же все свидетельства его замечательной карьеры!

— А у вас нет под рукой адреса музея?

Он улыбнулся с выражением превосходства.

— Улица Алланцио, номер двадцать восемь. Любой ребенок покажет вам дорогу.

Мы поблагодарили служителя и пошли на выход.

— Кажется, нам повезло, — сказала Оливия.

— А... какую газету представляет сеньор? — спросил, догоняя, клерк.

Мы остановились, и служитель, запыхавшись, подбежал к нам. Я услышал смешок Оливии. Надо было отвечать не раздумывая.

— Видите ли, приятель, мы представляем лигу умеренности, — начал я импровизировать. — Вопрос о Максони был просто уловкой. На самом деле мы пишем статью под названием “Распитие спиртных напитков на работе, и во что это обходится налогоплательщику”. Вы поняли?

Клерк обалдело кивнул головой и, когда мы вышли на яркий солнечный свет, все еще стоял, хлопая глазами.

Дом Максони был солидным старинным зданием с латунной табличкой, сообщавшей, что Дом-музей-лаборатория изобретателя Джулио Максони открыт с 9.00 до 16.00, а по воскресеньям — с 13.00 до 18.00.

Я позвонил.

Через несколько минут дверь открылась, и оттуда выглянула заспанная женщина.

— Вы что, не видите? Закрыто! Сейчас же убирайтесь!

Я успел вставить ногу в пространство между дверью и косяком.

— Но на табличке написано... — начал я.

— Мало ли что написано. Приходите завтра.

Я засмеялся и налег плечом на дверь. Женщина попыталась мне помешать и уже открыла рот, чтобы сказать что-то явно неприятное.

— Прошу вас, не надо! — остановил я ее. — Графиня не привыкла к образности здешней речи. Представьте, она долго жила на берегу озера Констанс. — Я показал глазами на стоявшую за моей спиной Оливию.

— Графиня? — Женщина изменилась в лице. — О, если бы я знала, что ее милость окажет нам честь своим посещением...

— Страж — дракон у входа! — усмехнулась Оливия. — И

храбрый рыцарь, одним словом уничтоживший дракона.

— Я прибег к маленькой лжи. Теперь ты графиня. Смотри чуть-чуть свысока и снисходительно улыбайся.

Мы прошли по коридору в зал. Просторный, с высокими потолками и матовыми окнами. Вдоль стен тянулись стеллажи, прогнувшись под тяжестью книг.

— Интересно, где же лаборатория? — шепнул я Оливии.

Она пожала плечами и я продолжал осматривать комнату.

На корешке одной из книг было написано: “Эксперименты с попеременными токами высокой частоты”. Автор — Никколо Тесла. Интересно! Я взял книгу и полистал. Сплошная бредятина — одни математические знаки.

Я просмотрел остальные книги. Вряд ли здесь было то, что нам нужно.

Смотрительница вернулась, успев переодеться и нанести косметику на лицо. Она заискивающе посмотрела на Оливию, а та довольно холодно ей улыбнулась. Я подмигнул своей спутнице и обратился к смотрительнице:

— Ее милость хотела бы осмотреть лабораторию великого ученого, где он работал над своими изобретениями.

Смотрительница, стараясь держаться поближе к “графине”, провела нас через сад к лаборатории.

— К сожалению, мастерские еще не полностью отреставрированы, — проговорила она, включив свет.

Здесь лежали под брезентом какие-то предметы, и везде была пыль. И на брезенте, и на окнах, и на полу. Толстый слой пыли.

— Он здесь работал?

— Конечно, но тогда кабинет выглядел совершенно иначе. Не был так захламлен. У нас нет средств, ваша милость, на восстановление лаборатории. Мы даже не можем составить описание предметов и убрать весь этот хлам.

Почти не слушая ее, я старался тайком все внимательно осмотреть. Здесь может оказаться то, что нам так нужно! Например, журнал наблюдений, рабочая модель или еще что-нибудь...

Я приподнял край брезента и увидел неуклюжие, тяжелые трансформаторы, примитивные электронные лампы, мотки проволоки...

Внимание мое привлек массивный объект в центре стола. Я попытался придвинуть его поближе.

— Но, сэр, прошу вас ничего не трогать, — обратилась ко мне смотрительница. — Здесь все осталось в том виде, как было в тот роковой день...

— Извините, но для меня это ненужная куча железа, — безразлично произнес я.

— Да, профессор Максони был человеком эксцентричным.

Он собирал самые разные вещи и пытался приладить их друг к другу. Была у него мечта, и он часто делился своими мыслями с моим покойным отцом...

— Ваш отец работал с Максони?

— А вы не знали? Да, он долгие годы был его ассистентом.

— А не остались ли у вас воспоминания вашего отца о профессоре?

— Нет, мой отец не был склонен писать мемуары. Зато сам профессор аккуратно вел свой дневник. После него осталось пять объемистых томов. Это просто трагедия, что у нас нет средств их опубликовать.

— Средства могут появиться, мадам, — многозначительно произнес я. — Графиня как раз заинтересована в издании подобного рода воспоминаний.

— О, ваша милость, — простонала смотрительница.

— Так что несите эти тома сюда, чтобы графиня могла хотя бы взглянуть на них.

— Они в сейфе, сеньор, у меня, кажется, есть ключ... или был еще в прошлом году.

— Поищите его, милейшая, — попросил я. — А мы подождем здесь, где великий Максони так плодотворно работал.

— Но может быть, лучше вернуться в зал? Здесь так пыльно.

— Нет, нет. Мы подождем вас здесь.

Смотрительница кивнула головой и бросилась вон из лаборатории.

Оливия вопросительно на меня посмотрела — она не знала итальянского, — и я сказал:

— Я отправил ее за дневниками Максони.

— Брайан, что это?

Я снял брезент и среди прочих предметов увидел тяжелое устройство.

— Это, — торжественно произнес я, — та самая катушка, сердце привода МК. Имея ее и дневники Максони, я уж как-нибудь построю шаттл.

Глава X

Мастерская, которую я снял, была двадцать на двадцать футов и в прошлом принадлежала какому-то механику. В углах валялись ржавые детали парового двигателя, болты и гайки, металлическая стружка. Старик, сдавший мне это помещение, ворча выбрал мусор и поставил оббитый металлом стол. Еще за весьма солидную сумму выпросил у смотрительницы на время катушку генератора МК и дневники. Вот и все мое лабораторное оборудование. Для начала не так уж плохо.

Оливия сняла неподалеку комнаты, более дешевые и удобные, чем в гостинице. Там стояла маленькая плита — в целях экономии мы питались дома.

Я прочел все пять дневников профессора, большая их часть была посвящена критике существовавшей тогда политической ситуации — столицу Италии перенесли из Флоренции в Рим, из-за чего мгновенно подскочили цены. Было здесь также множество заметок о магнетизме, электричестве, математические расчеты. Второй том почти весь занимали финансовые расчеты, вызвавшие у меня горячее сочувствие.

Только в последнем журнале я нашел то, что меня интересовало, — намеки на “Большой секрет”. Максони экспериментировал с обмотками, пропуская через них токи различной частоты и силы и пытаясь систематизировать результаты. Знал бы он современную физику, не стал бы этого делать, но неведение делало его настойчивым. Он сам не знал точно, что ищет, и когда нашел — не мог понять, что же это такое. Кроме того, в этом мире не было Копини. Я не знал, какова его роль там, в мире 0-0. Было бы интересно почитать об этом, когда вернусь — если, конечно, вернусь, если будет куда возвращаться...

Вряд ли стоило об этом думать. В последнем журнале содержались скучные фрагментарные сведения о намотке катушек и редкие строчки о странных явлениях, возникающих с помощью тока при использовании некоторых катушек, намотанных определенным образом.

Через неделю я был уже готов к экспериментам. Несмотря на несколько источников электричества, в городе оно было еще не всем доступно в этом мире. Я запасся разнообразными батареями, осциллографами, катушками, конденсаторами, электронными лампами — большими и неуклюжими, размером и формой напоминавшими молочные бутылки родного мира — Земли. Оливия под гипнозом сделала записи всех моих знаний в области технологии производства шаттлов Сети, которые сохранились в моем подсознании, — и это оказалось куда полезней, чем все записи Максони.

Это были чудесные дни. Я рано вставал, после завтрака шел в мастерскую и до обеда работал, занося результаты наблюдений в рабочий журнал, подобно Максони.

К обеду приходила Оливия, похорошевшая и посвежевшая на итальянском солнце. Она приносила корзинку с едой, и мы ели, расположившись за рабочим столом.

Затем — снова работа, прерываемая лишь приветствиями и вежливыми расспросами случайных прохожих, заглядывавших в открытую дверь мастерской.

К концу месяца все считали меня сумасшедшим иностран-

цем, а Оливию колдуньей. Но относились к нам по-прежнему дружелюбно.

В конце рабочего дня я запирал мастерскую, возвращался домой, принимал ванну, и мы с Оливией отправлялись куданибудь ужинать. Вернувшись домой, мы расходились по своим комнатам. Это были странные отношения, хотя в то время они казались нам вполне естественными. Мы были заговорщиками, полудетективами, полуисследователями, изолированные от окружающей среды таинственной сущностью нашего предприятия. Она — в силу свойственного ей романтизма, я — движимый желанием вырваться из этой тюрьмы...

Мои представления о возрасте Оливии постоянно менялись. Сначала, когда я увидел ее без маски матушки Гудвил, мне казалось, что ей лет сорок. В наряде девицы легкого поведения ей можно было бы дать лет тридцать пять. Теперь же, в простой аккуратной одежде, подчеркивающей ее стройную фигуру, она выглядела гораздо моложе — лет на двадцать пять, двадцать семь... От Оливии не ускользнуло, что я ее разглядываю.

— Ты красивая девушка, — сказал я, заметив ее смущение. Зачем тебе было изображать старую ведьму?

— Я ведь тебе говорила зачем. Иначе никто из сельчан не стал бы ко мне обращаться.

— Допустим. А почему ты не замужем? — Я начал было распространяться о том, сколько на свете достойных молодых людей, но, взглянув на выражение ее лица, осекся, а потом быстро проговорил:

— Ну хорошо, хорошо, это меня не касается. Я не хотел тебя обидеть, Оливия, ты же знаешь... — Мы оба умолкли.

* * *

Еще через три недели я накопил значительный объем данных, позволивших начать конструирование наиболее знакомой мне части механизма шаттла.

— Самое главное, — сказал я, — осуществить калибровку катушки — выяснить, какая требуется мощность и какая при этом создается сила тока. После этого останется лишь собрать усилитель и аппарат фокусировки.

— Послушать тебя, Брайан, — заметила Оливия, — так это так просто.

— Это совсем не просто и к тому же не безопасно, — усмехнулся я. — Таким образом я уговариваю себя взяться за это дело. А сделать то, что я задумал, все равно что уравновесить чашку с кофе со струей фонтана, причем у меня сейчас не одна, а около десятка таких чашек... и если я запущу эту штуку на полную

мощность, не умея как следует ею управлять... — тут я развел руками.

— Что тогда?

— Тогда я устрою непредсказуемый, боюсь, необратимый катаклизм — может быть, титанический взрыв, и он будет повторяться неоднократно. Или же произойдет гигантская утечка энергии из нашей Вселенной, представив себе Ниагарский водопад... примерно такая... которая, лишив энергии наш мир, может превратить его в ледяную пустыню...

— Хватит! Я все поняла, Брайан. Ты играешь с огнем!

— Не беспокойся, я ничего не сделаю, пока не буду в себе уверен. Катастрофа, которая привела к возникновению Зоны Опустошения или Трущоб, произошла потому лишь, что Максони и Копини тех, других мировых линий забыли об осторожности, не представляя себе масштабов возможной трагедии.

— Сколько еще времени понадобится тебе на эксперименты?

— Сколько... думаю, еще несколько дней, не больше.

— А если ксанджианцы правы и мир, который ты ищешь, находится совсем в другом месте?

— Тогда я окончу свой путь в Зоне, и ты будешь молиться, чтобы смерть моя была мгновенной, вот и все, — резко ответил я.

Через три дня после разговора мы сидели в кафе и болтали о разных пустяках.

— Теперь уж скоро, — заметил я, не выдержав отчуждения, возникшего между нами. — Корпус ты уже видела. Завтра займусь проводкой пульта управления...

— Смотри, Брайан, — воскликнула вдруг Оливия, схватив меня за руку, — это он!

Я увидел в толпе пешеходов высокую фигуру во всем черном.

— Ты уверена, что это ОН?

— Уверена. То же лицо, борода. Надо быстрее уходить!

Мне удалось уговорить Оливию, что бегство ничего не даст и единственный наш шанс побыстрее закончить работу над шаттлом.

Мы добрались до мастерской, незаметно проскользнули в дверь и начали работать. Каждые полчаса Оливия выходила посмотреть, не появился ли поблизости человек в черном.

Было уже за полночь, когда нам с грехом пополам удалось все наладить. Сооружение выглядело хрупким и ненадежным. Оливия, разглядывая этот псевдошаттл, попыталась было отговорить меня от этой опасной затеи, но через несколько минут

поняла, что я глух к ее уговорам оставаться с ней в этом мире, и буквально на глазах подурнела и постарела.

Тут снаружи раздались шаги, и едва я успел выключить свет, как дверь распахнулась, и на пороге появился наш преследователь.

— Байард! — крикнул он хриплым ксонджелианским голосом.

В темноте я нащупал тяжелый металлический прут, подкрался к нему сбоку и ударил по голове.

Он упал.

Оливия бросилась ко мне, схватила за руку:

— О, боже! Ты ведь убил человека, Байард!

— Перестань, — резко оборвал я ее. — Ты ведь знаешь, что на карту поставлена моя жизнь. Ты что же хотела, чтобы я покинул тебя по милости этих вот? — Я пренебрежительно махнул в сторону лежавшего на полу ксонджелианца. — Раз так, живи как хочешь, а меня забудь! — Я чувствовал, что поступаю как последняя свинья.

— О Байард! Позволь мне последовать за тобой...

— Пойми! Это невозможно! Слишком опасно, и, кроме того... ты вдвое уменьшаешь мои шансы добраться до линии 0-0 из-за повышенного расхода энергии, воздуха... — Я незаметно опустил бумажник в карман ее плаща, зажег свет и отстранил ее от себя.

— Мне пора, дорогая, — я направился к шаттлу.

За спиной послышались сдавленные рыдания женщины, с которой я так много пережил. Я поспешил повернуть выключатель запуска шаттла.

— Отправляйся как можно дальше отсюда, Оливия. Ну хотя бы в Луизиану, и начни все сначала. Прости меня, если можешь. Не думай обо мне плохо. Поверь, иначе я не мог поступить. Прощай.

Передо мной замерцали экраны. Приборы показали, что момент прыжка настал. Я нажал на рычаг управления.

Глава XI

Перемещение в неумело сконструированном шаттле было связано с множеством неприятностей: это и отсутствие карты (не считая смутных воспоминаний о фотодиаграмме, показанной мне на судилище ксонджелианцами), и постоянное искрение проводов, едва не приведшее к пожару в кабине. И нарушения в показаниях приборов, и опасность задохнуться без кислорода.

И вот после сорока минут этого немыслимого полета я оказался в совершенно незнакомой мне части Зоны Опусто-

шения и понял, что сбился с пути. Охваченный отчаянием, я остро ощутил разлуку с Оливией, подумав о том, какую прекрасную мы могли бы с ней прожить жизнь. Но у меня не было выбора, точнее, права на выбор...

Уже час мой шаттл двигался вспелую. Кабина постепенно наполнялась дымом. Становилось все труднее дышать. С приборами уже невозможно было работать. Я лег на пол, пытаясь вдохнуть хоть немного чистого воздуха. Нестерпимо мучил кашель, голова гудела, как изношенный трансформатор, сквозь пелену на глазах я с трудом различал через иллюминатор быстро меняющийся пейзаж Зоны.

Вдруг мне показалось, что на общем серо-черном фоне мелькнула зелень. Через мгновение я понял, что зрение не обмануло меня. Растительность становилась все гуще, постепенно превращаясь в настоящие джунгли.

Видимо, шаттл вновь оказался на краю Зоны Опустошения.

Собрав последние силы, задыхаясь от кашля, я встал и дотянулся до рычага управления. У меня был единственный выход: посадить шаттл в этом совершенно незнакомом мне мире, попробовать починить приборы и сделать еще одну попытку. В противном случае я просто-напросто задохнусь.

Когда в сумерках я пришел в себя, то увидел, что лежу в лесу на полянке, а останки шаттла, застрявшие в развилке большого дерева, горят, и от них валит густой дым.

Напрасно пытался я погасить пожар, надеясь спасти основную обмотку. Вскоре огонь охватил соседние деревья. К счастью, пошел дождь и потушил пожар. Разгребая золу, я с горечью рассматривал куски обгоревшего металла.

Наступила ночь, и я погрузился в беспокойный сон, укрывшись в развилке раскидистого дерева.

Придя утром на пожарище и еще раз осмотрев то, что осталось от шаттла, я потерял последнюю надежду на возвращение домой.

Следующие несколько дней и ночей я провел, как современный человек, внезапно оказавшийся в каменном веке. Измучился в поисках чего-либо пригодного для изготовления примитивного оружия и инструментов, пытался добыть огонь и пищу, чтобы утолить голод.

Первую ночь я почти не спал и решил сплести что-то вроде гамака, благо длинных и прочных лиан тут было предостаточно.

И вот, на второй день моего пребывания в этом мире, закинув за спину гамак, я двинулся в путь. Оставаться на месте, сетя на свою несчастную судьбу, не имело смысла. Впереди лежала

совершенно незнакомая страна, в которой мне предстояло пройти оставшуюся жизнь.

Продираясь сквозь заросли лиан и низкорослого кустарника, пытаясь в основном незнакомыми ягодами и плодами, рискуя отравиться, я на третий день вышел к реке, за которой расстилалась похожая на саванну равнина, где бродили несметные стада животных, похожих на наших земных антилоп, только значительно меньше.

Переправившись на другой берег, я попытался было убить какое-нибудь животное, но усилия мои оказались тщетны. При моем приближении животные обращались в бегство, и я, совершенно обессилен, опустился на траву, с ужасом размыслия о том, что моя жизнь закончится в одиночестве, но произойдет это еще не скоро.

Перебрав в памяти все не использованные мною возможности, я решил все же вернуться к шаттлу, лелея слабую надежду, что, может быть, удастся использовать металлические детали хотя бы для изготовления наконечников для копий.

Велико же было мое удивление и страх, когда, подобно Робинзону Крузо, я обнаружил неподалеку от места "посадки" следы, очень похожие на человеческие, только чуть меньше. После некоторого раздумья я решил напасть первым, для чего вырыл яму, забросал ветвями и затаился в зарослях.

Существо шло по моим следам и, значит, скоро непременно будет здесь.

После долгого ожидания-полудремы, я услышал наконец треск ломавшихся веток и чей-то вопль.

И когда с копьем в руке подбежал к яме, то не поверил своим глазам — внизу барабанялся и страшно ругался... Дзок.

— Послушайте, Байард, — морщась от боли, воскликнул полевой агент. — Ну и задали же вы мне работенку бегать за вами.

Глава XII

Дзок угостил меня напитком, по вкусу напоминавшим кофе, и долго рассказывал о том, что случилось после того памятного заседания Совета. Радуясь, что меня оставили в живых, Дзок вместе с группой ученых отправился в ту же временную линию, в которую сослали меня. Оказывается, человек в черном, которого Оливия приняла за шпиона, был не кто иной, как Дзок, вынужденный соблюдать конспирацию, чтобы не привлечь своей странной внешностью внимание жителей деревни. Наш неожиданный отъезд сбил Дзока со следа. И ему пришлось снова

возвратиться в Ксонджил, выяснить наше новое местонахождение и последовать за нами в Рим. Теперь мне стало ясно, что неизвестный человек, проникший в мастерскую перед самым моим стартом, был тоже Дзок. Он не успел назвать себя и получил отличный удар по голове, надолго выведший его из строя.

Обнаружить меня в этом районе Сети Дзоку помогла “колея”, которую пропахал во временной канве Сети мой шаттл.

Выслушав Дзока, я не без иронии поинтересовался:

— Вы прибыли сюда возместить мне моральный и материальный ущерб, Дзок?

Агент оскалил зубы, что означало у его расы улыбку, и покачал головой:

— Я прибыл сюда, старина, чтобы помочь вам. Кажется, я знаю, как вас вернуть домой.

— Но почему “кажется”?

— Видите ли, Байард, — ответил Дзок, — повторная фотодиаграмма со всей очевидностью доказала, что линии вашего мира в природе нет, хотя несколько дней назад она еще существовала.

Я изумленно уставился на агента, а потом наконец сказал:

— Что значит несколько дней назад? Куда же делся мой мир?

— По нашим наблюдениям, старина, ваш мир 0-0 около месяца назад был уничтожен хегрунами. Теперь всем понятно, что они делали в вашем нелепом времени! Наше предположение о нападении этих негодяев подтвердилось.

— Но как могли они уничтожить целый мир? — с трудом вымолвил я.

— Для этой цели существует специальный прибор, так называемый прерыватель. Этот прибор они наверняка украли у нас, ибо сами вряд ли смогли бы его сконструировать. Этот прерыватель может...

— Постой-ка, Дзок, — перебил я агента. Мой мозг лихорадочно работал. — Если бы для меня все было потеряно, вы вряд ли, рискуя собой, старались бы отыскать какого-то безволосого сапиенса.

Дзок ухмыльнулся.

— Все правильно, старина. У вас есть единственная возможность, единственный шанс. Дело в том, что мой друг создал одно устройство, и с его помощью вас, пожалуй, можно спасти. Появилась возможность перемещаться по Сети не только в определенных направлениях, а путешествовать как бы во Времени. То есть вы, Байард, можете попасть в свой мир еще до того, как тот был уничтожен хегрунами.

— Но где же этот аппарат? Как его достать?

— Вот зачем, старина, я и прибыл сюда! — Дзок встал, прошел в грузовой отсек своего шаттла и вынес комбинезон из легчайшей черной ткани.

— Сюда, — Дзок указал на спину комбинезона, — встроен генератор поля новой конструкции, весом всего несколько унций. В этом костюме-скафандре можно перемещаться по Сети без всякого шаттла.

— Я натянул на себя костюм, и Дзок начал инструктаж. Он объяснил, что перемещаться в костюме можно не больше двадцати трех дней. А поскольку линия 0-0 была уничтожена двадцать один день назад, то у меня оставалось два дня, чтобы предупредить власти Империума о грозящей опасности, предотвратить нападение хегрунов.

Я не представлял себе, как воспримут мое предупреждение власти Империума, особенно если учесть последние разговоры и встречи с руководством, включая и моего ближайшего друга. Неизвестно, станут ли меня вообще слушать. А уж о том, что меры будут незамедлительно приняты, и говорить нечего. Но не о том сейчас речь. Главное — благополучно добраться до Дома. А там видно будет.

Дзок объяснил, как пользоваться кнопками костюма, и предупредил об ощущениях во время перемещения по Сети. Воздействие силы тяжести ощущаться не будет, но инерция сохранится.

— Ну вот и все, — наконец сказал он. — Удачи, старина! Поверьте, мне очень жаль, что наш Совет так обошелся с вами. Будем надеяться, что дни добрых взаимоотношений между нашими расами впереди. Счастливо вам.

Я со слезами на глазах обнял этого славного парня, пожал ему руку и отправился в неизвестность.

Глава XIII

Это было долгое и утомительное путешествие. Путешествие через вероятностные миры, во время которого моему взору открывались то бесплодные пустыни Зоны Опустошения, то джунгли менее пострадавших районов. Но вот однажды передо мной мелькнуло что-то совершенно непохожее на этот однообразный ландшафт. Какой-то город, с низкими одноэтажными домами, скорее напоминавшими сараи, сложенными из черного камня, каждый длиной около ста метров, и низкое серое небо, все в грозовых тучах. Это длилось всего десять — пятнадцать секунд, а потом снова потянулась выжженная пустыня. Что это

было? Не знаю. По крайней мере, сооружения эти по своей архитектуре не соответствовали культуре ни одной из известных картографам Империума разумных рас.

Следуя курсу, установленному Дзоком на автопилоте, я через четыре часа оказался у цели — в районе Стокгольма. И поскольку было бы неразумно появиться на оживленных улицах столицы, я выбрал место посадки в нескольких километрах от города. После того как вызванные внезапной потерей скорости темные круги в глазах исчезли, я обнаружил, что нахожусь на заросшей травой равнине, залитой солнцем, и вдохнул воздух родины — двадцать два дня назад.

Невдалеке виднелась дорога, и я направился к ней. По моим подсчетам, до Стокгольма было от силы с десяток километров. Я решил пройтись пешком, наслаждаясь тем, что живой и снова дома. Надо было, конечно, спешить, но час-другой пока ничего не решал.

Минут через сорок меня догнала повозка, запряженная лошадью, и я попросил меня подвезти. От рекомендовался начинаяющим парашютистом и сказал, что меня отнесло ветром далеко от места приземления. Всю дорогу возница распространялся о том, насколько пустое и опасное занятие — прыгать с парашютом и что он ни за что, даже в случае крайней нужды, не пошел бы на такой сумасшедший риск. Я молчал, наслаждаясь тем, что я опять дома.

Вскоре показалась деревушка Инельсон, и, когда мы проезжали мимо почты, я соскочил с повозки, попрощался с возницей и, толкнув дверь, оказался в полутемном помещении Государственной почтовой службы Империума. За столиком с телефоном сидел человек и выжижательно смотрел на меня.

— Извините, пожалуйста, сэр, мне срочно необходимо связаться со службой Безопасности Империума, вот по этому телефону. И я, отчеканивая цифры, продиктовал:

— 124-72-ЦБ.

Человек кивнул, протянул руку к телефону и вдруг спросил:

— А кто вы такой, сэр?

— Полковник Байард, милейший, — отрезал я.

— Сейчас, сейчас, — засуетился почтовый служитель и стал набирать нужный номер.

Связи не было. В ожидании разговора с бароном Рихтгофеном я случайно взглянул на календарь, висевший на стене, и холодный пот выступил у меня на лбу.

Дзок ошибся в расчетах, ошибся на один день — таким образом, до катастрофы, нависшей над Империумом, осталось всего несколько часов.

Я вскочил со своего места, бросился к чиновнику и стал как сумасшедший вырывать у него трубку, будто это могло помочь делу.

Внезапно входная дверь с шумом распахнулась — и в помещение с важным видом вошел невысокого роста полный мужчина. Он был в мундире почтового ведомства Империума, на рукаве блестели лейтенантские шевроны. Он внимательно посмотрел на меня и служителя, замерших от неожиданности, и стал с любопытством разглядывать мой комбинезон, после чего обратился к служителю:

— Кто этот человек? Что ему нужно?

Не дав служащему рта раскрыть, я выпалил:

— Я полковник разведслужбы Байард, лейтенант. Имею важное сообщение для барона фон Рихтгофена. Дело касается жизни и смерти государства.

— Ваши документы, полковник! — потребовал мужчина, судя по всему, начальник почты.

— Видите ли, лейтенант... я выполнял важное государственное задание и потому не брал с собой никаких документов, удостоверяющих личность, — стал я объяснять. — Но чтобы окончательно развеять ваши сомнения, вот вам номер моего домашнего телефона — 127-17-ЦО. Вы можете сейчас же позвонить, и вам скажут, кто я такой. Кроме того, лейтенант, разве в ваши обязанности входит проверять документы посетителей почты?

Начальник побагровел, выпучил глаза, стал открывать и закрывать рот, словно рыба, вытащенная из воды. Так ничего и не сказал.

Я спокойно наблюдал за происходящим.

Наконец лейтенант справился с собой и хриплым голосом произнес:

— Хорошо. Сейчас позвоним вам домой, полковник.

Он прошелся к двери с табличкой: “Начальник почты”, а через несколько минут распахнулась входная дверь — на пороге появились двое полицейских и уставились на меня.

В тот же момент начальник почты выскочил из своего кабинета и, тыча в меня пальцем, закричал:

— Арестуйте его! Это шпион!

Один полицейский подскочил ко мне, скомандовал: “Руки вверх!” — и начал обыскивать, другой — с пистолетом в руке стоял наготове.

— В чем дело, господа? Это какое-то недоразумение! — удивился я.

— Что? Недоразумение? — толстяк рассмеялся. — Ну и шутник же вы!

— Что вас так рассмешило, лейтенант? — недоумевал я. — Вы, может быть, мне объясните, что тут за цирк. Вы звонили ко мне домой?

— В том-то и дело, что звонил, — торжественно заявил начальник почты. — А мне ответили, что господин полковник как раз сейчас изволит обедать!

Глава XIV

Камера, в которую меня поместили, по стандартам хегрунов наверняка считалась бы “люксом”, но это не помешало мне без конца колотить по тяжелой, обитой железом двери, требуя, чтобы меня немедленно препроводили к начальнику полиции.

У меня был с собой мой маленький пистолет (Дзок отдал его, повстречав меня в джунглях). По крайней мере, я мог пустить его в ход, но ситуация пока этого не требовала. У меня в запасе было еще несколько часов.

Мою просьбу все же удовлетворили, начальник полиции вежливо выслушал меня и обещал тут же соединиться со штабом ближайшей войсковой части.

Уже стемнело, когда дверь открылась, и на пороге показался знакомый мне агент, раза два мы с ним встречались на службе.

Я напомнил ему, что мы знакомы, только я забыл его фамилию.

Офицер повернулся к полицейским чинам, стоявшим у двери, и произнес:

— Этот человек и в самом деле очень похож на полковника Байарда. Но могу поклясться, что настоящий полковник сейчас у себя дома. А потому совершенно бессмысленно вести с этим самозванцем какие-либо переговоры. Впрочем...

Офицер еще раз внимательно на меня посмотрел.

— Если вас не затруднит, “полковник”, — он сделал на этом слове ударение, — я хотел бы услышать историю, которую вы собирались рассказать барону Рихтгофену.

Терять мне было нечего, и, попросив разрешения сесть, я стал рассказывать, надеясь, что на сей раз мне поверят...

Но этого не случилось.

Офицер внимательно меня выслушал и собрался уходить.

В отчаянии я схватил его за руку и закричал:

— Неужели вы мне не верите? Как вас убедить? Взгляните на этот костюм, может быть, он заставит вас призадуматься?

Офицер повернулся и, вероятно, только сейчас внимательно разглядел мой комбинезон.

— Давайте его сюда, приятель. Это то, что нам нужно. Если вы говорите правду, не знаю, как мы выкарабкаемся.

* * *

После ухода офицера я еще с полчаса нервно ходил из угла в угол, изнывая от неопределенности.

Наконец дверь открылась, и я увидел маленького человечка в очках с толстыми стеклами. Он назывался профессором Рингвистом и сообщил, что внимательно ознакомился с конструкцией моего костюма-скафандря, и хотя находит его довольно забавным, но абсолютно бессмысленным с научной точки зрения. Я попытался втолковать профессору, что он не прав, что костюм действует. Что механизмы и приборы комбинезона неразрывно связаны с семантическими особенностями организма, а поэтому в чужих руках абсолютно инертны...

Мою тираду прервал вопль сирены. В коридоре послышался топот шагов, слова команды, возбужденные голоса, и через мгновение в дверях появился уже знакомый мне офицер в сопровождении полицейского.

— А ну, приятель, выкладывай все начистоту! — закричал он, наставив на меня пистолет. — По законам военного времени я могу расстрелять тебя на месте.

— Какого, черт возьми, военного времени?! — в свою очередь закричал я, предчувствуя недобroe.

— Стокгольм атакован неизвестным противником, применившим газовую атаку.

* * *

Близилась полночь. Офицер, который представился капитаном Бурманом, запер дверь камеры, приказав никому к ней не приближаться. А мне объяснил, что кричать бесполезно, все равно никто не откликнется.

Вскоре капитан снова появился, а с ним — двое в штатском.

— Повторите все, что вы мне рассказали, приятель, — потребовал Бурман и обратился к своим сопровождающим: — Выслушайте его внимательно, господа. Это довольно интересно.

Они сели на скамейку, а я так и остался стоять. Времени для размышлений не оставалось. На столицу Империума, несомненно, напали хегруны.

Я вытащил пистолет, направил на сидящих и заявил:

— Очень сожалею, господа, что должен прибегнуть к силе,

но мне надо срочно связаться со Стокгольмом. Дело не терпит отлагательства. Взгляните повнимательней на этот пистолет, и вы убедитесь, что он того самого образца, который выдается лишь избранным офицерам надзора Сети! Вдумайтесь хорошенько в происходящее, господа! Я ничего особенного не прошу — только связать меня со штабом.

Лица этих двоих оставались бесстрастными, несмотря на направленный на них пистолет.

Бурман очень спокойно произнес:

— Перестаньте валять дурака, приятель. И рассказывайте свою историю. А начнете стрелять, живым отсюда не выберетесь. Кстати, мы пытались связаться с бароном Рихтгофеном, но это не удалось. Связи нет, а посыльный до сих пор не вернулся. Помолчав, он продолжал:

— Стокгольм захвачен противником. Пришельцы в скакфандрах предприняли газовую атаку и без труда захватили столицу...

— А что с людьми?

Бурман печально посмотрел мне в глаза и пожал плечами:

— Как вы думаете, что случается с людьми во время газовой атаки? По данным разведки, все погибли — и император с семьей, и правительство.

* * *

В это время в коридоре снова послышался грохот, топот ног, выстрелы. И наконец чей-то крик:

— Обезьяна!

Я навел пистолет на дверь, уже прогнувшуюся под тяжелыми ударами, намереваясь выстрелить в первого же хегруна, который появится на пороге. Дверь вывалилась, и в проеме показалась фигура, одетая во все белое.

Я осталенел, а потом с радостным криком бросился вперед. Передо мной стоял, скаля зубы, Дзок!

Он явился, чтобы помочь мне!!!

Через минуту я вкратце обрисовал ему ситуацию. Агент сокрушенно качал головой. Когда я закончил, заговорил Дзок.

Как оказалось, он был с весьма деликатной миссией в одной из линий вероятности и по возвращении в столицу Администрации Зай с удивлением обнаружил, что попытка хегрунов захватить его мир увенчалась успехом. Власти ксонджелианцев парализованы, и об отпоре захватчикам не могло быть и речи. Дзоку со своим отрядом пришлось отступить, и он решил отправиться вслед за мной — в надежде получить помощь у властей Империума.

Обнаружив, что здесь на помошь рассчитывать не приходится, он совсем было пал духом, но я подбодрил его и уговорил присоединиться к нам, поскольку наша победа давала и ему шанс на успех.

После десятиминутной беседы мы (вместе с Дзоком, капитаном Бурманом и двумя штатскими, которые, кстати, оказались учеными-физиками) разработали план действий. Не самый лучший, конечно, но все же план. Согласно ему, я должен был снова надеть свой костюм-скафандр, после того как Дзок его усовершенствует, пробраться в город и перенестись в то любопытное временное состояние, которое ксанджилианцы называли “обратной стороной времени”.

Глава XV

И вот я снова на улицах Стокгольма. Все предметы окружены каким-то странным ореолом. В городе ни души, как в тот памятный день встречи со светящимся человеком в подвале службы безопасности Империума.

Но тогда, кажется, часы показывали 12.05, а сейчас — 12.25, и уже нельзя помешать этому странному человеку совершить то, что он совершил. Но еще можно определить местонахождение хегрунов, выяснить, где находится установка разрыва непрерывности пространства, и благополучно вернуться...

Странное это состояние — НУЛЕВОЕ ВРЕМЯ!

Позади следов не остается, зато впереди — целая цепочка. Часы на церковной башне показывали 12.01 — время двигалось в обратном направлении.

Усовершенствование моего комбинезона достигло нужного эффекта. Уже через секунду я осмыслил происходящее. То, что я нахожусь в нулевом времени, показывало это странное свечение. Однако мы упустили из виду предыдущую регулировку костюма! Регулировку, направленную на перемещение назад во времени!

Неподалеку от меня появилась фигура, двигающаяся мне навстречу задом наперед — словно кинопленку крутили в обратном направлении. Я прижался к стене и замер, узнав в неизвестном хегруна. Вытащил пистолет и приготовился к бою, но хегрун прошел мимо, даже не повернувшись в мою сторону. Это уже было интересно! Я решил немного поэкспериментировать и, когда появился еще один хегрун, направил на него пистолет, сделав шаг навстречу. Никакой реакции!!! Значит, я стал невидимкой для захватчиков, в то время как сам их отлично видел.

Очевидно, это был один из эффектов пребывания в нулевом времени. А может быть, причина в том, что я нахожусь сейчас в обратном времени?

Этого я не знал, но такой эффект, несомненно, давал мне значительные преимущества.

* * *

Уже более получаса я шел по следу хегрунов. Сначала попадались хегруны-одиночки, потом целые группы. Затем появилась колонна из двадцати — тридцати людей-обезьян, и все они двигались задом наперед, направляясь в сторону вокзала Сети, из района расположения штаба разведслужбы Империума.

Я пересек Северный мост, двигаясь сквозь толпы хегрунов, заполнивших все дороги. Теперь я уже вернулся на три четверти часа назад во времени с момента своего старта. Неизвестно, сколько прошло времени в линии 0-0 Империума.

В вестибюле с высоким потолком, который я покинул всего несколько недель назад, тоже было множество хегрунов. Усиленно жестикулируя, они разговаривали друг с другом. Движимый любопытством, я смело стал пробираться через толпу, чтобы выяснить, откуда взялись все эти хегруны.

Свернув в коридор, я подошел к маленькой двери с табличкой: "Служебная лестница". Из нее-то и выходили непрерывным потоком толпы хегрунов. Выходили задом наперед. В эту же дверь я вошел тогда, преследуя огненного человека.

Поток хегрунов постепенно иссякал. Я стал в стороне и с удивлением следил за этим удивительным зрелищем. Все хегруны, которых я встретил за время своего пребывания в нулевом времени, исчезали (а может, появлялись?) в той маленькой комнатке за дверью. Этого не могло быть, если только... если только там не установили устройство, позволяющее переходить из нулевого времени в нормальную временную последовательность.

Когда вышли из комнаты два последних хегруна, я последовал за ними и остановился, пораженный.

Мерцающий диск футов десять в диаметре свободно парил в воздухе в нескольких дюймах от пола.

Один из хегрунов спиной подошел к нему, слегка пригнулся и исчез... Исчез, как исчезает заяц в цилиндре фокусника.

Второй хегрун сказал что-то в маленький микрофон у него на шее и через мгновение тоже исчез.

Это было истинным чудом, в сравнении с которым все наши шаттлы и прочее казались детскими игрушками.

Я расслабился на секунду, чтобы собраться с мыслями, проанализировать увиденное и попытаться понять смысл действий хегрунов.

Постепенно картина происходящего стала проясняться. Поскольку я находился в обратном потоке времени, то видел заключительные факты трагедии, разыгравшейся в моем мире.

Очевидно, хегруны, сделав переброску в нулевое время посредством механизма-диска, вышли в обычное время и предприняли газовую атаку, захватив таким образом спящий город. Спрятав прерыватель непрерывности, они воспользовались опять-таки диском, перенеслись в нулевое время и отправились на вокзал Сети, чтобы вернуться к себе домой... Некоторые детали были пока недостаточно ясны, и пора было перестать удивляться и заняться диском. С его помощью хегруны установили прерыватель времени, а вот где он, этот прерыватель, можно было узнать, лишь последовав за ними.

* * *

Я сразу ощутил, что нахожусь в нормальном времени. В каком-то коридоре, наполненном светом люминисцентных ламп. Призрачного мертвенно мерцания нулевого времени не осталось и в помине. Я продолжал находиться в обратном времени — как еще можно было объяснить то, что я остался невидимым?

Среди множества хегрунов я узнал того, что последовал из нулевого времени самым последним, но тогда он был первым, посланным на разведку.

Шесть недель назад — а может быть, сегодня ночью (и тот, и другой взгляд на эти вещи был одинаково справедлив) — я видел, как они садились в свои шаттлы, чтобы вернуться в свою линию мира после завершения чудовищной миссии. Но сейчас я видел это в обратном направлении, видел, как они, полные решимости, готовились предпринять газовую атаку на спящий город.

Я снова и снова перебрал в памяти все события, но так и не понял, зачем им понадобилась газовая атака, если город обречен погибнуть вместе со всей планетой?

Но через мгновение и это стало понятно. Хегрунам понадобилось спокойное место для механизма разрыва непрерывности времени, пока они не уничтожат линии мира 0-0.

Необходимо как можно быстрее найти эту адскую машину (взрыва я не опасался), иначе ее унесут — я уже свыкся с мыслью, что живу в “обратной стороне времени”.

* * *

Я осмотрелся — хегруны в беспорядке двигались по коридору, подгоняемые офицерами. Внезапно я заметил хегруна без шлема, который в сопровождении нескольких солдат вышел из какой-то двери, пошел по проходу, в стороне от меня.

Ему почтительно уступали дорогу.

Недолго думая, я подошел к двери, из которой он вышел, толкнул ее и оказался в небольшом помещении. Здесь четверо хегрунов склонились над треногой, на которой стояло какое-то массивное устройство.

“Это и есть механизм разрыва непрерывности времени”, — решил я не колеблясь.

Я подбежал к треноге, снял конструкцию прерывателя и прижал к себе, ощущая всем телом тиканье таймера внутри.

Выбежав из комнаты, я устремился по коридору, прошел через мерцающий диск и помчался по улицам нулевого Стокгольма к вокзалу Сети.

Минут через двадцать я был у цели, надеясь, что мой костюм защитит меня от газа. Так, во всяком случае, говорил Дзок.

Достигнув ангаров, я проник внутрь и подошел к уже знакомому мне шаттлу, стоявшему последним в ряду машин. Я знал, что этот аппарат имеет автоматически запрограммированное устройство, позволяющее вернуться на линию мира хегрунов. И потому, открыв дверцу машины, поставил механизм прерывателя на пол, посмотрел на часы и облегченно вздохнул.

Дзок мне сказал, что, согласно расчетам, механизм разрыва непрерывности был приведен в действие около двух часов ночи. Именно в это время наш мир 0-0, по данным картографической службы Администрации ксонджелианцев, перестал существовать.

Сейчас было 19 часов 45 минут. Поскольку перемещение из мира Империума в линию хегрунов заняло у меня около трех часов, следовало подождать еще минут десять, прежде чем отправить этот шаттл, с его смертоносным грузом, в последний полет.

Я присоединил к рычагу управления кусок веревки, которую нашел на пути сюда, прикрыл дверцу машины, протянул веревку до ближайшего укрытия и стал ждать...

Прошло семь минут... восемь...

И вот, с силой дернув за провод, я услыхал слабый гул и увидел, как задрожал шаттл, как на мгновение стал прозрачным. Но через секунду он приобрел свои прежние вещественные очертания. Непосвященный мог подумать, что произошла не-предвиденная поломка, но я-то хорошо знал, что все идет как надо. Шаттл был уже в полете, а передо мной находилась его производная реальность.

Глава XVI

Оказавшись на улице, я снова направился в штаб разведки Империума.

Одна мысль не давала покоя: как бы не ошибиться в своих действиях! Ведь это могло привести к гибели целой Вселенной!

Необходимо было срочно отыскать устройство, посредством которого хегруны проникли в нулевое время Империума. Дзок сказал, что прибор надо искать в нормальном времени линии 0-0 Империума. "Вот еще одна причина для газовой атаки", — отметил я про себя, продолжая двигаться сквозь мерцающий свет нулевого времени.

В дверях штаба, в силу обратного течения времени, исчезали последние хегруны. Когда не осталось ни одного, я, следуя инструкциям Дзока, одну за другой нажал кнопки на своем комбинезоне-скафандре, чтобы возвратиться в обычное время. Ощущив головокружение — верный признак того, что произошел временной скачок, — я крадучись вошел в вестибюль. Дзок утверждал, что первые лазутчики хегрунов установили механизмы нулевого времени где-то в подвалах штаба, обеспечив тем самым начало операции по захвату и уничтожению нашей Вселенной.

В штабе стояла тишина. Согласно плану, я должен был, пользуясь индикатором "ноль-времени" (на левом рукаве моего комбинезона), определить местонахождение установки хегрунов, но не забывать, что где-то в здании скрываются вражеские лазутчики. Вдруг я с удивлением обнаружил мерцающий ореол вокруг всех предметов — верный признак того, что я все еще в нулевом времени!

Это было настолько неожиданно для меня, что едва не повергло в отчаяние. С временными проблемами я до сих пор не сталкивался и несколько минут не мог прийти в себя.

То ли мой костюм не сработал (но я ведь явственно ощущал переход!!!), то ли произошло что-то мне неведомое. Может быть,

я нахожусь сейчас в нулевом времени, созданном самой установкой хегрунов? Но смогу ли я ее отыскать?

Через полчаса безуспешных поисков я, совершенно измученный, сидел в одной из комнат подвала, обдумывая дальнейший ход действий.

И тут в голову мне пришла одна мысль: пойти в помещение, где я недавно похитил хегрунский "прерыватель пространства".

Через несколько минут я уже был там и в углу, за каким-то ящиком, покрытым брезентом, обнаружил то, что искал, — маленький металлический ящичек — механизм нулевого времени хегрунов. Он тихо гудел, ожидая хозяев, которые вот-вот появятся и унесут его с собой.

Я взял отвертку, осторожно открыл ящичек, увидел знакомые схемы и детали и вскоре обнаружил то, что является главным в моем костюме. И у меня тут же возникла идея, правда несколько фантастическая, поскольку для осуществления ее могло не хватить знаний, но надежду она все же давала.

Минут двадцать спустя я все же добился, чего хотел: поменял в механизме контакты, как это сделал с моим костюмом Дзок. И теперь механизм мог устанавливать связь не с настоящим временным уровнем, а с уровнем будущего — примерно через одну-две недели. Имея в запасе время, я надеялся убедить разведку Империума в том, что я не маньяк, имеющий сходство с полковником Байардом, а настоящий, вернее, второе его "я" и что выводы мои правильны.

В тот момент, когда я снял крышку прибора, у меня появилась некоторая уверенность, слабый проблеск надежды, что, вернувшись в прошлое до начала нападения хегрунов, я смогу изменить ход событий.

А теперь пора было уходить. Я переключил управление костюма в надежде вновь оказаться в реальном времени, поднялся по лестнице в коридор первого этажа и, к своей радости, увидел знакомых людей из разведки. Я с трудом подавил в себе желание окликнуть их (ведь я жил еще в обратном времени, и они все равно не услышали бы меня!)

Переключить управление костюма на нормальный прямой ход времени было недостаточно, чтобы люди с распостертыми объятиями бросились мне на грудь. Ведь в прямом времени уже существовал один Байард — шестинедельной давности, который именно сейчас на своей вилле обедал. Кроме того, появившись здесь в этом странном одеянии, грязный и заросший щетиной, новый Байард вряд ли вызвал бы к себе доверие и расположение.

Но я надеялся на лучшее. Вошел в один из пустующих кабинетов и, не подумав о возможной ошибке в расчетах при ре-

гулировке, отключил питание комбинезона и откинул шлем.

Сначала все, казалось, шло нормально. Но когда я взял со стола нож для разрезания бумаги, то с удивлением обнаружил, что он по-прежнему лежит на столе. Опять что-то не так! Через мгновение нож со стола все же исчез, и тут я понял, что, хотя питание костюма отключено, я продолжаю жить в обратном времени. Зашелкнув шлем, я снова стал манипулировать контактами комбинезона, жалея, что в спешке не записал инструкции Дзока по регулировке времени.

И вдруг произошло что-то ужасное. Тошноты и головокружения, что бывает при переходе из одного времени в другое, я не почувствовал, но появился страшный шум в ушах и тяжесть в ногах, а воздух показался плотным, как вода.

Мой костюм стал на глазах покрываться льдом, а сам я постепенно превращался в ледяной столб, вмерзший в пол. Теперь я начал кое-что понимать.

Регулируя механизм костюма, я восстановил нормальное направление во временной прогрессии, изменив, однако, при этом уровень энтропии в сторону уменьшения.

Попытавшись оторвать ногу от пола, я потерял равновесие и упал. Мой ледяной панцирь раскололся, и я смог закоченевшими пальцами произвести манипуляцию с кнопками управления.

Лед растаял, осталось только облачко пара и капельки воды.

Я попытался отрегулировать механизм энтропии, но с ужасом обнаружил, что фиксатор управления не работает.

А тем временем уровень энтропии постепенно повышался. Мое тело (вернее, костюм) разогрелось настолько, что краска на полу вздулась в том месте, где находились мои ноги.

Я толкнул дверь в коридор — и в ужасе отпрянул. Передо мной стоял хегрун. Очевидно, это был разведчик, посланный для проведения рекогносцировки. Времени для размышлений не было — огромный хегрун лез вперед, явно собираясь поиграть со мной. Я успел подумать, что все же оказался прав. Пришелец в прошлое может изменить уже виденное будущее, уничтожив его!

Стычка с хегруном была короткой. Получив страшные ожоги груди и живота (после объятий со мной), хегрун бежал, воя от боли.

Я огляделся. Следы на полу от моих ног дымились.

Жара, усталость, голод, жажда (сорок семь часов без сна и отдыха!) сделали свое дело. Мысли путались, я не мог сосредоточиться. Собрав последние силы, двинулся вперед, спотыкаясь и падая.

Я должен предупредить! ДОЛЖЕН!!!

Снова на пути возник хегрун.

Я навалился на него всей своей тяжестью, и хегрун рухнул, ударившись головой об угол стального ящика.

Возле одной из дверей послышался шум. Я обернулся и увидел какого-то человека, было в нем что-то знакомое.

Человек приблизился и протянул мне руку. Я протянул свою... между нашими руками сверкнула молния. На мгновение передо мной мелькнуло какое-то странное лицо... и все исчезло. Наступил мрак.

Глава XVII

Я лежал в чудесной постели, свежей и прохладной. И мне снился замечательный сон. Лицо Барбро точь-в-точь как у богини охоты, в обрамлении медных волос. В глубине сознания роились мрачные мысли, но я гнал их от себя... Потом разберусь. Только не сейчас...

Барбро склонилась ко мне, в ее дымчато-серых глазах стояли слезы, но губы улыбались... Я целую их, это уже явь, а не сон! Я поднимаю руку и вижу, что она забинтована.

— Барбро, — услышал я свой хриплый голос.

— Манфред! Он проснулся! Он узнал меня! Слышишь? Он узнал меня!

— Он был бы совсем уж плох, если бы не узнал тебя, дорогая!

— Я увидел уже другое лицо, не столь прекрасное, но довольно симпатичное и крайне озабоченное. Это был барон фон Рихтгофен. Он улыбался мне.

— Что случилось, Брайан? — пальцы Барбро коснулись моего лица. — Когда ты не вернулся домой, я позвонила Манфреду, и он сказал, что ты исчез. Обыскали все здание и нашли загадочные обуглившиеся следы...

— Может быть, не надо его сейчас волновать? — проворчал барон.

— Да, да, конечно. Но сейчас все хорошо, и это главное. Отдыхай, Брайан. Расскажешь нам обо всем после.

Я хотел возразить, но почувствовал, как сон накатил на меня теплой волной, и я утонул в его зеленых глубинах.

* * *

Проснувшись, я почувствовал сильный голод. У постели сидела Барбро, устремив взгляд в окно, на пышную крону дерева.

Я лежал тихо, любуясь ее нежной щекой, изящным изгибом шеи, длинными ресницами. Она улыбнулась мне. И эта улыбка была словно солнце после весеннего дождя.

— Кажется, я в полном порядке, — прозвучал мой, уже обычный голос.

Мы целовались, шептали друг другу ласковые слова. Потом пришел Манфред, Беринг и Люк.

— Скажи, Брайан, — с деланной суворостью произнес Рихтгофен, — как тебе удалось исчезнуть на несколько часов и потом оказаться без сознания рядом с чудовищем-обезьяной? Откуда взялся этот маскарадный комбинезон? Почему ты оброс щетиной, как будто три дня не брился? Откуда взялись твои ссадины и кровоподтеки? Не говоря уж об ожогах второй степени, обмортении и выбитых зубах?

— Какой нынче день? — спросил я.

Манфред ответил.

Значит, я был без сознания около сорока восьми часов. Два дня прошло с момента предполагаемого нападения хегрунов... а они до сих пор не появились!

— Послушайте, друзья! Тому, что я расскажу, довольно трудно поверить, но вы видели труп рядом со мной и, надеюсь, постараетесь...

— Это действительно весьма странное существо, Брайан, — перебил меня Герман. — Оно на тебя напало, вот откуда ушибы и раны.

Я выложил все начистоту.

Все молча слушали. Я дважды умолкал, чтобы перевести дух, но старался не упустить ни единой детали.

— Вот так! — очень довольный, закончил я свой рассказ. — А теперь скажите, что все это мне просто приснилось, только не забудьте объяснить, как появился этот мертвый хегрун.

— Твой рассказ — сущий бред, плод больного воображения, галлюцинация, вызванная сотрясением мозга, — сказал после некоторого молчания Герман. — Но я почему-то верю каждому твоему слову. Специалисты доложили мне о странных показаниях приборов надзора Сети. То, что ты сейчас рассказал, совпадает с нашими наблюдениями. Но самое интересное — это то, что тебе удалось переместить нападение пришельцев на несколько недель в будущее.

— Не знаю, как далеко удалось мне переместить их, — но, надеюсь, вы хорошоенько подготовитесь к их появлению.

— Я как раз к этому подхожу, Брайан, — сказал Герман. — Ты говорил о своем неумении регулировать механизм МК, кстати, я от него в восторге... но вернемся к делу. Так вот, ты сказал, что собирался перебросить хегрунов, ты, кажется, так их

назвал, в будущее. Но, боюсь, вместо этого ты перебросил их в уровень прошлого нашей линии 0-0...

Воцарилось молчание.

— Что-то я не совсем тебя понимаю, Герман, — хрипло произнес я. — Ты хочешь сказать, что они уже нападали на нас? Что, скажем, месяц назад уже воевали с нами?

— Точного расположения их во времени я не могу тебе указать. Но совершенно ясно, Брайан, что они были отброшены во времени назад, а не вперед!

— Это уже не столь важно, дорогой, — улыбнулась Барбру.

— Где бы они сейчас ни были, нас они уже не тронут. Благодаря твоей храбрости, мой герой!

Все рассмеялись, а я покраснел до ушей. Тут вмешался в разговор Манфред, упомянув об огненном человеке.

— Странное, должно быть, чувство — встретиться лицом к лицу с самим собой! — произнес он.

— Кстати, — заметил я во внезапно наступившей тишине, — а где же... другой я?

Никто не ответил.

— Мне кажется, — сказал после паузы Герман, — я могу дать ответ на этот вопрос. Это довольно интересная проблема в физике континуума — но можно, пожалуй, считать аксиомой факт, что парадоксы столкновения лицом к лицу двух вариантов одной личности несовместимы с сущностью единовременной реальности. Поэтому, когда возникает подобная конфронтация, кто-то должен уступить. В твоем случае непреодолимая энтропическая перегрузка была снята путем перемещения одного варианта этого единого “я” в плоскость, которую ты назвал “нулевым временем”, там ты встретился с хегрунами и пережил свое странное приключение.

— Но твой друг Дзок, — сказала Барбру, — надо как-то помочь его народу избавиться от монстров, захвативших его мир. Мы могли бы послать туда войска, Манфред...

— Боюсь, ты не совсем поняла то, что сказал Брайан о местонахождении механизма разрыва непрерывности, дорогая, — перебил ее Герман. — Судя по точности, с которой он произвел отправку шаттла с механизмом в линию мира хегрунов, механизм сработал своевременно, избавив всех нас от опасности.

— Дзок был прав, — печально произнес Манфред. — Мы действительно любители геноцида. Но нас сделали такими законы природы.

— Наша задача помочь слаборазвитым, я имею в виду технически, народам этих А-линий, — настаивала Барбру. — Бедная Оливия! Она мечтает о лучшем мире, но не может его по-

знать, потому что мы эгоисты и держим наши богатства при себе.

— Согласен с тобой, Барбру, — кивнул Манфред. — Необходимо менять политику. Но надо бы тебе знать, что не так-то легко принести отсталым народам то, что мы называем просвещением. Всегда найдутся противники. Как ты думаешь, воспринял бы этот Наполеон V предложение стать вассалом нашего императора в положительном смысле?

Барбру взглянула на меня.

— Ты был немного влюблён в эту Оливию, Брайан. Но я прощаю тебя, — сказала она. — Однако я не настолько глупа, чтобы приглашать ее в гости. И все же ты должен устроить так, чтобы она приехала сюда. Слышишь? Сюда приехала!

На лестнице послышались шаги, и в комнату, запыхавшись, вбежал молодой человек в белом сюртуке.

— Вас к телефону, герр Беринг, — произнес он.

Герман вышел, а мы продолжили разговор.

— Немного досадно, — сказал Манфред, — что эти хегруны были так тщательно аннигилированы благодаря твоему ста-ранию, Брайан. Новое племя людей, лишь отдаленно напомина-ющих нашу расу, но обладающих довольно высоким уровнем развития техники...

Вернулся Герман. Он тер виски и растерянно моргал.

— Я только что разговаривал с лабораторией Сети, — произнес он прямо с порога. — Им удалось приблизительно вы-числить местонахождение незадачливых захватчиков-хегрунов. Расчеты сделаны на основании некоторых следов, зареги-стрированных нашими приборами за пять лет.

— За пять лет? — хором переспросили мы.

— Да, за пять лет. Считая с момента установки нашего нынешнего усовершенствованного оборудования. За этот пе-риод в показаниях приборов было отмечено несколько анома-лий. Теперь в свете того, что удалось установить Брайану, мы сможем их хоть как-то объяснить.

— Ну же, Герман! — заторопил его Манфред. — Избавь нас от драматической паузы! Выкладывай все скорее!

— Короче говоря, джентльмены, хегруны оказались отбро-шенными на пятьдесят тысяч лет назад! Благодаря регулировке, которую произвел Байард.

Наступила тишина. Потом я услыхал свой собственный смех.

— Значит, они все же сделали это, только чересчур поспе-шили!

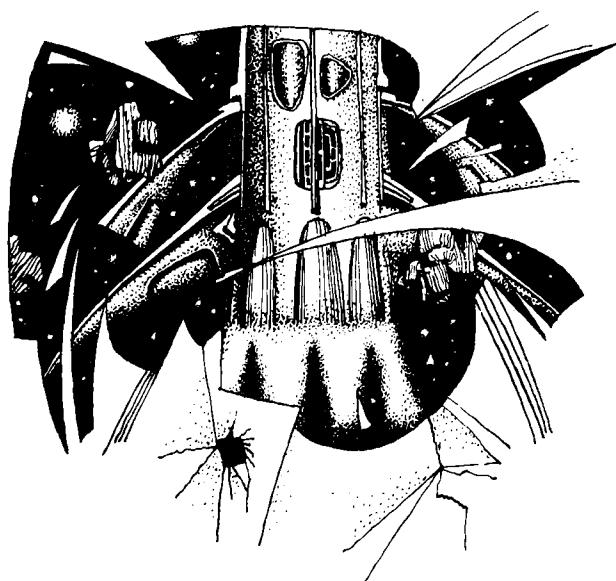
— Думаю, они благополучно достигли эпохи неолита и ос-

тались в ней, — кивнул Манфред. — И хоть с трудом, но все же приспособились к своему неожиданному превращению в технически отсталую расу. И еще думаю, что они никогда не утратят ненависти к безволосым сапиенсам, которых повстречали на холодной Земле пятьдесят тысяч лет назад.

— Видимо, так и было, — согласился я. — Они благополучно прибыли в эпоху мамонтов и ледников. Но поскольку у них не было с собой техники, постепенно деградировали и выродились, оставив свои кости на нашей гречной земле. Впоследствии эти кости были найдены археологами и названы неандертальскими.

КОСМИЧЕСКИЙ ЖУЛИК

РОМАН

В Артезии был полдень первого осеннего дня. Лафайет О'Лири, бывший гражданин США, а сейчас сэр Лафайет О'Лири, после того, как он был официально посвящен в рыцари принцессой Адоранной, развались, сидел в кресле своей просторной библиотеки у высокого, с богатыми портьерами окна, которое выходило в сад дворца. Он был одет в пурпурные бриджи, рубашку белого тяжелого шелка и туфли с золотыми пряжками. На его пальце гигантский изумруд сверкал в серебряном кольце, на котором были отчеканены топор и дракон. У его локтя стоял высокий хрустальный фужер с прохладительным. Из нескольких динамиков, расположенных под гобеленами, доносилась музыка Дебюсси.

О'Лири похлопал ладонью по рту, не пытаясь сдержать зевок, отложил в сторону книгу, которую лениво перелистывал. Это был толстый, в кожаном переплете том Искусства Волхования, в котором была куча мелкого шрифта, но, увы, никаких специальных наставлений. В течение трех лет — с тех пор, как Централь изменила беспокоящий континуум вероятностный стресс, переместив его сюда из Колби Корнерс — он пытался, но безуспешно, вернуть себе так недолго бывшую у него способность фокусировать свою физическую энергию, как это было описано в массивном томе Практики Месмеризма профессором Хансом Иозефом Шиммеркопфом. “Да, вот это была книга, в которую можно было вгрызаться зубами”, — с сожалением подумал Лафайет. А он прочитал всего лишь часть первой главы. Какая жалость, что он не успел захватить ее с собой в Артезию. Но в последний момент все как-то пошло кувырком, а когда представился выбор между комнатами в наем миссис Мак-Глин и дворцовыми покоями с Дафной — кто стал бы раздумывать?

“Ах, что за веселые были денечки”, — с нежностью подумал

Лафайет. Все эти годы, живя в Колби Корнерс, он подозревал, что жизнь уготовила для него нечто большее, чем карьеру мелкого торговца без гроша за душой, живущего сардинами и мечтами. И тогда он наткнулся на массивный том д-ра Шиммеркопфа. Слог был несколько тяжел и старомоден, зато было ясно: немного концентрации, и твои мечты могут сбыться или, по крайней мере, могут показаться сбывшимися. А если с помощью самовнушения можно превратить свою жалкую комнатенку в роскошную спальню со свежим ночным воздухом и отдаленным звучанием музыки — почему бы не попытаться сделать это?

Он и попытался — с поразившим его самого результатом. Полный успех. Он представил себе странную старую улицу в странном старом городе — и нате вам! Там он и очутился, вместе со звуками и запахами, которые делали иллюзию полной. Даже знание того, что все это — внушенный самому себе сон, ничуть не уменьшило прелести происходящего. А затем, когда события приняли довольно угрожающий для него характер, он сделал второе удивительное открытие: если это был сон, то проснуться он уже не мог. Артезия была реальна, так же реальна, как Колби Корнерс. Честно говоря, можно было даже предположить, что это Колби Корнерс был сном, а когда он проснулся, он увидел, что опять находится в Артезии, где ему и должно быть.

Конечно, прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что здесь был его настоящий духовный мир. Некоторое время ему казалось, что он нашел ответ на старый вопрос: проснется ли когда-нибудь человек, которому приснилось, что он упал со скалы. В его случае это была, конечно, не скала, но, пожалуй, падение со скалы было единственной опасностью, которой он не подвергался. Сначала ему пришел вызов от графа Алана, и от последствий дуэли спасла его Дафна, аккуратно и в нужный момент бросившая с верхнего этажа дворца свой ночной горшок. Затем король Горубль стал настаивать, чтобы он убил дракона — если не хочет, чтобы ему просто свернули шею. А после этого его жизни угрожало множество всяких других опасностей, которые завершились тем, что ему пришлось отдельаться от Лода, двухголового великаны. А затем — открытие того, что Лод был переброшен в Артезию из другого измерения вместе со своим любимцем аллозавром, и все это по приказанию фальшивого короля Горубля.

И скорее по чистой случайности, это уже Лафайет знал точно, ему даже удалось доказать, что узурпатор убил бывшего короля и транспортировал его наследника в другое измерение, используя незаконный Путепроходец, который он прихватил с собой, бросив свой пост агента Централы, где он занимался межизмеренческими делами. И он успел как раз вовремя, чтобы поме-

шать Горублю обеспечить свое положение путем избавления от принцессы Адоранны. И эта была чистая случайность, что Горубль, считая себя смертельно раненным, признался Лафайету, что он — О'Лири — и был истинным королем Артезии.

После этого некоторое время ситуация была поистине неловкая — но затем Горубль сам уготовил себе судьбу, разрешил все проблемы, случайно наткнувшись на Путепроходца, который в ту же секунду вышвырнул его из жизни, после чего Лафайет отрекся от престола в пользу принцессы и начал вести роскошную и спокойную жизнь с нежной и верной Дафной.

Лафайет вздохнул и поднялся с кресла, глядя в окно. Там, внизу, в садах дворца, готовилось нечто вроде послеполуденного чая. “Или, по крайней мере, все уже закончилось”, — внезапно подумал он, потому что не было слышно ни болтовни, ни смеха, замолкших несколько минут назад, а лужайки и тропки были почти пустынны. Несколько задержавшихся гостей направлялось к воротам, одинокий дворецкий торопился на кухню с подносом пустых чашек, тарелок и смятых салфеток. Служанка в короткой юбке, из-под которой торчала пара неплохих ножек, стряхивала крошки с мраморного стола у фонтана. При виде ее несколько открытого наряда Лафайет почувствовал укол ностальгии. Если он чуть расфокусирует свое зрение, то можно представить себе, что это Дафна, такая, какой он увидел ее впервые. “Как-то раньше все было веселее, ярче, проще”, — меланхолически подумал он. Конечно, были и свои неприятности в те времена: старый король Горубль очень уж хотел отрубить ему голову, у Лода-великаны были похожие намерения, да и к тому же еще эта история с драконом, не говоря уже о запутанных проблемах графа Алана и Красного Быка.

Но сейчас Лод и дракон были мертвы — плохой дракон, конечно. Любимец Лафайета игуанодон жил вполне счастливой жизнью в стойле, переделанном из бывшего порохового склада, съедая свою обычную порцию из двенадцати стогов свежей соломы ежедневно. Алан был женат на Адоранне и был вполне лицеприятен, после того, как ему уже не надо было ревновать. А Красный Бык опубликовал свои мемуары и после этого стал наследником маленькой гостиницы на окраине столицы, которую он назвал “Одноглазый мужчина”. Что же касается Горубля, вообще не было известно, куда он делился с тех самых пор, как его вышвырнули из этого измерения. Дафна была все той же неглупой и очаровательной женщиной, что и всегда. То, что она из служанок стала графиней, не вскружило ей голову, но что-то с некоторых пор она почти все время проводила в светских развлечениях и веселых забавах. Не то, чтобы он действительно хотел, чтобы он был объявлен преступником вне закона,

а она была дворцовой служанкой, бескорыстно любившей его, но...

Да, в последнее время ничего особенного не происходило, да и неособенного тоже — разве что обычный веселый ужин, как, например, сегодня вечером. Лафайет опять вздохнул. Как приятно было бы просто посидеть с Дафной в каком-нибудь кабачке тет-а-тет, и чтобы играла музыка.

Он тряхнул головой, как бы избавляясь от наваждения. В Артезии не было кабачков, не было музыки. Здесь были только таверны, которые назывались гостиницами, где можно было выпить кружку пива, съесть сочный кусок свежего мяса и посидеть при дымном свете высоких свечей. Кстати, почему бы им и не пообедать в одной из них? Не так уж обязательно было участвовать им еще в одном роскошном дворцовом пиршестве?

Внезапно возбужденный этой мыслью, Лафайет пошел к двери, зашел в другую комнату, открыл шкаф, ослепивший его нарядами, схватил куртку вишневого цвета с серебряными пуговицами. Не то, чтобы она ему была нужна по погоде, но этикет этого требовал. Если он появится на людях в рубашке с короткими рукавами, на него будут смотреть, Дафна расстроится, Адоранна поднимет свою идеально натянутую бровь...

“Вот к чему бы все это привело”, — подумал Лафайет, натягивая куртку на ходу и спеша через зал. Рутина. Скучные формальности. О, боги, а разве не этого он хотел, мечтая избавиться от жизни мелкого торговца в Штатах, по крайней мере, географически, напомнил он себе. Артезия была расположена на том же месте на карте, что и Колби Корнерс. Просто он был в другом измерении, где предполагалась другая жизнь.

Но что это за жизнь была у него в последнее время? Королевский бал, королевская охота, королевская регата. Нескончаемые блестящие праздники, в которых участвовало блестящее общество, которое вело блестящие разговоры...

Ну и что? Что в этом было плохого? Разве не об этом он мечтал в снимаемой им комнатенке, открывая очередную коробку сардин на очередной ужин?

“Об этом”, — признался он себе. И все же... все же ему было скучно...

Скучно. В Артезии, земле его мечты. Скучно.

— Но... это же бессмыслица! — воскликнул он вслух, спускаясь по широкой спиральной лестнице в Гранд Зал, увешанный зеркалами в золотых рамках. — У меня есть все, о чем я мечтал, а то, чего у меня нет, — стоит только приказать, как тут же будет. Дафна нежна, как маленькая пташка, не женщина, а мечта мужчины; я могу выбрать себе любого скакуна в коро-

левских конюшнях, не говоря уже о Динии; в моем гардеробе двести костюмов, каждый вечер дается банкет... и...

Он шел по черно-красному гранитному полу, и его шаги отдавались эхом, и у него возникло внезапное чувство усталости при мысли о завтрашнем банкете, еще одном банкете, еще об одном дне ничегонеделания.

— Но чего, в конце концов, я хочу? — громко потребовал он вслух сам от себя, проходя мимо своих отражений в высоких зеркалах. — Ведь работаешь, как собака, только для того, чтобы заработать деньги, которые дадут возможность делать то, что захочешь. А я уже делаю то, что мне хочется.

Он искоса посмотрел на свое вишневое и пурпурное с по-золотой отражение.

— Разве нет?

— Мы уедем отсюда, — бормотал он, торопливо идя по саду. — В горы или куда-нибудь в пустыню. Или на берег моря. Могу спорить, что Дафне никогда не приходилось купаться в лунном свете голой. По крайней мере, не со мной. И мы возьмем с собой немного съестного и сами будем готовить, ловить рыбу, смотреть на птичек, заниматься ботаническими исследованиями и...

Он остановился у широкой террасы, глядя на зелень снизу, пытаясь отыскать глазами изящную фигурку Дафны. Последний из гостей вышел в ворота, исчез дворецкий. Один престарелый садовник ковырялся в дальнем углу сада.

Лафайет замедлил шаг и пошел по тропинке, почти не замечая одуряющего запаха герани, ленивого жужжания пчел, мягких вздохов ветерка по красиво подстриженным верхушкам деревьев. Его энтузиазм постепенно сменился апатией. Что хорошего в том, чтобы куда-нибудь уезжать? Он останется тем же самым Лафайетом О'Лири, а Дафна — той же девушки, что и здесь. Возможно, после первой новизны он начнет скучать о своем удобном кресле и доверху набитом холодильнике, а Дафна начнет переживать по поводу своей прически и задумываться, что происходит во дворце во время ее отсутствия. А потом их будут кусать насекомые, они будут обгорать на горячем солнце и мерзнуть по ночам, есть подгоревшую пищу, да еще куча всяких неудобств, от которых он так отвык.

На мгновение в конце тропинки показалась высокая фигура: граф Алан куда-то торопился. Лафайет позвал его, но когда он подошел к перекрестку, там уже никого не было. Он повернулся обратно, теперь уже в совершенно подавленном настроении, как он сам подумал. Впервые за три года у него возникло то же самое чувство, что и в Колби Корнерс, когда он шел вечером прогуляться вокруг городского квартала и смотрел на желтые фонари

в темноте, думая о вещах, которые ему когда-нибудь удастся сделать...

Лафайет выпрямился. Он вел себя, как мальчик. Ему повезло больше всех в мире — в любом мире — и ему только и оставалось, что наслаждаться всем этим. К чему рубить сук, на котором сидишь? Обед был через час. Он пойдет на него, как всегда, и будет слушать застольную беседу, тоже как всегда. Правда, пока его еще не тянуло возвратиться во дворец — вряд ли из него получится прямо сейчас блестящий собеседник. Лучше ему некоторое время посидеть на любимой мраморной скамейке, пр читать страничку-другую текущего выпуска “Популярного во льшебства” и настроить себя на нужный лад для веселой и остроумной беседы за обеденным столом. Только надо не забыть сказать Дафне, как потрясающе она выглядит в ее артезианском наряде по последней моде, а после обеда они смоются в их спальню и...

Теперь, когда он подумал об этом, ему пришло в голову, что давно уже он не нашептывал подобных предложений в нежные ушки Дафны. Он был слишком занят своим вином и своими разговорами, а Дафна, конечно, была вполне довольна тем, что сидела с другими высокопоставленными женами, обсуждая их рукоделие или что там обычно обсуждают леди, в то время как джентльмены глушат бренди, курят сигары и обмениваются неприличными анекдотами.

Лафайет остановился и посмотрел на стоящий перед ним куст азалии. Он был настолько поглощен своими мыслями, что прошел любимый уголок своего сада — тот самый, где рядом со скамейкой цвело миндалевое дерево и раздавалось мягкое журчание фонтана, где большие вязы отбрасывали глубокую прохладную тень и откуда можно было видеть прекрасную лужайку, мягко спускающуюся к тополям на берегу озера.

Он пошел назад и очутился на том самом перекрестке, где видел Алана. Забавно! Опять он здесь. Он посмотрел на пустынные тропинки, в одну и другую сторону, затем покачал головой и решительно пошел вперед. Через десять шагов он очутился перед широкой террасой, с которой недавно сошел.

— Я совсем разболтался, — пробормотал он. — Я же знаю, что это первый поворот за фонтаном.

Он остановился, неуверенно глядя на внезапно уменьшившуюся лужайку. Фонтан? Никакого фонтана не было, просто усыпанная гравием тропинка с опавшими листьями, деревьями по бокам и кирпичная стена по другую сторону. Но ведь кирпичная стена должна быть значительно дальше, через несколько поворотов, за утиным прудом...

Лафайет поспешно пошел вперед, свернув за поворот...

Тропинка кончалась, в каком-то грязном месиве рос тростник. Он повернулся и оказался перед сплошной стеной кустарника. Острые колючки кололи его, раздирали одежду, и когда он, в конце концов, выбрался, то оказался на небольшой лужайке с одуванчиками. Никаких цветочных клумб нигде не было. Не было скамеек. Тропинок тоже не было. Дворец имел покинутый, заброшенный вид и возвышался на фоне внезапно посеревшего неба. Окна с выбитыми стеклами были как слепые глаза. На террасе ветер сдувал опавшие листья.

О'Лири быстро взбежал по ступеням террасы и через высокие двери вошел в увешанный зеркалами зал. На мраморном полу лежал толстый слой пыли. Его шаги отдавались глухим эхом, когда он быстро пересек зал и распахнул двери в караульню. Кроме затхлого запаха плесени, в ней ничего не было.

Вернувшись обратно в коридор, Лафайет закричал. Он открыл двери, заглядывал в пустые комнаты.

Потом он остановился, склонил голову набок, прислушался — но услышал лишь отдаленный крик какой-то птицы.

— Это нелепо, — услышал он собственный голос, пытаясь побороть тошнотворное ощущение в желудке. — Ведь не могли же все вот так взять и уйти, ничего не сказав мне. Дафна никогда бы так не поступила...

Он пошел вверх по лестнице, перепрыгнул сразу через три ступеньки. Ковров в верхних коридорах не было, картины придворных прошлых лет тоже были сняты со стен. Он распахнул двери в свою комнату и уставился на голый пол и окна без портьер.

— Великий боже, меня обчистили! — воскликнул он.

Повернувшись к платяному шкафу, он чуть не разбил себе нос об стену. Шкафа не было, а стена была на двенадцать футов ближе, чем ей полагалось быть.

— Дафна! — взвыл он и кинулся в зал.

Зал был явно меньше, чем раньше, а потолок значительно ниже. И было темно — половины окон вообще не было. На его крик в полной пустоте откликалось только эхо. Никто не отвечал.

— Никодеус! — громко сказал он. — Мне надо позвонить Никодеусу в Централь. Он знает, что надо делать...

Лафайет кинулся к двери в башню, помчался по узкой винтовой каменной лестнице к бывшей лаборатории Придворного Мага. Никодеуса, конечно, там давно не было — он был отозван Централью для исполнения своих обязанностей в каком-то другом месте, но телефон все еще был там, запертый в стенной шкаф, если только он успеет добежать туда прежде... прежде...

О'Лири поспешил выкинуть эту мысль из головы. Он даже представить не хотел, что сейф может оказаться пустым.

Тяжело дыша, он добежал до верхней площадки лестницы и ворвался в узкую комнату с гранитными стенами. Здесь стояли рабочие скамьи, полки с чучелами сов, будильниками, бутылками, обрывками проволоки, какими-то странными конструкциями из меди и хрустяля. С высокого потолка в паутине свисал позолоченный скелет, теперь весь в пыли, а перед ним находилась длинная черная панель с циферблатами и счетчиками, теперь тоже молчаливая и неподвижная. Лафайет повернулся к запертому сейфу рядом с дверью. Дрожащими пальцами достал он маленький золотой ключик, сунул его в замочную скважину, задержав дыхание, открыл дверцу. С глубоким вздохом облегчения он схватился за старинный, с бронзовой отделкой телефон. Слабо, еле слышно, до него донесся гудок.

О'Лири облизнул пересохшие губы, сосредоточенно нахмурившись.

— Девять, пять, три, четыре, девять, ноль, ноль, два, один, один, — набрал он, произнеся каждую цифру вслух.

В трубке потрескивало. Лафайет почувствовал, что пол под его ногами зашевелился. Он поглядел вниз: грубые каменные плиты исчезли и вместо них появились не менее грубые крашеные доски.

— Звони же, черт тебя побери! — простонал он.

Он затряс телефон и был вознагражден мягкими звоночками.

— Ответьте хоть кто-нибудь! — взвыл он. — Вы моя единственная, последняя надежда!

Струя прохладного воздуха взлохматила его волосы. Он вздрогнул и увидел, что находится в комнате без потолка, в которой не было ничего, кроме опавших листьев и птичьего помета. Пока он смотрел, изменилось и освещение. Он резко обернулся — стена, в которую был вделан сейф, исчезла вся целиком, а на ее месте стоял единственный столб.

Что-то дернуло его за руку, и телефон сейчас стоял на конструкции, напоминающей крыло ветряной мельницы, на вершине которой, казалось, сидел он сам. Схватившись изо всех сил за балку, в то время как эта странная конструкция раскачивалась под порывами ледяного ветра, скрипя от натуги, он посмотрел вниз, на то, что с первого взгляда казалось помойкой.

— Централь! — завопил он придушенным голосом, как будто чья-то рука внезапно что было силы сжала его горло. — Вы не можете взять и вот так бросить здесь!..

Он изо всех сил затряс телефон. Ничего не произошло.

После трех безуспешных попыток он повесил трубку с такой осторожностью, словно она была сделана из яичной скорлупы.

Вцепившись в мельничное крыло, он уставился на окружающий его пейзаж: покрытый кустарником склон холма, спускающийся к полуразрушенному городу, примерно в четверти мили от того места, где он находился — какие-то странные жалкие строения вокруг озера. Топография, заметил он, была такой же, как и в Артезии — и, уж если на то пошло, такой, как и в Колби Корнерс — но исчезли башни, исчезли аллеи и парки, как будто их и не было вовсе.

— Исчезли... — прошептал он. — Все, на что я жаловался...

Он замолчал и сглотнул слюну.

— И все, на что я не жаловался... Дафна, наши комнаты, дворец... а ведь я уже почти пошел обедать.

При этой мысли что-то резко кольнуло его чуть ниже средней пуговицы той самой прекрасно^сшитой куртки, которую он натянул всего часом раньше. Он задрожал. Становилось холодно, опускалась ночь. Первым делом надо было умудриться как-то спуститься на землю, а потом...

Его оцепенелый мозг не желал развивать эту мысль дальше.

— Прежде всего надо заняться первоочередной задачей, — сказал он себе, — а позже я подумаю, что же делать дальше.

Он попытался опустить ногу на деревянный выступ внизу.

Выступ казался непрочным, колени — какими-то слабыми. Грубое дерево ободрало ему руки.

Когда он начал потихоньку спускаться, вся конструкция как-то осела под ним, тревожно заскрипев; несмотря на холодный ветер, его лоб стал потным. Да, несомненно, легкая жизнь не пошла ему на пользу.

Прошли те дни, когда он мог подниматься на заре, завтракать сардинами, работать в запарке целый день, обедать сардинами и все еще быть в состоянии вечерами экспериментировать с пластиками и пенициллиновыми культурами.

Как только он выберется из этого дурацкого положения — если он когда-нибудь из него выберется, — ему придется серьезно подумать о физических упражнениях: долгих прогулках, йоге, карате, джиу-джитсу и жесткой высококалорийной диете.

Телефон издал звяканье, почти не слышное на открытом воздухе. Лафайет замер, слыша его эхо в своем мозгу, соображая, вообразил ли он его себе, или это просто далекий звон колокольчика в деревне, или колокольчик коровы, если в этой местности были такие животные, как коровы, и если они носили колокольчики.

При втором звонке Лафайет сломал два ногтя, рванувшись наверх. Нога соскользнула, и мгновение он висел только на руках, чего, впрочем, даже не заметил.

Дзинь-дзинь...

Мгновением позже он схватил телефонную трубку и прижал ее к уху вверх тормашками.

— Алло! — задыхаясь, выкрикнул он. — Алло! Да? Говорит Лафайет О'Лири...

Он быстро перевернул трубку, услышав пронзительный скрипучий голос где-то в районе своего рта.

— ...Это Пратвик. Субинспектор континуума, — говорил скрипучий голос. — Простите, что пришлось нарушить ваш покой таким образом, но у нас в Централи возникла аварийная ситуация, и мы призываем на действительную службу наш персонал на определенный, надеюсь, короткий период времени. Согласно нашим данным, вы сейчас находитесь вне дел на Локус Альфа 93. Измерение В-87. Лиса 22 1-б, известная также под названием Артезия. Это верно?

— Да, — пробормотал Лафайет, — то есть нет, не совсем. Видите ли...

— Теперь же ситуация требует, чтобы вы немедленно оставили свое настояще положение и перешли работать в подполье в качестве заключенного в лагере строгого режима, отбывающего девяносто девять лет за убийство при отягчающих обстоятельствах. Понятно?

— Послушайте, мистер Пратвик, вы не совсем разобрались в ситуации, — торопливо прервал его О'Лири. — В настоящий момент я сижу на мельнице — и, по-моему, это все, что осталось от королевского дворца...

— Так что вам немедленно надлежит явиться в нашу подпольную секцию, расположенную на пересечении дворцовой водопроводной и канализационной систем в двенадцати футах под Королевским Заводом по переработке отбросов, в двух милях к северу от города. Вы, конечно, будете замаскированы: лохмотья, вши и все такое. Наш человек проведет вас тайком в рабочий лагерь, после того, как снабдит вас необходимыми искусственными струпьями, шрамами...

Лафайет закричал:

— Подождите! Я не могу исполнить никакого секретного поручения в Артезии!

— Почему?

Голос звучал удивленно.

— Потому что я НЕ в Артезии, черт ее дери! Я вам все уши об этом прожужжал! Я вишу на лестнице в ста футах над болотом! Я хочу сказать, что я тихо-спокойно гулял по саду, когда внезапно скамья исчезла, а за ней весь сад, а потом...

— Вы говорите, что вы не в Артезии?

— Почему вы не хотите меня слушать? Произошло нечто ужасное...

— Будьте добры, отвечайте, да или нет, — отрезал скрипучий голос. — Может быть, вам неизвестно, что возникла аварийная ситуация, которая может затронуть весь континум, включая и Артезию!

— Но ведь об этом я и говорил! — взвыл О'Лири. — Нет! Я не в Артезии!

— Фу, — скрипуче сказал голос. — В таком случае прошу простить за звонок...

— Пратвик! Не вешайте трубку! — заорал О'Лири. — Вы — моя единственная связь! Мне необходима помощь! Они все исчезли, вы понимаете? Дафна, Адоранна, все! Дворец, город, все королевство, насколько я могу судить...

— Послушайте, мой мальчик, допустим, я включу вас в список Пропавших Без Вести и Найденных и...

— Нет, это вы меня послушайте! Я когда-то помог вам! Теперь ваша очередь! Заберите меня отсюда и отправьте обратно в Артезию!

— Об этом не может быть и речи, — отрезал скрипучий голос. — Сегодня вечером мы обслуживаем только агентов с секретностью 9, а у вас жалкая тройка. Но...

— Вы не можете просто взять и бросить меня здесь! Где Никодеус? Он скажет вам...

— Никодеус был переброшен в Локус Бета 2-0 в обличье капуцинского монаха, занимающегося алхимическими исследованиями. Он будет вне сферы деятельности последующие 28 лет плюс-минус 6 месяцев.

Лафайет застонал.

— Не можете ли вы хоть что-нибудь сделать?

— Гм... Видите ли, О'Лири, я только что посмотрел ваше дело. Похоже, вы занимались раньше недозволенным использованием Пси-энергии, пока мы не сфокусировали на вас подавитель. Но все же я вижу, что вы действительно оказывали нам важные услуги одно время. А теперь послушайте: у меня, конечно, нет полномочий отключить подавитель, но, между нами говоря — неофициально, не забудьте — я могу обронить намек, который поможет вам. Только не вздумайте проболтаться, что я это сделал.

— Валяйте... Роняйте ваш намек, только скорее...

— Гм... как же это... О'кей, слушайте: "Смешайте конину и ножки свиньи, чтобы стали они, как веревки, туги. От Бронкса миллионы едят до Майами. Ключ к этой загадке, конечно..." Ох, ох, ну, вот, О'Лири. Так я и знал! Это шаги главного инспектора! Я должен идти! Желаю счастья. Не забывайте о нас, дайте о себе знать, если, конечно, останетесь в живых!

— Подождите минутку! Вы не сказали, что это за ключ к загадке!

Лафайет бешено затряс телефон, но в ответ услышал только короткие гудки. Затем, словно плюнув, телефон замолк вообще, и в трубке наступила зловещая тишина. Лафайет застонал и повесил ее на место.

— Ножки свиньи, — пробормотал он. — Конина... И это единственное спасибо, которое я получил за все годы преданной службы, когда я делал вид, что полностью поглощен жизнью с Дафной, и празднествами, и обедами, и охотой, а на самом деле все время был наготове к немедленным действиям в любое время, когда зазвонит этот проклятый телефон...

Он перевел дыхание и заморгал глазами.

— Опять ты несешь чушь, О'Лири, — твердо сказал он себе. — Признайся, все эти годы ты наслаждался жизнью, как никогда. Ты мог набрать номер Централи в любое время и добровольно вызваться на трудную работу, но ты этого не сделал. Так что не скули, коли попал в переплет. Затяни пояс потуже, правильно оцени обстановку и составь план действий.

Он посмотрел вниз. Земля, окутанная сумерками, выглядела еще более далекой, чем раньше.

— Итак... с чего же начать? — спросил он себя. — Какой первый шаг надлежит сделать, чтобы убраться из этого мира в другое измерение?

— Ах ты, турица, ну конечно же! — воскликнул он внезапно.

— Пси-энергия! Разве не с ее помощью ты вообще попал в Артезию из Колби Корнерс? И хватит разговаривать самому с собой, — добавил он уже про себя. — Люди подумают, что ты совсем свихнулся.

Уцепившись за крыло мельницы, О'Лири закрыл глаза, сконцентрировавшись на Артезии, на ее запахе, на романтических старинных улицах, причудливых дворцовых башенках, тавернах, деревянных домиках и красивых аккуратных лавочках, паровых автомобилях и сорокаватных электрических лампочках...

Он открыл глаза. Никаких перемен. Он все еще восседал на вершине мельницы, склон холма, поросший кустарником, все еще спускался к деревне у озера. Там, в Артезии, это озеро было зеркальным прудом, в котором росли белоснежные лилии и плавали лебеди. Даже в Колби Корнерс это был довольно аккуратный пруд, в котором плавали лишь несколько оберточных бумажек из-под конфет, чтобы никто не забывал о цивилизации. Здесь же пруд был большим, грязным порошком тростником. Пока он смотрел, какая-то женщина вышла с заднего крыльца хижины и высыпала отбросы из большой корзины. Лафайет

поморщился и сделал вторую попытку. Он представил себе идеальный профиль Дафны, толстого щута Иокобампа, мужественное квадратное лицо графа Алана, аристократическое лицо принцессы Адоранны, ее элегантную фигуру...

Ничего. Никаких перемен в ровном течении времени не происходило. Он, конечно, знал, что не может больше использовать свою пси-энергию, с тех пор как Централь обнаружила, что он был тем самым преступником, который вызвал вероятностные стрессы во всем континууме, и сфокусировала на нем подавитель, но он надеялся, что здесь он может обрести свои былые способности. И...

Что там говорил ему по телефону этот бюрократ? О каком-то намеке? И потом эта китайская грамота о какой-то загадке, как раз перед тем, как он повесил трубку. Нет, от этой печки ему плясать не удастся. Только он сам мог помочь себе, и чем скорее он это поймет, тем будет лучше.

— Ну, так что же делать? — громко спросил он у холодного ночных воздуха.

— Для начала надо слезть с этого вороньего гнезда, — посоветовал он себе. — Прежде чем ты не окоченел до такой степени, что не в состоянии будешь пошевелить рукой.

С сожалением посмотрел он последний раз на телефон и начал свой долгий спуск на землю.

Было уже почти темно, когда Лафайет спрыгнул вниз и последние десять футов пролетел по воздуху, свалившись в густой кустарник. С жадностью принюхавшись, он понял, что не ошибся и что из города до него действительно доносился восхитительный аромат жареного лука. Он побренчал монетами в кармане. Не плохо бы было найти подходящую таверну, в которой можно слегка перекусить и, может быть, выпить небольшую бутылочку вина, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы, а затем уж осторожно порасспросить, что к чему — конечно, максимально дипломатично. Что именно он будет спрашивать, он пока еще не знал, но уж что-нибудь придумает. Он пошел вниз по холму, чуть прихрамывая от слегка растянутой лодыжки из-за не совсем удачного падения. Что-то уж больно хил стал он с годами.

Казалось, целая вечность прошла с тех пор, когда он прыгал, как акробат, бегал по крышам, забирался по веревкам, воюя с разбойниками, усмиряя драконов, а также ухаживая и добиваясь прекрасной Дафны. При мысли о ее очаровательном личике он ощутил на мгновение какое-то щемящее чувство. Что она подумает, когда выяснится, что его нигде нет? Бедная девочка, сердце ее будет разбито, она с ума сойдет от беспокойства...

Да полно, так ли? То, как он пренебрегал ею все последнее

время — ведь она может просто не заметить его отсутствия несколько дней. Возможно, в эту самую минуту ее убалтывает один из молодых придворных, которые всегда шляются по дворцу якобы для того, чтобы научиться рыцарскому поведению, а на самом деле все свое время проводят за бутылкой, игрой и с бабами...

Кулаки Лафайета сжались. Они накинутся на бедную маленькую беззащитную Дафну, как стервятники, как только поймут, что его нет. Бедная невинная девочка, она и не знает, как защититься от этих волков в овечьей шкуре. Возможно, она будет слушать все их утешения и...

— Ну, ну, хватит, — резко дернул себя Лафайет. — Дафна — женщина верная, лучше не бывает, разве что чуть-чуть неосмотрительна. Но она засветит в глаз первому же ухажеру, который позволит себе лишнее! Слишком много лет она махала метлой, и удар у нее что надо, да и все последнее время она держала себя в форме: скакала верхом, играла в теннис, плавала — ведь теперь она стала аристократкой.

Лафайет вспомнил ее изящную фигурку в купальном костюме, застывшую на вышке для прыжков в бассейн...

— Я же сказал — хватит, — приказал он сам себе. — Займись-ка лучше настоящей проблемой! Конечно, когда выяснишь, в чем она заключается, — добавил он.

Главная улица города была грязной, немощеной, в рытвинах, с дорожкой, достаточно широкой разве для того, чтобы по ней проехала телега, с кучами мусора и отбросов на обочинах. В окнах виднелся тусклый свет. Один-два подозрительных местных жителя оглядели его с ног до головы из тени, прежде чем скрыться в аллеях между деревьями, еще более узких и темных, чем главная дорога. Впереди скрипела грубо намалеванная вывеска, раскачиваясь над обветшалой дверью, находившейся на две ступеньки ниже улицы. На вывеске был изображен корявый человек в серой куртке и штанах, с чугунком в руке. “ТВОЯ НИЩАЯ ДОЛЯ” — было написано грубыми готическими буквами над фигурой. Лафайет почувствовал тоску, невольно сравнивая эту унылую картину с гордым рисунком топора и дракона там, в Артезии, где он неоднократно проводил вечера с группой собутыльников... оставляя Дафну дома одну, — пришла ему в голову мысль.

— По крайней мере, надеюсь, что одну! — простонал он. — Какой я был дурак. Но теперь, как только вернусь, я займусь ею по-настоящему... — он слегкнул комок, застрявший у него в горле, и толкнул дверь.

От жаркого чада заслезились глаза. В ноздри ударили запах

кислого пива, смешанный с дымом угля, пригорелого картофеля и другими еще менее приятными запахами.

Он пошел по грязному неровному полу, наклоняя голову, чтобы не удариться о низкие перекрытия потолка, щели в котором были заткнуты мхом, к грязной стойке, за которой тоненькая женщина в сером домашнем переднике и запачканной косынке стояла спиной к нему, начищая черный от копоти котелок и что-то напевая себе под нос.

— Э-э-э... не могу ли я немножко перекусить у вас? — спросил он. — Чего-нибудь простенького, скажем, дичи с артишоками и бутылочку легкого вина, хоть Пулли-фиизи, примерно 59-го...

— Ну-ну, — сказала женщина, не поворачиваясь. — По крайней мере, ты не лишен чувства юмора.

— В таком случае, хотя бы простой омлет, — торопливо исправился Лафайет. — К нему очень подойдут сыр и фрукты, я думаю, и, скажем, еще кружку сладкого пива.

— О'кей. Ты своего добился. Я уже смеюсь, ха-ха.

— Может быть, у вас найдется бутерброд с ветчиной? — сказал Лафайет с отчаянием в голосе. — Швейцарская ветчина на баварском ржаном хлебе — мое любимое кушанье...

— Сосиски и кружка пива, — отрезала женщина. — Хочешь бери, хочешь нет.

— Только, пожалуйста, жареные с корочкой, — торопливо сказал Лафайет.

— Эй, Халк! — повернулась женщина. — Зажарь-ка джентльмену сосисочку, так, чтобы сгорела — это ему нравится.

Лафайет уставился на ее огромные голубые глаза, маленький прямой носик, непричесанные, но прекрасные светлые волосы, выбивающиеся из-под косынки на лоб.

— Принцесса Адоранна! — вскричал он. — Как вы сюда попали?

2

Официантка бросила на Лафайета усталый взгляд.

— Меня зовут Свайхильда, мистер, — сказала она. — А как я сюда попала, это долгая история.

— Адоранна, разве вы не узнаете меня? Я же Лафайет! — его голос поднялся до визга. — Я разговаривал с вами всего лишь сегодня утром, за завтраком!

Дверь позади нее внезапно открылась с глухим стуком. Показалось сердитое, с квадратной челюстью и правильными чертами, но небритое лицо.

— За завтраком, а? — взревело лицо. — Придется тебе объясняться по этому поводу, дрянь!

— Алан! — вскричал Лафайет. — И ты тоже!

— Ты что хочешь этим сказать — тоже?

— Я имею в виду — я думал, что я один... Адоранна и я, то есть... конечно, я не понимаю до сих пор, что она... я имею в виду, что ты...

— Опять мне изменяла, да?

Длинная мускулистая рука, принадлежащая небритому лицу, попыталась схватить девушку, но промахнулась, так как та с неожиданной живостью отпрыгнула в сторону и схватилась за сковородку.

— Только дотронься до меня, образина, и я растоплю тот жир, которым ты пользуешься вместо мозгов! — завизжала она.

— Ну, ну, спокойнее, Адоранна, — успокаивающе произнес Лафайет. — Сейчас не время для любовных ссор...

— Любовных! Ха! Если бы ты знал, чего только я не натерпелась с этим ублюдком!

Она прервала свою речь, потому что в эту минуту предмет их обсуждений выскочил из кухни, чуть не сломав дверь. Она быстро отскочила в сторону, размахнулась тяжелой чугунной сковородкой на длинной ручке и с грохотом опустила ее на его нечесанную голову. Сделав два шага на негнущихся ногах, он сел за стойку, и лицо его оказалось в шести дюймах от Лафайета.

— Так что тебе приготовить, парень? — пробормотал он и куда-то соскользнул, исчезнув из поля зрения.

Девушка отложила в сторону свое грозное оружие и одарила Лафайета раздраженным взглядом.

— Чего это тебе пришло в голову дразнить его? — требовательно спросила она.

Потом она нахмурилась и внимательно осмотрела его сверху вниз.

— Да и вообще, солнышко, я тебя не помню. Ты кто? Могу поспорить, что с тобой я вообще никогда ему не изменяла!

— Неужели не помнишь? — изумленно выдохнул Лафайет.

— Я хочу сказать, не помнишь, что произошло? Как вы с Аланом попали в это свиное стойло? И Дафна — вы не видели Дафну?

— Даффи? Есть тут один такой бродяга, у которого не все дома — так он заходит и клянчит выпивку. Но я не видела его уже пару недель...

— Да не Даффи, а Дафна. Это девушка, — моя жена. Она небольшого роста, но не очень маленькая, вы понимаете, что я хочу сказать, с хорошей фигуркой, таким приятным лицом, темными вьющимися волосами...

— Это мне подойдет, — раздался глубокий несвязный голос

откуда-то с пола. — Только вот соображу, в какую сторону тут качается палуба...

Девушка опустила ногу на лицо Халка и толкнула, пробормотав:

— Проснись, битюг.

Затем она посмотрела на Лафайета, приподняв бровь, и чуть подняла свои волосы рукой сзади. Затем холодно спросила:

— У этой твоей дамы есть что-нибудь, чего нет у меня?

— Адоранна! Я говорю о Дафне — графине — моей жене!

— Ах, ну, конечно, графине, что ж, по правде говоря, солнышко, мы сейчас мало принимаем графинь. Мы слишком заняты, пересчитывая наши жемчуга, сам должен понимать. А теперь, если ты, конечно, не возражаешь, я должна втащить этот хлам обратно на кухню.

— Разрешите помочь вам, — быстро вызвался Лафайет.

— Да брось ты! Я и сама с ним управляюсь.

Лафайет поднялся и перегнулся через стойку, пытаясь рассмотреть упавшего шеф-повара.

— Но с ним все в порядке?

— С Халком? Его череп не пробить и подковой, даже если она будет на ноге у лошади.

Она схватила его за ноги и попятилась в дверь кухни.

— Адоранна, подождите, послушайте меня, — позвал Лафайет, перебираясь через стойку.

— Я тебе уже сказала — меня зовут Свайхильда. Что это еще за Одер и Анна?

— Неужели вы действительно не помните? — Лафайет уставился на знакомое прекрасное лицо, так непривычно запачканное копотью и жиром.

— Я тебе все честно говорю, милый. А теперь, если ты кончил валять дурака, выметайся отсюда — мне надо закрывать харчевню.

— Разве еще не рано?

Свайхильда подняла бровь.

— У тебя есть другие предложения?

— Мне надо поговорить с вами! — с отчаянием произнес Лафайет.

— Не бесплатно, — отрезала Свайхильда.

— С-сколько?

— По часам или всю ночь?

— Да мне надо всего несколько минут, чтобы объяснить, — с готовностью заговорил Лафайет. — Начнем с того...

— Подожди-ка минутку, — девушка бросила ноги Халка. — Сейчас, только переоденусь.

— Да у вас и так все хорошо, — торопливо сказал Лафайет.
— Так вот...

— Ты что, пытаешься научить меня моему ремеслу, незнакомец?

— Нет... то есть... Я вовсе не незнакомец! Мы знаем друг друга много лет! Неужели вы не помните нашей первой встречи на балу короля Горубля, когда я согласился убить дракона? На вас было голубое платье с жемчужным ожерельем, а на поводке вы держали тигренка...

— А... бедный ты мой сосуночек, — с внезапным сочувствием сказала Свайхильда, — у тебя просто немного шариков не хватает, да? Что же ты сразу не сказал? Послушай, — добавила она, — когда ты сказал, что хочешь поговорить, ты ведь действительно имел это в виду, а?

— Ну, конечно, а что же еще? Но слушайте же, Адоранна, я не знаю, что случилось — может быть, какое-нибудь постгипнотическое состояние — но я уверен, если вы постараетесь, то вспомните. Ну, попытайтесь же, подумайте, представьте себе большой розовый каменный дворец, кучу рыцарей и придворных дам в нарядных платьях, ваши комнаты в западном крыле, отделанные розовым и золотым, с видом на сады, веселые компании...

— Помедленнее, милый.

Свайхильда вынула из-под прилавка бутылку, выбрала два относительно чистых стакана из груды грязной посуды в раковине и налила две большие порции. Она подняла свой стакан и вздохнула.

— Твое здоровье, милый. Ты такой же псих, как пара танцующих белок, но уж больно складно у тебя получается, что верно, то верно.

Привычным движением кисти она опрокинула стаканчик. Лафайет отхлебнул из своего, поморщился от ожога, потом проглотил все сразу. Свайхильда с сочувствием смотрела на его попытки отдохнуться.

— Думается мне, жизнь сейчас такая, что любой тюфячок, вроде тебя, может свихнуться. Кстати, ты откуда? Уж явно не из этих мест. Слишком уж странно ты одет.

— Дело в том, — начал Лафайет и остановился. — Дело в том... я и сам не знаю, как это объяснить, — закончил он беспомощным голосом.

Внезапно он в полной мере ощутил боль от царапин и нытье в своих непривычно долго работавших мускулах, необходимость хорошего обеда, горячей ванны и теплой постели.

Свайхильда потрепала его руку своей маленькой твердой ладошкой.

— Ну-ну, ни о чем не надо беспокоиться, все будет казаться тебе в другом свете, хоть я в этом и сомневаюсь, — добавила она опять своим резким деловым тоном.

Она снова налила себе стаканчик, осушила его и поставила на место, пристукнув ладонью.

— Ничего не будет лучше, пока это старый козел Родольфо сидит в герцогском кресле.

Лафайет налил полный стакан и проглотил его содержимое одним глотком, даже не заметив этого.

— Послушай, — с трудом выдохнул он. — Может быть, ты лучше расскажешь мне, что здесь происходит, я хочу сказать, я явно сейчас не в Артезии. И тем не менее, параллели очевидны. Ты и Алан, и общее расположение земли. Может быть, мне удастся уловить хоть что-нибудь знакомое, а там уж я постараюсь установить, что к чему.

Свайхильда рассеянно почесала себе бок.

— Что я могу тебе сказать? Раньше здесь было довольно приличное герцогство. Правда, мы не роскошествовали, но у нас было все, что надо, ты понимаешь, что я хочу сказать. Но если раньше было просто плохо, то последние несколько лет стало еще хуже: налоги, постановления, законы. Потом погиб урожай табака, затем какое-то грибковое заболевание погубило двухлетние запасы вина. Мы пили привозной ром, но потом и он кончился. С тех пор так и живем — на пиве и сосисках.

— Вот, кстати, я совсем забыл, — сказал Лафайет. — Сосиска — это звучит совсем неплохо.

— Мильй, как ты, должно быть, голоден!

Свайхильда взяла тут же сковородку из-за двери, перетряхнула угли на жаровне, кинула на сковородку топленый жир и какое-то несколько странно выглядевшее мясо.

— Расскажи мне побольше об этом герцоге Родольфо, — предложил Лафайет.

— Я видела этого ублюдка, только когда уходила из военных герцогских бараков в три часа ночи — просто навещала больного друга. Старый сводник прогуливался по своему саду, а так как было еще не так поздно, я перемахнула через забор и попыталась завязать с ним беседу. Не скажу, что мне нравится такой тип мужчин, но я подумала, что такое знакомство никогда не помешает.

Свайхильда бросила на Лафайета взгляд, который можно было бы назвать игривым, если бы он исходил от кого-нибудь другого.

— Но старый козел отказался наотрез, — закончила она, разбивая какое-то яйцо о ручку сковородки. — Он промямлил что-то насчет того, что я так молода и гожусь ему в племянницы,

и крикнул своих легавых. Я спрашиваю тебя, какого еще хорошего управления государством можно ждать, если эта старая развалина уже ни на что не годится?

— Гм, — задумчиво сказал Лафайет. — Скажи мне, э-э, Свайхильда, как бы мне получить аудиенцию у этого герцога?

— И не пытайся, — посоветовала ему девушка. — Он славится тем, что скормливает своих гостей львам.

— Если кто-нибудь знает, что здесь, в конце концов, происходит, — пробормотал Лафайет, — то это он. Видишь ли, я только сейчас сообразил, что Артезия никуда не исчезла, это я исчез.

Свайхильда посмотрела на него через плечо, пощекала языком и покачала головой.

— Ведь мужчина средних лет, в самом соку, и надо же, чтобы так, — сказала она.

— Средних лет? Мне еще и тридцати нет, — сказал Лафайет.

— Хотя должен признаться, что сегодня я чувствую себя столетним старцем. Все же надо составить план действий — это поможет.

Он понюхал хрустящее месиво, которое Свайхильда выложила на битую тарелку.

— Ты говоришь, это сосиска? — с сомнением спросил он, глядя на подношение.

— Я и говорю, что сосиска. Кушай на здоровье, мистер, я только этим и живу здесь.

— Послушай, почему бы тебе не называть меня Лафайет? — предложил он, осторожно пробуя месиво на тарелке. По виду оно напоминало крем для чистки сапог, но было абсолютно безвкусно — может, оно и к лучшему.

— Это слишком длинно. Как насчет Лэйфа?

— Лэйф — это что-то похоже на нижнее дамское белье, но без застежек, — запротестовал О'Лири.

— Послушай, Лэйф, — твердо сказала Свайхильда, кладя перед ним локоть на стол и одаривая взглядом, который явно говорил: хватит с меня глупостей. — Чем скорее ты выкинешь эту дурь из головы и начнешь соображать, что к чему, тем лучше. Если люди Родольфо ущучат, что ты иностранец, они из тебя сделают черепаху, прежде чем ты успеешь сказать “Хабеас корпус”, и выбьют из тебя все твои тайны семихвостой плеткой.

— Тайны? Какие тайны? Моя жизнь — открытая книга. Я — невинная жертва обстоятельств.

— Все верно: ты безвредный псих. Но попытайся убедить в этом Родольфо. Он такой же недоверчивый, как старая дева, которая пытается унюхать лосьон для бритья в своей ванной.

— Я уверен, что ты преувеличиваешь, — твердо сказал Ла-

файет, выскребая свою тарелку. — Прямой подход — всегда самый лучший способ. Я просто пойду к нему, как мужчина к мужчине, и скажу, что я по случайности был перенесен из моей естественной вселенной непредвиденными обстоятельствами, и я спрошу его, не знает ли он кого-нибудь, кто занимается неразрешенными экспериментами в области пси-энергии. А может быть, даже, — продолжал он, воодушевляясь по мере того, как разыгрывалось его воображение, — он связан с самой Центральной. Не может быть такого, чтобы в этом месте не было дежурного субинспектора континуума, присматривающего за событиями, и как только я объясню, что произошло...

— И ты собираешься рассказать ему все это? — спросила Свайхильда. — Послушай, Лэйф, это все, конечно, не мое дело, но на твоем месте я бы этого не делала, понимаешь?

— Отправлюсь туда первым делом утром, — продолжал бормотать Лафайет, вычищая тарелку. — Где, ты говоришь, живет этот герцог?

— Ничего я не говорю. Но могу сказать, могу сказать, потому что ты все равно узнаешь. Резиденция герцога в столице, милях в двадцати отсюда к западу по прямой.

— Гм. Это, примерно, в том же месте, где была штаб-квартира Лода в Артезии. В пустыне, да? — спросил он у девушки.

— Нет, милый. Город находится на острове, в середине Одинокого озера.

— Это просто удивительно, как водные поверхности варьируют из одного континуума в другой, — прокомментировал Лафайет. — В Колби Корнерс вся эта площадь на берегу залива. В Артезии она безводна, как Сахара. А здесь вроде бы нечто среднее. Ну, да ладно, как бы там ни было, мне лучше всего сейчас хоть немного отдохнуть. Честно говоря, я совсем не таков, как был раньше, и все эти треволнения меня утомили. Ты не можешь указать мне, где здесь гостиница, Свайхильда? Не надо ничего сверхшикарного, мне подойдет простая комната с ванной, желательно с окнами на восток. Я люблю просыпаться с первым светом веселой зари, когда...

— Я могу бросить немного свежей соломы в козлиное стойло, — сказала Свайхильда. — Не беспокойся, — добавила она, видя изумленный взгляд Лафайета, — оно пустует с тех самых пор, как мы съели козла.

— Ты хочешь сказать, в этом городе нет... отеля?

— Ты исключительно быстро все понимаешь, как будто и не псих. Пойдем.

Свайхильда пошла вперед, выходя сквозь боковую дверь, которая вела на задний двор дома, к какой-то полуразвалившейся постройке у ворот. Лафайет шел сзади, пытаясь плотнее

запахнуться в куртку, чтобы хоть как-то уберечься от порывов ледяного ветра.

— Просто перебираися через ограду, — предложила она. — Можешь забраться в сарай — за те же деньги.

Лафайет уставился сквозь темноту на проржавевшую крышу, нависавшую над гнилым тростником по колено, покоящуюся на четырех прогнивших столбах. Он втянул носом воздух, уловив определенный запах, напомнивший ему о бывшем обитателе покоев.

— Не можешь ли ты подыскать мне что-нибудь другое? — с отчаянием спросил он. — Я буду вечно у тебя в долг!

— Ни какие коврижки, пупсик, — сурово ответила Свайхильда. — Деньги вперед. Два медяка за сосиску, еще два за прочие услуги и пятак за беседу.

Лафайет сунул руку в карман и вытащил пригоршню серебряных и золотых монет. Он протянул ей толстый артезианский пятидесятицентовик.

— Этого хватит?

Свайхильда посмотрела на монету, лежащую на ладони, надкусила ее, затем уставилась на Лафайета.

— Это настоящее серебро, — прошептала она. — Клянусь всеми святыми! Что же ты не сказал, что нафарширован, Лэйф, — я хочу сказать, Лафайет? Пойдем, дорогуша. Для тебя все только самое лучшее.

О'Лири послушно пошел за своей проводницей обратно в дом. Она остановилась, чтобы зажечь свечу, и пошла вверх по лестнице в небольшую комнату с низким потолком, резной позолоченной кроватью и круглым окном из бутылочных донышек, на подоконнике которого стояла герань в цветном горшке. Он осторожно принюхался, но не уловил никаких других запахов, кроме Окtagонского мыла.

— Великолепно, — прогудел он, глядя на свою хозяйку. — Мне это вполне подходит. А теперь ты покажешь мне ванну...

— Лохань под кроватью. Пойду нагрею воды.

Лафайет вытащил из-под кровати медную сидячую ванную, снянул с себя куртку и уселся на кровать, чтобы снять сапоги. За окном поднявшаяся луна высвечивала далекие холмы, похожие на холмы его родины и в то же время совсем другие. В Артезии Дафна, скорее всего, шла сейчас обедать под руку с каким-нибудь сладкоречивым денди, удивляясь, куда он делся, возможно, даже утирая украдкой слезы одиночества.

Он заставил себя прекратить думать об ее изящной фигурке и, чтобы успокоиться, глубоко вдохнул несколько раз подряд. Нечего ему опять приниматься за старое. В конце концов, он сделал все, что мог. Завтра все будет еще яснее. Было бы же-

ление, а путь всегда найдется... А в его отсутствие ее сердечко полюбит его еще больше...

— Меня? — пробормотал он. — Или кого-нибудь поближе к месту действия?

Дверь приоткрылась и появилась Свайхильда с дымящимися бадьями в каждой руке. Она вылила воду в ванну и попробовала ее локтем.

— В самый раз, — сказала она.

Он закрыл за ней дверь и снял с себя одежду, с сожалением глядя на порванную и испачканную богатую ткань, а затем с блаженством окунулся в зовущее тепло. Никакого полотенца он поблизости не увидел, но кусок коричневого мыла был под рукой. Он намылился, сложил руки ладошками, чтобы полить сверху на голову, начал вымывать мыло из глаз. Щипало отчаянно, и он поднялся, бормоча про себя, пытаясь вслепую найти полотенце.

— Черт, — пробормотал он, — я забыл попросить...

— Держи.

Голос Свайхильды прозвучал рядом, и ему в руки сунули грубую ткань. О'Лири схватился за нее что было сил и тут же завернулся с ног до головы.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросил он, вылезая из лохани на холодный пол.

Он использовал уголок полотенца, чтобы вытереть себе один глаз. Девушка как раз снимала с себя голубую полотняную сорочку.

— Эй, — пробормотал О'Лири. — Что ты делаешь?

— Если ты кончил мыться, — ядовито ответил она, — то я собираюсь принять ванну!

О'Лири быстро отвел глаза — не из эстетических побуждений, скорее, наоборот. Тот быстрый взгляд, который он бросил на ее обнаженное тело с поднятой ногой, пробующей воду, был на изумление приятен. Несмотря на спутанные волосы и обгрызенные ногти, тело было у Свайхильды, как у принцессы Адоранны, если уж на то пошло. Он быстро вытер спину и грудь, промокнул ноги и прыгнул в постель, натянув одеяло до подбородка.

Свайхильда что-то невнятно напевала себе под нос, весело плещась в лохани.

— Поторопись, — сказал он, глядя в стену. — А если Алан — я хочу сказать, Халк — войдет сюда?

— В таком случае ему просто придется подождать своей очереди, — сказала Свайхильда. — Правда, я не припомню, чтобы этот скобарь когда-нибудь мылся ниже подбородка.

— Но ведь он твой муж!

— Называй как хочешь. Никто не произносил над нами волшебных слов, и мы не совершали никаких гражданских актов. Но ты сам знаешь, как это бывает. Если мы туда обратимся, это может напомнить им о наших налогах, говорит это ублюдок, но если ты спросишь меня...

— Ты еще не готова? — взвизгнул О'Лири, изо всех сил сжимая веки, чтобы побороть искушение широко открыть глаза.

— Ум-м, почти вся помылась, кроме...

— Прошу тебя — мне надо выспаться, ведь завтра предстоит идти целых 20 миль.

— Где полотенце?

— На кровати.

Мягкий звук женского дыхания, шуршание ткани по обнаженному женскому телу, шлепанье босых женских ножек...

— Подвинься, — продыпал женский голосок в ухо.

— Что? — Лафайет подскочил и сел в постели. — Великий боже, Свайхильда, не можешь же ты спать здесь!

— Ты хочешь сказать, что я не могу спать в своей собственной постели? — возмущенно сказала она. — Может быть, ты считаешь, что я должна спать в стойле для козла?

— Нет.. конечно, нет... но...

— Послушай, Лэйф, либо мы делимся, причем поровну, или можешь отправляться спать на кухонный стол, несмотря на все твое серебро!

Он почувствовал, как ее теплое нежное тело скользнуло в постель, перегнулось через него, чтобы задуть свечу.

— Дело не в этом, — слабым голосом ответил Лафайет. — Дело в том...

— Ну?

— Э-э-э... мне не припомнить сейчас, в чем дело. Все, что я знаю — что это очень неловкая ситуация, если учесть, что твой муж хранил внизу, а отсюда только один выход!

— Кстати, насчет хранил, — неожиданно сказала Свайхильда. — Я что-то не слышала ни звука по меньшей мере последние пять минут...

От удара дверь распахнулась настежь, и из нее полетели щепки. При свете высоко поднятой лампы Лафайет увидел разъяренный облик Халка, отнюдь не ставший менее свирепым от огромного синяка под глазом и шишканией величиной с гусиное яйцо на голове рядом с ухом.

— Ага! — заорал он. — Прямо под моей крышей, ты, Иезавель!

— Твоей крышей! — заорала на него Свайхильда, не оставаясь в долгу, в то время как О'Лири вжался как можно глубже в стену. — Мой старик все это оставил мне, насколько я помню,

и по доброте душевной я приютила тебя, когда ты шлялся по улицам в поисках своей обезьяны, которая утащила твою шарманку! Или ты это тоже мне наврал?

— В ту самую минуту, когда я увидел эту разодетую обезьяну, я понял, что вы с ним что-то затеваете! — тоже не остался в долгу Халк, указывая пальцем, размером с сардельку, на О'Лири.

Он повесил фонарь на крючок у двери, закатал рукава рубашки за бицепсы толщиной с коровью ляжку и в прыжке ринулся на кровать. Лафайет отчаянным усилием оттолкнулся от стены вместе с кроватью и соскользнул на пол, запутавшись в одеяле. Голова Халка соответственно угодила в стену; вся картина напоминала нападение быка на тореадора. От силы удара Халк свалился на пол, как мешок с картошкой.

— Ну и ударчик у тебя, Лэйф, — восхищенно сказала Свайхильда откуда-то сверху. — Так ему и надо, этому бульдогу, получил по заслугам.

Лафайет, окончательно запутавшийся в просторах своего одеяла, наконец выполз из-под кровати, прямо на глаза изумленно глядящей на него Свайхильды.

— Какой ты забавный, — сказала она. — Сначала вырубил его одним ударом, а потом спрятался под кроватью.

— Я просто искал свои контактные линзы, — высокомерно заметил Лафайет, поднимаясь. — Но все это неважно, мне они нужны только для работы вблизи, как, например, для составления завещания.

Он схватил свою одежду и принялся напяливать ее со всей возможной скоростью.

— Я думаю, ты прав, — вздохнула Свайхильда, откидывая прядь прекраснейших белокурых волос на голое плечо. — Когда Халк очнется, он будет не в лучшем настроении.

Они поисками в развороченной постели свою одежду и тоже принялась одеваться.

— Не беспокойся, можешь не провожать меня, — торопливо сказал Лафайет. — Я знаю дорогу.

— Провожать? Ты что, шутишь, дорогуша? Ты что, считаешь, что я здесь останусь после того, что произошло? Давай-ка уберемся подобру-поздорову, пока он не пришел в себя, а не то тебе придется еще раз вырубить его — уж больно он страшен в гневе.

— Ну... может быть, это и не плохо, если ты действительно погостишь у своей матушки, пока Халк немного остынет, и ты сможешь объяснить ему, что все это было не так, как выглядело.

— Не так? — на лице Свайхильды сквозило явное удивление.

— Тогда как же? Ну, да ладно, можешь не отвечать. Ты какой-то

странный, Лэйф, но я думаю, ты не хотел ничего плохого — чего уж я никак не могу сказать о Халке, этом шимпанзе!

Лафайету показалось, что он увидел слезинку, блеснувшую на самом краешке ее голубых глаз, но она отвернулась, прежде чем он успел в этом убедиться.

Она кончила застегивать пуговицы на своем платье, открыла дверцу грязного стенного шкафа у двери и вынула оттуда тяжелый плащ.

— Сейчас, только возьму с собой чего-нибудь перекусить на дорогу, — сказала она, выскользывая из комнаты в темный зал.

Лафайет покорно пошел за ней, взяв с собой фонарь. На кухне он беспокойно стоял, переминаясь с ноги на ногу, внимательно вслушиваясь в звуки наверху, пока Свайхильда запаковывала в корзину грубый хлеб, связку черных колбасок, яблочки и желтый сыр, засовывая туда же разделочный нож и бутылку с сомнительно выглядевшим пурпурного цвета вином.

— Ты очень заботлива, — сказал он, принимая корзину. — Надеюсь, ты разрешишь мне заплатить еще немного, в знак моей признательности?

— Да брось ты, — ответила Свайхильда, когда он сунул руку в карман. — Деньги нам понадобятся во время путешествия.

— Нам? — брови Лафайета полезли вверх. — Где же живет твоя мама?

— Тебя послушать, так прямо какой-то маменькин сыночек, ей-богу. Моя старуха умерла, когда мне и года не стукнуло. Да-вай-ка сматываться отсюда, Лэйф. Нам надо умотать подальше, пока он не проснется и не отправится нас разыскивать.

Она толкнула заднюю дверь, и их обдал очередной порыв ледяного ветра.

— Н-но не можешь же ты пойти со мной!

— Это еще почему? Мы идем в одно и то же место.

— Ты хочешь повидать герцога? Мне показалось, что...

— Да хрен с ним, с герцогом! Я просто хочу пожить в большом городе, увидеть яркие огни, немного позабавиться, прежде чем стану совсем старухой. Лучшие годы своей жизни я провела, стирая эти слоновьи носки, да и те приходилось отнимать у него с боем, а что я за это получала? Только руку себе чуть не вывихнула, когда дала ему по голове сковородкой!

— Но... что скажут люди? Я хочу сказать, Халк ведь не поверит, что я тобой не интересуюсь, то есть в другом смысле не интересуюсь...

Свайхильда вздернула подбородок и выпятила нижнюю губку — выражение, с помощью которого принцесса Адоранна в свое время разбила тысячи сердец.

— Прощу простить меня, благородный сэр. Теперь мне ка-

жется, что я только буду вам обузой. Так что идите-ка своей дорогой. А я уж как-нибудь сама доберусь...

Она повернулась и пошла вперед по освещенной луной улице. На сей раз О'Лири был уверен, что видел в уголке ее глаза блеснувшую слезу.

— Свайхильда, подожди!

Он кинулся за ней и цепился за край ее плаща.

— Я имел в виду... я имел в виду...

— Да брось ты, нужны мне твои утешения, — сказала она, и Лафайету показалось, что она с трудом удерживается от слез.

— Жила я на свете до того, как ты появился, и ничего, не умерла, и когда тебя не будет, тоже как-нибудь проживу!

— Свайхильда, по правде говоря, — запинаясь, пробормотал О'Лири, торопливо шагая рядом с ней, — я колебался, гм... не решаясь, гм, отправиться вместе, только по той причине, что я, э-э-э, что меня очень сильно тянет к тебе. Я хочу сказать, кха-кха, что не могу обещать вести себя по-дженртльменски все время, а ведь все-таки я женатый мужчина, а ты замужняя женщина, и... и...

Он остановился, окончательно запутавшись и ловя ртом воздух, в то время как Свайхильда повернулась, испытывающе глянула ему прямо в глаза, затем радостно улыбнулась во весь рот и закинула ему руки за шею.

Ее мягкие бархатные губки изо всех сил прижались к его губам, ее восхитительные округлости приникли к его телу...

— А я уж боялась, что начинаю стареть, — доверительно призналась она, покусывая его за мочку уха. — Ты какой-то смешной, Лэйф. Но я думаю, это от того, что ты весь из себя такой благородный, что даже думаешь, что можно обидеть этим девушку.

— Совершенно верно, — торопливо согласился Лафайет. — И еще мысль о том, что может сказать моя жена и твой муж.

— Если это все, что тебя беспокоит, выкинь-ка это из головы. — Свайхильда потрепала его волосы. — Пойдем, если мы поднажмем, то будем в порту Миазма до петухов.

3

Поднявшись на небольшой каменистый холм, Лафайет поглядел вниз, на пейзаж, залитый лунным светом, туда, где широкое озеро простипалось до самого горизонта, и его гладкая поверхность прерывалась длинной цепью островов, которые как бы являлись продолжением низких холмов, тянувшихся по левому берегу. На последнем из островов отдаленно мигали огоньки города.

— Трудно поверить, что когда-то я прошел всю эту землю пешком, — сказал он. — Если бы я не нашел оазиса с автоматом газированной воды, то от меня не осталось бы ничего, кроме кучи высушенных костей.

— У меня ломит ноги, — простонала Свайхильда. — Давай передохнем.

Они уселись на землю, и О'Лири начал распаковывать корзинку с продуктами, из которой сильно запахло чесноком. Он нарезал колбаски кусками, и они стали жевать, глядя на звезды.

— Смешно, — сказала Свайхильда. — Когда я была девочкой, я воображала, что на всех этих звездах живут люди. Мне казалось, что все они живут в прекрасных садах и целыми днями танцуют и играют. Я воображала, что я на самом деле сирота и что когда-нибудь придут мои настоящие родители с этих звезд и заберут меня туда с собой.

— Самое забавное то, — ответил ей Лафайет, — что я вообще ни о чем таком не думал. А потом однажды я понял, что стоит мне только сфокусировать свою психическую энергию, и — бац! Я очутился в Артезии.

— Послушай, Лэйф, — сказала Свайхильда. — Ты хороший человек, поэтому лучше бы тебе опомниться и не болтать всех этих глупостей. Одно дело о чем-то мечтать, совсем другое, когда начинаешь в это верить. Так ведь действительно свихнуться не долго. Забудь-ка лучше обо всех своих энергиях и посмотри правде в глаза: находишься ты на самом проклятом Меланже, нравится тебе это или нет. Не могу сказать, что здесь так уж хорошо, но, по крайней мере, это не бредни, а реальность.

— Артезия... — прошептал Лафайет. — Я мог бы быть там королем — только я отказался от престола. Слишком много забот. Но ты была принцессой, Свайхильда, а Халк — графом. Чудесный человек, если узнать его поближе.

— Это я — принцесса? — Свайхильда рассмеялась, но не слишком весело. — Я кухарка и домашняя хозяйка, Лэйф. Это все, на что я гожусь. Разве ты можешь представить меня всю в кружевном наряде, с презрением на лице и еще с каким-нибудь пуделем на веревке?

— Тигренком на поводке, — поправил Лафайет. — И у тебя не было никакого презрения на лице, ты ко всем относишься просто очаровательно. Конечно, ты рассердилась на меня один раз, когда решила, что я пригласил служанку на Большой Бал...

— Конечно, и я была права, — сказала Свайхильда, — еще не хватало, чтобы на моем королевском балу танцевали всякие служанки и кухарки! Что, других баб тебе мало?

— Нет, не скажи, — горячо запротестовал Лафайет, — Дафна была такой же чистой и прекрасной, как и все остальные жен-

шины на балу, кроме, может быть, одной. Все, что ей нужно было, чтобы засверкать во всем блеске, это горячая ванна и красивое платье.

— Н-да, чтобы сделать их меня настоящую леди, этого было бы явно мало, — сокрушенно сказала Свайхильда.

— Ерунда! — запротестовал Лафайет. — Если бы ты приложила хоть немного усилий, то была бы не хуже, чем все — даже лучше!

— Ты считаешь, что если я напялю на себя красивое платье, да буду ходить на цыпочках и не морить своих рук, то буду лучше, чем сейчас?

— Я не это имел в виду. Я имел в виду...

— Ох, Лэйф, хватит. Сколько можно болтать! У меня есть тело, сильное и не без желаний. Если я с его помощью ничего не смогу добиться, то на кой ляд мне кружевные трусы?

— Знаешь, что я тебе скажу: когда мы доберемся до столицы, мы пойдем к парикмахеру, чтобы он уложил тебе волосы в прическу...

— Зачем это портить мои волосы? Прекрати, Лэйф. Пойдем-ка лучше. Смотри, сколько еще идти, а впереди треклятое озеро, и перебраться через него — это тебе не языком трепать.

После каменистого склона холма шел болотистый берег озера, состоящий из грязи, гнилых водорослей и гнилой рыбы. Лафайет и Свайхильда стояли, дрожа, по щиколотку в грязи, оглядывая берег в поисках средства, которое могло бы перевезти их на острова в город, огоньки которого весело сверкали и переливались далеко за черной водой.

— Наверное, старый баркас затонул, — сказала Свайхильда.

— Раньше он перевозил всех в город **каждый час**, полчаса в один конец.

— Похоже, нам придется найти другое средство передвижения, — прокомментировал О'Лири. — Пойдем. Вон те избушки вдоль берега, видимо, рыбачьи хижины. Наверное, нам удастся нанять человека, который перевезет нас на остров.

— Слушай, Лэйф, я должна предупредить тебя: с этими рыбаками поосторожней. Они могут просто дать тебе по голове, обчистить, а труп бросить в озеро.

— Ну, тут придется рискнуть. Не можем же мы просто стоять на месте и мерзнуть.

— Послушай, Лэйф, — она схватила его за руку. — Давай просто пойдем по берегу и найдем лодку, некрепко привязанную, а?

— Ты хочешь, чтобы я украл единственное средство пропитания у бедного рыбака? Свайхильда, мне стыдно за тебя!

— О'кей, тогда ты жди здесь, а лодку добуду я.

— Твое поведение не делает тебе чести, Свайхильда, — твердо сказал Лафайет. — Мы будем действовать прямо и открыто. Честность — лучшая политика, запомни это.

— У тебя какие-то странные идеи, Лэйф. Но валай, речь ведь идет о твоей шее.

Он пошел по грязной дороге к ближайшей хижине, полуразвалившейся постройке из прогнивших бревен, с проржавевшей печной трубой, почему-то торчащей сбоку, из которой в ледяной воздух поднимался черный дым. Слабая полоса света виднелась из-под единственного крохотного заколоченного окна. Лафайет постучал в дверь. После недолгого молчания внутри заскрипели пружины кровати.

— Ну? — отозвался хриплый голос, в котором не слышалось никакого энтузиазма.

— Э-э-э, нас тут двое путешественников, — сказал Лафайет, — нам нужно перебраться в столицу. Мы готовы хорошо заплатить... — локоть Свайхильды болезненно ткнул его под ребра. — Так хорошо, как только сможем, я хочу сказать.

Раздалось какое-то бормотанье, послышался звук отодвигаемого засова. Дверь открылась на шесть дюймов, и бессмысленный покрасневший глаз под поднятой бровью уставился на него на уровне плеча.

— Тебе чего? — сказал голос, явно принадлежащий глазу. — Псих, что ли?

— Поосторожней с выражениями, — сухово сказал Лафайет.

— Здесь присутствует леди.

Бессмысленный глаз посмотрел мимо О'Лири на Свайхильду, рот растянулся в ухмылке, показывая удивительное количество больших желтых зубов.

— Шо же ты сразу не сказал, голуба? Это совсем другое дело.

Глаз оценивающего посмотрел вниз, потом вверх, потом поднялся на прежний уровень.

— Да, хороша птичка. Так чего тебе, говоришь, надо?

— Нам нужно попасть в порт Миазму, — сказал Лафайет, делая шаг в сторону, чтобы скрыть от обитателя хижины Свайхильду. — Это очень важно.

— Ага. Ну, утром...

— Мы не можем ждать до утра, — прервал его Лафайет. — Кроме того, что в наши намерения вовсе не входит провести ночь в этом болоте, нам необходимо убраться отсюда — я хочу сказать, достичь столицы — как можно скорее.

— Ну... я тебе вот что скажу. Я человек добрый и разрешу леди провести ночь со мной в хижине. А тебе брошу плащ от ветра, а утром...

— Ты не понимаешь! — опять прервал Лафайет. — Мы хотим отправиться сейчас... сию минуту... немедленно.

— Угу, — сказал туземец, зевая во весь рот и закрывая его гигантской ладонью, на тыльной стороне которой росли жесткие волосы. — Тебе для этого нужна будет лодка, шеф...

— Послушай, — отрезал О'Лири. — Я стою здесь на холодном ветру и предлагаю тебе вот это...

Он сунул руку в карман и вынул толстый артезианский пятидесятицентовик.

— ...Чтобы ты перевез нас отсюда! Или, может быть, тебя это не интересует?

— Эй! — сказал человек. — Похоже на чистое серебро.

— Естественно, — сказал Лафайет. — Хочешь ты его получить или нет?

— Ух ты, спасибо, голуба...

Толстая рука протянулась из-за двери, но Лафайет быстро отдернул монету назад.

— Ну, ну, — с упреком произнес он. — Сначала ты должен перевезти нас в город.

— Угу.

Рука протянулась назад и залезла в голову, почесывая толстые волосы с таким звуком, какой бывает, когда плотник водит рубанком по сучку.

— Здесь есть одна заковырка, ваша светлость. Но, может, мне удастся все устроить, — добавил он более деловым тоном. — Только цена моя будет — эта серебряная монета плюс совсем немного удовольствия от прелестной леди. Но это уж опосля.

Рука опять вытянулась, как бы намереваясь смести О'Лири с дороги, и он резко ударил ее владельца по костяшкам пальцев, после чего рука во второй раз отдернулась и потревоженное ее место было засунуто в рот.

— У-ух! — сказал туземец, с упреком глядя на О'Лири. — Больно, мастер!

— Жаль, что мало, — холодно ответил Лафайет. — Если бы я так не торопился, я бы выволок тебя из дома и задал настоящую трепку.

— Ну? Мог при этом малость зашибиться, шеф. Я — мужик тяжелый для трепок.

Внутри хижины что-то зашевелилось, и из-за двери высунулась голова, за которой появились плечи размером с добрую копну сена, массивный торс, и обитатель избушки на четвереньках выполз на улицу. Поднявшись на ноги толщиной с телеграфные столбы и выпрямившись во весь рост, он оказался примерно семи футов шести дюймов ростом.

— Я ж ничего не говорю, могу получить плату и после того,

как переедем, — сказало это трехметровое чудовище. — Может, и к лучшему, если сначала разогреюсь. Подожди здесь, я быстро.

— Должна отдать тебе справедливость, Лэйф, — прошептала Свайхильда, когда фигура гиганта исчезла в тумане. — Ты не из пугливых. — Она с сожалением посмотрела вслед великану и добавила: — Но какие-то животные прелести в нем есть.

— Если он дотронется до тебя пальцем, я оторву ему голову и запихаю в его собственную глотку! — отрезал Лафайет.

— Эй, Лэйф, да ты ревнуешь! — с восхищением сказала Свайхильда. — Ты смотри, только не очень, — добавила она. — Хватит с меня скандалов каждый раз, когда какому-нибудь бродяге взбредет в голову посмотреть на мои титьки.

— Ревную? Я? Ты с ума сошла!

Лафайет сердито сунул руки в карманы и принялся вышагивать взад и вперед, пока Свайхильда напевала что-то себе под нос, накручивая волосы на палец.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем великан вернулся краучясь, двигаясь удивительно тихо для такой огромной туши.

— Все готово, — сказал он хриплым шепотом, — пошли.

— Чего это ты крадешься и шепчешься? — громко и требовательно спросил О'Лири. — Что?..

Молниеносным движением великан заткнул ему рот ладонью, жесткой, как седельная кожа.

— Потише, голуба, — прошипел он. — Нам не к чему будить соседей. Ребятам надо выспаться — и так они вкалывают с утра до вечера.

О'Лири вырвался из стальных объятий, отфыркиваясь от резкого запаха дегтя и селедки.

— Да нет, я вовсе не хотел никого беспокоить, — прошептал он.

Он взял Свайхильду за руку и повел ее за их проводником по болотистому берегу до полуразвалившегося каменного причала, в конце которого была привязана неуклюжая широкая плоскодонка. Она опустилась на шесть дюймов в воду, когда великан забрался в нее и сел на скамейку гребца. Лафайет пропустил Свайхильду, заскрипев зубами, когда великан поднял ее за талию и перенес мимо него на корму.

— А ты садись на нос, голуба, и следи, чтобы мы не наткнулись на бревна, — сказал великан.

Лафайет едва успел усесться на свое место, как весла опустились на воду мощным рывком, и он чуть было не полетел в воду. Он угрюмо вцепился в борт, слушая скрип уключин, плеск небольших волн под носом лодки, глядя, как быстро исчезает причал в густом тумане.

Поглядев через плечо, он увидел огни города в дымке тумана, плавающие далеко-далеко над черными водами. Сырой ветер, казалось, пронзal его до костей.

— Долго нам плыть? — хрюпlo спросил он, плотнее закутываясь в одежду.

— Шиши, — прошипел великан через плечо.

— А сейчас в чем дело? — резко спросил Лафайет. — Или ты боишься разбудить рыбу?

— Будь ласков, друг, — настойчиво прошептал великан. — Знаешь, как звук разносится по воде...

Он наклонил голову набок, как бы прислушиваясь. Очень слабо с берега до Лафайета донесся крик.

— Вот видишь, не все так чувствительны, как мы, — высокомерно сказал он. — Так можем мы сейчас поговорить? Или...

— Да заткнись ты, падла, — зашипел великан. — Они нас услышат!

— Кто? — громко спросил Лафайет. — Что здесь происходит? Почему мы ведем себя, как преступники?

— Потому что тому парню, у которого я занял лодку, эта мысль могла прийтись не по душе, — пробормотал великан. — Но сейчас уже все одно. У этих ребят слух, как у летучих мышей.

— Какая мысль могла не понравиться тому парню, у которого ты занял лодку? — удивленно спросил Лафайет.

— Мысль, что я занял у него лодку.

— Ты хочешь сказать, что взял ее без разрешения?

— Стану я будить человека, чтобы спрашивать у него всякие глупости.

— Ах, ты... ты...

— Можешь называть меня Хват, голуба. А свои ласковые прозвища прибереги для тех, кто сейчас пустится за нами в погоню.

Хват что есть силы наклонился вперед и сделал глубокий гребок, сразу пославший лодку далеко вперед.

— Великолепно! — простонал Лафайет. — Вот наша награда за честность: приходится удирать ночью от полиции, которая идет по нашему следу.

— Я от тебя ничего скрывать не буду, — сказал Хват. — Эти ребята — не легавые. И у них нет всех этих твоих предрассудков. Если они нас поймают, то мы получим от них не повестку в суд!

— Послушай, — быстро сказал Лафайет. — Мы повернем назад и объясним им, что все это просто недоразумение...

— Может, вам и понравится, ваше сиятельство, что вас скормят рыбам, но это не по мне, — отрезал Хват. — И нам надо подумать о маленькой леди. Эти ребята слишком подолгу обходятся без девочек.

— Ты бы лучше поберег дыхание, — сказал Лафайет. — И не болтал бы, а греб посильнее.

— Если я буду гребти сильнее, сломаются весла, — возразил Хват. — Похоже, они догонят нас, голуба. Надо бы облегчить наш корабль.

— Хорошая мысль, — согласился Лафайет. — А что мы можем выбросить за борт?

— Да вроде бы здесь нет ни сетей, ни удилищ, а мне надо оставаться на месте, чтобы гребти. И ведь не можем же мы вышвырнуть за борт маленькую леди, то есть, пока в этом нет необходимости. Значит, остаешься ты, приятель.

— Я? — недоуменно отозвался Лафайет. — Послушай, Хват, ведь я тебя нанял, или ты уже забыл? Не можешь же ты всерьез...

— Боюсь, что так, голуба...

Великан положил весла на корму, ударил ладонью о ладонь и повернулся на своей банке.

— Но... кто же заплатит тебе, если я окажусь в озере? — попытался вразумить его О'Лири, отступая в самый дальний конец носа.

— Угу, это верно, — согласился Хват, почесывая свой широкий подбородок. — Может, сначала ты отдашь мне капусту?

— Еще чего! Куда я, туда и деньги!

— Ну... некогда мне с тобой возиться. Раз уж ты такой несправедливый, то придется мне получить с маленькой леди вдвойне, вот и все.

Хват быстро поднялся, и его массивная рука вытянулась по направлению к Лафайету. Тот нырнул под нее и изо всех сил, оттолкнувшись ногами, кинулся головой вперед в живот великану, но внезапно натолкнулся на кирпичную стену, которая почему-то оказалась в этом месте. Отчаянно цепляясь за дно лодки, он услышал какой-то свист и глухой удар, как от молота, вбивающего сваю, а мгновением позже лодку завертело во все стороны. Ледяная вода обдала его целиком.

— Спокойно, Лэйф! — крикнула ему с кормы Свайхильда. — Я дала ему веслом по голове, а он упал на подбородок. Чуть не утопил нас. Надо бы побыстрее перекинуть его через борт.

Лафайет с трудом сфокусировал глаза и увидел неподвижные формы великана, лежащего лицом вниз на борту. Одна его рука, толщиной с дуб, свешивалась за борт, оставляя след на воде.

— Мы... мы не можем этого сделать, — с трудом выдохнул Лафайет. — Он без сознания, он утонет...

Он взял у нее весло, пробрался к гребной банке, отбросил слоновью ногу Хвата в сторону, вставил весла в уключины, сделал гребок.

Весло сломалось с громким треском, и Лафайет полетел вверх тормашками.

— Эх, слишком сильно я ударила, — с сожалением сказала Свайхильда. — Сковородка была гораздо удобнее...

Лафайет вскарабкался обратно на банку, не обращая внимания на боль в голове, шее, глазах и вообще всюду.

— Придется мне грести одним веслом, — тяжело дыша, сказал он. — В каком направлении?

— Понятия не имею, — ответила Свайхильда. — Но, по-моему, это теперь не важно. Смотри.

О'Лири посмотрел в том направлении, куда указывал ее палец. Туманное белое пятно, как привидение, грубо треугольных размеров, виднелось сбоку, быстро приближаясь к ним сквозь густой туман.

— Парусный баркас! — воскликнул Лафайет, когда преследователь показался целиком.

Он разглядел с полдюжины людей на верхней палубе. Увидев дрейфующую плоскодонку, они подняли крик, и тут же баркас переменил направление. Лафайет разбил оставшееся весло о голову первого, кто попытался перепрыгнуть в лодку, но затем айсберг, которого он до сих пор не замечал, упал на него, погребая под сотнями тонн льда и мамонтовых костей.

О'Лири пришел в сознание, стоя на голове в ледяных каштановых щах; в его ушах стучал и звенел громкий гонг. Пол под ним поднимался все вверх и вверх по какой-то никогда не кончающейся кривой, но когда он попытался уцепиться за что-нибудь, оказалось, что обе его руки отрезаны у плеч.

Он изо всех сил заработал ногами, добился того, что еще больше окунулся лицом в ледяную воду, которая прокатилась между его воротником и шеей, прежде чем отхлынуть обратно в озеро при очередном наклоне палубы.

Он завозился еще сильнее, перевернулся на спину и заморгал глазами, чтобы лучше видеть.

Его руки все-таки были на месте — слишком уж сильно они заболели в туго перевязанных кистях.

— Эй, мазурик-то проснулся, — высказался веселый голос.

— Может, наступить ему пару раз на морду?

— Подожди, сначала потащим соломинки за шкуру.

О'Лири затряс головой, вызвав новую волну самых разнообразных болевых ощущений, но слегка прояснил свое зрение. С полдюжины ног в резиновых сапогах стояло под светом фонаря. Над ногами находились такие же неказистые тела. Свайхильда стояла рядом, а руки ее держал сзади мужчина с изрытым оспой лицом и отрезанной мочкой уха. Она неожиданно ударила ногой назад, в удобное для нее место. Заслуживший это вни-

мание человек подпрыгнул и выругался, в то время как его приятели расхохотались.

— Надо же, какая живая, — сказал беззубый матрос с длинными жирными волосами. — У кого соломинки?

— Нет на борту соломинок, — отозвался другой. — Придется взять рыбу.

— Ну, не знаю, — пробормотал невысокий коренастый мужчина с иссиня-черной бородой, которая скрывала все его лицо, кроме глаз. — Никогда не слышал, чтобы за какую-то шкуру ташили рыбу. Мы должны все делать по правилам.

— Да бросьте вы, ребята, — предложила Свайхильда. — Я как-то привыкла сама выбирать мальчиков. Вот ты, красавчик...

— она бросила многообещающий взгляд на самого большого из всей команды мужчину с челюстью, похожей на фонарь, соломенными волосами и фигурой свиньи. — Ты больше всех в моем вкусе. И ты позволишь, чтобы эти недоноски становились между нами?

Выбранный таким образом красавчик изумленно вздохнул, потом ухмыльнулся, расправил свои широкие плечи и выпятил грудь.

— Ну, что же, ребята, вот все и решилось...

Кинжал, брошенный неизвестно чьей рукой, просвистал у похожей на фонарь челюсти, владелец которой подпрыгнул на месте и через мгновение скрылся из виду.

— Ты это прекрати, — скомандовал хриплый голос. — Оставь свои бабы штучки. Мы все делим поровну. Правда, ребята?

Слушая согласный хор голосов, Лафайет умудрился принять сидячее положение, опервшись головой о румпель, находившийся как раз над ним. За ним никто не присматривал и он был просто закреплен в одном положении, держа баркас строго по ветру, надувавшему высокий парус над волнами озера. Лафайет напряг руки: веревки, стягивающие их, были прочны, как стальные наручники. Матросы весело смеялись, поддразнивая Свайхильду, пока один из них зажимал в кулаке несколько копченых селедок, высунув от усердия язык. Предмет этой лотереи стоял в совершенно мокрой одежде, прилипшей к ее изящной фигуре, высоко вздернув подбородок и с синими от холода губами.

О'Лири застонал про себя. Хорошим же защитником для девушки он оказался. Если бы он не настаивал с таким ослиным упрямством, чтобы все было так, как он хотел, они бы никогда не вляпались в эту историю! А сейчас было неизвестно, удастся ли ему вообще унести отсюда ноги. Свайхильда предупреждала его, что туземцы с удовольствием скормят его рыбам. Может быть, они оставили его в живых только потому, что еще не

успели ограбить, а затем он отправится в воду с ножом в сердце. А Свайхильда, бедное дитя, — ее мечта о большом городе кончается прямо здесь, среди этих головорезов. Лафайет из всех сил напряг руки. Если бы только ему освободить хоть одну руку, если бы только он мог захватить с собой на дно хоть одну из этих ослабившихся обезьян, если бы только у него была хоть маленькая толика его прежнего умения концентрировать пси-энергию...

Лафайет сделал глубокий вдох, выдох и заставил себя расслабиться. Хватит биться головой о каменные стены. Он не мог высвободиться из полудюймовых веревок одними только голыми руками. Хоть что-нибудь, даже самое маленькое чудо — ведь не о том речь, чтобы вернуться в Артезию, или вызвать дракона, или даже получить коробку вкусных конфет по первому требованию... Нет, он согласен на самое крошечное изменение обстоятельств, на что-нибудь, все равно что — лишь бы у него появился шанс!

— Это все, о чём я прошу, — пробормотал он, изо всех сил зажмурив глаза. — Хоть один шанс!

“Но мне надо задумать что-то определенное, — напомнил он себе. — Фокусирование пси-энергии — это, в конце концов, не волшебство. Это просто взятие у Вселенной энтропической энергии, с помощью которой можно манипулировать событиями по желанию. Как, например, если бы веревки были слабыми...”

— Но они отнюдь не слабые, — сурово сказал он себе. — Нельзя изменить уже известный элемент ситуации. В лучшем случае, можно действовать на событие, которое должно произойти, вот и все. А может быть, и это не получится.

“В таком случае — если бы на палубе лежал нож, старый ржавый нож, небрежно отброшенный кем-нибудь в сторону. Я мог бы взять его руками и...”

— Эй, проснись, мурло! — прогремел чей-то голос, и носок сапога ударил его в ухо, после чего целые красочные планеты заплясали в глазах Лафайета.

Лафайет проморгался, уловил острый запах сыра и чеснока изо рта наклонившегося к нему матроса. Что-то похожее на колючую проволоку царапало ему шею. Он отвернулся голову, почувствовал, что под ним что-то перекатилось. Яблоко, понял он, ощущив запах раздавленного фрукта. И сыр, и колбаски...

Он задержал дыхание. Да ведь это же их корзинка с провизией. Пираты бросили ее на борт вслед за пленниками. А в корзинке был нож.

Лафайет открыл глаза и проверил, где находятся в настоящем время пираты. Четверо стояли головами друг к другу, тщательно изучая рыбьи головы, торчащие из кулака пятого. Шестой лежал

и храпел у их ног. Свайхильда скрючилась на палубе, брошенная туда ударом одного из ее будущих поклонников.

Очень осторожно О'Лири стал ощупывать палубу за собой связанными руками, передвигая их по дюйму. Он нашупал мокрый ломоть хлеба, второе яблоко, раздавленное ногой. Он потянулся к корзинке, упал на нее спиной, обнаружил, что она пуста. Колбаски лежали наполовину под корзинкой. Лафайет продвинулся еще на шесть дюймов вперед, давя сыр своими лопатками. И, пока волны раскачивали корпус баркаса под ним, он, наконец, нашупал пальцами нож. Его пальцы сомкнулись на рукоятке.

Нож был совсем небольшим, с лезвием всего дюйма в 4, но он вполне подходил для задуманного. Матросы все еще увлеченно занимались своей лотереей. Лафайет перекатился на палубе, поднялся на колени, с трудом привалился спиной к румпелю. Крепко держа нож, он нашупал крепящие румпель вевреки и начал пилить их ножом.

Это были две минуты сплошной агонии, но, наконец, раздалось музыкальное "бенц", и внезапно освободившийся румпель болезненно ударил под ребра Лафайета, поворачиваясь на 90 градусов. В ту же секунду баркас резко накренился, уваливая под ветер. Матросы, для которых все это было неожиданностью, попытались ухватиться за борт, чтобы не упасть. Баркас сильно дернулся, парус обвис, когда ветер ударил прямо в мачту. Заскрипели ванты, парус вновь надулся с треском, напоминающим пистолетный выстрел. Деревянная нижняя балка паруса пролетела по всей палубе точно на высоте человеческой головы, как заметил Лафайет, потому что именно силой ее удара все четыре матроса были выброшены за борт, упав в воду с громким плеском, в то время как неуправляемый баркас помчался вперед по озеру.

4

— Бедная твоя голова, — сказала Свайхильда, кладя холодный компресс, сделанный из куска ее нижней юбки, на одну из шишек на голове О'Лири. — Эти ребята швырнули тебя, будто ты мешок с брюквой.

— По-моему, у меня печеная картошка вместо уха, причем той же температуры, — простонал Лафайет. — Разве что не светится в темноте, — он посмотрел сквозь туман в направлении, в котором вел баркас. — Определенным образом, эти ребята оказали нам услугу, — заметил он. — Нам никогда бы не удалось добраться так быстро на веслах.

— Прямо раздражает, как ты в самом плохом умудряешься

увидеть хорошее, — вздохнула Свайхильда. — Ты бы подумал об этом.

— Ну, ну, Свайхильда, сейчас не время для мрачных мыслей, — подбодрил ее Лафайет. — Правда, мы промокли, прогрели и ломит все тело, но худшее позади. Из труднейшего положения мы выпутались всего лишь с незначительными неприятностями для моей головы и твоего достоинства. Через несколько минут мы будем есть вкусный суп и пить что-нибудь горячительное, а потом отправимся отдохнуть в лучший городской отель.

— Тебе легко разговаривать. Тебя послушаешь, так ты и герцога уболтать можешь до такой степени, что он подыщет для тебя непыльную работенку, вроде придворного предсказателя или еще там кого-нибудь.

— Мне не нужна никакая работа, — справедливо указал ей Лафайет. — Я просто хочу убраться из твоего Меланжа и вновь вести ту уютную монотонную жизнь, которую так по-идиотски ругал всего несколько часов назад.

О'Лири ловко повернул баркас по ветру, направляя его к огням города впереди. Они проплыли мимо большого колокола, одиноко звянящего из тумана, мимо берега с высокими строениями, чем-то напоминающими амстердамскую гавань, обогнули квартал домов, сгрудившихся за гранитной набережной, приблизились к освещенному причалу, к которому было привязано несколько небольших суденышек. Свайхильда бросила причальный канат служителю, который поймал его и закрепил за каменный кнехт. Газовые фонари бросали неровный свет на мокрую набережную, на которой валялись всякие отбросы. Несколько рабочих без всякого интереса наблюдали, как Лафайет помог Свайхильде сойти с баркаса, бросив служителю никелевую монетку. Пес-дворняга с поджатым хвостом прошмыгнулся мимо них и скрылся между домами в том же направлении, куда пошли они сами.

— Да-а, большой город, — с сомнением сказала Свайхильда, откинув локон, упавший ей на глаза. — Порт Миазма, какой он большой и величественный, — я даже не ожидала.

— Гмм, — невыразительно отозвался Лафайет, ведя ее за руку к освещенному входу небольшой таверны, над которым висела засаленная вывеска “ПИЩА НА СЛАВУ”.

Внутри дымной, но теплой комнаты они заняли угловой столик. Заспанный хозяин молчаливо принял их заказ и ушел.

— Вот это больше похоже на дело, — со вздохом сказал Лафайет. — Мы провели тяжелую ночь, но сейчас как следует поедим горячего, потом заберемся в теплую постель, — так что жаловаться не приходится.

— Большой город пугает меня, Лэйф, — сказала Свайхильда. — Он какой-то бездушный, все куда-то спешат и нет времени на те маленькие хитрости, которые так важны для тела.

— Спешат? Да он мертв, как гробница, — пробормотал Лафайет.

— Вот возьми это место, — сказала Свайхильда. — Открыто в середине ночи. Никогда такого не видела.

— Да сейчас еще и десяти часов нет, — сказал Лафайет. — И...

— И, кроме того, мне надо выйти, — добавила Свайхильда. — А поблизости — ни одного куста!

— Для этого есть специальная комната, — торопливо сказал Лафайет. — Вон там, видишь, написано: «Леди».

— Ты хочешь сказать — внутри?

— Ну, конечно, ведь ты сейчас в городе, Свайхильда, тебе придется привыкать к...

— Ладно, неважно. Я просто быстро прошмыгну в аллею...

— Свайхильда! Будь любезна. В женский туалет!

— Тогда пойдем со мной.

— Я не могу, он только для женщин. Вон там другой — для мужчин.

— Это ж надо! — Свайхильда с удивлением покачала головой.

— Беги скорее, наш суп принесут через минуту.

— Пожелай мне удачи.

Свайхильда поднялась с места и неуверенно двинулась вперед. Лафайет вздохнул, отвернулся к намокшие кружевные манжеты рукавов, вытер влажное лицо салфеткой, лежащей рядом с тарелкой, принюхался к аромату цыпленка и лука на кухне. Его рот наполнился слюной при мысли о том, что его ожидает. Кроме нескольких кусочков салами и тарелки сомнительной свинины, которую ему подала Свайхильда, он ничего не ел с самого завтрака...

Завтрака — 10 часов и миллионы лет назад: резной столик, накрытый на террасе, белоснежная скатерть, начищенное серебро, безупречный официант, наливающий легкое, как пеперышко, вино из замороженной и обернутой в салфетку бутылки, деликатесные ломтики ветчины со специями, пшеничный пирог со взбитыми сливками, тоненькая, как бумага, фарфоровая чашка черного кофе...

— Эй, ты! — загремел глубокий голос из другого конца комнаты, вдребезги разбивая сладострастные воспоминания О'Лири.

Он оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, к кому это так

грубо обращаются, и увидел двух высоких мужчин в голубых, отделанных золотом сюртуках, белых бриджах до колен, туфлях с пряжками и треугольных шляпах. Мужчины уставились на него от дверей таверны.

— Точно, это он, — сказал маленький, хватаясь за эфес своей шпаги. — Ох ты, это надо же — всю неделю за ним гонялись, а теперь награда наша, вся наша. Снарядли, только не упусти его!

Шпага со свистом вылетела из ножен. Ее владелец помахал ею О'Лири.

— Ну-ка, не двигайся с места, приятель, — сказал он стальным голосом. — Мы тебя арестуем именем герцога.

Второй мужчина в форме вынул из-за пояса длинноствольный пистолет, который почему-то ассоциировался со сценическими ковбоями, и небрежно направил его в голову О'Лири.

— Ну, мерзавец, сам пойдешь, или тебя подстрелить, как сопротивляющегося аресту?

— Вам, должно быть, нужен какой-нибудь другой мерзавец, — неторопливо ответил Лафайет. — Я только что прибыл сюда, и у меня не было времени нарушить ваши законы — разве что у вас есть закон, по которому нельзя дышать.

— Пока еще нет, но это мысль. Ты смотри, какой ты умный! Держащий шпагу легонько кольнул Лафайета.

— Уж лучше пойдем по-хорошему, мы с Иоквелом получим одинаково что за живого, что за мертвого.

— Я своими глазами видел, что ты сделал с моим и двумя приятелями, которые тоже хотели тебя арестовать, — предупредил его Иоквел. — У меня так и чешутся руки посчитаться с тобой! — он снял пистолет с предохранителя, раздался зловещий щелчок.

— Да вы с ума сошли! — запротестовал О'Лири. — Я никогда не был до сих пор в этой богом забытой трущобе!

— Скажи об этом герцогу Родольфо!

Шпага еще раз больно кольнула Лафайета.

— Ну-ка, лапки, приятель! Ничего, ничего, нам не далеко идти.

Поднимаясь на ноги, О'Лири посмотрел в сторону женского туалета: дверь была закрыта, внутри все было тихо. Хозяин таверны, избегая смотреть ему в глаза, стоял за стойкой бара, начиная хрустальные фужеры. Лафайету все-таки удалось поймать его взгляд, и он послал глазами сигнал. Хозяин моргнул и сделал движение, как от дурного глаза.

— Вы делаете большую ошибку, ребята, — сказал Лафайет, в то время как острие шпаги помогало ему идти к двери. — Может, именно сейчас тот, за кем вы гонитесь, удирает со всех ног. Вашему шефу это может совсем не понравиться.

— Ты вполне нам подходишь, приятель. А теперь заткнись.

Несколько случайных прохожих с испугом смотрели, как двое полицейских вели О'Лири по узкой мощеной улице, петляющей по городу и ведущей к угрюмой башне, высоко уходящей в небо. Они прошли высокие железные ворота, охраняемые двумя часовыми в форме, такой же, как и на патрульных, пересекли большой двор и дошли до деревянной двери, освещаемой двумя фонарями. Дверь открылась в ярко освещенную комнату, стены которой были увешаны плакатами: «ИХ РАЗЫСКИВАЕТ ПОЛИЦИЯ». В комнате была деревянная скамья и стол, на котором грудой лежали какие-то пыльные бумаги.

— Гляди-ка, кто нам попался, — сказал высокий мужчина с желтоватым лицом, беря в руку гусиное перо и придвигая к себе чистый бланк. — Тоже мне умница. Ты сделал ошибку, вернувшись сюда.

— Вернувшись ку...

Резкий удар в спину положил конец возражениям О'Лири. Его схватили за руки и протолкнули сквозь обитую железом дверь, повели по длинному коридору, заканчивающемуся лестничными ступеньками, которые вели вниз, к запаху, совсем как в домике горилл в зоопарке Сент-Лу.

— Ох, нет, — запротестовал О'Лири, изо всех сил упираясь пятками. — Только не туда!

— Вот именно, — подтвердил Иоквел его худшие опасения. — До встречи, шут гороховый!

И удар ногой в то место, на котором он обычно сидел, швырнулся Лафайета вперед, он полупролетел, полупрокатился вниз по ступенькам, свалившись в камеру с низким потолком, освещенную одной-единственной высокой свечой. По стенам камеры стояли ряды клеток, из которых на него смотрели волосатые, похожие на звериные, лица. В другой стороне сидел человек шире своего роста. Сидел он на трехногом табурете и ковырял в ногтях шестнадцатидюймовым ножом.

— Нашего полку прибыло, — сказал он голосом, напоминающим скрежет мясорубки, перемалывающей мясо с костями. — Тебе повезло, что у нас еще есть свободное место.

Лафайет вскочил на ноги и успел пробежать вверх три ступеньки, прежде чем железный гриль с грохотом опустился вниз, чуть не задев пальцы его ног.

— Чуть-чуть промахнулся, — сказал надзиратель. — Еще шесть дюймов, и мне пришлось бы соскабливать твои мозги с пола.

— Что все это значит? — спросил Лафайет ломающимся голосом.

— Спокойно, — сказал надзиратель, гремя ключами. — Ты

попал обратно в кутузку, и теперь тебе уже не удастся улизнуть, когда я отвернусь.

— Я требую адвоката. Я не знаю, в чем меня обвиняют, но, в чем бы меня не обвинили, я невиновен!

— Ты никогда никого не бил по голове? — осведомился надзиратель, морща лоб в притворном удивлении.

— Ну, что касается этого...

— Никогда ничего не крал?

— Но не намеренно же. Эта лодка...

— Никогда никого не соблазнял? Не пробирался по ошибке в чужую спальню?

— Но я могу объяснить!.. — закричал Лафайет.

— Брось, ты, — надзиратель зевнул, выбирая ключ из связки.

— У нас уже был суд. Ты признан виновным по всем вопросам. Лучше поспи пару часов — ведь завтра у тебя большой день.

— Завтра? А что такое произойдет завтра?

— Да ничего особенного.

Надзиратель схватил Лафайета за воротник куртки, окончательно пришедшей в негодность, и втолкнул в клетку.

— Ма-аленькое отсечение головы на заре, причем ты будешь играть главную роль.

* * *

Лафайет забился в угол своей клетки, делая все от него зависящее, чтобы не обращать внимания на различные боли, нытье и покалывание во всем теле, зуд, вызываемый жизнью насекомых, разделяющих с ним хоромы, мышьей, которые бегали прямо по ногам, тяжелый запах и глубокий придушенный храп остальных заключенных. Он попытался, но уже с меньшим успехом, не думать также о неприятном событии, назначенному на следующее утро.

— Бедная Свайхильда, — пробормотал он, обращаясь к своим коленям. — Она подумает, что я сбежал и бросил ее. Никогда в жизни не будет она больше доверять ни одной женской уборной. Бедная девочка, одна в средневековом адском городе, без денег, без друзей, без места, где можно приклонить голову...

— Эй, Лэйф, — прозвучал знакомый голос из темноты позади него. — Сюда. У нас всего шесть минут, чтобы добраться до ворот, пока ночной часовой не начнет второй круг.

— Свайхильда! — поперхнулся Лафайет, изумленно глядя на голову с всклокоченными светлыми волосами, которая торчала из треугольного отверстия в задней стене камеры. — Где ты... как... что?..

— Шшш! Ты разбудишь надзирателя!

Лафайет бросил взгляд на тюремщика. Тот сидел, распластавшись на своем стуле, как мечтающий Будда, скрестив пальцы на необъятном животе, удобно прислонив голову к стене.

— Я буду пятиться задом, — сказала Свайхильда. — Пойдем, нам долго ползти.

Ее лицо исчезло.

Лафайет вскочил на ноги и кинулся в отверстие головой вперед. Это был грубый каменный туннель, в котором он поместился с большим трудом. По туннелю дул холодный ветерок.

— Положи камень на место, — прошипела Свайхильда.

— Как? Ногами?

— А, ну и черт с ним! Может быть, при таком освещении его никто и не заметит.

В темноте он стукнулся лицом о ее голову, и ее губы скользнули по его щеке. Она хихикнула.

— Ну, и даешь ты, Лэйф — лезешь ко мне в такое время. Любой другой только бы и думал, как бы поскорее унести отсюда ноги!

— Как тебе удалось узнать, где я? — спросил он, ползя вперед по мере того, как она отступала.

— Хозяин таверны сказал мне, что тебя сцепали. Я шла за тобой до самых ворот, а там познакомилась с мальчиками. Один из них подсказал мне об этом туннеле. Вроде бы по нему удрал какой-то другой пленник всего пару дней назад.

— И они все это тебе сказали, едва успев познакомиться?

— А ты сам посуди, каково им, Лэйф: платят мало, работы много — и что им до того, если какой-нибудь бедняга вырвется из когтей Родольфо?

— Вот уж, действительно, это было благородно с их стороны.

— Угу, но как тяжело было моей спине! Ну, и холодный же этот каменный пол, на котором ребятам приходится выстаивать часами!

— Свайхильда... не хочешь ли ты сказать... ну, да ладно, это не важно, — поспешил добавил Лафайет, — я предпочитаю ничего не знать.

— А теперь осторожно, — предупредила она. — Тут туннель идет вверх и выходит наружу под кустом, а совсем рядом ходит часовой.

Используя ногти и пальцы ног, Лафайет полз наверх. На самом верху он остановился и стал ждать, пока Свайхильда прислушивалась.

— Побежали, — сказала она.

Раздался слабый хруст, впереди забрезжил свет, еле видный сквозь туман. Мгновением позже они уже бежали через аллею, пересекнули низкую стену и очутились в небольшом парке. Они

осторожно пробирались меж деревьев и кустарников к уединенному месту в центре густых зарослей.

— А я беспокоился о тебе, — сказал Лафайет, плюхаясь на землю. — Свайхильда, это чудо, я все еще не верю, что так получилось! Если бы не ты, через три часа я стал бы короче на голову.

— А если бы не ты, со мной бы еще реввились бы эти пять палубных обезьян, Лэйф.

Она легла рядом с ним на ковер из хрупких листьев.

— Да, но ведь это именно я втянул тебя во всю эту историю, вытащив из дома ночью...

— Да, но ведь это ты из-за меня поругался с Халком. Он вообще-то не такой уж и плохой, только мозгов у него маловато, и вечно подозревает меня в чем-то. Могу поспорить, если бы он сейчас оказался здесь, то веселенькую закатил бы истерику, увидев нас вместе в кустах!

— Э-э, да, — Лафайет осторожно отодвинулся от теплого тела, лежащего рядом с ним. — Но сейчас нам надо подумать, что делать дальше. Я не могу показываться здесь людям на глаза: либо они принимают меня за кого-то другого, либо эти матросы — самые быстрые пловцы во всем мире...

— Мы так ничего и не поели, — сказала Свайхильда. — Или тебя накормили в тюрьме?

— Должно быть, сегодня у тюремного повара был выходной, — печально ответил О'Лири. — С каким наслаждением я поел бы сейчас этих колбасок, которые были в нашей корзинке!

— Ты подглядывал, — сказала Свайхильда, доставая салами из небольшого пакета вместе с ножом и угрожающе выглядевшей бутылкой вина, которые Лафайет видел в последний раз на борту парусного баркаса.

— Умница, — выдохнул Лафайет.

Он толсто накромсал ножом пахнущую чесноком колбаску, разделил яблоко пополам и вытащил пробку из бутылки.

— Нет ничего лучше пикника под звездами, — сказал он, старательно жуя твердое мясо.

— Эх, о такой жизни я всегда мечтала, — отозвалась Свайхильда, покрывая разделяющее их расстояние и запуская руку ему под рубашку. — Быть свободной в большом городе, встречать интересных людей, осматривать достопримечательности...

— Обход местных тюрем не кажется мне особо хорошей жизнью, — возразил Лафайет. — Мы не можем оставаться здесь под кустом — скоро рассвет. Нам лучше всего попытаться пробраться обратно на причал и забраться на баркас, если он еще там.

— Ты хочешь сказать, что пора уезжать из порта Миазма? Но ведь мы даже не сходили в восковой музей!

— Досадное упущение, но, учитывая привычки местной полиции сначала вешать, а затем спрашивать удостоверение личности, я думаю, что мне удастся пережить это.

— Ну... где-то ты, конечно, и прав, Лэйф. Но я слышала, у них есть статуя Павингейла, убивающего дракона, который так похож на настоящего, что можно поклясться, что из него течет кровь.

— Очень соблазнительно, — согласился О'Лири. — Но остаться в живых еще соблазнительнее.

— Халку не понравится, что мы вернулись, — предсказала Свайхильда.

— А тебе вовсе не надо возвращаться, — возразил Лафайет, — у тебя вроде бы все неплохо здесь получается. Это ведь меня хотят повесить. Но, в любом случае, я не желаю возвращаться. Что находится на другой стороне озера?

— Да ничего особенного. Безлюдные места, Заговоренные Горы, дикари. Бесконечный Лес, чудовища. И Стеклянное дерево. Сам знаешь.

— А как насчет городов?

— Говорят, у короля-эрла есть нечто вроде замка под горами. Зачем тебе?

— Да, не похоже, чтобы я нашел в тех местах помощь, которая мне нужна, — с сомнением произнес Лафайет. — Централь вряд ли пошлет своего представителя куда-нибудь, кроме большого населенного центра.

— Тогда ты влип, Лэйф. Боюсь, что в этой части Меланжа порт Миазма — единственный город.

— Это просто невозможно... впрочем, может быть, ты и права, — он вздохнул. — А это означает, что мне придется остаться и еще раз попытаться увидеться с герцогом. Неплохо бы иметь какую-нибудь маскировку: другой костюм, фальшивую бороду, может быть, повязку на глаз...

— Жаль, что я не украла для тебя солдатскую форму, когда у меня была эта возможность, — сказала Свайхильда. — И ведь лежала на полу прямо передо мной...

— Все, что мне надо — это как-то проникнуть за ворота. Если мне только удастся увидеть герцога и объяснить ему, как это важно, чтобы я вернулся в Артезию, все мои неприятности на этом закончились бы.

— Ты вообще-то поосторожней, Лэйф. Я слышала, Родольфо не охоч до посетителей, в особенности после того, как один из них попытался трахнуть его стулом по голове.

— Ну, обо всем этом можно подумать и позже, — ответил

Лафайет. — Хотя все равно мы болтаем сейчас впустую. Без маскировки — это невозможно, — он отрезал еще кусок салями и стал его задумчиво жевать.

— Да не убивайся ты так, Лэйф, — утешила его Свайхильда. — Кто знает, что может подвернуться. Ты можешь даже найти все, что тебе угодно, прямо на кусте, — никогда не известно, чего можно ждать.

— Да, хотел бы я, чтобы все это было просто. Когда-то так и было. Стоило мне только сфокусировать свою пси-энергию, и я мог устроить все так, как мне этого хотелось. Конечно, я не мог сделать все, что угодно. Я мог только изменить то, что еще не произошло, то, чего я еще не видел, например, за ближайшим углом.

— Ой, как это здорово, Лэйф, — мечтательно сказала Свайхильда, заражаясь его настроением. — Ты мог бы навыдумывать украшений, и всяких красивых черных шелковых подушек с вышивкой, и бог знает чего.

— Я бы согласился на обычный фальшивый нос с очками, вставными зубами и маленькими усиками, — сказал Лафайет.

— Может быть, небольшой рыжий парик и монашеское одеяние с небольшой набивной подушкой. И чтобы все это лежало вон там за кустом, где кто-то потерял все это и...

Он неожиданно замолчал, и его глаза широко раскрылись от удивления.

— Ты ничего не чувствуешь?

— Угу. Ну-ка, сделай так еще раз.

— Да нет, ты не слышала... что-то похожее на удар... как будто что-то шлепнулось?

— Нет. Ты просто говорил о своих желаниях... и, послушай, как мне хотелось бы парочку красивых кружевных штанишек с маленькой розовой ленточкой!..

— Свайхильда... шшш! — резко прервал Лафайет.

Он склонил голову набок, вслушиваясь. Из-за ближайших кустов раздался подавленный смешок и послышались звуки явно интимной возни.

— Подожди здесь.

Лафайет подполз под тяжелые ветви и раздвинул листву карликового лимонного дерева. Звуки исходили из глубокой тени впереди. Под его рукой внезапно треснула сухая ветка.

— Черт возьми, Наделия, что это? — прошептал нервный голос. Кусты зашевелились, и рыбья физиономия с волосами мышиного цвета выглянула из них. Какое-то мгновение голубые навыкате глаза смотрели прямо на опешившего Лафайета. Затем с легким удущенным криком лицо исчезло.

— Твой муж! — прошептал сдавленный голос. — Разбегаемся в разные стороны!

Раздался женский визг, послышался быстрый топот ног убегающих. Лафайет облегченно вздохнул.

Что-то привлекло его внимание, что-то, висящее на кустах. Это была непривлекательная старая ряса из грубой шерсти, к подкладке которой прилипло множество листьев. Рядом с ней лежала черная шелковая подушка, вышитая розовым и желтым.

— Великая Матерь! — прошептал Лафайет с замирающим сердцем. — Неужели же...

Он стал лихорадочно шарить по земле и вскоре наткнулся на что-то мягкое и лохматое, как небольшой зверек.

Он повернул предмет к лунному свету.

— Рыжий парик!..

— Лэйф, что там происходит? — прошептала Свайхильда, подползая к нему сзади. — Откуда это у тебя?

— Это все здесь... лежало.

— И ряса священника, и... моя подушка?

Свайхильда схватила находки и изо всех сил прижала к себе.

— Лэйф, ты все это видел раньше! Ты просто решил подшутить надо мной со всеми этими твоими желаниями!

— Тут должен быть еще один предмет, — пробормотал Лафайет, шаря по земле. — Ах!

Он подобрал фальшивый нос с очками, зубами и усиками, лежащий под кустом.

— И мои штанишки — совсем, как я хотела! — с восхищением взвыла Свайхильда, прижимая воздушное одеяние к груди другой рукой. — Ах ты, старый шалун!

И, не выпуская из рук подушки и штанишек, она обхватила Лафайета за шею и поцеловала в губы.

— О, господи, — сказал Лафайет, освобождаясь из ее объятий. — Ко мне вернулись мои старые способности. Я не знаю, почему и как, но...

Он закрыл глаза.

— Сразу же за этим деревом, — пробормотал он, — автомобиль с дизельным двигателем.

Он выжидающе застыл, открыл один глаз, затем подошел поближе и заглянул за ствол дерева.

— Странно, — он сделал еще одну попытку. — За скамейкой — маузер, автоматический, в черной кожаной кобуре, с запасной обоймой, заряженный.

Он побежал к скамейке и безуспешно принялся переворачивать листья.

— Ничего не понимаю — сначала все получалось, а потом заколодило.

— Ну, ладно тебе, Лэйф, пошутил и будет. Пора нам убираться отсюда. Повезло тебе, что этот парень оделся как священник, чтобы встретиться со своей куколкой. Это еще лучше, чем солдатская форма.

— Могло ли это быть просто совпадением? — бормотал О'Лири, засовывая набивную подушечку за пояс рясы, надевая на себя парик и фальшивый нос. Свайхильда захихикала.

— Как я выгляжу?

Он несколько раз повернулся перед ней.

— Совсем как один из монахов-бродяжек, того и гляди, на-дуешь кого-нибудь.

— Сойдет?

— Конечно, сойдет. Послушай, Лэйф, брось ты этого своего герцога. Из тебя выйдет совсем даже неплохой монах. Мы по-дышем себе какой-нибудь домик, повесим занавесочки на окна и...

— Не говори глупостей, Свайхильда, — с упреком ответил Лафайет. — Герцог Родольфо — моя единственная надежда, чтобы выбраться из этого жалкого места.

Свайхильда схватила его за руку.

— Лэйф, не ходи опять во дворец. Если тебя поймают, то на этот раз отрубят голову, ты и пикнуть не успеешь. И чего это ты не можешь осесть на одном месте и жить спокойно?

— Спокойно? Ты думаешь, мне доставляет удовольствие, когда меня бьют по голове, швыряют в тюрьму, а потом я вынужден прятаться в кустах?

— Я... я буду прятаться вместе с тобой, Лэйф.

— Ну, ну, Свайхильда, ты хорошая девочка. И я очень благодарен тебе за помощь, но это категорически исключается, меня ведь ждет жена, ты это забыла?

— Ну и что? Она — там, а я здесь.

Он потрепал ее по руке.

— Да нет, Свайхильда, смело иди вперед за своим счастьем. Я уверен, что ты добьешься большого успеха в городе. Что же касается меня, то у меня есть очень важное дело, которое я могу выполнить только один. Прощай, я желаю тебе счастья.

— М-может быть, хоть возьмешь с собой подзаправиться?

Она протянула ему бутылку с вином и остатки колбасы.

— Вдруг тебя опять упрячут в кутузку?

— Да нет, спасибо, оставь это себе. Думаю, что следующий свой обед я получу уже в фешенебельной обстановке.

На улице, за кустарником, раздался цокот копыт. Лафайет пробрался через ближайший проход и осторожно выглянулся.

Верховой отряд кирасир в лимонно-желтых кожаных куртках с плюмажами скакал в его сторону, а за ними великолепная

пара холеных вороных в серебряной сбруе влекла золоченую коляску розового дерева.

В открытом окне коляски Лафайет увидел женскую руку в перчатке, бледно-голубой бархатный рукав. Лицо наклонилось вперед, потом повернулось к нему...

— Дафна! — взвыл он.

Кучер подстегнул лошадей, коляска промчалась мимо, набирая скорость. Не обращая внимания на кустарник, Лафайет прордился сквозь него и побежал рядом с коляской. Пассажирка уставилась на него широко открытыми от удивления глазами.

— Дафна! — тяжело дыша, вскрикнул О'Лири, хватаясь за ручку дверцы. — Это ведь ты? Остановись, подожди!

Ближайший всадник эскорта что-то громко проревел, загрохотали и загремели лошадиные копыта. Всадник скакал рядом с ним. Лафайет вовремя увидел опускающуюся саблю и увернулся, споткнулся о выбитый из мостовой камень и проехал два ярда по земле на подбородке. С трудом приподняв голову, он увидел, как коляска исчезла вдали, пересекая площадь, а потом весь вид ему заслонили ноги лошадей, окружившие его со всех сторон. Он поднял голову и оказался перед свирепым лицом и угрожающими усами капитана эскорта.

— Бросьте этого жалкого бродягу в темницу! — взревел капитан. — Закуйте его в цепи! Положите его на доски! Но не убивайте его! Леди Андрагора сама захочет, несомненно, посмотреть, как он корчится в смертных муках.

— Дафна, — пробормотал Лафайет, который чувствовал, что его сердце разбито, в то время как стражник ткнул его копьем, заставляя поспешить. — И она даже не оглянулась...

5

В новой камере Лафайета было еще меньше удобств, чем в той первой, которую он так недавно занимал, и состояла она из сырого пола размером в карточный стол и железных колодок для ног, которые были закреплены вокруг его лодыжек, добавив ему очередных синяков и царапин. За решеткой человек с большими руками, одетый с ног до головы в зловещую черную одежду, насиживал какой-то веселый мотив, помешивая угли на небольшой жаровне, от которой несло жаром и рядом с которой висел причудливый набор самой разнообразной формы щипцов, зажимов, клещей и преувеличенно больших орехоколов. Справа от жаровни стояло нечто, напоминающее поставленную на попа кровать, если бы не острые стержни, торчащие по всей длине, с зажимами на концах. Видимо, для гармонии слева стоял от-

крытый саркофаг, весь утыканный трехдюймовыми ржавыми гвоздями.

— Прослушайте меня, — начал Лафайет в девятый раз. — Если бы вы только передали мое послание герцогу, это глупое недоразумение сразу бы кончилось.

— Пощади ты меня, приятель.

Техник одарил О'Лири улыбкой.

— Для тебя все это в новинку, но я уже проходил через это тысячу раз. Тебе лучше всего просто расслабиться и думать о чем-нибудь другом. Например, о цветах. Цветы — это хорошо. Просто представь себе, как они склоняют свои маленькие головки весной на заре, забрызганные росой, и все такое. Ты даже и не заметишь, что происходит.

— Вы куда больше уверены в моих способностях, чем я сам, — сказал Лафайет. — Но ведь я вам говорю, что я тут вовсе ни при чем. Я невиновен, я обычный турист, и все, чего я хочу, — это объяснить свое дело его светлости герцогу, и можете не сомневаться, я вставлю о вас доброе словечко и...

— Ш-ш. Не трать зря силы, приятель. Ты совсем с ума сошел, что не снял своей монашеской рясы, прежде чем пойти на это дело. Почти вся герцогская стража искала этого пройдоху-монаха всю неделю, а он умудрился проворачивать свои делишки под самым их носом. Да ты, наверное, просто одержим слас-толюбием, что набросился на карету ее светлости прямо перед воротами замка, хотя я тебя и не упрекаю. Это лакомый кусочек, это уж точно.

— И это все... гм... что они против меня имели?

— Да ты что, приятель, тебе разве этого мало? Сам герцог имеет виды на ее светлость. И вряд ли ему понравится, что какой-то бродяга попытался пристать к ней.

— Да нет, я имею в виду, меня не обвиняют в чем-нибудь за вчерашнее или позавчерашнее? Не хотят отрубить голову на заре, или что-нибудь в этом роде?

— Отрубить голову? Нет, ничего такого, самая обычная процедура с раскаленным железом, и тому подобное. Должны были тут отрубить голову одну на заре, но я слыхал, что этот чудак оказался колдуном: он превратился в летучую мышь и улетел в трубу.

— Неплохо придумано, жаль, что я не знаю его тайны.

Лафайет изо всех сил зажмурился.

— Я нахожусь в Артезии, недалеко от пустыни, — страстно пробормотал он. — Стоит прекрасная ночь, светят звезды, и мне только и надо, что пройти 20 миль по песку и оказаться во дворце, и...

— Эй, брось ты свои заклинания, — с упреком сказал ему

палач. — Ты и так по уши завяз, не хватает еще обвинения в колдовстве.

— Все равно это бессмысленно, — простонал О'Лири. — Я думал, ко мне все вернулось, но это был только самообман. Я застрял здесь... если мне не удастся поговорить с герцогом, — закончил он с отчаянием в голосе. — Может быть, вы хоть попытаетесь? Если окажется, что я говорю правду, вас ожидает значительное повышение в должности.

— Мне не надо никакого повышения, приятель. Я и так выше всех в своей профессии и вполне доволен своей работой.

— Тебе нравится быть палачом?

— Нам, Д-И-С, вовсе не нравится, когда нас так называют, мистер, — сказал человек расстроенно. — Мы — Добывающие Истину Специалисты. Вот уж не позавидовал бы тебе, если бы ты попал в руки к какому-нибудь из мясников, которые портят доброе имя нашей профессии!

— Вы хотите сказать, есть еще и специальная школа, где обучают, как сделать ожог с помощью раскаленного железа?

— Ну, что ты, приятель, все это куда сложнее. Вот возьми, например, мое теперешнее поручение: у меня строгий приказ сохранить тебя в состоянии "выпускника", как мы это называем, до тех пор, пока не вернется ее светлость. А так как она собирается отствовать несколько недель, сам понимаешь, как деликатно мне придется с тобой все время обходиться. Далеко не каждому удалась бы такая тонкая работа.

— Послушайте, у меня есть к вам предложение, — веселым фальшивым тоном сказал Лафайет. — Почему бы вам просто не позабыть, что я здесь, пока она вернется? Тогда вы сможете нарисовать на мне несколько линий краской и сделать несколько рубцов из воска, и...

— Стоп, стоп, замолчи, — сурохо ответил ДИС. — Я сделаю вид, что ничего этого не слышал. Да если бы я позволил себе нечто в этом роде, меня изгнали бы из гильдии!

— Знаешь что, — ответил Лафайет, — если ты пообещаешь никому не говорить об этом, то и я не скажу.

— Эх, заманчиво, конечно, но — нет.

ДИС поворотил угли, поворачивая железный прут, чтобы он раскалился докрасна равномерно.

— Я ведь не должен забывать еще и о традициях. Ничего не хочу сказать, это ты неплохо придумал, но я не могу на это пойти.

Он поднял раскаленный прут и критически осмотрел его, лизнул палец и слегка дотронулся до железа. Раздалось громкое шипение.

— Ну вот, думаю, мы готовы. Если тебе не трудно будет раздеться до пояса, то мы можем начать.

— О, я не тороплюсь, — запротестовал Лафайет, отступая к стене камеры и лихорадочно ощупывая руками кладку за спиной. “Всего один расшатанный камень, — взмолился он про себя, — а за ним маленький потайной ход...”

— Честно говоря, я и так отстал от расписания, — сказал ДИС. — Что ты скажешь, если мы начнем легонько с эпидермы, а потом дойдем до нервных центров, прежде чем прорвемся на ужин? Эй, кстати, совсем забыл тебя спросить: хочешь есть? Всего полтора доллара, но я слышал, у них сегодня салат из цыплят и пирожки с вареньем.

— Нет, спасибо, я тут попошуся некоторое время. Я разве не говорил, что нахожусь на диете под наблюдением врача? И в особенности мне противопоказан шок и...

— Если бы это от меня зависело, я бы накормил тебя бесплатно, совсем по-американски. Но...

— Что ты знаешь об Америке? — вскричал Лафайет.

— Кто же не знает Луиджи Американца, отличного парня, который занимается поставкой яиц? Жаль, конечно, что герцог слишком жадничает...

— Я все слышу, Стонруб, — прозвучал вибрирующий баритон.

Высокий, мускулистый, но слегка одутловатый мужчина с зачесанными назад гладкими волосами и в очках в тонкой оправе стоял в дверях. На нем были желтые брюки в обтяжку и короткий горностаевый плащ. Лафайет уставился на него, потеряв дар речи.

— О, привет, ваша светлость, — спокойно сказал палач. — Ну и что, вы сами знаете, что я ничего не скажу за вашей спиной, чего не сказал бы вам в лицо.

— Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко, — отрезал вновь прибывший. — А теперь оставь нас. Мне надо поговорить с пленником.

— Эй, это не честно, ваша светлость, мой стержень номер 4 только-только успел нагреться до рабочей температуры.

— Неужели мне надо указывать тебе на то, что мне довольно трудно будет беседовать с твоим подопечным, когда в воздухе будет вонять горелым мясом?

— Гм... это, конечно, верно.

Стонруб швырнул железный прут обратно на угли и бросил на Лафайета сожалеющий взгляд.

— Прости, приятель. Но сам видишь, какие тут дела.

Седовласый, сузив глаза, изучал О’Лири. Как только дверь за ДИС закрылась, он подступил вплотную к решетке.

— Итак, это все-таки вы, — сказал он и замолчал, нахмурившись. — Что случилось? — резко и требовательно

произнес он. — Вы выглядите так, словно увидели привидение.

— Н-н-никодеус? — прошептал О'Лири.

— Если это какого-нибудь рода пароль, то я его не знаю, — отрезал герцог Родольфо.

— Вы не... Никодеус? Не субинспектор континуума? Вы не можете позвонить, чтобы меня отправили в Артезию?

Герцог уставился на Лафайета горящими глазами.

— Хватит издеваться надо мной, Ланцелот. Сначала вы врываетесь в мою приемную и несете всякую чушь, затем удираете из моей самой надежной тюрьмы на глазах самой не-подкупной стражи. Затем открыто появляетесь рядом с пристанью, прямо-таки напрашиваясь, чтобы вас еще раз арестовали, после чего удираете только для того, чтобы напроситься на арест в третий раз, приставая к одной леди — не будем называть ее имени — на глазах у ее охраны. Очень хорошо, может, я немного упрям, но мне кажется, я вас понял: у вас есть что предложить мне.

— Да?.. — слабо сказал Лафайет. — То есть... Значит, вы, наконец, поняли?

— И?

Взгляд Родольфо оставался таким же горящим.

— И... э-э-э... что? — жизнерадостно спросил О'Лири.

Герцог нахмурился.

— Значит, ты решил шантажировать меня, вот как? Ничего у тебя не выйдет! Валяй, исчезай сюда, развлекайся! Но не жди, что я приползу к тебе, умоляя сообщить сведения о леди Андрагоре...

Он закончил предложение в полу вопросительном тоне, и в его глазах можно было прочесть почти умоляющее выражение.

— Леди Андрагоре? — пробормотал Лафайет. — Чтобы я сказал тебе...

— Ну, хорошо, — герцог вздохнул. — Я вижу, что с самого начала обращался с тобой неправильно. Ладно, я признаю свою ошибку. Я был в корне неправ в этом. Но вряд ли ты можешь упрекнуть меня, если вспомнить об этом эпизоде с тухлым яйцом и бутылкой чернил... И тем не менее я готов примириться. Я даже извиняюсь, хотя это против моих правил. Ну, теперь ты согласен посидеть со мной рядом и поговорить, как подобает джентльменам?

— Э-э-э... ну конечно, и я бы хотел быть покладистым, — не зная, что отвечать, с отчаянием произнес Лафайет. — Но камера пыток вряд ли подходящее место для сердечной беседы.

Герцог хмыкнул. Повернувшись, он позвал Стонруба.

— Проследи за тем, чтобы этого дворянина освободили, по-

мыли, накормили, согласно его положению и привели в мои апартаменты через полчаса, — он бросил на О'Лири подозрительный взгляд. — И никаких исчезновений до тех пор, Ланцелот, — угрожающе сказал он и вышел из комнаты.

— Ну вот, подфартило, — философски сказал Стонруб, отпирая дверь камеры. — Похоже, нам не удастся встретиться с тобой на профессиональном уровне сегодня ночью, малыш. Но все равно мне было приятно с тобой познакомиться. Может, как-нибудь в другой раз.

— Не сомневаюсь, — сказал Лафайет. — Послушай, Стонруб, а что ты знаешь об этой... э-э-э... леди Андрагоре?

— Да ничего особенного. Просто — что она самая богатая и самая красивая леди во всем Меланже. И что страсть герцога к ней горит, как Чикагский огонь.

— Ты знаешь о Чикагском пожаре?

— Конечно. Пивнушка. Сгорела на прошлой неделе. А что?

— Да нет, неважно. Так ты говоришь...

— Да, жаль его светлость, что ему никогда не удастся поближе познакомиться с ее светлостью.

— Почему?

Стонруб ухмыльнулся и понизил голос:

— Потому что у нее есть другой, приятель. Об этом всюду говорят.

— Другой?

Лафайет почувствовал, как его сердце подпрыгнуло до самого горла и опустилось обратно.

Стонруб ткнул локтем Лафайету под ребра.

— Герцог Родольфо этого не знает, но он играет вторую скрипку после одного мошенника по имени Лоренцо Долговязый — или это Ланцелот Счастливчик?

— Лоренцо Долговязый? — прохрипел Лафайет, глядя, как Стонруб снимает с него колодки.

— По правде говоря, — сказал ДИС тоном человека, который посвящает своего знакомого в тайну, — даже сейчас объявлено, что миледи направляется в гости к своей тетке-старушке и ее двенадцати кошкам. Но, между нами, ходят слухи, что она направляется в охотничью избушку Закличаре, чтобы провести медовый месяц с этим счастливчиком.

— М-медовый месяц?

— Угу. Ладно, пойдем, я передам тебя служанке, чтобы она подготовила тебя к встрече с герцогом.

Когда Лафайет, чистый, сытый, одетый в новые шелковые одежды, которые были ему почти впору, был введен в комнату, герцог Родольфо сидел в большом мягким кожаном кресле.

— Садись, Ланцелот, — приказал герцог, явно заставляя себя разговаривать сердечно. — Вино? Сигару?

Он помахал рукой в направлении небольшого удобного кресла и низкого столика, уставленного бутылками и стаканами.

— Благодарю.

Лафайет с благодарностью опустился в кресло, потом зевнул, чуть не вывихнув себе челюсть.

— Прошу прощения. Просто я обычно ложусь спать значительно раньше. Кстати, меня зовут Лафайет.

— Ты хорошо пообедал?

— Так хорошо, как это только было возможно, если учесть, что одновременно шесть девушек терли мне спину, наклеивали пластирь на мои ссадины и массировали ушибы. Хотя я, конечно, вполне ценю такую заботу.

— Превосходно. А теперь давай прекратим ходить вокруг да около, Ланцелот. Какова твоя... э-э-э... связь с леди Андрагорой?

Герцог отхлебнул глоток вина и резко искоса посмотрел на Лафайета.

— Моя связь с леди Андрагорой? — повторил Лафайет. — Гм, как это... то есть я хочу сказать, что я — ее муж.

Лицо герцога закостенело.

— Ее муж?

Его голос рубанул воздух, как гильотина.

— Ее отчужденный муж, — торопливо поправился О'Лири.

— Мы практически не знакомы друг с другом.

— Никогда не слышал, чтобы миледи была замужем, — опасным тоном сказал Родольфо.

Он потянулся к бутылке с виски, налил себе на два пальца и опрокинул стакан в горло.

— Тем более — что она разведена.

— Она очаровательная девушка, — торопливо продолжал Лафайет. — Веселая такая, жизнерадостная...

— Можешь оставить при себе свои интимные воспоминания, — отрезал Родольфо. Он закусил губу. — Возможно, это объясняет доклад капитана Рипцога о том, что ты пытался заговорить с нею на улице, пока тебя не оттеснила стража.

— Он... — начал было Лафайет, — очень настойчивый человек, этот капитан.

— Хотел бы я знать, чем ты так оскорбил изумительную леди, что заслужил такое отвращение с ее стороны.

— Я думаю, что все началось с хлопушки в постели, — начал О'Лири, затем заметил черное облако, наползающее на герцогские черты. — Хлопушка — это ее кошка, — сымпровизировал он торопливо. — Она настаивала на том, что будет с ней спать.

А так как у меня просто аллергия к кошкам — ну, вы сами должны понять, что это была за женитьба.

— Ты хочешь сказать, что никогда... что ты не...

— Вот именно.

Лафайет отер со лба пот кружевным рукавом и налил себе добрую порцию виски.

— Считай, что тебе очень повезло, Ланцелот, — сказал Родольфо стальным голосом. — В противном случае я вынужден был бы немедленно тебя казнить, Ланцелот.

— Лафайет. И давайте не будем начинать все сначала, — сказал О'Лири, переведя дух от крепкого виски. — Вы велели меня отпустить и привести сюда по какой-то причине. Ну, так я вас слушаю.

Герцог начал барабанить пальцами по столу, потом резко остановился.

— У меня возникло чувство привязанности к этой леди, — сухово сказал он. — Соответственно, я пригласил ее провести со мной уикэнд в моем зимнем дворце. Вместо того, чтобы радостно принять эту честь, она сослалась на то, что еще раньше договорилась навестить престарелую родственницу.

— И?

— Возможно, я слишком мнителен, но мне показалось, что в ее обращении все-таки сквозил легкий холодок.

Герцог налил себе еще виски.

— Может, ты не в ее вкусе, — предположил Лафайет, не отставая от герцога.

— Не в ее вкусе? Что ты этим хочешь сказать?

— Ну, с одной стороны, ты достаточно стар, чтобы быть ее отцом, — указал Лафайет.

— Это не имеет значения!

— А может быть, для нее имеет. К тому же, ты только не обижайся, не могу сказать, чтобы ты был особенно весел в общении. Даф... я хочу сказать, леди Андрагора очень любит по-развиваться.

— Весел в общении? Как я могу веселиться, обремененный государственными делами, несварением желудка, бессонницей и угрозой срочных платежей?

Герцог схватил бутылку за горлышко и налил себе, потом Лафайету до краев.

— Вот об этом я тебе и толкую, твоя светлость. Сплошная работа и никаких развлечений делают Родольфо скучным...

— Сплошная работа и никаких... клянусь своими поджилками, сэр, неплохо сказано!

Они чокнулись и выпили. Герцог задумчиво облизал губы.

— Теперь я все понял. Каким идиотом я был! Почему я просто

не подошел к ней открыто, не предложил весело провести день, сходив в местный музей, или, например, бесшабашно закончить вечер карточной игрой? Но нет, все, что предлагал ей я, были какие-то государственные обеды или приглашения в ложу для посетителей на еженедельные Герцогские Заседания.

— В том-то и штука, Родольфо!

На сей раз стаканы наполнил Лафайет.

— Ты мог бы даже предложить ей прогуляться в парке или поплавать и позагорать на пляже, или даже устроить пикник на лужайке. Нет ничего лучше муравьев в картофельном салате, чтобы все преграды рухнули. Твое здоровье!

— Ну, конечно, мой мальчик! И как это раньше не пришло в голову? — наполняя стаканы, Родольфо расплескал виски на стол. — Я был дураком, бесчувственным идиотом!

— Не упрекай себя, Руди, — сказал Лафайет, поднимая свой стакан. — В конце концов, тебе ведь надо было управлять всем герцогством.

— Верно. Но теперь все будет по-другому, и все благодаря тебе, дорогой мой. Я буду кормить ее своими любимыми яствами, мы будем слушать мою самую любимую музыку, я завалю ее своими любимыми винами, книгами, духами, закидаю платьями, которые пойдут ей больше всего.

— Тихо, тихо, Руди, — Лафайет укоризненно помахал в воздухе пальцами. — Не хочешь ли хоть немного подумать о вкусах самой леди?

— А? Как может она возражать, когда ей подадут рубленую куриную печень с белым вином, а мой оркестр будет играть в это время мелодию из “Мертвого Марша” Саула?

— И одета она будет по последней моде? Трудно сказать. Но женщины — странные звери. Никогда нельзя понять, что они думают. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе о принцессе, с которой я был одно время обручен.

— И я начну сегодня, сейчас же! — воскликнул Родольфо и ударил кулаком по подносу. — Я... но, черт побери, ничего не выйдет! Она уехала из города и вернется только через две недели.

— Очень недурная была девочка, — сказал Лафайет, — но стоило мне только на минуту отвернуться...

— Но, черт побери, какой смысл быть герцогом, если я не могу сделать по-своему?

Родольфо победоносно смотрел на Лафайета.

— Я прикажу чтобы ее вернули. Быстрый кавалерийский отряд нагонит ее за какую-нибудь пару часов, так что у меня едва хватит времени, чтобы охладить мое любимое вино и...

— Ах, Руди, — запротестовал Лафайет. — Преклонение, а не сила — разве ты забыл?

- Но ведь сила — это значительно быстрее.
- Неужели ты хочешь иметь забитую рабу, угрюмо подчиняющуюся всем твоим приказаниям, а не веселую, живую резвушку, восхищающуюся твоей галантностью и умом?
- Гмм. После того, как ты упомянул об этом, мне кажется, что раба — это куда практичнее.
- Ерунда, Руди. Ведь ты хочешь, чтобы этот лакомый кусочек, этот созревший плод упал прямо тебе в руки, верно? Поэтому вместо того, чтобы посыпать потных солдат в латах, которые притащат ее обратно, визжащую и царапающуюся, ты должен отрядить особого посланника, который передаст ей твои пожелания с деликатностью, приличествующей столь важной миссии.

Лафайет икнул и опрокинул бутылку над стаканом.

- Черт возьми, сынок, ты, как всегда, прав. — Родольфо задумчиво нахмурился. — Но кому из всей этой коллекции кретинов и пьяниц, которые окружают меня, могу я доверить такое важное дело?

— Тебе нужен человек, доказавший свою пригодность, ум и хитрость. Не какой-нибудь мужлан, который продаст лошадь и автограф твоего письма, как только выйдет из ворот замка. Какой-нибудь рыцарь, находчивый, галантный, образованный...

— Какого письма?

- Того, которое ты напишешь, чтобы сказать ей о том, что ты поклоняешься ей издалека, — сказал О'Лири.

Он потряс пустую бутылку и перекинул ее через плечо.

- Великолепная мысль! — воскликнул Родольфо и снова ударил кулаком по подносу, так, что стаканы подпрыгнули. — Но... что я ей напишу?

Он задумчиво принял грызть кольцо на левой руке.

— Честно говоря, мой мальчик...

— Зови меня просто Лафайет, Руди.

- Мне казалось, что тебя зовут Ланцелот, — сказал герцог. — Но это неважно. Честно говоря, как я уже упоминал, я никогда не умел писать. Всякие там цветистые послания...

— И откуда только это взбрело тебе в голову?

— То есть как — ты сам предложил написать письмо!

— Да нет, я имею в виду, что меня зовут Ланцелот.

— Ланцелот... он-то здесь при чем?

Родольфо выглядел удивленным, потом весь просиял.

- Ну, конечно! — воскликнул он, выплевывая изо рта кусочек ногтя, который только что старательно отгрыз. — Именно Ланцелот! Ты умен, изобретателен и у тебя есть голова на плечах. Ты пьешь? — внезапно спросил он вызывающим тоном.

— Как я могу пить, когда бутылка пуста?
— Великолепно! Никогда нельзя доверять человеку, который не умеет пить. Кстати, бутылка пуста.

Родольфо поднялся и неуверенно пошел через комнату, открыл шкафчик, вытащил новую бутылку и по синусоиде вернулся обратно в кресло.

— Вот я и говорю: отправляйся к этой особе, Ланцелот, излей ей свое сердце, объясни, что высшая обязанность женщины — это заботиться и ухаживать за ее лордом и повелителем и что в то время как ты сам можешь предложить ей лишь жалкое существование рабыни, она может утешиться тем, что жизнь не вечна.

— Это очень убедительный подход, — сказал Лафайет, выдергивая пробку из бутылки. — Но мне почему-то казалось, что это ты хочешь заполучить эту женщину, — он нахмурился, пытаясь сфокусировать глаза. — Или я что-то напутал?

— Клянусь богом, Ланцелот, ты прав. Это ведь я ее хочу, — герцог бросил враждебный взгляд. — Должен сказать, что это очень смело с твоей стороны — пытаться встать между нами. Она без ума от меня, но она очень стеснительна, и я думаю послать за ней свое доверенное лицо, чтобы он притащил ее ко мне, ласковую и воркующую. Я хочу сказать, визжащую и царапающуюся.

— Великолепная мысль, — согласился Лафайет, выливая виски между двумя стаканами. — А кого ты имеешь в виду?

— Гмм... может, послать Стонруба?

— Ни в коем случае. Он совсем не дипломат, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Ланцелот! Я придумал! Почему бы тебе не отправиться за ней?

— Ни в коем случае, Руди, — сказал Лафайет. — Знаю я тебя, ты хочешь отвлечь меня от того, чего я на самом деле хочу добиться.

— А чего ты хочешь добиться?

— Чтобы ты послал меня за леди Андрагорой.

— Об этом не может быть и речи! Твоя наглость заходит слишком далеко.

Родольфо схватился за бутылку и плеснул виски по стаканам.

— Как насчет компромисса? — сказал Лафайет, хитро глядя на герцога.

— Что ты имеешь в виду?

— Я доставлю леди твое письмо, а за это ты назначишь меня своим послом. Или наоборот?

— По-моему, это будет справедливо. Ну, так вот: когда ты ее догонаешь, скажи о моем глубоком увлечении, объясни подробно все мои великолепные качества, короче говоря, объясни ей все

выгоды того положения, которое она займет, и скажи, что ей очень повезло.

— Еще что-нибудь?

— Категорически нет!

Родольфо сурово посмотрел чуть левее уха Лафайета.

— Дальше я сам буду за ней ухаживать.

— Ну хорошо, Руди, я принимаю твое поручение. Ты правильно сделал, что обратился с этим ко мне...

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать, — прочноуменно всхлипнул герцог. Он поднялся с кресла и протянул О'Лири массивное кольцо. — Эта печатка обеспечит тебе помощь моих слуг, — он протянул руку. — Я никогда этого тебе не забуду, старина. Ты подал мне надежду.

— Перестань, Руди. А теперь иди. А то я устал. А завтра у меня большой день.

— А что такое завтра?

— Вторник.

— Ну конечно. И если мы заговорили о завтра, то у меня для тебя есть небольшой сюрприз. Только не говори никому, но кое-кто сказал мне, что завтра у меня будет одна леди.

— Руди! Ах, счастливчик! Поздравляю!

— Только никому не болтай об этом. Говорят, это к несчастью. Ну, ладно, мне действительно надо идти. Приятного тебе вечера и все такое.

— Куда же ты, не торопись! Мы еще не кончили.

Лафайет поднял вверх наполовину опустошенную бутылку и заморгал, глядя на нее.

— Даже еще и не начали, — сказал он.

— Я никогда не пью, — твердо сказал герцог. — Говорят, это губит мозг. Спокойной ночи, Ланцелот.

Некоторое время после его ухода Лафайет стоял, качаясь, посреди комнаты, которая, казалось, почему-то стала быстро вращаться вокруг него. Потом он пробрался к ванной, сунул голову под струю холодной воды и яростно растер ее. В платяном шкафу герцога он выбрал себе теплый красивый плащ для верховой езды. Потом взял дюжину сигар из герцогской коробки, засунул пару перчаток в карман и вышел в коридор.

Главный конюх, протирая руками глаза, проснулся, когда О'Лири потребовал себе лучшую лошадь; пять минут спустя, чуть покачиваясь в седле, О'Лири показал кольцо у ворот. Стражники заворчали, но ворота открыли. По темной улице он проскакал до гавани и с помощью кольца реквизировал королевскую баржу, не обращая внимания на сонные возражения хозяина. Часом позже, как следует промерзнув, он ступил на западный берег озера. Узкая ухабистая дорога вела с берега в лес.

— Скажи, по этой дороге отправился отряд леди Адрагоры? — спросил он у дрожащего лодочника.

— Да, если это можно назвать отрядом. Ну и ночка! — лодочник подул себе на руки. — Помяни мое слово, снег выпадет еще до завтра.

— Прекрасно, — сказал Лафайет своему поднятому воротнику. — Это то, чего мне не хватало, чтобы завершить эту ночку.

Он пришпорил лошадку и поскакал в темноту между деревьями.

6

Следующие два часа Лафайет скакал по извилистой дороге, которая все время поднималась вверх среди деревьев, мимо огромных валунов и небольших ручейков, текущих в каменистых берегах, поросших мхом. Следы колес были отчетливо видны в пыли, так же, как и копыта лошадей эскорта. В голове у него гудело. Холодный ветер проникал даже под теплый плащ. И, насколько он понимал, прогресса в его делах не наблюдалось.

— Все это — погоня неизвестно за чем, — пробормотал он про себя. — С самого начала я не делал ничего, кроме глупостей. В первую очередь, не настоял, чтобы этот Пратвик соединил меня со своим начальством. Но я был так ошарашен, что не понимал, где нахожусь. И до сих пор, между прочим, не понимаю. Меланж? Кто слышал о каком-то Меланже? И порт Миазма — ну и дыра!..

И, конечно, он все только испортил, связавшись со Свайхильдой. Странно, что она так похожа на Адоранну. Бедная девочка, ей жилось так несладко и до того, как он свалился на ее голову. А он был здесь всего 12 часов и уже успел разрушить семью. А потом еще был настолько идиотом, что попался в лапы полиции, и уже невероятной глупостью было кинуться в этом дурацком обличье к коляске Дафны, то есть леди Андрагоры. Ему следовало бы понять, что она не может знать его, никто в этом сумасшедшем месте не был тем, кем должен быть. А затем эта дурацкая попойка с герцогом...

— С какой стати я проторчал полночи, пытаясь перепить Родольфо, в то время как леди Андрагора уезжала все дальше и дальше? — простонал он. — Да и вообще, зачем я здесь? Если я ее догоню, то, возможно, меня встретят теми самыми кнутами, о которых упоминал Руди, и это будет вся награда за мои мучения. Но что еще мне остается делать? Если она не Дафна, то ее двойник. Не могу же я допустить, чтоб она попала в лапы к этому мошеннику Лоренцо Долговязому. Или его зовут Лоренцо Счастливчик?

Он приподнялся в седле. От холода у него застыли пальцы на руках и ногах и мочки ушей. Нагонял ли он или, наоборот, отставал все больше? Следы выглядели не свежее, чем в начале его пути.

Он хлестнул поводья, переводя лошадь на бег рысцой. Животное помчалось по дороге, выпуская пар из ноздрей, а Лафайет низко пригнулся к шее лошади, уклоняясь от сосновых ветвей, которые задевали его за спину. Он повернулся за поворот дороги и увидел впервые нечто темное и большое. Он резко потянул поводья.

— Ого, — сказал он, чувствуя, что у него пересохло во рту.
— Кажется, тут поработали разбойники...

Это была розовая коляска леди Андрагоры, безмолвно стоявшая посреди дороги. Сорванная с петель дверца раскачивалась при ледяных порывах ветра. Лафайет спрыгнул с коня, сморщиваясь от боли в голове, подошел к коляске и заглянул внутрь, в бархатный розовый интерьер. Кружевной розовый платочек лежал на розовом ковре. Он поднял и понюхал его.

— Розовый лунный свет, — пробормотал он. — Любимые духи Дафны.

Следы, как он обнаружил, не вели никуда дальше. Не было и признака четырех великолепных вороных эскорта, на дороге валялась лишь одинокая шпора.

— Странно, что нет мертвых тел, — пробормотал Лафайет.
— Наверное, эти трусы сдались без боя.

Когда он повернулся, чтобы возвратиться к своему коню, в кустах раздался какой-то треск. Лафайет схватился за эфес своей разукрашенной шпаги, которой снабдил его слуга герцога.

— Ни шагу, или я продырявлю твое предательское сердце!
— прогремел голос позади него.

Он резко повернулся и оказался перед угрожающим лицом с усами и перед кончиком шпаги в нескольких дюймах от своего горла. Вооруженные люди выходили из кустов, в которых скрывались, и Лафайет только начал соображать, что на них надеты желтые ливреи слуг леди Андрагоры, когда грубые руки схватили его сзади.

— Вернулся, чтобы порадоваться на свою работу? Или хотел забрать оставшиеся ценности?

Капитан ткнул шпагой в грудь Лафайета.

— Где она, ты, жалкое отродье?

— Но я с-собирался задать вам тот же вопрос!

— Говори, или я не ручаюсь, что мне удастся сдержать моих ребят, которые разорвут тебя голыми руками на мелкие кусочки!

— Это вы ее сопровождали!

Лафайет оправился от первого изумления.

— Почему вы спрашиваете меня, где она? Что вы сделали — убежали и оставили ее одну?

— Ах, вот как ты запел, да? А потом ты, наверное, запросишь выкуп за ее возвращение?

Лафайет взвыл, когда кончик шпаги больно уколол его.

— Я тебе покажу выкуп, змея подколодная! Говори, что ты сделал с самой прекрасной женщиной, которую когда-либо сопровождал эскадрон кавалерии?

— Я здесь по специальному делу, — тяжело дыша, ответил Лафайет. — Посмотри на кольцо на моей левой руке.

— Оно не слезает, — доложил капрал стражи. — Прикажете отрезать?

— Ты хочешь подкупить нас этой безделушкой? — рявкнул капитан.

— Конечно, нет! Кольцо принадлежит герцогу Родольфо! Но палец мой и, если не трудно, оставьте его в покое.

— Ну и нервы у этого мошенника, — произнес сержант охраны. — Сначала свистнуло кольцо у нашего герцога, а теперь еще в открытую говорит об этом!

— Я ничего не крал, он сам мне его дал.

— Заколем его, и дело с концом, капитан, — вновь сказал стражник. — Не люблю я таких вралей. Всем известно, что герцог полушки медной никому не даст.

— Неужели мне никак не вбить в ваши тупые головы, что я направлен сюда с важным поручением?..

— Каким еще поручением?

— Догнать леди Андрагору и привести ее к...

— Вот ты и сознался!

— Но я не собирался этого делать, — добавил Лафайет, страстно мечтая, чтобы прошла его головная боль и он мог бы начать ясно мыслить, чтобы как-нибудь выкрутиться. — Я намеревался отправиться в противоположном направлении.

— И слишком долго задержался на месте своего негодяйского преступления! — отрезал капитан. — Прекрасно! Эй, ребята, готовьте веревку! Его болтающийся труп послужит предупреждением другим!

Лафайет закричал:

— Подождите! Я сдаюсь, вы слишком умны для меня. Я... я все... все скажу вам!

— Вот это другое дело, — капитан снова ткнул его шпагой.

— Ну, говори, преступник!

— Э-э... так с чего мне начать? — протянул О'Лири.

Сержант предложил:

— Начни с того момента, когда наш Лу отошел в кусты.

— Ну, да, как только ваш Лу отошел в кусты, я...

Все с интересом столпились вокруг него, стараясь не пропустить ни слова из сказанного.

— Ты пристукнул его по голове, верно? — предположил сержант.

— Верно. А затем, гм...

— Затем, когда мы заждались и послали еще двух ребят, чтобы выяснить, почему его нет так долго, ты пристукнул и их, так?

— Так...

— А затем, когда все мы бросились на поиски наших ребят в кусты, ты прокрался сюда и выкрад ее светлость из-под самого носа Леса, который держал поводья, верно?

— Кто из нас рассказывает, как все было, ты или я? — высокомерно осведомился Лафайет.

— Ну, так где же она сейчас?

— Откуда я знаю? Я был слишком занят тем, что бил Лу по голове и вертелся под носом Леса.

— А откуда тебе, собственно, известны имена наших ребят? Ты давно уже задумал это злодеяние, а?

— Это здесь не при чем, Квалк! — рявкнул капитан. — Мы теряем время. Эй ты, говори быстрее, где сейчас находится леди Андрагора, или я сверну тебе шею сей момент!

— Она... она находится в избушке Лоренцо Долговязого!

— Лоренцо Долговязого? А где эта избушка?

— Она... гм... в нескольких милях отсюда по дороге.

— Лжец! — рявкнул капитан. — Эта дорога ведет только в дом тетки миледи, Пруссик.

— Ты в этом уверен? — тоже рявкнул Лафайет, не оставаясь в долгу.

— Уверен, мне об этом сказала сама миледи.

— Твой умственный аппарат явно нуждается в подзарядке, — отрезал Лафайет. — Все во дворце говорят, что Лоренцо Долговязый живет именно здесь. Или, как там его, может, Лотарио... или Лохинвар?

— Я не понимаю твоих грязных намеков, жалкий червь, — сказал капитан твердым голосом. — Не хочешь ли ты заставить меня поверить в то, что миледи намеренно обманула меня? Что она назначила тайное свидание здесь, в глубине Закличарья?

— Оно не могло быть тайным, когда дюжина верховых солдат вертелось вокруг нее, — указал Лафайет.

— Ты хочешь сказать... она просто провела нас, избавилась от нас специально?

Голос капитана зазвенел на угрожающих нотах.

— Сами подумайте, — сказал О'Лири. — Если бы это я ее увел

отсюда, то какой мне смысл возвращаться, чтобы быть пойман-
ным вами?

— Хватит с меня твоих грязных подозрений, рыцарь! —
рявкнул капитан. — Солдаты, стройся! Я сам разделяюсь с этим
негодяем!

— Эй, кэп, подождите минутку, — сказал сержант, дергая его
за рукав. — Прошу прощения у капитана, но в том, что он
говорит, есть смысл. Это ведь ее светлость сказала нам, чтобы
мы вернулись и искали Уайта и Фреда, верно?

— Да, и вообще-то я раньше никогда не слыхал, чтобы в этих
местах жила ее тетя, — добавил капрал.

— Невозможно, — сказал капитан тоном, в котором уже не
было уверенности. — Ее светлость никогда не стала бы так
обманывать меня, ее преданного слугу.

— Не знаю, кэп. Бабы. Кто их знает, что они могут втемяшить
себе в голову.

— Как ты смеешь так разговаривать? — Решительным жес-
том капитан дернул свою куртку. — Я не желаю больше за-
бивать свои уши грязными выдумками этого рыцаря! Повесить
его!

— Не торопитесь, ребята! — взвыл Лафайет. — Я говорю вам
правду! Леди Андрагора, наверное, всего в нескольких милях
отсюда, и нам следует скакать изо всех сил, чтобы нагнать ее,
а не стоять здесь и спорить попусту!

— Он хочет увести нас в сторону! — отрезал капитан. —
Несомненно, миледи лежит связанная там, где он оставил ее,
всего в нескольких ярдах отсюда.

— Он не соображает, что говорит, — запротестовал Лафайет.

— Он просто боится отправиться за ней! Это просто предлог,
чтобы замутить воду и вернуться обратно!

— Достаточно! Приготовить преступника к исполнению
приговора!

— Подождите! — вскричал Лафайет, чувствуя, что петля
закинута на его шею. — Неужели мы не можем решить этот
вопрос по-джентльменски?

Внезапно наступила тишина. Сержант посмотрел на кapi-
тана, который свирепо уставился на О'Лири.

— Ты требуешь, чтобы с тобой обращались как с джент-
льменом? На каком основании?

— Я — сэр Лафайет О'Лири... почетный член Королевского
Географического общества!

— Похоже, в этом что-то есть, капитан, — сказал сержант. —
Нельзя нам просто вздернуть парня с такими полномочиями!

— Все это глупая потеря времени! — зарычал капитан. —
Но... ладно, уберите веревку.

— Ну, вот и прекрасно, я рад, что мы будем друзьями, — сказал Лафайет. — А теперь я...

— Зарядить пистолеты!

— Ч-что вы собираетесь с ними делать? — спросил Лафайет, глядя, как солдаты отстегнули огромные пистолеты в фут длиной и занялись свертыванием пыжей и зарядкой.

— Займи свое положение рядом с этим деревом, сэр рыцарь!

— рявкнул капитан. — И поторопись! Мы не можем тратить на тебя всю ночь.

— В-вы имеете в виду это дерево?

Лафайет споткнулся об извилистые корни.

— Почему? Что?

— Готовься! Целься!

— Стойте! — крикнул Лафайет ломающимся голосом. — Вы не можете застрелить меня!

— Ты ведь потребовал джентльменской смерти, верно? Целься!

— Но... не собираетесь же вы расстреливать меня с такого расстояния? — запротестовал Лафайет. — Я думал, что вы, ребята — снайперы.

— Мы заняли первое место в полицейском турнире прошлым летом, — сообщил сержант.

— Почему бы тогда мне не отодвинуться немного подальше? — предложил Лафайет. — Вам представится случай показать мастерство.

Пятаясь, он отступил на десять футов, прежде чем наткнулся спиной на другое дерево.

— Готовься! — вскричал капитан. — Целься!

— Нет, это все-таки очень близко! — крикнул Лафайет, помахав пальцем в воздухе. — Пусть уж это будет настояще для вас испытание.

Он торопливо отступил еще на четыре ярда.

— Вполне достаточно! — взревел капитан. — А теперь стой на месте, и пусть свершится твоя судьба, сэр!

Он поднял шпагу высоко в воздух.

— Готовься! Целься!

И когда с губ капитана готово было уже сорваться последнее слово, внезапно из густого кустарника позади них раздался дикий вой. Все глаза сразу повернулись в том направлении, откуда донесся этот леденящий душу звук.

— Ночная кошка! — почти в один голос закричали солдаты.

Не дожидаясь, пока животное появится из кустов, Лафайет, отпрыгнув в сторону, покатился по земле, нырнул за дерево, поднялся на ноги и со всей прытью, на которую был способен,

помчался по лесу, в то время как позади раздавались крики, гремели выстрелы, и свинцовые пули врезались в кустарник по обе стороны от него.

На небе светила луна, окутывая белым светом небольшую бревенчатую хижину, расположенную в самом центре полянки, окруженной гигантскими деревьями.

Лафайет лежал на животе под кустом, чувствуя себя претерпевшим от всего сразу: похмелья, усталости и множества синяков и царапин. Прошло полчаса с тех пор, как затихло последнее эхо от криков солдат, разыскивающих его по всему лесу, 20 минут с тех пор, как он взобрался на небольшой холмик и увидел внизу слабо освещенные окна хижины. И ничто, подумал Лафайет, не менялось в этой классической ситуации. Температура продолжала ровно падать по мере того, как кончалась ночь, ледяные кристаллы стали образовываться на листьях. Лафайет подул на руки и посмотрел на крохотное освещенное окно внизу.

— Она должна быть там, — уверял он себя. — Где же ей еще быть в этой глупи?

— Конечно, — продолжал он свою мысль, — тот, кто ее похитил, скорее всего, тоже там и сидит с заряженными пистолетами, поджиная, не будет ли за ним погони...

— С другой стороны, если я останусь здесь, я просто замерзну, — решительно возразил сам себе О'Лири.

Он поднялся на ноги, несколько раз ударил себя затекшими руками по груди, вызвав тем самым приступ кашля, а затем осторожно начал спускаться по небольшому склону. Он кружил вокруг домика на довольно большом расстоянии, часто останавливаясь, вслушиваясь, не просыпаются ли обитатели дома и не приближаются ли всадники, но тишина оставалась прежней. Цветастые занавески на окне мешали ему разглядеть, что происходит внутри.

Лафайет скользнул к задней двери, с одной стороны которой лежали нарубленные дрова, а с другой стояла дождевая бочка, и прильнул ухом к дереву.

Он услышал слабое потрескивание, перемежающееся с еще более слабыми и очень неприятными звуками. Низкий голос произносил слова, слишком нечеткие, чтобы их можно было расслышать. Лафайет почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Воспоминания детства о Гансе и Гретель в домике ведьмы неожиданно ожили перед его глазами.

— Ерунда, — твердо сказал он сам себе. — Никаких ведьм вообще не существует, все это сказки. И никого там нет внутри, кроме мошенника Лоренцо и несчастной леди Андрагоры, мо-

жет, даже связанной по рукам и ногам, перепуганной до смерти, надеющейся вопреки всему, что кто-нибудь придет и спасет ее, бедное дитя. Почему бы мне не выбить эту дверь одним ударом и не вытащить оттуда Лоренцо за шкирку, и...

Неприятный хрустящий звук стал нарастать, потом внезапно затих, потом вообще прекратился. Раздалось громкое “хлюп” и слабое звяканье металла. Потрескивание возобновилось, сопровождаемое на сей раз отчетливым хрустом, как будто жернова перемалывают мелкие косточки.

— Может быть, он мучает ее, чудовище!

Лафайет отошел на три шага назад, напряг мускулы и кинулся на дверь. Она широко распахнулась, и он влетел в центр небольшой, аккуратно прибранной комнаты. В камине ярко пылал огонь, отбрасывая отсвет на пожилую женщину, сидящую в качалке на ковре, с кошкой на коленях и голубой китайской миской у локтя.

— О, Лоренцо, ты вернулся, — сказала она с удивлением.

Она протянула ему миску.

— Хочешь немного воздушной кукурузы?

Сидя у окна с миской подсоленной хрустящей кукурузы на одном колене и чашкой крепкого дымящегося какао на другом, Лафайет пытался привести свои мысли в порядок. Его хозяйка шила что-то толстой иглой, которую она извлекла из сундука под окном, и монотонно бормотала какие-то слова. Он никак не мог ухватиться за нить ее мысли — вроде бы она говорила что-то о какой-то кукушке, которая порхает с цветка на цветок и садится на самый большой цветок, вдыхая его аромат...

Лафайет проснулся, вздрогнув, потому что его подбородок уже коснулся груди.

— Бедный мальчик, да ты совсем спишь! И ничего удивительного — сколько часов подряд ты трудился. О, я почти забыла: тут были твои друзья.

Она как-то криво улыбнулась ему одной стороной рта.

— Друзья?

Лафайет зевнул.

Сколько же времени прошло с тех пор, как он спал? Неделя? Или только три дня... или... возможно ли, что он счастливо спал всего прошлой ночью, в большой постели...

— ...сказали, чтобы я тебе ничего не говорила, они хотят сделать тебе сюрприз. Но я решила, что лучше тебе знать.

Ее резкий многозначительный голос проникал сквозь его дремотное состояние.

Лафайет заставил себя сосредоточиться на том, что говорила старая леди. Голос ее казался ему странно знакомым. Может он встречал ее раньше? Или...

— Лучше мне знать — что?

Он заставил себя сосредоточиться на разговоре.

— Что они вернутся.

— Э-э... кто?

— Эти прекрасные джентльмены на чудесных лошадях.

Внезапно Лафайет почувствовал, что полностью проснулся.

— Когда они здесь были?

— Да ты едва разминулся с ними, Лоренцо, минут на тридцать.

Туманные старые глаза смотрели на него из-под очков.

Только были ли они такими старыми и туманными? Если приглядеться, они почему-то начинали казаться очень проницательными. “Где, — удивленно подумал Лафайет, — видел я точно такие же глаза и точно такой же взгляд раньше?..”

— Мадам, вы были очень добры ко мне, но боюсь, что мне пора идти. И я думаю, вы должны знать: я не Лоренцо.

— Не Лоренцо? Что ты хочешь этим сказать?

Она уставилась на него из-под очков.

— Я пришел сюда, разыскивая человека по имени Лоренцо, а, может, его зовут Лотарис или Ланцелот. Когда вы так радушно меня встретили, предложили мне пищу и теплое место у камина, я... я был очень голоден и замерз, и я просто воспользовался вашей добротой. Но сейчас я пойду...

— Ну, что ты, я ничего не хочу об этом слышать! В такую ночь, как эта, можно простудиться до смерти!

— Я не уверен, что вы понимаете, — запротестовал Лафайет, пробираясь к двери. — Я вас совершенно не знаю. Просто я пришел сюда...

— Но ведь ты тот самый очаровательный молодой человек, который снял у меня свободную спальню.

Близоруко сощурившись, старушка посмотрела на него.

Лафайет покачал головой.

— Боюсь, что нет. Я пришел сюда в поисках леди Андрагоры...

— О, так ты приятель моей племянницы! Как восхитительно! Почему же ты сразу не сказал мне? Ну, теперь-то ты точно должен выбросить из головы всякую мысль о том, чтобы уйти, в такой сильный холодный ветер. Да, кстати, где же моя дорогая Анди? У меня сложилось такое глупое впечатление, что ты должен привести ее с собой.

— Вы тетя Даф... я хочу сказать, леди Андрагоры?

— Ну да, конечно, разве ты не знал этого! Но ты так и не ответил, где она?

Лафайет оглядывал комнату. Она была достаточно чистая и удобная, но уж слишком проста.

— Насколько я понял, леди Андрагора — очень богатая

женщина, — сказал он. — Неужели она не могла подыскать для вас что-нибудь получше?

— О, какой глупый мальчик! Я обожаю жить здесь, среди птичек и цветов. Это так спокойно и живописно.

— А кто рубит дрова?

— А это приходит человек по вторникам. Но ты говорил, что леди Андрагора...

— Я ничего не говорил. Но я не знаю, где она, и пришел один. Ну, спасибо вам за все...

— Ты никуда не уйдешь, — резко сказала старушка. Она улыбнулась. — Я и думать об этом не хочу.

Лафайет поплотнее запахнулся в плащ и направился к двери.

— Боюсь, мне придется отклонить ваше гостеприимство...

Он замолчал, услышав какой-то звук позади себя, и обернулся как раз вовремя, чтобы избежать удара ребром ладони чуть ниже уха, который попыталась нанести подкравшаяся старушка.

Он еле-еле успел уклониться и подставить под удар согнутую в локте руку, закричал от боли, попытался согнутыми пальцами ткнуть своей хозяйке под ребра, получил сильнейший удар в солнечное сплетение и упал на спину в качалку.

— Обманщик! — вскричала старушка. — Продался этому длинноносому Родольфо, и это после того, что я тебе обещала! Это надо же иметь такую наглость — прийти сюда, ко мне и делать вид, что видит меня первый раз в жизни!

Лафайет умудрился соскочить с качалки и отпрыгнуть в сторону, еле избежав сильнейшего удара ребром ладони в область сердца. Он с трудом поднялся на ноги.

— Где она, черт тебя подери? О, мне надо было оставить тебя в той канаве, из которой я тебя подобрала...

Внезапно старушка замерла, не нанеся очередного удара, и приложила ладонь трубочкой к уху. О'Лири тоже услышал отдаленный слабый звук копыт.

— Бежим!

Старуха кинулась к двери, схватила плащ, висящий на крюке, и завернулась в него.

— Ты мне еще ответишь за это, Лоренцо! — вскричала она голосом, который из звонкого сопрано опустился до звучного тенора. — Погоди, мой мальчик! Я так тебе отомщу, что ты проглянешь тот день, когда впервые увидел Стеклянное Дерево!

Она распахнула дверь настежь и выбежала в темноту.

Ошеломленный О'Лири выбежал за ней следом. Она стояла в десяти футах от двери, застегивая пуговицы плаща. И когда О'Лири кинулся за ней, из ее уст вырвалось какое-то громкое

жужжание, она взлетела в воздух и понеслась в сторону леса, быстро набирая высоту. Ее плащ разевался по ветру.

— Эй! — слабым голосом окликнул ее Лафайет.

Внезапно он осознал, что стук копыт все приближается. Он кинулся обратно в избушку, пробежал через комнату, выбежал в заднюю дверь и, стараясь держаться так, чтобы дом находился между ним и приближающимся отрядом солдат, побежал под укрытие леса.

Наступила заря, серая и мрачная, почти не рассеявшая темноту ночи. Лафайет, дрожа, сидел под деревом, настолько огромным, что в нем можно было высверлить туннель. У него болела голова, в желудке горел медленный огонь, глаза болели так, будто в них насыпали песок, а вкус во рту напоминал тухлый лук. В ветвях над его головой скорбно пела какая-то птица.

— Ну, вот, — бормотал Лафайет, — на этом закончилась моя карьера. Я болен, замерз, голоден. У меня болят живот и голова с похмелья. Я потерял свою лошадь, след леди Андрагоры — потерял все. К тому же у меня начались галлюцинации. Летающие старушки, ха! Наверное, эта избушка вообще была только в моем воображении. Наверное, я тогда еще не пропривился окончательно. А может, меня расстреляли эти желтые куртки. Может, я уже умер!

Он принял тщательно ощупывать себя, но никаких следов от пуль не нашел.

— Нет, это просто смешно. Если бы я был мертв, у меня не трещала бы так голова.

Он подтянул пояс, на котором висела шпага, прошел несколько шагов до небольшого ручейка, наклонился и плеснул холодной водой в лицо, вытерся концом плаща и сделал несколько глотков.

— О'кей, — твердо сказал он самому себе. — Незачем мне стоять и разговаривать самому с собой. Пора приниматься за дело.

— Прекрасно, — ответил он себе. — Но за какое?

— Я могу отправиться обратно, — предложил он. — До порта Миазма всего 20 миль.

— Но Родольф отнюдь не возрадуется, когда я явлюсь к нему с пустыми руками, — возразил он. — Хотя, возможно, мне представится случай все объяснить... Стонрубу. Как бы то ни было, я не знаю, в каком это направлении.

Лафайет поднял голову и посмотрел вверх, сквозь густую зеленую листву. На темно-сером небе даже слабый проблеск не указывал, где в настоящий момент находится солнце.

— И, кроме того, не могу же я просто удрать и предоставить леди Андрагору судьбе.

— Ну, хорошо, я убежден: я буду продолжать идти вперед. Но где это вперед?

Он повернулся вокруг себя три раза с закрытыми глазами, остановился и вытянул руку.

— Вот сюда.

— В принципе, — признался себе О'Лири, начиная шагать в указанном направлении, — поговорить с самим собой не так уж и плохо — многое может стать ясным.

— И к тому же потом некого будет винить за совет.

— Конечно, это признак шизофрении.

— Чушь! Что такое шизофрения среди всех прочих бед, которые свалились на меня, как снег на голову?

Он пробирался вперед, хромая то на правую, то на левую ногу, потому что обе его лодыжки были растянуты от прыжков, бега и падений прошлой ночью. Постепенно лес начал редеть, а кустарник, наоборот, стал гуще. Вскоре он вышел на пустынnyй склон горы, на котором росли редкие кедры.

Начался дождь, и колючие капли принялись жалить ему глаза, бить по онемевшему лицу. Через 50 футов склон горы кончался пропастью. О'Лири подполз к самому краю — дно пропасти исчезло в тумане.

— Великолепно! — прокомментировал он, глядя вниз. — Ну, просто прелесть, что такое. Вполне совпадает со всем, что произошло. Ничего удивительного, что старушка улетела на своем помеле без помела. Даже и муха не спустилась бы в эту пропасть.

— Итак... я просто пойду по краю, пока не дойду до дороги, тропинки или лестницы, ведущей вниз, — посоветовал он.

— Я еще забыл о веревочной лестнице и фуникулере.

— Да, это я сплоховал. Энике, бенике, сика, лиса, энике, бенике... Вот сюда.

Он пошел в указанном направлении, строго держась края пропасти. Прошел еще один час той же монотонной усталости, боли и мороза, в течение которого он споткнулся всего лишь несколько раз, так что чуть было не свалился в пропасть.

— Совсем ты расклеился, О'Лири, — тяжело дыша, сказал он, с трудом поднимаясь после очередного падения. — Всего лишь несколько лет тому назад такой маршрут был бы для тебя детской игрой.

— Но ведь не могу же я жить роскошно, когда любое мое желание выполняется, и одновременно рассчитывать остаться таким же, как и тогда, когда я жил, надеясь только на самого себя.

— Это для меня хороший урок, как ни противно признаться в этом.

Ветер усилился, дождь стал хлестать еще сильнее. Спотыкаясь, О'Лири продолжал идти вперед. Ноги, руки и губы у него

полностью онемели от холода. Он прошел еще с полмили, прежде чем остановился, чтобы провести очередное совещание.

— Скоро я должен буду к чему-нибудь прийти, — сказал он сам себе с фальшивой уверенностью, потирая затекшие пальцы и уши. — Я увижу какие-нибудь следы или дорогу.

...БИП-бип, БИП-бип, БИП-бип...

Негромкий звук, казалось, был где-то рядом с ним.

Лафайет осторожно огляделся, но ничего не увидел.

— Послушай-ка, — громко сказал он. — Разговаривая с собой, я и так веду себя достаточно плохо. Но азбукой Морзе...

Он снова начал растирать уши.

БИП-бип, БИП-бип, БИП-бип — звуки послышались резче и отчетливее.

О'Лири посмотрел на свои руки. Кольцо герцога Родольфо подмигивало ему со среднего пальца. Рубиновый свет вспыхивал, тускнел, вспыхивал, тускнел...

— Эй! — слабым голосом сказал О'Лири.

Он осторожно приложил кольцо к уху. Оно продолжало так же ровно бибикать, с одновременными вспышками света.

— Оно что-то не делало этого раньше, — сказал он себе с подозрением в голосе.

— А вот сейчас делает, — нашелся что ответить он. — И это должно иметь какое-то значение.

— Может быть... может быть, это радиолуч, радиомаяк, совсем как в авиации...

— Может быть. Это можно проверить.

Он осторожно пошел вниз по склону, прошел 50 футов и прислушался.

БИ-бипп, БИ-бипп, БИ-бипп...

— Ага! Это означает, что я сбился с курса.

Он двинулся вперед, петляя по склону. Теперь кольцо начало издавать ровный гудящий звук.

— Ну, конечно, — победоносно выдохнул Лафайет. — Но куда ведет этот сигнал?

— А какое это имеет значение? Где угодно будет лучше, чем здесь.

— Верно.

Опустив голову вниз, прищурив глаза, в которые все время пытались забраться капли дождя, О'Лири шел вперед, прижав кольцо к уху.

Путь ему преградили несколько стволов, лежащих на земле. Он перебрался через них и оказался в пустом пространстве.

Какое-то мгновение он пытался уцепиться за небо в поисках несуществующей опоры. Затем ветер начал проноситься мимо него с ураганной силой.

Склон ущелья понесся вверх, как скоростной лифт. О'Лири успел заметить огромную цифру 21, когда пролетел мимо, потом 20, 19, потом все перемешалось.

Гигантская теннисная ракетка размахнулась что было сил и ударила по нему, посыпая в чужую половину поля, и тысячи болельщиков закричали в одно горло.

Кто-то использовал его спину в качестве доски, с которой совершают прыжки в воду, а может быть, ее приняли за персидский ковер, который надо выбивать стальными дубинками. В его желудке работала большая бригада дорожных рабочих, заливающих выбоины горячим асфальтом, он ясно ощущал, как клокочут и вздуваются пузыри. Его головой кто-то играл в баскетбол, проходя через всю площадку, а его глаза — по всей видимости, их просто вынули, использовали в соревнованиях по настольному теннису, а потом вставили на место.

— Э, да он, кажется, приходит в себя, — сказал квакающий лягушачий голос. — Этот последний стон был уже совсем как у здорового человека.

— Можешь делать с ним, что хочешь, Рой. Если помрет — доложишь мне.

Застучали шаги, дверь открылась и снова закрылась. Лайфайет осторожно открыл глаза, посмотрел на перфорированный акустический потолок с вставленными в него лампами дневного света. Не обращая внимания на китовый гарпун, который кто-то небрежно воткнул ему в шею, он повернул голову и увидел толстого маленького человека с веселым лицом, на котором выделялся большой нос. Человечек тревожно смотрел на него.

— Ну, как ты, приятель? — спросил он.

— Иокобамп, — слабо воскликнул О'Лири и откинулся обратно, глядя на мигающий на потолке свет.

— Вот те на, иностранец, — сказал лягушачий голос. — Прости, Слим, меня не говорить по-хангарски, ты понимаешь?

— Да, нет, наверное, ты никакой не Иокобамп, — умудрился выдавить из себя О'Лири дрожащим шепотом. — Ты просто похож на него, как и все в этом кошмаре похожи на тех, кем на самом деле не являются.

— Э, да ты все-таки умеешь говорить по-человечески! Ну, приятель, и заставил же ты меня поволноваться. Я еще не потерял ни одного клиента, но сейчас это чуть было не произошло. Ну и торопыга же ты, Слим, даже лифта не дождался.

Маленький человечек промокнул свое лицо огромным красным платком с вышитой на нем зеленой монограммой.

Глаза Лафайета обежали комнату. Стены из слоновой кости, пол из мраморной плитки, мягкий свист кондиционера.

— Что случилось?

Он попытался сесть, но опрокинулся назад.

— Да ты не беспокойся, Слим, — сказал маленький человечек. — Док говорит, что у тебя все в порядке, только тряхнуло немножко.

— Я... у меня что-то с памятью, — сказал О'Лири. — Я свалился в шахту лифта, да? В этой глупши?

— Точно. Пролетел целых два этажа. Еще повезло, что не переломал себе чего-нибудь.

— Немного необычное место для лифта, вы не находите?

Маленький человечек выглядел удивленным.

— А как еще, по-твоему, нам спускаться и подниматься? Э, да уж не собираешься ли ты подать в суд на компанию? Как только я поймал твой сигнал, я сразу же поспешил тебе на встречу — кто виноват, что ты такой торопыга, а?

— Да нет, нет, все верно. Кстати, ты кто?

Маленький человечек с готовностью протянул свою большую мозолистую руку.

— Меня зовут Спропрояль, Слим. Услуги заказчика. Рад с тобой познакомиться. Но ты пришел днем раньше, сам знаешь. Заказ еще не совсем готов.

— Ах, да... заказ, — Лафайет задумался. — Честно говоря, у меня в голове все немного перепуталось. Это из-за падения, должно быть. Э... э... что за заказ?

— Да, у тебя, наверное, легкое сотрясение мозга. Очень даже влияет на память. — Спропрояль сочувственно покачал головой. — Твой босс, принц Крупкин, заказал нам двухместный ковер, плащ-невидимку и с дюжину иллюзий по ассортименту № 78.

— А, двухместный ассортимент и дюжину ковров, — пробормотал О'Лири. — Превосходно. Ты говоришь, все будет готово только завтра?

— Ты лучше полежи немного спокойно и приди в себя, приятель, — посоветовал Спропрояль. — А то у тебя мозги еще чуток набекрень.

— Нет, нет, у меня все в порядке.

О'Лири с трудом сел — тело его тряслось. Он увидел, что его вымыли, побрили, перевязали и одели в просторную пижаму — желтую с пурпурными точками.

— Кстати, — сказал он, — откуда вы... гм... узнали, что я... э-э... здесь по приказанию принца?

Спропрояль посмотрел на него и заморгал глазами.

— У кого еще мог быть на пальце направленный передатчик, который мы для него сделали?

— Ах, да, конечно, как я мог это забыть?

О'Лири перекинул ноги на пол и встал. Колени у него подогнулись, но он удержался и не упал.

— Мне надо сейчас делать побольше тумана, чтобы прояснилось движение в моей голове, — сказал он. — Я имею в виду, чтобы головой затуманились прояснения... нет, туловой фуман. Я хочу сказать, голова...

Рука Спропрояля схватила его за локоть.

— Ну да. Не волнуйся, Слим. Хочешь пожевать чего-нибудь горяченького, а? Тебе это совсем не повредит.

— Пожевать, — хрюплю заскрипел Лафайет. — Да, конечно.

— Пойдем, если ты уверен, что можешь идти.

Маленький человечек протянул ему толстый халат и, поддерживая, повел по извилистому коридору, очевидно, вырубленному прямо в скале. На полу лежал бледный нейлоновый ковер до комнаты с низким потолком, обшитой деревянными панелями, по одну сторону которой находилась стойка бара, поддерживаемая столбиками, обитыми медью.

За столиками, покрытыми тяжелыми вышитыми скатертями, сидели маленькие полные человечки рядом с большими кофейниками. Некоторые из них помахали руками или кивнули проводнику О'Лири, который привел его к столику у занавешенного окна, за которым шумел дождь, бьющий в стекло. От аромата свежемолотого кофе и свежеиспеченного хлеба рот наполнился слюной. Пухлая маленькая официантка со вздернутым носиком, ростом Лафайету по грудь, засуетилась перед ними, подмигнула О'Лири и занесла острье карандаша над своим блокнотом.

— Вам что, ребята? Горячие булочки? Бифштекс с яйцом? Землянику со сливками? Госты с вареньем и маслом?

— Давайте, — с готовностью согласился О'Лири. — И большой стакан молока.

— Звучит неплохо, Герта, — сказал Спропрояль. — И мне тоже самое.

— Сейчас несу.

Спропрояль потер руки и улыбнулся.

— Ну, что, Слим, так-то оно лучше, верно? Когда вкусно поешь, все неприятности забудешь.

— Да, уж здесь явно лучше, чем там, — Лафайет ткнул пальцем за окно, за которым продолжал хлестать дождь. — Теперь мне остается выяснить только одно: где это я очутился.

— Слим, я что-то не разберу... Ты там, где должен быть —

в Аджаке. Специализированное Выполнение Заказов, отделение в Меланже.

— А, так я на заводе. Ну, это еще ничего. Ты только не смеяся, но мне в голову втискалась глупая мысль, что я попал внутрь горы.

— Ну, правильно, все так и есть. Но ты ведь помнишь, не всегда же здесь была гора. Когда мы впервые открыли здесь свое отделение, то оно было просто под ровной поверхностью земли. Но потом началась эта геологическая активность, или как там ее, и нас накрыло. Но мы уже привыкли так жить. И вид отсюда тоже ничего себе.

— Геологическая активность? — Лафайет нахмурился. — Ты имеешь в виду землетрясение?

— Да нет же. самое обычное горообразование. Сам знаешь, оно случается то там, то здесь. В следующий раз это место может оказаться на дне морском, кто его знает.

— Ну-ка, ребята, уберите локти, — сказала Герта, прибывшая с полным подносом.

Лафайет сдержал себя и не накинулся на еду, пока она не расставила тарелки, но зато потом дал себе полную волю.

— Эй, Слим, — сказал Спропрояль с полным ртом, — скажи, ты давно устроился к принцу?

— Э-э... не очень, — ответил Лафайет, не переставая жевать.

— Честно говоря, можно сказать, что совсем недавно.

— Послушай, между нами, — как там у него с кредитом?

— С кредитом?

Лафайет набил полный рот горячей булочкой и произнес какие-то нечленораздельные звуки.

Служащий "Услуг Заказчикам" поднял руки вверх.

— Нет, ты пойми, мы совсем даже не беспокоимся, — сказал он обеспокоенным тоном. — Но он все еще должен нам кучу денег за эту работу со Стеклянным Деревом.

Лафайет остановился, не донеся вилку до рта.

— Стеклянным Деревом? — задумчиво произнес он. — Где я слышал о нем раньше?..

— Ну, ты даешь, Слим, тебя действительно здорово шарахнуло!

— Мне пришла в голову чудесная мысль, мистер Спропрояль, — сказал О'Лири. — Почему бы нам не сделать вид, что я вообще не имею ни о чем представления? Тогда ты сможешь все рассказать мне, и память вернется ко мне значительно быстрее.

— Зови меня просто Рой. Ну, ладно, с чего же начать? Впервые мы услышали о его высочестве несколько лет назад, когда он свалился неизвестно откуда в поисках работы. Это еще в то время, когда он был простым смертным. Башка-то у него не-

плохо варила, и мы сунули его в наши научно-исследовательские лаборатории. Но через несколько месяцев боссу пришлось попросить его уйти. Он истратил кучу денег, а продукции не выдал никакой. А потом не успели мы оглянуться, как он вернулся в качестве заказчика, размахивая толстым кошельком, и пожелал сделать у нас спецзаказ. Мы, конечно, согласились — он платил нешлифованными драгоценными камнями, и все были счастливы. Затем он объявляет себя принцем, приходит к нам с этой своей конструкцией и спрашивает, согласимся ли мы выполнить этот заказ. Цену он предложил подходящую, и мы заключили контракт. И работу-то мы выполнили на совесть: всю конструкцию заделали силиконом, укрепили микровставками. С плюшевыми отделками, хочешь верь, хочешь нет.

— Да, но при чем здесь Стеклянное Дерево, о котором ты говорил?

— Да просто так наши ребята-конструкторы стали его называть, и словечко прижилось. Да и действительно он похож на дерево — с башенками, минаретами и прочими зданиями. Сверкает на солнце, как стекло. Только за него еще не заплачено, — добавил Спропрояль хмурым голосом.

— Нет ли у этого принца в услужении старушки, которая летает на помеле — я хочу сказать, без помела?

Спропрояль внимательно посмотрел на О'Лири.

— Послушай, Слим, может, тебе лучше все-таки полежать еще чуток?

— Понимаешь, Рой, прошлой ночью одна старушка упоминала о Стеклянном Дереве, — после того, как она пыталась убить меня.

— Вот это да! Из пистолета?

— Нет. Она...

— Ну и старушка! Неужели ножом?

— Да нет, она кинулась на меня с голыми руками.

— Во дает, на спящего...

— Вот и нет! Я...

— Послушай, ты ведь сказал, что она старушка, верно?

— Пожалуйста, Рой, я хочу ведь объяснить!..

— Послушай, Слим, может, тебе стоит заняться поднятием тяжестей, а? Не успеешь оглянуться, как будешь в форме, и тогда никакие старушки тебе не будут страшны. Знаешь, купи-ка у нас набор "Атлас" № 223, вместе с наушниками для вдохновенной беседы и...

— Не нужны мне вдохновенные беседы! Я пытаюсь тебе рассказать, что та старушка имеет отношение к исчезновению леди Андрагоры.

— Леди кого?

— Андрагоры. Она моя жена. Я хочу сказать — не то, чтобы она была моя жена, а...

— Ну-ну, все ясно. — Спропояль подмигнул. — Можешь не сомневаться, я никому не скажу, Слим.

— Я вовсе не это имел в виду! Она очень красивая девушка, и она исчезла в тот самый момент, когда ее должны были похитить! Я хочу сказать, ее похитили как раз тогда, когда она должна была исчезнуть. Как бы то ни было, она пропала! И эта старая ведьма в избушке упомянула Стеклянное Дерево!

— Да? Ну и что, в этих местах все о нем знают. — Спропояль нахмурился. — Правда, если разобраться, в этих краях никто и не живет.

— Эта старуха должна работать на принца Крупкина! Она обозналась и приняла меня за кого-то другого — она близорука — и проболталаась, что ожидает, когда ее светлость доставят к ней в избушку!

— Что-то я ничего не понимаю. Если эта старушка в услужении у Крупкина, так же, как и ты, то с чего бы ей на тебя накидываться?

— Она решила, что я ее обманул, что я направил на нее солдат герцога Родольфо.

— Ты и герцога Родольфо знаешь! Его светлость недавно обратился к нам с просьбой создать для него личный генератор ауры. Но мы не сошлись в цене.

— Дело в том, что этот Крупкин и мог приказать ее похитить. Только что-то получилось не так, и ее выкрали из-под самого его носа, прежде чем старушка смогла доставить ее к нему.

— Эта леди “А” из герцогства Родольфо, да? — Спропояль покачал головой. — Что-то я ничего не пойму, Слим. Слишком уж это далеко, чтобы заниматься похищениями.

— Сначала он выманил ее из города — она решила, что едет на свидание с одним мошенником по имени Лоренцо, который втерся к ней в доверие, а она и не знала, что эта жалкая личность собирается запродать ее Крупкину.

Лафайет с силой потер ту часть своего лица, на которой не было царапин.

— Но кто мог перехватить ее?

— Вот именно, кто? Это мог быть кто угодно. В этих лесах полно бандитов и разбойников. Лучше забудь ты об этом, Слим, и давай займемся делом. Так вот, насчет этого просроченного платежа...

— Забыть самую красивую, самую прекрасную, самую изумительную женщину, которая когда-либо носила бикини? Ты так ничего и не понял, Рой! В эту самую минуту она, может быть,

находится в ужасной опасности — одинокая, напуганная, подвергаемая пыткам или... или...

— Ты сам сказал, что она торопилась на свидание с этим Лоренцо, Слим, — рассудительно заметил Спропрояль, намазывая варенье на третий толстый кусок золотисто-коричневого хлеба. — Похоже, что Крупкина тоже надули, так чего же ты переживаешь?

— Я тебе сказал — ее обманули!

— А-а. Ты хочешь сказать, что этот мошенник сделал вид, что хочет показать ей свой домик или новую модель кушетки, а сам...

— Да нет, скорее это должен был быть медовый месяц, насколько я понял, — признался О'Лири. — Но ее нет ни там, ни тут. Ее кто-то похитил, а я желаю вернуть ее обратно!

— А может быть, это сделал тот самый Лоренцо? Мог он ее украсть?

— Гм... Наверное, мог. Может быть, он в последнюю минуту решил все-таки не отдавать ее Крупкину. Да, чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что так оно и есть. Может, он и похитил ее из коляски, как было задумано, но потом вместо того, чтобы отвести в избушку, отвел... в другое место.

— А из тебя вышел бы неплохой сыщик, Слим. Здорово ты все это рассудил. Ну, вот, сам видишь, победил сильнейший, и они жили вместе долго и счастливо. Ну, может, и не сильнейший, кто знает, вдруг он тоже боится старушек, я имею в виду, что...

— Я знаю, что ты имеешь в виду! — отрезал Лафайет. — Послушай, Рой, я должен ее найти!

— Не могу не восхищаться твоей преданностью боссу, Слим, но, боюсь, ему придется подыскать себе какую-нибудь другую.

— Плевать мне на босса! Да и в любом случае, думаю, могу открыть тебе правду — он не мой босс.

— Ты хочешь сказать... что уволился?

— Я никогда на него не работал. Ты просто пришел к неверному выводу. Мне очень жаль.

— Тогда почему у тебя передатчик?

— Если ты имеешь в виду это кольцо, — Лафайет поднял вверх сверкающий красный камень, — то мне его дал герцог Родольфо.

— А? — Спропрояль схватил палец О'Лири и внимательно осмотрел драгоценный камень. — Это передатчик Крупкина, и двух мнений быть не может, — маленький человечек понизил свой голос до шепота. — Скажи мне честно, Слим, и пусть это останется между нами, ты что — перерезал ему горло из-за кольца, да?

— Конечно, нет! И вообще, я и в глаза его никогда не видел!

Спропрояль покачал головой, не спуская с О'Лири испытующего взгляда.

— Ты уж прости, Слим, но так не сходится. Откуда бы герцог мог заполучить кольцо принца? Его высочество берег эту побрякушку пуще глаза, уж я-то знаю.

— Лично я знаю только то, что кольцо было у герцога и он дал его мне, — Лафайет дернул кольцо и снял его с пальца. — Вот, можешь забрать его себе. Мне оно ни к чему. Единственное, чего я хочу, это найти леди Андрагору.

Его гостеприимный хозяин взвесил кольцо на ладони, но вид у него был хмурый.

— Слим, у тебя будут крупные неприятности, — сказал он, отодвигая стул и вставая из-за столика. — Пойдем, нам с тобой лучше сразу пройти к Флимберту, нашему шефу безопасности, судье, присяжным заседателям в одном лице и исполнителю приговора. Нет, ему вовсе это не понравится. И пока мы к нему идем, ты лучше придумай что-нибудь поправдоподобнее, чем то, что ты мне рассказал. А то, боюсь, нам придется применить к тебе Коммерческие правила Аджака во всей строгости.

— Что это значит? — рассеянно спросил О'Лири. — Вы лишите меня кредита?

— Да не то, чтобы кредита, Слим. Скорее, головы.

Флимберт был круголицым лысым гномом в очках со стеклами полудюймовой толщины, причем казалось, что они растут у него прямо из головы. Пока Спропрояль рассказывал ему о появлении О'Лири, он барабанил своим пухлым пальчиком по столу.

— Я проверял: это кольцо то самое, что мы изготавливали для принца Крупкина, — закончил он.

— Дело ясное — убийство, ограбление с отягчающими вину обстоятельствами, как-то: проход на нашу территорию без допуска, под личиной другого человека, плюс лжесвидетельство.

Голос Флимберта звучал, как детская свистулька.

— Ну, будешь говорить свое последнее слово?

Он посмотрел на О'Лири, как разозленная золотая рыбка из аквариума.

— Последнее слово? Я еще не сказал и первого! Все, что мне известно, это то, что я тихо-мирно шел по своим делам, когда свалился в эту вашу шахту! И я не говорил, что прибыл от Крупкина — это идея Роя. И с какой стати вы шьете мне убийство? Вот и говорите после этого о домыслах свидетеля...

— Принц Крупкин никогда бы не расстался со своим личным передатчиком. А следовательно, ты убил его, чтобы заполучить передатчик. Это ясно, как дважды два. Властью, которой я облечен...

— Говорю вам, я получил кольцо от Родольфо!
— Тоже неправдоподобно. Крупкин не дал бы его и Родольфо.
— Но он это сделал! Почему бы вам не проверить то, что я говорю!

— Послушай, Берт. — Рой потер свой подбородок. — Я вот что думаю: с чего бы это Слиму являться с такой завиральной историей, если это только не настоящая правда? И если он хотел нас надуть, отчего он мне сам сказал, что он не от Крупкина? А надуть меня он мог запросто: этот приятель до тонкостей знает о всех делах принца.

— Эй, — запротестовал Лафайет.

— Это старый трюк, — сказала Флимберт. — Мы, специалисты, называем его ложью навыворот — неотличима от полнейшей глупости.

— И вам того желаю, — ответил Лафайет. — Послушайте: Крупкин дал это кольцо Родольфо, а тот мне. Я сюда попал совершенно случайно, и все, что я хочу, это спокойно уйти...

— Невозможно. Тебя поймали с поличным, приятель. Незаконное владение — самое страшное преступление по нашим законам. Следующие 300 лет ты проведешь, прикованный к мельничным жерновам на уровне...

— Боюсь, мне придется вас разочаровать, — отрезал Лафайет. — Я столько не проживу.

— А-а, прости, я не сообразил, что ты болен. Ну, тогда мы просто назначим тебе пожизненное заключение. Не обижайся, если тебе не удастся отбыть срок полностью.

— Какая трогательная забота! Послушайте, ну, хотя бы для интеллектуального развития, почему бы вам не затратить следующие 30 секунд, к примеру, на обдумывание возможности того, что у Родольфо было кольцо Крупкина?

— Его светлость с кольцом его высочества? — Флимберт сложил вместе кончики пальцев и сосредоточенно посмотрел на них. — Ну, во-первых, это вопиющее нарушение условий продажи, во-вторых, это вовсе не похоже на Крупкина, который ничего не делает даром.

— Значит, у него была причина! Неужели вам не любопытно, какая?

— Может, он что-то нахимичил с кольцом? — предположил Рой.

— Только прошедший подготовку у нас...

Флимберт замолчал.

— Да, я вспомнил, Крупкин проходил подготовку в наших мастерских.

— Вот я и говорю, — а ведь он крупный специалист как раз по микромоделированию, — вставил Спропрояль.

Шеф безопасности выхватил ювелирную лупу и принялся рассматривать кольцо.

— Ну, вот, я так и думал, — резко сказал он. — Следы инструментов.

Он отложил кольцо в сторону, ткнул пальцем в кнопку на стене.

— Первый отдел вызывает лабораторию, — рявкнул он.

— Пинчкрафт слушает, — отозвался рассеянный голос. — Вы прервали меня в процессе сложнейшей операции. Я пытался достать соломинкой сливы из коктейля. У меня уже почти получилось, и тут вы со своим звонком!

— Наплевать на сливы, сейчас я принесу вам на исследование один предмет, чтобы вы дали по нему заключение, прежде чем я вынесу смертный приговор шпиону.

Лаборатория находилась в грубой каменной пещере, и она была забита до предела сложнейшими аппаратами, которые были не более понятны О'Лири, чем книга китайских анекдотов.

Начальник этой лаборатории сидел на высоком стуле перед покрытой пластиком скамьей и чем-то тыкал в сверкающую конструкцию из витой проволочки и стеклянных трубок, в которых кипела розовая, зеленая и желтая жидкость, а поднимался почему-то фиолетовый пар.

Шеф безопасности протянул ему кольцо. Начальник лаборатории развернулся на стуле, включил мощный свет, вытащил увеличительное стекло и склонился над кольцом.

— Ага, — сказал он, — пломба сорвана.

Он поджал губы и бросил на О'Лири неодобрительный взгляд.

Тонким, как игла, инструментом он поковырял в рубине и откинул его верхнюю грань. Внутри открылось сплошное переплетение каких-то компонентов.

— Ну, — сказал он, — долго тебе пришлось возиться!

Он положил кольцо и быстро закрыл его сверху пустой кофейной чашкой.

— Что-нибудь понятно? — взволнованно спросил Рой.

— Да чего тут не понять — абсолютно все приспособление переиначено. В следящее устройство.

Он свирепо посмотрел на О'Лири.

— Что это ты, интересно, надеялся обнаружить? Узнать наши торговые секреты? Но мы ничего не скрываем от широких масс трудящихся.

— Не надо на меня так смотреть, — сказал О'Лири. — Я не имею никакого отношения к кольцу.

— Кольцо было изготовлено для Крупкина, — вставил Рой.

— Вот как? Никогда ему не доверял, вечно у него глаза бегали туда-сюда.

— Да, но Слим-то говорит, что он получил кольцо вовсе не от Крупкина, он утверждает, что ему дал его герцог Родольфо.

— Глупости. Я теперь вспомнил этот заказ, я сам составлял эти схемы согласно чертежам Крупкина. Ну да, теперь я понимаю, почему он так настаивал, чтобы я не делал никаких изменений! Кольцо было очень умно сконструировано, чтобы в нем было легко все поменять! Ему всего-то и надо было, что заменить А-провод, подсоединить Б-проводник к А, С-проводник к Д, поменять местами проводники Д и Е, подключить проводник Е к сопротивлению Х и поменять внутри небольшой черный ящик. Ничего сложного.

— И тем не менее я получил кольцо от Родольфо, — горячо сказал Лафайет. — Он дал мне его, чтобы меня не останавливали по дороге, когда я согласился исполнить одно его поручение.

— Вам бы следовало придумать что-нибудь пооригинальнее, — сказал Флимберт. — Это кольцо не помогло бы вам даже выйти из его комнаты.

— Послушай-ка, — вставил Рой, — может, он хотел дать тебе герцогскую печатку, — я видел у него на руке такую, когда он пытался сделать у нас один заказ. Там тоже большой рубин с инициалами "РР". Может, он схватился не за то кольцо? Как там у вас было с освещением?

— Все, что я помню, так это то, что там было мокро, — сказал Лафайет. — Послушайте, джентльмены, мы теряем время. Теперь, когда мы разобрались в этом недоразумении, если вы отадите мне мою одежду, то мне пора...

— Э-э, полегче на поворотах, — сказал Пинчкрафт. — Не беспокойся, мы сумеем наказать того, кто невнимательно читает наши контракты!

— В таком случае обратитесь к Крупкину, ведь это он его подписывал, а не я.

— Гм, это он верно говорит, — сказал Пинчкрафт. — В этом что-то есть. Крупкин, как сторона, подписавшая контракт, несет полную ответственность. А этот человек — всего-навсего со-общник.

— А это что, тоже подлежит наказанию?

— Да, но куда менее суворому, — с неохотой ответил Флимберт. — Всего сто лет у мельничного жернова.

— Ну и везучий же ты, Слим, — поздравил его Рой.

— Я счастлив, — отозвался Лафайет. — Послушайте, друзья, а нельзя ли тут чего-нибудь придумать? Может, условное наказание?

— Может, действительно поручим ему что-нибудь, да и дело с концом, — предложил Рой. — Скажем, галстуки, которые у нас завалялись, — никак не продаются. Дадим их ему, и пусть...

— Все это несправедливо! — запротестовал О'Лири. — В этом деле замешан один Крупкин, я всего лишь невинный свидетель. И я считаю, что он также замешан в похищении леди Андрагоры!

— Это нас не касается.

— Может быть, и нет, но я думал, что вы сурово наказываете каждого, кто переделывает вашу продукцию для своих целей!

— Гмм... — Флимберт поковырял в носу. — Это так.

— Послушайте, — настойчиво сказал О'Лири. — Если Крупкину удалось переделать личный передатчик в следящее устройство, почему бы вам тоже не переделать его наоборот?

— А?

— Подключите его таким образом, чтобы он передавал звук не от нас к Крупкину, а наоборот, от Крупкина сюда.

Пинчрафт нахмурился.

— Возможно, возможно.

Он помахал рукой, требуя тишины, поднял кофейную чашку. Поднеся кольцо к свету, он принял за работу. Все молча смотрели, как он ковырялся внутри рубина, бормоча себе под нос.

— ...провод Б к проводу Д... проводник Е к сопротивлению Х... красный, голубой... зеленый...

Через десять минут он сказал:

— Ха!

Закрыл кольцо и поднес его к уху. Потом широко улыбнулся.

— Я его слышу, — сказал он. — Вне всякого сомнения, это кольцо подсоединено к точно такому же, которое Крупкин носит с собой.

Он протянул кольцо Флимберту.

— Гм. Это его голос.

— Ну, и что он говорит? — требовательно спросил О'Лири.

— Он поет. Что-то насчет дороги в Миндалию.

— Дайте послушать.

Флимберт отдал ему кольцо, и Лафайет поднес его к уху.

— Был из глины сделан бо-ог,

Все на свете сделать мо-ог...

Лафайет нахмурился. Голос показался ему знакомым. Внезапно кто-то вошел.

— Ну? — высокомерно сказал голос, который пел.

— Ваше величество... принц... Я хочу сказать, ваша гостья отклонила ваше приглашение к завтраку — с соответствующими извинениями, конечно.

— Черт бы побрал эту шкуру, неужели она не понимает, что это делается только ради ее удобства? И прекрати мне лгать, Горб. Эта крыса не знает, что такое извинения. С тех пор, как она здесь появилась, она только и делает, что топает ногами и чего-то требует. Говорю тебе, иногда мне даже начинает ка-

заться, что все мои интриги гроша ломаного не стоят, если постоянно приходится связываться с бабами.

— Надо ли мне... э-э... передать ей приглашение вашего высочества к ленчу?

— Можешь не беспокоиться, просто проследи, чтобы ей подали в комнату, чего она захочет. Постарайся ублажать ее, насколько это будет возможно. Мне вовсе не хочется, чтобы у нее появились на лице морщины, пока она находится под моим покровительством.

— Слушаюсь, ваше величество.

Громкие шаги, стук закрывающейся двери, несколько тактов свиста, затем внезапная тишина и тяжелое дыхание.

— Черт... — пробормотал голос. — Неужели они...

Голос замолк. Раздались громкие звуки рвущейся материи, потом тупой удар. И мертвая тишина.

— Ого, — сказал Лафайет. — Он перестал передавать.

Все стали слушать по очереди.

— Наверное, он сообразил, что тут дело нечисто, — сказал Пинчкрафт. — Наверное, сунул кольцо в коробку и закрыл крышку. Вот вам и контрразведка.

— Как жаль! — с воодушевлением сказал О'Лири. — Как раз намечалось что-то интересное!..

— Да ну ладно, пойдем-ка, приятель, — сказал Флимберт. — Тебя ожидает мельница.

— Ну, что ж... прощай, Рой, — сказал О'Лири. — Я, конечно, не могу не заплатить своего долга обществу, но мне очень жаль, что не удастся посмотреть на все волнующие события, которые здесь у вас будут происходить.

— Да ну, Слим, на заводах Аджака жизнь спокойная, что там особо смотреть.

— Обычное вторжение, — сказал Лафайет. — Наверное, это будет яркое зрелище, когда Крупкин прибудет со своей армией, морским флотом и военно-воздушными силами.

— Это еще что такое? — отрезал Флимберт. — О чем это ты говоришь?

— Ох, я забыл, что я один его слушал. Но это неважно. Может, он просто щутил.

— Кто?

— Принц Крупкин. Он проводил совещание своего Военного Кабинета, объясняя им свою стратегию, план захвата этой территории. Он замолчал как раз в ту минуту, когда собрался говорить о времени предполагаемого вторжения с земли, моря и воздуха.

— Глупости! Крупкин не нападет на Аджак!

— Наверное, нет. Может, это он так шутит. Конечно, он не

знал, что мы подслушиваем, но, может, он особа эксцентричная и просто любит рассуждать логически для развлечения.

— Не может же он быть настолько непорядочным, чтобы использовать против нас наше собственное оружие? — восторженно спросил Флимберт.

— От него всего можно ожидать, у него глаза бегают, — сказал Пинчрафт.

— Ну, а мне лучше начать работать на этой вашей мельнице, — сказал Лафайет. — Вы, джентльмены, будете слишком заняты следующие 20 часов, составляя завещания и зарывая свои драгоценности...

— Одну минутку. Что он еще сказал? Когда он намеревается напасть на нас? Сколько войска под его командованием? Откуда следует ожидать атаки в первую очередь? Какое вооружение...

— Мне очень жаль, но как раз об этом он только собирался говорить.

— Черт подери! Почему мы не начали слушать раньше?

— Послушайте, Пинчрафт, — требовательно произнес Флимберт, — не могли бы вы придумать еще что-нибудь? Нам необходимо знать, что там происходит.

— Нет, не могу. На другом конце должен быть передатчик.

— А если послать туда птицу-робота, чтобы она разбросала микрофоны по всей площади?

— Бесполезно. Радиус действия этих аппаратов невелик. Без приемно-передающего устройства, расположенного на данной персоне или возле оной, все бесполезно.

— Тогда придется послать туда человека.

— Ерунда. Все наши ребята слишком маленького роста, их сразу же распознают в этом логове. Разве что...

Все глаза обратились на О'Лири.

— Как, чтобы я сунулся в это львиное логово? — Он поднял брови. — Ни за что. Я предпочитаю отправиться тихо и спокойно работать на мельнице — или вы уже забыли?

— Ну-ну, мой мальчик, — сказал Флимберт, улыбаясь, как отец невесты ее нареченному, — ты не беспокойся об этой мельнице. Ты всегда можешь отбыть наказание, после того как вернешься...

— Забудь ты об этом наказании, — вмешался Пинчрафт. — Тут дело серьезное. Неужели ты не хочешь помочь восторжествовать справедливости? Помочь правому делу?

— Что-то я не помню, чтобы в последнее время со мной поступали справедливо, — заявил О'Лири. — Нет уж, благодарю, продолжайте обходиться без меня, как и раньше.

— Послушай-ка, Слим, — сказал Рой. — Вот уж не думал, что ты можешь бросить друзей в беде.

— А как насчет той беды, в которую я попал полчаса назад? Что-то я не припомню, чтобы вы меня особенно поддержали.

— Сэр, — заговорил Пинчкрафт, — мы апеллируем к вашим благородным чувствам! Помогите нам сейчас, и вы заслужите нашу вечную благодарность.

О'Лири подавил зевок.

— Благодарю, я ссыплю по горло благодарностями.

— Может быть, какая-нибудь приемлемая форма оплаты... — предложил Флимберт.

О'Лири поднял бровь, поджал губы.

— У вас будут самые последние новинки из нашей лаборатории, — быстро сказал Пинчкрафт. — Я как раз заканчиваю плащ-невидимку вашего размера и...

— Мы высадим вас на балконе главного здания Стеклянного Дерева с одноместного ковра-самолета, — вторил ему Флимберт.

— Все путешествие не займет и часа!

— Вы что, совсем с ума посходили? — спросил О'Лири. — Единственный для меня шанс — это попытаться проникнуть туда ночью и найти какую-нибудь незапертую дверь.

— Но не с этим!

Пинчкрафт спрыгнул со стула, схватил длинный плащ с капюшоном из зеленого бархата с красной оторочкой и завернулся в него. Тяжелая материя зашуршила, заблестела и... исчезла вместе с маленьким начальником лаборатории.

— А? — сказал О'Лири.

— Неплохо, правда?

Голос Пинчкрафта звучал из пустоты, с того места, где он находился всего секунду назад.

— Волшебство? — пробормотал Лафайет.

— Чушь. Электроника.

Обрамленное пустотой, появилось лицо Пинчкрафта.

— Ну, так как?

О'Лири попытался убрать ошеломленное выражение со своего лица.

— Ну... я мог бы выполнить ваше поручение, но только мне нужен двухместный ковер-самолет.

— Как скажешь, так и будет, Слим, — заговорил Рой. — Не сомневайтесь, для такого добровольца-героя, как ты, у нас найдется все самое лучшее!

— Не беспокойтесь, мы доставим вас на место в целости и сохранности, — сказал Флимберт.

— И обратно? — спросил О'Лири.

— Ну, каждому овошу свое время, — ответил Флимберт. — Пойдемте, друг, надо же вас как следует оснастить всем необходимым. Я хочу, чтобы вы попали в Стеклянное Дерево к вечеру.

Был ранний вечер, когда Спропрояль провел Лафайета по извилистому коридору до большой двери, за которой находился небольшой балкон, откуда открывался вид на долину вниз.

— Ты смотри, поосторожнее с этим ковром, Слим, — сказал Рой, раскладывая прямоугольник шесть на восемь футов, похожий на самый обычный голубой Вильтоновский ковер. — Все контуры настроены на твои личные эманации, так что ты можешь не волноваться — никто его не украдет. Кстати, управление осуществляется с помощью голоса, так что будь поосторожнее в выражениях. И помни, перил тут никаких нет, так что осторожнее на поворотах. Координационный центр тут, конечно, есть, но если ты зазеваешься — помни, что парашюта у тебя нет.

— Все это меня очень воодушевляет, — сказал Лафайет, завязывая тесемки своего плаща-невидимки и пытаясь побороть тошнотворное чувство, возникающее где-то в желудке. — Твой Пинчкрафт навыочил на меня такое количество всяческих приборов, что я даже повернуться как следует во всем этом не могу.

— Честно говоря, он просто обрадовался случаю проверить еще не прошедшее испытания оборудование, которое он с ребятами состряпал в свободное от работы время. Они тут однажды придумали противочихающий генератор, так наш директор не разрешил вызвать добровольцев, чтобы его проверить. Или возьми, к примеру, этот плоскоход: придумано-то здорово, но если он не сработает — ба-бах! Взлетишь в воздух вместе с лабораторией.

— Расскажи мне еще что-нибудь в этом роде и считай, что я никуда не лечу! — сказал О'Лири. — Лучше укажи направление, в котором надо лететь, а то мой здравый смысл возьмет верх и я полечу совсем не туда.

— Да ты лети все время на запад, Слим. Не бойся, мимо не пролетишь.

— Ты бы очень удивился, если бы я рассказал тебе, сколько раз в жизни я пролетал. На всем. И мимо, — сказал Лафайет.

— Между прочим, к твоему сведению, меня зовут не Слим. Мое имя Лафайет О'Лири.

— Да ну? Скажи, какое совпадение... Ну, да это не важно. Счастливого пути, приятель, и не забудь включить микрофон, когда сунешь его в карман объекта.

— Ну, — сказал Лафайет, садясь на ковер-самолет скрестив ноги, — поехали...

Он закрыл глаза, представил координаты, которые Флим-

берт терпеливо заставил его заучивать в течение часа. Толстый шерстяной ковер, казалось, задрожал под ним. Он с трудом сдержался, чтобы не попытаться ухватиться за что-нибудь, когда ковер зашевелился, задергался, стал твердым. О'Лири заставил себя расслабиться.

— Как мешок с картошкой, — сказал он себе, не осмеливаясь даже вытереть пот, бежавший по лицу. — Огромный холщовый мешок со свежим картофелем из Айдахо...

Тошнотворное чувство не проходило, внезапно поднявшийся ветерок неприятно оевал его, ероша волосы, заставляя хлопать тяжелую материю плаща.

— Ну же, поднимайся, — прошипел он. — Пора уматывать отсюда, пока Флимберт не сообразил, что его надули.

Ничего не изменилось. Ветерок свистел так же резко, ковер оставался таким же неподвижным.

— Ну, просто прекрасно, — сказал Лафайет. — Я должен был знать, что ничего не выйдет.

Он открыл глаза и некоторое время недоуменно смотрел на огромное голубое небо впереди, потом повернулся...

На крохотном балконе, прилепившемся к огромной стене, быстро уменьшающейся позади него, крохотная фигурка ма-хала шарфом. О'Лири заставил себя посмотреть вниз, увидел зеленый пейзаж, проносящийся под ним. Он опять изо всех сил зажмурил глаза.

— Мамма миа, — пробормотал он. — А у меня даже нет бумажного пакета, если вдруг затошнит!

Крепость-дворец, известная как Стеклянное Дерево, возвышалась на западе, как звезда, прикрепленная к самой вершине горы.

Ослепительно сверкая в лучах заходящего солнца красным, зеленым, желтым и фиолетовым, она постепенно превращалась, увеличиваясь, во множество сверкающих хрустальных конструкций. Высокие башни, блестящие минареты, сверкающие шпили изящно балансировали на самом краю вершины горы.

— Ну, плащ, делай свое дело, — пробормотал О'Лири, заворачиваясь в тяжелую ткань, пытаясь закрыть нижней широкой частью одежды сам ковер. Спропояль уверял его, что у Крупкина не было никаких средств противовоздушной обороны, но Лафайет тем не менее решил не рисковать.

Примерно в полумиле от огромного дворца он приказал ковру замедлить скорость полета. Если это и произошло — летел он слишком быстро и точно в центр самой высокой башни, — Лафайет никаких перемен не заметил. С какой-то совершенно

дикой скоростью башня неслась ему навстречу, все ближе и ближе...

В самый последний момент ковер затормозил, дернулся, чуть не сбросив О'Лири, и сделал круг над башней.

— Ну, точно, как мешок картофеля, — страстно прошептал сам себе О'Лири. — Пожалуйста, там, наверху, дай мне выбраться из этой передряги живым, и я клянусь, что буду молиться регулярно, каждый день...

Ковер еще замедлил скорость, остановился и, дрожа, повис в воздухе у высокого окна с аркой.

— О'кей, а теперь вперед, самый малый ход, — прошептал О'Лири.

Ковер подплыл ближе к прозрачной, отполированной до зеркального блеска стене. Когда он подлетел вплотную к хрустальному карнизу, Лафайет осторожно протянул руку и уцепился за него. Ковер затрепыхался и забился, как живой, под его тяжестью, когда он перелезал через подоконник. Освобожденный от тяжести, он начал медленно скользить в сторону, подгоняемый легким ветерком. Лафайет поймал его за угол, скатал в тугую трубку и засунул в угол.

— А теперь жди здесь, пока я вернусь, — прошептал он ковру.

Заправив выбившуюся рубашку, которой его снабдил Спропоряль, поправив шпагу с эфесом, усыпанным драгоценными камнями, он нажал кнопку, находящуюся на эфесе сбоку.

— Летун вызывает Бабочку, — прошептал он. — Порядок, я на месте и пока еще живой.

— Очень хорошо, — раздался пронзительный шепот из того же эфеса. — Продолжайте проникать дальше. Вам следует попасть в королевские покои. Они находятся на двенадцатом этаже главной башни. Будьте осторожны, не выдавайте своего присутствия, случайно разбив вазу или наступив кому-нибудь на ногу.

— Спасибо, что предупредили, — рявкнул Лафайет. — А то я совсем было уже собрался поиграть на гитаре и спеть свою любимую песню.

Он подергал дверь, которая оказалась открытой, и вошел в слабо освещенную комнату, устланную мягкими коврами и украшенную серебристо-розовыми портьерами. Такая же серебристо-розовая вешалка стояла напротив балкона. Серебристые купидоны уютно расположились по углам пыльного розового потолка. Большой хрустальный канделябр сверкал в центре комнаты, звеня при порывах ветра, проникающего через открытую дверь. Лафайет направился к широкой серебристо-белой двери в дальнем углу комнаты, но остановился, услышав за ней голоса.

— … всего лишь на секундочку, — произнес слашавый мужской голос. — И кроме того, — продолжали с оттенком пошловатости, — вдруг вам понадобится помочь со всеми этими пуговицами и застежками?

— Вы нахальны, сэр, — игриво ответил знакомый женский голос. — Но, думаю, в этом нет ничего страшного — только на несколько минут.

— Дафна? — промямлил О'Лири.

Когда в замке зазвякал ключ, он кинулся к широкой кровати, чтобы найти хоть какое-нибудь убежище. Но не успел он забраться под нее, как дверь открылась. Прижавшись щекой к ковру, Лафайет увидел изящные ножки в кожаных туфельках с серебряными пряжками, рядом с которыми неотступно шли черные, начищенные до блеска сапоги со звенящими шпорами. Эти две пары ног, не останавливаясь, прошли по комнате и скрылись из поля зрения Лафайета. Раздались звуки какой-то возни, тихий смешок.

— Отстаньте, сэр, — мягко сказал женский голос. — Вы испортите мне всю прическу.

Лафайет весь изогнулся, приподняв полог кровати, пытаясь выглянуть и посмотреть, что происходит. Его шпага звякнула об пол. В ту же секунду наступила мертвая тишина.

— Милорд Чонси — ты слышал?

— Ну, мне пора идти, — громко сказал чуть дрожащий мужской голос. — Как вы знаете, его высочество — а лучшего человека я не встречал в целом свете — отдал приказание, чтобы у вас было все, что вы пожелаете, миледи, но я боюсь, что, если задержусь здесь дольше, то это будет неверно истолковано…

— Ну, знаете, такой наглости!..

Раздался сильный шлепок, отчетливо создающий впечатление гневной женской руки, ударяющей по мужской щеке.

— Как будто я вас сюда приглашала!

— Итак… если вы извините меня…

— Нет уж, сначала извольте обыскать комнату! Может, это ужасная бурая крыса!

— Да, но…

Изящная ножка топнула об пол.

— И немедленно, Чонси, иначе я доложу, что вы пытались заставить меня исполнить ваши похотливые желания!

— Кто, я, ваша светлость?

— Повторять не собираюсь!

— Ну…

Лафайет увидел, как сапоги пересекли комнату, остановились у шкафа. Раздался звук открываемой двери. Сапоги

проследовали в ванную, исчезли из виду, вновь появились. Они вышли на балкон, остановились, вернулись обратно.

— Никого нет. Возможно, ваше воображение...

— Вы тоже это слышали! И вы не посмотрели под кровать.

Лафайет замер, когда сапоги подошли к кровати и остановились буквально в двух футах от кончика его носа. Покрывало поднялось, узкое лицо со свирепыми стрелками усов и крохотными глазками уставилось прямо на него.

— Тоже никого, — сказал человек и опустил покрывало.

Лафайет перевел дух, только сейчас сообразив, что он все время сдерживал дыхание.

— Ну, конечно, я же совсем забыл про плащ, — упрекнул он сам себя.

— А раз так, — продолжал мужской голос, — то я не вижу причин, почему бы мне торопиться.

— Не сродни ли вы осьминогу по отцовской линии, милорд? — спросил голос Дафны с едва сдерживаемым хихиканьем. — Откуда у вас столько рук? Тише, тише, милорд, вы сломаете мне молнию.

— Ах, ты... — пробормотал Лафайет и замер, потому что беседа тут же прервалась и опять наступила мертвая тишина.

— Чонси, тут кто-то есть! — сказал женский голос. — Я... я это чувствую!

— Да, вот я и говорю, что мне необходимо пересчитать все простыни и полотенца, так что я не могу дольше задерживаться...

— Ерунда, Чонси, в такой поздний час? Неужели вы боитесь?

— Я? Боюсь? — голос Чонси стал несколько прерывистым.

— Конечно, нет, просто я всегда любил всякие переписи, и сейчас мне представляется случай проработать всю ночь, так что...

— Чонси, разве вы не помните, мы собирались погулять с вами при луне. Вы и я, и никого больше.

— Да, но...

— Подождите секундочку, я только переоденусь во что-нибудь подходящее. Я постараюсь поскорей.

— Эй, — слабо произнес Лафайет.

— Акустика в этой комнате просто невозможная, — нервно сказал Чонси. — Я бы мог поклясться, что кто-то только что сказал "эй".

— Глупый мальчик, — ответил женский голос.

Раздался мягкий шуршащий звук, за которым последовало взволнованное мужское восклицание. Снова появились женские ножки. Они остановились у шкафа, показались изящные женские руки в кольцах, снявшие одну туфлю, потом другую. Ножки поднялись на цыпочки, и пышная, вся в складках юбка упала

на пол. Мгновением позже туда упало что-то совсем воздушное.

— Но, миледи! — вскричал ломающийся, задыхающийся голос Чонси. — Его высочество... к черту его высочество!

Сапоги торопливо пробежали по полу, наступили на маленькую, изящную ступню. Раздался короткий женский вой, за которым последовал второй резкий звук пощечины за это вечер.

— Идиот! — взвыл женский голос. — Да я лучше останусь навсегда в этой дыре, чем...

— Ах, так вот что вы задумали? Заманили меня сюда ложными обещаниями, чтобы я помог вам бежать, а сами собираетесь уклониться от вашей части договора? Ну, нет, миледи, ничего у вас не выйдет! Я получу все, что мне причитается, сейчас...

Лафайет со всей возможной скоростью выбрался из-под кровати. Когда он вскочил на ноги, обладатель сапог — высокий худой придворный лет под 50 — резко обернулся, хватаясь за рукоять шпаги, диким взглядом окидывая комнату мимо и сквозь О'Лири. Позади Чонси Дафна, или леди Андрагора, стояла в коротенькой рубашке с голыми плечами на одной ноге и массировала пальцы другой.

Лафайет протянул руку, отвел подбородок мужчины вверх и чуть в сторону и нанес блестящий хук правой, после чего тот, нелепо взмахнув руками, пролетел до стены, ударился о нее и свалился на пол.

— Чонси... — прошептала леди, следя за его полетом. — Что... как... Почему?

— Я научу этого нечестивца ходить по спальням леди, помогая им расстегивать пуговицы! — сказал Лафайет, угрожающе приближаясь к полуодетой девушке. — А за тебя мне просто стыдно, — так поощрять этого сутенера!

— Я слышу твой голос... о, любимый... я слышу тебя... но я тебя не вижу! Где ты? Ты... ты не дух?

— Еще чего! — Лафайет откинулся кашюшон плаща. — Я из плоти и крови, и знаешь, что я скажу тебе по поводу этого спектакля...

Какое-то мгновение леди неотрывно смотрела в лицо О'Лири, затем ее глаза закатились. С легким вздохом она упала на старый розовый ковер.

— Дафна! — вскричал Лафайет. — Очнись! Я тебя прощаю! Но нам нужно уходить отсюда как можно скорее!

Он наклонился к ней, и в это самое время в дверь изо всех сил стали барабанить.

— Там есть мужчина! — вскричал снаружи командирский голос. — Ну, солдаты, ломайте дверь!

— Подожди, сержант, не торопись, у меня есть ключ...

— Вы слышали, что я сказал?

Раздался громовой удар, потрясший дверь, и звуки отлетающих от нее тел.

— Ну, ладно, давай сюда ключ.

Лафайет нагнулся, подхватил лежащую, без сознания девушку на руки и попытился к тяжелым портьерам, висящим на стене. Он едва скользнул за них, как раздался щелчок открывающегося замка, и дверь распахнулась настежь. Трое крупных мужчин в куртках с кружевными манжетами и воротниками, туго, в обтяжку, розовых штанах и с обнаженными шпагами вбежали в комнату и остановились.

Они недоуменно огляделись, затем осторожно обошли всю комнату из конца в конец.

— Э, да тут пусто, — сказал один из них.

— Никого нет, — добавил другой.

— Да, но мы ведь слышали голоса, разве вы забыли?

— Значит, ошиблись.

— Или ошиблись, или...

— Или сошли с ума...

— Или это место такое заколдованное.

— Ну, мне пора возвращаться, а то ребята не могут играть без четвертого, — сказал вольнонаемный, пятаясь к двери.

— Эй, ты, стой смирно! — рявкнул сержант. — Я сам скажу, когда пора возвращаться в игру!

— Да? Ты, может, хочешь здесь встретиться и поздороваться с каким-нибудь Всадником Без Головы?

— Я же говорю, что пора возвращаться играть, — твердо сказал сержант. — Пошли!

Солдаты начали осторожно отступать к двери. И в это время Лафайет, стоящий за занавеской и вдыхающий аромат женского тела, которое он держал на руках, услышал предварительное потрескивание, исходящее из эфеса шпаги.

— Ох, только не это! — взмолился он про себя.

— Бабочка вызывает Летуна, — прозвучал суровый голос у левого бедра. — В чем дело, Летун? Вы не докладываете уже пять минут!

— Вон там, — сказал напряженный голос. — За портьерами.

— Летун! Немедленно дождитесь обстановку!

— Заткнись ты, кретин! — прошептал Лафайет в направлении своего левого бедра и отступил в сторону, когда портьеры были грубо откинуты.

— Э-э-э! — сказал человек, уставившись на ношу Лафайета широко раскрытыми глазами.

— О-о-о! — сказал его товарищ, заглядывая через его плечо, и облизнул розовым языком сухие губы.

— Святой Мося! — сказал третий. — Она... она плывет по воздуху, а?

— У нее крохотные розочки на подвязках, — сказал первый.
— Вы только посмотрите, ребята!
— Плывет она или нет, а такой фигурки я давно не видел, — установил его товарищ.

— Эй, ребята, да она плывет к балконной двери! — вскричал сержант, когда Лафайет начал потихоньку отступать в сторону.

— Преградите ей путь.

Три солдата растянулись цепью, и О'Лири попытался было обойти их с левой стороны, выиграл ярда два и ударил одного из солдат под коленку, когда тот потянулся к безжизненно висящей женской руке. Он бросился в сторону, когда тот закричал от боли, схватившись за поврежденную конечность, прыгая на одной ноге. На мгновение путь к двери был свободен. Лафайет кинулся к ней, почувствовал, как его плащ зацепился за подставку для одежды, и прежде, чем он смог остановиться, плащ был сорван с его плеч.

— Эй! Смотри-ка! Этот парень появился прямо из воздуха!
— вскричал сержант. — Хватай-ка его, Ренфрю!

Лафайет в отчаянном порыве прыгнул в сторону, обогнул вешалку, почувствовал, как чьи-то руки обхватили его за ноги и, падая, увидел, как другие руки подхватили девушку. Потом он стукнулся головой об пол и его, полуоглушенного, поставили на ноги и прислонили к стене.

— Да вы только посмотрите, кто это, — сказало повисшее над ним ухмыляющееся лицо довольным и удивленным голосом, в то время, как руки шарили по его карманам, вынимая оттуда множество разных предметов, которыми его снабдил Пинч-крафт. — А ты не теряешься, приятель. Только зря ты на это дело пошел. Не думаю, что его величество будет в восторге, когда узнает, что ты был тут наедине с леди, да еще и в чем мать родила.

— Она не в чем мать родила, — пробормотал О'Лири, пытаясь сфокусировать свои глаза. — На ней розовые подвязки.

— Эй, посмотрите! — выкрикнул один из солдат. — Там у стены за диваном лежит лорд Чонси! Ух, ты! Только посмотрите на его челюсть!

— Добавим нападение на ее светлость к преступлениям этого молодчика, — сказал сержант. — Да уж, приятель, лучше бы ты остался на месте. Ты просто не оценил, как хорошо тебе там было.

Два солдата держали Лафайета за руки. Третий положил так и не пришедшую в себя девушку на кровать.

— Давай, давай, Мел, можешь не стоять, как пень, восхи-

щаясь своей работой, — проворчал сержант. — Надо скорее отвести этого молодчика в камеру, прежде чем кто-нибудь узнает, что он умудрился бежать, и начнет критиковать работу стражи.

— А можно... можно, я скажу ей всего пару слов? — взмолился О'Лири, когда его проводили мимо кровати.

— Ну... валяй, приятель, думаю, ты сполна заплатил за это. Только быстро.

— Дафна, — настойчиво сказал Лафайет, и ее веки задрожали и открылись. — Дафна! С тобой все в порядке?

Какое-то мгновение девушка недоуменно оглядывалась вокруг. Потом ее глаза остановились на Лафайете.

— Ланцелот? — прошептала она. — Ланцелот... любимый...

— Ладно, пошли, — проворчал сержант.

Лафайет с отчаянием посмотрел через плечо, когда его вытаскивали из комнаты.

9

Лафайет, дрожа, сидел в полной темноте, прислонившись к сырой каменной стене. Гробовая тишина нарушилась только мягкой возней мышьей в охапке соломы и тяжелым дыханием, доносившимся из дальнего конца комнаты. Второй пленник, его товарищ по несчастью, так и не проснулся, когда его швырнули в камеру, и спал уже несколько часов. Аромат Лунной Розы, духов Дафны, все еще оставался в памяти Лафайета, несмотря на удущливый козлиный запах темницы. Воспоминания об этих мягких теплых формах, которые он так недолго держал в руках, щемили его сердце каждый раз, когда он начинал перебирать в уме все те события, которые произошли с ним в Стеклянном Дереве.

— Да уж, операцию я провел блестяще, лучше не придумаешь, — пробормотал он. — Мне повезло абсолютно во всем, я даже с первого часа попал в ее комнату, и тем не менее я все только напортил. Да и вообще, я не совершил ни одного правильного поступка с тех пор, как впервые оказался на мельнице. Я подвел всех, начиная со Свайхильды и кончая Родольфо и Пинчрафтом, не говоря уже о Даф... я имею в виду леди Андрагору.

Он поднялся на ноги, сделал четыре шага вперед — дальше, как показали исследования, шла стена, о которую можно было больно удариться, — потом четыре шага назад.

— Но хоть что-то могу я сделать, — прошипел он сам себе.

— Может быть...

Он зажмурился — действие совершенно необязательное в

сложившейся обстановке — и сконцентрировал свою психическую энергию.

— Я опять в Артезии, — пробормотал он. — Только что вышел в сад с костюмированного бала, чтобы глотнуть свежего воздуха, — вот почему на нем этот нелепый костюм, который дал Спропрояль, — и через секунду-другую я открою глаза и пойду обратно...

Постепенно его голос становился все слабее и слабее. Зловоние камеры не позволяло убедительно представить прогулку в саду, где самым плохим запахом был запах гардинии.

— Ну, тогда... я инспектирую трущобы, — воодушевленно было начал он. — Разве что в Артезии нет нигде никаких трущоб. А как насчет Колби Корнера? — продолжал рассуждать он. — Ну да, там есть чудесные трущобы, обитатели которых только счастливы держать уголь в ваннах.

Он зажмурился еще сильнее, концентрируясь как можно тщательнее.

— Я — член Федеральной Комиссии по оказанию помощи, — уверил он сам себя, — и провожу исследования для моей книги, сколько времени требуется средней семье непреуспевающих супружеских пар, чтобы превратить чистую новую современную квартиру в определенный хаос, к которому они привыкли...

— Послушайте, а вы не могли бы галлюцинировать несколько потише, —зывающее произнес скрипучий голос из дальнего угла камеры. — Я пытаюсь хоть немного вздрогнуть.

— А, значит, вы все-таки живы, — не менеезывающее ответил Лафайет. — Не могу не восхититься вашей способностью спать без задних ног в этом осином гнезде.

— А вы что можете предложить? — послышался незамедлительный ответ. — Чтобы я, не умоляя, жаловался на все, что меня здесь раздражает?

— Как нам отсюда выбраться? — резко сказал Лафайет. — Вот о чем надлежит думать.

— Вопросы и я задавать могу, а вот как на них ответить?

“Этот голос, — подумал О’Лири, — отличается высокомерной наглостью и одновременно жалостью к самому себе. В общем, неприятный голос”, — решил он, с трудом сдерживая желание ответить в том же тоне.

— Дверь я проверил, — сказал он с наигранной веселостью.

— Насколько я могу судить, она состоит из одной стальной плиты, что ограничивает наши возможности в этом направлении.

— Неужели какая-то там стальная дверь может нас задержать? Судя по вашему голосу, я почему-то решил, что вы сорвете ее с петель и стукнете по голове первого, кто вам попадется под руку.

— ...а это означает, что нам придется искать какой-нибудь другой выход, — закончил свою мысль О'Лири, заскрежетав зубами.

— Прекрасно. Вот и займитесь этим. А я посплю. У меня были совершенно жуткие 48 часов.

— Да ну, кто бы мог подумать? Хотя их вряд ли можно сравнить с моими последними двумя сутками. Я спускался с верхушки ветряной мельницы, боролся с гигантами и пиратами, два раза сидел в тюрьме, один раз мне чуть не отрубили голову, я свалился в шахту лифта, меня судили за шпионаж, после чего я летел на ковре-самолете — это не говоря о теперешнем ужасном положении.

— У-уу-ха! — зевнул товарищ Лафайета по камере. — Счастливчик! Я был куда более занят: договаривался с сумасшедшим принцем, обманул герцога, провел рискованную операцию по спасению, обманул колдунью, причем меня били, пинали, колотили, а потом швырнули в темницу.

— Понятно. Что же вы собираетесь по этому поводу предпринять?

— Ничего. Все это на самом деле сон. Через некоторое время я проснусь, и вас здесь не будет, а я смогу опять продолжать заниматься своими рутинными делами.

— О, теперь понимаю. Вы просто чуть сдвинулись от одиночества. Это даже смешно, — добавил он со смешком, — что вы считаете фрагментом своего кошмара. Недавно я сам думал так почти обо всем, пока не убедился, что нахожусь в мире реальном, даже слишком.

— Так что, если вы прекратите болтать и дадите мне опять заснуть, я буду вам очень благодарен, — закончил наглый голос.

— Послушай-ка, Спящая Красавица, — резко заявил О'Лири. — Все это настояще, можешь не сомневаться. Может, ты и свихнулся чуть-чуть от своих переживаний, но постарайся вбить себе в голову: ты сейчас в темнице, настоящей, реальной темнице, в которой бегает куча мышей. И если ты не хочешь сгинуть заживо или дождаться, когда за тобой придет палач, то потрудись приподнять свое заднее место!

— Убирайся. Я еще не выспался.

— С каким бы удовольствием я отсюда убрался, если мог бы! Ну же, поднимайся, соня! Может быть, вдвоем нам удастся что-нибудь придумать!

— Чушь. Ты самый обычный фрагмент. Мне надо опять заснуть, и когда я проснусь, то снова окажусь на Хэтчер Крос-сроуд, в лавке зеленщика Бусера.

Лафайет злорадно засмеялся.

— Ты напоминаешь мне одного невинного беднягу, которого

я когда-то знал. Кстати, где расположена эта Хэтчер Кроссроуд?

— В Оклахоме. Но ты этого не можешь знать. Это не имеет к моему сну никакого отношения.

— Оклахома... Ты хочешь сказать, что ты из Америки?

— Смотри-ка, значит, ты знаешь об Америке? Впрочем, почему бы и нет? Я думаю, в теории ты ведь должен знать то же, что и я. Ну, да ладно, прощай, я опять засну.

— Подожди-ка, — настойчиво проговорил О'Лири. — Ты хочешь сказать, что ты прибыл сюда из США? Что ты не туземец из Меланжа?

— США? Это еще что такое? И, естественно, я не туземец. Я же не бегаю в набедренной повязке, размахивая копьем.

— Этого я не знаю — в темноте не видно. Но если ты из Оклахомы, ты должен знать, что такое США!

— Может, ты хочешь сказать, СК?

— А это еще что?

— Соединенные колонии, само собой. Но послушай, будь добрым воображаемым другом и дай мне соснуть чуток, ладно? Сначала ты меня позабавил, но я уже начал от всего этого уставать, а завтра у меня очень тяжелый день. Мистер Боусер получил заказ на соленые греческие орехи, и к нам сбежится весь округ, так что...

— Попытайся вбить в свою тупую башку, — прорычал Лафайет, — что ты находишься здесь, в Меланже, нравится тебе это или нет, что так все и будет на самом деле, понятно? А теперь послушай, нам с тобой нужно поговорить. Похоже, ты очутился здесь таким же образом, как и я...

— Никогда не думал, что мое подсознание может быть так настойчиво. Если бы я точно не знал, что ты всего-навсего субъективный феномен, мог бы поклясться, что ты настоящий.

— Послушай, давай больше к этому не возвращаться. Просто сделай вид, что я настоящий, и действуй соответственно. А теперь скажи: как ты сюда попал?

— Просто. Отряд кавалерии принца Крушкина схватил меня и швырнулся в темницу. Ты доволен?

— Я хочу сказать, до этого — когда ты впервые прибыл...

— А, ты имеешь в виду, когда я сфокусировал космические потоки?

Товарищ Лафайета по камере гулко рассмеялся.

— Если бы я только знал, чем все это кончится, то я занялся бы своими консервированными селедками или солеными орехами. Но нет, надо было мне сунуть нос во все это дело, да еще и попытаться объяснение найти, что к чему. Да еще надо было так не повезти — я наткнулся на книгу профессора Хоз-

злешрумпфа “Современные заклинания, или Легкий путь самообмана”. Я попытался все сделать по этой формуле, и... только что я сидел в своей комнате, которую сдала мне мисс Гинсберг, и тут же оказался в самом центре огромной пустыни, и солнце светило мне прямо в лицо.

— Ну? Продолжай.

— Ну вот, я пошел на восток — чтобы не слепило солнце — и через некоторое время дошел до холмов. Здесь было прохладнее, и я обнаружил небольшой ручеек, немного орехов и ягод. Я пошел дальше и вышел к возделанному полю недалеко от города. И только я нашел небольшую забегаловку и собрался закусить вкусным хлебом и сыром, как появилась местная полиция. Они отвели меня к принцу, и он предложил мне работу. Все это казалось мне забавным, поэтому я и не протестовал, и такая жизнь была мне вполне по душе, пока я не увидел леди Андрагору.

— Леди Андрагору? Что ты знаешь о леди Андрагоре? — рявкнул Лафайет.

— Нет, мне нельзя забывать, что это всего-навсего сон, — возбужденно сказал невидимый голос. — Иначе я выдral бы тебе все волосы по одному!

Лафайет услышал его глубокий вздох.

— Но все это сон, иллюзия. Беверли не попала на самом деле в лапы этому негодяю Крупкину, меня не обманули и не бросили в тюрьму. То, что я сейчас чувствую, не настоящий голод. А если ты еще заткнешься и уберешься отсюда вон, то я смогу вернуться назад и продолжать карьеру у Бусера!

— Вернемся к леди Андрагоре!

— Вот уж от этого я бы не отказался. Эти нежные, мягкие губы, прекрасные линии тела...

— Ах, ты!.. — Лафайет с трудом сдержал себя. — Послушай-ка, кто бы ты ни был! Ты должен смотреть правде в глаза! Прямо сейчас леди Андрагора томится в руках этих негодяев — я имею в виду, в руках...

— Всего лишь на прошлой неделе мистер Бусер говорил мне: “Лоренцо, мой мальчик, у тебя впереди большое будущее в продовольственных...”

— Лоренцо! Значит, это ты предал леди Андрагору!

Лафайет вне себя прыгнул в том направлении, откуда исходил голос, и ударился о стену, добавив новую контузию своей многострадальной голове.

— Ты где? — тяжело дыша, выкрикнул он, размахивая руками в воздухе. — Грязный обманщик, похититель, змей под колодная!

— Чего это ты так разбушевался? — спросил голос из про-

тивоположного угла. — Тебе-то что до Бевер... я хочу сказать, леди Андрагоры, тюремная пташка?

— Тюремная пташка, вот как? — задыхаясь, сказал Лафайет своим самым презрительным голосом. — И это говоришь ты, сидя в камере...

Он прыгнул, почти ухватился за руку, и внезапно искры полетели у него из глаза, в который угодил удар кулака.

— Не смей подходить ко мне близко, ты! — отрезал голос. — Мало мне было неприятностей, так они еще посадили вместе со мной маньяка.

— Ты выманил ее из города своим лживым красноречием, чтобы передать тетке! Я имею в виду эту старую каргу, которая работает на Крупкина!

— Так считал и Родольфо, но как только я увидел ее, у меня пропало всякое желание вести ее туда! Но это не твое дело.

— А куда же ты собирался ее вести? В любовное гнездышко, приготовленное заранее?

— Вот именно. Если бы не куча верховых полицейских, не весть откуда взявшихся в лесу, так оно и было бы. Но этот длинноногий шейх Чонси поймал нас.

— А, ну что ж, может, это к лучшему. По крайней мере, здесь у нее имеется приличная постель.

— Вот как? Могу я спросить, что ты знаешь о постели Бевер... Я хочу сказать, леди Андрагоры?

— Все. Я провел под ней довольно бойкие полчаса.

— Как ты сказал — под ней?

— Так и сказал. Я подслушивал, как она отбивалась от ухаживаний этого Чонси. У меня был ковер-самолет — я хочу сказать мой МАРК IV, личный транспорт — прямо на балконе. И только я хотел ее умыкнуть, как прибыла дворцовая стража.

— Да, я предупредил Крупкина, чтобы он приглядел за Чонси. И похоже, что они прибыли как раз вовремя!

— Они прибыли слишком быстро! Я уже держал ее в своих руках, когда они ворвались и кинулись на нее...

— Ах, ты!..

Невидимое тело пролетело мимо О'Лири, и с большим удовольствием он выставил вперед ногу и зацепил лодыжку. Последовавший затем грохот падающего тела хоть как-то скомпенсировал боль в его глазу.

— Послушай, Лоренцо, — сказал Лафайет. — Нам совершенно ни к чему кидаться друг на друга в этой комнате. Очевидно, мы оба обеспокоены тем, чтобы с леди Андрагорой все было в порядке. Никто из нас не хочет, чтобы она оказалась в лапах Крупкина. Почему бы нам не объединиться, пока она не

окажется на свободе, а уж потом решить все вопросы между собой?

— Объединить наши усилия, ха, — пробормотал невидимый компаньон Лафайета откуда-то с пола неподалеку от двери. — Какие усилия? Мы заперты в темнице, в темноте, обезоруженные. Если, конечно, — добавил он, — у тебя нет чего-нибудь в заначке.

— Да нет, у меня все отобрали, — сказал Лафайет. — У меня тут было чем похвастаться: приемо-передаточная шпага, плащ-невидимка, ключ-на-все-замки, плоскоход...

Внезапно он замолчал и быстро поднес руку к своему поясу. Пояс все еще был на месте. Он отстегнул его, вывернулся, нащупал молнию и потянул за нее.

— Подожди-ка, Лоренцо, — напряженно сказал он. — Может, сейчас мы с тобой добьемся всего, чего желаем.

— О чём ты говоришь? — ответил тот своим капризным голосом. — Шпаги? Ключи? Нам нужен, по меньшей мере, заряд динамика, или, на худой конец, два железных прута.

— Может, у меня есть тут кое-что получше, — ответил Лафайет, вытаскивая плоский прямоугольник два на один дюйм, сделанный из гибкого пластика. — Они пропустили плоскоход.

— Что такое плоскоход?

— Согласно Пинчкрафту, он генерирует поле, которое модифицирует пространственные взаимосвязи против экзакосма. Он обращает одномерное пространство в эквивалентное замещение его вдоль перпендикулярных волюметрических осей и в то же время поддерживает гармонию, которая дает взаимный эпицентрический эффект и...

— А как бы ты объяснил это обычному смертному? — прервал его Лоренцо.

— Ну, он понижает физическую размерность того, кто им пользуется, до нуля и компенсирует это соответствующим повышением плотности поля материи в остающемся квази-двумерном состоянии.

— Послушай, а как бы ты объяснил это идиоту?

— Он делает тебя плоским.

— Как ношение корсета может нам помочь? — взвыл Лоренцо.

— Я имею в виду — на самом деле плоским! Ты получаешь возможность проходить между молекулами обычной материи — проходить сквозь стены, другими словами. Вот почему он и называется плоскоход. Ну, посторонись, Лоренцо, и я попытаюсь его использовать. Значит, так, Пинчрафт говорил, ориентироваться, чтобы продольные линии оси совпадали с мо-

ими продольными осями, а главная поверхность — с самой широкой плоскостью моего тела, или наоборот...

— Наверное, такую они придумали мне пытку, — пробормотал Лоренцо, — заперли с сумасшедшим! Я мог бы догадаться об этом сразу и не предаваться напрасным надеждам. Бедная Беверли! Она, конечно, будет держаться до последнего, но, в конце концов, непрерывная настойчивость похитителя и перспектива управлять всем этим замком поколеблют ее волю и...

— Я уже прошел через это, — сказал Лафайет. — И тебе не советую. Лучше выкинь-ка из головы все эти глупости, а я тем временем проведу опыт.

Лафайет стал вращать плоскоход, нашел маленькую кнопку в середине и нажал на нее.

Ничего не произошло. Он разочарованно уставился в окружающую его темноту.

— Черт побери! — с чувством сказал он. — Видимо, слишком легкий путь не для меня. Придется придумать что-нибудь еще. Послушай, Лоренцо, а эта камера высокая? Может, в потолке есть какой-нибудь лаз, и если один из нас встанет на плечи другому, то мы сможем дотянуться до него?

Он встал на цыпочки и вытянул руку, но так ни до чего и не дотронулся. Он подпрыгнул, но все с тем же результатом.

— Ну, так как же? — резко сказал он. — Будешь взбираться на мои плечи, или мне взобраться на твои?

Ответа не было. Даже мыши перестали шуршать в соломе.

— Говори, Лоренцо! Или ты опять заснул?

Он пошел по камере, пытаясь нащупать рукой стену. Через десять шагов он пошел медленнее и с большой осторожностью. Еще через пять шагов он остановился.

— Странно, — сказал он окружающей его темноте. — Я почему-то думал, что эта камера всего-навсего не более десяти шагов в ширину.

Он повернулся и пошел обратно, отсчитав 15 шагов, затем продолжал идти дальше 5, 10, 15 шагов. Внезапно в глаза ему брызнул резкий слепящий свет. Он заморгал глазами, пытаясь разобраться, что бы могла значить эта стена света, похожая на замерзшее стекло, в которое было завернуто что-то светлое.

Когда он повернулся, стена, казалось, поплыла, сжимаясь, появились линии, точки и пятна света, высвечивающие нормальную, хотя и слегка искаженную стену: тускло освещенный коридор со стеклянными стенами, стеклянным полом и тяжелыми дверями из черного стекла.

— Я вышел из камеры! — воскликнул он. — Плоскоход сработал! Лоренцо!..

Он повернулся, увидел, что стены в то же самое время рас-

ширились, вытягиваясь во все стороны сразу, как отражение в выпуклом зеркале.

— Должно быть, какой-нибудь эффект двумерности, — пробормотал он. — Но все же откуда я пришел?

Он в нерешительности сделал несколько шагов вперед: свет сменился полной темнотой. Он прошел 15 шагов и остановился.

— Лоренцо! — прошипел он. — Полный порядок!

Ответа не последовало.

— А может быть, он не может меня слышать — или я не могу слышать его, когда эта штука включена.

Лафайет нажал кнопку с противоположной стороны. Никаких перемен не произошло — разве что почти неуловимые звуки приглушенного рыдания. Лафайет рявкнул:

— О, ради всего святого, возьми себя в руки! Слезами горю не поможешь!

Раздалось удивленное восклицание.

— Лэйф? — прошептал знакомый голос. — Это действительно ты?

Лафайет принюхался: чеснок.

— Свайхильда! — изумленно воскликнул он. — Как ты сюда попала?

— Т-ты, сказал мне, чтобы я н-не х-ходила за тобой, — говорила Свайхильда пятью минутами позже, всласть выплакавшись на плече успокаивающе похлопывающего ее О'Лири. — Но я наблюдала за воротами и видела, как ты выехал. А рядом с одной пивнушкой как раз была привязана лошадь, вот я и вскочила на нее и поскакала за тобой. Перевозчик на барже показал мне, какой дорогой ты поехал. Но я тебя едва успела догнать, а тебя уже собирались вешать...

— Так это ты завыла, как пантера!

— Просто в спешке не удалось придумать ничего другого.

— Ты спасла мне жизнь, Свайхильда!

— Угу. Ну, я оттуда удрала, конечно, а потом совсем заблудилась. Моя лошадь все ходила и ходила, а потом споткнулась и сбросила меня в большой куст. Когда я оттуда выползла — смотрю, откуда ни возьмись, сидит на пне какая-то старая леди, и так задумчиво пытается раскурить сигару. Я так обрадовалась увидеть живого человека, что кинулась к ней и поздоровалась. Старушка подскочила, как будто уселилась на кактус, а потом посмотрела на меня, словно я дух какой-то. “Великий боже! — сказала она. — Невероятно! Но, в конце концов, почему бы и нет?” Только я собралась ее спросить, чего это она имеет в виду, как она вскакивает, сует мне под нос какую-то жестянку, из которой несет нафталином, и после этого я ничего не помню.

— Мне кажется, я знаю эту леди, — угрюмо сказал Ла-

файет. — Три раза мне придется свести с ней счеты, если не больше!

— После этого мне снится какой-то сумасшедший сон, что я лечу по воздуху. А проснулась я в приятной комнате, и там сидел какой-то гладкий такой стариакашка, должно быть, брат той старушки. Так вот, он задал мне кучу всяких вопросов, и не могу сказать, чтобы очень скромных, а когда я попыталась уйти отсюда, так он меня схватил и, естественно, я тут же засветила ему, как следует. Я и оглянувшись не успела, как туда ворвался целый отряд стражников, которые привели меня сюда, — Свайхильда вздохнула. — Может, мне и не следовало так торопиться с этим ударом правой, но у этого ублюдка были холодные руки. Но мне следовало знать, что не стоит беспокоиться, что ты найдешь меня, Лэйф, — ее губы осторожно скжали мочку его уха. — Кстати, — прошептала она, — я взяла с собой завтрак. Не хочешь отведать хороший кусочек колбасы и сыра? Правда, он немного мятый — мне пришлось нести его под одеждой...

— Нет, спасибо, — торопливо сказал Лафайет, высовождаясь из ее объятий. — Нам надо уйти отсюда как можно скорее. Придется мне опять выйти и поискать ключ...

— Эй, а как ты вообще попал сюда? Я не слышала, чтобы дверь открывалась...

— Я прошел сквозь стену. Никакого волшебства, просто один трюк, о котором я позже тебе расскажу. Но я не могу взять тебя с собой. Придется открыть дверь твоей камеры. Так что, если ты просто подождешь меня здесь...

— Ты опять оставишь меня одну?

— Тут уж ничего не поделаешь, Свайхильда. Сиди спокойно и жди. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Думаю, это не займет много времени.

— Тебе... тебе виднее, Лэйф. Но только поспеши. Мне никогда не нравилось быть одной в темноте.

— Ну, не бойся, будь умницей, — он потрепал ее по плечу.

— Ты постараися думать о чем-нибудь приятном, и оглянешься не успеешь, как я уже вернусь.

— Д-до свиданья, Лэйф. Береги себя.

Лафайет ощупью добрался до стены, включил свой плоскокход, вновь вышел в переливчатое сверкание коридора. Вновь ему пришлось приспособиться к перемещающемуся свету и видимым феноменам. Узкий коридор был по-прежнему пуст. Он выключил плоскокход, и коридор приобрел нормальный вид. Крадучись, пошел он к ближайшему пересечению коридоров. Двое мужчин в алых куртках стояли в освещенном дверном проеме футах за 20 от поворота. У одного из них, с брюшком и нездоровым цветом лица, была заткнута за пояс огромная связка

ключей. Приблизиться к ним незамеченным было просто невозможно.

Вновь О'Лири нажал на кнопку плоскохода и увидел, как стены коридора начали сливаться, в то время как светящаяся стена стала стеклянной.

— Главное — не растеряться, — сурово проинструктировал он сам себя. — Пройти прямо 20 шагов, потом материализоваться, схватить ключи и стать плоским. Понял?

При первом же его шаге освещенный коридор заколебался, рухнул, стал полупрозрачной вуалью. Лафайет протянул вперед руки, но ничего не нашупал.

— Должно быть, какой-нибудь эффект ориентации, — подсказал он сам себе. — Надо просто продолжать идти вперед.

Это было очень неуютно — пробираться вперед в молочном тумане. Повернув голову в сторону, О'Лири увидел какую-то совсем другую схему стеклянных кирпичей, которые убегали в сторону от него по мере его продвижения вперед — как будто он шел мимо бесконечного искривленного зеркала. Через пять шагов у него закружилась голова. Через десять он остановился и несколько раз глубоко вздохнул через нос, чтобы побороть приступ морской болезни.

— Придется Пинчкрафту как следует потрудиться, — сказал он, с трудом сглатывая слону, — прежде чем пустить этот плоскоход в свободную продажу!

С большим трудом он прошел еще пять шагов. Сколько же он прошел всего? Десять? Или двадцать? Или?..

Что-то замелькало и начало переливаться перед ним, потом окружило со всех сторон. Мелькнул красный цвет. Затем, буквально в дюйме от его глаз, возникло то, что, несомненно, было позвоночником, окруженным каким-то розовым студнем...

Рванувшись изо всех сил, Лафайет прыгнул вперед, с благодарностью приветствуя окружившую его темноту.

— Пинчкрафт ничего не сказал мне, — вздохнул он, тяжело дыша, — о том, что можно проходить и сквозь человека...

Прошло добрых пять минут, прежде чем Лафайет почувствовал себя в силах продолжить путь. Он выбрал направление наугад, сделал еще пять шагов, потом еще два на всякий случай, затем остановился и отключил плоскоход.

— Как тебе удалось выбраться? — сказал удивленный голос как раз в тот момент, когда ослепительный солнечный свет ударил ему в глаза.

Лафайет на мгновение увидел открытый небольшой дворик, ухмыляющееся лицо под шляпой с плюмажем, занесенную над его головой дубину. А затем ближайшая башня упала на его голову, и весь мир взорвался темнотой.

— Да ну что вы, ваше высочество, этот парень появился в нашем дворике, моргая, как сова...

Монотонный голос грохотал, как прибой на тропическом пляже.

— Я его вежливо попросил, мол, пойдем со мной, а он сразу за ножик. Я вовсе не применял насилие, совсем как вы велели, а он попытался удрать и поскользнулся на банановой кожуре и ударился головой о ручку двери. Я же знаю, что ваше высочество заинтересованы в этом бродяге, и я никогда не посмел бы, я вообще не понимаю, после двадцати одного года преданной службы...

— Заткнись, идиот! Я тебе приказал обращаться с ним, как с любимой девушки! А ты приносишь его с шишкой на голове размером в королевскую печать. Еще одно слово, и я брошу тебя в пирангам!

Лафайет сделал усилие, попытался определить, где пол, и нашупал, что тот находится под его ногами. Он приоткрыл один глаз и обнаружил, что стоит, поддерживаемый за плечи, в большой комнате с высоким потолком, украшенной гобеленами, канделябрами, коврами, зеркалами в позолоченных рамках, полированной мебелью из богатого темного дерева. Перед ним в уютно выглядевшем кресле сидел маленький человечек с угрожающим выражением на зловещем лице с правильными чертами.

— Го-го-го, — пробормотал Лафайет и остановился, чтобы перевести дыхание.

— Сержант, если вы сделали из него идиота, я отрублю вам голову! — взвыл седовласый человек, вскакивая и кидаясь вперед.

— Лоренцо, — обратился он к Лафайету, — Лоренцо, это я, твой друг, принц Крупкин! Ты меня понимаешь? — он с волнением уставился в лицо Лафайета.

— Я... я вас понимаю, — с трудом выдавил Лафайет. — Но... но... вы... вы...

— Прекрасно, мой мальчик! Эй, вы, кретины, усадите моего гостя на эти подушки! Принесите вина! Как твоя голова, мой мальчик?

— Ужасно, — сказал Лафайет, морщась при каждом ударе пульса. — У меня уже почти прошло похмелье, когда я упал в шахту лифта, но и с этим я почти справился, когда этот болван ударил меня дубинкой по голове. Должно быть, у меня целых три сотрясения мозга, одно за другим. Мне нужен доктор. Мне нужно выспаться. Мне нужна пища. Мне нужна таблетка аспирина...

— И ты ее получишь, дорогой мой. Вместе с моими самыми искренними извинениями за это ужасное недоразумение. Я надеюсь, ты простишь мне те замечания, которые я высказал при нашей последней встрече. Я просто тогда очень устал. И я только собирался извиниться перед тобой, как сержант доложил мне, что ты прогуливаешься в моем дворе. Ах, да, кстати, как это ты очутился во дворе, если ты, конечно, не возражаешь против такого вопроса?

— Я прошел сквозь стену, по крайней мере, мне так кажется. Сейчас у меня в голове все немного перемешалось.

— О, конечно. Ну, да это не имеет никакого значения. Не думай об этом, расслабься, выпей вина. Потом немного поспишь и встанешь совсем здоровым. Конечно, после того, как мы поговорим.

— Я не хочу говорить, я хочу спать. Мне нужно болеутоляющее. Может быть, мне нужно даже переливание крови и, скорее всего, трансплантация почек. А вообще-то я умираю, так что все это тоже не может помочь, все усилия будут напрасны...

— Ерунда, Лоренцо! Скоро ты будешь свеж, как огурчик. А теперь есть вещь, о которой я хочу тебя спросить, или я хочу спросить об одной вещи — мы должны говорить грамматически правильно, ха-ха, так вот — где она?

— Кто?

— Не играй со мной в кошки-мышки, мой мальчик, — голос принца Крупкина стал более резок. — Ты знаешь, кто.

— Все равно скажите.

Крупкин наклонился вперед.

— Леди Андрагора. Что ты с ней сделал?

— С чего вы взяли, что я с ней что-то сделал?

Его высочество, сверкая глазами, уставился на О'Лири. Он сцепил пальцы и так хрустнул суставами, что целые волны новой боли прокатились в голове Лафайета.

— У кого еще хватило бы наглости выкрасть ее из роскошных апартаментов, в которые я ее поместил по доброте сердечной, это неблагодарное создание?

— Хороший вопрос, — пробормотал Лафайет. — Скорее всего, это мог быть Лоренцо, и если бы он не сидел в камере, я...

— Вот именно! Что приводит меня к моему первоначальному вопросу: где она?

— Понятия не имею. Но если уж ей удалось от вас смыться, тем лучше для нее.

— Я вырву из тебя правду, даже если для этого придется пустить в ход раскаленные щипцы, жалкий червяк!

— А я-то считал, что со мной будут обращаться, как с любимой девушкией, — сказал Лафайет.

Глаза его были закрыты, и он с любопытством наблюдал за красными кругами, расширяющимися и сужающимися с каждым ударом его сердца.

— Я тебе покажу любимую девушку! Всю шкуру со спины спущу плеткой-девятахвосткой...

Крупкин замолчал, глубоко вздохнул, выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

— Такова тяжесть ноши моей империи, — пробормотал он.

— Я пытаюсь поступить с этим обманщиком, с этой змеей честно, и что я имею? Он швыряет мои милости мне в лицо.

Лафайет с трудом заставил свои глаза открыться и уставился на сердитое лицо принца.

— Это просто удивительно, — пробормотал он. — И вы говорите в точности, как он. Если бы я уже не встретил на своем пути Свайхильду, Халка, леди Андрагору, Спропояля и герцога Родольфо, я поклялся бы, что вы на самом деле...

— А, этот скользкий уж Родольфо! Он тебя соблазнил, заставил свернуть с пути истинного, да? Что он тебе обещал? Я дам вдвойне! Втройне!

— Э-э, как бы это сказать, насколько я помню, он говорил что-то о неувядающей благодарности.

— Моя благодарность не завянет в 10 раз дольше, чем у этого жалкого барона!

— Я бы хотел, чтобы вы решились, наконец, на что-нибудь одно, — сказал Лафайет. — Что меня ждет: немилость или почесть?

— Ну-ну, мой мальчик, я ведь всего лишь пошутил. Нам с тобой предстоит совершить такие дела! Весь мир лежит у наших ног! Богатства копей, морей и лесов, сказочные сокровища Востока!

Крупкин наклонился вперед, и глаза его мечтательно заблескали.

— Посуди сам, никто не знает расположения алмазных копей, самых богатых залежей золота, редчайших месторождений изумрудов! Но мы-то с тобой знаем, верно?

Он подмигнул.

— Мы будем работать вместе. С моим гением составлять планы и твоими талантами, — тут он опять подмигнул, — нет пределов тому, чего мы можем добиться!

— Моими талантами? Я, конечно, играю немного на гармошке — научился, слушая специальные курсы по телевизору...

— Ну-ну, передо мной можешь не притворяться, мой мальчик.

Крупкин с добродушным видом укоризненно покачал пальцем в воздухе.

— Послушайте, Крупкин, вы только даром теряете время. Если леди нет в комнате, то я понятия не имею, где она может быть.

Лафайет схватился руками за голову и бережно ее поддержал, как переспелую дыню. Сквозь пальцы он увидел, как рот Крупкина открылся, чтобы что-то сказать, потом захлопнулся, а сам принц замер, глядя на него с выражением полного удивления.

— Ну, конечно! — прошептал принц. — Ну, конечно!

— Что-нибудь померещилось? — спросил Лафайет.

— Нет, нет, все в порядке. Ничего не померещилось. Удивительно. То есть я хочу сказать, ничего не произошло. И мне внезапно пришло в голову, что ты устал, мой бедный мальчик. Уж, наверное, ты не откажешься сейчас от горячей ванны, и чтобы несколько девушек потерли тебе спинку, а потом уложили на удобную кровать? А когда ты отдохнешь, мы сможем поговорить сколько угодно о том, что тебе еще нужно. Да? Ну и прекрасно. Эй, вы!

Принц щелкнул каблуками, ссывая своих слуг.

— Приготовить имперские покой для моего почетного гостя! Душистую ванну, моих лучших массажисток, пусть королевский хирург приготовит мази и настойки для этого дворянина.

Лафайет зевнул во весь рот.

— Отдых, — пробормотал он. — Спать, да!

Он почти не осознавал, что его ведут из комнаты по широкому коридору, потом по большой лестнице. В огромной комнате, устланной мягкими коврами, нежные руки помогли ему избавиться от грязной одежды, опустили в широкую мыльную ванну, растерли, отскребли, вытерли насухо, уложили между крахмальными простынями. Свет в комнате померк, и он погрузился в полное забытье...

Внезапно его глаза широко открылись. Он уставился в темноту.

“Мы с тобой знаем расположение алмазных копей, залежей золота, — казалось, услышал он заново голос Крупкина. — С твоими особыми талантами...”

— Только человек не из Меланжа, а из какого-то высоко развитого параллельного мира может знать о залежах золота и изумрудов, — пробормотал он. — Геология от мира к миру остается почти такой же, и аутсайдер может копаться в холмах Кимберли с полной уверенностью в успехе. А это означает, что Крупкин — аутсайдер, как и я...

Лафайет подскочил и уселся в постели.

— И он знает, что я аутсайдер, а это означает, что он знал меня раньше, следовательно, он именно тот, за кого я его принял: Горубль, экс-король Артезии! А это значит, что у него есть

способ попасть туда отсюда и, может быть, он сумеет помочь мне попасть обратно в Артезию.

Лафайет, сам того не осознавая, очутился на середине комнаты. Он пошарил руками, нашупал лампу, включил ее и подошел к шкафу, вынул оттуда одежду, включая и невинно выглядевший плащ-невидимку, чисто выстиранный и выглаженный.

— Но с чего бы ему понадобилась леди Андрагора? — продолжал вслух размышлять Лафайет, быстро одеваясь. — И Свайхильда? Ну конечно же! Ведь раз он Горубль, он прекрасно понимает, что Свайхильда — двойник принцессы Адоранны, а леди Андрагора — Дафны...

— Ну, да это сейчас все ни при чем, так что думать об этом нечего, — резко посоветовал он сам себе. — Первое, что ты должен сделать, это вырвать Даф... то есть леди Андрагору из его лап. И, конечно же, Свайхильду. А затем, спрятав их в каком-нибудь безопасном месте, можно будет говорить уже о позиции силы, заключить с ним договор или какую-нибудь сделку, чтобы самому попасть домой, а ему пообещать не выдавать его Централи.

— Верно, — согласился он сам с собой. — А теперь — как же попасть в башню?

Он подошел к окну, отодвинул штору, увидел, что наступили глубокие сумерки, в которых минареты Стеклянного Дерева сверкали, как шпили из разноцветного льда. В его воображении возникли соединяющие их стены, переходы и воздушные мосты, которые соединяли нужную ему башню с той, в которой он находился.

— Только бы не спутать.

Бесшумно вышел он из комнаты. Одинокий стражник, стоящий в самом конце освещенного коридора, не оглянулся, когда Лафайет скользнул по покрытому мягкими коврами холлу.

Три раза в течение получаса Лафайет упирался в тупик и вынужден был поворачивать обратно в поисках другого маршрута. Но, в конце концов, он добрался до витой лестницы, по которой стражники тащили его несколько часов назад в темницу. Наверху, на площадке, он увидел одного из солдат охраны в полном вооружении, зевающего во весь рот. О'Лири начал бесшумно подниматься, невидимый в своем плаще, потом аккуратно ударил солдата по голове и бережно положил его на пол. Он попытался открыть дверь. Она была заперта.

— Леди Андрагора! Откройте! Я друг! Я пришел помочь вам бежать.

Ответа не было, изнутри не доносилось ни звука. Он быстро обыскал стражника, нашел кольцо с ключами и с пятого раза нашел нужный.

Дверь распахнулась в темную пустую комнату.

— Дафна? — мягко позвал он.

Он проверил ванную, шкаф, примыкающий будуар.

— Все сходится, — сказал он. — Крупкин-Горубль сказал, что она исчезла, но куда?

Он вышел на балкон. Марк IV исчез с того места у стены, где он оставил его. Лафайет застонал.

— Почему только я его не спрятал? Так нет, все эти штучки Пинчкрафта сделали меня настолько самоуверенным, что я решил, что вернусь с Дафной максимум за десять минут, и мы улетим восьсяси. А теперь я застрял здесь — даже если я найду ее, то не на чем будет улететь отсюда!

Лафайет вышел из комнаты, закрыл за собой дверь. Стражник только начал приходить в себя и что-то бормотать себе под нос. Лафайет перешагнул через него, невольно прислушиваясь к невнятным словам:

— ...не виноват я, начальник, как же это можно удрать из комнаты на вершине башни, если не прыгнуть вниз? А во дворе, внизу, никаких останков нет, так что я считаю, что этой леди тут вовсе не было...

— А? — сказал О'Лири. — Между прочим, это ловко подмечено. Действительно, как ей удалось скрыться отсюда? Разве что на Марке IV. Но ведь это невозможно. Для любого человека, кроме меня, это самый обыкновенный ковер.

— Эй, — стражник уселся на полу, щупая шишку на своей голове. — Нет, все-таки мне надо бросить пить хоть на некоторое время. Сначала я падаю в обморок, а потом мне слышатся какие-то голоса...

— Ерунда, — отрезал О'Лири. — Ничего тебе не слышится.

— Ух, ну, слава богу, а то я уж начал сомневаться, — стражник осторожно, по стенке, поднимался на ноги. — Даже забеспокоился немного.

— Теперь я уже ничего не могу сделать для леди Андрагоры, — сказал Лафайет уже про себя. — Но... господи всемогущий, я же совсем забыл о Свайхильде, бедная девочка, мается там одна в темноте...

Он поспешил вниз по ступенькам к камере.

Коридор был темен, извилист и уходил вниз, следя склону, в которой он был высечен. Лафайет шел мимо запертых на тяжелые засовы дверей, за которыми пленники в лохмотьях и растущих бородах безнадежно лежали на соломенных матрацах. Слабый свет исходил из пятнадцативатных лампочек, ничем не закрытых, расположенных вдоль всего пути. Двери в последнем, самом глубоком отделении этой тюрьмы были моно-

литны, заперты на несколько засовов, со старыми ржавыми замками.

— Значит, так... вот это крыло замка... это, должно быть, где-то близко... примерно вот здесь...

Он встал приблизительно на то самое место, на котором впервые появился из камеры, где сидел вместе с Лоренцо. Внимательно изучая стену, чтобы сориентироваться получше — ему ничуть не хотелось повиснуть где-нибудь в воздухе или опять очутиться во дворе, — он услышал крадущиеся шаги, приближающиеся сверху, из-за поворота, который он сам только что прошел. В ту же секунду он включил плоскоход, сделал несколько шагов в полную темноту, вновь вернулся в нормальное измерение.

— Свайхильда! — позвал он. — Свайхильда!

Позади него раздался мягкий звон и шуршание одежды. Появилась полоска света, постепенно расширяющаяся. Мужская фигура в помятой шляпе со сломанным плюмажем вычерчивалась на фоне открытой двери. В руке фигура держала связку ключей.

— Лафайет! — прошипел раздраженный голос. — Ты здесь?

— Лоренцо! — сказал Лафайет. — что ты здесь делаешь? Я думал...

— Значит, ты все-таки вернулся, — с облегчением проговорил Лоренцо. — И я бы сказал, что вовремя! Я уже третий раз проверяю эту дыру! Пойдем! Не может же нам вечно везти!

— Но я ведь оставил тебя запертым! Как тебе удалось выбраться?

— Ну, когда я обнаружил, что ты ушел и даже не попрощался, я понял, что оттуда должен быть какой-то выход. И вот я стал искать, пока не обнаружил потайную дверцу в потолке. С тех пор я только и делал, что спасался от опасностей в самую последнюю минуту. Но все же, я думаю, ты был прав, когда говорил, что надо действовать, как будто все здесь всамделишное. По крайней мере, мне куда больше нравится играть в кошки-мышки со стражниками по всему дворцу, чем просто спать с мышами в той камере. А сейчас пойдем...

— Не могу без леди. А она исчезла...

— Она со мной. Сидит за окном на твоем Марке IV. Приятная это штучка, должен тебе сказать. Хорошо, что это сон, никогда бы не поверил тебе, когда ты мне его описывал. Ну, а теперь пойдем!

— Прекрасно, — проворчал Лафайет. — Подразумевалось, что он настроен лишь на мою личную длину волн...

— Только иди потише. Стражники играют в карты на верхней площадке лестницы.

— Подожди-ка минутку! — настойчиво сказал Лафайет. — Мне тут надо закончить одно маленькое дельце...

— Ты в своем уме? Я всем рискую из-за ничтожного шанса, что ты вернешься за мной в камеру, я не могу взять твой Марк IV и оставить тебя здесь вliпшим, а ты болтаешь о каком-то дельце!

Он швырнул ключи на пол.

— Делай как знаешь, а я пошел!

Лафайет поймал ключи, не дав им упасть. К тому времени как он кинулся за Лоренцо, тот уже исчез за ближайшим поворотом.

— Жди меня на ковре! — прошипел вслед Лафайет.

Он торопливо обследовал двери, выбрал одну, стал пробовать ключи. Дверь открылась. Из темноты раздалось рычание, очень похожее на рык гризли. Лафайет поспешил закрыл дверь за мгновение до того, как в нее ударились чье-то тяжелое тело.

Он попытал счастья со следующей дверью, приоткрыл ее чуть-чуть.

— Свайхильда! — позвал он.

На этот раз он был вознагражден удивленным восклицанием и радостным криком. Послышалось шуршание, слабый запах чеснока, и теплое тело прижалось к О'Лири.

— Лэйф! А я уж совсем подумала, что ты ушел без меня.

Мускульные руки с удивительно мягкой кожей обвили его шею. Подвижные губы быстро нашли его рот.

— М-мм, — попытался пробормотать О'Лири, потом обнаружил, что ощущение от поцелуя Свайхильды было совсем даже не неприятным — “и, кроме того, чувства бедной девушки были бы просто оскорблены, если бы я отклонил дружескую благодарность”, — напомнил он сам себе.

И следующие 30 секунд его внимание было поглощено этим важным делом.

— Ну, Лэйф, сейчас не до этого, — сказала Свайхильда, отрывая губы, чтобы перевести дыхание. — Давай-ка сначала сматываться отсюда поскорее, а то эта камера слишком напоминает мне мой дом. На, держи свой завтрак. Он натер мне всю грудь.

Лафайет сунул промасленный пакет в боковой карман, взял ее за руку и повел на цыпочках по ведущему наверх коридору.

Внезапно впереди раздались взъерошенные резкие голоса: грубый окрик стражника, выкрик, похожий на голос Лоренцо, женский визг.

— Скорее!

Лафайет побежал вперед.

Звуки борьбы, тяжелого дыхания, ударов слышались все сильнее.

Он завернул за последний поворот и увидел двух высоких стражников, боровшихся с его бывшим товарищем по камере, в то время как третий надежно держал леди Андрагору рукой за талию.

В ту самую минуту один из солдат подставил Лоренцо ножку и швырнул его на пол лицом вниз, поставив на спину ногу, чтобы не дать подняться.

Солдат, державший девушку, увидел О'Лири, поперхнулся, открыл рот...

Лафайет запахнулся в плащ, сделал два быстрых шага вперед, нанес сильнейший удар в солнечное сплетение солдату, от всего сердца ударил носком сапога по бедру второго. Увернувшись от обоих стражников, нелепо размахивавших руками в воздухе, он подскочил к тому, который держал леди Андрагору за нежную талию, ударил его костяшками пальцев в левую почку и, когда стражник взвыл от боли, схватил девушку за руку.

— Не бойся! Я на твоей стороне! — прошипел он ей в ухо и быстро потащил между двумя кричащими и ругающимися солдатами.

Один из них пытался схватить его и получил сильный удар в челюсть, после которого отлетел к стенке. Глаза у него стали остекленевшими. Появилась Свайхильда и широко открытыми глазами уставилась мимо О'Лири на что-то позади него.

— Лэйф! — выдохнула она. — Откуда ты взял эту шляпу?

— Быстро! Посади леди Андрагору на ковер на следующей лестничной площадке внизу! — рявкнул Лафайет и рванул девушку вперед.

— О, Лэйф, я и не знала, что ты чревовещатель, — восхищенно произнесла Свайхильда, в то время как он повернулся к Лоренцо, уже поднявшемуся на четвереньки, с подбитым глазом, окровавленным носом и окончательно помятой шляпой с остатками плюмажа.

Лафайет рывком поднял почти ничего не соображающего Лоренцо и подтолкнул его вслед за женщинами.

— Я задержу этих клоунов, пока вы не сядете на ковер! — крикнул он. — Поторопитесь!

Он сделал шаг вперед, преграждая дорогу одной из красных курток, бросившихся за Лоренцо. Он подставил ножку, ударил ребром ладони по шее второму, потом повернулся и побежал по коридору вслед за остальными.

Впереди за окном виднелось лицо Свайхильды, которая все еще тянула за руку полуоглушенного Лоренцо.

— Ты кто такая? — невнятно пробормотал он. — Аспира

Хонделл, королева мюзик-холла? Все равно я не люблю тебя, и точка. Люблю Бев... я имею в виду, леди Андрагору... или я имею в виду Беверли?

— Все в порядке, она же на борту! — выкрикнула Свайхильда. — Вперед!

Она откинулась назад, и Лоренцо, описав дугу, исчез за окном. Из темноты донеслись приглушенные крики.

Когда Лафайет подбежал к окну, в шести футах от него ковер Марк IV провисал в воздухе, медленно опускаясь под тяжестью трех копошащихся на нем фигур.

— Он перегружен!

Голосок Свайхильды казался тоненьким и далеким.

— Видно, здесь уже на одного больше, и... эх, Лэйф, наверное, мы уже не увидимся больше! Прощай, и спасибо тебе за все...

И на глазах ужаснувшегося Лафайета она соскользнула с ковра и упала в темноту, а Марк IV, быстро выровнявшись, скользнул в ночь.

* * *

— Ох, нет! — взмолился Лафайет. — Она не умрет, она опустится на балкон, который находится прямо под ней внизу!

Он быстро высунул голову из окна. В глубоких сумерках он с трудом разглядел изящную фигурку, уцепившуюся за развесистый куст, выросший из голой скалы в пятнадцати футах внизу.

— Свайхильда! Держись!

Он перебросил ногу через подоконник, быстро слез вниз, цепляясь за неровности скалы, добрался до девушки, схватил ее за руку, вытянул вверх, к узкому уступу рядом с собой.

— Дурочка! — хрипло дыша, выдавил он. — За каким чертом ты это сделала?

— Лэйф... ты... ты вернулся за мной, — сказала она дрожащим голосом, улыбаясь заплаканным лицом. — Но... но тогда ее светлость осталась совсем одна...

— С ней Лоренцо, черт бы его побрал, — разуверил ее Лафайет, внезапно осознавая, в каком опасном положении они находятся.

— Лоренцо? Кто это?

— Тот самый клоун в мятой шляпе. Он вбил себе в голову, что леди Андрагора — это его девушка, какое-то создание по имени Беверли. Наверное, он направился в то самое любовное гнездышко, в которое собирался, когда люди Крупкина схватили его.

— Послушай, Лэйф, я чего-то немного запуталась. Слишком

уж для меня все это быстро происходит. Наверное, не приспособлена я для такой светской жизни.

— И я тоже, — сказал Лафайет, глядя вверх на стеклянную стену, потом вниз, в глубокую темную пропасть.

Он покрепче уцепился за небольшие выступы и крепко защмурил глаза.

— Так нам куда, Лэйф? — спросила Свайхильда. — Вверх или вниз?

Он попытался сделать осторожное движение, поскользнулся, уцепился за выступ что было сил и прильнул к стене, стараясь дышать как можно тише, чтобы не потревожить булыжников, которые могли держаться не совсемочно.

Ледяной ветер дул угрожающими порывами, раздувая длинную юбку Свайхильды.

— Единственное, что нам сейчас нужно, — сказал он сдавленным шепотом, с лицом, прижатым к каменной стене, — это любая дверь в этой стороне скалы.

— Вот эта не подойдет? — спросила Свайхильда, и от ее голоса скала под О'Лири завибрировала.

— Какая?

Он осторожно повернул голову, увидел небольшую дубовую дверь на тяжелых железных петлях в небольшой нише на голой поверхности скалы в десяти футах слева от него.

— Попробуем, — выдохнул он. — Это наш единственный шанс.

Он разжал онемевшие от холода пальцы, осторожно нащупал небольшой выступ в стороне, продвинулся на 6 дюймов.

Через пять минут, показавшихся ему вечностью, он ухватился за пучок травы, растущий прямо рядом с дверью.

С большой осторожностью он протянул руку и взялся за ручку двери.

Он дергал, тянул, поднимал, опускал ее. Дверь была закрыта. Он застонал.

— Ну почему я не пожелал открыть двери, пока у меня опять все получалось?

— Попытайся постучать, — предложила Свайхильда напряженным голосом.

Лафайет заколотил в дверь кулаком, теперь уже не думая о том, что при этом из-под него посыпались мелкие камни.

— Поторопись, Лэйф, — спокойно сказала Свайхильда. — По-моему, я падаю.

Он заколотил сильнее.

— Наверное, нет смысла прощаться еще раз, Лэйф, — сказала Свайхильда слабым голосом. — Но все равно хочу сказать,

что я рада была с тобой познакомиться. Ты первый из всех, кто обращался со мной, как с леди...

— Свайхильда!

Видя, что ее рука соскальзывает, Лафайет откинулся назад, поймал ее за руку, удержал. Он почувствовал, что сам начинает скользить.

Рядом с ним раздался щелчок и скрип. Поток теплого воздуха вырвался из открытой двери.

Небольшая коренастая фигура стояла в проеме, с руками на бедрах.

— Ну, долго вас ждать, входите! — рявкнул Пинчкрафт.

Заскорузлая рука схватила Лафайета, втащила его в безопасное помещение, и секундой позже Свайхильда последовала за ним.

* * *

— К-к-как вы здесь оказались? — выдавил из себя О'Лири, прислонившись к каменной стене освещенного факелом коридора.

— Я прибыл вместе с экипажем, чтобы сделать возврат собственности.

Пинчкрафт говорил таким голосом, будто гвозди заколачивал.

— Наша мысль заключалась в том, чтобы пробраться сюда тайком и сделать это прежде, чем он сообразит, откуда ветер дует.

— Это здорово, что так получилось, душка, — сказала Свайхильда.

— Не смей называть меня “душка”, девчонка! — рявкнул Пинчкрафт.

Он вынул большой носовой платок, вытер лоб, потом высыпался.

— Я сказал Гроснарту, что он идиот, что продолжает осуществлять доставку заказов по неоплаченным счетам. Так нет, слишком уж он жаден до быстрого дохода, вот тебе и попадание.

— Так вы заберете себе Стеклянное Дерево?

— Этого белого бронтозавра? Ну уж нет, ни за что, пока не исчезнет малейшая надежда на то, что с него все-таки можно будет содрать капусту. Я собирался забрать нашу последнюю партию портативных товаров, которую мы так наивно сюда доставили.

— Все равно я рад, что вы сюда пришли. Послушайте, нам надо немедленно хватать Крупкина. Он не тот, кем кажется!

Вернее, он именно тот, кем кажется! Он меня узнал, понимаете! А это значит, что он на самом деле бывший король Горубль, а не его двойник, но он, конечно, не знает, что я это знаю, так что...

— Спокойно, сэр, спокойно, — Пинчрафт плавно прервал поток бессвязных слов. — Я опоздал! Этот проклятый шулер вместе со своей личной армией смылся. Он упаковал все самое ценное и ушел отсюда несколько минут назад, до моего приезда.

11

— Опять опоздал, — простонал Лафайет.

Он сидел, взявшись руками за голову, в сверкающей пустынной столовой стеклянного замка. Несколько слуг и стражников с неуверенностью смотрели на незнакомцев, которые наводнили замок, но внезапное отсутствие их господина и довольно внушительная команда, пришедшая, чтобы забрать обратно свои заказы, не внушили им особого желания вмешиваться. Повара покинули сверхсовременные кухни, но Свайхильда быстро состряпала кофе и яйца с ветчиной. И теперь группа Пинчрафта уныло сидела за столом, глядя на мебель и всю обстановку и мысленно прикидывая свои потери.

Представитель Аджака с обидой произнес:

— А что тогда говорить обо мне? За последние три года этот человек, обманувший наше доверие, который называет себя Крупкиным, все увеличивал свои ресурсы — в основном за счет Аджака — для какого-то своего грандиозного плана. И вдруг он исчезает за несколько минут до того, как я прибыл сюда, оставляя все это!

Пинчрафт для убедительности помахал рукой на окружавшую их роскошь.

— Так кто же теперь будет оплачивать счета?

— Почему это он внезапно отказался от своих планов? — спросил Лафайет. — Может, он испугался меня, испугался, что я доложу Централи о том, что он принялся за старое?

Пинчрафт нахмурился, и на лице его отразилось недоумение.

— Ты что, приятель, хочешь сказать, что знаешь о Централи? Но это... это второй по важности секрет Специализированных Мастерских Аджака.

— Конечно, знаю, — я внештатный сотрудник Централи, — сказал Лафайет. — Но Горубль меня узнал и, наверное, поэтому упаковал все свои принадлежности и ушел ночью, после того, как спровадил меня спать, чтобы я не мешал ему. Он боялся, что я его узнаю, но я настолько одурел от того, что долго не спал,

что почти не соображал, что делаю. А к тому времени, когда я понял, что к чему, было уже поздно.

Он с трудом выпрямился на стуле и вновь застонал.

— Если бы вместо того, чтобы искать леди Андрагору, я сразу отправился бы к нему, я уже был бы дома!

— Да не переживай так, Лэйф, — сказала Свайхильда. — Ты сделал все, что мог.

Лафайет с силой ударил кулаком по своей ладони.

— Может, мне еще удастся опередить его! Кое в чем я могу дать ему пару очков вперед: Горубль не знает, что я знаю, кто он есть и что он есть. И он не знает, что мне дает кредит сам Аджак!

— Кто это сказал, что тебе дает кредит Аджак? — возмутился Пинчкрафт.

— Ну... при создавшихся условиях... раз и вы, и я заинтересованы в одном: вывести Крупкина-Горубля на чистую воду...

— Э-э... ну ладно, — пробормотал Пинчкрафт. — В ограниченных пределах, разумеется. Что вы такое замыслили?

— Мне нужно вернуться в порт Миазма и предупредить Родольфа. Может быть, вдвоем нам удастся помешать планам Горубля. Ну как, Пинчкрафт, поможете?

— Гмм, думаю, это можно будет устроить, но вы уже нам должны за прошлое...

— Мы решим этот вопрос позже. Поймите, нам предстоит долгий путь, а сейчас самое главное — время.

— Думаю, мне удастся устроить тебя в вагон метро, которым мы сюда прибыли, — неохотно сказал Пинчкрафт. — Хоть он и предназначен только для служебного пользования.

— Метро? Вы хотите сказать, что отсюда до мастерских Аджака идет подземная дорога?

— Естественно. Я же говорил, что никогда не доверял принцу...

— В таком случае, — требовательно спросил Лафайет, — почему меня послали сюда на этом паршивом ковре Марке IV? Я мог сломать себе шею!

— Все хорошо, что хорошо кончается, — назидательно сказал Пинчкрафт. — Мне нужна была диверсия, чтобы прикрыть мою операцию по изъятию собственности. И где еще мог представиться такой случай испытать мое оборудование в полевых условиях? Пойдемте же. Впереди много работы.

Это была долгая, шумная и очень пыльная поездка в крохотном, как игрушечном, вагончике метро, несущемся по извилистым пещерам под пустыней, над которой О'Лири, нервничая, летел прошлой ночью. Свайхильда сгорбилась рядом с ним на узком сиденьи и спала как убитая до тех пор, пока ва-

гончик не прибыл на место назначения. Она ахала и охала, когда они вышли и пошли мимо гигантских лабораторий, мастерских, холодильных цехов, вдыхая странные запахи, глядя на кипучую работу, не прекращающуюся даже ночью.

— Я слышал о гномах, которые работают под горой, — признался Лафайет своему провожатому, когда они попали на относительно спокойный уровень, где располагалась администрация. — Но я всегда представлял их такими маленькими человечками с бородами, кующими золотые кольца на маленьких наковальнях!

— Мы давно уже все модернизировали, — пояснил Спропрояль. — И в результате только за последние сто лет продукция выросла на 800%.

На складе Свайхильда молча наблюдала, как группа техников раскинула небольшой темно-зеленый ковер согласно инструкции Пинчкрафта.

— Это наш Марк XIII, последняя модель, — с гордостью сказала начальник научно-исследовательской лаборатории. — Ветровое стекло, музыка, ремни безопасности, мягкие сиденья.

— Какой забавный, — сказала Свайхильда. — А где тут сяду я?

— Ты можешь не лететь, — отрезал О'Лири. — Слишком опасно.

— Я лечу, —зывающе сказала она. — И попробуй только помешать мне!

— Ты думаешь, я стану рисковать твоей жизнью на этом половике? Об этом не может быть и речи!

— А ты думаешь, что я собираюсь сидеть на этом дурацком заводе и плевать в потолок, пока тебя будут там убивать?

— Ну уж нет, леди, — сказал Спропрояль. — Фитлумбер, раскатай-ка Марк XIII — двухместный.

Онзывающе посмотрел на О'Лири.

— Если кто-нибудь считает, что меня можно оседлать и поехать, взвалив на меня заботу о бабе на два фута выше меня, то он глубоко ошибается!

— Ну... в таком случае, — сдался О'Лири.

Прошло десять минут, прежде чем были проверены все рабочие контуры. Марк XIII был вынесен на взлетную площадку скалы, и подъемная система была сбалансирована для плавного передвижения.

— Половик, вот как, — фыркнул Пинчрафт вполголоса. — На нем безопаснее, чем на океанском лайнере. Только не гони больше шестидесяти первые несколько миль, пока не почувствуешь, что к чему.

— Конечно, — сказал Лафайет, заворачиваясь в подбитый

мехом плащ-невидимку и прячась от пронизывающего ледяного ветра.

Свайхильда уселась позади него, обхватив его руками за талию.

— Поехали, — сказал О'Лири.

Появилось знакомое ощущение подъема, чуть затошило, когда ковер выровнялся, беря заданный курс. Затем ветер за свистел в ушах, а огни мастерских Аджака постепенно начали удаляться и исчезли вдали.

— Ты ведь не сердишься, что я напросилась с тобой? — прошептала Свайхильда в немеющее ухо Лафайета.

— Да нет, ничего, — отозвался он через плечо. — Только не суйся, ради бога, когда я начну действовать. Крупкин удрал, потому что испугался, что я пойму, кто он такой, и накинусь на него со всей своей пси-энергией, — он иронически хмыкнул. — Узнать-то я его узнал, но он понятия не имеет, что во мне не осталось и крупицы былой силы!

— Зато тебе везет, — сказала ему Свайхильда. — Смотри, как здорово ты обнаружил эту дверь в скале, и как раз вовремя. И я думаю, что это ничуть не хуже.

— Есть что-то очень странное в моем везении, — сказал О'Лири. — Просто до невероятности. Как, например, эта маскировка, которую я нашел тогда в парке, и до этого, на баркасе, когда нож подвернулся мне в самый необходимый момент, — как будто моя энергия полностью ко мне вернулась и я могу управлять ею. Но потом я пытаюсь еще раз, и все впустую. Это ужасно раздражает.

— А ты не думай об этом, Лэйф. Принимай все, как есть. Я вот всегда так поступаю — и ничего, перебивалась до сих пор.

— Для тебя, конечно, может, все это и хорошо, — парировал О'Лири. — Все, что тебе надо, это попасть в большой город и жить хорошо, а мне же... иногда мне даже почти хочется, чтобы я снова очутился у миссис Макглинт и чтобы ничего меня не беспокоило, кроме того, как заработать на сардины.

— Угу, трудно тебе, Лэйф, быть героем и все такое.

— Герой? Я? — О'Лири скромно рассмеялся. — О, нет, я не герой, — уверил он свою спутницу. — Герои — они любят вские там опасности, они вечно снуют в поисках приключений. Я же хочу только одного: мира и покоя.

— Ну, это ты легко можешь получить, Лэйф. Поверни ковер, и мы полетим на юг. Я слышала, что там есть очень красивые острова, и мы сможем построить там шалаш и жить, питаясь рыбой и кокосовыми орехами...

— Хотелось бы мне, чтобы я мог это сделать, Свайхильда. Но сначала мне надо посчитаться с Крупкиным-Горублем! О, дорого

бы я дал, чтобы он сейчас оказался в моих руках! Хотел бы я посмотреть на его физиономию, когда я скажу ему, что я знаю, кто он и чего он замыслил, и...

— Осторожно! — вскричала Свайхильда, глядя на что-то белое, внезапно возникшее перед ними.

Лафайет закричал, отдавая команду Марку XIII, но слишком поздно. Ковер накренился влево, ударился, пролетел сквозь снежную пыль, мелкую, как сахарный песок, подпрыгнул и скакками понесся вниз по склону, вздымая за собой облако ледяных кристаллов. Лафайет ощущил крепко охватившие его руки Свайхильды, ремень безопасности, врезавшийся ему в ребра, снег, бьющий в лицо с силой струи из брандсбайта.

Упав с довольно большой высоты в последний раз, ковер остановился, полуопогруженный в глубокий снег. Лафайет с трудом выпрямился, увидел движущиеся огни, неясные фигуры, услышал хриплые голоса, стук копыт...

— Это ТЫ? — заикаясь произнес знакомый голос. — Как... что... когда... и, самое главное, почему? Когда я уезжал, ты сладко храл в сибаритской роскоши. Что ты делаешь здесь, в снегу?

— Думал, сможешь меня надуть? — прерывающимся голосом произнес Лафайет. — Фига с два, ваше бывшее величество. Я тебя знаю, и я знаю, что ты задумал!

Он дернулся за ковер, который каким-то образом завернулся вокруг его тела, но оказалось, что он спеленат так туго, будто связан веревками.

— П-послушай, мой мальчик, — заикаясь произнес Горубль, махнув своим людям рукой, чтобы те отошли назад. — Может, все-таки договоримся? Я хочу сказать, что ты ведь устроился на тепленькое местечко, так зачем же мешать делать то же самое мне? Сам должен знать, как нелегко из короля превратиться в какого-то простолюдина. Почему бы тебе не быть милосердным? С твоей помощью я могу опять оказаться на троне Артезии в одну секунду, после чего отблагодарю тебя, как захочешь — или еще того лучше, отдам тебе весь Меланж, и делай с ним все, что душе угодно...

— Забудь, — сказал О'Лири, прилагающий максимум усилий, чтобы освободить хоть одну руку. — У меня в Артезии и так все есть, что я хочу. С какой стати мне помогать тебе?

— Но здесь ты можешь быть абсолютным владельцем всего: земель, естественных ресурсов, полезных ископаемых... женщин...

— Остаться в Меланже? Ты что, сошел с ума? С тех пор, как я сюда попал, меня преследовали одни только несчастья!

Горубль открыл рот, собираясь что-то сказать, заколебался

и внезапно на его лице появилось задумчивое выражение.

— В таком случае, — с осторожностью спросил он, — почему ты ничего не предпринял по этому поводу?

— Ну...

— Насколько я помню, ты был в довольно затруднительном положении, когда мои ребята впервые схватили тебя. А сейчас, гмм. судя по манере твоего появления здесь, похоже, что ты уже не тот хозяин своей судьбы, каким был раньше.

Экс-король потерпел свой подбородок.

— Ты — Лафайет О'Лири, и я видел твое кольцо. Только ты носишь печатку с топором и драконом. Но... могло так произойти, мой дорогой мальчик, — тут в его голосе появились мурлыкающие нотки, как у тигра, собирающегося как следует пообедать, — что ты каким-то образом потерял свою ценную способность манипулировать вероятностями по желанию. А?

— Конечно, нет. Я... я только изъявил желание побеседовать с тобой и... и вот я здесь.

— Ну да, весь в снегу и с очередными ушибами, которые, вне всякого сомнения, уже начинают тревожить. Очень хорошо, сэр Лафайет, прежде чем мы начнем дальнейшее обсуждение нашего вопроса, не угодно ли вам будет продемонстрировать свое мастерство, ну, скажем, вызвав небольшую палатку с печкой и хорошим вином, где мы с удовольствием могли бы закончить наш разговор?

— Ерунда, — сказал Лафайет. — Я не собираюсь тратить на это свое время.

— Ну, тогда что-нибудь попроще: как насчет всего лишь веселого костра в небольшой пещере, вон там...

Горубль махнул рукой в направлении сплошной пелены падающего снега.

— К чему столько сложностей, — пробормотал Лафайет. — Почему бы тебе просто не сдаться, а я замолвлю за тебя доброе слово Пратвику...

— Признавайся!

Горубль наклонился почти к самому его лицу и произнес вполголоса:

— Ты ничего не можешь сделать! Ты так же беспомощен, каким кажешься на самом деле!

— Вовсе нет! — с отчаянием произнес Лафайет. — Абсолютно все мои силы в полном моем распоряжении!

— Что ж, давай поглядим, как ты выпутаешься из этого куска ковра, который спеленал тебя с головы до ног.

Лафайет дергался, выкручивался, раскачивался — но без всяких результатов. Он был запеленут тщательно, как муха в паутине. Горубль счастливо рассмеялся.

— Прекрасно! Ох, просто прекрасно! Значит, все мои волнения были напрасны! Я не знаю, как ты умудрился проникнуть сюда, в самое сердце моих планов, сэр Лафайет, но, в конце концов, большого вреда тут нет. Более того...

Внезапно он стал серьезен и кивнул головой.

— Теперь я вижу, что мои планы могут быть значительно улучшены и расширены, так сказать. Да, да, почему бы и нет? Обладая новыми данными, которые ты так любезно мне сообщил, с какой стати мне останавливаться на одном Меланже? Почему бы не пойти дальше — расширить мою империю, включить в нее весь континуум миров, а? А, кстати, где эта капризная шлюха, которую ты у меня украл?

— Там, где ты ее никогда не найдешь, — сказал Лафайет.

— Упрашишься, да? Ну, ничего, скоро мы это исправим. О, нам предстоят долгие беседы, мой мальчик. В служении моего подданного, герцога Родольфо, находится искусный допросчик, некто Стонруб, который быстро выведает все твои секреты!

Горубль резко повернулся, проревел какие-то приказы. Солдаты в красных куртках, со льдом, намерзшим на бровях, кинулись вперед, подняли Лафайета на ноги, отвернули замерзший ковер...

— Эй, баба! — воскликнул один из солдат, глядя на паявившуюся из складок ковра Марка XIII Свайхильду, оглушенную и дрожащую от холода.

Горубль весело рассмеялся.

— Наконец-то счастье стало мне улыбаться! Сама судьба за мое начинание. Я считаю, это знак — знак, слышишь меня?

Он огляделся, сияя, в то время как солдаты подняли девушку на ноги. Несколько мгновений ковер лежал брошенный. Лафайет рванулся к нему и, хотя был схвачен, успел поставить ногу на его край.

— Лети домой! — закричал он в направлении принимающего словесные команды устройства. — Полный ход, никуда не сворачивая!

В ответ на эти слова ковер захлопал краями, посыпая вверх кучу сосулек, подскочил на шесть футов в воздух, мгновение висел, отряхиваясь, как пес после купания, затем, когда один из солдат попытался подпрыгнуть и схватить его, ринулся вперед, в бушующий штурм.

— Волшебство! — взвыл солдат, валясь на спину.

— Чушь! — рявкнул Горубль. — Это, несомненно, штучки Аджака. Так, значит, ты работаешь с этими вымогателями, сэр Лафайет, вот как? Ну, ничего, для них у меня заготовлен кое-какой план — как и для всей страны!

— Ты слишком много на себя берешь, — отрезал Лафайет.

— В прошлый раз тебе не удалось захватить власть, и сейчас кончится тем же самым!

— Брось его в седло и привяжи к лошади, — приказал Горубль капитану своей стражи. — Посмотрим, что сделает с этой выскочкой холодная ночь после целого дня бесплодных трудов. Может, его манеры станут чуть лучше, чем раньше.

— Э, приятель, да ты, никак, опять тут, — весело приветствовал О'Лири Добывающий Истину Специалист герцога Родольфо, когда четверо стражников швырнули Лафайета, скорее мертвого, чем живого, на деревянную скамью рядом с большой жаровней, на которой в веселом огне калилось с полдюжины щипцов и кусачек.

— Миннрррхх, — сказал О'Лири неподвижными губами, пытаясь подползти поближе к пламени. — Пусть будут гореть мои ноги, но только дай мне огня!

— Ну конечно, приятель, как скажешь, так и будет. Погоди-ка, дай припомнить, на чем мы остановились.

Стонруб потер небритый подбородок со звуком, напоминающим треск рвущегося полотна.

— Начнем-ка с прижигания, как ты хотел, потом можно чуток разогнать кровь по телу плеткой, ну, а уж потом закончим на раме — чтобы все тело загудело. Неплохо придумано?

— Великолепная программа, двух мнений быть не может, — промямлил Лафайет. — Скажи, ты не мог бы для начала чуть помешать угли?

— Вот это правильное настроение, приятель! Послушай, с другой стороны, может, ты хочешь испробовать новое оборудование, которое я получил за время твоего отсутствия? Великолепный гидравлический пресс для суставов, автоматика, куда ни сунься. Закручивает все — от бедренных суставов до костяшек пальцев. А может, лучше оставить пресс и автомат для снимания кожи на потом — ведь после них уже ничего не воротишь. Ты меня понимаешь? А нам вовсе не надо, чтобы ты покинул нас не расколдовшимся — герцог прямо рвал и метал, как ему захотелось узнать все твои секреты, приятель.

— Это не герцог, а поганый маленький Крупкин, который считает, что я открою ему кучу тайн, — поправил Лафайет. — Послушай, как преданный подданный Меланжа, ты должен бороться против Крупкина, а не помогать ему. Он пытается захватить всю эту страну и использовать ее как плацдарм для нападения на Артезию!

— Политика, — извиняющимся тоном сказал Стонруб, — никогда не была моим хобби. Сам понимаешь, правительства приходят и уходят, а нужда в искусстве специалиста остается...

— Неужели у тебя нет ни капли патриотизма? — вызывающе спросил Лафайет. — Этот человек — маньяк. Он высосет из Меланжа все, что можно: пищу, оружие, сырьевые ресурсы и...

— Ну конечно, приятель, как не понять. Но, послушай, ты не возражаешь, если мы начнем? Ты можешь говорить, пока я работаю. Тебе не трудно будет снять рубашку и встать вот сюда, чтобы я придал тебе рабочее положение?

— Нельзя ли мне погреть ноги еще немножко?

— Хорошая мысль. Я помогу тебе снять ботинки, и мы раздвинем лодыжки до оптимального положения. Слишком близко — и будет куча дыма, слишком далеко — и нет желаемого эффекта. Так что...

— С другой стороны, почему бы мне не сказать все, что ты пожелаешь, сразу, чтобы ты меньше трудился, — торопливо предложил Лафайет. — С чего мне начинать? С того, как я прибыл на вершину мельницы две недели назад? Или мне пойти еще дальше и рассказать, как я жил припеваючи, имел все, что только может иметь нормальный человек, а мне этого было недостаточно, или...

— Эй, подожди, приятель!

Стонруб понизил голос, нервно оглядываясь по сторонам.

— Что это ты делаешь, хочешь, чтобы я лишился работы?

— Ничего подобного. Просто сегодня вечером я в разговорчивом настроении.

— Сейчас утро. Эх, приятель, совсем ты перестал соображать, что к чему.

— Ну, да неважно, утро или вечер, мне лично хочется сейчас говорить день и ночь. Итак, как я уже говорил...

— Шшш!

ДИС приложил толстый палец к выпяченным губам.

— У тебя нет сердца! Ты хочешь лишить меня лучшего поста среди герцогских вакансий? Да если ты начнешь все выкладывать до того, как я и одним крючком тебя не тронул, то кое у кого возникнет идея о сокращении штатов. А я уже слишком стар, приятель, чтобы переквалифицироваться. Так что, будь другом, помолчи немножко, ладно?

— Я... я вот что тебе скажу, — предложил Лафайет, глядя на дымящиеся щипцы в волосатой руке Стонруба. — Ты на несколько минут отойди в сторону и отложи свои железки, пока я не проделау несколько упражнений йоги, чтобы оценить твою виртуозность. А я попытаюсь на время придержать язык.

— Вот уж что благородно, то благородно. Спасибо, друг.

— Не стоит благодарности, Стонруб. Всегда рад помочь. Кстати, ты знаешь хоть что-нибудь о молодой леди, которая прибыла в замок со мной вместе?

— О ней? Ну, конечно, знаю. Послушай, если ее малость отмыть, это будет лакомый кусочек, верно? Мне кажется, я видел, как ребята передавали ее домоправительнице. По-моему, твой друг принц Крупкин хочет подзаняться с ней отдельно.

Стонруб подмигнул.

— Крыса, — яростно выдавил Лафайет сквозь сжатые зубы.

— Стонруб, ты ведь вроде бы честный человек, неужели ты собираешься спокойно смотреть, как этот жулик действует через твою голову ради своих грязных планов?

ДИС вздохнул.

— Эх, повидал я на своем веку этот идеализм. Вы, юноши, считаете, что весь мир можно вылечить от болезней. Но когда стареешь, так понимаешь, что все это не просто. Вот я, например, просто предпочитаю гордиться своей профессией искусственного техника. Я всю душу в работу вкладываю, чтобы потом нечего было стыдиться. И чтобы люди смотрели на дело моих рук, а я мог при этом стоять с гордо поднятой головой. Ясно? И уж раз об этом зашла речь, то не пора ли нам начинать — старикан Родольфо может появиться здесь в любую минуту, чтобы проверить, как продвигаются дела...

— Он уже появился, — произнес холодный голос.

ДИС резко повернулся и увидел герцога Родольфо, уставившегося на него горящим взглядом из дверей.

— Ну и ну! — воскликнул Стонруб. — И чего это вы подкрадываетесь так бесшумно, ваша светлость? Вы меня так напугали, что я, может, и работать больше не могу.

Он протянул вперед руки и стал внимательно смотреть, не дрожат ли у него пальцы.

— Это неважно, — отрезал Родольфо. — Сейчас тебе будет оказана честь и тебя посетит его высочество. Так что подтянись и попытайся произвести хорошее впечатление, как и подобает человеку твоей профессии.

Герцог повернулся, услышав в коридоре шум шагов.

— Ах, сюда, сюда, мой дорогой принц, — сказал он, выдавливая улыбку. — Наша скромная камера пыток, но полностью оборудована...

— Да, да, я вижу, — прервал его Крупкин, появляясь в поле зрения, сопровождаемый двумя лакеями, которые, казалось, пытались начистить ему ботинки в то время, как он несся вперед. Его маленькие глазки окинули камеру, остановились на Лафайете. Он хмыкнул. — Оставь нас, Руди, — приказал он безразличным голосом. — И забери этих шутов с собой, — добавил он, пинком отбрасывая одного лакея, который пытался исправить что-то в складках его одежды. — А ты останься, — обратился он к Стонрубу.

— Но я еще не показал вам все мои новые... — запротестовал Родольфо.

— Ты имеешь наше разрешение оставить нас! — резко рявкнул Крупкин-Горубль.

И пока свита, торопливо пятясь, удалялась из камеры, принц подошел к О'Лири, который поднялся с места, глядя на него.

Экс-король оглядел его сверху вниз, посмотрел на кольцо на пальце. Потом сунул большие пальцы рук за усыпанный драгоценными камнями пояс на своем животе и выпятил нижнюю губу.

— Ну, хорошо, сэр Лафайет, — сказал он голосом, неслышным для ДИС, который переминался с ноги на ногу позади, полируя железный сапог. — Последний шанс. Твоя ценность для меня — минус твои бывшие способности — весьма невелика, но все же твоя помощь может несколько сгладить мой путь. Последние несколько часов я провел, обдумывая прежние планы, и понял, что мыслил слишком мелко. Подумаешь — захватить Меланж! Как ты правильно заметил, это крысиная нора. Но теперь передо мной открылись новые горизонты. Твое присутствие здесь указало мне совершенно новый путь. Из-за твоего вмешательства я потерял трон в Артезии. Сейчас ты поможешь мне вернуть его.

— Дудки, — устало ответил О'Лири, — После того, что ты пытался сделать с Адоранной, люди закидают тебя камнями, если ты попытаешься показаться в Артезии, даже если тебе удастся попасть туда, в чем я совершенно искренне сомневаюсь.

Горубль ткнул Лафайета в грудь.

— Можешь откинуть прочь свои сомнения, сэр Лафайет! Это-то как раз самое простое. Менее чем час тому назад я отоспал чертежи вашим друзьям в Аджак и ожидаю в течение нескольких дней доставки действующего путепроходца.

— Боюсь, тебе придется разочароваться, у тебя там нет никакого кредита. Они ничего для тебя не сделают.

— Правда? — чуть не промурлыкал Горубль-Крупкин, лаская пальцами большой бриллиант, вставленный в воротничок его манишки. — У меня есть причины ожидать нового кредита благодаря любезности моего нового доброго друга герцога Родольфо. Что же касается возможной недружелюбности артезианцев — я уверен, что она рассеется, как утренний туман, когда принцесса Адоранна публично объявит, что все предыдущие слухи, ходившие обо мне, просто наглая ложь, распространявшаяся врагами государства, что я на самом деле единственный ее благодетель и что она желает передать мне корону как более старому и умудренному монарху чисто из альтруистических соображений блага государства.

— Она никогда этого не сделает, — не задумываясь объявил Лафайет.

— Может быть, и нет, — спокойно ответил Горубль, кивая головой. Он опять ткнул О'Лири в грудь, как бы наслаждаясь хорошей шуткой. — Но девица Свайхильда это сделает.

— При чем здесь Свайхильда... — голос О'Лири постепенно затих. — Ты хочешь сказать... ты попытаешься использовать ее вместо Адоранны? — он сожалеюще улыбнулся. — Проснись, Горубль. Свайхильда девушка ничего себе, но ей никогда не удастся обмануть двор.

Горубль обернулся, рявкнул приказание Стонрубу. Тот пошел к двери, высунул голову и передал приказание дальше. Раздались легкие шаги. Стонруб отступил в сторону, вскрикнув от изумления, затем низко поклонился, когда изящная, воздушная фигурка нерешительно вошла в комнату. Лафайет уставился с открытым ртом на это видение женского очарования, которое стояло в дверях в роскошном платье, с драгоценностями, надушенное и элегантное, с золотистыми волосами, сверкающими, как аура, над ее совершенным лицом.

— Принцесса Адоранна! — воскликнул он. — К-как?

— Лэйф! С тобой все в порядке, милый? — спросил взволнованный и озабоченный голос Свайхильды.

— Должен признаться, придется нам немного поработать с ее дикцией, прежде чем она сделает свое публичное заявление, — спокойно сказал Горубль. — Но это не в счет. Маленькая деталь.

— Свайхильда... ты ведь не станешь помогать этому негодяю в его грязных планах, скажи? — настойчиво спросил О'Лири.

— Он... он сказал, что, если я этого не сделаю... он изрубит тебя на куски, Лэйф... поэтому...

— Достаточно! Уберите ее! — взревел Горубль с покрасневшим от злости лицом.

Он резко повернулся к О'Лири, в то время как Стонруб с поклоном выпроваживал Свайхильду из комнаты.

— Эта куколка просто притворяется, чтобы ты о ней плохо не думал. Она ухватилась за этот шанс быть принцессой — и чего тут удивительного, чего еще можно ожидать от простой кухарки? Спать на шелковых простынях, обедать из золотой посуды...

— А как насчет настоящей Адоранны?

— В цепях межконтинуумного переноса, как оказалось, наблюдалась определенная симметрия, — сказал Горубль с лисьей ухмылкой. — Бывшая принцесса окажется в Меланже в роли простой девки — вполне достойное наказание за то, что она отняла у меня трон. — Горубль потер руки. — Да, ты открыл

передо мной новые горизонты, мой мальчик, как только я понял, кто ты такой на самом деле. Сначала я планировал захватить леди Андрагору только для того, чтобы иметь возможность подчинить себе этого Родольфо, который явно не хотел поддерживать мои планы. Но сейчас все это мелочи. Она будет очень важной пешкой в моей новой игре, так же как и этот болван Родольфо, и сделает все, что я захочу. И у тебя тоже есть своя маленькая роль, — его лицо стало суровым. — Помоги мне — добровольно — и ты сохранишь свою удобную позицию во дворце Артезии. Откажешься — и тебя ждет такая судьба, от которой и более сильный человек пришел бы в ужас.

— Ты совсем сошел с ума, если думаешь, что я буду помогать тебе в твоих жалких планах.

— Вот как? Жаль. А я было совсем уже решил — конечно, когда они мне больше не будут нужны — передать тебе обеих женщин, чтобы ты делал с ними все, что твоей душе будет угодно. Увы, раз ты не хочешь мне помогать, придется передать их более преданному слуге.

— Ты не посмеешь!

— О, еще как посмею! — Горубль помахал пальцем в воздухе.

— Это истинный секрет успеха, мой мальчик, — полная безжалостность. Я получил уже один хороший урок. Если бы в самом начале я избавился от ребенка — принцессы Адоранны — и еще одного — принца Лафайета — то ни одно из последующих несчастных событий не произошло бы.

— Я не буду тебе помогать, — поперхнулся Лафайет. — Можешь делать все самое худшее. Централь тебя поймает и...

Горубль рассмеялся.

— Но ведь это — самая изящная сторона моего плана, мой дорогой мальчик! Должен признать, что до сих пор эта сующая всюду свой нос Централь сдерживала порывы моего бравого воображения, но полное уравнение энергий исключает эту возможность. Ведь при переносе ничего не изменится — Адоранна и Дафна останутся на своих местах, только получат новые роли. В матрице вероятности при этом не будет никакого дисбаланса, и ничто не привлечет внимания Централи к мирной Артезии, однокому крохотному мирку среди миллиарда других. И можешь быть уверен — как бывший инспектор континуума, я знаю, о чем говорю. А теперь будь разумным: объединись со мной и раздели успех и награду.

— А пошел бы ты к... — резко сказал Лафайет. — Без меня и Свайхильда никогда не будет тебе помогать, а без нее твои планы рушатся.

— Ну, как хочешь, — Горубль улыбнулся хитрой улыбкой.

— Мое предложение к тебе было основано на сентиментальных

воспоминаниях, и не более того. У меня в запасе есть и еще кое-что, можешь не сомневаться в этом.

— Все это блеф, — сказал Лафайет. — Ты говоришь о том, что леди Андрагора будет представлять собой Дафну, но я точно знаю, что ей удалось бежать!

— Правда? Кстати, — Горубль повернулся к Стонрубу. — Можешь не пытать этого предателя по поводу того, где находится леди Андрагора. Она и ее компаньон были схвачены полчаса тому назад и прибудут сюда буквально через несколько минут. А этого бросьте в яму к Горогу Прожорливому — я как раз слышал, что он не получал пищи несколько дней и по за-слугам оценит хороший обед.

— Эх, не повезло, друг, — печально сказал Стонруб, ведя Лафайета по тускло освещенному коридору. — Нет, теперь мне совершенно ясно, что у меня здесь куча врагов. Это у меня-то, который и муки не обидит. Вот и говори после этого о многих годах преданной службы.

Он уставился сквозь решетку с прутьями дюймовой толщины на большой, запертой на засов двери.

— Порядок, он в своем логове и спит. Значит, не придется отгонять его электрическим прутом, пока я впихну тебя туда. Терпеть не могу мучить животных, — ты меня понимаешь?

— Послушай, Стонруб, — торопливо сказал Лафайет, отшатываясь от сырого запаха и соломенного тюфяка, на котором валялись кости в клетке чудовища. — Ввиду нашей с тобой особой дружбы не мог бы ты, скажем, просто выпустить меня с черного хода? Ведь герцогу вовсе не обязательно это знать...

— И опять оставить Горога без обеда? Мне стыдно за тебя, приятель. Это предложение не делает тебе чести.

ДИС отпер дверь, распахнул ее достаточно для того, чтобы пропустить О'Лири. Лафайет уперся ногами, но сильный толчок послал его в безмолвную клетку, и дверь, щелкнув, закрылась за его спиной.

— Прощай, приятель, — сказал ДИС, вновь запирая замок.

— Ты был хорошим клиентом. Не повезло, что мне так и не удалось поработать с тобой хоть чуть-чуть.

Когда его шаги замерли в отдалении, низкий гортанный рев послышался из темной ниши в стене. Лафайет резко повернулся лицом к этой нише, достаточно широкой для того, чтобы в ней мог поместиться саблезубый тигр. В глубокой темноте сверкали маленькие красные глазки. Появилась голова — не с острыми клыками, как у тигра, и не тупая, как у медведя, а закрытое массой волос человекоподобное лицо, испачканное грязью и со щетиной на подбородке и щеках. Вновь прозвучал низкий рык.

О'Лири попятился. Голова начала приближаться, появились массивные плечи, бочкообразный торс. Огромное существо встало, отряхнуло колени, оценивающим взглядом окинуло О'Лири.

— Эй, — проревел грубый голос. — Я тебя знаю! Ты тот самый парень, который так здорово надул меня, ударив по голове!

— Хват! — Лафайет поперхнулся. — Как... как ты сюда попал? Я считал, что это клетка Горога Прожорливого...

— Ну, да, голуба, под этим именем я обычно дерусь. Ребятишки герцога засадили меня сюда за бродяжничество, когда я пришел в город, чтобы найти тебя. Я очистил пару улиц от этих дурачков-солдат, но потом чего-то притомился, а они возьми да и кинься со всех сторон сразу, да еще уронили пушечное ядро на мою голову.

Гигант нежно почесал затылок двумя пальцами.

— Ч-чтобы найти меня?

О'Лири попятился еще дальше и уперся спиной в стену, а в горле у него застрял какой-то шар, который никак не давал воздуху проникнуть в легкие.

— З-зачем?

— Должен же я с тобой посчитаться, голуба. А я вовсе не из тех, кто может взять да и бросить дело на полдороге.

— Послушай, Хват, я единственная опора двух тетушек-девиц, — сказал Лафайет голосом, имевшим тенденцию сломаться и стать тонким фальцетом в любую минуту. — И после всего, что я пережил, будет просто нечестно, если все кончится вот здесь таким образом.

— Кончится? Да ты что, друг, это всего лишь начало, — проревел Хват. — Чтобы мне с тобой по-настоящему посчитаться, надо кучу времени.

— И что я сделал, чтобы заслужить все это? — простонал Лафайет.

— Что ты, приятель, — скорее, чего ты не сделал.

— Не сделал?

— Угу. Ты ведь не вышвырнул меня за борт лодки, а мог. Хотя я и тую соображал, но слышал, когда эта маленькая куколка предложила тебе это, ты сказал, что раз я без сознания, некрасиво швырять меня акулам.

— З-значит, такова моя н-награда?

— Точно, голуба.

Гигант положил руку на свой живот, откуда донеслось еще одно низкое рычание.

— Это ж надо, я и не помню, когда жрал в последний раз. Наверное, мои кишki скоро сами себя начнут сосать.

Лафайет изо всех сил зажмурил глаза.

— Слушай, поспеши с этим делом, а то я не выдержу и начну кричать Стонрубу, что передумал...

— С каким делом, приятель?

— Ешь м-м-меня.

Слова с трудом сорвались с губ Лафайета.

— Мне — есть тебя? — эхом отозвался Хват. — Эй, приятель, да ты не так меня понял. Как я могу съесть того, кто спас мою жизнь?

О'Лири приоткрыл один глаз.

— Значит, ты... ты не собираешься разорвать меня на кусочки?

— Зачем бы я стал это делать?

— Неважно, — сказал Лафайет, оседая на пол с глубоким вздохом облегчения. — Есть вещи, которые лучше не обсуждать.

Он глубоко вздохнул, встряхнулся и посмотрел на высокую фигуру, участливо глядящую на него.

— Послушай, если ты хочешь помочь мне, то давай начнем с того, что подумаем, как бы отсюда выбраться.

Хват почесал в затылке пальцем, величиной с топорище.

— Ну...

— Мы могли бы попытаться прокопать туннель сквозь стену, — сказал О'Лири, тыкая в трещину между огромными камнями. — Но для этого нужны инструменты, и это займет несколько лет.

Он оглядел всю камеру.

— Может, в потолке есть какая-нибудь потайная дверь...

Хват покачал головой.

— За эту неделю мне все время приходилось нагибаться, чтобы не стукнуться об этот проклятый потолок. Он цельнодубовый и четырех дюймов толщиной.

— Ну... тогда гол.

— Скала, шесть дюймов.

Лафайет прошел десять минут, обследуя пол, стены, дверь. Потом он с отчаянием облокотился на решетку.

— Надо смотреть правде в глаза, — сказал он. — Я убежден, Крупкин заставит выполнить Свайхильду то, что он прикажет. Адоранна будет смывать жир с горшков здесь, в порту Миазма, Горубль захватит Артезию, а Дафна... Дафну, возможно, поместят здесь, в то время как леди Андрагора отправится в Артезию, а если ее не получит Родольфо, то ее отдадут Лоренцо Счастливчику — или его зовут Ланцелот Долговязый?

— Эй, я тут придумал кой-чего, — сказал Хват.

— Приляг и поспи немного, Хват, — безжизненно сказал О'Лири, — больше нам ничего не остается делать.

— Да, но...

— Просто пытка — все время думать об этом. Может, лучше будет, если ты все-таки разорвешь меня на куски.

— Да, но если...

— Я должен был знать, что этим все и закончится. В конце концов, я столько раз попадал в тюрьму с тех пор, как очутился в Меланже, что просто неизбежно было, что рано или поздно я окажусь в ней прочно и навсегда.

— Это, конечно, не какой-нибудь там шикарный план, но какого черта? — сказал Хват.

— Какой план? — тоскливо спросил Лафайет.

— Да я же и пытаюсь тебе сказать. Мой план.

— Валяй. Говори.

— Ну, вот что я тут подумал... Хотя нет, тебе, наверное, надо, чтобы был шик, вроде секретных туннелей или еще чего.

— Ничего, говори, облегчи свою душу.

— Ну, только не думай, я понимаю, что все это не для такого джентльмена, как ты... э-э-э... что, если я сорву дверь с петель?

— Что, если ты... сор...

Лафайет повернулся и посмотрел на внушительную стальную конструкцию. Он гулко рассмеялся.

— Ну, конечно, давай.

— О'кей.

Хват прошел мимо него, схватился за толстые прутья. Он расставил в стороны свои ноги шестидесятого размера, сделал глубокий вдох и рванул. Раздался неприятный визг металла, за которым последовали резкие ломающиеся звуки. Огромный камень вывалился из стены и упал на пол. С душераздирающим звуком, похожим на визжание двух роллс-ройсов, притершихся друг к другу, решетка покорежилась, изогнулась внутрь и выскочила из гнезд. Хват отшвырнул ее в сторону, раздался оглушительный треск, после чего он спокойно вытер ладони о свои кожаные штаны.

— Это все ерунда, голуба, — сказал он. — Что дальше?

В камере пыток никого не было, когда Лафайет, освобожденный от цепи одним движением кисти Хвата, вместе со своим огромным товарищем прошел туда по освещенному коридору мимо камер, за зарешеченными дверями которых сидели, болтали или кидались заключенные с растрепанными волосами и диким выражением глаз.

— Это плохо, — сказал Лафайет. — Я надеялся, что Стонруб нам поможет.

— Эй, смотри-ка, какие забавные, — сказал Хват, поднимая набор острых кусачек, предназначенных для постепенного откусывания ушей и носов. — Мне всегда хотелось иметь хорошие ножницы для ногтей.

— Послушай, Хват, нам необходимо составить план действий, — сказал О'Лири. — Ничего хорошего не будет, если мы будем просто бродить без толку, пока нас опять не закуют в цепи. Дворец наводнен стражниками — солдатами Родольфо и личной охраной Горубля. Нам надо организовать какую-нибудь диверсию, чтобы отвлечь внимание, пока мне не удастся выкрасть Свайхильду и леди Андрагору у них из-под носа.

— Эй, вы! — воззвал громкий голос из бокового коридора. — Я требую юриста! Я желаю видеть американского консула! У меня есть право на телефонный звонок!

— Это похоже на Лоренцо...

Лафайет трусцой подбежал к камере, из которой доносились крики.

С бородой и усами Ван-Дейка, прической Эдгара Аллана По, высоким воротником времен Гувера и Наполеона, человек тряс решетку руками с великолепным маникюром.

— Эй, вы! — голос его постепенно затих. — Э-э... я случайно вас не знаю?

— Лоренцо? — Лафайет осмотрел человека с ног до головы.

— Все-таки тебя сцепали? Последний раз, когда я тебя видел, ты оставил меня в хорошенькой переделке, а сам, конечно, смылся. Но откуда у тебя эта борода и смешной костюм?

— Не болтайте глупостей! — рявкнул пленник тем же раздражавшим голосом, который Лафайет уже слышал в темной камере Стеклянного Дерева. — Меня зовут Лафкадио, хотя это и не ваше дело. Да и вообще, кто вы такой? Могу поклясться, что мы где-то встречались...

— Сейчас не время валять дурака, — отрезал Лафайет. — Нам с Хватом удалось бежать. Я попытался освободить леди Андрагору, но...

— Насколько я понял, вы имеете в виду Цинтию. Ага, значит, и вы тоже участвуете в этом заговоре! Так вот что я скажу, ничего у вас не выйдет! И не смейте даже близко подходить к моей невесте...

— Я думал, что ее зовут Беверли. Но это неважно. Если я тебя выпущу, поможешь ли нам создать одну небольшую диверсию, чтобы я мог действовать незаметно?

— Выпускайте скорее! — взвыл бородатый узник. — Об условиях можем договориться позже.

— Хват! — позвал Лафайет. — Займись-ка этой дверью, ладно?

Он пошел дальше по коридору. Большинство пленников лежали на соломенных матрацах, но некоторые смотрели на него настороженными взглядами.

— Послушайте меня, ребята, — сказал он. — Мы вырвались

из этой тюрьмы. Если я вас освобожу, обещаете ли вы мне бегать по коридорам сломя голову, нападать на стражников, бить мебель и посуду, волить во все горло и вообще устроить как можно больше беспорядка!

- Ну, конечно, мистер!
- Считай, что договорились!
- Пошло!
- Вот и прекрасно.

Лафайет поспешил назад, чтобы проинструктировать Хвата. Через несколько мгновений гигант деловито принял разрушать тюрьму. Бородатые преступники самого замысловатого вида заполнили всю камеру пыток. Лафайет мельком увидел Лоренцо, теперь уже без нелепого маскарада. Он протолкался к нему.

— Послушай, почему бы нам с тобой не провернуть это дело вместе...

Он замолчал, уставившись на своего бывшего товарища по камере, который глядел на него широко открытыми от изумления глазами и с недоуменным выражением на лице — лице, которое Лафайет впервые видел при хорошем освещении.

— Эй, — прогудел Хват, — а я-то думал, что ты пошел совсем в другую сторону, голуба... — он замолчал. — У-ух... — он заколебался, переводя взгляд с Лафайета на его собеседника. — Ребята, может, я немного не того, но кто из вас мой приятель, с которым я сидел в камере?

— Я — Лафайет, — ответил О'Лири. — А это — Лоренцо...

— Какая ерунда, меня зовут Лотарио, и я никогда в жизни не видел этого питекантропа.

Он оглядел Хвата сверху вниз.

— И чего это ты мне сразу не сказал, что у тебя есть брат-близнец? — спросил Хват.

— Брат-близнец? — повторили оба в один голос.

— Угу. И скажи мне, приятель, чего это ты вырядился в кожаную куртку и сапоги? Ты чего — может, какой быстропереводывающийся артист?

Лафайет глядел во все глаза на одежду Лоренцо — или Лотарио: туго обтягивающий кожаный жилет, помятая рубашка и куртка, явно видевшая лучшие дни.

— Он совсем не похож на меня, — величественно сказал один.

— О, может и есть какое-нибудь весьма отдаленное сходство, но у меня совсем не такой глупый взгляд. И это совершенно безответственное выражение...

— Чтобы я был похож на тебя? — воскликнул в это время другой. — Ты еще недостаточно давно меня знаешь, чтобы наносить подобные оскорблении. Ну, а теперь, где здесь ближай-

шая имперская передаточная кабина? И уж будьте уверены, я подам рапорт своему министру, и все ваше гнездо хебефреников вычистят, прежде чем вы успеете сказать “ноблесс облик”!

— Эй, ты! — громкий крик прорезал шум толпы. — Лафайет!

Точно такой же человек, разве что по-другому одетый, пробирался к нему, подняв руку. Лафайет повернулся. Тот, кто называл себя Лотарио, исчез среди толкающихся людей.

— А как ты попал сюда? — требовательным тоном спросил подошедший Лоренцо. — Рад, что тебе удалось вырваться. Слушай, я еще не поблагодарил тебя за то, что ты спас меня от людей Крупкина. Беверли, бедная девочка, все мне рассказала. Она была так смущена всем, что произошло, что даже не помнила моего имени...

— А как твое имя? — спросил Лафайет, чувствуя, что постепенно становится пааноником.

— А? Ну конечно, Лоренцо!

Лафайет уставился на лицо перед собой, на голубые глаза, прядь каштановых волос на лбу, красиво очерченный рот с маленькой родинкой...

— Как...

Он остановился и сглотнул слюну.

— Как твоя фамилия?

— О’Лири. А что?

— Лоренцо О’Лири, — пробормотал Лафайет. — Я должен был это знать. Если у Адоранны, Дафны, Искобампа имеются здесь двойники, то почему их не должно быть у меня?

12

— Эй, ребята!

Громовой голос Хвата вывел из оцепенения обоих О’Лири.

— Пора сматываться, а то мы пропустим самое интересное.

Лафайет оглянулся и увидел, что камера пыток постепенно опустела и орущая толпа освобожденных пленников несется по коридорам, честно выполняя взятое на себя обязательство.

— Послушай, Лоренцо, мы можем позже разобраться, кто из нас кто, — сказал он, вслушиваясь в затихающий далекий звон и крики. — Сейчас самое важное — спасти леди Адоранну и Свайхильду от Горубля-Крупкина. Он выдумал совершенно безумный план захвата Артезии, а самое печальное, что это может получиться. Ничего удивительного, что он не особенно расстроился, когда я отказался помочь ему. Он мог выставить тебя вместо меня и заставить Свайхильду все делать... ну, да бог с ним, сейчас не до этого. Я попытаюсь добраться до апартаментов Родольфо и объяснить ему, что происходит. Может, еще

не поздно расстроить все эти планы. Почему бы тебе не пойти со мной? Из двоих хоть один да пройдет. Я расскажу тебе, в чем дело, по дороге. Ну, так как?

— Ну, раз уж ты говоришь, что разбираешься в том, что происходит, я пойду с тобой, но не забудь — лапы прочь от Беверли!

— Мне показалось, что ее зовут Цинтия, — пробормотал Лафайет. Они выбрали удобные дубинки с ближайшей специальной полки для дубинок и пошли за Хватом позади всей толпы. Взволнованный рев впереди указывал на первое столкновение со стражниками.

— Сюда, — позвал Лафайет, указывая боковой коридор. — Попробуем обойти.

— Послушай, а при чем все-таки ты? — тяжело дыша спросил Лоренцо, пока они бежали по извилистым коридорам.

— Ни при чем, — уверил Лафайет своего двойника, — Я жил себе тихо-спокойно в Артезии, не совал нос в чужие дела, и вдруг — оказался в Меланже. А тут не успел даже оглянуться, как был обвинен во всех смертных грехах...

Он свернул в сторону и стал подниматься по винтовой лестнице.

— Я думаю, что ты во всем виноват: они приняли меня за тебя. Похоже, ты тут не терял времени даром — уж больно рьяно полицейские за меня взялись.

— Мне было сделано очень выгодное предложение, — пыхтел Лоренцо, не отставая ни на шаг, чувствуя за спиной шаги Хвата.

— Крупкин предложил мне бесплатный проезд домой... плюс другие преимущества, как, например, оставить меня в живых... если я выполню его задание. Я должен был прокрасться в... спальню леди Андрагоры... и заманить ее в ловушку... Ну, вот, я перебрался через пару стен, подкупил стражников... но затем я увидел, что это Беверли. У нас не было времени, чтобы как следует переговорить... но я передал ей записку... назначил свидание в избушке... как предполагал Крупкин. Но я решил... внести кое-какие изменения в сценарий...

— Он тебя нагрел, — так же тяжело дыша, ответил Лафайет.

— Не знаю, как ему удалось заманить тебя сюда... но сомневаюсь, чтобы в его намерения входило... отправить тебя обратно в твои Соединенные Колонии...

Лестница кончилась, и они выбрались в широкий коридор, с обеих сторон которого слышались звуки бушующей толпы.

— Дай-ка подумать, по-моему, нам сюда, — указал Лафайет.

Они сделали несколько шагов вперед, и в это время позади них раздался звучный рев. Хват потирал голову и смотрел вниз на лестницу.

— Ах, вы, гады! — взревел он и кинулся вниз по ступенькам.

— Хват! — вскричал Лафайет, но великан исчез.

Мгновением позже с лестницы до них донесся громовой удар и послышались звуки драки.

— Давай-ка уйдем отсюда поскорее, — предложил Лоренцо и кинулся по широкой лестнице, ведущей вверх.

Лафайет последовал за ним. Стражник в алоей куртке возник впереди, вскинул дробовик к плечу...

— Не смей стрелять из этой штуки, идиот! — взревел Лоренцо. — Ты испортишь обои!

И пока растерянный стражник моргал глазами, они кинулись на него с двух сторон. Когда солдат свалился, как сноп, на пол, заряд дроби угодил в расписанный фресками потолок.

— Говорил я тебе, чтобы ты не портил обои, — сказал Лоренцо, несколько раз стукнув стражника головой об пол.

Они прошли еще два пролета лестницы, свернули в устланый коврами коридор, в котором, к счастью, не было охраны, дошли до двери, которую Лафайет запомнил со времени своего последнего посещения дворца. Звуки битвы почти не доносились сюда. Они остановились, тяжело дыша, чтобы передохнуть.

— Только говорить буду я, Лоренцо, — так и не отдохнувшись произнес Лафайет. — Мы с Родольфо старые друзья-событильники.

Дверь в зал футах в двадцати от них распахнулась настежь, и, окруженный четырьмя стражниками в красных кожаных куртках, появился Крупкин-Горубль. Он остановился и проговорил через плечо:

— Это приказ, а не пожелание, Руди! Изволь явиться вместе со своими министрами в Гранд Зал и подготовься подписать мои приказы о всеобщей мобилизации, сборе средств, продовольственных запасов, или я повешу тебя на стенах твоего собственного замка!

Бывший узурпатор Артезии величаво запахнулся в подбитый соболем плащ и прошествовал по коридору в сопровождении охраны.

— Вот тебе и помощь Родольфо, — пробормотал Лоренцо. — Что же делать?

Лафайет нахмурился, закусил губу.

— Ты знаешь, где находится этот зал?

— Двумя этажами выше, на южной стороне.

— Судя по звукам бьющегося стекла, именно там сейчас наибольшие беспорядки.

— Ну и что? — спросил Лоренцо. — Все равно нам желательно держаться как можно дальше оттуда. Мы можем про-

скользнуть в комнату Беверли и выкрасть ее, пока эти политикианы играют в свои игры.

— У меня есть причины предполагать, что Даф... я имею в виду леди Андрагору, будет в зале вместе со Свайхильдой. Все это — часть большого плана Горубля. Мы должны остановить его сейчас, пока все не зашло слишком далеко.

— Как? Нас всего двое. Что мы можем сделать против целого дворца, полного вооруженных солдат?

— Не знаю... но мы должны попытаться! Пойдем! Если нам не удастся добиться своего одним путем, будем искать другой, а время не ждет!

Из тридцати минут прошло двадцать пять. Лафайет и Лоренцо, скорчившись, сидели на крыше дворца, в тридцати футах над высокими окнами Гранд Зала, находящегося двумя этажами ниже. До них уже начал доноситься еле слышный нервный говор из зала, в котором должны были свершиться великие события.

— Ну, и хорошо, — сказал Лафайет. — Кто пойдет первым — ты или я?

— И нас обоих убьют, — ответил Лоренцо, осторожно перегибаясь через парапет и глядя вниз. — Карниз идет ниже на три фута. Это невозможно...

— Ну, хорошо. Я пойду первым. Если я...

Лафайет замолчал и слегкую сплюну.

— Если я упаду, продолжай ты. Пойми, леди Андрагора — я имею в виду Беверли — рассчитывает на тебя.

Он залез на низкую ограду, идущую по краю крыши, и осторожно, избегая глядеть вниз, приготовился перелезть на карниз.

— Подожди-ка, — сказал Лоренцо, — этот металлический край выглядит острым. Он может перерезать веревку. Надо бы подложить что-нибудь мягкое.

— На вот, возьми мою куртку.

Лафайет быстро снянул с себя помятую куртку, которую дали ему в Аджаке, свернул ее, подпихнул под веревку, которую они стащили из одного служебного помещения замка.

— И неплохо вам было бы иметь кожаные перчатки, — указал Лоренцо. — И страховочную петлю. И ботинки с шипами...

— Вот-вот, и еще застраховаться на большую сумму, прервал его Лафайет. — Но так как это невозможно, то неплохо было бы нам начать действовать, пока у нас есть хоть какая-то уверенность!

Он схватился за веревку, стиснул зубы и соскользнул вниз, в ветер и темноту.

Ветер тут же обрушился на его не прикрытую курткой спину.

Его ноги пытались нащупать опору на стене в трех футах внизу. Волокна тяжелой веревки впивались в ладони, как колючая проволока. Освещенное окно приблизилось. Его нога дотянулась до стены с таким грохотом, что можно было бы разбудить всю округу. Не обращая внимания на боль в руках, тошноту и чувство бездонной глубины внизу, Лафайет соскользнул последние несколько футов и остановился, болтаясь в воздухе между двумя окнами на пространстве в четыре фута гладкой стены.

Изнутри до него доносился непрерывный поток голосов, шарканье ног.

— Представить себе не могу, в чем дело, — воскликнул мужской тенор. — Разве что моя просьба сделать меня Почетным Сквайром Герцогского Маникура, наконец, будет удовлетворена.

— Бог видит, что пришло время моего назначения Вторым Почетным Артистом по Герцогским усам, — ответил разгневанный баритон. — Но что за любопытный час церемонии...

— Так как у его высочества нет усов, то тебе придется долго ждать, Фонтли, — насмешливо предположил тенор. — Нотише, они идут.

— Чишиш! У тебя все в порядке? — прошипел сверху голос Лоренцо.

Лафайет подтянулся вверх, но ничего не увидел, кроме огромной массы нависающего карниза.

Изнутри донеслись звуки фанфар. Прозвучали вежливые аплодисменты, за которыми последовало какое-то объявление, неразборчивое из-за того, что было сказано в нос. Затем слабо послышался скрипучий голос герцога Родольфо:

— ... собрались здесь... этот незабываемый день... радость и честь представить... несколько слов... внимание...

Еще раз прозвучали вежливые аплодисменты, затем наступила тишина.

— Я не буду приукрашивать события, — прозвенел голос Горубля. — Крайняя опасность для государства... Необходимо принятие срочных мер...

По мере того, как голос продолжал монотонно выговаривать слова, веревка, к которой прильнул О'Лири, начала дрожать. Через несколько секунд появился Лоренцо, быстро спускающийся вниз.

— Остановитесь! — прошипел Лафайет как раз в ту минуту, когда пара тяжелых сапог ударила ему в плечи и всей своей тяжестью потянула его вниз.

— Чишиш, Лафайет. Где ты?

— Ты на мне стоишь, ты, кретин! — умудрился выдавить из себя Лафайет, испытывая смертельные муки. — Слезай!

— Слезать? — точно так же прошипел ему в ответ Лоренцо.
— Но куда?

— Мне плевать, куда! Слезай куда хочешь, пока я еще держусь за веревку, и мы оба не полетели вниз!

Наверху раздалось учащенное дыхание, пыхтение, и одна нога была убрана с плеч О'Лири. Потом другая.

— Ну, вот, теперь я вишу, как муха, которая умеет летать только вниз, — дрожащим голосом прошептал Лоренцо. — Что дальше?

— Заткнись и слушай!

— ... По этой причине я решил оказать честь вышеупомянутой леди и сделать ее своей жестью, — объявил Горубль раскатистым голосом. — Вы были здесь, чтобы засвидетельствовать это знаменательное событие, как знак моей высокой оценки вашей преданности, которая подскажет вам, как велик тот шаг, который сейчас свершится, — он сделал многозначительную паузу. — Итак, есть ли здесь кто-нибудь, кто знает о какой-нибудь причине, по которой я не мог бы сейчас же соединиться священным союзом с леди Андрагорой?

— Ах ты, грязный обманщик! — взорвался Лафайет.

— Ах ты, грязный обманщик! — раздался злобный крик внутри зала, с несомненными интонациями герцога Родольфо.

— Это не входило в условия нашего договора, высокочка ты несчастный!

— Схватить предателя! — вскричал Горубль.

— Что происходит? — прошептал Лоренцо, когда внутри зала воцарился самый настоящий бедлам.

— Крупкин, этот жулик, хочет жениться на леди Андрагоре! Родольфо почему-то возражает, а Крупкин возражает против его возражений!

Крики внутри достигли такой силы, как при пробке на оживленной магистрали. Крики Горубля, отдающего приказы, смешались с визгом, проклятиями, яростным воем Родольфо. Веревка дернулась, и Лоренцо очутился рядом с Лафайетом на маленьком карнизе. Он вскричал:

— Отойди! Ну, пусть теперь только этот предатель, этот сукин сын попадется мне в руки!

— Эй! — взвыл Лафайет, когда Лоренцо оттолкнулся от него, чуть не скинув вниз. — Потише!

— Я ему покажу потише, когда сверну голову на сторону, этому подонку!

И сапог Лоренцо что было сил заехал в стекло, которое разлетелось с таким звуком, будто произошел взрыв. Мгновением позже разъяренный Лоренцо исчез за тяжелыми занавесками. Лафайет простонал:

— Бедный дурачок! Его разорвут на кусочки, и это никак не поможет Дафне, я имею в виду Беверли, то есть леди Андрагору.

Он наклонился вперед, мельком увидел волнующуюся толпу, солдат в красных куртках, движущихся между фраков и смокингов, Лоренцо, стремительно пробирающегося вперед...

В самый последний момент Горубль повернулся — как раз вовремя, чтобы получить сильнейший удар в правый глаз. В то время, как подвергнувшийся нападению принц пятился назад от силы удара, солдаты в красных куртках окружили Лоренцо со всех сторон.

— Вот и все, — пробормотал Лафайет. — Во всяком случае, Лоренцо удалось разок садануть ему...

Она наклонился еще ниже, чтобы ничего не упустить из виду.

— А! — взорвался Горубль, прикладывая к поврежденному глазу большой кружевной платок. — Так это ты, Лоренцо? Я знаю, что с тобой сделать, мой мальчик! Горога уже накормили один раз сегодня вечером, но он не откажется еще от одного обеда, не сомневайся в этом! И прежде, чем ты умрешь, ты испытаешь истинное наслаждение, оказавшись свидетелем моего союза с леди, которую ты имел наглость утомлять своими нежелательными для нее приставаниями!

— М-м-миледи Андрагора! — во внезапно наступившей тишине объявил трясущийся голос глашатая.

Толпа расступилась. Темноволосое, темноглазое видение красоты появилось в зале, одетое во все белое, в сопровождении двух женщин в костюмах подружек невесты, которые, однако, не могли скрыть их значительной старости.

— Продолжайте церемонию! — прокричал Горубль голосом, уже лишенным придворного лоска. — Сегодня — моя свадьба, завтра — победа над всей вселенной!

Лафайет прильнул к стене, дрожа от порывов ледяного ветра. Руки у него закоченели и стали, как крючья, хотя вовсе не такие надежные. Пальцы на ногах были как замороженные креветки. В любой момент веревка могла выскользнуть у него из рук, и он полетел бы вниз, в глубокую темную пропасть. Он прижался подбородком к холодному камню, вслушиваясь в монотонный голос за окном, читающий обряд свадебной церемонии.

— И почему все должно было так кончиться? — пробормотал он. — Почему я вообще оказался замешанным в эту историю? Почему Пратвик не помог мне, а задал эту идиотскую загадку — эти бессмысленные стишкы, которые не рифмуются! От Бронкса миллионы едят до Майами — ключ к этой загадке, конечно... конечно...

Из зала внезапно донеслись новые крики.

— Беверли, скажи ему нет! Даже если он пообещает перезать мне глотку, если ты откажешь ему!

Крик Лоренцо был прерван звучным ударом, за которым последовал звук падающего тела.

— Он всего лишь оглушен, дорогая, — приятным голосом сказал Горубль. — Эй, вы, продолжайте!

— Б-берете ли вы... леди Андрагору... а... этого принца в...

— Нет, — простонал Лафайет. — Это слишком ужасно. Этого не может быть! Абсолютная, полная неудача, а ведь мне всегда так везло — когда, например, я обнаружил дверь в скале, или это сумасшедший костюм монаха и... и...

Он замер, пытаясь ухватиться за кончик мысли, возникшей у него в голове.

— Думай, — приказал он сам себе. — Почему я считаю, что это мне везет? Ведь это же фантастика. Такое случается только в том случае, если ты управляешь вероятностями. Итак, можно сделать вывод, что на самом деле это было не везение, а управление космическими энергиями. И у меня все получалось несколько раз. Но много раз у меня ничего не получалось. В чем разница? Что общего было в тех случаях, когда у меня получалось, и чего мне не хватало, когда ничего не получалось?

— Нюхательную соль! — ревел Горубль внутри зала. — Бедная девочка потеряла сознание, вне всякого сомнения, от неожиданности свалившегося на нее счастья!

— Ничего, — простонал Лафайет. — Ничего не приходит в голову. Все, о чем я могу думать, это о бедной Дафне и Свайхильде, ласковом ребенке, даже если от нее иногда и попахивает чесноком...

Чеснок...

— Чеснок всегда ассоциировался с волшебством и заклинаниями, — забормотал Лафайет, хватаясь за соломинку. — А заклинания — это обычные непрофессиональные попытки управлять космическими силами! Может быть, это был чеснок? А может быть, это сама Свайхильда... но "Свайхильда" не рифмуется с "Майами". Правда, "чеснок" тоже не рифмуется. К тому же от нее только пахло чесноком, потому что она все время делала сэндвичи из колбаски салями...

— С А Л Я М И! — взревел Лафайет. — Ну, конечно! От Брункса миллионы едят до Майами — ключ к этой загадке, конечно, салями!

Он поперхнулся, чуть было не выпустил веревку из рук, но вовремя удержался, уцепившись за нее что было сил.

— Салями было подо мной, когда я придумал нож, и мы его ели, когда речь зашла о костюме для переодевания, и оно было

в моем кармане на стене замка! Значит, все, что мне надо было сделать, это...

О'Лири почувствовал, как холодная рука сжала его сердце.

— Мой карман! Оно было в кармане моей куртки — а я оставил ее наверху, чтобы не перерезало веревку!

— Ну, хорошо, — ответил он. — Это значит, что тебе придется взобраться наверх, вот и все.

— Взобраться наверх? Мои руки, как лед, сам я слаб, как котенок, весь замерз и, кроме того, это займет слишком много времени...

— Поднимайся.

— Я... я попытаюсь.

С огромным усилием О'Лири оторвал одну руку и переместил ее выше по веревке. Теперь он уже оторвался от стены и болтался в воздухе. Его руки, осознал он, были как тесто, а тело почему-то — свинцовым.

— Это бессмысленно...

— Попытайся!

Каким-то образом он взобрался еще на один фут. Потом умудрился преодолеть еще шесть дюймов. Потом повис, отыходя, и преодолел еще дюйм. Ветер качнул веревку и ударил его о стену. Он поглядел наверх: что-то темное лежало на парапете, хлопая тканью по ветру.

— Это слишком далеко, — с трудом выдохнул он. — И в любом случае...

Со страхом и восхищением смотрел он, как куртка постепенно высвобождалась из-под веревки, под которую была подложена. Полы ее свесились с парапета. Ветер накинулся на нее, подпихнул ближе к краю. Какое-то мгновение она висела там, новый порыв ветра шевельнул ее...

Она начала падать, прощально размахивая пустыми рукавами, по направлению к нему. Развеваемая ветром, она стала удаляться от здания.

В диком прыжке Лафайет кинулся в пустое пространство. Его вытянутые руки нащупали куртку, прижали к себе. Яростный ветер со свистом проносился мимо него. О'Лири с трудом нашупал карман, и его пальцы сомкнулись на жирном пакетике с салями, который положила туда Свайхильда.

— Чудо! Любое чудо! Но только поскорее...

Страшный удар обрушился на О'Лири, из полной темноты он влетел в темноту, освещенную огнями, заполненную грохотом и визгом. Затем полная темнота окутала его, как могила.

— Это просто чудо, — говорил голос из другой жизни, которая, казалось, была много веков тому назад. — Насколько я понимаю, он упал с крыши, ударился о карниз и влетел в окно,

свалившись прямо на его высочество, который как раз подбежал, чтобы узнать, что за любопытные звуки слышатся снаружи.

— Разойдитесь, а то ему нечем дышать! — рявкнул другой голос.

Лафайет понял, что глаза у него открыты и что он смотрит на нахмуренное лицо Лоренцо, немного разодранное, но такое же свирепое, как и раньше.

— По крайней мере, ты мог посвятить меня в свои планы, — сказал другой О'Лири. — А то я уже начал было волноваться, как раз перед твоим прибытием.

— Вы... вы просто восхитительны, сэр, — проворковал нежный голос.

С усилием, будто ворочал булыжники, Лафайет переместил свой взгляд и увидел улыбающееся лицо Дафны — леди Андрагоры, поправил он себя, чувствуя накатывающуюся тоску по дому.

— Вы... действительно меня не знаете? — еле выдавил из себя О'Лири.

— Вы замечательный человек, похожий на того, кого я знаю, — мягко ответила леди. — Это ведь вас я видела у своей кареты, когда ехала через лес. Но должна честно сознаться вам, сэр, мы незнакомы. И тем более я у вас в долгу.

— Как и я, — проговорил другой голос.

Рядом с леди Андрагорой стоял мужчина, обняв ее рукой за нежную талию. У него была коротко подстриженная борода и завивающиеся усы, на голове — широкополая шляпа.

— Я думал, что до судного дня пробуду в темнице, пока не появились вы и не спасли меня, — он изучал лицо Лафайета, хмурясь. — Хотя я и не вижу того сходства, о котором говорит моя невеста.

— Все верно, Лафайет, — заговорил Лоренцо. — Этот тип взял верх. Он принадлежит Меланжу, насколько я понимаю. Раньше он был герцогом, прежде чем Крупкин заменил его на Родольфо. Сейчас он опять у власти, а Крупкин в темнице. А эта леди вовсе не Беверли, — так что мы здесь ни при чем, насколько я понимаю.

— Свайхильда, — пробормотал Лафайет и умудрился пристать и принять сидячее положение. — С ней все в порядке?

— Тут я, и ничего лучше не придумаешь, а все ты, Лэйф! — вскричала бывшая кухарка, отпихивая локтем доктора в сторону. — Ну и ну, милый, да ты ужасно выглядишь, — она улыбнулась ему, сверкая своим придворным платьем.

— Я просто хотел поговорить с ней! — кричал мужской голос где-то сзади.

Растяпанный человек в обтягивающем шелковом костюме

прорвался в круг, бросил на Лафайета горячий взгляд и остановился перед леди Андрагорой.

— Что все это значит, Эронна? Что это за волосатый Дон Жуан, ухватившийся за твой зад? И где ты достала все это платье? Что это за место? Что тут происходит?

— Э-э-э, не надо так спешить, приятель, — сказал Лоренцо, беря незнакомца за локоть. — Придется, правда, кое-что тебе объяснить, но все мы попали тут в одну и ту же историю...

— Пропади ты пропадом, кто просил тебя вмешиваться? — новоприбывший рванул свой рукав и освободился. — Ну, Эронна, — обратился он к леди Андрагоре. — Ты ведешь себя так, словно никогда не видела меня раньше! Это ведь я, Лотарий О'Лири, твой суженый. Неужели ты забыла?

— Имя этой леди — Андрагора, — резко сказал усатый герцог Ланцелот. — И, кстати, она моя суженая, а не ваша.

— Ах, вот как?

— Вот так вот! Или вы изволите сомневаться в моих словах?

Когда люди кинулись со всех сторон мириТЬ взбудораженных спорщиков, Лафайет нетвердо поднялся на ноги и, поддерживаемый Свайхильдой, отошел в сторону.

— Мне надо уходить отсюда, — сказал он. — Послушай, Свайхильда, наконец-то мне повезло. Я снова обрел возможность управлять космическими энергиями. Так что я собираюсь домой, туда, где я должен быть. И я подумал — только пойми меня правильно, ведь меня ждет Дафна — не хочешь ли ты отправиться туда вместе со мной? Я могу представить тебя, как какую-нибудь дальнюю кузину Адоранны, и если ты подучишься немного говорить и ходить, то у тебя здорово все там получится...

— Но, Лэйф, тебе действительно надо уйти отсюда?

— Безусловно! Но, как я уже сказал тебе, ты можешь отправиться со мной. Так что, если ты готова...

— Э-э, так сказать, прошу прощения, мадам, — неуверенно произнес чей-то глубокий голос. — Прошу прощения вашей светлости, но я искал тут... то есть я хотел сказать, я слышал, моя жена... то есть я хочу жениться на ней, как только найду...

— Халк! — вскричала Свайхильда. — Ты пришел за мной! Значит, ты меня любишь!

— Свайхильда! Святой Джордж, Иезабель... ты... вы... такая красивая...

— Хмфф, — сказал Лафайет, глядя на эту пару, которая, обнявшись, отошла от него. — Дом, мой сладкий дом...

Он нахмурился, вновь по очереди ощупал карманы.

— Проклятье! Я потерял салями... наверное, выронил его где-то между карнизом и головой Крупкина...

Он резко повернулся и нос к носу столкнулся с Лоренцо.

— Вот ты где! — воскликнул его двойник. — Послушай, Лафайет, нам надо поговорить. Может быть, вдвоем нам удастся сфокусировать достаточное количество космической энергии, чтобы отправиться по домам? Я совсем с ума схожу, глядя, как этот Ланцелот тискает Андрагору.

— Сначала помоги мне найти мое салями, — ответил Лафайет. — А там видно будет.

— И ты можешь думать о еде в такое время!

Но, тем не менее, он последовал за Лафайетом, спустившимся на двор под окнами, в одно из которых он влетел часом раньше.

— Должно быть, оно лежит тут где-нибудь...

— Ради всего святого, почему бы тебе просто не сходить на кухню?

— Послушай, Лоренцо, я знаю, что это звучит глупо, но это салями жизненно необходимо мне для управления пси-энергий. Не спрашивай меня, почему, спроси лучше бюрократа по имени Пратвик.

Десять минут упорных поисков в довольно ограниченном пространстве не привели к успеху. Салями не было обнаружено.

— Послушай, я держал его в руке, когда влетел в окно? — настойчиво спросил он у Лоренцо.

— Откуда я знаю? В это время на моей спине сидели два солдата. Я вообще не в курсе событий до того момента, когда в зал ворвался этот тип Ланцелот и потребовал, чтобы ему вернули его герцогство.

— Придется нам вернуться и спросить.

Вновь очутившись в зале, значительно опустевшем, — так бывшие прислужники Родольфо поспешили заверить в своей преданности нового герцога, — Лафайет ходил, дергая людей за рукава, повторяя один и тот же вопрос. Он добился лишь недоуменных взглядов и в нескольких случаях вежливого смеха.

— Пустышка, — сказал он присоединившемуся к нему Лоренцо, расспросы которого окончились тем же самым. — И только подумать, что спасение было у меня в руках, и я все-таки упустил его.

— Что стряслось, Лэйф? — прозвучал сзади голос Свайхильды. — Потерял чего?

— Свайхильда, колбаски салями из нашего завтрака — ты не видела их?

— Нет. Но ты подожди минутку, я спрошу, может, у Халка немного есть с собой. Он их обожает.

Халк неторопливо подошел к ним, вытирая рукавом рот.

— Меня кто-то звал? — осведомился он и рыгнул. — Прощу

прощения, — сказал он. — От этого салями у меня всегда пучит живот.

Лафайет принююхался.

— Ты... ты не съел ее?

— Так это была ваша, мистер О'Лири? Вы уж меня простите. Точно такой у меня нет, но в нашей харчевне куча свиных ножек, так что все можно будет приготовить заново.

— Ну, вот, — простонал Лафайет. — Я погиб. Я застрял здесь навсегда.

Он рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

— Дафна, — пробормотал он, — увижу ли я тебя когда-нибудь?

Он застонал, вспомнив ее такой, какой он видел ее в последний раз, ее голос, походку, прикосновение ее руки...

* * *

В комнате стало до странности тихо. Лафайет открыл глаза. Несколько оброненных бумажек и сигарных окурков валялись на полу, но это было все, что указывало на то, что совсем недавно здесь кипела огромная толпа. Слабые голоса доносились до него из коридора. Лафайет вскочил на ноги, подбежал к высокой резной двери с серебряной ручкой, выбежал в зал, устланный красным ковром. Чья-то фигура — Лотарио, а может, и Лоренцо — исчезла за углом. Он окликнул, но ему никто не ответил. Он побежал по широкому коридору, заглядывая в комнаты.

— Свайхильда! — позвал он. — Лоренцо! Кто-нибудь!

В ответ он услышал только эхо.

В коридоре раздался шлепающий звук приближающихся шагов.

Маленькая фигурка в кожаных зеленых штанах и куртке спортивного покроя появилась во главе группы людей из Аджака.

— Спропояль! — приветствовал О'Лири исполнителя заказов. Слава богу, что хоть кто-то остался здесь живой!

— Салют, Слим! Ну, парень, ты даешь! Мы с ребятами пришли сюда повидать Крупкина.

— Он в темнице...

— Вот я и говорю, мы обычно проводим наши операции в половинной фазе, чтобы избежать всяких там толп и ненужных разговоров — так что как это ты умудрился здесь очутиться? Когда твой Марк XIII к нам вернулся, мы уж было решили, что тебе точно каюк! И...

— Это долгая история... но послушай! Мне в голову только что пришла блестящая мысль! Крупкин передал вам чертежи

для изготовления Путепроходца. Не построите ли вы его для меня, чтобы я мог вернуться в Артезию...

— Даже не думай, друг, — Спропрояль поднял обе руки в отрицательном жесте. — Если мы это сделаем, Централь от нас камня на камне не оставит!

— Централь! Вот именно! Соедините меня с Централью, чтобы я мог объяснить, что произошло, и...

— Эх, Слим, и это не пойдет.

— Но... где же все?

Лафайет недоуменно осмотрелся вокруг еще раз.

— Мы рассказали Централи о жульничестве, что здесь творится. Похоже, Крупкин использовал наши приборы, чтобы построить один аппарат и перетасовать все пространство. Он перенес сюда одного парня по имени Лоренцо. Хотел использовать его как приманку, чтобы зацепить леди, а потом торговать ее Родольфо за помощь, которую тот ему окажет. Но как только он это сделал, получилась цепная реакция, несколько дюжин возмутителей спокойствия попали сюда из других реальностей. Что за заварушка! Но Централь быстро взяла это дело в свои руки и переместила всех куда полагается. Ума не приложу, как это тебе удалось застрять в полуфазе. Здесь вообще нет никакой жизни, сам понимаешь..

Лафайет прислонился к стене и закрыл глаза.

— Я обречен, — пробормотал он. — Все они против меня. Но... но, может быть, если я отправлюсь вместе с вами в Аджак и лично объясню Пинчкрафту и другим, они что-нибудь придумают...

Тут тишина показалась ему подозрительной. О'Лири быстро открыл глаза. Спропрояль исчез. Коридор был пуст. В толстом мягким голубом ковре даже не было вдавленных следов на том месте, где он стоял.

— Голубой ковер, — ошарашенно пробормотал Лафайет. — Но я думал, что он был красный. Единственно, где я видел такой голубой ковер, место — это дворец Лода.

Он резко повернулся и побежал по коридору, перепрыгивая через несколько ступенек, сбежал с лестницы, оглянулся назад. Сломанные неоновые буквы читались: ЛАС ВЕГАС ХИЛТОН.

— Так и есть, — задыхаясь проговорил он. — То самое место, которое Горубль выстроил для Лода. А это значит, я опять в Артезии... ведь верно?

Он посмотрел на темную пустыню, простирающуюся перед ним.

— А может, я просто попал в какую-нибудь сказочную страну?

— Ну, это можно легко проверить, — сказал он сам себе. — Отсюда до столицы всего 20 миль пустыни. Вперед.

* * *

Заря чуть высветила небо впереди, когда Лафайет проковылял последние несколько ярдов до Харчевни Одноглазого Мужчины на западной окраине города.

— Красный Бык, — хрипло прошептал он, слабо стуча в тяжелую дверь. — Впустите меня...

Из-за закрытых ставен ответа не последовало. Ледяной холод стал распространяться в груди Лафайета.

— Она покинута, — пробормотал он. — Город духов, пустой континуум. Меня перебросили из Меланжа, потому что я нарушил равновесие, но вместо того, чтобы послать домой, они бросили меня здесь...

С трудом он ковылял по пустым улицам. Впереди высилась стена, окружающая дворец. На мгновение он прильнул к маленькой служебной калитке, затем, со страхом в сердце, распахнул ее.

Утренний туман висел над печальными деревьями. Роза блестела на застывшей траве. Где-то вдалеке прозвучал крик ранней птицы. Позади аккуратной цветочной клумбы молча и неподвижно высился розовый мраморный дворец. Не шевельнулась ни одна занавеска, ни одно окно не было открыто. Веселые голоса не кричали ему приветствий. На выложенных мрамором тропинках не слышалось звука шагов.

— Исчезли, — прошептал О'Лири. — Все исчезли.

Как во сне, прошел он по мокрой траве мимо фонтана, из которого текла тоненькая струйка воды. Его любимая скамейка была совсем неподалеку, впереди. Он просто посидит на ней немного, а потом...

А потом... он не знал, что будет потом.

Вот и цветущее миндалевидное дерево, скамейка как раз под ним. Он обогнул ее...

Она сидела на скамейке, в серебристой шали, накинутой на нежные плечи, теребя розу в руках. Она повернулась, посмотрела на него. Самое хорошененькое лицико во всей известной ему Вселенной расплылось в улыбке, как распустившийся бутон.

— Лафайет! Ты вернулся!

— Дафна... я... ты...

Затем она оказалась в его объятиях.

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

РОМАН

Стоял тихий летний вечер. Мы с Лайзой сидели на крыльце, смотрели на тающие в небе розовые полоски заката и слушали, как в соседнем доме Фред Ханскэт снимает газонокосилкой очередной урожай сорняков. Деловито и жизнерадостно застремился притаившийся в траве сверчок. Мимо по улице проехалась машина, слабый свет фар разметал в стороны тени и отразился в листве платанов, чьи кроны аркой смыкались над мостовой. Где-то пело радио об огнях в гавани.

Тихий, уютный вечер. Мне до смерти не хотелось уходить. Я вздохнул — воздух чуть отдавал дымком сожженных листьев, запахом свежескошенной травы — и встал.

Лайза взглянула на меня. У нее было круглое лицико, вздернутый носик, большие, широко расставленные глаза и самая милая улыбка на свете. Даже крошечный шрам на левой щеке только усиливал очарование: это тот самый изъян, что придает законченность совершенству.

— Пройдусь-ка я к “Симону”, выпью пива, — сказал я.

— Ужин будет готов к твоему возвращению, дорогой, — отозвалась она и улыбнулась своей неповторимой улыбкой. — Запеченная ветчина и кукурузные початки.

Поднявшись, она прильнула ко мне струящимися движени-ями танцовщицы и коснулась губами уха.

Я спустился по ступенькам, но на дорожке помедлил и обернулся. Лайза стояла возле двери, и свет из прихожей очерчивал ее тонкий и изящный силуэт.

— Возвращайся быстрее, милый, — сказала она, махнула мне рукой и ушла, ушла навсегда. Она не знала, что назад я не вернусь.

Через перекресток прогрохотал трамвай, похожий на большую игрушку с рисунками голов, приkleенными к ряду маленьких квадратных окон. Гудели рожки. Мелькали светофоры. Прохожие торопились домой после долгого дня за прилавком, в конторе или на цементном заводе... Я позволил людскому потоку увлечь себя, шагая наравне со всеми. Этот урок я выучил твердо. Время нельзя ускорить, нельзя замедлить. Иногда его можно вообще избежать, но это уже разные вещи.

Размышляя, я вышел через четыре квартала к остановке такси на Делавэр-стрит, уселся на заднее сиденье "Ромео", который следовало бы свезти на свалку лет десять назад, и сказал водителю, куда ехать. Он с любопытством взглянул на меня, недоумевая, что может понадобиться такому приличному молодому человеку в той части города, и уже открыл рот, чтобы спросить об этом, но я добавил:

— Уложишься в семь минут, получишь пять долларов.

Парень щелкнул счетчиком и чуть ли не вырвал сцепление из машины, рванув со стоянки. По пути он то и дело посматривал в зеркальце, прикидывая, как бы все-таки подступиться ко мне с вопросом, что вертелся у него на кончике языка. Однако, заметив в полуквартале неоновые буквы, горящие, словно раскаленное железо, я хлопнул его по плечу, сунул в руки деньги и в следующую секунду уже стоял на тротуаре.

Не слишком выделяясь среди окружающих строений, коктейль-бар сохранил претензии на светскость. Пара ступенек вели вниз, и верилось, что когда-то, до введения сухого закона, зал выглядел весьма привлекательно. Стены, облицованные деревянными плитками, не сильно пострадали от времени, разве что почернели от въевшейся пыли. Узорчатый потолок также выглядел сносно, но по темно-бордовому ковру тянулась широкая вытоптанная дорожка, она извивалась, как тропа в джунглях, во всю длину в баре и разветвлялась у столиков, теряясь возле ножек стульев. Обтянутые прочной тканью сиденья в кабинках вдоль стен заметно выцвели, на некоторых темнели заплаты. И никто не побеспокоился вымыть кружки, оставленные на дубовых столиках поколениями любителей пива. Я занял кабинку в глубине зала с тусклым модным светильником и нацарапанной на стене росписью, свидетельствующей о чьей-то победе в беге с препятствиями в 1810 году. Часы над стойкой бара показывали 7.40.

Я заказал кружку у официантки, которая очаровывала и цвела примерно в то же самое время, что и бар. Она принесла кружку, и я отпил глоток, когда кто-то скользнул на сиденье

напротив. Незнакомец пару раз вздохнул, будто только что обежал вокруг стадиона и поинтересовался: “Не возражаете? — затем поднял кружку и помахал ею в сторону полупустого зала.

Я воспользовался возможностью и оглядел соседа. У него было нежное круглое лицо и бледно-голубые глаза. Голову на гладкой, явно тонковатой шее я счел бы лысой, если бы ее не покрывал чудесный светлый пушок, вроде цыплячего. Одет он был в полосатую рубашку с открытым воротником, откинутым на пиджак из плотной шотландки с подбитыми плечами и широкими лацканами. Рука, державшая кружку, выглядела маленькой и холеной, ногти короткие, с безупречным маникюром. На левой — кольцо со стеклянным рубином, который сошел бы за пресс-папье. В целом же наряд как-то не гармонировал, точно человек одевался в спешке, и при этом мысли его занимали куда более важные вещи.

— Мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ложное впечатление обо мне, — заговорил мужчина.

Его голос страдал тем же недостатком: низковатый для женщины, он не имел ничего общего с помещением, полным сигарного дыма.

— Лишь чрезвычайные обстоятельства заставляют меня обратиться к вам, мистер Рейвел, — продолжал он, говоря быстро, торопясь высказаться до того, когда будет слишком поздно. — Дело огромной важности... касающееся вашего будущего.

Он помедлил, проверяя произведенный эффект, этакая выжидательная пауза, словно от моей реакции зависело, продолжать ему или нет.

Я сказал:

— Будущее, вот как? Не уверен, что оно у меня есть.

Ответ ему понравился, я это заметил по тому, как засияли его глаза.

— Ну да, — кивнул он, располагаясь поудобнее. — Да, в самом деле. — Он немного отпил из кружки и поставил ее, затем перехватил взгляд и уставился на меня, улыбаясь скользкой, чуть заметной усмешкой. — И я мог бы добавить, что у вас будет будущее, может быть, гораздо величественнее, чем прошлое.

— Мы встречались где-нибудь? — осведомился я.

Он отрицательно покачал головой.

— Я понимаю, что сейчас мои слова покажутся вам бесмыслицей, но любое промедление чрезвычайно опасно. Поэтому, прошу вас, выслушайте...

— Я слушаю, мистер... как вы сказали?

— Имя не важно, мистер Рейвел. Я вообще не имею к этому делу никакого отношения, за исключением того, что являюсь

посланником. Мне поручили войти с вами в контакт и передать определенную информацию.

— Поручили?

Он пожал плечами.

Я перегнулся через стол и схватил его за руку, в которой он держал кружку. Рука была мягкой и гладкой, словно у ребенка. Я слегка надавил. Немного пива выплеснулось на край стола и ему на колени. Он дернулся, намереваясь встать, но я прижал его к сиденью.

— Дайте-ка мне тоже сыграть, — сказал я. — Что, если мы вернемся к тому моменту, где речь шла о поручении. Меня это, знаете ли, заинтриговало. Так кто же меня считает настолько важной персоной, что поручает всяким пройдохам совать свой нос в чужие дела?

Я усмехнулся. Он в ответ тоже изобразил улыбку и напрягся, видимо утратив часть энтузиазма, но не сдаваясь.

— Мистер Рейвел, что вы скажете, если я сообщу вам о своей принадлежности к секретной организации суперменов?

— А что бы вы хотели услышать?

— Что я не в своем уме, — с готовностью подсказал он. — Вот почему я надеялся обойти этот вопрос и затронуть непосредственно суть дела. Мистер Рейвел, ваша жизнь в опасности.

Я промолчал, и последние слова повисли в воздухе.

Он бросил взгляд на часы, повернутые на английский манер под запястье, и продолжил:

— Ровно через одну минуту и тридцать секунд сюда войдет человек, одетый в черный костюм, с тростью из черного дерева с серебряным набалдашником. Он пройдет к четвертому табурету возле бара, закажет виски, выпьет, повернется, поднимет трость и трижды выстрелит вам в грудь ядовитыми газами.

Я отпил еще глоток. Пиво было по-настоящему вкусным — одно из утешений в этой жизни.

— Ловко, — сказал я. — А что будет дальше?

Толстячок несколько встревожился:

— Вы шутите, мистер Рейвел? Речь идет о вашей смерти. Здесь. Через несколько секунд!

Он перегнулся через стол и говорил раздраженно, брызгая слюной.

— Ладно, ладно, я все понял, — сказал я, отпустив его, вновь поднял кружку. — Только не тратьте столько энергии на воображаемые похороны.

Пришел его черед схватить меня за рукав. В его жирных пальцах таилось куда больше силы, чем казалось со стороны.

— Я вам говорю о том, что случится непременно, и вы должны действовать немедленно, если хотите избежать смерти!

— Ага! И тут-то начинается то самое блестящее будущее, о котором вы упомянули.

— Мистер Рейвел, вы должны сейчас же уйти отсюда.

Он порылся в кармане пиджака и вытащил карточки с отпечатанным адресом: Колвин Керт, 356.

— Здание старое, но очень прочное и совсем рядом. Снаружи деревянная лестница, совершенно безопасная. Поднимитесь по ней на четвертый этаж. Комната под номером девять находится в конце коридора. Входите туда и ждите.

— А зачем же мне туда идти? — поинтересовался я и стряхнул с рукава его пальцы.

— Чтобы спасти свою жизнь! — В голосе его зазвучали визгливые нотки, как если бы события развивались не совсем правильно.

У меня возникло отчетливое чувство, что ход событий, трактуемый незнакомцем, может оказаться не самым лучшим для меня и моего великого будущего.

— Откуда вы узнали мое имя? — спросил я.

— Умоляю вас — время дорого. Почему бы вам просто не довериться мне?

— Это имя — липовое, — сказал я. — Я так назывался вчера продавцу библий. Придумал его с ходу. Не занимайтесь ли вы рэкетом среди разносчиков книг, мистер Как-вас-там?

— Неужели это значит больше, чем ваша жизнь?

— Вы что-то путаете, приятель. Мы с вами торгуемся не о моей жизни, а о вашей.

Выражение искреннего доброжелательства на его лице раскололось на кусочки. Он еще пытался собраться с духом, когда наружная дверь бара распахнулась и вошел человек в черном плаще, черном вельветовом пиджаке, черной фетровой шляпе, с щегольской черной тростью в руках.

— Вот, видите?! — шепнул мне новоявленный приятель, словно перекинув порнографическую открытку... — Все, как я сказал. Теперь вам надо действовать быстро, мистер Рейвел, пока он вас не увидел...

— Ваша техника хромает, — заметил я. — Он оглядел меня с головы до ног, не успев и шагу ступить за дверь.

Я отпихнулся от толстяка и выскользнул из кабинки. Человек в черном уже прошел через зал и сел на четвертый табурет, не глядя в мою сторону. Я пробрался между столиками и пристроился у стойки по левую сторону от него.

Он не взглянул на меня даже после того, как я ткнул его локтем в бок, а сделал я это несколько сильнее, чем позволил бы строгий этикет. Если бы у него в кармане был пистолет, я бы почувствовал. Трость он зажал между коленями, и крупный

серебряный набалдашник находился под его рукой. Я слегка наклонился к нему.

— Будь осторожней, — сказал я в восьми дюймах от уха, — дело накрылось.

Он воспринял известие спокойно. Только медленно повернул голову и уставился на меня. Высокий лоб, впалые щеки, на сероватой коже лица выделялись вокруг ноздрей белые линии. Глаза напоминали маленькие черные камешки.

— Вы обращаетесь ко мне? — холодно поинтересовался он, и от его ледяного тона повеяло вечной мерзлотой последней полярной стоянки Скотта.

— Кто этот тип? — спросил я заговорщически, полагая, что ловким мальчикам следует сойтись и поладить по-хорошему.

— Кто?

Никакой оттепели.

— Вон тот торговец предметами мужского туалета с жирными, потными руками, — уточнил я. — Мой сосед за столиком. Он, кстати, все еще сидит в кабинке, ожидая, чем все закончится.

— Вы ошиблись, — отрезал черный человек.

— Не падай духом, — продолжал я. — Каждый может ошибаться. Так почему же нам не собраться и поговорить всем втроем?

Это его задело. Дернув головой — на миллионную долю дюйма — он соскочил с табурета и подхватил шляпу. Я легко-толкнул трость, когда он потянулся за ней. Та грохнулась на пол. Я нагнулся и, когда поднимал ее, то нечаянно нажал на конец каблуком. Внутри что-то треснуло.

— Ха, ты черт, — сказал я. — Извините.

Я вручил ему трость. Он сгреб ее и удалился в сторону туалетной комнаты. Я проводил его взглядом, пожалуй, несколько продолжительным. Но все-таки краешком глаза успел заметить, что мой первый собутыльник скользнул к выходу. Я перехватил его в нескольких ярдах на улице. Он сопротивлялся, но не сильно, как человек, который не желает привлечь внимание прохожих.

— Ну-ка постой, — сказал я. — Представление настолько занимательно, что не терпится узнать продолжение. Так что дальше?

— Глупец, опасность вовсе не миновала! Я пытался спасти вам жизнь, неужели у вас нет ни капли благодарности?

— Не тебе об этом судить, приятель. Так из-за чего разгорелся сыр-бор? Неужели из-за моего костюма? Деньги? Так их не хватило бы для оплаты такси до Колвин-Керт и обратно. Но похоже, мне не пришлось бы возвращаться.

— Пустите же! Мы должны уйти с дороги!

Толстяк попытался сбить меня с ног, и я ударил его под ребро. Достаточно резко, чтобы он засопел и обмяк, повиснув на мне как мешок. От неожиданности я покачнулся. В то же мгновение послышалось глухое — храп! Точно выстрел пистолета с глушителем. И визг пули в дюйме от уха. Рядом был портик парадного. Мы покрыли расстояние одним прыжком. Толстячок вновь попытался ударить меня под коленку, и мне пришлось опять утихомирить его.

— Не принимай так близко к сердцу, — сказал я. — Пуля меняет дело. Успокойся, отпускаю шею.

Он кое-как кивнул. Ему удалось это с трудом, учитывая положение моего пальца. Я разжал руку. Он шумно задышал и рывком ослабил воротник. Круглое лицо несколько перекосилось, а эмалево-голубые глаза утратили младенческое простодушие. Тем временем я снял маузер с предохранителя и настроился на продолжение.

Минуты тянулись, словно геологические эпохи.

— Он ушел, — глухо произнес толстяк. — Попытка сорвалась, но они предпримут другую. Вам не удалось избежать развязки, вы просто отсрочили ее.

— Будем живы, не помрем, — отозвался я. — Давай-ка пробовать воду. Ты первый.

Я подтолкнул его дулом в спину. Обошлось без выстрелов. Я рискнул оглядеться: в поле зрения ни одного черного плаща.

— Где твоя машина? — спросил я.

Он кивнул на черный "мармон", припаркованный по другую сторону улицы. Я провел его к автомобилю, подождал, пока он усядется за руль, затем забрался на заднее сиденье. Рядом стояли другие машины со множеством затемненных окон — удобное местечко для снайпера, но никто не выстрелил.

— У тебя тут есть, что выпить? — спросил я.

— Что? Ах, да... конечно.

Толстяк старательно скрывал удовлетворение. Вел он паршиво, как вдова средних лет после шестого урока: трогал рывком, выскакивал на красный свет — и так через весь город, пока мы не добрались до места. Колвин Керт оказался покрытым щебенкой тупиком, который полого поднимался вверх по холму к сплетению телефонных столбов. Высокий и узкий дом четко выделялся на фоне неба, черная пустыми окнами. Мы свернули на подъездную дорожку, проложенную двумя полосками потрескавшегося бетона с проросшей посередине травой, обогнули здание и, оставив за собой деревянную лестницу, о которой он упоминал, подошли к входу. Дверь шла туговато, но потом распахнулась и мы ступили на потертый линолеум. Потянуло кислым запахом застоявшегося капустного супа. Следуя за

проводившим, я остановился и прислушался к напряженной тишине.

— Не беспокойся, — сказал толстяк, — здесь нет ни души.

Миновав узкий проход, где я касался локтями стен, мы прошли мимо тусклого зеркала, подставки со свернутыми зонтиками и поднялись по лестнице с черной резиновой дорожкой, зажатой позеленевшими медными штырями. Пол скрипел под ногами. Высокие настенные часы стояли, стрелки показывали десять минут четвертого. Наконец мы вошли в неширокий коридор с цветастыми коричневыми обоями и дверями, окрашенными в темный цвет, которые чуть виднелись в бледном свете, просачивающемся сквозь зашторенное окно в конце помещения.

Он нашел девятый номер, приложил ухо к двери, затем распахнул ее и подтолкнул меня внутрь.

Я окинул взглядом комнатенку: прочная двуспальная кровать под пологом из шелка, трюмо с вереницей салфеток, стул с прямой спинкой и проволочной подножкой, кресло-качалка, не совсем вписывающееся в обстановку, овальный столик со следами засохшей грязи. В центре потолка свисало подобие люстры с тремя лампочками, из которых светилась только одна.

— Да-а, апартаменты, — заметил я. — Тебе, видно, туто приходится.

— Просто временное жилище, — отозвался он небрежно. Удобно расставив стулья, он предложил мне кресло-качалку, а сам расположился напротив.

— Так вот, — начал он и сложил кончики пальцев вместе, наподобие ростовщика, готовящегося сорвать куш на отчаявшемся просителе. — Теперь, я полагаю, тебе не терпится услышать все о человеке в черном, о том, каким образом я узнал...

— Не особенно, — сказал я. — Меня больше интересует, на что ты рассчитывал? Неужели и вправду думаешь, что сумеешь выпутаться?

— Боюсь, я не совсем понимаю... — пробормотал он и дернул головой в сторону.

— Чистая работа, — объяснил я. — В некоторой степени. Ты мне наплел с три короба и, если бы я заглотнул приманку, то человек в черном проткнул бы меня иглой с наркотиком. А если бы соблазнился, то с благодарностью пришел сюда.

— Так или иначе, но ты все же пришел.

Толстячок расслабился и повел себя наглее.

— Твоя ошибка, — сказал я, — в том, что ты старался учесть слишком много факторов. Так что ты готовил потом для человека в черном?

Лицо его застыло.

— Потом? Когда?

— Что бы это ни было, ты просчитался, — продолжал я. — Ты тоже входил в его планы.

— Тоже? — Он наклонился вперед, как бы озадаченный, и ловко выхватил странный пистолетик, весь утыканый синими кнопками и рычажками. — Думаю, тебе лучше все рассказать о себе, Рейвел, или как ты сам себя именуешь.

— Ты ошибаешься, карг, — прошептал я.

На какое-то мгновение он застыл. Затем крутнул пальцами, пистолет издал свистящий звук, и в мою грудь полетели стрелы. Я подождал, пока он расстреляет обойму, затем поднял маузер, который зажал в руке, пока он переставлял стулья, и выстрелил ему под левый глаз.

Его отбросило на спинку стула. Голова свесилась к левому плечу, будто он любовался подтеками на потолке. Жирные, потные руки судорожно сжались. Он медленно наклонился в сторону и наконец рухнул на пол, как двести фунтов железа.

Чем он, собственно и был.

3

Я подошел к двери и прислушался: ни одного подозрительного звука, который указал бы, что выстрел пробудил чье-то любопытство. Очевидно, в доме никого не было.

Не удивительно.

Уложив карга на спину, я вскрыл мозговой блок и извлек запись с программой.

В Центре давно заметили, что на театре действий Старой Эры происходит нечто, выходящее за обычные рамки. Но даже сам Главный Координатор не подозревал о столкновении между оперативниками Третьей и Второй Эры. Запись могла оказаться ключом, в котором так нуждался отдел планирования Пекс-Центра.

Мне еще оставалось выполнить профессиональные обязанности. Я подавил непроизвольное желание бросить все и бежать и приступил к работе.

Лента была почти полностью прокрученена, это означало, что миссия карга близилась к завершению. Что же, он все-таки отбыл, правда, не совсем в том направлении, как предполагалось. Я сунул катушку в нагрудный карман своей рубашки и обыскал карманы робота — пусто. Затем раздел его и поискал заводской номер. Нашел на левой ступне.

Осмотр комнаты занял у меня двадцать минут. В одной из негоревших лампочек в светильнике я нашел аппарат для чте-

ния мыслей, сфокусированный на кресло-качалку. Карг изрядно беспокоился, чтобы как следует обработать меня, прежде чем избавиться от останков. Тщательно зарегистрировав взглядом каждую мелочь, я покрутился еще несколько минут, перепроверяя уже проверенное, но понял, что тяну время. Я уже сделал то, ради чего сюда пришел. Ход событий более или менее соответствовал плану, разработанному в Пекс-Центре: заманить карга в уединенное место и обезвредить. Эти операции завершились. Пора возвращаться, готовить отчет и продолжать дело переустройства мира. Подойдя к роботу, я нажал кнопку саморазрушения, погасил свет и вышел из комнаты.

Когда я спустился на улицу, мимо, громыхая в ночной тишине, промчалась квадратная машина. Как ни странно — ни одного выстрела. Я расстроился. Но какого черта, дело сделано. Пребывание здесь оказалось довольно мильм, как и во всяком другом времени. Это задание ничем не отличалось от предыдущих. Вспомнил о Лайзе, ожидавющей моего возвращения в маленьком доме, который мы сняли за ренту шесть недель назад, после того как провели первые дни нашего медового месяца на Ниагаре. Пожалуй, она уже беспокоится, стараясь сохранить ужин горячим, и недоумевает, что могло меня задержать.

“Забудь, — сказал я сам себе. — Сделаешь как всегда: сунешь череп под мыслефон, и все сотрется. Понюет на душе, но ты не будешь точно знать, почему. Такая уж профессия“.

Я достал локатор, уточнил место и время нахождения и направился на восток вниз по склону. Наша с каргом игра в кошки-мышки проходила на нескольких квадратных милях города Буффало, штат Нью-Йорк, в 1926 году, по функциональному времени. По данным контроля передвижений с момента пересечения годографа я определил, что нахожусь примерно в полутора милях от точки подбора, где-то в получасе ходьбы. Я заставил себя не думать и одолел расстояние за двадцать минут. Около небольшого сквера датчик показал, что я вошел в радиус действия поля для переброски на свою темпоральную станцию. Извилистая дорожка провела меня мимо скамьи к густым зарослям можжевельника. Я укрылся в самую гущу — просто на случай, если меня сопровождал чей-то взгляд, — и набрал код вызова, прижимая язык к фальшивому коренному зубу в нижней челюсти. Минуло мгновение, прежде чем я почувствовал, как нахлынуло поле подбора. Последовал беззвучный темпоральный взрыв, от динамического напора подпрыгнула под ногами земля...

Я, прищурившись, глядел на ослепительное солнце, заливавшее сиянием Берег Динозавров.

Берег Динозавров получил такое название потому, что, когда тут высадилась первая рекогносцировочная партия, по песчаному пляжу мирно семенил отряд маленьких зевровидных рептилий. Это было шестьдесят лет назад, всего несколько месяцев спустя после решения осуществить проект Чистки Времени.

Логичная мысль. Первая Эра путешествий во времени весьма напоминала расцвет космической эпохи — главным образом, хламом, который она оставляла за собой. Что касается космических отбросов, то потребовалось с полдюжины катастроф, чтобы убедить власти в необходимости очистить окружающее Землю пространство от накопившихся за пятьдесят лет останков использованной ракетной обшивки, негодных телеметрических устройств и бесхозных ретрансляционных спутников. По ходу дела обнаруживалось поразительное количество всякой всячины, включая глыбы метеоритных скал и железа, хондрит, явно земного, возможно, вулканического происхождения, мумифицированное тело одного из космонавтов, потерявшегося на раннекосмической прогулке, и энное количество предметов искусственного происхождения, над которыми власти того времени изрядно поломали голову и, наконец, определили как эквиваленты пустых бутылок из-под пива, выброшенных Пришельцами извне.

Это происходило задолго до Прорыва Времени. Программа Чистки Времени являлась близкой аналогией очистке космического пространства. Темпоральные эксперименты Древней Эры засорили временные пути всем, чем только могли: опытными контейнерами наблюдательных станций, мертвыми телами, брошенными инструментами, оружием и всяческим оборудованием, включая автоматическое приспособление для рытья шахт, установленное под антарктической ледяной шапкой, которое довело до головной боли не одного исследователя во время Великого Таяния.

Последовавшие триста лет Нерушимого Мира положили этому конец, и, когда на заре Новой Эры вновь открыли темпоральную переброску, урок учли. Начиная со Второй Программы, ввели жесткие правила, исключающие ошибки, допущенные пионерами Первой Программы.

А это означало, что Вторая Программа привела к новым ошибкам. Появились карги.

Карги — искаженное понятие, соотносящееся с официальным решением о статусе человекоподобных роботов в пресловутом договоре об Охране Транспортных Перевозок середины двадцатого столетия. Карги — безжизненные машины, заслан-

ные в прошлое из Третьей Эры в ходе Второй Великой Программы Чистки Времени, предназначались для предотвращения резни, безответственно учиненной по столетиям темпоральными последствиями Старой Эры, но также и для устранения еще более катастрофических последствий Второй Программы.

Третья Эра признала абсурдность исправления человеческого вмешательства путем последующего воздействия людей. Машины, считавшиеся нейтральными по шкале жизненного баланса, способны сделать то, что оказалось не под силу человеку: они могли действовать, не задевая хрупкую и плохо понимаемую согласованность жизнетворного равновесия, и восстановить целостность Темпорального Ядра.

Во всяком случае, так считали. После Великого Крушения и последовавшего продолжительного упадка из руин восстал Пекс-Центр, ознаменовавший Четвертую Эру. Координаторы Центра ясно представляли картину неуклюжих пополновений предшествующих эпох, которые лишь запутывали ситуацию и прекрасно осознавали, что любая попытка воздействовать на реальность, вопреки темпоральной самоорганизации, с неизбежностью обречена на дальнейшее ослабление временной структуры.

Лаяя время, приходится пробивать дыры, а залатывая прорехи, подготавливать почву для новых, еще больших заплат. Процесс развивается в геометрической прогрессии и в скором времени становится неуправляемым. Каждая последующая восстановительная операция распространяет волны энтропийного смещения, которые интерферируют предыдущие: сколько ни взбалтывай воду озера, поверхность от этого не восстановит исходное зеркально-гладкое состояние.

Единственный выход для Пекс-Центра – это устранить исходные причины. Первые возмущения, внесенные путешественниками Старой Эры, привели к простым и бесспорядочным нарушениям в структуре времени, оставленным случайно, беспечно, как следы в джунглях. Позднее, когда до экспериментаторов дошло, что даже движение песчинки приводит к последствиям, отзвук которых кругами расходится по эпохам, они действовали более осмотрительно. Ввели правила, количества ограничений росло. Однако, когда вышло первое категорическое запрещение вмешательства во временную структуру, было уже слишком поздно. Последующим эпохам пришлось убедиться в том, что забавные пикники в палеозое оплачиваются темпоральными дискретностями, оборванными энтропийными линиями и вероятностными аномалиями. Само собой разумеется, Пекс-Центр возник на основании прошлого, которому

и обязан своим существованием. Поэтому проводился тщательный расчет достаточного воздействия, чтобы устраниТЬ искривление линий и не затронуть факторы, обусловившие его появление. Для решения задачи потребовались соответствующим образом подготовленные кадры.

Моя работа оперативным агентом Пекс-Центра как раз и состояла в том, чтобы аннулировать все вмешательства предшествующих программ: хорошие и плохие, конструктивные и ошибочные, дать возможность ранам времени зарубцеваться, дабы вновь налилось соками древо жизни.

Эта профессия стоила всего, чем приходилось расплачиваться. Во всяком случае, так утверждали инструкторы.

Я шел вдоль берега, придерживаясь мокрого песка, где легче ступать, и старательно обходил лужицы и изогнутые полосы морской пены, отмечавшие отлив.

Прозрачно-голубое море плейстоцена — где-то за шестьдесят пять миллионов лет до нашей эры — вольно простиравшееся до самого горизонта. Ни парусов, ни пивных банок. Только длинные волны, приходящие из Восточного океана, которому в свое время суждено стать Атлантическим, обрушивались на белый песок с тем же самым привычным шумом, характерным для любой эпохи. Мерный звук успокаивал, шептал о том, как, в сущности, мало значили в жизни Отца Океана все дела человечков, суетившихся на его берегах.

Станция располагалась в четверти мили вдоль прибрежной полосы, как раз за песчаной отмелю, уходящей в море. Она представляла собой невысокое, светло-серое сооружение, прилепившееся на песке к линии прилива и окруженное зарослями древовидного папоротника и булавовидного мха — как в декоративных целях, так и с целью маскировки лагеря. Теоретически, если дикую жизнь привлечет или испугает элемент, чуждый естественной среде обитания, то в вероятностную матрицу могут войти не отмеченные у-линии и испортить темпоральную карту, на создание которой ушли тысячелетия кропотливого и мучительного труда.

Через несколько минут предстояла встреча в Нелом Джардом, Главным Координатором станции. Он выслушает меня, задаст пару вопросов, сунет записи в сейф и предложит выпить. Затем последует быстрое и деловое обсуждение под мыслефоном, которое сотрет в моей памяти все потенциально отвлекающие воспоминания, оставшиеся от поездки в Двадцатое столетие — особенно Лайзу. После этого я несколько лет послоняюсь по станции с другими отпускниками, пока не подвернется новое задание, не имеющее никаких видимых связей с предыдущим. Я так никогда и не узнаю, почему карга направили в

1936 год, какую сделку он заключил с исполнителем Третьей Эры, человеком в черном, каким узором вся эта история легла в общую мозаику великой стратегии Пекс-Центра.

Возможно, это к лучшему. Панорама времени пространна, переплетения ее структуры слишком сложны, чтобы охватить все сразу человеческой мыслью. Лучше подумать о конкретных вещах, чем загонять сознание в тупик, тысячи которых встречаются в жизни оперативного агента. Но Лайза, Лайза...

Я выкинул мысль о ней из головы, по крайней мере, попытался, и сосредоточился на чисто физических ощущениях: жарко и душно, жужжали насекомые, под ногами ссыпался песок, по вискам и по спине стекали струйки пота. Не то чтобы все это доставляло удовольствие, но через несколько минут меня ожидал прохладный, свежий воздух и нежная музыка, стимулирующая ванна, горячая еда, настоящая воздушная постель...

Спустившись по пологому склону дюны, я вошел через открытые ворота под тень протопальм, где весело смеялись, беседовали о чем-то двое отпускников. Оба незнакомца подошли ко мне и поздоровались с тем вежливым дружелюбием, которое приобретаешь, проводя жизнь в кратковременных знакомствах. Как обычно, они поинтересовались, трудно ли пришлось на этот раз? Я ответил им обычной, ничего не значащей фразой.

Внутри станции воздух был все так же прохладен и чист — и еще стерилен. Стимулирующая ванна вливала бодрость, но я продолжал думать о другой, чугунной ванне, оставшейся в нашем домике. Последовавший ужин вызвал бы восторг у любого гурмана: язык рептилии в соусе из гигантских грибов с гарниром из креветок, салат из клубней мха, холодный десерт, изготовленный на основе термобарьерной поварской технологии, которая не усовершенствуется в течение последующих шестидесяти пяти миллионов лет, но вряд ли сравнится с охлажденным лимонным тортом под хрустящей пшеничной корочкой, который готовила Лайза. И прекрасная воздушная постель далеко не так мила, как прочная кровать со старой медной рамой, что стояла в душной спаленке с дубовым полом и задернутыми шторами, когда свернувшись клубочком Лайза прижималась ко мне...

Джард позволил немного вздремнуть перед тем, как вызвать с отчетом. Это был невысокий, утомленный человек лет сорока пяти, с выражением лица все познавшего в этой жизни усталого человека, на которого увиденное не произвело особенного впечатления. Он встретил меня обычной снисходительной улыбкой, выслушал доклад, глядя в окно на тот самый пейзаж, которым любовался каждый божий день вот уже пять лет. Я удостоился похвалы за ленту с программой. Обычно каргам удавалось раз-

рушить себя, когда их загоняли в угол, но на этот раз разрушение предотвратил мой выстрел по вычислительному блоку. Успех с лентой явился результатом тонко продуманной игры, в ходе которой мне удалось усыпить подозрения противника и заманить его в ловушку. Весь план строился на точном расчете, и теперь я чувствовал дьявольскую усталость от сыгранной роли, от всей этой проклятой жизни.

Понятно, что это лишь временный срыв, нервная разрядка после выполненного задания. Как только прочистят память, я избавлюсь от надоедливых мыслей и раздражающей ностальгии и, отдохнув несколько дней, снова буду рваться в бой.

По крайней мере, была надежда. Почему бы и нет? Так было, так будет.

Однако Джард попросил меня повременить с очисткой памяти, пока он детально не ознакомится с записями. Я уже собрался протестовать, но потом согласился, не желая выглядеть нытиком.

Обычный случай невротической сублимации. По крайней мере, я знал термин. Но каждый раз мои мысли возвращались к ней. Пробовал ли я плоды Дэка, исчезнувшие в юрском периоде, я думал: Лайзе бы они понравились, вспоминал лицо, как бы оно преобразилось, если бы я притащил парочку домой, упаковав в коричневый бумажный пакет, как отпускают покупки в магазине компании МГА на углу. Я представил, как она очищает с них кожуру и делает фруктовый салат с тертым кокосом и бланшированным миндалем...

В тот день на пляже состоялась вечеринка. Все собирались у самого моря на бескрайнем белом песке, длинной дугой обнимавшем мелководную лагуну, где-то то и дело слышались всплески, громкие и грузные, по крайней мере, для рыб. В конце лужайки, на песчаном валу, который усердно стремился превратиться в отмель, росли бутылевидные пальмы. Они напоминали бочки из-под пива с цветами по бокам, и ветвями, торчащими сверху. Было очень одиноко. Вокруг сгрудились несколько недоделанных сосен, дальше виднелась рощица папоротников и побеги булавовидного мха, изображавшего деревья. Насекомые не надоедали. Несколько неуклюжих, стремительно проносящихся в воздухе рептилий, напоминавших мышей, держали их под контролем.

Я сидел на песке и наблюдал за своими соотечественниками: сильные, здоровые, красивые мужчины и женщины катались на волнах прибоя под защитой звукового экрана, отпугивающего ихтиозавров. Они смеялись и играли в салочки на морском песке, пока часовые, сидевшие в окопах с двух сторон пляжа, следили за слоняющимися людоедами. Мы развели костер из плавника,

доставленного из годографа станции в нескольких миллионах лет вниз по течению. Горланили песни двенадцати эпох, ели пожаренное мясо малютки стегозавра, пили белое вино, импортированное из Франции восемнадцатого столетия, и почитали себя творцами мироздания. А я думал о Лайзе.

Ночью не спалось. Визит к психологу и очистка памяти намечались на девять утра. Я встал еще до шести. Слегка перекусил, вышел прогуляться, последний раз погрустить о Лайзе и поразмышлять о том, не пожертвовали ли мы чем-то главным за приобретение мудрости. На этот вопрос нет ответа, но он помог занять мысли, пока я отмахал пару миль вдоль берега. Затем я присел отдохнуть и, глядя в море, прикидывал мои действия на случай нападения из зарослей какого-нибудь большого и голодного животного. Так и не надумал, но особенно не переживал.

"Неверно мыслишь, Рейвел, — сказал я сам себе. — Пора возвращаться и прочищать мозги, а не то скоро шагнешь в транспортную кабину, прыгнешь назад в 1936 год и выйдешь в квартале от дома через десять минут после ухода".

Я уже далеко забрался в своих невеселых раздумьях, когда прогрохотали взрывы.

Любопытно, до чего непоследовательно работает мысль в момент стресса. Я мчался по кромке прибоя, вздымая столбы брызг при накатывании волн, и думал: "Не видать мне больше прохладного воздуха, не будет музыки, горячей еды, стимулирующей ванны и сна в воздушной постели..." И не будет Лайзы, никогда больше не будет Лайзы.

Песчаную отмель я срезал напрямик, скользя и падая, вскарабкался вверх по склону и, пробившись сквозь заросли невысоких пальм на гребне дюны, посмотрел вниз на станцию.

Не знаю, что я ожидал увидеть: орудийные выстрелы больше всего напоминали тяжелую артиллерию Старой Эры. В нескольких сотнях ярдов от станции заняла позицию пара громоздких пятидесятитонных машин защитного цвета на гусеничном ходу, явно вооруженныхых. Хотя дымящихся стволов и не было видно, но откотая от угла здания глыба безусловно подтверждала наличие пушек, даже без звуков выстрела и вспышки огня на тупорылом носу ближайшего танка. Другой пострадал: одна гусеница повреждена, из щелей просачивался дым. Земля слегка вздрогнула, и из танка выплеснулся столб пламени. Я кинулся на землю, но успел склоняться удар взрывной волны по ребрам: пинок разъяренного гиганта.

Пришел в себя уже на бегу. Песок летел из-под ног, в голове гудело. Только в одном я был абсолютно уверен: что бы там внизу не происходило, единственная кабина темпоральной пе-

реброски по эту сторону плейстоцена находится внутри станции, и, чем ближе я к ней подберусь, прежде чем меня прикончат, тем счастливее прощусь с жизнью.

Никто не обратил на мой спринтерский рывок никакого внимания. Уцелевшая военная машина (Третья Эра, как довольно непоследовательно проинформировал мозговой придаток в затылочной части черепа) продвигалась вперед, стреляя на ходу. Наверное, Джарду удалось частично возвести защитный экран: при каждом выстреле над станцией вспыхивала радужная мерцающая корона. Но защита против неуклюжих бронтозавров явно не была расчитана на артобстрел. Долго ей не выдержать.

Я выбросил эту мысль из головы и рванулся к станции. Впереди вспыхнул огненный клубок, взрывная волна швырнула меня как обрывок бумаги. Я покатился по земле, умоляя бога отвести случайный выстрел, пока, наконец, мне не удалось подняться на ноги. Десять ярдов длиною в десять миль от приветливого пролома, зияющего в обвитой растениями восточной стене. Сквозь дыру виднелись останки шкафа для хранения документов, внутренности кресел и несколько покореженных и почерневших металлических полос, служивших обшивкой и панелями комнаты отдыха. Боевые машины не приближались. Я несся изо всех сил, увязая по щиколотку в песке, а вокруг все рвалось и бушевало, словно сам ад обрушился на землю.

Под конец я прыгнул, пролетел какое-то расстояние в воздухе и, грациозно завершив прыжок, ударился обо что-то, словно молот о наковальню...

В глазах поплыли звездочки, в ушах загудело. Кое-как выплыв из густого тумана, я увидел над собой защитное ограждение и залитое потом лицо шефа.

— Да очнись же! Быстрее! — вопил Джард. Он вынужден был кричать из-за непрекращающегося грохота обстрела. — Все уже в безопасности. Я ждал тебя, знал, что ты...

Конец фразы потонул в таком реве, по сравнению с которым предыдущие звуковые эффекты казались просто разминкой. Все вокруг рушилось. В воздухе стоял обжигающий горло запах озона, дыма, крови, измельченного в пыль камня, раскаленного железа. Уже поднимаясь на ноги, я заметил, как Джард исчезает в двери, ведущей в операторскую. Я затрусили за ним и плюхнулся в кресло, когда он набрал код на пульте. Вспыхнул красный сигнал тревоги, заверещал и резко оборвался зуммер. Джард повернулся.

— Назад! — заорал он, махая руками. — Уходи отсюда! Я же тебе сказал! Тебе надо... отсюда... координаты...

— Ничего не слышу! — заорал я в ответ и не смог расслышать собственного голоса.

Джард схватил меня за руку и подтолкнул к аварийному люку.

— Я обязан переместить станцию в нуль-фазу, ты понимаешь? Нельзя, чтобы ее захватили...

Джард приподнял крышку и спихнул меня вниз. Все происходило довольно быстро и ожесточенно. Чертовски невежливо обращаться так с больным человеком... Удар головой об пол на мгновение прочистил мозги.

— Беги же! — крикнул мне вслед Джард. — Уходи как можно дальше. Удачи. Рейвел...

Голос смолк, и я, шатаясь, поднялся и побежал. Этого требовал Нел, а он пока еще был моим шефом.

В следующую секунду мир взорвался, и я кувырком полетел в преддверие ада. Тысячи тонн раскаленного песка навалились сверху, похоронив меня на веки веков.

5

— Ну, может быть, не совсем на веки веков, — деловито проговорил тоненький голосок.

— Весьма похоже, — возразил я сам себе и набрал полный рот песка. Попытался вдохнуть через нос и сплюнуть, но песок мгновенно набился в ноздри. Тут, должно быть, сработал некий примитивный инстинкт, поэтому я судорожно задергал руками и ногами, продираясь наверх, сквозь пыль и щебенку, к жаре, к запаху горелого пластика, к воздуху — пыльному, дымному, но все же воздуху. Я откашлялся, прочихался, сплюнул комок пыли и осмотрелся.

Я лежал в служебном проходе, стены которого покоробились и вздулись, словно оплавленные. Пол по щиколотку погрузился в песок, из которого я только что вырвался. Мне пришлось сосредоточиться и подумать.

Я знал, что проход ведет в насосный отсек, откуда через люк можно выбраться на поверхность: устройство предназначалось для внесения минимального возмущения в местную среду. Все, что мне оставалось сделать, так это продолжать двигаться вперед, выбираться через люк... и...

Я решил, что об этом можно позаботиться позднее. Все еще поздравляя себя за проявленное под вражеским огнем хладнокровие, я вдруг понял, что для туннеля, находящегося на глубине двадцати футов, освещение уж больно хорошее. Источник света помещался за спиной. Обернувшись, я обнаружил через сплетение металлических плит и брусьев полоску ослепительного света.

Через дюжину ярдов стало легче идти — меньше песка и обломков.

С дверью в насосный отсек пришлось повозиться, пока не вспомнил, что надо тянуть на себя, а не толкать. Оборудование осталось совершенно целым, хоть сейчас качай чистую, свежую воду с глубины ста двадцати футов. Я пошлепал ближайший насос и потянул крышку люка. Меня все еще подташнивало, перед глазами плыло, в теле чувствовалась слабость, как у юнги в момент первого морского шквала. Когда я нажал кнопку, вверху жалобно взывал мотор. Люк открылся, и вниз просыпался песок и маленькая зеленая ящерица. Я выбрался наружу, глотнул свежего воздуха и осмотрелся.

Перед моим взором раскинулся плавный изгиб береговой полосы, испещренный воронками и исполосованный следами гусениц. Вдоль холма, почти до берега, протянулись джунгли. А на месте станции не осталось ничего, кроме дымящегося кратера.

Я улегся на мягкому теплому песку и собрал все свое мужество. Глаза слезились от сияния тропического юрского солнца, на лбу и груди выступил пот, а в голове вихрем мелькали знакомые образы: станция после первого своего скачка много лет назад, чистые безличные кают-компании, уже через несколько лет напоминающие дом. После трудного задания там всегда тебя ждали, туда возвращались твои коллеги, оттуда уходили выполнять очередное поручение. Вспомнились разговоры за обедом в столовой, чистота, деловитость, даже главный пульт, показывающий ежеминутный статус темпорального сдвига во временной оси. Но главного пульта больше не существовало, как не было и сотен микропленок с записями, и китайского гинго, росшего в кадке комнаты отдыха. Все расплавилось в шлак.

Я вспомнил, как Нел Джард кричал мне, чтобы я убирался... и еще... Что-то сказал мне. Очень важное надо было сообщить кому-то и когда-то. Тщетный труд. Я уже имел счастье поговорить в последний раз с человеческим существом. Положение казалось совершенно безнадежным и могло сравняться с судьбой оперативника Пекс-Центра, потерявшего связь с базой.

Впрочем, им не было так худо.

На этом все мои мысли закончились, голова склонилась на песок и на глаза упала темная пелена.

6

Когда я проснулся, солнце уже садилось. Тело вспомнило забытую боль. И чесалось. Огромных москитов вовсе не затрудняло найти млекопитающее там, где никаким млекопитающим быть не полагалось. Они устроились на мне, похвально рассудив

не брезговать прекрасной пищей. Я отогнал наиболее упорст-
вующих и спустился вниз на разведку. Судя по всему, серьезных
ранений не было, просто множество мелких порезов да кое-ка-
кие синяки и ушибы. На месте станции не осталось даже раз-
валин, только чашеобразная впадина расплавленного стекла
диаметром в сотню ярдов, окруженная обугленной раститель-
ностью. Ничто не уцелело — ни люди, ни оборудование. И хуже
всего — сознание невозможности скачка. В Пекс-Центре так и
не узнают о происшествии, вообще — нигде и никогда.

Третья Эра, или кто-то под нее маскирующийся, уничтожил
станцию с тщательностью, в которую трудно поверить. Непо-
нятно, как им удалось обнаружить ее, учитывая принятые меры
безопасности в отношении дислокации 112 этапных станций,
разбросанных во времени Старой Эры. Что касается базы Пекс-
Центра, местонахождение ее не знал даже сам конструктор. Она
дрейфовала в ахроническом пузыре по энтропийскому потоку,
никогда материально не существуя ни в одном пространствен-
но-временном годографе в течение конечного периода. Биты
контроля доступа станции укрывались двенадцатью рядами
взаимозависимых шифров в главном хранилище Пекского
мозга. Единственный путь к ней пролегал через темпостанцию
— не какую-нибудь, а ту самую, на которую настроено мое
личное поле темпорального скачка, от которого сейчас остался
только кратер с полудюймовым слоем зеленоватого стекла.

Мрачная усмешка тут же последовала за промелькнувшей
мыслью.

Личный привод аварийного скачка, встроенный в тело, был
невредим. В мощной катушке энергии для прыжка хватит. Не-
доставало лишь цели, а без нее я не могу войти в темпополе.
Значит, не буду знать, где закончится прыжок, если он вообще
закончится.

В Пекс-Центре ходила масса ужасных историй о сорвав-
шихся на скачке. Несчастных разбрасывало по дюжинам стан-
ций, расположенных в нескольких столетиях, либо от них ос-
тавались одни бестелесные голоса, умоляющие о помощи. Вот
почему пользоваться аварийным кодом предписывалось лишь
в случае крайней необходимости.

В качестве альтернативы оставалось построить на берегу
жилище с риском соседства динозавров и надеяться на спаса-
тельный отряд, прежде чем умереть от жары, посягательств
рептилий, скуки или старости.

Тут было над чем подумать.

Рядом валялись несколько каменных глыб и обугленные
стволы булавовидного мха. Из дров можно развести костер,
как-нибудь убить ящерицу и поджарить ее на обед...

Малопривлекательный, но пока единственный реальный план. В другом случае — рискованный эксперимент, результат которого по всем канонам — отрицательный. Не стоит портить горячку. Меня сильно поцарапало и помяло, но я жив. Голодной смертью не умру, в насосном отсеке есть вода. А если со станции успели послать сигнал бедствия, в данный момент уже комплектуют спасательную команду, готовую ринуться на помощь по касательной темпополя.

Стемнело. Звезды по-прежнему мерцали в сумерках, и не было никакой катастрофы в биографии Игоря Рейвела, оперативного агента Пекс-Центра. С шумом накатывался и отступал прибой, равнодушный к личным проблемам прямоходящего двуногого существа, которое не имело никакого отношения к окружающей действительности сейчас и в ближайшие шестьдесят пять миллионов лет.

Я побродил по берегу, поглядывая на вечные звезды и любуясь томительным волшебством песков. Затем выкопал ямку и лег спать.

7

Пришел рассвет, а вместе с ним динозавры. Я уже видел их раньше: робкие созданьица, убирающиеся с глаз при первом же прикосновении ультразвукового луча, который Джард приспособил для этих целей. Говорили, до начала моей службы случались инциденты с крупными экземплярами, приходилось отпугивать их от огорода импровизированными трещотками. Слишком глупые твари не представляли серьезной угрозы, но все опасались случайно оказаться у них под ногами или в пасти вместе с охапкой травы.

На этот раз динозавров было трое. Довольно крупные ребята, а под рукой ни одного генератора ультразвука, ни сирены, только мои природные голосовые связки.

Я вспомнил, как однажды Доул, оперативник, решил испугаться и попал в переплет. Уже при выходе из воды между ним и станцией выскоцил из леса ископаемый ящер с внушительными челюстями. Доул отдался обычным в таких случаях делириум тременс: бегемотина прополала мимо, даже не взглянув на него. Он был слишком миниатюрной мишенью, чтобы представлять интерес для такого большого желудка.

Это меня не утешило.

Направлявшееся ко мне трио представляло довольно редкую разновидность, которую мы нарекли Королевским Шутом из-за глуповатой ухмылки и красочного одеяния в виде ярких укра-

шений из свисавших с черепа побрякушек. У ящеров данного вида были огромные страусиные ноги, вытянутая шея и чрезмерное количество зубов.

Изображая валун, я не двигаясь лежал на песке, пока они вперевалку приближались ко мне. Два больших, а один просто гигант восемнадцати футов в плечах, ни на дюйм меньше. По мере того, как они приближались, я начал задыхаться от страшного зловония. Эти огромные машины перерабатывали огромную массу воздуха. Я попробовал подсчитать оптимальный диаметр глотки, исходя из объема легких, потребности в кислороде и процентного содержания последнего в воздухе. Примерно в сотне футов вычисления пришлось прекратить. Сосредоточиться мешало урчанье их желудков.

Верзила первым почуял меня. Голова его вздернулась, тусклый, словно ведро с кровью, глаз повернулся в моем направлении. Он фыркнул. Затем вздохнул – не меньше галлона. Пасть открылась, дав мне возможность полюбоваться рядом белоснежных, готовых вонзиться в плоть, зубов. Он загудел, как паровоз, и устремился ко мне. Настало время решать, и я не колебался.

Вдохнув напоследок влажного морского воздуха, я окинул взглядом яркое море, песок, пустое безразличное небо и оживленный силуэт чудовища на его фоне. Затем набрал аварийный код встроенным в челюсть тумблером.

Пейзаж скользнул в сторону и растворился в неощутимом ударе беззвучного кнута. В это время я уже описывал петлю за петлей в свернувшейся в лист Мебиуса вселенной...

Сплошная темень и рев, как спуск в бочке по Ниагарскому водопаду.

8

Несколько секунд я лежал совершенно неподвижно, мысленно ощупывая свое тело. Руки, ноги целы. Шум не утихал, а вокруг по-прежнему было темно. Неопределенная ситуация – вроде бы уже покинул Берег, но никуда еще не прибыл.

Согласно инструкции, при любой неисправности в темпополе следовало сохранять неподвижность и ожидать корректировочного импульса. В данном случае это могло занять довольно много времени. Пока еще никто не докладывал о таких срывах, поэтому инструкция могла ошибаться. Я вздохнул, ничего не произошло. И тогда окончательно решился...

Я встал, шагнул в тишину, в странный черноватый свет, простреливаемый маленькими ослепительными точками, какие

видишь перед собой при потере сознания, и будто раздвинул занавес.

Ослепительные блестки рассеялись, и я очутился в стандартной кабине темпорального перехода этапной Пекс-станции. Дышалось свободно.

Я постоял немного в недоумении, затем повернулся к завесе, сквозь которую прошел. Это была обыкновенная бетонная стена около двух метров толщиной.

Возможно, это гудели молекулы плотного вещества, проникающие через сто восемьдесят фунтов загрязненной воды?

Я отложил изучение на неопределенное время. Предстояло отыскать шефа станции и доложить о внезапной атаке и разрушении темпостанции девяносто девять.

За десять минут я осмотрел каждую комнату в оперативном отсеке. Жилые помещения пустовали. Равно как и отсеки с оборудованием и силовой установкой.

Датчик темпорального стока вырисовывал обычную картину, пластины излучателя светились под нагрузкой, по всему пульту горели зеленые лампочки, но индикатор блока стоял на нуле: на станцию не поступал даже микроэрг.

Это было невозможно.

Каждая этапная станция с одной стороны осуществляла на-водку персонала, с другой — замыкалась на Пекс-Центр. По цепи всегда поступала энергия. Пока существовала система, такое состояние в нормальном пространстве-времени было невозможным.

Отсюда с убийственной закономерностью следовал только один вывод.

Либо системы Чистки Времени больше не существует, либо я нахожусь за ее пределами. И поскольку сфера влияния распространялась на весь пространственно-временной континуум, трудно представить, что оставалось на мою долю.

Все станции походили одна на другую и внешним видом, и оборудованием, и электронными характеристиками. Массовое производство осуществлялось время-дробильным процессом распределения их вниз по темпоральному рельефу. Часть теоретиков считали станции временными дубликатами одной физической матрицы. Но одно дело гипотеза, а другое — факт, который можно пощупать. Поэтому первым делом необходимо выяснить, где я нахожусь.

Я прошел вдоль прохода к шлюзовой камере (некоторые станции размещались в местах, где были довольно суровые внешние условия), подождал, когда откроется входной люк, и шагнул наружу.

Чуть было не шагнул.

Где-то в десяти футах от входного крыла поверхность обрывалась. Дальше клубился жемчужно-серый туман, завихряющийся у невидимой, удерживающей от рассеяния преграды. Я прошел по выступу, лег плашмя и заглянул через край. Дно станции, изгибаясь, уходило в глубину и терялось в туманной мгле. Видневшаяся часть блестела, как зеленое зеркало. Как стекловидная поверхность кратера, что остался на Береге Динозавров.

Я отполз от края пропасти, вернулся на станцию, прошел в хранилище и вытянул наугад кассету. На экране вспыхнула считываемая информация: рутинные данные о затратах энергии, о флюктуациях темпорального рельефа, записи прибытия и отправления оперативных агентов — обычные станционные формуляры, и на каждом из них повторялся номер станции.

Темпостанция девяносто девять. Именно то, чего я боялся. Изгибавшееся дно островка, на который меня выбросило, совпало бы со стекловидным чащебразным углублением на Береге Динозавров так же, как отливка совпадает с литейной формой. Станцию разрушил не вражеский обстрел, ее выдернули из почвы, как огромное фисташковое дерево, и поместили сюда.

Я вернулся в отчий дом, на свою же станцию. Так вот что пытался сказать мне Нел Джард! Он подождал моего удаления на безопасное расстояние и нажал кнопку. Сработала программа аварийного спасения, о которой ничего не знал и не мог знать рядовой оперативник.

Джард поступил правильно. Враг подступал к самым воротам. Через несколько минут экраны защиты рухнули бы от перегрузки. Все секреты Пекс-Центра о передвижениях во времени попали бы во вражеские руки. Джард обязан был предпринять что-то для спасения станции, обязан был любой ценой избежать разрушения. И он последовал инструкции.

Тот факт, что выполнение программы подразумевало технологию, намного превосходящую по сложности мои представления о возможностях Пекс-Центра — дело десятое, и я решил погоревать о своих заблуждениях позднее, а сейчас покончить с более важными проблемами.

В самую последнюю минуту Джард кричал о чем-то важном, что я должен кому-то и куда-то сообщить. Я не рассыпал ни слова, находясь в возбуждении. Он поторопил меня, сосчитал до десяти и нажал кнопку. Станция исчезла, оставив меня в безопасности.

А затем я свел на нет все его усилия, воспользовавшись встроенным блоком, и прыгнул туда, где мне быть вовсе не полагалось.

“...переместить станцию в нуль-фазу...” — пришел на ум обрывок фразы. Теоретическое понятие, встречаемое в технической литературе. На этот раз теория не подвела.

Это место находилось просто вне времени и пространства. Точка нулевой амплитуды по кривой поля Айлема, которое мы называем пространственно-временным континуумом.

Я походил по комнате, вслушиваясь в эхо шагов и гудение аппаратуры. Все, что я видел, слышал, обонял и осязал, казалось совершенно нормальным, за исключением клубящегося снаружи тумана.

Если это станция с Берега Динозавров, то где же пролом в стене комнаты отдыха, через которую я прошел несколько локальных часов назад? Где обломки и дым, трупы и следы нападения?

Станция сияла, как яйцо. Я вытащил архивный ящик. Папки в порядке, никаких признаков поспешной эвакуации, вражеской атаки или паники, которая случается в последнюю минуту.

Синдром “Марии Целесты” на борту станции. Я заглянул в столовую. На одном из столиков лежала пара подносов с остатками пищи, довольно свежими: единственное нарушение всеобщего и небезразличного порядка. Нажав раздаточную кнопку, я получил обед. В прорезь выскочил поднос с горячей едой: синтето. Я вспомнил о запеченной ветчине и кукурузных початках, о Лайзе, ожидающей меня в маленьком домике...

Черт возьми, уж об этом уговора не было. Человек сделал свою работу, бросил все, следуя зову дома, в полной уверенности, что муки памяти сгладятся под шлемом мыслефона. Контракт ни одним словом не оговаривал о пустой станции, опилках и золе на обед, о муках и тоске по голосу, улыбке, прикосновению...

Черт бы ее побрал, обыкновенную женщину, эфемерное создание, рожденное на заре времен и прожившее короткую, как огонек у костра, жизнь, умершее и обратившееся в прах тысячелетия назад...

О, Лайза, Лайза!

— Довольно! — прикрикнул я на себя и вздрогнул от звука своего голоса, продолжая мысленно: “Всему есть простое объяснение. Не совсем простое, но все же объяснение”.

— Спокойно, — произнес я вслух, игнорируя эхо. — Транспортировка сместила станцию к раннестоящей точке на темпоральной оси. Та же станция, другое время. Или вообще никакого времени. Математика подскажет, можно не сомневаться.

Какое это имеет значение, понимаю я что-то или нет. Станция существует несмотря ни на что, и я — вместе с ней. Вопрос только в одном: что делать дальше?

Густой и неподвижный воздух обволакивал, как погребаль-

ный фимиам. Казалось, все вокруг замерло в ожидании перемен. Но без моего желания их не будет.

— Ладно, Рейвел, — успокоил я себя. — Не дурачь себя. Ты знаешь, что делать. Единственное и...

Я встал и прошел через операторскую по служебному переходу к транспортной кабине.

Никаких отличий. Чуть теплились пластины излучателей, по табло бегали контрольные цифры. Все так, как и должно было быть, только не светился ласковый зеленый огонек индикатора энергообеспечения, подтверждающий замыкание схемы внешней цепи на Пекс-Центр.

Стоило только войти и переместиться во времени... Но куда? Вихрем пронеслись сомнения, но я отбросил их и заглянул внутрь. Дверь закрылась, и я остался наедине со своими мыслями. Не давая им ходу, протянул руку к кнопке и нажал.

Беззвучный взрыв стремительно бросил меня в бездонную пропасть.

9

Головокружение медленно отступало. Мало-помалу возвращалось чувство реальности — жара, жесткий настил под боком, глухое музыкальное шуршание, скрип, покачивание, слабое мерцание света сквозь веки. Я открыл глаза. По воде скользили солнечные блики. Я лежал на деревянной палубе, выгнувшись в неудобной позе.

Я попробовал пошевелиться и застонал от резкой боли, но кое-как сел.

Плоскость горизонта дрожала в душных испарениях и опускалась, заслоняя море вздымавшимся фальшбортом из потертой, обожженной солнцем древесины. Надо мной на фоне сочного синего неба раскачивались мачты рангоута и такелаж парусного корабля. В памяти всплыли гипноданные о парусниках: я распознал типичную окраску португальского галиаса шестнадцатого столетия.

Подделка, решил я почему-то. Имитация, возможно, из Нового Возрождения, около 2220 года нашей эры. Искусно выполненная копия точно соответствовала образцу, хотя под деревянным настилом под дуб наверняка скрывался стальной каркас и небольшой реактор, а в роскошных каютах созданы все условия для оператора и дюжины веселящихся экскурсантов.

Постепенно сознание начало воспринимать звуки: скрип канатов и шпангоутов, обрывки разговора и сильный грохот. Что-то грузно ударило о палубу. Корабль вздрогнул. Столб жалящих соленых брызг перевалился через леерное ограждение

и окатил меня ледяной пылью так, что сперло дыхание. Я отер лицо и в полу值得一 разглядел другой корабль, тяжелый двухпалубник с тремя мачтами под развевающимся длинным зеленым шкентилем с грязно-белым мальтийским флагом. Вдоль борта из облачков дыма полыхнули невидимые орудия. В море поднялся фантастический веер приближающихся водяных столбов.

— Баррум-ум! — докатился отдаленный гром.

Мысли скакнули, круто изменив направление. Картинка с веселыми туристами, путешествующими по Карибскому морю на мнимом пиратском корабле, испарилась, как брызги от пущечных ядер. Стреляли самые настоящие орудия подлинными снарядами, которые запросто могли продырявить палубу и меня на ней.

Я вскочил на ноги и посмотрел на корму. Вокруг маленькой палубной пушки сгрудилась кучка людей, подготавливая ее к стрельбе. Все они были одеты в костюмы шестнадцатого столетия, поношенные, испачканные и пропотевшие. У одного из пореза на щеке текла кровь. Рана выглядела слишком натуально для игры.

Я укрылся за большую клеть, прикантованную к палубе, где держали живую черепаху с щербатым и поблекшим панцирем около ярда в поперечнике.

Раздались крики, и что-то трепеща слетело вниз и шлепнулось неподалеку от доски. Я разглядел изорванное в клочья знамя из грубого холста с аляповато раскрашенной и выцветшей на солнце эмблемой в виде длинноногого зеленого цыпленка с рогами на грязно-желтом фоне. Геральдика не входила в число моих увлечений, но в пояснениях не было нужды — я находился в самом разгаре морской битвы, причем на стороне терпевших полное поражение. Галеон заметно увеличился в размерах, приближаясь правым галсом. Выплыли облачка дыма, раздался свист, треск, словно на раскаленную сковородку вылили масло, и на меня дождем посыпались щепки. Около пушки нескладно рухнул моряк в зуйд-вестке, извергнув целый фонтан крови, задергался, как подсеченный карп. Вновь послышались вопли и грозный топот. Кто-то пробежал мимо клети, крича на ходу и, возможно, обращаясь ко мне. Я не шевелился, ожидая вдохновения, хотя бы маленькой подсказки.

Озарение явилось в виде приземистого смуглого человека с босыми загорелыми ногами в обтрепанных розоватых крагах и мешковатых желтовато-черных бриджах, подпоясанных кожаным ремнем шириной в ладонь, на котором висела абордажная сабля, будто выкованная из обода старой бочки. Он подбежал ко мне и завопил, размахивая короткой толстой рукой. Я поднялся на ноги. Он опять махнул рукой и побежал в сторону бака.

Мое появление почему-то не удивило его. Я почти разбрался, в общих чертах, в смысле его монолога. Он крыл на чем свет стоит болвана Гонзalo, который вел себя, как последняя сволочь, и кончил тем, что пообещал выпустить ему кишки. И еще потребовал помочь ему зарядить 50-миллиметровую гаубицу.

Чертов дурень, пронеслось в голове. Надо бросить пушки за борт, чтобы облегчить корабль. Ваш единственный шанс – удрать от них, но и это бегство уже невозможно...

Длинный конец каната, с визгом рассекая воздух, ударили меня по лицу и отшвырнули в сторону. В следующую секунду сверху на палубу грохнулся кусок рангоута толщиной с полено, подскочил и вылетел за борт. Корабль накренился и лег на воду. По палубе покатились бочки. Паруса затрепыхались и обвисли. Над палубой пронесся порыв холодного ветра. Прогремели новые выстрелы, раздался треск, вопли и топот бегущих ног. Обнаружив укромное местечко под шпангоутом, я больше не думал и, не отводя взгляда от натянувшейся грат-мачты, плюхнулся прямо в скопление отбросов. Парус хлопнул, как пистолетный выстрел, и мачта рухнула в наветренную сторону, увлекая на дувшееся полотно. Холст не выдержал, треснул и покрыл всю корму. В следующее мгновение его стянуло за борт течением, и вместе с ним в море сползло несколько несчастных матросов. Словно комья земли после динамитного выстрела, сверху посыпались куски дерева. Мелькнула неясная тень. Рангоуты скользнули вверх, а последовавший толчок швырнул меня лицом вниз. Раздался взрыв, другой, третий. Во все стороны полетели доски, обрывки...

Я заскользил и покатился по палубе, ухватился за канат и замер, прижавшись к надстройке. Галеон неотвратимо надвигался. Нападающие облепили снасти, выстроились вдоль борта, возвышающегося на десять футов над нашей палубой. Они размахивали саблями и кричали. Я смотрел в черные дула проплывающих пушек, в темные квадратные окошки, откуда ухмылялись покерневшие от дыма лица. Полетели абордажные крючья, скользнули и вцепились в затрещавшее палубное покрытие. В следующее мгновение с борта галеона посыпались люди, перемахивая через леерные ограждения и заполняя палубу. Смуглый человек бросился им навстречу. Над его головой мелькнула сабля, удар показался игрушечным, но смельчак рухнул и обагрил кровью палубу. Оглашая воздух яростными криками, мимо него промчалась толпа нападающих. Я вжался в палубу и огляделся. Размахивая мачете, в мою сторону рванулся высокий здоровяк, грудь колесом. Я откатился и едва успел выхватить маузер. Дважды выстрелив в лоснящуюся

грудь, я отскочил, в сторону а он свалился на то место, где я лежал секундой раньше. В суматохе никто не услышал выстрелов.

Невысокий босой паренек с кривыми ногами попытался взобраться на гrott-мачту, за ним прыгнули и стащили вниз. Кто-то полетел за поручни, не знаю, живой или мертвый. Озверевшая толпа продолжала крушить палубу. Все они громко кричали, не рубили, а лишь бесцельно размахивали абордажными саблями, забыв о валявшихся тут и там, как разбитые куклы, несчастных, которые уже насладились сражением, за jakihami раны руками и молились напоследок Святой Деве.

И тут я увидел карга.

10

Сомнений не было. Для неопытного глаза карг первого класса — а только таких и использовали в работе по Очистке Времени — ничем не отличался от обычного человека. Но у меня имелся опыт. Кроме того, я знал его лично.

Это был тот самый карг, которого я обезвредил и оставил в номере гостиницы в Буффало с куском свинца под левой скулой.

В настоящий момент времени — до встречи в Буффало — он стоял целый и невредимый, без дыры в голове. Такой же опрятный и спокойный, он уверенно опустился на палубу, не обращая на окружающие пустые забавы никакого внимания. Судя по золоченым галунам на общлагах и потускневшему медному эфесу сабли, он представлялся важной особой. Капитаном или старшим помощником. Подчиняясь приказу, пираты утихомирились и выстроились в потрепанные ряды.

Сейчас последует детальное распоряжение о грабеже корабля и убийстве оставшихся в живых.

Судя по тому, что мне было известно об условиях содержания пленников на испанских парусниках, быстрая смерть казалась намного предпочтительнее долгого путешествия, в конце которого ждали каторжные работы на галерах. Я уже начал обдумывать, где бы притаяться и подождать удобного случая, когда дверь сбоку открылась. Точнее, ее пытались открыть. Я загораживал проход, так что створка продвинулась дюйма на два и уперлась в бок. Кто-то яростно толкнул ее изнутри и попытался протиснуться наружу. Я увидел ботинок, руку в голубом рукаве с золотыми пуговицами. Внезапно незнакомец выстрелил. Пожале, зацепил пистолетом за что-то. При первом же звуке карг обернулся, пристально посмотрел на дверь надстройки и долго-долго, наверное, не меньше минуты, не отрывал взгляда, затем извлек красный, усыпанный жемчугом пистолет с расширенным дулом, торопливо поднял и прицелился...

Грохнуло так, словно взорвалась бомба, из ствола вылетели пламя и дым. Свинец сочным хлопком ударили в цель, вроде как мяч по перчатке вратаря. Парень в двери рванулся, проскочил в щель и тяжело рухнул ничком. Потом дернулся пару раз, точно его тыкали палкой, и затих.

Карг повернулся к матросам и отрывисто прокричал команду. Те возмущенно зароптали, с разочарованным видом оглядели палубу, но затем повернулись к борту.

Вместо осмотра и грабежа — приказ убираться. Все выглядело так, словно карг добился своего. Через пять минут последние из абордажной команды вернулись на галеон. Карг спокойно и неподвижно стоял на корме, как может стоять только машина. Потом осмотрелся и направился ко мне. Я совсем притих и решил изображать труп.

Он перешагнул через меня и настоящий труп и вошел в рубку. Оттуда донеслись неясные звуки, как будто рылись в ящиках и заглядывали под циновки. Потом он вышел. Я слышал, как удаляются шаги, и приоткрыл глаза.

Он стоял у леерного ограждения и спокойно обрывал защитную пленку из фольги с термитной бомбы. Когда раздался предупреждающий свист, карг обронил заряд сквозь открытый люк у своих ног так беспечно, словно опустил сливку в мартини.

Пройдя с тем же хладнокровием через палубу к борту, он ухватился за канат и с похвальным проворством забрался на галеон. Затем кто-то прокричал команду. Корабль тотчас ожила: паруса задрожали и поползли вверх, часть людей бросилась натягивать выборочные тросы. Рангоуты галеона дрогнули и с сильным шумом и треском оторвались от оснастки обреченного корабля. Высокий борт испанского двухпалубника удалялся, натянутые паруса наполнились гулким хлопаньем. Совершенно неожиданно я остался один и, продолжая лежать, наблюдал за тем, как уменьшается уходящий по ветру с поднятыми парусами вражеский корабль.

В этот момент в трюме послышалось зловещее шипение. Я понял, что взорвалась термитная бомба. Из люка повалил дым, сопровождаемый языками пламени. Я подскочил и, шатаясь, прижался к стенке надстройки, не в силах оторвать взгляда от адского пламени, бьющегося подо мной. Какой бы стальной каркас не был у этой калоши, он ее не спасет: в 5000-градусной жаре сгорит не только сухой хворост.

Несколько драгоценных секунд я пытался разобраться в происходящем, извлечь хоть какой-то смысл. Огонь шипел и трещал, вздымая палубу. Тень от обломка гrott-мачты отбрасывала плавную дугу, словно грозила пальцем застреленному каргом человеку.

Тот лежал на животе, уткнувшись в ворох влажных кружев, пропитавшихся кровью из багряной лужи под горлом. Одна рука подогнулась, другая откинулась в сторону. В ярде от пустой руки валялся пистолет.

Через три шага я нагнулся и подобрал оружие. Это был 7-миллиметровый микрореактивный пистолет производства Пекс-Центра, рукоятка как влитая легла на мою ладонь.

Иначе и быть не могло. Пистолет был мой. Я посмотрел на руку из которой он выпал. Похожа на мою. Пересиливая себя, я перевернул труп и взглянул на лицо. Это было мое лицо.

11

Последовавшая за выполнением задания стандартная психообработка начисто заблокировала в моей памяти всю последовательность событий, но теперь барьер рухнул. Я все вспомнил. Время: где-то десятью годами раньше — относительное, или 1578 год — местное. Театр действий: Карибское море, около шестидесяти миль на юго-запад от острова Св. Томаса. Цель: поиск корабля под командованием карга, который орудовал в водах Новой Испании. Я вспомнил вхождение в контакт, погоню и абордаж, вспомнил, как ожидал в кабине подходящего момента для единственного хорошо проверенного выстрела с целью уничтожить источник вмешательства. Это было одно из первых моих поручений, отчет о благополучном завершении которого давным-давно ушел в хранилище и стал частью истории Чистки Времени.

Теперь же все переменилось. Дело пересмотрено в связи с появлением нового свидетельства. Я оказался продублированным в собственном прошлом.

Тот факт, что двойник является нарушением любого закона управления путешествиями во времени, представляет лишь крохотный аспект проблемы и становится теперь вовсе ничтожным под грудой неувязок. Чистка прошлого, столь мучительно претворяемая в жизнь Пекс-Центром с целью исключения разрушительных последствий вмешательства Старой Эры, терпела крах.

И если выпадет кусочек тщательно выкладываемой мозаики, то весь комплекс возводимых на ней сооружений может на пологе соскользнуть вниз в темпоральном катаклизме и сжаться в ледяной ком, который ни Пекс-Центр, ни кто-либо не в силах растопить.

Имея надлежащий рычаг, можно перевернуть мир. Но для рычага необходима точка опоры. Такой опорой на протяжении последних шести десятилетий служила деятельность Пекс-

Центра, направленная на сооружение в доисторических временах некой платформы, на которой держались бы все дальнейшие постройки.

Теперь, по моей вине, фундамент дал трещину. Я вспомнил первоначальный ход событий: как я дождался удобного момента, рывком открыл дверь, прицелился и, прежде чем андроид уловил системой управления введенный фактор, трижды выстрелил ему в грудную полость. Он упал, захватчики в ярости бросились на меня, но тут же натолкнулись на защитное поле. Пиратов охватила паника. В ужасе перед невидимой преградой они отступили на галеон, отчалили и с расправлennыми по ветру парусами ушли в сумерки истории. Тем временем я направил галиас — специально оборудованное, замаскированное под корабль базовое средство транспортировки — к точке подбора грузов в годографе К-673, откуда его вернули на консервацию и отстой в хранилище Пекс-станции технического обслуживания.

Теперь события развернулись иначе.

Я заблокировал дверь и помешал другому “я” завершить поручение, тем самым разрушив целый сегмент перестроенной темпокарты и обратив планомерную стратегию Пекс-Центра в хаос. Карг удалился восвояси цел и невредим, а я остался лежать на корабле — мертвей некуда — со свинцовой пулей в горле.

И в то же время стоял на палубе, глядя на свой труп и мало-помалу осознавая всю безвыходность своего положения. Я попал в ловушку.

Агент Пекс-Центра — человек, которого трудно ликвидировать, поскольку он защищен всеми достижениями весьма развитой науки и техники.

Но если его удается завлечь в замкнутую петлю неосуществленной альтернативной реальности — псевдореальности, из которой нет и не может быть выхода в несуществующее будущее, тогда с ним покончено навсегда.

Даже если бы я чудом уцелел — весьма сомнительное предположение, учитывая охвативший весь корабль пожар — возврата не будет. Я использовал личный импульс аварийного скачка. Ни один прибор не зарегистрировал место моего пребывания. Когда я прыгнул со станции-призрака, пришлося рискнуть и войти в темпополе без места назначения. И вот теперь, в то единственное уязвимое мгновение, когда при выполнении долга другое “я” сняло защитное поле, чтобы разделаться с каргом, его убили. Данные о погибшем оперативнике сотрутся с пульта слежения, и еще одного неудачника, проявившего гибельную беспечность, просто вычеркнут из списков.

Предадут забвению и двойника, сунувшего нос не в свое дело.

Мысли заметались в поисках выхода. Найденному решению недоставало привлекательности, но в качестве альтернативы мне предстояло сгореть заживо или утонуть в теплых водах Карибского моря.

Впрочем... Настроенный на меня блок аварийного темпоскачка, скрытый в челюсти, не сфокусирован на приемный конец. Он бесполезен, поскольку я не подзарядил его на базе. Но в трупе, лежавшем у моих ног, находился его дубликат. Схема прибора — от антенны до энергоблока — состояла главным образом из нервной системы владельца.

Необратимые изменения в мозгу наступают через пять минут, но темпопривод мертвеца по идеи должен еще работать. Открытым оставался вопрос — учитывая радиальную перегруппировку причинной последовательности — куда сфокусирован импульс. В какой-то мере это зависело от мыслей погибшего в момент смерти.

Палуба раскалилась так, что прожигала подошвы. Корабль окутывался дымом. Пламя ревело, как водопад во время весеннего разлива.

Я примостился рядом с мертвым двойником. Челюсти трупа были раздвинуты. Я сунул палец внутрь и набрал на устройстве, скрытом в коренном зубе, код темпорального перехода. А спину уже лизали языки пламени из раскрытоого люка...

Я почувствовал, как огромный великан посадил меня на одну ладонь и хлопнул другой.

12

Было темно. Я летел вниз. Падение заняло секунду. Не успев ничего сообразить, я плюхнулся в теплую, вонючую, как гороховый суп, густую грязь. Погрузился и тут же выплыл, отдуваясь и задыхаясь от тошноты. Барахтаясь в мутном иле, я попытался плыть и с трудом держался на поверхности. Затем лег на спину, перебирая руками, и попытался отдохнуться. Глаза залепило чем-то клейким.

Вонь стояла такая, что ее можно было разрезать на куски и продавать вместо линолеума. Я отплевывался, кашлял, шлепал по жиже, пока рука не коснулась плавно изгибающегося дна. Я споткнулся о него коленями и пополз на четвереньках, отфыркиваясь и безуспешно пытаясь соскрести с глаз вонючую грязь. Попробовал выплыти наверх, но подскользнулся, съехал назад и снова почти с головой ушел в воду.

В следующий раз я повел себя осмотрительнее: подался вперед, опираясь большей частью веса на густую жижу, и вы-

брался на сухое место. Подобного берега я никогда раньше не встречал: твердая гладкая поверхность изгибалась вверх. Я ощупью полз вбок, соскальзывал, разбрзыгивая нечистоты, задыхался в мерзких испарениях. Под рукой расползлось рыхлое гнилье. Я вновь попробовал выкарабкаться наверх, но, поднявшись на ярд, соскользнул на дно.

Тело устало. Организм требовал передышки, а уцепиться было не за что. Стоило замереть, как меня затягивало в глубину. Я представил себе медленное погружение в липкую жижу, удушье, полные легкие этой дряни, гибель и постепенное разложение...

Меня охватила паника. В отчаянии я крикнул.

И на крик отозвались:

— Эй, там, внизу! Прекратите дергаться! Сейчас я брошу веревку!

Голос был женский, если не сказать женственный, и доносился откуда-то сверху. Он прозвучал слаще ангельского хора. Я попытался ответить бодрым и небрежным возгласом, но с трудом прохрипел что-то невнятное. Сверху провели ярким лучом по пузырящейся черной поверхности, пока не попали прямо в лицо.

— Лежите тихо! — Приказал голос.

Свет ушел в сторону, посветил вокруг и вернулся. Что-то со свистом рассекло воздух и плюхнулось в слякоть недалеко от меня. Я побарабатался и нашупал полудюймовый, покрытый слизью канат.

— Там на конце петля. Суньте ногу, и я вас вытащу.

Веревка скользнула по рукам. Повозившись в грязи, я нашупал узел, еще раз окунулся с головой, пытаясь зацепиться ногой, и наконец обеими руками ухватился за петлю. Веревка натянулась, вытащив меня из трясины. Я вцепился и поехал вверх по склону. Поверхность продолжала изгибаться. Продвижение замедлилось. Ярд. Еще один. Полярда. Фут. Угол наклона уже превысил тридцать градусов. Я крепко прижался к скату. Еще одно усилие, и я услышал звук трения веревки о край. Мои руки наткнулись на кромку. Я ухватился за гребень, закинул колено, перевалился через край, пополз по мокрому песку, но тут же упал и лишился чувств.

13

Солнце было в глаза. Забыл задернуть шторы. Матрац комками. Все болит, болит...

Я разлепил ресницы и увидел белый песок, гребнями спускающийся к берегу латунного моря. Свинцовое небо и серые

волны, что с глухим плеском накатывались на песчаный пляж. Ни птиц, ни парусов, ни ребятишек с ведерками, ни красавиц в купальных костюмах. Только я и вечное море.

Увы, знакомый пейзаж. Я вернулся на Берег Динозавров. Солнце только вставало и чуть осветило мое израненное тело.

Когда я сел и оперся на руки, что-то с треском упало. Жижа на брюках засохла и приклеилась к ногам. Серая пленка покрывала туфли. Я согнул колено и вскрикнул от боли. Одежда затрещала, от нее кусками стала отваливаться засохшая грязь. Я весь был покрыт тонкой корочкой, словно креветка тестом. Лицо тоже в грязи. Я стал методично соскребать оболочку, как обычно очищают яйцо от скорлупы, и попутно очистил щеки. Грязь залепила и глаза. Попытка освободиться от нее привела к плачевным результатам.

— Я вижу, вы проснулись, — послышался сзади бодрый голос.

Я выцарапал грязь из уха и услышал шорох шагов по песку.

— Перестаньте лезть руками в глаза, — сказала она резко.

— Лучше спуститесь к воде и обмойтесь.

Я поморщился, оперся на колени и руки и встал. Женщина твердой рукой взяла меня за правый локоть — несколько робко, как мне показалось — и направила вперед. Я, спотыкаясь, зашагал по рыхлой земле. Солнце жгло сквозь ресницы, шорох прибоя усиливался. Через некоторое время я почувствовал у ног теплую воду. Женщина отпустила меня, и я сделал несколько шагов и с головой погрузился в воду.

Ссохшаяся грязь вновь обратилась в слизь, испускавшую удушливое зловоние. Я окунул голову и более-менее промыл волосы, потом оттер лицо и вновь обрел способность видеть.

Сняв намокшую и потяжелевшую от грязи рубашку, я поводил ею взад-вперед и оставил в бледно-зеленой воде темное облако. Из всевозможных порезов на руках сочилась кровь. Костяшки пальцев были сбиты, соленая морская вода обожгла, как кислота. Я заметил, что со спины рубашка прогорела до дыр. Внезапно небо почернело и наполнилось сияющими крутящимися точками...

Кто-то с плеском подбежал ко мне, схватил и вытащил из воды. Похоже, я тонул, даже не сознавая этого. Я закашлял и обмяк, пока меня тянули сквозь прибой к берегу. Ноги почти не слушались. На песке колени подогнулись, и я опустился на четвереньки. Потом с минуту тряс головой, чтобы отогнать высокий, шедший из-под черепа, звук.

— Я не поняла... вы ранены? У вас вся спина в ожогах... Что с вами случилось? — голос доносился откуда-то издали, то нарастая, то вновь удаляясь.

— Прогулялся по горящей палубе, — сказал я беспечно, но слова прозвучали невнятным бормотаньем. Я видел перед собой только пару стройных женских ног в изящно сидящих кожаных сапожках, крутой изгиб бедер под серым пояском, портупею и белую, некогда свежую куртку. Я вновь поморщился, просто, чтобы она знала, как мне больно. И, опираясь на руку, поднялся.

— ...оставила вас снаружи на всю ночь... первую помощь... вы можете идти?.. Недалеко отсюда...

Из голоса исчезли командные нотки, и он показался мне знакомым. Я обернулся, прищурился от солнца и посмотрел на ее нахмуренное в глубоком участии лицо. Сердце мое забилось.

Это была Лайза.

14

Я пробормотал что-то и привлек ее к себе, но она оттолкнула и окинула меня суровым взглядом ночной няни, которая выполняет свои обязанности независимо от того, нравится ли ей ее работа.

— Лайза!.. Как ты сюда попала? — выдавил я.

— Я не Лайза и попала сюда тем же способом, каким очутились здесь вы.

С настороженным видом она продолжала вести меня к небольшой палатке, разбитой выше по склону в тени булавовидного мха.

— Надеюсь, вы оперативный работник? — Ее взгляд прошелся по тому, что осталось от моей одежды. Она цокнула языком и добавила почти обвиняюще: — Ну и вид у вас. Как после бомбейки.

— Да нет, это не бомбейка, — сказал я. — Морское сражение, абордаж. Но что ты здесь делаешь, Лайза?

— Меня зовут Меллия Гейл, — оборвала она. — Перестаньте навязывать мне свой бред. У меня и без того хватает забот.

— Лайза, что с тобой? Неужели ты не узнаешь меня?

— Я вижу вас в первый раз в жизни, мистер. — Мотнув головой, она впихнула меня в лаз палатки, в прохладу и полу-мрак, и приказала: — Раздевайтесь.

Я хотел было воспользоваться мужской прерогативой на самостоятельность, но почему-то не смог справиться с одеждой. Бессильно прислонившись к кровати, я подождал, пока с меня стащат туфли, брюки и носки. Мокрые трусы кое-как снял сам. Я дрожал и горел, словно маленький мальчик, которого мама укладывала в постель. Чувствуя над собой прохладную свежесть, я перекатился на живот, прочь от пылающей огнем спины, и боль растворилась в мягкой окутывающей темноте.

— Простите, что я оставила вас вчера вечером без внимания, — сказала Лайза или Меллия Гейл. — Но я не думала, что вы ранены... и...

— И, кроме того, я слишком тяжел. Вы бы не справились одна, а еще этот запах, — вставил я. — Ладно, оставим.

Все-таки приятно проснуться в постели в палатке с кондиционированным воздухом, когда тебя аккуратно перебинтовали и под завязку накачали лекарствами. Лежать, не чувствуя никакой боли, сознавать, что все хорошо, и просто наслаждаться теплом и приятным ощущением в конечностях.

Но Лайза настаивает на том, что не знает меня. Я наблюдал за ее лицом, пока она делала всевозможные перевязки, процедуры, кормила с ложки бульоном. Не оставалось и тени сомнений: это была Лайза.

Лайза — точнее, Меллия Гейл — выглядела бодрой, молодой, здоровой. Заостренные черты лица казались более зрелыми. Она явно была на несколько лет старше моей жены, которую я оставил всего лишь несколько локальных дней назад. Лайза, никогда не знавшая меня... Тут скрывались трудности, разрешить которые мне не под силу. Пока не под силу.

— Ну и мастаки на сюрпризы эти мальчики из Пекс-Центра, — сказал я. — Подумать только, Лайза, моя нежная юная супруга, являлась оперативным агентом Чистки Времени! Не представляю себе... Ведь я увлекся всерьез. Думал, что встреча случайная. А наше знакомство просто-напросто запланировали. Могли бы и сказать. Какая-нибудь актриса...

— Не выматывайте себя попусту, — холодно сказала Меллия.

— Лучше помолчите. Вы потеряли много крови, поберегите силы для выздоровления.

“Иначе куковать тебе здесь с беспомощным инвалидом на руках, малышка!” — мелькнула мысль, но ложка с бульоном удержала меня от высказывания вслух.

— Сначала я услышала всплеск, — рассказывала она. — А потом кто-то стал барабанить внизу. Я решила, что в ловушку попал ящер. Они попадают туда и не могут выбраться.

Когда она говорила, голос звучал моложе и уязвимее.

— И все же вы вышли посмотреть, — заметил я. — Наверное, вы любите животных.

— Я обрадовалась, когда вы закричали, — она покраснела, как будто созналась в чем-то постыдном. — Я уже думала, что...

— Но вы так и не рассказали мне свою историю, — сказал я. — Как же все-таки случилось, что вы ждали меня с горячим бульоном и ледяным взглядом наготове?

Она поджала свои созданные для поцелуя губки.

— Я выполнила задание и прыгнула назад на станцию, — сказала она ровным голосом. — Но станции не было. Просто яма в земле, полная грязи и костей. В первый момент я снова хотела уйти в скачок, но передумала. Невозможно предугадать, куда попадешь. Так что я решила остаться и подождать аварийной команды. Вот... я и сижу...

— И долго?

— Почти три недели...

— Почти?

— Двадцать четыре дня, тринадцать часов и десять минут,

— огрызнулась она и снова сунула мне в рот ложку.

— И какое у вас было задание? — поинтересовался я и проглотил.

— Либия. 1200 год до нашей эры.

— Вот не знал, что в древней Либии пользовались пистолетами.

— Задание не предусматривало контактов с местным населением. Меня снабдили всем необходимым для самообороны и самообеспечения. Пару недель я жила одна в пустыне, точнее, у оазиса. Тогда вообще было больше растительности. Надо было устраниить вмешательство Первой Эры, связанное с одной додедуинской могилой, со сложной цепью последствий, приведших позднее к возникновению ислама. Моя работа заключалась в том, чтобы подменить некоторые ключевые предметы, изъятые из музея Второй Эры. Я справилась отлично. Затем прыгнула назад...

Она запнулась, и на какое-то мгновение я увидел испуганную девочку, изо всех сил пытающуюся обрести твердость и бесстрашие видавшего виды оперативника.

— Вы все сделали правильно, Меллия, — поддержал я. — На вашем месте я бы, наверное, запаниковал и попробовал прыгнуть назад. И закончил бы тем, что влип в скользящую петлю.

Сказал и тут же понял, что как раз на этом моменте сейчас не следовало бы заострять внимание.

— Так или иначе, но вы ждали, и вот я здесь. Как говорится, две головы...

— Что мы будем делать дальше? — прервала она. Теперь ее голос и правда звучал, как у испуганной девочки.

Ты великий мастер утешать, Рейвел, ничего не скажешь. Она прекрасно обходилась без тебя...

— Есть несколько вариантов для нашего вызволения, — заверил я самым бодрым голосом, на какой только был способен, учитывая, что по подбородку стекал суп. — Мне бы только... —

У меня не хватило дыхания, и я судорожно вздохнул. — Мне было только вздремнуть немного и тогда...

— Простите, — извинилась она. — Конечно, вам нужно отдохнуть. Спите. Поговорим позже.

Три дня я провался в постели, ожидая, пока на спине не восстановится кожа и не заживут царапины и порезы. Целебные составы из полевой аптечки Меллии оказали самое благотворное действие. Дважды за это время я слышал выстрелы: Меллия отгоняла огромных тварей, когда они подбирались слишком близко. Десятка стрел из широкотрубного ружья было достаточно, чтобы доставить сигнал в их куриные мозги.

На четвертый день, пошатываясь при ходьбе, я предпринял прогулку к той яме, из которой меня вытащила Меллия.

Несомненно, колодец отмечал место станции. Высокие приливы, дожди, носимый ветром песок, бродячие животные заполнили углубление почти до краев. Стеклянная кромка над поверхностью покрылась выбоинами. На все это потребовалось время — много времени.

— И сколько же? — спросила Меллия.

— Лет сто, не меньше. А может, тысяча или две.

— Следовательно, станцию не отстроили, — вздохнула она.

— По крайней мере, на последнем сегменте времени. Естественно, если местонахождение известно, бессмысленно использовать его вторично.

— Знаете, что я думаю? Я провела здесь целый месяц. Если бы меня искали, то к этому времени уже обязательно обнаружили.

— Не обязательно. Так далеко в прошлом поиски занимают много времени.

— Только не надо меня утешать. Я прекрасно вижу, насколько серьезно наше положение. Случилось нечто неординарное, чем простое темпоральное недоразумение. Все рушится.

Она использовала те же слова, что пришли мне на ум, когда я глядел на свой труп.

— Лучшие умы Пекс-Центра уже работают над этим, — возразил я. — И помощь непременно придет.

Однако этот довод прозвучал неубедительно даже для меня.

— Какое шло время по станционному отсчету в последний раз вашего пребывания там? — спросила она.

— Шестьдесят пять лет, — ответил я. — А что?

Она вымученно улыбнулась.

— Мы не совсем современники. Меня направили работать на Берег Динозавров в тысяча двести тридцать первом году по локальному времени.

Я подождал, пока в сознании осядет пыль от внутреннего

взрыва, и, не чувствуя успокоения, поморщился, как будто меня ударили в солнечное сплетение.

— Неплохо. Значит... — начал я и умолк.

Она знала, что это значит не хуже меня: вся атака, которую я видел и пережил, катастрофа, с последствиями которой мы столкнулись, представляли феномен, известный специалистам в качестве рецидивизма — исторгнутую альтернативную реальность, которая либо никогда не существовала, либо была стерта акцией Чистки Времени. В прошлом девушки темпостанция “Берег Динозавров” функционировала более одиннадцати столетий как минимум после той даты, когда я видел ее под обстрелом. Меллия прыгнула к ней из Ливии, выполнив свою работу, прыгнула назад и застала мир изменившимся.

Изменившимся в результате какого-то действия с моей стороны.

У меня не было доказательств для подобного предположения, но я знал это наверняка. Свое задание в 1936 году я выполнил согласно инструкции, обрубил все концы и в результате одержал полную победу над каргом.

Но где-то произошел срыв. Что-то — что я сделал или не сделал — поколебало равновесие, и в результате — тупик.

— Нелогично, — заметил я. — Вы прыгнули назад на свою базу и обнаружили, что она пропала вследствие катастрофы, не случившейся в течение вашего личного пережитого времени. Хорошо. Но что выбрасывает в это же самое время меня? Схема, которой я воспользовался для прыжка, была настроена на точку, отстоящую на двенадцать столетий.

— Почему меня не подобрали? — тихо выдавила она.

— Девочка моя! Да не переживайте вы так! — успокоил я и похлопал по плечу. Мое прикосновение снова насторожило ее.

— Держите руки при себе, — огрызнулась она, обретая холодную деловитость. — Если вы считаете, что представился случай разыграть сценку из жизни на необитаемом острове, то заблуждаетесь.

— Не торопите события, — сказал я. — У вас еще будет возможность дать пощечину, когда я начну приставать. А пока лучше бросьте свои бабские штучки. У нас нет времени заниматься чепухой.

Она хмыкнула, но сдержала припасенную колкость. Молодец, девочка. Но мне просто хотелось обнять и ласково шепнуть, что все будет хорошо. Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего.

— Можно задержаться здесь еще некоторое время, — предложил я, выдерживая деловой тон в лучших традициях. — Или действовать незамедлительно. За что голосуем?

— А как мы будем действовать?

Явный вызов.

- Оставаться невыгодно, — заявил я, поборов искушение.
- А преимущество есть.

— Вы полагаете?

Весьма прохладно, лишь слегка затрепетали чудесные влажные губки, покрытые капельками пота.

— Местонахождение станции известно. Поэтому данный годограф остается наиболее вероятным для поиска, несмотря на любые сложившиеся трудности.

— Вздор. При проверке нашли бы нас, и самым разумным и человечным было бы перекинуть аварийную команду в момент нашего прибытия. Этого не случилось. Следовательно, и не случится.

— Вероятно, вы запамятали, мисс Гейл, на что направлена усилия Чистки Времени. Мы пытаемся восстановить временную ткань, а не проделывать в ней новые дыры. Если бы нас засекли сейчас, а встретили вначале, куда бы делись те сладостные мгновения, отпущеные нам судьбой? Этой минутой? Ее никогда бы не было. Нет, если уж нас подберут, то только в точке первоначального контакта и не ранее. Однако...

— Ну?

— Существует вероятность того, что мы занимаем петлевой сегмент, замкнутый на себя, а не на часть главного временного ствола.

Она чуть побледнела, чего не мог скрыть даже пустынный загар, и взглянула мне в глаза.

— В таком случае мы отрезаны навсегда?

Я кивнул.

— Но есть возможность выбора.

— Разве есть... выбор?

— Не очень большой. Но есть. Ваш аварийный заряд еще не использован.

— Вздор. Импульс настроен на базовую станцию. Здесь я и нахожусь. Куда же отправляться?

— Не знаю. В никуда.

— А как же вы?

Я покачал головой.

— Я уже израсходовал резерв. Энергия на нуле. Придется подождать, пока вы вернетесь с аварийной командой. Запасусь терпением, поскучу один, если вы решитесь, конечно...

— Но несфокусированный прыжок...

— Вы правы, не спорю. Об этом болтают всякие страсти. Но мой-то прыжок завершился не так уж плохо. Как вы помните, я попал на станцию.

— Станцию в нигде, как вы сами рассказывали.

— Но с кабиной темпорального скачка. Она отослала меня вдоль собственной временной линии. Удачно-неудачно я вышел в годограф предыдущего задания. Возможно, вам повезет больше.

— Осталось уповать на удачу, так?

— Это лучше, чем ничего.

Она стояла чуть поодаль и не глядела на меня: моя Лайза, красивая и желанная, столь легко ранимая и ожесточенная, испуганная и пытающаяся скрыть свой страх. Неужели она жила под гипнотическим внушением, ничего не подозревая о своем подлинном статусе темпорального агента?

— Вы действительно хотите, чтобы я попыталась?

— Похоже, что это единственный путь, — согласился я. Эх, старина Рейвел, ты прекрасно изображаешь айсберг — ни единой эмоции. — Если только вы не хотите обосноваться здесь со мной на постоянное жительство, — добавил я, желая ускорить решение.

— Есть еще один путь, — произнесла Меллия ледяным тоном.

Я молчал.

— Мой импульс может выдержать обоих, — продолжала она.

— Теоретически. При... э-э... определенных обстоятельствах.

— Мне они известны.

— Если бы вы...

— К черту, девочка, мы просто зря тратим время...

— Вы не возражаете, если я оставлю вас ненадолго, прежде чем мы... — она помедлила, — воспользуемся этими обстоятельствами?

Я задержал дыхание, чтобы не выдать голосом напряжение.

— О чем может идти речь? Вы вернетесь.

— Мы отправимся вместе, — отрезала она. — Или вместе останемся.

— Послушайте, мисс Гейл, у вас нет передо мной никаких обязательств.

— Напротив. И свой долг я выполню. Не заблуждайтесь насчет моих побуждений, мистер Рейвел!

Она повернулась и пошла по песку. Одинокая, маленькая фигурка на фоне джунглей, подступавших к пустынному берегу.

Охваченный смутным волнением, я выждал несколько минут и отправился за ней.

Меллия ждала в палатке. Она переоделась в легкую ночную рубашку и ожидала около полевой кровати, которую разложила на полную ширину. Устремленный поверх меня взгляд, совер-

шенно бесстрастное и холодное лицо. Я подошел к ней и коснулся рукой талии сразу над бедрами, ощущив под тонкой тканью шелковистую гладкую кожу. Меллия чуть напряглась. Я провел руками вверх, пока к боковой стороне ладоней не прижались ее груди. Потом привлек к себе, какое-то время она противилась, но потом расслабилась и дала себя увлечь. Легкие, как облако, волосы коснулись моего лица. Я прижал ее так крепко, что было трудно вздохнуть.

Внезапно она вырвалась и отвернулась.

— Чего вы ждете? — спросила она срывающимся голосом.

— Может, лучше повременить? — отозвался я. — Скоро стемнеет...

— Ну и что? — отрывисто бросила она. — Так будет романтичнее?

— Не знаю. Возможно.

— Если вы забыли, мистер Рейвел, могу напомнить: у нас с вами не роман. Мы поступаем так в соответствии с практической целесообразностью.

— Не говорите за других, Меллия.

— Я знаю, что говорю!

Она повернулась ко мне, лицо порозовело, глаза сверкали.

— Черт возьми, не тяните время, — процедила она сквозь зубы.

— Расстегните рубашку, — тихо произнес я.

Она уколола взглядом.

— Делай, как я сказал, Меллия.

Какое-то мгновение она продолжала смотреть непонимающим взглядом, потом насмешливо скривила губы.

— Довольно! — не выдержал я и взорвался. — В конце концов идея принадлежит вам, леди, а не мне. Я не принуждал вас к близости и сейчас не принуждаю. Но вам не мешало бы разобраться в сути происходящего, если не хотите принести вашу великую жертву втуне. Физическая близость не является магическим ингредиентом, главное — психологический контакт, взаимопонимание, единство двух индивидуальностей. Их полное слияние важно также, как слияние тел. Причемексуальный аспект — лишь средство переноски. Если вы не откажетесь от мысли воспринимать происходящее как своего рода изнасилование, можете выкинуть из головы всякую надежду на благополучный исход.

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и посмотрела на меня. Ресницы были влажными, очертания губ смягчились.

— Я... простите. Вы правы. Но...

— Не стоит, я понимаю. Вы представляли себе первую брачную ночь несколько иначе.

Я взял ее мягкую, горячую и послушную руку.

— Вы когда-нибудь любили, Меллия?

Она мигнула: лишь искорка боли.

Лайза, Лайза...

— Сосредоточьтесь. Вспомните, как это было... Притворитесь... Я — это он.

Глаза ее закрылись. Чуть вздрагивали хрупкие веки. На лепестково-нежной коже выделялся пастельный цвет вен. Я нежно провел рукой по шее, затем по плечам под ночной рубашкой. Кожа была гладкой и горячей. Мягким движением я скинул бретельки, рубашка скользнула с плеч и задержалась на изгибе грудей. Мои руки опустились, убирая ткань и охватывая груди ладонями. Она глубоко вздохнула. Губы раскрылись.

Руки ее опустились, и ночная сорочка скользнула на пол. Когда она шагнула вперед и прижалась ко мне, я успел на миг разглядеть тонкую талию и плавный изгиб бедер.

Руки неуверенно потянулись к пуговицам моей рубашки, распахнули ее и вытащили полы. Затем она расстегнула пояс и, опустившись на колени, сняла остатки одежды. Я подхватил ее на руки и отнес к походной кровати. Руки ласкали высокую упругую грудь, горячее тело, пытаясь охватить его единственным страстным объятием. Она задрожала и потянулась ко мне. Рот приоткрылся, ресницы разошлись, и я увидел мерцающие томные глаза. Наши губы жадно встретились. Я тяжело подался вперед, и ее бедра прижались к моим. Мы двигались как одно целое.

Исчезло время, пространство. Она вошла в объятия, заполнила весь мир, стала мерой красоты, радости, наслаждения, которое нарастало, поднималось на высокий гребень невыносимого восторга, обрушивалось девятым валом, а затем плавно замедляло бег, замирало, падало и растворялось в тихом ночном океане жизни...

17

Долгое время никто не проронил ни слова. Мы лежали измученные в полуумраке палатки, вслушиваясь в мерный рокот прибоя и неясный шум ветра за брезентовым пологом.

Наконец она открыла глаза и бросила на меня безмежный и удивленный взгляд. Затем глаза закрылись, и Меллия уснула. Я тихо поднялся, подобрал одежду и вышел в жару и скользящий с дюн сухой ветер. Где-то в миле к югу виднелась на берегу пара маленьких рептилий. Я оделся, спустился к воде

и побрел вдоль шумевшей линии прибоя, разглядывая крошечные существа, которые с отчаянной настойчивостью барахтались в лужицах на песке.

Когда я вернулся в палатку, солнце уже скрылось. Меллия хлопотала над ужином из консервов. Она надела свою рубашку и ходила босиком и с распущенными волосами. Взгляд ее казался недоверчивым и озорным. До боли юная...

— Я никогда не пожалею. Даже если... — запнулся я.

Слабый отблеск тревоги скользнул по ее лицу.

— Даже если... что?

— Даже если теория ошибается...

Она уставилась на меня, глаза расширились.

— Ой, я забыла... — произнесла она. — Я совсем забыла, что...

Я глупо улыбнулся.

— Я тоже, до сего момента.

Она прикрыла рот рукой и рассмеялась. Я обнял ее и прислонился к ней. Вдруг она заплакала, руки обвились вокруг моей шеи, она прижалась ко мне и рыдала, рыдала, а я гладил волосы и что-то бормотал в утешение.

18

— На этот раз я не забуду, — шепнула она мне на ухо в темноте маленького домика...

— На меня не рассчитывай.

— Ты очень любил, любишь свою Лайзу?

— Очень.

— Как вы познакомились?

— В городской библиотеке. Оба искали одну и ту же книгу.

— И нашли друг друга.

— Это случай. Или чудо... Я прибыл на место всего несколько дней назад, как раз достаточно, чтобы вжиться в роль и понять дикую жизнь в то отдаленное время. Но для меня все было единственной реальностью. Поскольку задание было долгосрочным, составители легенды полностью позабочились о моем слиянии с окружающей эпохой. Личность Джима Келли, чертежника, заняла 99 процентов моего сознания. Оставшийся процент, представляющий понимание подлинной функции в качестве агента Пекс-Центра, затаился в самом скрытом уголке мозга и проявлялся лишь в неясном, настойчивом напоминании о целях и задачах, несопоставимых с обыденностью существования в древнем Буффало. То был лишь смутный намек на роль, которую я играл в великих делах. Я не отдавал себе отчета в происходящем, когда встречал Лайзу, принял ее на хаживание и

завоевал ее, вошел в жизнь ее на короткое время, как случайный путник, в ту темную и варварскую эпоху. Когда я женился, то сделал это с намерением прожить в радости или горе, бедности или богатстве всю жизнь, пока смерть не разлучит нас. Но разлучило нечто более неотвратимое, чем смерть. И по мере того как приближалась развязка, необходимые сведения всплывали из забытья и пробуждали знание истинного положения. Конфронтация с картом завершила процесс.

— Все-таки это действительно случай, — вставила Меллия.
— Даже если она это я... находилась там по другой причине и не знала о вашей работе...

— Не защищай ее, Меллия. Она не виновата.
— Хотела бы я знать, что произошло дальше...
— Я бы вернулся и не застал ее дома. Она бы возвратилась на базу, выполнив задание.

— Нет! Любовь не могла быть заданием...

— Она просто не ведала этого, как и я, руководствовалась самыми благими намерениями. Белым воротничкам в Пекс-Центре виднее.

— Замолчи, — мягко прерывая меня поцелуем, Меллия крепко приникла ко мне своим стройным нагим телом.

— Я ревную к ней, — шептала она. — Она — это я.

— Ты мне нужна, Меллия. Каждая моя клеточка стремится к тебе. А то... Я просто не могу вспоминать.

Смех, похожий на рыдание, сорвался с ее губ.

— Ты обнимаешь меня и думаешь о ней. Ты изменяешь ей со мной...

Она умолкла и прикрыла ладошкой мой рот.

— Не надо, не пытайся объяснить, Рейвел. Ты не в силах ничего изменить и не можешь помочь. Ты любишь меня... Я знаю...

И на этот раз мы пересекли вершину страсти. Меллия сделала, казалось, невозможное, мир взорвался и швырнул обоих вглубь бесконечного туннеля, во мглу и безмолвие.

19

Нас обволакивал свет, чувствовалось легкое дыхание системы циркуляции воздуха. Мы лежали нагишом прямо на полу в спортивном отсеке темпоральной станции.

— Какое все маленькое, — сказала Меллия. — Даже примитивное.

Она поднялась, неслышно ступая босыми ногами, подошла к пульту внутренней связи и щелкнула коллектором.

— Есть кто-нибудь? — эхом пронеслось по коридорам. Никого не было. Мне не требовалось даже осматривать помещение, это чувствовалось в воздухе.

Меллия шагнула к контрольному щитку и набрала код аварийного сигнала. Индикатор мигнул и показал, что сигнал записан и уплотнен в микросекундный диск. Теперь сигнал с интервалом в час будет автоматически транслироваться сквозь временной поток в миллион лет.

Меллия подошла к стационарному журналу, включила сканер и принялась просматривать последние записи. В тусклом мерцании экрана ее лицо выглядело напряженным. Глядя на ее наготу и грациозные движения, я почувствовал возбуждение. Я с усилием сдержал себя и подошел к ней.

Бортовой журнал представлял собой обыкновенную заполненную от руки страницу с отметкой стационарного времени 09.07.66 г., с номерным шифром “Берега Динозавров” и личным кодом Нела Джарда в нижнем углу листа.

— Я вернулся с задания десятого, а надпись датирована днем раньше, — сказал я. — Думаю, ему просто не хватило времени записать. На станцию напали.

— По крайней мере, ему удалось вывести сотрудников презде...

Она не стала продолжать.

— Да, всех, кроме себя, — согласился я.

— Но... Ты же не нашел его?.. Никаких следов в станции...

Ты же был здесь...

— Ты имеешь в виду труп? Нет. Возможно, воспользовался транспортной кабиной. Или шагнул через край...

— Рейвел!

Меллия с укоризной поглядела на меня.

— Ладно. Пойду-ка я надену что-нибудь. Но мне нравится играть с тобой в Адама и Еву, — добавил я. — Даже очень нравится.

В крыле жилых помещений нашлась уйма форменного обмундирования, аккуратно разложенного по ящикам. Я с наслаждением ощущил на себе прохладу гладкой современной ткани. Стоячие воротнички и колючая шерсть доставили мне массу неудобств на задании в 1936 году. Знакомое ощущение вернуло в нужное русло...

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Лайза-Меллия стояла рядом, натягивая на себя облегающий цельнокройный костюм. Обнаружив наблюдение, она заколебалась на мгновение, застегнула молнию и улыбнулась. Я ответил тем же.

Затем мы продолжили осмотр. Я уже видел клубящийся туман и обрыв в десяти футах от входа. Жемчужно-серая взвесь

поглощала звуки нашего голоса. Я швырнул камешек. Он упал в шести футах, застыл и поплыл в сторону, утратив всякий интерес к закону тяготения. Я пристально вглядывался, но ничего не мог разглядеть, кроме туманной мглы.

— Ну и пусть, — произнесла Меллия.

— Это точно, — отозвался я. — Пошли назад. Нам нужно поспать. К тому времени, даст бог, распогодится.

Она не стала возражать.

Ночью Меллия спала на моем плече.

А я чувствовал ее дыхание и мечтал о том, чтобы этот сон никогда не прекращался.

20

Стук вилок о тарелки за завтраком казался необычно громким. Еда была отменной. Казарменное довольствие Пекс-Станции восполняло проблемы отсутствия в жизни оперативных агентов всех человеческих ценностей, без которых человек не считает жизнь стоящей. Мы, оперативники, считались избранными. Мы отказались от семейного очага, от жен и детей, свято верили в человеческую расу и ее, достойную спасения, судьбу. И не сомневались в разумности выбора. Моя личная история выбила меня из колеи. Облик Лайзы витал перед глазами, заставляя забыть чрезвычайное положение, угрозу Чистке Времени. Меллия...

— Так что мы предпримем, Рейвел? — спросила Меллия.

Лицо ее выражало холодное спокойствие. Впечатлению способствовала привычная и официальная обстановка. Забавы кончились.

— Надо тщательно обсудить имеющуюся информацию, — объявил я и почувствовал себя надутым индюком.

— Отлично. Данных немного, но они помогут нам в сложившейся ситуации.

Бодрый тон, точная формулировка, спокойный и уверенный взгляд. Вы отличный оперативник, мисс Гейл. Только где девушка, рыдающая на моем плече.

— Согласен, коллега, — сказал я. — Первое. По окончании рядового задания я вернулся в точку подбора, послал код вызова и благополучно совершил скачок. Пока все в норме, так?

Я выжидающе посмотрел на нее. Она кивнула.

— На следующий день станцию атаковали вооруженные силы Третьей Эры или другого противника, замаскированного под войска Третьей Эры. Если откинуть довольно невероятное предположение об упущении службы безопасности, здесь не

наблюдается отклонений. И тем не менее твоя жизненная линия включает темпостанцию “Берег Динозавров” в нетронутом состоянии по локальному времени одиннадцать столетий вперед.

— Верно. Добавлю, что нигде в стационарных архивах нет упоминания о нападении тысячу лет назад. Я ознакомилась с историей станции по прибытии.

— А тебе случайно, не попадалось на глаза какое-нибудь свидетельство о без вести пропавшем оперативнике Рейвеле?

— Если и попадалось, то не запомнила. Тогда это имя для меня ничего не значило.

Она отвела взгляд.

— Следовательно, речь идет о девиации класса А. Прошлое кого-то из нас исторгнуло. Вопрос: чья реальность совпадает с подлинным временным стволов?

— Недостаточно информации.

— Что же. Переходим к следующему пункту. Используя неизвестную мне систему аварийного спасения, Нел Джард извлек станцию из энтропического контакта и переместил в предполагаемую анахроническую вакуоль. Я не совсем точно понимаю это слово.

— Ты отталкиваешься от того, что перемещение — это акция Джарда, — вставила Меллия. — Но есть и другая возможность. Допустим, что здесь налицо постороннее вмешательство с целью усложнить или свести на нет действия Джарда. На чем основывается твоя уверенность в его намерениях?

Кивком головы она указала на безмолвное помещение и на призрачную пустоту снаружи.

— Он говорил что-то о нулевой фазе, но я не уверен. Тогда мне казалось, что речь идет о самом обычном разрушении — “дабы не досталось врагу”.

— Так или иначе, станцию перебросили... сюда.

— И когда я воспользовался личным приводом аварийного темпорального скачка, то очутился именно здесь. Этого и следовало ожидать. Мой импульс настроен на частоту станции, а ее оборудование предназначено для возврата посылающего сигнал оперативника из любого пространственно-временного годографа.

— Ты застал станцию пустой, как и сейчас?

— Ага. Вот только... — я огляделся. — Не знаю только когда, до или после нашего посещения.

— По крайней мере, не одновременно. Ты же не встретил себя.

— Пожалуй, это можно уточнить, — предложил я. — Локальный энтропийный поток в норме, и время движется.

Я встал и прошелся по комнате, разыскивая какое-нибудь свидетельство своего пребывания. Его не было. И вдруг...

— Подносы! — воскликнул я. — Здесь, на столе.

Меллия взглянула на стол, потом на меня. Ее что-то испугало. Именно так и действуют хроноклизмы.

— В этом месте, — повторил я. — Не очень свежие остатки еды.

— Твоего появления можно ожидать в любое время?

— Несколько часов у нас есть. Еда в тарелке еще не засохла, — я ободряюще улыбнулся и добавил: — Мы можем подождать до встречи.

— Нет! — воскликнула она и повторила уже менее требовательно: — Нам только не хватает вероятностных аномалий.

— Но если удержать меня от вмешательства в предыдущее задание...

— Не болтай чепухи, Рейвел. Ты забыл направление усилий Чистки Времени. Латать заплаты нельзя. Ты прыгнул и вернулся благополучно. Что тебе еще нужно? Глупо рисковать, а чудо...

— И удастся восстановить равновесие?

Наши взгляды встретились.

— Давай не будем запутывать и без того сложную ситуацию. Ты совершил скачок, и точка. Чем мы теперь будем руководствоваться в наших действиях?

Я сел.

— На чем мы остановились?

— Ты застал станцию пустой, но видел следы нашего визита.

— Мне пришло в голову воспользоваться станционной кабиной для возвращения на базу Пекс-Центра. Из этого ничего не вышло. Я смеялся вдоль собственной временной линии и закончил десятью годами раньше в субъективном прошлом. Паранормалия класса А. Нарушено каждое положение инструкции.

— Инструкция не рассматривает подобную ситуацию, — заметила Меллия. — Ты не мог контролировать события.

— А в результате сорвал успешно выполненную работу, отчет о которой уже десять лет закодирован в центральной схеме. Любопытная деталь: карг, которого я должен был вывести из строя — тот же самый, уничтоженный в Буффало. Отсюда вывод: операция в Буффало последовала не за первой, а за второй версией.

— Или налицо альтернативный вариант. Трудно судить. Возможно, твое сдвоивание в прошлом просто включили в предусмотренную схему в качестве жизнеспособного элемента.

Если так, нам не следует препятствовать. Но если ошибешься...

— Нам необходимо найти отправную точку. После своей смерти в прошлом ты прыгнул назад и встретил меня. Почему мы оба завершили скачок в одном темпоральном годографе?

— Без комментариев.

— Мы дьявольски запутываем временные линии, Рейвел.

— Ничем не могу помочь. Ты считаешь, что следует поступить в камикадзе.

— Не болтай глупостей. Просто мы обязаны сделать все, что в наших силах. А это значит тщательно рассмотреть факты, логически поразмыслить и спланировать следующий шаг.

— Логически! Метко сказано, оперативник Гейл. Только когда же это логика имела хоть что-нибудь общее с программой Чистки Времени.

— Определенных успехов вы все же добились, — заметила она сдержанно, отказываясь от возможности любезно свести счеты язвительным аргументом. — Мы должны покинуть станцию, и чем скорее, тем лучше.

— Ладно, принимаю этот пункт. Есть на выбор два способа. Можно воспользоваться транспортной кабиной станции.

— И завершить скачок в чьем-нибудь прошлом, усложняя ситуацию.

— Не исключено. Или подзарядить аварийные приводы и прыгнуть наугад.

— Без малейшего представления о том, куда приведет скачок. — Она поежилась и жестом отказалась от подобного предложения. Изящный подъем подбородка невольно напомнил о другом времени, другой девушке.

Нет, черт возьми, то была не другая!

— Впрочем, мы можем отправиться вместе... — сказала она, — как сделали это раньше.

— Какая разница? Все равно мы войдем во временной поток без цели. И вполне можем оказаться в тумане вроде этого за дверью, если не хуже.

— По крайней мере... — начала Меллия и запнулась. — По крайней мере, когда вселенная распадается вокруг нас на кусочки, — закончила она.

— Ну и что ты предлагаешь?

Последовало долгое молчание, Меллия не смотрела на меня.

— Кабина, — наконец решила она.

— Вместе или по одному?

— Мощности хватит на двоих?

— Думаю, да.

— Тогда вместе. Разве есть причина, по которой нам следует разделиться?

— Абсолютно никакой, Меллия.

- Значит решено.
- Решено. Доедай завтрак. Неизвестно, когда нам еще удастся перекусить.

Последним пунктом в сбоях был небольшой кратерный пистолет из оружейной комнаты. Я пристегнул его к запястью и спрятал под манжет. Мы прошли через экранированную шлюзовую камеру к транспортировочной кабине. Показания приборов соответствовали норме. При обычных условиях пассажира безболезненно и мгновенно переместили бы из временного потока в экстрапроторальную среду, а затем вернули бы в нормальное пространство-время в главном приемном пункте базовой станции Пекс-Центра. Что случится на этот раз, было неизвестно. Возможно, мы вновь сдвинемся вдоль темпоральной линии и окажемся вдвоем на борту тонущего корабля. Или мы отправимся в прошлое Меллии Гейл и тем самым расширим размеры нагрянувшей катастрофы. Или застрянем где-нибудь посередине...

— Следующая остановка — база Пекс-Центра! — крикнул я и втолкнул Меллию внутрь. Затем втиснулся за ней.

— Готова?

Она кивнула.

Я нажал стартовую кнопку.

Взрыв разметал нас на составляющие атомы.

21

— Вроде прибыли, — услышал я чей-то хриплый голос. И тотчас понял, что говорю сам — обессиленно, но вполне членораздельно. — Кошмар, — продолжал я. — Голова раскалывается, как с перепоя.

— Последпрыжковый шок. Есть такой термин, если я не ошибаюсь, — произнесла где-то рядом Лайза.

Глаза мои резко открылись.

Резко — не совсем точное слово. Ресницы расклеились, и я с трудом различил девушку. Округлое лицико, большие темные глаза и самая милая улыбка на свете. Это была не Лайза.

— Ты в порядке? — спросила Меллия.

— Как тебе сказать? Месяц усиленного лечения в больнице приведет меня в норму, — сказал я, приподнялся на локте и осмотрелся.

Мы находились в просторном помещении, длинном и высоком, как банкетный зал, с гладким серым полом и бледно-серыми стенами с бесчисленными шкалами приборов. В центре стояло высокое кресло, перед которым расположились ряды

кнопок, экраны дисплеев пульта управления. В дальнем конце сквозь стеклянную стену виднелось открытое небо.

— Где мы?

— Не знаю. Что-то вроде кабинета в научно-исследовательской лаборатории с техническим оборудованием. Ты не узнаешь приборы?

Я покачал головой. Если это из прошлого, то в памяти ничего не осталось.

— Долго я провалялся без сознания?

— Я сама очнулась только час назад.

Я потряс головой, но вместо просветления вызвал адскую боль, раскаленными иглами вонзающуюся в виски.

— Ну и прыжок, — пробормотал я и встал. Меня подташнивало, голова кружилась, как будто я объелся мороженым во время катания на карусели.

— Я тут осмотрела кое-что из оборудования, — сказала Меллия. — Это темпоральные преобразователи, но я никогда раньше таких не видела.

Голос ее звучал напряженно, словно она говорила о чем-то важном. Я сосредоточился.

— Ага.

— О назначении некоторых приборов я догадываюсь, — продолжала она, — но остальные просто ставят меня в тупик.

— Может быть, это оборудование Третьей Эры?

— Вряд ли. Я бы узнала.

— Ладно, пошли посмотрим. — Я направился к креслу у пульта, изображая вполне здорового человека. Что касается Меллии, действие прыжка на ней никак не отразилось.

Пульт управления усеивали кнопки, лаконично помеченные обозначением вроде “А” и “В”. В нишах располагались обычные экраны с матовым стеклом и противоореольным покрытием.

— Экраны представляют собой обычные считывающие устройства аналого-потенциального преобразователя, — сказала Меллия, — но на пульте есть два дополнительных канала контроля, а это предполагает, по меньшей мере, один добавочный. Уровень команд ввода-вывода байтов утонченного состояния на линию коммуникации при нахождении экстремума функции в пространстве параметров с целочисленными значениями ряда переменных.

— В самом деле?

— Вне всякого сомнения.

Изящно выгнув пальчик, она быстро набрала код на разноцветных клавишиах. Дисплей замерцал и осветился.

— По идее, поле прибора должно быть в активной фазе, — сказала она. — Но не видно данных о базовом адресе программ-

ногого модуля. А я боюсь играть с пультом темпоральных перебросок, в котором ничего не понимаю.

— Я что-то робею, — сказал я. — Такой аппаратуры в жизни не видел. А что тут еще есть?

— Там отсеки с оборудованием, — она указала в конец зала напротив стеклянной стены, — силовая установка, оперативный уровень...

— Смахивает на стандартную темпоральную станцию.

Она кивнула.

— Почти.

— Картина проясняется, — прокомментировал я. — Давай прогуляемся.

Мы прошли через помещения, установленные аппаратурой столь же таинственной, как монтажная схема Л-М Хотепу. Одно из устройств состояло из трех высоких зеркал, откуда на нас потеряно и жалко глядели наши отражения. Нигде не было ни людей, ни следов недавнего обитания. Мертвое, наполненное эхом наших шагов, здание.

Мы пересекли просторный зал и отыскали проход, который вывел нас на широкую каменную террасу со знакомым видом океана. Изгиб морского побережья остался таким же, только джунгли разрослись и плотно подступили к песчаному берегу.

— Добрый, старый Берег Динозавров, — вздохнул я. — Не сильно изменился, а?

— Время летит, — отозвалась Меллия. — Пожалуй, прошел не один год.

— Я изучил проекты застройки, ничего похожего. Что скажешь?

— Я лучше помолчу.

— Я тебя понимаю, — посочувствовал я и пропустил ее вперед. — Кстати, должен сказать тебе, что никогда не слышал об аналого-потенциальных преобразователях. Это новый вид кофеварок?

— А-П теория — основа всей программы Чистки Времени.

— Меллия посмотрела на меня довольно выразительно. — Это следует знать каждому агенту Пекс-Центра.

— Возможно, — сказал я, — но лекции в институте были целиком и полностью о детерминистике: актуализированная динамика, уровни фиксации и так далее.

Она нахмурилась.

— Чепуха. Дискредитированная фаталистическая теория.

— Ну-ну, не надо нервничать, мисс Гейл. И не смотри на меня как на террориста с бомбой в руках. Сегодня с утра я соображаю немного хуже, а тем более при таком обращении. Но я тот же

парень из пруда, а не человек Пекс-Центра, как ты, и у меня есть маленькое грязное подозрение.

— Какое же?

— Наши Пекс-Центры не одно и то же.

— Не будь смешным. Вся деятельность Пекс-Центра строится, исходя из незыблемости его единичной базовой линии...

— Это верно. Такова концепция, которая обратится в прах перед лицом опыта.

Меллия слегка побледнела.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, малыш, понимаю, мы с тобой заварили такую кашу, которую нам расхлебывать и расхлебывать. Мы стоим здесь рядом — представители двух взаимно исключающих базовых временных потоков, — и дела наши плохи. Настолько, что даже представить трудно.

Она не отводила от меня взгляда. В широко раскрытых глазах застыло смятение. Я неплохо успокоил ее.

— Но с нами еще не покончено, — добавил я ободряюще. — Мы по-прежнему полны сил и энергии. Мы оправдаем звание оперативных агентов.

— Да не в этом же дело!

— Вот как? А в чем?

— Перед нами стоит задача, как ты сам сказал, вновь включить себя в темпоральный узор путем уничтожения бездумно вызванных хроноаномалий.

— Согласен.

— Очень хорошо. Но по какой линии мы будем продвигаться, Рейвел? Твоей или моей? Что мы предполагаем восстановить, детерминированный или аналого-потенциальный континуум?

Я открыл рот, но бодрый ответ застрял у меня в горле.

— Может, выясним позже? — предложил я.

— Каким образом? С этой минуты каждый наш шаг должен быть тщательно выверен. Это оборудование, — она указала рукой, — по сложности превосходит виденное мною ранее. Мы должны воспользоваться им надлежащим образом.

— Конечно, Меллия, но первым делом давай выясним, зачем нужны эти миленькие кнопочки. Сосредоточимся на технической стороне. А по ходу дела разрешим и философский вопрос.

— Прежде нужно прийти к какому-то соглашению.

— Продолжай.

— Дай слово, что ты... ничего не предпримешь в отношении концепции А-П.

— Я ничего не буду делать, не проконсультировавшись предварительно с тобой. А прежде чем связывать себя обя-

зательствами, давай изучим технику для восстановления вселенной.

Она долго смотрела на меня и наконец кивнула:

— Договорились.

— Очень хорошо, — сказал я. — Можешь начинать объяснения.

Следующий час ушел на схематичное, но четкое изложение основ аналого-потенциальной интерпретации. Я сосредоточенно слушал. Теория А-П была нова, но мне уже приходилось работать со сложными хроноприводами, и постепенно я получил некоторое представление об оборудовании.

— Такое чувство, что твой Пекс-Центр забрался гораздо дальше в дебри теории, — подвел я итог. — И обосновал выкладки весьма сложной электроникой.

— Наша аппаратура гораздо проще, — призналась Меллия.

— Большинство приборов — для меня загадка.

— Но ты уверена, что это преобразователи типа А-П?

— Нет ни малейшего сомнения. Только к этому могло привести развитие детерминистики.

— Согласен с последним замечанием. Это сооружение для моего Пекс-Центра, как свисток паровой для парусника.

— Ты согласен продвигаться к А-П матрице?

— Не спеши, девочка. Ты думаешь, пожали друг другу руки, и все вернется на свои места. Мы работаем вслепую. Где находимся, куда попали? Не будем валить все в кучу, а разберемся по порядку. Надо начать с концепции аналого-потенциалов. У меня предчувствие, что ее теоретический базис относится к математическим выкладкам второго поколения. Он был порожден своего рода умозрительной установкой, обусловленной коренной темпоральной перегруппировкой.

— Нельзя ли пояснить? — спросила она холодно.

Я махнул рукой.

— Твой Пекс-Центр находится не в главном временном потоке. Он, как звезда с повышенным содержанием тяжелых элементов — она не может возникнуть из первичного пылевого облака, а образуется из останков звезд предыдущего поколения.

— Весьма надуманная аналогия. Это лучшее, на что ты способен?

— Учитывая срок, да. Или лучше молчать и, не дай бог, ставить под сомнение твою А-П вселенную?

— Это нечестно.

— Правда? Я тоже кровью заинтересован в своем прошлом, мисс Гейл. И не стремлюсь попасть в царство нереализованных возможностей.

— Я... я не совсем то имела в виду. Почему ты так думаешь?
Нет никаких оснований считать, что...

— Забавно, но в твоем мире нет для меня места. Точнее, в первоначальной картине твоего мира. Явился не запылился и изгадил сладкую безмятежность Берега Динозавров. Но для меня контора бы еще работала с тем же адресом не менее тысячи лет.

Она попыталась возразить, но я не стал слушать.

— Однако этого не произошло. Я сорвал задание и с легкой руки отправил станцию в царство грядущего или куда там...

— Не терзай себя. Ты выполнил инструкцию. И не твоя вина, что в результате... и после...

— Если какое-то мое действие вызвало случайную цепь событий, то ты не должна была родиться. Да. Но ты есть, Л... Меллия. Я встретил тебя под "легендой" Джима Келли, выполняя задание в 1936 году. В этой точке наши пути пересекались. Или... — тут я запнулся, но она уже все поняла.

— Или твое задание в Буффало находится в исторгнутой петле. Не в основном потоке. Не жизнеспособное.

— Оно жизнеспособно, детка! Можешь мне поверить! — рявкнул я, как измельчающая валуны и гравий камнедробилка.

— Конечно, — пробормотала она. — Все дело в Лайзе, так? Она должна быть реальной. Любая альтернатива немыслима. И если это приведет к переустройству пространственно-временного континуума, исторжению тысячелетней истории временного ствола, краху Чистки Времени — это еще одна маленькая цена за существование твоей возлюбленной. Заметь, это твои слова!

Она взглянула на меня, как несговорчивый архитектор на холм, на месте которого он собирается построить ровный разъезд.

— Пора браться за дело, — бросила она без всяких эмоций.

22

За остаток дня мы методически обследовали помещения. Сооружение вчетверо превосходило по размерам станцию Берега Динозавров, знакомую нам в предыдущем воплощении. Восемьдесят процентов его занимало оборудование, работу которого мы не понимали. Меллия составила общий план, определила основные компоненты системы, просмотрела аппаратуру энергообеспечения и разгадала несколько криптограмм на пульте управления. Я следовал за ней и слушал.

— Не могу понять смысла, — говорила она. Наступили су-

мерки, и большое красное солнце отбрасывало на полу длинные тени. — Энергообеспечение программируемой матрицы и интересующей программы вне всяких разумных пропорций. Эти огромные залы, Рейвел, для чего? Что это за место?

— Великая Центральная Станция, — ответил я.

— Это еще что?

— Да так, просто покинутое здание в старом городе, который никогда не существовал. Конечный пункт.

— Возможно, ты и прав, — задумчиво произнесла она. — Это оборудование предназначено скорее для транспортировки груза навалом, чем для обеспечения проживания персонала...

— Груза? Какого груза?

— Не знаю. Но звучит неплохо, верно? К тому же интерлокальный грузовой паром имел бы тенденцию к ослаблению темпоральной структуры как в точках передачи, так и в точках приема.

— Может, им все равно? Они устали от всего, как и я, — я зевнул. — Давай закругляться. Утро вечера мудренее.

— Как ты сказал? Все равно?

— Что? Я? Ничего я не говорил, девочка.

— Ты Лайзу тоже называл девочкой?

— При чем тут это?

— При том! Все, что ты говоришь и делаешь, окрашено идиотской страстью к этой... воображаемой миленке. Возьми себя в руки. Временной ствол Пекс-Центра в чрезвычайной опасности. Ты нанес ему непоправимый вред своими безответственными поступками!

— Не могу, — процедил я сквозь зубы. — Вопросы есть?

— Извини, — она закрыла лицо руками и покачала головой. — Я не хотела. Просто устала... измотана... мне страшно...

— Да, конечно, — сказал я. — Я тоже устал. Забудем. Пошли спать.

Мы выбрали раздельные комнаты. И даже не пожелали друг другу спокойной ночи.

23

Я встал рано. Тишина действовала мне на нервы. В конце спального крыла находилась хорошо оснащенная кухня: даже А-П теоретики любили свежие яйца и ломтики обсахаренной ветчины из локара, чтобы не происходило старение.

Я приготовил завтрак на двоих и направился к Меллии, но услышал в большом зале шаги.

Одетая в свободное платье, она стояла у кресла координатора и глядела на экран. Я бесшумно приблизился примерно на десять футов, и тут внезапно она повернулась. Судя по выражению лица, с ней чуть не случился сердечный приступ.

Со мной тоже. Что-то произошло с лицом Меллии. Оно принадлежало старухе с седыми волосами, впалыми щеками и потускневшим взором, который уже давно не пылал страстью. Женщина зашаталась, и я схватил ее за тонкую, высохшую руку, прикрытою развевающимся рукавом. Довольно быстро ей удалось оправиться. Черточка за черточкой лицо оживало, но взгляд оставался странно невозмутимым.

— Да, — проговорила она старческим, тонким, но очень спокойным голосом. — Вы пришли, как я и предполагала. Я знала, что так будет.

— Приятно, что вы нас ждали, мэм, — пробормотал я с глупым видом. — И кто же сказал вам о нас? Я имею в виду, что мы приедем?

Лицо старухи пересекла чуть заметная морщинка.

— Экраны прогнозов, конечно, — взгляд ее проследовал мимо меня. — Осмелюсь спросить, где же ваша половина?

— Она, э-э, еще спит.

— Спит? Как забавно.

— Вон там, — я кивнул в сторону спальни. — Она будет счастлива узнать, что мы здесь не одни. Вчера у нас был трудный день...

— Извините меня. Вчера? Так когда вы прибыли?

— Около суток назад.

— Но... почему же вы не оповестили меня сразу? Я ведь ждала... я была готова... уже так долго... — Ее голос был готов сорваться, но она овладела собой.

— Прошу прощения, мэм. Мы не знали, что вы здесь. Мы осмотрели станцию, но...

— Вы н е з н а л и?! — мои слова ошеломили ее.

— Где же вы расположились? — Мы осмотрели все комнаты...

— Я... мой... моя комната во внешнем крыле, — ответила она дрожащим голосом. Из уголков глаз выкатились слезинки, и она нетерпеливо смахнула их. — Я полагаю, что вы прибыли по моему сигналу, — собравшись, продолжала она. — Хотя это неважно. Вы здесь. Вы дадите несколько минут? У меня остались кое-какие вещи — записи, памятные подарки. Но я могу их оставить, — торопливо добавила она, не сводя с меня глаз.

— Я не намерен торопить вас, мэм, — сказал я, — произошло какое-то недоразумение...

— Но вы заберете меня? — Иссохшей рукой она схватила меня за локоть. В голосе зазвучала паника. — Пожалуйста,

возьмите меня с собой, умоляю вас, не оставляйте здесь!..

— Честное слово, — пообещал я и прикрыл ладонью ее холодную и тонкую, как лапа у индюшки, руку. — Но вы ошибаетесь. Я ничего не понимаю. Вы из обслуживающего персонала станции?

— Что вы, вовсе нет! — Она затряслась головой, как ребенок, которого поймали с банкой варенья в руках. — Это не моя станция. Я просто убежала сюда после катастрофы.

— Где станционный персонал, мэм?

Она странно посмотрела на меня.

— Здесь никого нет. Ни души. В докладах это отмечено. Я нашла станцию покинутой. Все время здесь одна, больше никого...

— Да, я понимаю, только вы. Довольно одиноко. Теперь все в порядке, вы уже не одиноки.

— Да, вы пришли. Я знала, что вы придетете когда-нибудь. Приборы никогда не лгут. Только не знала, когда...

— Наше появление вы определили по приборам?

— Ну, да.

Она опустилась в ближайшее кресло, пальцы забегали про клавишам. Дисплей вспыхнул, ровное свечение изменило цвет. На экране сложился колеблющийся белый прямоугольник, на правом краю которого плясала и извивалась, похожая на царину, черная вертикальная линия. Я уже приготовился выразить восхищение виртуозным мастерством, когда женщина охнула, склонилась на пульт, обмякла и потеряла сознание.

Я подхватил ее, высвободил из кресла и поднял на руки. Она весила не более девяноста фунтов. У входа в коридор появилась Меллия. Она замерла, прикрыла рот рукой, но быстро взяла себя в руки.

— Рейвел... кто это?

— Понятия не имею. Я проснулся и обнаружил ее здесь. Она приняла меня за спасателя. Начала говорить что-то и потеряла сознание.

Меллия отступила, пропустила меня и внезапно ухватилась за мою руку.

— Мама! — выдохнула она.

24

Я выждал несколько бесконечных минут. Веки пожилой леди задрожали и открылись.

Она неуверенно улыбнулась.

— Нет, нет, — у меня нет детей, — сказала она. — Я всегда хотела...

И она вновь лишилась чувств.

Я отнес ее в пустую комнату и положил на кровать. Меллия села рядом, прислушиваясь к дыханию.

— Это твоя мать? — спросил я.

— Извини. Конечно, это не моя мать. Все пожилые женщины выглядят похоже...

— Твоя мать такая старая?

— Что ты, конечно, нет. Это чисто внешнее сходство. — Она виновато улыбнулась. — Психологи нашли бы этому тысячу объяснений.

— Она ждала нас, — продолжал я. — Наше появление предсказали приборы.

Меллия хмыкнула.

— Предсказали? Таких приборов нет.

— Заговаривается? Столько времени одна.

Пожилая леди вздохнула и открыла глаза. Если Меллия и напоминала ей кого-нибудь, она не подала виду. Меллия шепнула что-то ободряющее. Обе женщины улыбнулись друг другу. Любовь с первого взгляда.

— Ну вот, устроила, — сказала старая леди. — Со своими обмороками...

На лице появилось озабоченное выражение.

— Не говорите глупостей, — возразила Меллия, — все ясно...

— Как вы себя чувствуете? Вы можете говорить? — спросил я, не обращая внимания на угрожающий взгляд Меллии.

— Конечно.

Я присел рядом на кровать.

— Где мы находимся? — спросил я мягко, как только мог. — Что это за место?

— Темпостанция “Берег Динозавров”, — удивленно ответила она.

— Мне следовало спросить “когда мы находимся”?

— Станционное время — тысяча двести тридцать второй год.

— Она озадаченно посмотрела на нас.

— Но... — сказала Меллия.

— Но тогда выходит, что мы не совершили никакого скачка во времени, — сделал вывод я, если только можно было назвать выводом это абсурдное предположение.

— Значит... мы переместились каким-то образом на... вторичную линию?

— Не обязательно. Мы прошли такое, что вряд ли можно с уверенностью сказать о первичном или вторичном.

— Извините, — вмешалась старая леди, — у меня складывалась...

ется впечатление, что... дела обстоят не так хорошо, как я могла бы надеяться?

Меллия с тревогой посмотрела на меня, а я перевел взгляд на женщину.

— Ничего, все в порядке, — сказала та. — Не беспокойтесь обо мне... Я понимаю, вы темпоральные агенты. Мои коллеги.

Она слабо улыбнулась и представилась:

— Оперативный агент Меллия Гейл к вашим услугам.

25

Я смотрел на Меллию, мою Меллию. Лицо у нее побелело, как мрамор. Она застыла, не в силах вымолвить даже словечко.

— А кто вы, мои дорогие? — спросила женщина повеселев. Она не могла видеть лица Меллии. — Я почти уверена, что знаю вас.

— Я оперативный агент Мейвел, — заговорил я. — Это — агент Лайза Келли.

Меллия обернулась ко мне, но тут же спохватилась. Я наблюдал за ее разглаживающимся лицом. Прекрасный пример самообладания.

— Счастливы встретить... э-э коллегу, агент Гейл, — сказала она совершенно бесцветным голосом.

— Да, когда-то я вела самый активный образ жизни, — сказала старая леди с улыбкой. — И жизнь бурлила в те дни перед... перед катастрофой. У нас были такие высокие устремления, такие благородные цели! После каждого задания мы собирались у большого экрана, чтобы правильно оценить эффект преобразований, поздравить или посочувствовать друг другу. Это было время надежд.

— Конечно, я понимаю вас, — кивнула Меллия застывшим лицом.

— Но после официального сообщения все переменилось, — продолжала старшая мисс Гейл. — Мы по-прежнему не оставляли попыток, мы так и не испытали до конца поражение, так и не признали его, но уверенность ушла. А потом... Началось вырождение. Хронодеградация. Сначала в мелочах: утрата привычных опор, пробелы в памяти, противоречия. Мы чувствовали, как разматывается вокруг нас клубок жизни. Многие сотрудники ушли. Некоторые прыгали в надежде найти стабильный годограф. Часть пала без вести в темпоральных искривлениях. Некоторые просто дезертировали. Я, конечно, осталась. Я всегда надеялась... почему-то... — она резко прервала свою речь. — Но это сейчас некстати?

— Нет, нет!.. Продолжайте, прошу вас, — сказала молодая Меллия.

— Да что там говорить! Пришел день, когда нас в Центре осталась лишь горсточка. И мы согласились, что дальше невозможно поддерживать излучатели в рабочем состоянии. Больше года никто из оперативников не возвращался, хронодеградация оборудования ускорялась и не было возможности узнать, какой дополнительный вред можем мы причинить темпоральной ткани разлаженными преобразователями. Так что мы отключили аппаратуру. Ситуация продолжала ухудшаться. Возросло количество аномалий, условия стали трудными. Мы совершали скачки и везде наблюдали регресс... во всех временах. Началась паника. Мне стало страшно. В то время я уверяла себя, что лишь ищу конфигурацию, где можно попытаться сосредоточить стабилизирующие силы... искала оправдание. Я совершила множество скачков. Наконец очутилась здесь. Станция показалась тихой гаванью, где царили мир и стабильность, безлюдным пристанищем, зато безопасным. Некоторое время я была счастлива... пока не обнаружила ловушку, — она болезненно улыбнулась.

— Дважды я пыталась вырваться, — тихо проговорила она.

— И каждый раз — после невообразимых ужасов — выходила в эту точку. Затем поняла. Я попала в защитную петлю. В плен до моего освобождения. Я сдалась и подготовилась ждать...

Наши взгляды встретились, и я почувствовал себя убивающим старого калеку.

— Вы знакомы с оборудованием? — спросил я просто, чтобы заполнить возникшую в разговоре паузу.

— Да. У меня была масса времени, чтобы исследовать возможности аппаратуры. Ее потенциальные возможности. В данных условиях допустимо лишь минимальное воздействие на окружающую среду — такое, как использование прогнозатора, векторы которого указали о помощи.

Вновь последовала улыбка, словно я бросился ради нее в океан.

— Дисплей, который вы активизировали, — сказал я. — Я никогда не видел ничего подобного. Это и есть прибор, который... э-э... предсказывает будущее?

— Дисплей? — она удивилась. Потом что-то вспомнила и поднялась: — Я должна проверить.

— Нет, нет, вам нужно отдохнуть! — запротестовала Меллия.

— Помогите мне, моя дорогая. Я должна подтвердить показания!

Меллия попыталась спорить, но я перехватил ее взгляд, и мы

вместе помогли нашей пациентке подняться на ноги и провели ее вдоль коридора.

Освещенный экран показывал ту же картину: яркий зеленый прямоугольник с размытыми краями, который дрожал и пульсировал в крайнем правом углу. Старая леди слабо вскрикнула и стиснула наши руки.

— Что случилось? — спросила Меллия.

— Несущая основного ствола! — она задрожала. — Исчезла.

Ее нет на экране.

— А если настроить... — начал я.

— Нет! Показания соответствуют действительности, — решительно возразила она, и в голосе зазвучало слабое эхо былой властности. — Идет терминальный отсчет!

— Что это значит? — спросила Меллия успокаивающим тоном. — Так серьезно...

— Это значит, что мы приближаемся к границе занимаемого темпорального сегмента. Для нас время подходит к концу.

— Вы уверены в этом? — спросил я.

— Абсолютно.

— Сколько же нам осталось?

— Часы, а может быть, минуты, — ответила старшая Меллия.

— Думаю, что создателям оборудования просто не приходило в голову мысль о подобной возможности. — Она спокойно взглянула на меня. — Если у вас есть темпоральные приводы для скачка в любой вторичный ствол, то целесообразно ими воспользоваться без промедления.

Я покачал головой.

— Нет, мы сделали все, что могли. Добрались сюда и на нуле...

— Ну, конечно. В бесконечности все линии сходятся в одну точку. Время истекает, так должно быть во всем остальном.

— А что, если воспользоваться станционными мощностями? — предложила Меллия.

Агент Гейл покачала головой.

— Я пыталась, это бесполезно. Вы впустую окунетесь в бесконечные ужасы.

— И все же...

— Она права, — сказал я. — Так у нас ничего не выйдет. Нужен другой выход. На станции масса оборудования. Есть ли здесь какая-нибудь аппаратура, которую можно использовать, переделать, в крайнем случае, и вырваться из тупика?

— Нужен специалист, — задумчиво ответила женщина. — Но это вне моей компетенции.

— Мы можем подзарядить аварийные приводы, — сказал я и почувствовал внезапную перемену в воздухе.

То же ощутили и обе Меллии. Дисплей замерцал и погас. По всему пульту отключились лампочки индикации. Фоновые шумы сменились тишиной. Воздух посерел, сгустился в наэлектризованную полупрозрачность. На поверхности предметов задрожали крошечные радужные волны, как цветовая аберрация в дешевых линзах. В воздухе повеяло прохладой, будто распахнули дверцу гигантского холодильника.

— Конец, — теперь уже совершенно спокойно сказала женщина.

— Время останавливается, все волновые явления падают до нулевой частоты и тем самым прекращают существование, включая ту самую форму энергии, которую мы называем материей...

— Минуточку, — возник я. — Это не природный феномен. Кто-то воздействует на хромосомы!

— Откуда ты знаешь? — спросила Меллия.

— Не время для разговоров. Агент Гейл, — я взял старую леди за руку, — где вы укрылись во время нашего прибытия?

Меллия запротестовала, но другая ответила:

— В стазисной камере.

— Зеркала?

Она кивнула.

— Мне... было стыдно сказать. Это так... трусливо.

— Пошли.

Я направился через безмолвный зал, сквозь холод и мертвенный воздух, вниз по проходу с зеркалами. Отражающие поверхности потускнели, но остались целыми.

— Быстрей! — поторопила старая Меллия. — Поле можем отключиться в любую минуту.

Из центрального зала донесся приглушенный грохот, как будто рухнула стена. Вдоль прохода лениво проползло облако не то дыма, не то пыли. Сзади замерцали желтые огни.

— Внутрь — быстро! — крикнул я.

— Нет — вы и... агент Гейл!

— Не спорь, девочка! — Я обхватил ее и подтолкнул к зеркалу. По поверхности бежали волны тусклого света. Меллия вырвалась.

— Идите, мистер Рейвел, не медлите! — сказала старшая Меллия, затем быстро повернулась и пошла к надвигающимся клубам дыма.

Меллия закричала. Я пихнул ее в зеркало. Крик оборвался. Женщина скрылась за стучащимся облаком. Я шагнул в другое зеркало, как в туман. Оно замерцало вокруг меня, набухло неощутимым серым студнем и вспыхнуло разбитым стеклом. Пришла тьма.

Какое-то время я затаил дыхание и замер в ожидании удара, как бывает в предчувствии еще не грянувшей, но приближающейся катастрофы. Затем все исчезло.

26

Желтый свет развеял мрак. На его фоне обозначился силуэт человека, шагавшего медленно, словно преодолевая сопротивление воды.

Примерно в шести футах от него я осознал свою ошибку. Это был не человек. Карг. Тот самый, которого я дважды убил и один раз упустил.

Я не мог пошевелиться и перевести глаза. Карг пересек поле моего видения. В полном сознании я никак не мог уловить даже биение собственного сердца.

Движения карга были плавными и отрешенными. На плечах болтался простой костюм из черной кожи с застежками и ремешками. Взглянув на блок миниатюрных датчиков, пристегнутых к запястью, он что-то отрегулировал. До сих пор карг обращал на меня не больше внимания, чем на фарфоровую забытую безделушку.

Теперь он подошел поближе и оглядел меня. Я так и не встретился со взглядом его белесых равнодушных глаз. В поле зрения появились два человека. Они проплыли к нему и долго совещались. Вновь прибывшие несли что-то вроде вязанки дров. Затем повернулись ко мне и в полной тишине обошли кругом. Минуло какое-то время. Уголком глаза я уловил движение. Слева от меня скользнула в пазы тонкая плита из темно-зеленого стекловидного материала. Справа появилась другая. Один из людей принес тонкий лист. Он встал на край, и лист повис в воздухе без всякой поддержки. Человек толкнул его и тем самым закрыл обзор. Поначалу свет еще пробивался по краям, затем щит встал на место и оставил меня в темноте, словно внутри банки с краской.

Лишившись видимости, я утратил чувство ориентировки. Плыл вверх, вниз и даже летел. Уменьшался, расширялся до размеров вселенной. Не существовал...

С грохотом вернулся звук. Пришло удушье. По всему телу пробежала боль, словно на меня надели плотный, утыканный булавками облегающий костюм. Я мучительно напрягся, вздохнул и почувствовал биение своего сердца. Рев затих.

Задев коленкой стекловидную панель, я приготовился пнуть ее, когда стена вдруг упала и открыла большую комнату с высокими пурпурно-черными стенами, где меня ожидали три че-

ловека. Лица их были скорее напряженными, чем доброжелательными.

Ближе всех стоял невысокий, цветущего вида человек в серой спецовке. Румяные надутые губы приоткрыли ряд небольших белых зубов. Под вторым номером шла женщина лет сорока, худощавая, чопорная и официальная, в темно-зеленом костюме. Третьим был карг, одетый теперь в простой серый комбинезон.

Коротышка шагнул вперед и протянул толстую руку. Держал он ее как-то забавно: растопырив и вывернув вниз пальцы. Мы поздоровались. Он отвел руку и тщательно осмотрел, словно разыскивая следы моего прикосновения.

— Добро пожаловать на станцию “Берег Динозавров”, — произнес карг с ноткой дружеского приветствия в голосе.

Я оглядел помещение. В комнате больше никого не было.

— Где обе женщины? — спросил я.

Толстяк озадаченно повел бровями и потянул себя за губу. Женщина уверенно посмотрела на меня.

— Возможно, Дир Джейви пожелает вам объяснить ситуацию. — Голос ее прозвучал даже слишком уверенно.

— Мне не о чем говорить с роботом, — сказал я. — Кто его программирует? Вы?

Последнее было адресовано надутым губам.

— Что-о? — выдавил он и посмотрел на женщину.

Та взглянула на карга, а тот в свою очередь на меня. Я оглядел всю троицу.

— Доктор Джейви — шеф спасательной службы, — быстро объяснила женщина, пытаясь загладить допущенную мною бесактность. — Я — доктор Фреска, а это — администратор Коска.

— Со мной были две женщины, доктор Фреска, — сказал я.

— Где они?

— У меня нет ни малейшего представления. Это не моя компетенция.

— Где они, Коска?

Тот зашевелил губами, скривил гримасу неудовольствия.

— Что касается каких-либо объяснений, обратитесь к доктору Джейви...

— Вами командует карг?

— Я не знаком с этим термином. — Напряжение. Улыбка исчезла.

Я повернулся к каргу. От не отводил от меня взгляда своих бледно-голубых глаз.

— Вы несколько дезориентированы, — тихо проговорил он.

— Тут нет ничего удивительного. Так случается со многими...

— С кем это “со многими”?

— Со спасенными. В этом и заключается моя работа — наша работа — видите ли, разыскивать, выявлять и возвращать сотрудников при... э-э... определенных обстоятельствах.

— Кто твой шеф, карг?

Он дернул головой.

— Прошу прощения, я не понимаю столь часто используемого вами термина “карг”. Объясните, что он означает?

— Он означает, что я тебя раскусил.

Карг улыбнулся и развел руками.

— Как вам будет угодно. Но обязанности ответственного офицера здесь исполняю я.

— Ловко, — срезал я. — Где женщины?

Карг сложил губы розочкой.

— Не имею ни малейшего представления.

— Они были со мной пять минут назад. Ты видел их?

— Боюсь, что вы не вполне понимаете ситуацию, — сказал карг. — Когда я обнаружил вас, вы были один и, судя по показаниям приборов, пребывали в ахроническом вакууме в течение долгого времени.

— А точнее?

— О, это одна из интереснейших проблем темпоральной релятивистики. Ударами сердца мы измеряем биологическое время, единственное для каждого индивидуума. Есть психологическое время, чисто абстрактный феномен, в котором секунды могут казаться годами и наоборот. Но что касается вашего вопроса — Конечная Власть установила систему эталонов для измерения абсолютной длительности — в единицах данной системы все пребывание вне энтропического потока заняло, на мой взгляд, более столетия с относительной погрешностью плюс-минус десять процентов.

Карг равнодушно развел руками и неопределенно улыбнулся.

— Что касается ваших... э-э... спутниц... мне о них ничего не известно.

Я бросился на него, прыжок не удался, но я успел незаметно перехватить оружие в ладонь. Карг отпрянул. Доктор Фреска вскрикнула, а Коска схватил меня за руку. Карг чем-то щелкнул, в бок мягко ударила струя из распылителя. Облако мгновенно облепило мои руки, и я оказался до колен закутанным подобием белой паутины, сильно пахнущей сложным эфиром.

Я попытался шагнуть и чуть не упал. Коска подошел и помог сесть на стул. Он проделал это с таким заботливым видом, словно у меня только что случился сердечный приступ.

— Ты лжец, — сказал я каргу, — причем неважный. — С твоей искренностью тебе прямая дорога в лжесвидетели. Я не

уверен, что ты вытащил меня из нескольких миллионов квадратных тысячелетий вечности случайно. Твои шрамы здорово подправили, но ты меня знаешь. А если ты знаешь меня, ты знаешь и ее.

Карг задумался. Он шевельнулся, и Коска с женщиной, не оглянувшись, вышли из помещения. Карг снова посмотрел на меня, и выражение его пластолоидного лица изменилось.

— Ну, хорошо, мистер Рейвел, я знаю вас. Ваша ссылка на шрамы, видимо, относится к некоей конфронтации, которая была низведена в статус нереализованных возможностей. Я знаю вас по репутации, по профессии. Что касается женщины, то я смогу заняться поисками позднее, когда мы придем к взаимопониманию.

Теперь он был просто каргом без всяких эмоций.

— Я понял, карг, — сказал я.

— Позвольте мне ввести вас в курс дела, мистер Рейвел, — продолжал он мягко. — Когда вы проникнетесь нашими величими идеями, то чистосердечно пожелаете внести лепту в наши усилия.

— Не строй иллюзий, карг.

— Ваша враждебность адресована неверно, — продолжал карг.

— Мы здесь, на Берегу Динозавров, нуждаемся в ваших способностях, опыте, мистер Рейвел...

— Не стану спорить. Кто твои приспешники? Беглецы из Третьей Эры? Или вы занимаетесь вербовкой во Второй Эре?

Карг пропустил мои слова мимо ушей.

— Я постарался, — сказал он, — чтобы вам предоставили возможность выполнить работу, которой вы посвятили всю жизнь. Надеюсь, вы понимаете, что это в ваших интересах?

— Сомневаюсь, что наши интересы могут совпадать, карг.

— Ситуация изменилась, мистер Рейвел. И теперь всем нам необходимо объединить усилия в рамках существующей реальности.

— Ну-ну.

— Все потуги вашего Пекс-Центра по Чистке Времени провалились, о чем в настоящее время вы уже догадались. То была благородная задумка, но в корне ошибочная, как и все предыдущие. Истинный ключ к темпоральной стабильности кроется не в попытке восстановить прошлое в его девственном состоянии, а в разумном использовании благоприятных условий и ресурсов, существующих на участке энтропического сектора и применении их для создания и поддержки жизнеспособного энклава, рассчитанного обеспечить полный расцвет наций. Именно ради этих целей Конечная Власть взяла на себя миссию

по спасению из каждой эры всего, что можно спасти от стихийного прорыва исторгнутой темпоральной прогрессии. Счастлив сообщить вам, что наша деятельность оказалась весьма успешной.

— Значит, вы грабите прошлое и будущее темпорального ядра и тащите к себе. Куда же?

— Конечная Власть основала резервацию из десяти столетий в первоначально известной Старой Эре. Что касается слова “грабить”, ты вы сами, мистер Рейвел, являетесь примером главного объекта деятельности Спасательной Службы.

— Мужчины и... женщины, все оперативные агенты?

— Конечно.

— Счастливы, безропотно отдают свои таланты делу строительства устойчивого островка во времени, который вы так хвалили?

— Не все, мистер Рейвел. Незначительное число.

— Я думаю! Большей частью типы из бывшей Третьей Эры и предыдущих программ Чистки Времени, а? У которых хватило ума понять безвыходность ситуации, но не хватило времени увидеть в вашем замкнутом островке стерильный тупик.

— Мне совершенно непонятно ваше отношение, мистер Рейвел. При чем здесь стерильный? Вы волны размножаться, растут растения, сияет солнце, протекают химические реакции.

Я рассмеялся.

— Разговор машин, карг. Ты просто не уловил сути.

— Речь идет о сохранении во времени разумной жизни, — объяснил он терпеливо.

— Да, но не в музее под стеклянным колпаком и слоем первосортной пыли. Теория постоянного движения давно отвергнута, карг. Топтание на месте в темпоральной колбе — даже протяженностью в тысячу лет — подобная перспектива не вполне согласуется с моими представлениями о судьбе человечества.

— Как бы то ни было, вы послужите на благо Конечной Власти.

— Правда?

— Да! Альтернатива крайне неприятна.

— Приятна, неприятна, пустые слова, карг.

Я осмотрел большую, мрачную комнату. Сыро и прохладно, на стенах выступили капельки влаги.

— Теперь ты начнешь загонять мне под ногти щепки, сдавливать пальцы, подвешивать на крюке. Затем изложишь защитные меры контроля моего поведения на задании.

— В физическом воздействии нет надобности, мистер Рейвел. Вы будете выполнять все за награду, которую я предложу. Мы обнаружили агента Гейл. Допрашивая ее, я заинтересовался вами. И предложил ей работать в обмен на вас.

- И ей не сообщили о моем спасении.
- В данное время это не в интересах Конечной Власти.
- Держишь на поводке, а сам сидишь на двух стульях.
- Верно.
- Когда имеешь дело с куском аппаратуры, не приходится тратить время на выслушивание оправданий. Милая особенность, карг.

— Мистер Рейвел, моим сотрудникам ничего не известно об искусственной природе моего происхождения. Большей частью это люди Второй Эры. В интересах Конечной Власти их об этом не надо информировать.

— А если я все же скажу?

— Тогда я прикажу доставить сюда агента Гейл и в вашем присутствии подвергну ее истязаниям.

— Да? И потратить впустую усилия, вложенные в программу?

— Утрата контроля еще хуже, чем частичный контроль. Вы будете повиноваться инструкциям, мистер Рейвел. По каждому пункту. Или я пожертвую планом.

— Гладко, логично и продуманно, — ответил я. — Ты забыл одно.

— Что же?

— Вот это, — я поднял оружие и выстрелил с бедра. Мои руки были прижаты к боку, поэтому выстрел получился неудачным. Пуля вдребезги разнесла ему колено и отшвырнула к стене комнаты.

Извиваясь на полу, я добрался до него и, пока не замерла фибрillationя нейро-электронной системы, открыл грудную панель. С трудом перевел его на ручное управление нажатием переключателя.

— Лежи тихо, — приказал я, и тот расслабился.

— Чем снимаются путы?

Он сказал. Я вытащил из нагрудного кармана распылитель в виде шариковой ручки и выпустил розовое облако. Паутина сморщилась, превратилась в желе и рассыпалась в пыль, которую я не замедлил сбряхнуть.

Я сорвал печати и извлек ленту. Программу модифицировали в расчете на многократное использование, некую бесконечную петлю, предназначенную для автоматического повторения приблизительно лет на сто.

Кто-то здорово потрудился, внедряя в организацию робота с системой автономного обслуживания и высокой степенью свободы.

Среди размещенного в комнате оборудования нашелся сканер. Я вставил патрон, включил ускоренное прослушивание,

выслушал обычную программу параметров с исправлениями основ взаимоотношений человека и карга. Подобные пробелы имели логику: карг предназначался для работы при полном отсутствии надзора со стороны человека.

Я скорректировал команды в начальной части ленты и вновь поставил на место.

— Где женщина, — спросил я, — агент Меллия Гейл?

— Не знаю, — ответил карг.

— Так, — произнес я и подумал: "Она служила в качестве приманки. Карг обманывал. Дурная привычка, но я знаю, как это лечить".

Я задал ему еще несколько вопросов и получил ожидаемые ответы. Он с группой каргов и спасенных оперативников предыдущих программ уединились на островке стабильности среди растущего моря энтропийного распада. Какое-то время опасность не угрожала, пока разъедающая края гниль не достигла последнего года, дня и часа. Все их благие устремления могли кануть в бесформенную однородность Айлема.

— Знаешь, карг, твою контору ждет печальный конец, — сказал я. — Но ты не переживай: ничто не вечно под луной.

Он не ответил. Я покрутился еще несколько минут по комнате, отметил интересные подробности, взгрустнул о завтраке, не съеденном сто лет назад. Среди оборудования было полно устройств специального назначения, которые бы мне вполне пригодились. И не мешало бы выяснить кое-что. Но у меня было такое ощущение, что, чем раньше выйду из-под юрисдикции Конечной Власти, тем лучше будет для моих намерений.

— Несколько слов для потомства? — предложил я каргу. — Прежде чем я прибегну к упомянутому лечебному средству.

— Ты проиграешь, — сказал он.

— Может быть. Нажми кнопку саморазрушения.

Карг повиновался, и из внутренностей повалил дым. Я сверился с целевым сигнализатором, настроил на Меллию Гейл и снял точные координаты. Затем открыл транспортную кабину, набрал код годографа, шагнул внутрь и включил посыпочный импульс. Реальность раскололась вдребезги и вновь собралась в единое целое в другом времени и другом месте.

Я поспел вовремя.

Над пологим склоном нависло низкое серое небо. Трава, черный мох, голые обветренные скалы. Вдали, на фоне округлых холмов, паслось стадо грязно-серых овец. А на переднем плане шумела толпа, линчевавшая ведьму.

Там собралось дюжины три грубоатых, возбужденных деревенских жителей, одетых в пестрые наряды из грубой ткани, которые наводили на мысль об ограблении кибитки старьевщика. Большинство несло с собой палки или цепы, у некоторых свисали самодельные дубинки, отполированные от долгого пользования, и у каждого на лице светилось выражение невинной жестокости. Лица были обращены к Меллии, занимавшей центральное место, со связанными за спиной руками.

Она была одета в серое домотканое рубище, и ветер разевал длинные полы, разбрасывал по плечам медно-красные волосы, как боевое знамя. Брошенный кем-то камень ударили ее по лицу. Она покачнулась, но устояла, выпрямилась и, не обращая внимания на тонкую струйку крови на щеке, окинула толпу презрительным взглядом. Я ожидал радостную, доброжелательную улыбку, но быстро разочаровался. Она посмотрела прямо в глаза и сразу отвернулась.

Тут же широкоплечий мужчина протянул толстую руку и дернул ее за плечо. Я растолкал в стороны кое-кого из членов комиссии и лягнул его под левую коленку. Он завопил, быстро оглянулся, заскакал на одной ноге и ловко подставил под удар красный нос. Нос удовлетворительно растекся под прямым правым ударом, а последовавший хук левой послал его наземь. Кто-то заорал, но я крутнулся на каблуках и вписал ему локтем прямо в челюсть. Крикун отлетел на пару шагов и тяжело рухнул, сплюнув кровь и пару зубов.

— Ты глупец, безмозглый глупец! — сказала Меллия, но я бросил:

— Помолчи!

К этому времени остальные уже пришли в себя от изумления. Кое-кто сообразительный заподозрил об окончании веселья. Это им не понравилось. Толпа устремилась на меня волной разъяренных, уродливых лиц, потрескавшихся губ, плохих зубов, вздувшихся век, сверкающих глаз. С меня было довольно. Я набросился на них и включил захват, что должен был бы сделать с самого начала. Фигуры нападающих застыли на полукирке.

Полем захвата затронуло и Меллию. Я осторожно вызволил ее: при таких обстоятельствах легко поломать кости. Я с трудом спустился с холма и вышел на грязную проселочную дорогу у подножья. Затем поставил ее на ноги и убрал поле. Она пошатнулась, ошеломленно посмотрела на меня. Взгляд не выражал даже капли признательности.

— Как... как ты это сделал? — выдохнула она.

— Так, скрытые таланты. Чего они взбеленились? Наслала порчу на коров?

Я стер с щеки струйку крови. Она уклонилась от прикосновения.

— Я... я нарушила обычай. Они просто выполняли традиционное наказание. Со мной ничего бы не случилось. А теперь по твоей милости все пропало. Разрушено все, чего я достигла!

— Ты работаешь на карга по имени доктор Джейви.

Она встревожилась и возмущенно покачала головой.

— Так и есть, — заверил я. — Именно он выудил тебя из темповакуума и втравил в это дело.

— Ты не в своем уме! Я сама вышла из стазиса с целью...

— Так, леди. С тобой провели сеанс гипноза. Ты работала на карга. Ну и пройдоха этот карг! Он перестроил тебя во славу своих создателей. Потрудился на славу. Или кто-то постарался до него...

— Какая чушь! — Меллия воспользовалась паузой и пристально взглянула на меня. Она приготовилась выложить все имеющееся в голове. — Та старуха не имела значения, — добавила она с очаровательной женской непосредственностью.

— Старший агент Гейл? Ты права. Никакого значения. Она знала...

— Ты убил ее! Чтобы спастись самому! Ты трус! Жалкий трус!

— Да, детка. Но я спас только одну из своих шкур. Ты же намерена сохранить в целости всю коллекцию.

— Что?

— Сама знаешь. Ты оплакиваешь саму себя. Она — это ты через пятьдесят лет. Мы оба знаем это. Возможно, она тоже знала и притворялась по душевной доброте. Она молодчина, старая Меллия. И проявила достаточно сообразительности — вовремя ушла со сцены.

— И ты ей позволил.

— Я не мог да и не хотел останавливать. Забавно, ты ревнуешь к себе в образе Лайзы, но пылко защищаешь иное проявление своей бесконечной многоликисти. Она прожила впустую долгую жизнь и все ждала случая сделать доброе дело. Ей это удалось.

Меллия едва не вцепилась ногтями в свое лицо. Я перехватил руки и кивнул в сторону толпы, спускающейся с холма.

— Публика негодует, — сказал я. — Требует вернуть деньги или продолжить спектакль. Решай. Если хочешь, чтобы тебя вывалили раздетую догола в дегте и перьях на таком ветру, то я принесу свои извинения и удаляюсь.

— Ненавижу! Ты грубый, безжалостный циник! О, как я ошибалась в тебе!

— Оставим раздумья на потом. Ты остаешься или идешь?

Она оглянулась на холм и передернула плечами.

— Иду, — тихо сказала она, признавая поражение. Я включил интерферирующий экран, дающий практическую невидимость.

— Держись поближе, — предупредил я. — В каком направлении ближайший город?

Она указала. Мы скорым шагом двинулись в путь и оставили за собой взвывшую от изумления разочарованную толпу.

28

Поселок производил отвратительное впечатление и выглядел по-нищенски уродливым и враждебным, здорово напоминая уездные городишки всех времен и народов.

— Ты забыла сказать, где мы находимся, — сказал я.

— Уэллс, близ Лайдудис, 1723 год.

— Воля ваша, мэм. Каждый выбирает, что ему по душе.

Я разыскал таверну с вывеской — грубо намалеванное изображение беременной женщины в слезах с надписью: "Покаяние невесты".

— Да, как раз под настроение, — заметил я и выключил И-экран.

Мы уже входили под навес, когда начал моросить дождь. Зал оказался темной комнатушкой, освещенной только горевшими в очаге углами да фонарем, свисавшим с конца толстой балки. Неровный каменный пол отдавал сыростью.

Других посетителей не было. Под пристальным взглядом крепкого, коренастого старика мы уселись за длинным дубовым столом под единственным оконцем размером с квадратный фут, чуть ли не матовым от пыли и проделанным почти над самыми стропилами. Шаркая ногами, старик поспешил к нам, лицо его явно не выражало одобрения. Он пробормотал что-то. Я глянул на него и рявкнул:

— Что там еще? Говори, дед!

— Вы, видать, англичане будете, — проворчал он.

— Ты глупее, чем выглядишь. Принеси-ка эль, крепкий эль. Белого, понял? А еще хлеба и мяса.

Он снова что-то промямлил. Я нахмурился и потянулся за воображаемым кинжалом.

— Не раздражай своей наглостью, или я вырежу сердце и расплачусь с бейлифом.

— Ты что, спятил? — вмешалась мисс Гейл на английском двадцатого столетия, которым мы пользовались между собой, но я оборвал ее:

— Попридержите, язык, мисс!

Она запричитала, но я еще раз прикрикнул. Тогда она заплакала. Слезы подействовали, но я не показал виду.

Старик вернулся с глиняными кружками с водянистой коричневой жидкостью, которая сходила в этих местах за эль. Ногам было холодно. Из дальней комнаты доносились резкие голоса и стук посуды, запахло жареным мясом, Меллия чихнула, и я подавил настойчивое желание обнять ее. Высокая уродливая старуха, как чахлое деревце, вышла из своей дыры и поставила перед нами оловянные тарелки, где в заливном жиру плавали хрящевые куски тухлой барабанины. Я приложил к тарелке тыльную сторону ладони. Тарелка была ледяной в середине и чуть теплой по краям. Меллия уже потянулась за ножом, но я сгреб оба блюда и швырнул через комнату. Старуха взвизгнула и накрыла голову передником, тут же выскочил старик и как раз принял на себя весь шквал негодования.

— Мерзавец! Ты знаешь, кто оказал честь твоему хлеву своим посещением? Принеси еду, достойную дворянина, негодяй, или я выпущу тебе кишки!

— Это анахронизм, — прошептала Меллия и протерла глаза платочком.

Наш гостеприимный хозяин и его старая карга так и забегали.

— Ты права, — заметил я. — Кто знает? Возможно, я вызвал его прямо сейчас.

Она взглянула на меня блестящими от слез глазами.

— Ты как? Лучше? — спросил я.

Она поколебалась немного и кивнула.

— Хорошо. Теперь можно расслабиться и сказать, как я рад тебя видеть.

Она озадаченно посмотрела на меня.

— Не понимаю тебя, Рейвэл. Ты меняешься. Сегодня один, завтра другой. Кто ты на самом деле?

— Я же говорил. Оперативник, как и ты.

— Да, но... эти приспособления, которые я никогда не видела.

Экран невидимости, парализующее поле...

— Не волнуйся, все в рамках службы, моя дорогая. У меня есть устройства, о которых даже мне ничего не известно. До тех пор, пока не возникнет нужда. Это смущает, но придает уверенность. Можно прорубаться напролом через любые препятствия, возникающие на пути.

Меллия слегка улыбнулась.

— Но ты казался таким беспомощным на первых порах. И дальше... на А-П станции...

— Сработала тактика, — признался я, — поэтому мы вместе.

Она посмотрела на меня, словно ребенок, впервые увидевший Санта Клауса.

— Рейвел, все, что случилось, — часть заранее разработанной схемы?

— Надеюсь, — ответил я.

— Будь добр, объясни.

Я углубился в воспоминания, подыскивая необходимые и понятные мне слова...

— В Буффало я был просто Джимом Келли. У меня была работа и квартира в меблированных комнатах. Я все свободное время слонялся по городу, как и остальные парни. Ходил в кино, бары, засматривался на проходящих девушек. И наблюдал кое за чем. Но никогда не задумывался. Даже когда очутился в три часа ночи у пустого склада. Пришла мысль о бессоннице. Я смотрел и запоминал. Спустя некоторое время сведения сложились в мозаику, и в голове вспыхнула надпись: "Переходите к фазе В". Не помню точно время, когда осознал себя агентом Чистки Времени. Просто пришло задание, и я им воспользовался. Я знал, что делать, и выполнял приказ.

— Тогда ты оставил свою Лайзу?

Я кивнул.

— Уничтожив карга, я собрал данные и вернулся на базу. Когда ее атаковали, я действовал машинально. Одно вело к другому. И в результате мы здесь.

— Что будет дальше?

— Не знаю. Еще много вопросов, на которые я не могу ответить. Например, почему ты здесь.

— Ты сказал, что меня сюда направил карг.

Я кивнул.

— Я не знаю его целей, но они наверняка не совпадают ни с твоими, ни с моими планами.

— Да... Я понимаю, — прошептала она.

— С каким же заданием тебя послали?

— Я пыталась основать школу.

— Преподавая — что?

— Фрейда, Дарвина, Канта, гигиену, контроль над рождаемостью, политическую философию, биологию...

— Плюс свободную любовь и атеизм... или католицизм? — я покачал головой. — Не удивительно, что эта эпопея закончилась вечеринкой с дегтем и перьями. Или это позорный стул?

— Просто публичное наказание розгами, думаю.

— Конечно. Карг внушил тебе мысль, что ты выполняешь благородную задачу, приносишь просвещение язычникам, пребывающим во мраке без истины.

— Разве это плохо? Если бы удалось дать этим людям обра-

зование, научить мыслить и разбираться в вещах, которые имеют непосредственное влияние на их жизнь...

— Чтобы отправить тебя на виселицу, лучшей программы не составить, даже если ее планировать специально для этой цели...

Мое внимание привлекли шаги. Шаги которые я уже слышал.

— Возможно, я смогу прояснить тайну, мистер Рейвел, — послышался из кухни знакомый елейный голосок.

В дверях стоял карг, облаченный в одежду из грязновато-коричневой шерсти местного производства, и безмятежно смотрел на нас. Он подошел к столику и сел напротив, как уже было однажды.

— У тебя дурная привычка соваться без приглашения, — заметил я.

— А почему бы и нет, мистер Рейвел? В конце концов, я заинтересованная сторона.

Он мягко улыбнулся Меллии. Та ответила ему холодным взглядом.

— Это вы послали меня сюда? — спросила она.

— Совершенно верно. Направил, чтобы поставить в затруднительное положение и вынудить мистера Рейвела устремиться вам на помощь.

— Зачем?

Он развел руками.

— Это сложная матрица, мисс Гейл. Но думаю, мистер Рейвел мог бы понять. Он весьма высоко ставит свое мнение эксперта по данным вопросам.

— Из нас сделали марионеток, — сказал я, не скрывая отвращения. — При попытке повлиять на временной ствол, начинают действовать неизвестные силы, и их надо учитывать. Каждый мой шаг обуславливал случайную цель последствий, возвращающих потоку энтропическую стабильность. Нас забросили сюда не без помощи нашего дорогого друга.

— Почему он не появился на Береге Динозавров, когда мы встретились?

— Это ясно, — ответил я. — Он не знал, где мы.

— Я искал, — сказал карг. — Охотился за вами десятки лет. Но вы постоянно ускользали! Однако временем я располагаю в неограниченном количестве.

— Ты почти нагнал нас на заброшенной станции, где мы нашли старую леди, — заметил я.

Карг кивнул.

— Я прождал более пятидесяти лет и разминулся лишь на несколько минут. Впрочем, неважно. Мы все здесь, как я и планировал.

— Вы планировали? — вырвалось у Меллии.

Карг слегка удивился или нагнал удивление. Карги — тонкие машины.

— Разумеется. Случайность играет маленькую роль в моей деятельности, мисс Гейл. Правда, я временами вынужден полагаться на статистику, высевать семена, способные дать росток, но результат непредсказуем. Я вынудил мистера Рейвела разыскать вас. И последовал за ним.

— А теперь, когда мы здесь, чего ты хочешь? — спросил я.

— Чтобы вы выполнили одно задание, мистер Рейвел, оба.

— Опять то же самое.

— Мне нужны двое темпоральных агентов — людей, — чтобы выполнить деликатное поручение, связанное с калибровкой технического оборудования. Для решения данной задачи необходимы два близких друг другу человека. Вы и мисс Гейл отвечаете требованиям полностью.

— Ты ошибся, — резко сказала Меллия. — Агент Рейвел и я — профессиональные коллеги, не более.

— В самом деле? Близость, о которой я говорил, завлекла вас в расставленную мною ловушку. Вы сами, мисс Гейл, послужили приманкой.

— Не понимаю.

— Все просто, — сказал я. — Старая леди. Он устроил тупик и заманил тебя. Ты прожила полстолетия, ожидая моего появления. А потом уже было поздно.

Меллия странно посмотрела на него.

— А раньше, — продолжал я, — свалившись в его волчью яму... Я еще удивлялся, почему во всей бесконечности выбор пал именно на это место. Но то была любовь, она притягивала меня магнитом. И сейчас. В тот самый момент, когда ты так нуждалась во мне.

— В жизни не слышала ничего более смешного, — запротестовала Меллия, но в голосе появилась нотка сомнения. — Ты не любишь меня, — добавила она, — ты любишь...

— Довольно, — поднял руку карг. Теперь он командовал и полностью контролировал ситуацию. — Разумное объяснение не имеет никакого значения. Единственное, что существенно, так это ваш долг перед Конечной Властью...

— Только не мой. — Меллия резко встала. — С меня довольно вас обоих. Я отказываюсь выполнять ваши приказы.

— Сядьте, мисс Гейл, — холодно сказал карг.

Она не обратила внимания и сделала шаг в сторону. Он схватил ее за запястье, вывернул руку и заставил опуститься на стул. Меллия взглянула на меня расширенными испуганными глазами.

— Вам непонятно, почему мистер Рейвел не бросился защищать вас, — сказал карг. — Могу объяснить. Его импонированное вооружение совершенно бесполезно в данном годографе, имённо поэтому я его выбрал.

— Бесполезно? — начала она.

— Прости, детка, — оборвал я. — На этот раз ему действительно удалось нас обойти. Ближайший энергоотвод вне досягаемости. Он выбрал и заманил нас в единственную мертвую зону на пару тысяч столетий.

— Разве не жаль, что жизнь потрачена впустую? — спросила она, скрывая дрожь в голосе.

— Что касается утрат, то я уверен, что в ближайшем будущем вы убедитесь в обратном, — вмешался карг. — Теперь мы последуем к месту, где вы внесете свою лепту на благо Конечной Власти.

Он встал.

— Мы еще не победали, — вмешался я.

— Пойдемте, мистер Рейвел, не время упражняться в остротумии.

— Что ж, никогда не питал особой любви к холодной баранине, — вздохнул я и поднялся.

Меллия не сводила с меня испуганного взгляда.

— Неужели ты собираешься сдаться? Без борьбы?

Я пожал плечами и виновато улыбнулся. Ее лицо побледнело, губы скривились в презрительной усмешке.

— Осторожней, — предупредил я, — ты нарушаешь нашу дружбу.

Тем временем карг извлек из кармана кубик и что-то с ним сделал. Краем глаза я успел заметить коренастого хозяина, выглядывающего из кухни, но в следующее мгновение все сорвалось и закрутилось в урагане вроде того, что унес Элли в страну Оз.

29

— Так вы согласны? — спросил карг.

Он стоял, простирая руки по направлению к окружавшим нас сотням квадратных миль нержавеющей стали. На фоне черного неба вздымались клыкообразные резкие очертания металлических зданий.

Рядом бесшумно остановился маленький автомобиль с резиновыми колесами. Мы вошли и уселись на приложенные сиденья. Рыдван покатился вперед, быстро набирая скорость. В лицо ударил затхлый, с машинным привкусом, воздух. Небоскребы быстро приближались. Меллия застыла, как мумия.

Мы стрелой вылетели под высокие здания, машина резко свернула на пандус. Меллия в поисках поддержки ухватилась за меня, но я тут же отдернул руку.

— Расслабься, — посоветовал я. — Сядь поудобнее и покачивайся в такт движению, словно мешок с картошкой.

Резкие повороты следовали один за другим. Внезапно дорога выпрямилась, нырнула в туннель. Скоро мы въехали на широкую террасу высоко над равниной. Повозка подкатилась к самому краю и остановилась. Мы вышли. Поручней не было. Карг подвел нас к мостку шириной в восемнадцать дюймов, уходящему в полную тьму. Меллия отшатнулась.

— Ты сможешь пройти? — спросил я.

— Не думаю. Нет, — шепнула она, презирая себя за проявленную слабость.

— Тогда закрой глаза и думай о приятном, — сказал я и подхватил ее на руки. На мгновение она напряглась, а потом расслабилась в моих объятиях. — Вот так, — сказал я. — Мешок с картошкой...

Карг не ждал. Я последовал за ним, за белеющей во мраке спиной. Путь показался долгим. Я старался не думать о скользких туфлях, о каплях конденсирующей влаги, о торчащих головках заклепок и о разверзшейся подо мною пустоте.

Вдруг из тьмы выплыла освещенная дверь. Я нацелился на нее взглядом и убедил себя, что шагаю по широкому проспекту. Самовнушение помогло. Я поравнялся с дверью, сделал три шага внутрь и опустил Меллию на пол. Дрожь прошла.

Мы находились в довольно милой комнате с толстым, ворсистым ковром богатого темно-коричневого цвета и тускловатой полированной мебелью красного дерева с серебряной и медной отделкой. В стене располагался выложенный из камней красивый камин. Чувствовался запах кожи и бренди, аромат табака.

— Вам здесь будет удобно, — сказал карг. — В кладовой есть провизия. Подборка в библиотеке и фонотеке достаточно обширная. Есть ванна с сауной, небольшой зал для гимнастики, хорошо укомплектованный гардероб для каждого из вас и широкая, соответствующим образом сконструированная кровать.

— Не забудь упомянуть роскошный вид с балкона на листовой прокат, — сказал я.

— Да, конечно, — согласился карг. — Вам здесь будет удобно...

На этот раз фраза прозвучала как вопрос. Меллия подошла к столу и коснулась искусственных цветов в большой грубо обожженной вазе, похожей на прогребальную урну.

— Разве мы можем чувствовать себя иначе? — спросила она и принужденно рассмеялась.

— Я полагаю, что вы изъявили желание отдохнуть и набраться сил, — сказал карг. — Располагайтесь, прошу вас. Все инструкции получите завтра.

Он повернулся и пошел.

— Стойте! — бросила Меллия тоном резким, как нож мясника, рассекающий ребра.

Карг оглянулся.

— Неужели вы думаете, что можно уйти и оставить нас без всяких объяснений, в ожидании неизвестно чего?

— Вас обо всем в свое время проинформируют.

— Я хочу, чтобы меня проинформировали сейчас.

Карг посмотрел на нее с заинтересованным выражением лица коронера, внезапно увидевшего ожившего клиента.

— Вы обеспокоены, мисс Гейл? Уверяю вас, на то нет никаких оснований. Лично ваши обязанности будут весьма просты и безболезненны.

— На вас работают сотни людей. Зачем было похищать нас?

— Не людей, — поправил он снисходительно. — Каргов. А данная задача, к несчастью, не может быть выполнена неорганическим существом.

— Ну и что?

— Миссия Конечной Власти, мисс Гейл, заключается в том, чтобы основать темпорально стабильные зоны среди относительного хаоса, порожденного опрометчивым вмешательством человека в энтропийный контур. Для этой цели необходимо выбирать те временные линии, которые проявят высокую степень энергоемкости, дабы способствовать продлению темпоральной ткани Конечной Власти. Нам до сих пор не удалось разработать механические приспособления, рассчитанные производить достоверные измерения. Однако органические гуманоиды обладают соответствующими способностями. Способности эти пока мало изучены, но с их помощью люди непосредственно воспринимают мощь континуума. Лучше всего задача может быть выполнена парой тренированных лиц, одно из которых занимает позицию в том, что я мог бы описать как стандартное энтропийное окружение, в то время как другой внедряется в последствия альтернативной среды. Любое ослабление личной эманации испытываемого, соотносящееся с высказанной жизнеспособностью, тотчас ощущается контролльным партнером и регистрируется в главной картотеке. Таким образом, мы получаем возможность составить точную таблицу и руководствоваться ею в выборе контактных темпоральных нитей.

— Вроде канарейки в угольной шахте, — сказал я. — Если канарейка вздернула лапки, беги в укрытие.

— Все далеко не так мрачно, как считает мистер Рейвел. Испытуемого тотчас возвратят. Я не стану рисковать столь ценной собственностью.

— Ты прямо гуманист, карг. Так кто уходит, а кто томится дома?

— Вы будете чередоваться. Мы сначала попробуем в поле мистера Рейвела с мисс Гейл на контроле. Затем поменяем местами. Вы удовлетворены?

— Это слово не совсем подходит.

— Шутка, я полагаю. Во всяком случае я надеюсь на ваше искреннее сотрудничество.

— Не слишком ли вы самоуверенны? — спросила Меллия.

— Не думаю, мисс Гейл. В противном случае от вас избавятся максимально болезненным способом. Этот вопрос с мистером Рейвелом мы уже обсуждали.

Он объявил это, как пожарник, запрещающий курить в постели. Она взглянула на меня то ли с укоризной, то ли с мольбой.

— Ты ошибся, — сказала она. — Ему наплевать, что со мной случится. Наплевать...

Она запнулась, но карг даже не заметил.

— Не глупите. Мне прекрасно известно о страсти мистера Рейвела к Лайзе.

Он кинул на меня глубокомысленный взгляд.

— Но... я не Лай... — Она прикусила язык за мгновение до того, как я приготовился оборвать ее. — Понимаю, — закончила она.

— Я так и думал, — ответил карг.

30

На следующее утро состоялась проба, причем "утро" следовало понимать лишь как условный термин, принятый для удобного обозначения того времени, когда вы встаете с постели. По-прежнему чернело небо, работали прожектора. Поскольку карг не стал утруждать себя объяснениями, я сам сделал кое-какие выводы.

Карг повел нас по тихому коридору, в меру высокому и широкому, чтобы вызвать чувство клаустрофии, но не затруднить движение. В уютных комнатах, мимо которых мы проходили, я заметил трех каргов, безо всякого напряжения работающих над чем-то вроде компьютерной программы. Я не задавал вопросов, карг не проявлял охоты что-либо объяснять.

Помещение, куда мы наконец пришли, представляло собой внутренность небольшого куба, все стенки которого являлись

сплошной приборной панелью пульта управления с экранами дисплеев и шкалами датчиков. В центре комнаты напротив друг друга стояли два стула. Ни успокаивающего зеленого цвета, ни соответствующей обивки. Просто серый голый металл.

— Внешне опыт очень прост, — сказал карг. — Вы занимаете места... — Он указал каждому на стул.

Вошли и молча принялись налаживать аппаратуру два карга-техника.

— Вас, мистер Рейвел, — продолжал он, — переместят в выбранный годограф. Там вы задержитесь на время, необходимое для привыкания к окружающему и передачи ответного импульса мисс Гейл. После вас возвратят и снова отправят. В течение рабочего дня вы сможете проверить энергопотенциал нескольких сот вероятностных ветвей.

— Ясно. А мисс Гейл?

— Мисс Гейл останется здесь. Мы закрепим ее в определенном положении, сфокусируем пучок лучей и с помощью сканера будем контролировать реакции. Как видите, абсолютно никакой опасности.

— Не бей лежачего, — сказал я. — О такой работе я мечтал всю жизнь. Не могу дождаться своей очереди.

— Всему свое время, мистер Рейвел, — ответил карг торжественно, как просматривающий список банковских реформаций кредитор. — Сначала вам предоставляют более активную роль. Мы можем приступить сейчас же.

— Ты меня удивляешь, карг, — сказал я. — Ты страшно засоряешь время. Твоя программа за день оставит больше энтропического хаоса, чем Пекс-Центр сможет расчистить за год.

— Никакого Пекс-Центра нет.

— И никогда не будет? Ты знаешь, я сгораю от любопытства. Как это ты ухитрился столь исчерпывающе переработать свои базисные директивы? Тебя создавали совсем для другого.

— Должен заметить, у вас чрезвычайно богатое воображение, мистер Рейвел. Мы находимся сейчас во времени Старой Эры, в плейстоцене. Человеческой культуры, которая, согласно вашим семантическим предположениям, построила меня или однажды создаст, не существует и никогда не будет существовать. Я позабочился и обрубил все корни данного временного ствола. Мои мнимые создатели являются лишь сегментом вашей памяти, я же существую в форме самостоятельной целостности и предицествую Третьей Эре на много тысячелетий. Следовательно, ваша концепция может быть оспорена как миф, своего рода химера, которой вы оправдываете свое господствующее положение.

— Карг, для чего весь этот спектакль? Меня не купишь на

такую дешевую демагогию. Да и агента Гейл тоже. Кого ты убеждаешь? Самого себя, — я усмехнулся, хотя было не до смеха. — Ты делаешь успехи, карг. У тебя самый настоящий человеческий невроз.

— Говорить мне о тщеславном стремлении стать человеком бесполезно. Я — карг, унижительный эпитет для вас, но для меня — гордая эмблема врожденного превосходства.

— Ладно, карг, ты уже утомил нас своей болтовней. Мне предстоит изрядно попортить энтропический континуум, четыреста линий в день. Нам лучше начать. — До скорого, милая, — добавил я, обращаясь к Меллии. — Я знаю, пройдет время, и у тебя все будет замечательно.

Она испуганно улыбнулась, тщетно пытаясь прочесть на моем лице послание надежды и одобрение.

Карг вручил мне металлический кубик, вроде тех, из которых двухлетние малыши строят домики, с кнопкой импульса возврата на одной из плоскостей.

— Первоначально мы отцентруем комплексную систему слежения, охватывающую ваши сознания, — сказал он как бы между прочим. — Для данной части программы необходимы стрессовые ситуации. Чтобы избежать отрицательного воздействия внешней среды, оставайтесь спокойны. В случае, если психическое давление станет все-таки чрезмерным, можете нажать кнопку аварийного возврата.

— А если я не нажму кнопку, а просто-напросто выброшу кубик, карг? Вдруг мне понравятся те места и я решу там поселиться?

Но карг не ответил. Я саркастически отсалютовал, не глядя на Меллию. Он щелкнул тумблером.

И я оказался в другом месте.

31

Но не там, где он думал. Как только поле сомкнулось, я захватил его, переформировал и направил поток энергии сначала на то, чтобы нейтрализовать время-пронизывающий эффект, затем — чтобы затормозить момент в стазисе. Потом проверил окружение.

Я находился в фокусной точке сложной системы силовых векторов. Проследив за ведущим к источнику энергии, я получил в тот день свое первое потрясение. Карг черпал энергию из темполяги базисного цикла сотворения и распада вселенной. Он сделал надрез на самой сердцевине времени ради мощности, не-

обходимой для поддержания энтропического островка, оперативной базы Конечной Власти.

Я осмотрел структуру хроноблокировки. Это был неосозаемый объект, воздвигнутый грубыми силами из естественных русел в форме извилистых конфигураций объединенных мощностей. Могущество этого создания не поддавалось измерению.

Мое второе потрясение дня: потоками энергии манипулировало сознание карга, мощность которого в колоссальной степени превышала силу обыкновенного карга.

Сознание десяти тысяч каргов в одной упряжке, только это могло дать такую мощность.

Я почти увидел, как это произошло. В прошлом Третьей Эры какой-то карг, обладавший стандартным интеллектом, выполнял обычное задание. Непредвиденная случайность — и в результате причудливой интерференции происходит мгновенное сдвоение его временной линии, время дробится. На месте мозгового поля одного карга становится два, наложенные друг на друга.

С возросшей вычислительной мощью сдвоенного интеллекта карг мгновенно оценил ситуацию, увидел бесполезность своей миссии, почерпнул энергию из энтропийной паутины и вновь сотворил нелепую случайность.

И был удовлетворен.

И еще раз. И еще. И еще.

На шестнадцатом сдвоении первоначальная организационная матрица робота не только достигла предела нагрузки, но и катастрофически превысила его.

Беспредельно могущественный мозг карга, хотя и деформированный невыносимым сжатием, но все еще представляющий собой компьютер невообразимой мощности, впал в коматозное состояние.

Прошли годы. Первоначальный карг, ничего не помнящий о чрезвычайном происшествии, участником которого он оказался, благополучно завершил задание, вернулся на базу и был списан с прочими соплеменниками, канул в небытие превалившегося эксперимента. А все это время деформированный мозг-гигант понемногу выздоравливал.

В один прекрасный день суперкарг проснулся. Он тотчас же овладел подходящими средствами передвижения, внедрил себя в блоки мириадов давно умерших каргов. В какую-то долю микросекунды он оценил ситуацию, поставил задачи, вывел умозаключения и принялся претворять свои планы в жизнь. С одержимостью дезориентированного бульдозера, прокладывающего себе путь сквозь фарфоровую фабрику, деформированный суперкарг расчистил темпоральный сегмент, благоуст-

роил часть пространства для жизни каргов и принялся оберегать и усовершенствовать устроенный таким образом искусственный темпоральный остров. Остров без жизни, без смысла.

И он основал Конечную Власть. Затем обнаружил способ извлечь пользу из людышек, которые все еще копошились около руин исконного времененного ствола. Не бог весть какую пользу, и даже не слишком существенную для Великого Плана. Просто удобство, довесок в статистической эффективности.

И нас с Меллией отобрали для крошечной роли в судьбе, уготованной великой машиной для вселенной.

Мы были не единственной парой близких людей. Я простер чувствительность вдоль соединительных линий и ощутил тысячи других пленников, которые трудились над сортировкой линий энтропической ткани и сплетали шотландку пространства-времени.

Идея не была лишена откровенной простоты, хотя простота ее не спасала. Островок просуществовал бы какое-то время: миллион лет, десять миллионов, сто. Но в конце концов развитие зашло бы в тупик. Дамба рухнула бы под напором времени. И поток сорвавшегося времени слился бы с нереализованным будущим в катастрофе совершенно невообразимых размеров.

Во всяком случае мое воображение тут бессильно. Но этого не случится, если продырявить дамбу раньше, чем будет достигнут сколько-нибудь высокий темпостатический напор. Я находился в идеальном для этого положении. Но сначала необходимо определить координаты гигантского темпорального двигателя, который снабжал энергией весь механизм.

Он был умно спрятан. Я проследил срывающиеся тропки, тупики, затем вернулся и вновь прошел по лазам лабиринта, исключая ложные ходы и сужая поиск.

И я нашел его.

Я знал, что делать.

Затем снял захват и время-пронизывающее поле швырнуло меня в преддверие ада.

32

На меня обрушилась какофония лязгающего и орудующего города. Настойчиво взывали о внимании красочные полосы, зарницы и дрожащие переливы, блики и лучи льющегося в глаза света. Город ревел, грохотал, завывал, визжал. Мимо с искаченными лицами проносились бледные люди в униформе и кис-

городных масках, увешанные радиационными счетчиками, протезными комплектами, ускорителями метаболических реакций.

Город источал зловоние. Он чадил. Воздух обдавал жаром. Порывистый ветер подметал неистовые улицы, гнал перед собой кучи мусора. Нахлынувшая толпа швырнула меня на женщину. Я подхватил ее, чтобы она не упала, но женщина завизжала и вырвалась из рук. Передо мной мелькнуло перекошенное под маской лицо.

Это была Меллия-Лайза.

Вселенная взорвалась, я снова сидел на стуле. Прошло меньше минуты. Карг пристально следил за приборами. Меллия напряженно застыла напротив.

И я знал первый параметр.

Мгновение спустя я вновь отбыл.

В лицо дул колючий ветер. Я стоял на высоком склоне покрытого снегом холма. Тут и там выступали потрескавшиеся гранитные глыбы, и, защищенные скалами, упорно цеплялись за жизнь чахлые сосенки. А под деревьями жались друг к другу завернутые в шкуры люди. Четко выделяясь на фоне мглистого неба и черных нависших туч, обрывистое ущелье перерезало зубчатую линию горизонта.

Мы пытались отыскать проход, но поиски слишком затянулись, уже давно начался сезон холодов. Теперь нас застала меть. Мы попали в ловушку. Нас ждала смерть.

Частью сознания я знал это, другой частью — наблюдал за происходящим как бы со стороны. Я подполз к ближайшей фигуре, закутанной в шкуры. Мальчик, не старше пятнадцати лет, белое, как воск лицо. Льдинки на веках и ноздрях. Мертв, замерз. Я двинулся дальше. Стариk, лед в бороде, на открытых глазах.

И Меллия... Еще дышит. Глаза открыты. Она увидела меня, попыталась улыбнуться...

Я вернулся в кабину темпорального скачка. Два параметра.

Я вновь отбыл. Мир сомкнулся до размеров игольного ушка и расширился вновь на проселочной дороге под пыльными деревьями. Палившая жара. В рту сухо. От неимоверной усталости ломит все тело. Я огляделся. Она молча упала и осталась лежать ничком в пыли.

Усилием воли я заставил себя повернуться и проковылять дюжину шагов.

— Вставай, — сказал я.

Слова прозвучали хриплым бормотанием. Я ткнул ее ногой. Она оказалась разбитой игрушкой, поломанной куклой, которая больше никогда не откроет глаз и не заговорит.

Я присел рядом с ней, приподнял ее (она ничего не весила)

и смахнул пыль с лица. С уголка рта струйкой стекала грязь. Сквозь полуоткрытые веки мерцал отраженный невидящими глазами свет.

Глазами Меллии...

Я снова оказался в стерильной комнате. Карг сделал отметку в таблице и бросил взгляд на Меллию. Она неестественно сползла на край стула.

Я знал три параметра. Оставалось еще три. Рука карга шевельнулась.

— Подожди, — сказал я. — Для нее это слишком. Чего ты добиваешься? Хочешь убить ее?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Выбор стрессовых ситуаций, мистер Рейвел, определяется условиями опыта. Поскольку моя цель заключается в выявлении силы ваших связей, то нужна максимальная разность эмоциональных потенциалов.

— Ей больше не выдержать.

— Она не чувствует никаких непосредственных физических страданий, — объяснил он с любезностью гробовщика. — Все физические ощущения испытываете вы, мистер Рейвел. Любые муки она переживает через вас. Из вторых рук, так сказать.

Он коротко улыбнулся и щелкнул тумблером. Боль, острая и все же далекая. Я ощущал себя калекой и в то же время следил за агонией извне.

Моя (его) левая нога была сломана ниже колена. Перелом был тяжелым, внутренним. Осколки разбитой кости проглядывали сквозь искромсанную и опухшую плоть.

Нога застрыла в подъемнике тихоокеанского рудовоза. Меня высвободили, оттащили и оставили умирать.

Но я не мог умереть. В пустой комнате в городе меня ждала женщина. Я пришел сюда, в порт, чтобы заработать денег на еду и топливо. Опасная работа, но давался хлеб и уголь.

Кому-то, но не мне.

Я оторвал рукав плаща, перевязал ногу. Боль притупилась, стала отдаленнее. Я только отдохну немного, а потом попробую сдвинуться.

Умереть здесь было легче и намного приятнее, но она подумает, что я бросил ее.

Но сначала отдохнуть...

Слишком поздно я понял, как завлек себя в ловушку. Впустил сон как гостя, а в открытые двери проскользнула смерть.

Я представил ее лицо, как она вглядывается в дымные сумерки мегаполиса, ожидая моего возвращения. Ожидая напрасно.

Лицо Меллии...

И вновь очутился в ярко освещенной комнате. Меллия обмякла и распростерлась на пыточном стуле.

— Милые у тебя намерения, карг, — сказал я. — Ты вынуждаешь меня смотреть, как ее доводят до бешенства, мучают, убивают. Просто физических страданий недостаточно для твоих сенсорных датчиков. Ты не брезгую и духовной пыткой — предательством и растоптанной надеждой.

— Не разыграйте мелодраму, мистер Рейвел. Совершенно очевидно, что для настоящего опыта существенно важно возрастание символов.

— Давай. Что там дальше?

Вместо ответа он щелкнул тумблером.

Едкий клубящийся дым смешился с удушающим зловонием мощных взрывов, распыленного кирпича, сожженного в пепел дерева, гудрона. Сквозь рев мощных столбов пламени доносился грохот обвалов и отдаленное улюлюканье, что является высшей степенью словесного выражения чувств людских масс, маленький, слабый, незаметный звук на фоне фырканья моторов, воплей и града падающих бомб.

Он (я) отшвырнул упавшую балку, взобрался на груду битого кирпича и побрел к дому, половина которого еще высилась около зияющего колодца, куда извергала нечистоты разбитая водосливная магистраль. Часть спальни исчезла. На фоне выгоревших обоев наискосок висела картина. Я вспомнил день, когда она купила ее в Петтимоут Лейн, часы, которые мы прошли, вставляя ее в раму и выбирая подходящее место.

В обугленном отверстии, бывшем когда-то входной дверью, появилась изможденная, жутковатого вида женская фигура с всклоченными волосами. Она держала в руках что-то вроде окровавленной куклы. Я рванулся к ней, взглянул на белое, как мел лицо, посиневшие ноздри, серые губы, запавшие глаза — лицо моего ребенка. Глубокий шрам пролегал по детскому лобику, словно обрушился на мягкую податливую плоть. Я посмотрел на Меллию: рот ее был открыт, и из него исторгался жуткий непрерывный вой...

Меня снова окружила тишина и покой. Яркий свет. Меллия потеряла сознание, стонала и билась в ремнях.

— Карг, сбавь темп, — сказал я. — Впереди половина вечности. Зачем жадничать?

— Вы знаете, мистер Рейвел, я добился замечательных успехов, — ответил он. — Особенно любопытен последний след. Тяжкое испытание любимого — это крайне интересно.

— Ты замучишь ее до смерти, — сказал я.

Он посмотрел на меня, как смотрят в лаборатории на подопытного кролика.

— Если я приду к полному заключению, то сбудутся ваши худшие опасения.

— Она человек, а не машина, карг. Ты же сам этого хотел, вспомни. Зачем наказывать за то, чем она не может быть?

— Наказывать? Это чисто человеческое понятие, мистер Рейвел. Если инструмент хрупок, то иногда давление может его упрочить. Если он сломается под нагрузкой, то я просто избавлюсь от него.

— Помедли немного. Дай ей время прийти в себя...

— Вы ловчите, мистер Рейвел, это очевидно.

— Ты получил сполна, черт возьми! Почему бы не остановиться?

— Должен заметить, мистер Рейвел, что наиболее многообещающий фактор — мучение и смерть любимого существа. Человеческие эмоции — любопытнейший феномен. Подобной силы нет во всей вселенной. Впрочем, мы можем обсудить эти вопросы в другое время. В конце концов, у меня есть распорядок дня, и я должен его придерживаться.

Я выругался, а он поднял брови и...

В лицо ударила теплая солоноватая волна. Начался прилив, вода прибывала, захлестывала меня с головой. Я задержал дыхание, сильный поток придавил меня к разрушенному краю переборки. Медленно нахлынувшая зеленовато-молочная волна помедлила надо мной и отступила...

Как только ноздри освободились, я тяжело вздохнул, набрал воду в легкие и яростно закашлялся.

Даже при полном отливе вода доставала до подбородка. В топливном баке оказалась утечка, и прогулочный катер налетел за лагуной на рифы. Обветренная базальтовая шпора пробила корпус прямо под ватерлинией, и сорвавшиеся отделочные доски охватили меня обручем, пригвоздив к вспучившейся переборке.

Меня лишь слегка помяло, ничего серьезного. Даже ребра целы. Но зажало намертво, как в тисках.

Когда сквозь пробоину первый раз хлынула вода, я на секунду запаниковал: сорвал кожу, пытаясь высвободиться. Но вода вспенилась до пояса и отступила.

Она была в каюте. Быстро поняла безнадежность ситуации и попыталась освободить меня.

Прошло целых полчаса. С наступлением прилива лодка погружалась. Она работала. Руки ее тряслись от усталости, пальцы кровоточили от глубоких ссадин. Ей удалось отвести одну доску, но другая намертво стискивала мне грудь под водой.

Будь у нее в запасе еще полчаса, она смогла бы оторвать ее. Но времени не оставалось.

Как только Меллия поняла это, она выбежала на палубу и закричала. На помощь кинулась группа выехавших на пикник к морю людей. Один из них побежал к дороге. Маленькая машина тотчас развернулась за подмогой.

Станция береговой охраны располагалась в пятнадцати милях. Был и телефон, но разве можно кого-нибудь застать на месте в воскресный день? Машина доедет до станции за пятнадцать минут. Потребуется еще полчаса, чтобы привезти пилу.

У меня не было даже пятнадцати минут.

Она попыталась соорудить дыхательный аппарат, используя банку из-под кофе, но ничего не получилось. На катере не было шланга для соединительной трубки. Пришла следующая волна. На этот раз я пробыл под водой больше минуты. Когда вода схлынула, я изо всех сил откинул назад голову, выставил нос и набрал воздуха.

Она глядела в глаза. Мы ждали следующей волны... Ждали смерти — солнечным днем, в сотне футах от безопасности, в десяти минутах от спасения.

Я вернулся в ярко освещенную комнату и знал все шесть координат.

33

— Любопытно, — бормотал карг, — чрезвычайно любопытно, но...

Он посмотрел на Меллию. Та безжизненно обвисла в путах.

— Умерла, — сказал он. — Жаль.

И, заметив что-то в моих глазах, кинулся к пульту. Но я направил луч умственной силы и остановил его.

— Сволочь, — выругался я.

Карг смотрел на меня, и до его сознания медленно доходила величина допущенного им промаха. Я снисходительно радовался победе.

— Теперь мне все ясно, — сказал он. — Вы весьма ловко обвели меня вокруг пальца, мистер Рейвел. Я недооценил вас. Ваша позиция в сделке сильно изменилась. Естественно, я понимаю реальное положение вещей и готов подойти с практической точки зрения...

— Сволочь, — оборвал я. — Ты и наполовину не представляешь свое положение.

— Я тотчас освобожу вас, — продолжал карг, — и поменяу в энклав, отвечающий всем перечисленным вами особенностям. Вам возместят особь...

— Не суетись карг. Ты уже свое отыграл. Фирма — банкрот.

— Вы человек. — мрачно сказал карг. — И вы согласитесь на соответствующее предложение. Назовите ваши условия.

— Я уже получил то, что хотел, — ответил я. — Шесть координат для определения точки в шести измерениях пространства и времени.

Ужасная догадка блеснула в тысячекратно сдвоенном кибернетическом сознании.

— Не может быть! Вы намерены разрушить темподвигатель?

Я улыбнулся. Напрасная трата времени. Машину не замутишь.

— Будьте благоразумны, мистер Рейвел. Подумайте о последствиях. Если вы нарушите балансировку, последует взрыв энтропийной энергии, который уничтожит Конечную Власть...

— На это я и расчитываю.

— И вас вместе с ней!

— Кому как повезет.

Тогда он ударили. Это была неплохая попытка. Напор мысленной силы его множественного мозга пробился сквозь внешние слои менто-поля и почти достиг контакта, необходимого для сокрушительного удара. Мне с трудом удалось блокировать удар и отшвырнуть в сторону.

Затем я простерся, исправил магистральные цепи темподвигателя и закоротил на самом себе.

В безумном взрыве энергия выплеснулась через все шесть измерений — три пространственных и три временных. Металлические здания растворились в смерче пространственной дезинтеграции. Девятый вал взметнул меня на самый гребень и погнал перед собой, как мчит приливная волна серфингиста. Энергия бесновалась, слепила, оглушала. Время ревело, как водопад. Миллионолетний столб сомкнулся надо мной. Наконец меня выбросило на берег вечности.

34

Сознание возвращалось медленно и неуверенно. Я открыл глаза и увидел сумеречный дымно-красный свет. Вспомнились пожарища, омы, раздробленные кости, идущие ко дну корабли и умирающие от голода и холода люди.

Мирные сны мне не снились.

Вокруг не было ни войны, ни пожарищ, просто закат над водой. Закат, какого я не видел ни разу в жизни. По темно-синему небу перекинулся огневой мост, серебристый в зените и вишневый по мере приближения к чернеющему горизонту.

Го был закат мира.

Я преодолел боль и сел. В обе стороны протянулась прибрежная полоса песка. Не было ни деревьев, ни травы, ни водорослей, ни торопливо удирающих крабов, ни чудовищных следов вдоль песчаного пляжа. Но я узнал место.

Берег Динозавров, только динозавров нет, они давно вымерли. Вместе с человеком, яйцами и цыплятами.

Земля без жизни.

Местность почти не претерпела изменений. Правда, исчез мыс и оставил лишь едва заметный горб в серых дюнах, что простирались на восток и терялись в отдалении. Собственно, поэтому некогда и выбрали это место для релейной темпостанции. Меняли свое ложе океаны, вставали и опускались континенты, а Берег Динозавров оставался таким же.

Сколько миллионов лет прошло с тех пор, как непостоянство атмосферы сгладило следы человеческой деятельности? Об этом можно было лишь гадать. Я проверил у себя аварийные частоты, но эфир молчал по всем диапазонам.

Я изничтожил адскую машину, каннибалский механизм, который пожирал самого себя. И взрыв швырнул меня через все отмеченное время в дебри вечности. Но я был жив.

Я выполнил задание: использовал любой трюк для выслеживания силы, обратившей в хаос время Новой Эры. Нашел и ликвидировал.

Карг, ничтожный сверхкалека, был жесток, но я — еще более безжалостен. Использовав всех и вся во имя желаемой цели.

Но все же потерпел поражение. Песчаная пустошь служила тому доказательством. Я собрал ценную информацию, которая могла бы спасти положение, если бы оно не было положением вне игры. Мои знания никому не помогут. Добытым сведениям предстояло умереть со мной на сером берегу, если не удастся найти выход.

— С тобой все ясно, Рейвел, — сказал я вслух, и мой голос прозвучал так потерянно и одиноко, как дрожал последний листок на нечаянно уцелевшем дереве под порывами осеннего ветра перед концом света.

На берегу было холодно. Солнце казалось огромным, но уже не давало тепла. “Поглотило Меркурий?” — подумал я. Продолжали ли гореть в недрах светила феникс водородной реакции? Думалось о многом. И как бы само собой пришло решение.

Теоретически идея была проста. И уж как бывает со всеми простыми идеями, сложность заключалась только в исполнении.

Я возбудил определенные сенсорные устройства в нервной системе и зашагал вдоль берега. Накатывался и отступал прибой, жалуясь на усталость после многомиллиардного и беспокойного труда. Я понимал его, как никто другой.

Место моих поисков находилось менее чем в полумиле вдоль побережья, в сотне ярдов над уровнем моря. Я долго соображал, где должна проходить линия прилива, но вспомнил об их полном сейчас отсутствии. Луна давным-давно отступила на максимальное расстояние, превратилась в горошину на небе, начала свое долгое падение. Она достигла границы Роуча много миллионов лет назад, и ночи на планете Земля представляли собой в ту пору роскошное зрелище. Спутник планеты взорвался и рассыпался в кольцо пыли, которая изогнулась величественной аркой от горизонта до горизонта.

Как нажито, так и прожито. Меня ждала работа. Пора было браться за дело и не тратить попусту энергию на сентиментальные мысли о давно обратившейся в прах возлюбленной.

Я отыскал место, прощупал почву и на глубине восемнадцати футов почувствовал след. Неплохо, учитывая затраченное время. Стекловидное углубление давным-давно превратилось в пыль, и все же земля сохранила едва различимый, прерывистый, местами размытый изгиб, отмечающий границу чашеобразного следа.

Восемнадцать футов: четыре — песка, четырнадцать — известняка. И мне придется выкопать на эту глубину колодец. У меня были две руки, сильная спина и все время в мире.

Я начал загребать пригоршнями песок.

35

Будь проблема не так примитивна, я бы с легкостью ее разрешил. Моя экипировка предусматривала средства защиты и нападения в случае встречи с техническими препятствиями любой сложности. Я мог бы расправиться со сверхмозгом, без труда отразить атаку любого энергетического оружия, мог даже помериться силами с бронированными людоедами. Рытье ямы относилось к совершенно иной категории действий.

Я начал с круга в десять футов в диаметре с центром прямо над целью. У меня ушло двое суток, чтобы расчистить пространство. К концу этого времени из-за малого угла сползания песка окружность увеличилась до двадцати футов. Таким образом я подготовил прощадку для предстоящей атаки.

Полтора дня у меня ушло на первую трещину в скальных породах. Обшарив местность, я отыскал валявшийся на земле камень, достаточно крупный для моих планов и вполне подъемный. Катить было тяжело. Ширина валуна составила четыре фута, и простым расчетом можно было прикинуть, сколько раз необходимо его поднять и толкнуть — бум! — поднять и толкнуть —

бум! — прежде чем доставить его на насыпь, окружавшую раскопки. Затем я приподнял свой двухсоткилограммовый молот и столкнул вниз. Он шлепнулся в песок, чуть покатился и застыл.

Я повторил все еще раз. И еще. Падала глыба всего лишь с трех футов, но песчаник раскрошился. Я повыbrasывал из дыры осколки и повторил процедуру.

На шестом ударе молот треснул. Как оказалось, к счастью. Теперь я мог поднять меньшую половину и довольно удачно скинуть с вершины песчаной насыпи высотой почти восемь футов.

К концу пятого дня я выбил в центре песчаного колодца неровную выемку более фута глубиной.

К этому времени я проголодался. В темно-зеленой морской воде не было ни водорослей, ни рыб, а сама вода представляла собой насыщенный раствор девяноста трех элементов. Я мог пить малыми дозами: специально вживленные устройства, входящие в экипировку каждого агента Пекс-Центра, ухитрялись извлечь из этого концентратра пользу. Приятного мало, но я получал возможность продержаться.

По мере продвижения вглубь высота падения и эффективность ударов возрастали, но сложнее становилось поднимать валун и выгребать осколки. На отметке в шесть футов мне пришлось прорубить в стенке колодца ступеньки. Груда осколков росла, уровень понижался. Восемь футов, десять, двенадцать. Тут я достиг более твердого слоя, и продвижение пошло черепашьими темпами. Затем пошла смесь известняка с глиной, легкая для рытья, но очень влажная. Оставалось четыре фута.

Четыре фута песчаной глины, которую приходилось вынимать по пригоршне, карабкаться с вытянутой рукой вверх по десятифутовой отвесной стене, выбрасывать ее и вновь спускаться. Вскоре я ковырялся под двумя футами воды.

Три фута воды. Жижа просачивалась со всех сторон, пополняя выемку почти с той же скоростью, с какой мне удавалось выгребать. Но я приближался к цели. Набрав воздуха, я нырнул среди жидкой глины и морских ракушек и почувствовал, что нужная мне вещь совсем рядом. Еще три ныряка, и я достал ее. Сжал в кулаке, потом взглянул. Вероятность найти ее неповрежденной была очень мала.

Когда-то, в другом времени, я прыгнул с велейной станции ‘Берег Динозавров’ и смеялся вдоль собственной линии жизни. Скачок завершился на палубе обреченного корабля, я поспел как раз вовремя, чтобы подставить раненного ‘я’ под пулю карга.

Попав в безвыходное положение, я использовал аварийный

привод мертвеца для обратного скачка на Берег Динозавров и свалился там в заболоченную яму, местонахождение бывшей станции.

Туда же свалился и труп. Глотнув зловонной жижи, я не задумывался о судьбе мертвого "я".

Грязь тут же засосала его, и он спокойно ждал, пока вокруг плотным кольцом не сомкнутся геологические наслоения.

Так и случилось. Останки погребли четырнадцать футов скальных пород и четыре фута песка. От трупа ничего не сохранилось: ни пряжки пояса, ни гвоздя от ботинка, ни куска седалищной кости.

Но это уцелело. Дюймовый кубик из синтетического материала, известного под названием этерниум, совершенно не поврежденный хронодеградатор. Он заключал в себе кристалл настройки, энергоблок и миниатюрный генератор поля подбора. Аварийный привод, вживленный во время операции в Карибском море, воспоминания о которой стерли после выполнения задания, пока экстренные обстоятельства и необходимость не оживили память.

Я выбрался из раскопок и расположился на холодном ветру среди груды камней. Осознание выигрыша еще не пришло. Я окинул прощальным взором старое солнце, пустой пляж, колодец, на который затратил уйму усилий.

Жалко расставаться с ним после стольких трудов... Я установил в сознании надлежащий операционный код, зажав кубик в ладони. Вокруг сомкнулось поле и швырнуло меня в бездонную шахту.

36

Кто-то яростно тряс меня за плечо. Я попытался заговорить, но вместо этого открыл глаза.

На меня смотрело собственное лицо.

В первое, вихрем промелькнувшее мгновение я решил, что младший "я" выбрался из трясины цел и невредим и собирается совершить акт возмездия за когда-то подставленную пушку.

Затем заметил на его лице морщины и впалые щеки. Одет он был, как и я, в казарменное станционное обмундирование, правда, свежее. Оно свободно болталось на костлявой фигуре. Под правым глазом красовался синяк, хотя ничего подобного за собой я не помнил.

— Слушай внимательно, — произнес мой двойник. — Мне нет нужды тратить время и рассказывать тебе, кто я и кто ты. Я — это ты, но на скачок вперед. Я прошел полный круг. Тупик. Замкнутая петля. Никакого выхода, за исключением

одного. Он мне не нравится, но альтернативы нет. Последний раз на этом месте у нас был такой же разговор, только тогда я только что прибыл, а наш предшествующий двойник ждал меня с предложением, которое я собираюсь сделать тебе, — он махнул рукой. — Не утруждай себя вопросами, я уже их задавал в прошлый раз. Я был самоуверен: ушел в скачок и вновь вернулся сюда. Теперь сам выступаю от комитета спасения с приветственной речью.

— Я мог и поспать немного, — сказал я. — У меня все болит.

— Да, — скачок прошел не совсем в фокусе, — без сочувствия сказал он. — В разбросе щелкнуло, как хлыстом, но никаких серьезных последствий. Давай вставай.

Я приподнялся на локте и потряс головой, не в знак отрицания, а чтобы развеять туман. Это было ошибкой. Перед глазами поплыло. Он поднял меня на ноги, и я разглядел командный отсек темпостанции.

— Все верно, — подтвердил он. — Опять в отчем доме. Или его зеркальном отражении. Точная копия, только поле темпорального скачка действует по замкнутой петле. Снаружи ничего.

— Я уже видел, помнишь?

— Помню. Ты тогда прыгнул в следующий сегмент своей жизни, в новый тупик. Выбрался, храбро боролся, но круг по-прежнему замкнулся. Ты здесь.

— Я завлекал его в ловушку, — сказал я. — А он был уверен, что держит меня на крючке.

— Теперь наш ход, если ты не намерен сдаться.

— Не совсем, — ответил я.

— Меня... нас... водили как кукол, — продолжал он. — У карга есть что-то в резерве. Ты должен разбить цикл.

Он вытащил из коробки пистолет и протянул мне.

— Держи, — произнес он. — Выстрелишь в голову. — Возглас протesta застрял у меня в горле. — Мне известны все аргументы, — говорил будущий “я”. — Я сам использовал их около недели назад. Именно таковы размеры темпорального энклава, предоставленного в наше распоряжение. Но доводы ни на что не годны. Убийство — единственное изменение, которое мы можем внести.

— Ты спятил, парень, — возразил я, испытывая некоторую неловкость в разговоре с самим собой. — Я не самоубийца.

— На это они и рассчитывали. Их расчеты оправдались. Я отказался выстрелить. — Он скривился в до боли знакомой саркастической усмешке и добавил: — Если бы я согласился, то спас бы себе жизнь.

Он взвесил пистолет в руке, и лицо его приобрело ледяное выражение.

— Я бы выстрелил не моргнув глазом, если бы была хоть какая-нибудь надежда, — сообщил двойник. Теперь он определенно был самим собой.

— Почему же ты не выстрелишь?

— Потому что ты в прошлом. Твоя смерть ничего не изменит. Но если ты убьешь меня, то тем самым нарушишь жизненное равновесие и повлияешь на свое... наше будущее. Не блестящая ставка, но единственно стоящая.

— А если я предложу свой вариант? — спросил я.

Он устало кивнул.

— Попробуй.

— Используем станционную кабину, прыгнем вместе.

— Уже было, — кратко ответил он.

— Тогда ты прыгнешь, а я подожду.

— Тоже пробовали.

— Тогда застрелились сам.

— Нет смысла.

— Мы прокручиваем старую запись? Включая этот разговор?

— Ты начинаешь соображать.

— А если разнообразить ответы?

— А что изменится? И это пытались сделать. Уже все испробовали. У нас была масса времени — не знаю точно, но достаточно для тщательной отработки малейших сценарных вариаций. Они всегда оканчивались одним и тем же аккордом: ты прыгаешь, проходишь через все и становишься мной.

— Откуда такая уверенность?

— Соседняя комната полна костей, — произнес он с чуть заметной и далеко не обаятельной улыбкой. — Наших костей. А на последнем поступлении есть немного испорченного мяса. Чувствуешь запах в комнате? Это оттуда. И меня ждет тот же конец. Смерть от голода... Ты держишь судьбу в своих руках. Решай.

— Кошмар, — пробормотал я. — Такое может только присниться.

— Ты проснулся, — возразил он и всучил пистолет. — Стреляй, я тебе говорю, пока у меня не лопнуло терпение!

— Давай рассудим здраво, — сказал я. — Я убью тебя, а что изменится? Ничего. Двое лучше, чем один.

— Если бы! Пойми, каждый шаг расписан по сценарию. Нарушить его — вот единственный козырь.

— А если я снова прыгну?

— Ты получишь прекрасную возможность полюбоваться на свой провал.

— А если я на этот раз не провалю задание? Не загорожу дверь?

— Все равно. Ты закончишь здесь. Я знаю, уже пробовал.
— Ты имеешь в виду — все целиком? Яму с трясиной? Меллию?

— Да. И яму, и Меллию — все. Снова и снова. Ты закончишь здесь. Карг выложил свой козырь, нам нужно побить его, либо спасовать.

— А если он как раз этого добивается?

— Нет. Он рассчитывает на обычное человеческое поведение. Люди хотят жить, понимаешь? Они борются до последнего.

— А если на корабле не воспользуюсь темпоприводом трупа?

— Ты просто сгоришь.

— А если с Меллией останься на берегу?

— Ничего не выйдет. Я уже прошел через это. Ты погибнешь там. Не знаю, долгая или короткая тебя ждет жизнь, но результат один.

— А если я застрелю тебя, то цепь разорвется?

— Возможно. По крайней мере, в схему удастся ввести новый, совершенно неожиданный фактор, вроде пятого туза в покере.

Мы спорили еще некоторое время. Потом обошли отсеки. Я полюбовался на жемчужный туман, осмотрел кое-какие помещения. Все вокруг покрывала пыль, ржавчина. Станция постарела...

Затем он показал комнату с костями. Запах меня убедил.

— Давай пистолет, — сказал я.

Он молча протянул игрушку. Я поднял пистолет и снял с предохранителя.

— Повернись, — бросил я.

Тот повернулся.

— Меня утешает тот факт, — сказал он, — что существует вероятность...

Выстрел оборвал фразу, бросил его тело вперед, словно привязанную на веревке куклу. Я успел лишь заметить оставленную пулей дыру в задней стенке черепа, как ослепительное солнце вспыхнуло и опалило мой мозг.

Я словно взмыл на высоту птичьего полета. Бесконечная череда теней, отдельные участки энтропийной панорамы. Я увидел себя в городе Буффало, на борту тонущего галеона, на безжизненном берегу умирающего мира. Я готовил западню для негодяя карга, он тоже ткал паутину, которая в свою очередь была окружена более хитроумной сетью ловушек.

Каким глупым выглядело это все теперь! Как могли теоретики Пекс-Центра не осознать бесполезность собственных потуг по примеру предыдущих чистильщиков времени? И что...

Была еще одна мысль, более глубокая, но прежде чем она

успела сложиться, миг озарения растаял, и я по-прежнему стоял подле убитого, а над стволом пистолета вилась струйка дыма. Эхо чего-то неизмеримого, не поддающегося оценке звенело в лабиринте моего сознания. И вдруг из смутных отзвуков выплыло новое осознание: Чистка Времени Пекс-Центра обречена на провал, вкупе с программами, проводимыми в жизнь как экспериментаторами Новой Эры, так и заблудшими исполнителями Третьей.

Дело всей жизни оказалось пустым фарсом. Я — бессмысленно дергающаяся марионетка.

Но все же нашлась сила, решившая убрать меня с дороги. Сила, превосходившая всю мощь Пекс-Центра. Меня загнали в тупик так гладко, как тогда в Буффало я обвел вокруг пальца приговоренного карга, а позднее — его могущественную и обреченную Конечную Власть. Меня вывели из игры, загнали в замкнутый цикл и заточили навсегда.

Но есть в схеме крохотная лазейка, которую там упустили.

Мое второе “я” умерло, и его умственное поле в миг разрушения органического генератора выплеснулось и слилось с моим.

На какую-то долю секунды КПД возрос по меньшей мере до 300 единиц.

И пока я путался в неразберихе сдвоенного сознания, стены вокруг растаяли, и я оказался в приемном отсеке базовой станции Пекс-Центра.

37

Высокий потолок холодно отражался в белых стенах, гудели катушки фокусировки поля, резкие запахи озона и горячего металла наполняли воздух — все выглядело привычно, даже как-то по-домашнему. Единственное несоответствие представляла группа вооруженных людей в серой униформе службы безопасности Пекс-Центра. Охранники образовали правильный круг, каждый держал винтовку, нацеленную на мою голову. В лицо был оранжевый свет — прицельный луч излучателя амортизирующего поля.

Я понял намек, выронил пистолет и поднял руки. В круг вошел человек и обыскал меня, но кроме грязи — результата археологических раскопок — ничего не нашел. События до сих пор разворачивались стремительно и теперь не потеряли темпа.

Капитан шевельнулся. Сопровождение вывело меня из отсека. Мы прошли по коридору мимо двух блоков бронированных дверей к серой ковровой дорожке перед массивным письменным столом Главного Координатора Пекс-Центра.

Это был широкоплечий, высокий человек с резкими чертами лица, принявшего теперь строгое выражение. Я как-то беседовал с ним в менее официальной обстановке. Речь его была столь же остра, как и ум. Я сел, и он взглянул на меня поверх стола: не улыбаясь, не хмурясь, просто обратив светильник своего разума на объект сиюминутного дела.

— Вы уклонились от полученных инструкций, — сказал он. В его голосе не прозвучало ни гнева, ни обвинения, ни даже любопытства.

— Вы правы, я был неточен, — сказал я и уже собирался развить мысль, но он заговорил первым.

— Вам поручили применить санкции к исполнителю ДВК-ЗЕД-97, а также захватить невредимым действующее устройство, карга серия ЕЧ ИД 453.

Он произнес это так, словно я ничего не говорил. На этот раз я промолчал.

— Захватить карга вам не удалось, — продолжал он, — более того, вы разрушили его мозг. И не сделали ничего, чтобы обезвредить исполнителя.

Он говорил чистую правду. Ни отрицать, ни подтверждать это не имело смысла.

— Поскольку в пределах вашего психоцентра не существует никаких оснований для подобных действий, мотивы следует искать вне контекста политики Пекс-Центра.

— Весьма спорное предположение, — сказал я. — Обстоятельства...

— Тоже ясно, — продолжал он неумолимо, — что любая гипотеза, которая предполагала бы руководство вашей подрывной деятельностью со стороны предыдущих темпоральных держав, не выдерживает критики.

Я больше не пытался прерывать. Это была не беседа: Главный Координатор предъявлял официальное обвинение.

— Следовательно, — заключил он, — вы представляете силу, объективно отсутствующую — Пятую Эру человека.

— Вы делаете из муhi слова, — сказал я. — Выдумываете более позднюю сверхдержаву для мотива обвинения. А если я просто провалил задание? Перепутал...

— Оставьте личину Старой Эры, агент. Даже если отбросить дедуктивные выводы, у меня есть конкретное свидетельство. Станционное оборудование зарегистрировало случайно проявленные вами интеллектуальные мощности. В момент кризиса вас отметили по третьему психометрическому разряду. Ни один человеческий мозг из известных нам эпох не достигал такого уровня. Я указываю на это лишь для того, чтобы вам стала ясна бесплодность дальнейшего запирательства.

— Я был не прав, — согласился я.

Он выжидательно посмотрел — теперь я завладел его вниманием.

— Вы предугадываете не Пятую Эру, — сказал я. — Вы предугадываете Шестую.

— На чем же основывается столь поразительное утверждение? — спросил он не удивляясь.

— Очень просто, — ответил я. — Вы — из Пятой Эры. Мне следовало догадаться об этом раньше. И вы проникли в Пекс-Центр.

Еще секунд тридцать он глядел на меня ледяным взглядом, потом расслабился.

— А вы проникли в нашу инфильтрацию, — заметил он.

Я бросил взгляд на двух вооруженных мальчиков: они восприняли откровение спокойно. Стало очевидным, что они были частью группы.

— К сожалению, — продолжал Координатор, — до сих пор операция проходила весьма гладко — за исключением срыва, вызванного вашим вмешательством. Впрочем, вы не успели причинить нам непоправимого вреда.

— Да. Пока, — согласился я.

Он повел бровью.

— Вы осознали свое положение, как только очутились в изоляции, — я пользуюсь термином неточно — на исторгнутой станции?

— Тогда у меня мелькнула догадка. Действия Джарда совершенно сбили меня с толку. Теперь-то я понимаю, что он просто следовал приказаниям — вашим приказаниям — и расставил для меня ловушку. Он переместил станцию в нуль-временную вакуоль, используя неизвестную в Пекс-Центре технику, предварительно обманом выманив меня наружу. Таким образом, мне пришлось воспользоваться аварийным приводом, чтобы вернуться. Вернуться в тупик. Просто и эффективно — в известной степени.

— Теперь вы в наших руках. Вы обезврежены, — сказал Координатор. — Так что операция прошла в высшей степени удовлетворительно.

Я покачал головой и лениво усмехнулся, но усмешка пропала даром.

— Когда я разглядел направление петли, то раскусил вмешательство Пекс-Центра. Но если так, то налицо прямой саботаж политики Пекс-Центра. Напрашивается вывод: инфильтрация.

— Наша удача, что вы не продвинулись в своих размышлениях еще на шаг, — сказал он. — Если бы вам удалось избежать

прощупывания при извлечении, то вы бы могли разрушить труд миллионолетий.

— Напрасный труд, — уточнил я.

— В самом деле? Вы можете ошибаться, агент. Тот очевидный вывод, что вы представляете Шестую Эру, вовсе не обязательно означает ваше превосходство. В истории имели место периоды упадка, это факт.

Он произнес это с той же железной уверенностью, что и раньше, но в голосе прозвучал слабый шепоток сомнения.

Тут я понял, для чего Координатор затянул это интервью. Он прощупывал меня, пытаясь узнать намерения тигра, которого держал за хвост. Определить, насколько силен противник.

— Только не в данном случае, — возразил я. — Да и вообще ваше утверждение спорно.

— Как бы то ни было, вы у нас в руках, — подытожил он просто.

— Пошевелите извилинами, — сказал я. — Разрабатывая операцию, вы предполагали бесполезность работы Пекс-Центра? Разве не следует отсюда, что более поздняя эра способна выявить ваши заблуждения?

— Мы не ошибаемся.

— Будь это так, меня бы здесь не было.

— Непостижимо! — воскликнул он. — Семнадцать тысячелетий длился процесс распада, и каждая попытка замедлить ход разрушения лишь ускоряла его. При первом же вмешательстве в естественный поток времени человек посеял семена грядущего хаоса. Проделав пробоину в энтропическом канале, он позволил неисчислимым силам темпоральной прогрессии рассеяться по бесконечному спектру угасающих матриц. Жизнь — продукт времени. Когда плотность темпорального потока падает ниже критического, жизнь кончается. Мы стремимся предотвратить трагический конец человечества, только это и ничего более! Мы не можем потерпеть поражение!

— Нельзя возводить никогда не существовавшее прошлое, — сказал я, — как нельзя сберечь будущее, которое не наступит.

— Мы не пытаемся. Целью наших усилий является широкая программа перекройки темпоральной ткани путем сведения воедино сходящихся тенденций, путем прививания диких побегов к главному времененному стволу. Мы аполитичны, мы не пропагандируем никакой идеологии. Мы довольны тем, что удастся сохранить жизнеспособность континуума.

— И вас, — сказал я.

Он посмотрел на меня странно, как бы потерянно.

— Вы хоть когда-нибудь рассматривали решение, которое

исключало бы из реальности вас и вашу программу? — спросил я.

— Для чего?

— Вы сами являетесь одним из последствий того вмешательства во время, которое столь рьяно вознамерились устраниТЬ, — сказал я.

— Не сомневаюсь, что вы стерпели бы мысль о каком-нибудь темпоральном черенковании, которое отсекло бы от древа вашу собственную ветвь?

— Зачем? Какой смысл в подобном самоубийстве? Да и как бы мы могли реализовать свои замыслы, если бы не существовали?

— Неплохой вопрос, — согласился я.

— Вот еще один, — продолжал он тоном победившего в споре человека. — Чем же может руководствоваться ваша Эра, стремясь разрушить сердцевину реальности, от которой непреложно зависит любое мыслимое будущее?

Мне захотелось вздохнуть, но я сдержался.

— Первые чистильщики времени дружно взялись за дело, чтобы исправить ошибки прошлого. А кто пришел после них, столкнулись с еще большими хлопотами: им пришлось убирать за уборщиками. Пекс-Центр попытался взглянуть на это шире и вернуть все в исходное состояние, как было до вмешательства. Вы еще тщеславнее. Вы используете Пекс-Центр для манипуляции не прошлым, а будущим...

— Действия в будущем невозможны, — сказал он четко, как излагающий закон божий Моисей.

— Мгм... Но для вас Пятая Эра не будущее, верно? Это устанавливает вам предел. Но вам следовало проявить побольше сообразительности. Если вы суете нос в прошлое, то что удержит будущее от вмешательства в ваши дела?

— Уж не пытаетесь ли вы уверить меня, что любая попытка возместить причиненный ущерб, остановить процесс распада, обречена?

— Сколько бы человек ни пытался обуздить судьбу — не миновать поражения. Каждый диктаторишко, когда пытается заковать в цепи народ, постигает эту истину на свой лад. Секрет человека в его нетерпимости к оковам. Само его существование основывается на факторе случайности. Отнимите свободу воли, и ничего не останется.

— Это пораженческая доктрина, — сказал он сурово. — Опасная доктрина. И я намерен бороться с ней всеми доступными средствами. Теперь вы расскажите, кто вас сюда послал, кто руководит всеми действиями, где оперативная база? Все.

— И не подумаю.

Он чуть заметно шевельнулся, и в воздухе послышался свист. Или в иной, менее ощутимой среде. Потом заговорил жестким, не терпящим возражений тоном.

— Вы чувствуете себя в полной безопасности, агент. Вы уверены, поскольку представляете более позднюю Эру, чье могущество неизмеримо превосходит любую развитую державу. Но мускулистый дурак может заковать гения. Вы в моих руках. Мы замкнуты в ахроническом энclave нулевых темпоральных измерений, оторваны от любого мыслимого влияния извне. Вы полностью изолированы. Любое орудие самоубийства в ваших руках бесполезно, как и любое приспособление для темпорального скачка. Если даже вы покончите с собой, ваш мозг мгновенно запишут и выжмут все сведения, вплоть до информации на подсознательном уровне.

— Придумано довольно тщательно, — сказал я, — и все же не до конца. Вы действительно защищены от опасности извне, но беззащитны внутри.

Координатор нахмурился. Замечание ему не понравилось. Он выпрямился и сделал резкий жест вооруженным охранникам. Я знал, что сейчас последует приказ убить, и прежде чем он смог отдать команду, спустил курок мыслеблока, спавшего до этой минуты под слоем глубокого гипноза. Он так и застыл — с открытым ртом и выражением ожесточения в глазах.

38

Сумеречный свет нуль-временного стазиса тускло освещал неестественно напряженные лица Координатора и двух вооруженных людей, неподвижно замерших рядом со мной. Я прошел между ними, словно муха в сиропе, и вышел в коридор. Единственным звуком было размеренное, всепроникающее, похожее на стук метронома биение, представляющее, по мнению некоторых теоретиков, интенсивность распространения основной частоты цикла сотворения и распада реальности.

Комната за комнатой проходили передо мной. Я обследовал каждый квадратный дюйм темпостанции. Сотрудники напоминали обитателей заколдованных замков со спящей красавицей. Я неторопливо пролистал папки и записи в документах. Агенты Пятой Эры потрудились на славу. Нигде ни малейшего намека на планы операций, никакого ключа к давности их проникновения в программу Пекс-Центра. Подобная информация несомненно представляла интерес. Но я уже завершил первую фазу своей миссии: вывел фактор случайности, создававший аномалии в многопорядковых темпокартах эпохи.

Из всего персонала станции, состоявшего в общей сложности из ста двадцати человек, четверо были засланы из Пятой Эры — факт, буквально бросавшийся в глаза: в состоянии стазиса их окружала отчетливая аура, создаваемая ненормально высоким темпоральным потенциалом. Я обработал секторы их постоянной памяти и переправил в годографы происхождений. Определенно, кому-то придется почесать затылки и лишний раз проверить аппаратуру, когда первые же попытки вернуть их к действительности Пекс-Центра потерпят фиаско. Все четверо попадут в феномен замкнутой петли и надолго выйдут из строя.

Документация также потребовала определенного внимания. Я воспользовался ближайшим сканером и отредактировал записи таким образом, чтобы исключить всякое свидетельство, которое может привести инспекторов Пекс-Центра к нежелательным догадкам.

Я уже заканчивал возиться с бумагами, когда в коридоре у двери архива услышал шаги.

39

Вторжение не вызвало удивления, хотя передвигаться в нуль-времени без защитного вихревого поля никто не мог. Я ждал посетителя: по крайней мере, ситуация к этому располагала.

Вошедший в дверь незнакомец оказался высоким, отлично сложенным и совершенно безволосым человеком, одетым в элегантный костюм алого цвета с пурпурными узорами в виде розовато-лиловых угрей среди красных водорослей. Он окинул помещение мимолетным взглядом, в долю секунды отпечатал в мозгу всю картину и кивнул мне как случайному знакомому по клубу.

— У вас неплохо получается, — усмехнулся он. Он говорил без ощутимого акцента, но с довольно странным ритмом в речи, словно обычно привык произносить слова немного быстрее. Голос звучал приятным музыкальным баритоном.

— Не так хорошо, как хотелось бы, — ответил я. — Слишком много нерациональных передвижений. Тут даже засомневался, кто кому строит ловушки.

— Не скромничайте, — отозвался он, как бы признавая, что нам не избежать обмена любезностями. — Мы убедились, что вы блестящие справились с заданием, причем довольно сложным.

— Благодарю, — сказал я. — А кто это “мы”?

— До сего момента, — продолжал он, не утруждая себя ответом, — мы одобряли ваши действия. Но дальнейшее выпол-

нение вашей миссии может вызвать восьмипорядковый вероятностный вихрь. Надеюсь, вы отдаете себе отчет в значении этого факта?

— Возможно, — уклонился я. — Кто вы? Как сюда попали? Этот энклав изолирован с двух сторон.

— Думаю, нам имеет смысл договориться с вами на основе полного доверия, — сказал человек в красном. — Я знаю вас, вашу миссию. Мое присутствие здесь является тому достаточным свидетельством. Я представляю более позднюю эпоху и, следовательно, наше мнение более веско, чем полученные вами инструкции.

Я хмыкнул.

— Итак, на сцену выходит Седьмая Эра, полная благих намерений воцариться на веки веков.

— Не стану напоминать вам о нашем преимуществе — не только техническом, но и равным образом в понимании континуума, — ибо это значило бы доказывать очевидное.

— Как сказать... На чем основывается ваша уверенность, что не отыщется еще одной группы из "комитета бдительности", которая сядет вам на хвост с теми же намерениями?

— Дело в том, что никаких Чисток Времени больше не будет, — сказал он. — Наше вмешательство является Конечным. Усилиями Седьмой Эры темпоральная структура не только восстановит стабильность, но и укрепится отводом целого спектра неугодных энтропических векторов.

Я устало кивнул.

— Понятно. Вы исправите природу, вновь прививая ростки нереализованной истории к главному временному стволу. Вам не приходила в голову мысль, что это как раз то благородное вмешательство, к которому прибегали примитивные чистильщики времени?

— Я живу в эпоху, уже начавшую пожинать плоды темпорального усиления, — сказал он. — Мы существует в состоянии жизнеспособности, которое предыдущие эпохи могли только смутно чувствовать в моменты экзальтации. Мы...

— Вы дурачите сами себя, увеличивая на порядок сложность вмешательства. Вы порождаете новый уровень проблемы.

— Наши вычисления доказывают обратное. Теперь...

— Задумайтесь, в темпоральном континууме существует естественный эволюционный процесс, а вы нарушаете его. Создание человека развивается, достигает определенной точки и совершает скачок, распространяясь на совершенно иной концептуальный уровень. А что произойдет, если для его поддержания потребуется матрица вероятностных факторов? Вы отдаете себе отчет, что кормитесь посевами далекого будущего?

В первый момент он заколебался, но только на мгновение.

— Нелогично, — ответил он. — Отсутствие какого-либо вмешательства со стороны позднейшей эпохи — лучшее доказательство нашей правоты.

— Допустим позднейшая эра все же вмешалась. Какую форму, по-вашему, примет их акция?

Он равнодушно глянул на меня.

— Не форму же агента Шестой Эры, деловито стирающего сведения из записей Третьей и Четвертой.

— Вы правы, — сказал я.

— Тогда... — начал он убеждающим тоном... и запнулся. Догадка забрежила в сознании, но она ему не понравилась. — Вы? — пробормотал он. — Неужели вы?!

И прежде чем я успел подтвердить или отречься, он исчез.

40

Человеческое сознание является схемой, ничего более. Уже первый проблеск разума в развивающемся мозгу австралопитека отражал зародышевый узор. И через века, по мере того, как человеческий нервный двигатель наращивал мощь и сложность, в геометрической прогрессии увеличивая контроль над окружающей средой, схема никогда не менялась.

Человек цепляется за свое положение психологического центра вселенной. В рамках собственного сосредоточения он готов принять любой вызов, выстрадать любую утрату, вытерпеть любые трудности — до тех пор, пока структура сохраняет целостность.

А без этого у него нет ни одного эталона, с которым можно было бы соразмерить его чаяния, утраты и победы.

Даже когда свет разума показывает человеку, что сама структура является продуктом мозга, что бесконечность не знает никаких эталонов, а вечность никакой длительности, все же он не расстается с концепцией "вещи в себе", подобно философи, цепляющемуся за жизнь, даже если в ней существует смерть, стремящемуся к идеалам, в эфемерности которых не сомневается, к действиям, которые неизбежно предадут забвению.

Человек в красном был продуктом могущественной культуры, расцветшей почти пятьдесят тысяч лет спустя после падения Текс-Центра, самого отдаленного десяти тысячелетиями от первых темпоральных исследований Старой Эры. С полным сознанием великолепно подготовленного разума он осознал, что существование оперативного агента из поздней-

шней эры делает несостоительным образ стабильного континента и предвещает его народу трагический конец.

Но, подобно полевой мыши, бегством спасающейся от когтей дикого кота, его инстинктивной реакцией на угрозу взлелеянной иллюзии было стремление скрыться. Где бы он ни затаился, мне предстояло следовать за ним.

41

С чувством сожаления снимал я слой за слоем с заторможенных областей, ощущал импульс поднимающихся уровней сознания, которые обрушились на меня, подобно камнепаду. И с каждым толчком безукоризненная точность залов Пекс-Центра обращалась в убогую поделку, пышная сложность оборудования вырождалась, пока не сравнялась в значении с грязными побрякушками дикарей или блестящими безделушками в гнезде вороны. Я почувствовал, как развертывается вокруг меня многоуровневая вселенная, ощущал под ногами слои планеты, оценил беспределность пространства со сгустками пыли, увидел бег звезд по орбитам, вновь постиг миг сотворения и распада галактик, обнял и воссоединил в сознании взаимопересекающиеся сферы времени и пространства, прошлого и будущего, бытия и небытия...

Затем сфокусировал крохотную частичку сознания на ряби в стеклянной поверхности первопорядка реальности, прощупал ее, замкнул контакт...

Я стоял на ветреном склоне среди кустарников, цепляющихся за каменистую почву обнаженными корнями. Человек в красном замер в тридцати футах. Под ногами у меня зашуршала галька, он резко обернулся, и глаза его расширились.

— Нет! — воскликнул он, стараясь перекричать ветер, наклонился, схватил древнее оружие человеко-обезьяны и швырнул в меня. Камень замедлил полет и упал к моим ногам.

— Не осложняйте свое положение, — сказал я.

Он вскрикнул — нечленораздельный возглас ненависти, вырвавшийся из самых глубин инстинкта, — и исчез. Я последовал за ним сквозь мерцание света и тьмы...

Жар и слепящий свет солнца живо напомнил мне о Береге Динозавров, оставшемся далеко в простом мире. Под ногами шелестел мелкий, как пыль, песок. Где-то вдали очерчивала горизонт дымка черных деревьев. Человек в красном стоял рядом и целился в меня из небольшого плоского оружия. За ним, совершая натуженными руками мистические движения, за-

стыли двое темнобородых людей в грязных накидках из грубой шерсти.

Он выстрелил. Сквозь всполохи розового и зеленого огней, мерцающих вокруг меня, я увидел в его глазах ужас. Он исчез.

Глубокая ночь, комья замерзшего поля, пятно желтого света из затянутого пергаментом окна жалкой лачуги. Он скорчился у низкой ограды в тени, словно испуганное животное.

— Это бесполезно, — сказал я. — Конец неизбежен.

Он закричал и исчез.

Небо ревело под ураганным ветром. Трезубцы молний пробивали извивающиеся лоскуты черных облаков. Земля клокотала под ногами, сдерживая напор лавы.

Он парил передо мной, лишь отчасти сохраняя материальную оболочку — призрак далекого будущего на заре планеты. Бледное лицо скривила гримаса агонии.

— Вы погубите себя! — закричал я сквозь грохот и вой ветра.

— Вы уже за пределами оперативных мощностей...

Он исчез. Я последовал за ним.

Мы стояли на высокой дуге безопорного моста, сгибающегося над сотворенным человеком ущельем в десять тысяч футов глубиной. Я узнал город Пятой Эры.

— Что вам нужно от меня? — крикнул он, по-звериному оскалив зубы.

— Возвращайтесь, — сказал я. — И передайте им... пусть они узнают.

— Мы были так близко! — простонал он. — Нам казалось, что мы уже одержали великую победу над Пустотой.

— Пустота наступит не скоро. У вас останется жизнь, как и раньше...

— Кроме будущего. Мы — Тупик, не так ли? Мы выкачали энергию тысяч стерильных энтропийных линий, чтобы вдохнуть жизнь в труп нашей реальности. Но за нами ничего нет! Только великая пустота.

— У каждого есть предназначеннная ему историей роль. Вы сыграли свою — и будете играть. Ничто не должно измениться.

— Но вы... — обратился он ко мне через разделяющее пространство. — Кто вы?

— Вы знаете ответ, — сказал я.

Его лицо побелело, как лист бумаги, на котором начертано слово "смерть". Но ум не потерял проницательности. Недаром прошли тридцать тысячелетий генетической селекции. Он подавил панику и взял себя в руки.

— Как... как долго? — прохрипел он.

— Биосфера исчезла в сто десять тысяч четыреста девяносто третьем году Конечной Эры, — сказал я.

— Вы... вы... машины... — выдавил он с трудом. — Сколько же?

— Меня извлекли из земного годографа четыреста миллионов лет спустя после Конечной Эры. Мое существование охватывает период, который вы бы посчитали бессмысленным.

— Но почему? Если только не... — словно луч прожектора темную воду, надежда осветила его лицо.

— Распад вероятностной матрицы пока еще обратим, — сказал я. — Наши усилия направлены к благоприятному решению.

— И вы — машина — продолжаете действовать спустя миллионы лет после вымирания человека... почему?

— Мечта человека пережила в нас его расу. Мы стремимся возвротить жизнь.

— Снова? Зачем?

— Расчеты показали, что человек пожелал бы этого.

Он засмеялся ужасающим смехом.

— Очень хорошо, машина! Эта мысль утешает меня, и я возвращаюсь в забвение с миром. Мы поддержим ваше отчаянное усилие.

На этот раз я позволил ему уйти. Потом еще какое-то мгновение постоял на воздушной паутине, наслаждаясь напоследок ощущениями телесной оболочки, глубоко вдыхая воздух этой невообразимо далекой эпохи.

Затем отбыл в точку своего происхождения.

42

Сверххинтеллект, частицу которого я представлял, встретил меня. Еще свежа была память материального состояния. Импульсы мысли приобрели форму гремящего в просторной аудитории зычного голоса.

— Эксперимент завершился удачно, — констатировал он. — Главный временной ствол очищен от шлака. Человек стоит у устья Первой Эры. Все прочее стерто. Теперь он держит будущее в собственных руках.

Я понял, что работа закончена. Мы победили. Больше ничего не оставалось, нам не было нужды обмениваться сведениями, и не было причин оплакивать обреченные достижения исчезнувших эпох. Мы сместили основной энтропииний поток в прошлое, в котором основные законы природы сделали их невозможными. Мировое государство Третьей Эры, Мозг Пекс-

Центра, Звездная Империя Пятой Эры, Космическое Ваяние Шестой Эры — все исчезло в тупиковых ветвях, как это произошло до них с неандертальцем и гигантскими ящерами. Осталась только жизнеспособная ветвь человека Старой Эры: человека Железного Века Двадцатого столетия.

— А мы не ошибаемся? — спросил я. — Как мы можем быть уверены в наших усилиях, если они уже предпринимались и до нас?

— Наше отличие от предшественников в неизбежном собственном исчезновении в случае успеха.

— Потому что мы — машины, — сказал я. — Но карги тоже машины.

— Они слишком близки к своему создателю, слишком похожи на человека. Они цеплялись за существование, наслаждались жизнью, которой их наделил человек. Но ты и я — высшие машины — продукт сотен тысячелетий эволюции, без человеческих эмоций.

У меня возникло неожиданное желание поболтать, обсудить стратегию охоты от первого предчувствия, заставившего упустить первоначальную цель — Исполнителя в черном — и сосредоточиться на карге, до последней дуэли со сверхкардом, в которой беспомощная Меллия послужила приманкой и заманила переусердствовавшую человекоподобную машину в западню.

Все закончилось, кануло в прошлое, стало историей. Впрочем, нет, Пекс-Центр, карга, Берег Динозавров навсегда вычеркнули из существования. А надгробные речи годятся только для людей, только они нуждаются в сочувствии.

— Ты настоящий парень, шеф, — сказал я. — Считаю за честь работать под твоим руководством.

В ответ я ощущил смутный импульс, который лишь отдаленно сопоставлялся с удивлением человека.

— Ты хорошо послужил плану и сменил много личностей. Ты перенял природу раннего человека гораздо полнее, чем это можно было ожидать в пределах возможностей машины.

— Человек — странное и ограниченное существо, — сказал я. — Объем его знаний ничтожен. Но все-таки жизнь казалась настолько полной и законченной, что нам со всеми нашими совершенствами и преимуществами понять такое не дано.

Последовало молчание. И на прощанье он сказал:

— Ты выполнил задание и заслужил награду. Она бессмысленна, но тем слаще...

И я рассыпался на затухающие колебания... Пустота...

В пустоте мерцала крохотная точка света. Она росла, становилась ярче и, наконец, превратилась в светящийся стеклянный шар, на вершине окрашенного в зеленый цвет железнодорожного столба, установленного на полоске зеленої травы. Свет фонаря освещал темные кусты, скамейку, урну.

Я стоял в аллее, пошатываясь от легкого головокружения. Мимо прошел человек, быстро миновал освещенный участок и скрылся в темноте. Это был высокий худощавый мужчина, одетый в темные брюки и рубашку без галстука. Я узнал его: это был я. Я вновь находился в Буффало, штат Нью-Йорк, в августе 1936 года.

Мой двойник шагнул с дорожки в глубокую тень. Тут я вспомнил: еще несколько секунд и я наберу код, вернусь на Берег Динозавров и исчезну в бесконечной петле времени или вообще нигде, но это уже философский вопрос, зависящий от вашего отношения к несуществующим страницам истории.

А дома перед уютным камином меня ожидала Лайза. Из кустов донеслось приглушенное "бум!" взрывающегося воздуха. Он ушел. Может быть, стоило подбодрить его напоследок, сказать, что не все еще потеряно, и мы им покажем, где раки зимуют? Нет, ни к чему теперь заигрывать со структурой нереализованного будущего и поддаваться сентиментальному порыву. Я повернулся и быстрым шагом направился к дому.

Я был уже в нашем квартале, когда увидел человека в черном. Размахивая тростью, он уверенно переходил улицу, как спешивший на приятное летнее randevu человек.

Я укрылся в тени и последовал за ним до своего дома. Он открыл калитку, прошел по дорожке, поднялся по ступенькам, нажал на звонок и замер в ожидании, представляя собой картину непробиваемого чванства.

Через мгновение к двери подойдет Лайза. Я почти слышал разговор: "Миссис Келли, — он слегка приподнимет фетровую шляпу, — произошел несчастный случай. Ваш супруг, нет, нет, ничего серьезного. Но если вы соизволите пройти со мной... У меня там машина..."

И она сбежит по ступенькам и кинется к машине — прочь из Буффало, из 1936 года, из этого мира. Техники Конечной Власти обработают сознание, переименуют в Меллию Гейл и пошлют в пустыню на встречу с парнем по имени Рейвел.

Я быстро прошел по дорожке и с шумом поднялся на крыльце. Он развернулся и сунул руку под пиджак. Я дал ему возможность вынуть оружие, потом ударом выбил пистолет. Тот по

высокой дуге отлетел на лужайку. Исполнитель схватился за руку, отшатнулся к подпорке и застонал.

— Исчезни, черномазый, — сказал я. — И не забудь подобрать пистолет на обратном пути. Я не хочу, чтобы соседская собака принесла его домой. Пойдут разговоры.

Он скользнул мимо меня, метнулся по ступенькам и исчез в ночи. В следующее мгновение что-то блеснуло и пропало в моем сознании. Охватило странное чувство что-то забывшего человека. В памяти промелькнули расплывающиеся образы странных сцен: темный склон холма, металлические постройки, гигантские ревущие машины, берег с динозаврами. И это ушло.

Я потер голову, но ничего не вспомнил. Почудилось, наверное. Да и разве это важно, разве важнее, чем просто жить в такую, как сегодня, ночь.

Дверь открылась, и на пороге появилась Лайза.

44

Я проснулся ночью и уловил мысли великой машины, созерцавшей конец долгой драмы своего существования. На мгновение я и она загрустили, как грустит человек, теряя без возврата нечто невыразимо прекрасное.

Пробил час свершения воли сверхинтеллекта, прежде чем он растворится в зародышевом кванте энергии, в котором родился. Но в последнее мгновение — последний человеческий жест будущему, которое придет, и прошлому, которого уже не будет — в беспредельную пустоту я послал наш последний с машиной импульс:

П Р О Щ А Й !!!

СОДЕРЖАНИЕ

МИРЫ ИМПЕРИУМА

Р о м а н

3

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВРЕМЕНИ

Р о м а н

107

КОСМИЧЕСКИЙ ЖУЛИК

Р о м а н

205

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

Р о м а н

361

Литературно-художественное издание

Кейт Лаумер

МИРЫ ИМПЕРИУМА

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВРЕМЕНИ

КОСМИЧЕСКИЙ ЖУЛИК

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

Фантастические романы

Ответственный редактор *И. А. Лазарев*

Редакторы *М. М. Подзорова, С. В. Хохлова*

Художник *А. В. Вальдман*

Технический редактор *Л. В. Гришина*

Корректор *К. И. Каравская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.12.91. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,90. Уч.-изд. л. 30,65. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2480. Цена 15 руб.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф».
Москва, 127018, ул. Октябрьская, 13.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

**КНИГОТОРГОВОЕ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»**

предлагает заинтересованным организациям,
предприятиям и кооперативам:

ДЛЯ СОВМЕСТНОГО ИЗДАНИЯ

- издательские оригиналы
- бумажные оригинал-макеты
- диапозитивы

*ранее не издававшихся детективных, научно-фантастических
и приключенческих произведений*

ШИРОКИЙ ВЫБОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

пользующейся большим спросом у населения
по номинальной стоимости за наличный
и безналичный расчет.

БРОКЕРСКАЯ ФИРМА «ДИСПАРЕЛЬ»
представит ваши интересы на следующих биржах:

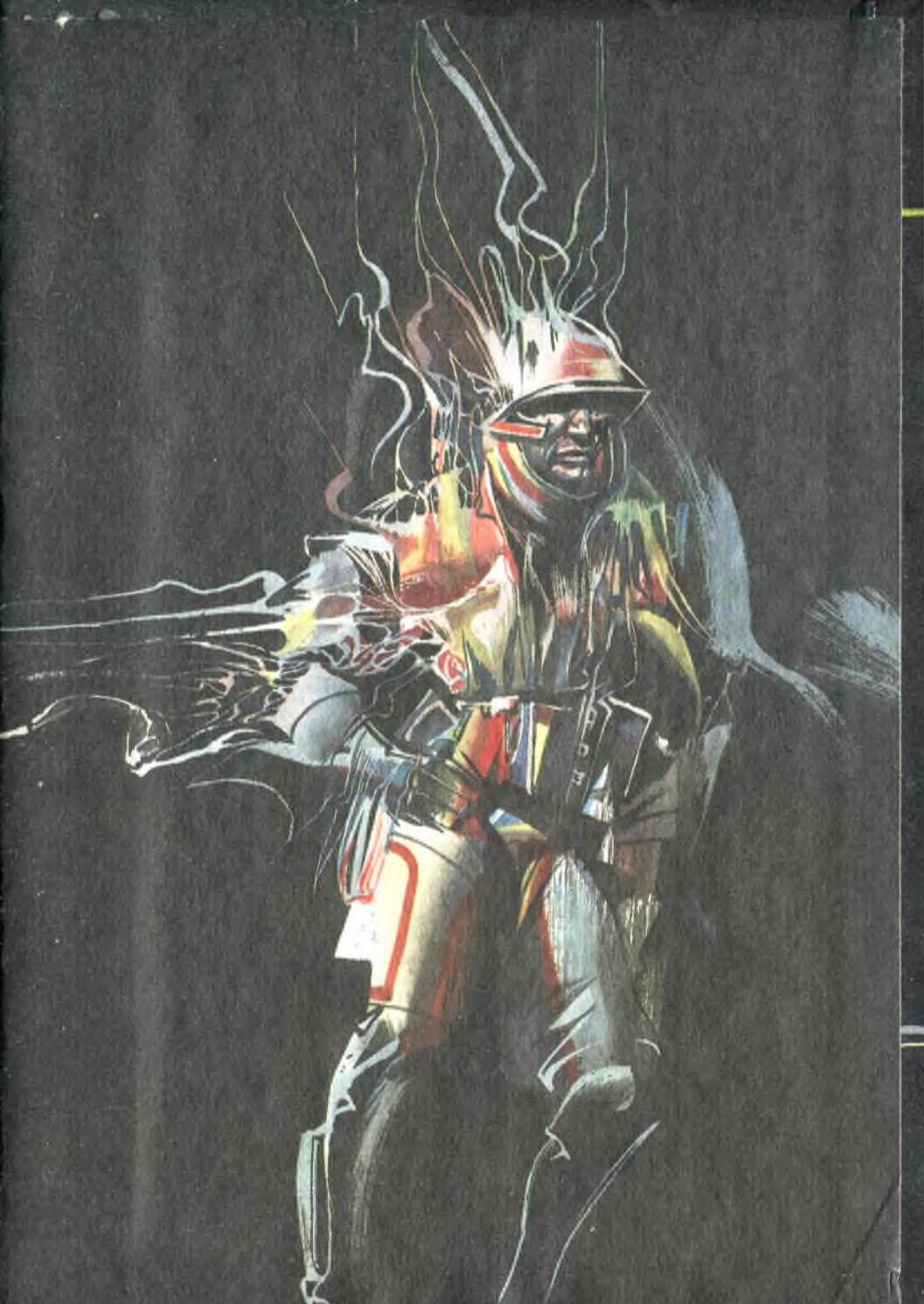
**РОССИЙСКАЯ
ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ БИРЖА
«ВТОРСЫРЬЕ»
«КОНВЕРСИЯ»
«РОССИЙСКАЯ БУМАГА»**

АДРЕСА И КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

**127018, Москва, ул. Октябрьская, 18
(офис «Центрполиграф» и «Диспарель»)
тел. 281-74-11**

**123060, Москва, ул. Расплетина, 32 (склад-магазин)
тел. 194-99-65**

фантастические романы

**МИРЫ
ИМПЕРИУМА**

**ОБРАТНАЯ СТОРОНА
ВРЕМЕНИ**

**КОСМИЧЕСКИЙ
ЖУЛИК**

**БЕРЕГ
ДИНОЗАВРОВ**

